НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

ПУТЬ К ИМПЕРИИ

«Самый надежный рычаг всякого могущества — военная сила»

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Одним людям идут их недостатки, другим даже достоинства не к лицу», – сказал замечательный французский моралист и мыслитель герцог Франсуа де Ларошфуко. Эта максима как нельзя более подходит к полководцам. Ни на каком другом поле не становится столь очевидна относительность наших моральных оценок, как на поле сражения. Мы не можем восхищаться полководцем – и не думать о том, ради чего он совершал великие деяния и какую цену заплатил за достижение своих целей. По сути дела, любой крупный полководец – личность трагическая: рука об руку с его победами идут гибель и разрушение.

И все-таки бесспорные гении войны, точнее говоря – стратегии, предвидения и организации, есть! Ведь великий полководец – это великий кризисный менеджер. И один из самых знаменитых и непревзойденных среди них – *Наполеон I Бонапарт* (1769—1821) – французский республиканец и император, непобедимый военачальник и государственный деятель, заложивший основы современной Франции и на штыках экспортировавший Кодекс Наполеона в феодальные государства тогдашней Европы.

Величие его несомненно, противоречивость же и трагичность видны в том, что его реформаторская деятельность задела интересы слишком многих национальных элит – которые и ополчились на него единым фронтом. До этого Европа объединилась так только однажды – чтобы противостоять нашествию орд Аттилы. Но если гунны несли разорение и хаос, то Наполеон – да, силой – перетащил Европу из Средневековья в Новое время!

Тем не менее как полководец Наполеон был обречен с самого начала. Он выигрывал все свои сражения одно за одним, а Коалиция противостоящих ему государств их проигрывала, – но резервы небольшой Франции и разоренных войной оккупированных территорий были несопоставимы с людскими, экономическими и военными ресурсами всей остальной Европы – от Шотландии до Греции и от Испании до России. Наполеон проиграл только два сражения – и оба раза лишился короны. В первый раз временно, во второй – навсегда.

Что же осталось Европе в наследство от опального, отравленного на далеком маленьком острове великого человека? Обновление! Новые законы, новые политические и экономические порядки, новые методы ведения войн. Благодаря ему Европа по крайней мере на два века стала локомотивом истории. Не

Великая Французская революция, а войны Наполеона превратили средневековую вотчину королей в ту Европу, в которой мы живем последние 200 лет.

И значит – Наполеон выиграл свою главную битву!

В этой увлекательной, как детектив, книге о жизни, подвигах и преступлениях великого полководца рассказывает он сам и его современники – друзья и враги.

Электронная публикация издания включает полный текст бумажной книги и избранную часть иллюстративного материала. А для истинных ценителей подарочных изданий мы предлагаем классическую книгу. Как и все издания серии «Великие полководцы» книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями; текст сопровождают сотни редких иллюстраций из российских и зарубежных источников, с многими из которых современный читатель познакомится впервые. Прекрасная печать, оригинальное оформление, лучшая офсетная бумага – все это делает книги подарочной серии «Великие полководцы» лучшим подарком мужчине на все случаи жизни.

-
- Э. К. Пименова. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
- Наполеон. НАПИСАННЫЕ СОБСТВЕННОРУЧНО И ПРОДИКТОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
  - Осада Тулона (август – декабрь 1793 года)
  - Очерк операций итальянской армии в 1792–1795 годах
  - Главы из описания Итальянской кампании 1796–1797 гг.
  - Очерки военных событий, происшедших в течение второй половины 1799 г.
  - Главы из описания кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.)
- Наполеон. ВОЗЗВАНИЯ, ПИСЬМА, РЕЧИ, БЕСЕДЫ
  - Обращение к египетскому народу
  - Палестинская прокламация
  - Декрет об учреждении национальных премий
  - Обращение к испанскому народу

- Прокламация к французскому народу
- Фрагмент писем из заключения. август 1794 г.
- Из писем Жозефине
- Из письма вдове адмирала Брюэйса
- Из письма королю Великобритании
- Клятва, произнесенная на церемонии коронации 2 декабря 1804 г.
- Тронная речь
- Из обращения к народу
- Из выступления в Государственном Совете о правах детей и об усыновлении
- Из выступления в Законодательном собрании
- Речь в тронном зале в связи с разводом с Жозефиной
- Из беседы с Франческо Мельци
- Беседы с мадам де Ремюза
- О Шарле Пишегрю, Жане Моро и герцоге Энгиенском
- Устное распоряжение Наполеона Бонапарта, сделанное своему врачу за шесть дней до смерти

- ПРИЛОЖЕНИЯ
  - Наполеон в воспоминаниях современников
  - Максимы и мысли узника Святой Елены
- ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109

- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153

- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165

Наполеон Бонапарт
(1769—1821)

Наполеон Бонапарт

Путь к Империи

Э. К. Пименова

Биографический очерк

Э. К. Пименова. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Глава I

Исторический момент. – Детство Наполеона. – Период корсиканского патриотизма. – Революционные мысли. – Протест в Национальное собрание. – Речи о счастье. – Презрение к людям.

«**Я** родился, когда 30 000 французов, ринувшись на берега моей родины, залили престол свободы потоками крови… Крики умирающих, стоны и жалобы обиженных, слезы отчаяния окружали мою колыбель… Я родился, когда умерло мое отечество!..»

Такими краткими и сильными словами, в письме к корсиканскому национальному герою Паоли, написанном в июне 1789 года, Наполеон определяет исторический момент своего появления на свет. Действительно, будущий повелитель Франции и победитель Европы увидал свет в августе 1769 года, как раз в то время, когда его родина Корсика снова подпала под французское владычество. Предки его были итальянского происхождения, родом из Тосканы, где они получили дворянское достоинство, а отец его, Карло Буонапарте, был скромным адвокатом в Аяччо.

Когда началось в Корсике национальное движение, то Карло Буонапарте примкнул к нему, как и все его соотечественники, и даже был секретарем народного вождя Паоли, для которого он составил воззвание, призывавшее корсиканцев на последнюю борьбу. Мать Наполеона, Летиция Буонапарте, сопровождала своего мужа в лагерь Паоли, перед последним решительным сражением, происходившим в мае 1769 года.

После поражения корсиканцев Паоли отправился в изгнание, но Карло Буонапарте не последовал за ним. Он перешел на сторону победителей и сделался одним из самых ревностных членов французской партии, за что, конечно, пользовался покровительством новых господ Корсики. Он даже не раз ездил в Версаль в качестве депутата от местного дворянства. Во время одного из таких путешествий он умер, оставив без всяких средств жену и восемь человек детей. Наполеону было тогда пятнадцать лет.

Отец Наполеона, за свои услуги французскому правительству, получил право отдать одного из своих сыновей за королевский счет в бриеннскую военную школу. Он отдал туда своего второго сына, Наполеона, когда ему шел десятый год. Старший же его сын, Иосиф, готовился в то время к принятию духовного звания.

Карло и Летиция Буонапарте, родители Наполеона

Бриеннская школа была одним из двенадцати учебных заведений, основанных Людовиком XV для сыновей офицеров. Но кроме формы, которую носили воспитанники, это учебное заведение ничем не напоминало своего назначения. Оно находилось под руководством францисканцев, из числа которых были и большинство учителей.

Программа обучения была весьма узкая: изучение французской литературы, упражнение в стиле, немного истории, географии и математики, латинского и немецкого языков. Но больше всего места отводилось религиозному обучению. Курьезнее всего то, что в этой военной школе совсем не проходили предметов, которые могли бы служить подготовкой к военной службе.

В сущности, это был монастырский пансион, по духу и по своей организации, с очень строгими правилами и религиозными упражнениями. Воспитанников никуда не выпускали из школы, и они не смели ничего получать из дому – ни денег, ни подарков.

Такое воспитательное заведение, впрочем, вполне отвечало духу старинной монархии, объединяющей корону, аристократию и церковь. Товарищи Наполеона принадлежали к семьям, которые уже многие века находились на королевской службе.

Для них такое воспитательное заведение казалось вполне естественным, так как традиции их семей были такими же. Но каково было там корсиканскому мальчику, который даже и говорить-то не умел хорошо по-французски! Как должен был чувствовать себя маленький корсиканец, из которого насильно хотели сделать француза, среди товарищей, относившихся к нему свысока и подсмеивавшихся над его выговором и над его странным именем!

Само собой разумеется, что ранние впечатления, полученные Наполеоном на родине, залегли у него глубоко в душе. Корсику он всегда считал своим отечеством, вплоть до того момента, когда бесповоротно связал свою судьбу с судьбою Франции. Хотя он был увезен из Корсики девятилетним мальчиком, он страстно любил ее, и даже любимым его героем был корсиканский патриот Паоли.

Наполеон прямо-таки боготворил его. Нет сомнения также в том, что многие черты корсиканской жизни оставили в характере мальчика глубокие следы, и многие из историков Наполеона находили, что в лице его как бы воскресли его предки, итальянские кондотьеры.

Ничто не связывало Наполеона с французским королем и его страной, и к Франции он относился неприязненно, видя в ней поработительницу своего отечества. Поэтому он в школе держался особняком от своих товарищей, французских дворянчиков, к чему, впрочем, побуждали его и самолюбие, и его бедность. Сначала ему было трудно учиться, потому что он плохо знал язык. Но настойчивость и сила воли помогли ему, и он скоро выделился по математике и истории.

Математику он изучал с большим рвением, потому что мечтал сделаться моряком. История же давала ему пищу для его фантазии, и он прятался где-нибудь, в самых уединенных закоулках сада и школы, чтобы читать Плутарха, упиваясь великими образами классического мира, которые всегда сливались у него с корсиканскими воспоминаниями о старых временах, о своих предках и о последних борцах за корсиканскую свободу, воплощавших в его глазах все идеалы античного мира героев.

Благодаря своему упорному труду в бриеннской школе Наполеон был переведен в 1784 году в Парижскую военную академию. В этом году он в последний раз виделся с отцом,

который умер в марте следующего года от той же болезни, от которой умер впоследствии и Наполеон на острове Святой Елены.

Парижская военная академия, куда попал Наполеон, была таким же созданием Людовика XV и лишь ступенью выше бриеннской школы. В ней также клерикальный дух смешивался с аристократическим, но устройство ее, пожалуй, было еще более аристократичным и элегантным. Воспитателями были генералы и придворные кавалеры; ученики же принадлежали к самым знатным фамилиям в государстве. Кроме научных предметов, там преподавалась верховая езда, фехтование и танцы, и на это было обращено большое внимание.

Однако в военной школе Наполеон пробыл недолго. Он слушал там, между прочим, знаменитого математика Монжа. Но его больше всего интересовала прикладная сторона науки, и за это немец, преподаватель философии, обозвал его однажды скотиной. Учителя считали его способным и прилежным, но он досаждал им своим характером, резким и вспыльчивым, и они аттестовали его как «очень самолюбивого и чрезвычайно честолюбивого юношу, который может пойти далеко, если обстоятельства будут благоприятствовать».

Кроме того, Наполеон, по-видимому, нисколько не скрывал своих корсиканских чувств, и это порою возмущало его учителей и многих из его товарищей, которые рисовали на него карикатуры, изображая, как он спешит на помощь корсиканскому герою Паоли. Духовник школы даже счел нужным заговорить с ним об этом на исповеди и напомнить ему о его обязанностях по отношению к королю.

Наполеон вспыхнул и резко ответил: «Я сюда пришел не затем, чтобы разговаривать с вами о Корсике. Это не входит в обязанности священника – читать мне по этому поводу наставления!..» С этими словами он вышел из исповедальни.

Наполеон в возрасте 16 лет
(*рисунок чёрным мелом неизвестного автора*)

Учитель французского языка Домерон сравнивал стиль его сочинений с «гранитом, разогретым в вулкане». И, пожалуй, это наиболее верная характеристика бурнопламенного стиля его юношеских сочинений.

Осенью 1785 года Наполеон был уже выпущен в офицеры. Очень возможно, причиной такого ускоренного выпуска было то, что начальство школы хотело от него отделаться поскорее. Во всяком случае, шестнадцатилетний Наполеон получил чин артиллерийского подпоручика и был отправлен в провинцию, в Валанс, где находилась его бригада.

Именно она-то и была настоящей военной школой для него. В Валансе Наполеон постоянно чувствовал свое одиночество, запоем читал исторические и политические книги, которые были тогда в ходу. Из них на него особенно сильное впечатление произвели «Общественный договор» Руссо и «Философская история» Рейналя. Все это время он, по-видимому, с большим трудом переносил двойственность своего положения – как корсиканского патриота, вынужденного служить в армии угнетателей своей родины.

С внешней стороны, впрочем, он не навлекал на себя никаких порицаний начальства, в гарнизоне был хорошим товарищем и хорошим служакой и горячо стоял за честь корпорации. Но внутренняя его жизнь была обособлена, и чувства одиночества и глубокой меланхолии всецело владели его душой. Притом же его не могла удовлетворить гарнизонная служба, не дававшая выхода и простора его силам и энергии. К этому у него примешивалась и ненависть к стране, где он был чем-то вроде заложника.

О его мучительном душевном состоянии можно судить по строкам, написанным им в дневнике по случаю шестидесятилетней годовщины дня рождения Паоли, весной 1786 года. Он говорит о праве бороться с тиранией и подкрепляет свои слова цитатами из Руссо.

«Корсиканцы, по праву справедливости, свергли иго генуэзцев и могут с таким же правом сделать это с французами…» Далее он говорит: «Всегда один среди людей, я возвращаюсь назад к своим думам, к своим мечтам и предаюсь меланхолии. Куда обращаются мои мысли? К смерти! А между тем я, на заре жизни, могу рассчитывать на долгие годы… Шесть или семь лет не был я в своем отечестве. Как я буду счастлив, когда увижу снова своих соотечественников, своих родных. Что же в таком случае заставляет меня думать о смерти?..»

На этот вопрос, который Наполеон задает себе, он отвечает, что хочет умереть, потому что свобода исчезла из мира, потому что люди стали трусливы, пошлы и раболепны! «Что я увижу на своей родине? – говорит он. – Мои соотечественники закованы в цепи, целуют руки своих притеснителей!.. Это уже не прежние доблестные корсиканцы, гордые и свободные, враги тиранов, роскоши и презренных царедворцев! Французы, вместе со свободой, похитили и добрые нравы… Что же мне делать в таком мире, который вынуждает меня хвалить людей, которых я должен ненавидеть?.. Если бы я мог, уничтожив одну человеческую жизнь, освободить свою родину, то я тотчас же всадил бы в грудь тирана свой мстительный меч!..»

Он заканчивает эту страстную тираду следующими мрачными

строками: «Жизнь мне стала в тягость, потому что я не могу испытывать больше никакой радости, никакого удовольствия, а все мне доставляет страдание. Она мне в тягость, потому что люди, среди которых я живу и буду жить, по своим чувствам и мыслям так далеки от меня, как свет солнца от сияния луны. У меня нет ничего, что скрашивало бы мне жизнь, поэтому мне все противно…». Позднее Наполеон определит это душевное состояние следующими словами: «Кто ведет такое ужасное, монотонное существование, когда и в настоящем и в будущем один день похож на другой, кто постоянно должен спрашивать себя: зачем я родился? – тот в самом деле несчастнейший из людей!..»

Как это ни странно, но этот будущий завоеватель раньше всего мечтал осуществить свои честолюбивые стремления на литературном поприще. Он задумал написать историю Корсики и довел ее до последнего восстания с Паоли во главе. Историк Рейналь, которому он послал свою рукопись для просмотра, дал о ней лестный отзыв и советовал продолжать работу.

Между тем во Франции назревала революция. Наполеон, в голове которого бродили тогда идеи Руссо и Рейналя, чувствовал себя чужим среди офицеров, принадлежащих к дворянскому кругу, и всегда искал сближения со «штатскими» – адвокатами, чиновниками, буржуа, также проникнутыми идеалами Руссо. Поэтому когда вспыхнула революция, то Наполеон, которому было тогда двадцать лет, тотчас же сделался ее сторонником.

Для характеристики его взглядов в то время может служить план рассуждений о королевской власти, написанный им в дневнике в 1788 году. Он говорит: «Вначале должны быть приведены общие соображения о происхождении того значения, какое для ума людей получало имя короля, и должно быть указано, что военное правление этому благоприятствует. Затем должны быть приведены подробности о той узурпированной власти, которой пользуются короли в двенадцати европейских государствах».

В заключение он высказывает мысль о том, что вообще существует очень мало королей, которые не заслуживали бы быть низложенными!

Когда осенью 1789 года Наполеон опять поехал в отпуск на родину, то старый порядок во Франции уже лежал в руинах. В Корсике все еще было по-прежнему, хотя уже намечалось некоторое движение. Представителями корсиканского духовенства и дворянства в генеральных штатах были два приверженца старой монархии: граф Буттафуоко и аббат Перрети делла Рока.

Третье же сословие было представлено адвокатом Салисетти и графом Колонна да Чезарио Рокка, племянником Паоли. Однако обе партии, как монархическая, так и революционная, стремились найти поддержку у Франции; только революционная партия мечтала найти эту поддержку у новой Франции, так как старая была врагом корсиканских патриотов.

Можно себе представить, с каким жаром Наполеон присоединился к движению, когда оно возникло на Корсике. Молодой честолюбец, конечно, мечтал воспользоваться переворотом, чтобы самому играть роль в истории острова. Он убедил своих сограждан нацепить трехцветную кокарду, открыть политический клуб и обратиться с воззванием к народу, чтобы образовать национальную гвардию. Конечно, дело не обошлось без бурных и даже кровавых столкновений между народом и войском.

Однако корсиканские революционеры, по-видимому, не думали об отложении от Франции. Адресы и петиции корсиканских патриотов, обращенные в Национальное собрание в Париже, были не только подписаны Наполеоном, но главным образом им же составлены, и они нашли там полное сочувствие, выразившееся в резолюции считать остров частью французкого государства и дать ему такую же конституцию, как во Франции. Решено было также вернуть изгнанников, и во главе их Паоли, в свое отечество.

«Из недр нации, над которой властвовали наши тираны, – писал Наполеон тогда, – вырвалась электрическая искра. Эта просвещенная, могущественная и благородная нация вспомнила о своих правах и своей силе. Она сделалась свободной и захотела, чтобы и мы сделались свободными. Она раскрыла нам свои объятия, и с этой минуты мы имеем одни и те же интересы, одни и те же заботы. Море больше не разделяет нас…»

Наполеон опять получил отпуск в 1790 году на полгода, но он сам продлил его больше чем на год, то есть до января 1791 году. В этот промежуток времени он увиделся с Паоли, который возвращался на свою родину как триумфатор. В депутации, которую корсиканцы отправили во Францию встречать своего национального героя, участвовал также старший брат Наполеона, Иосиф.

По рассказам последнего, между Наполеоном и Паоли, перед которым он некогда так преклонялся, сразу обнаружились разногласия. Между прочим, Наполеон обидел Паоли своим замечанием. Когда Паоли описывал ему последнее сражение и расположение своих отрядов, то Наполеон сухо сказал: «Такая диспозиция войска не могла иметь другого результата, кроме

поражения».

Однако местные власти в Аяччо не очень одобряли деятельность Наполеона. В Аяччо тогда происходила горячая борьба партий, и Наполеона подозревали в том, что он хочет, низвергнув правление консервативной партии, овладеть крепостью и прогнать французов. Поэтому-то гарнизон был усилен, а клуб и национальная гвардия, организованная Наполеоном, были закрыты.

Это заставило его тотчас же отправить в Национальное собрание протест, и в нем он изложил свои тогдашние политические взгляды. Протест начинается следующими словами: «Когда власти похищают права, когда депутаты, не облеченные полномочиями, называют себя народом, чтобы говорить против его желания, то частные лица имеют право соединяться, протестовать и таким образом сопротивляться притеснению…»

В другом месте он говорит: «Когда царствует тирания, когда власти не пользуются доверием, когда они нас унизили и мы имеем право их ненавидеть, можно ли говорить, что все обстоит благополучно? Можно ли требовать от нас, чтобы мы и далее сносили это иго?..» Наполеон также написал страстный памфлет, под заглавием: «Письмо г. Буонапарте к г. Маттео Буттафуоко, корсиканскому депутату в Национальном собрании», и во всех этих протестах и литературных выступлениях он, по-прежнему, является ярым корсиканским патриотом.

Но нет никакого сомнения в том, что к его патриотизму теперь уже примешивалось, в значительной степени, честолюбие. Он хотел, так или иначе, играть роль в своем отечестве и рассчитывал добиться этого… с помощью Франции! Однако, прежде чем ему удалось достигнуть какого-нибудь прочного успеха на Корсике, ему пришлось вернуться в свой гарнизон, так как он уже и так слишком продлил свой отпуск. Однако это ему не повредило. Французская армия распадалась, и поэтому там рады были каждому офицеру, который возвращался под знамена. Наполеон получил даже повышение.

Он был в Валансе, когда пришло известие о попытке бегства Людовика XVI и его семьи – попытке, сразу, одним ударом, разрушавшей тот тонкий слой, который все еще прикрывал зияющую пропасть между короной и новой Францией, увеличивающуюся с каждым днем.

Наполеон мог наблюдать успехи революции. Раскол увеличивался и среди войска, где солдаты были патриотами, а офицеры аристократами. «Женщины повсюду были роялистками, – говорит Наполеон в своих записках, – и это неудивительно! Ведь свобода гораздо более прекрасная женщина,

чем они, и затмевает их всех…»

Людовик XVI
в 1775 году

В полку, где служил Наполеон, раскол был очень силен. Половина его товарищей, и даже среди них его лучшие друзья, покинули знамя, осквернённое в их глазах революцией. Но тем решительнее сам Наполеон окунулся в революционный поток. В Оксонне и Валансе он так же, как и в Аяччо, посещал политические клубы и патриотические празднества.

Он даже подписывал революционные адресы, как, например, петицию, требовавшую осуждения короля, и часто выступал

оратором на политических собраниях. Он ежедневно собирал своих унтер-офицеров и читал им парижские газеты. Одному из своих друзей он писал тогда: «Успокоившись на счет участи моей страны и славы моего друга (он подразумевал Паоли), я озабочен теперь только судьбой нашего общего отечества…»

Таково было настроение Наполеона в начале французской революции. Но тем не менее, когда ему пришлось присутствовать при сцене, разыгравшейся в июне 1792 года, когда народная толпа ворвалась в королевский дворец и заставляла Людовика XVI подчиниться требованиям патриотов, то он сказал своему товарищу Бурьену, что в эту «сволочь» следовало бы просто выстрелить из пушки.

Сотни четыре или пять положили бы на месте, а остальные обратились бы в бегство! До какой степени Наполеон интересовался тогда великими и жгучими вопросами современности, доказывает то, с каким жаром зачитывался он историко-политическими трактатами. Интересно то, что он тогда старательно отмечал даты и факты из истории французского дворянства и мемуаров Дюкло, которые иллюстрировали изменнические поступки и жестокость старинной монархии, испорченность дворянства и духовенства, деспотизм церкви и короны.

Он не забывал также и своих прежних литературных планов. Он хотел снова взяться за историю Корсики и даже обратился к Паоли с просьбой о материалах, но Паоли отговорил его, находя, что еще рано писать историю страны, и советовал собрать раньше только одни анекдоты и факты, которые могли бы подтвердить геройство корсиканского народа.

Впрочем, в это время Наполеон уже заинтересовался другим планом. Вероятно, по совету Рейналя он написал сочинение «Речи о счастье», на соискание премии, объявленной Лионской академией. Это сочинение, тяжело написанное, страдающее повторениями и отсутствием последовательности, все же дает возможность заглянуть в душу Наполеона, так как заключает в себе – вольные или невольные – признания.

И на этих признаниях в значительной степени отражается влияние Руссо, но только у Руссо отсутствует тот героический тон, который звучит в каждой фразе Наполеона. Кроме того, Наполеон заранее исключает из своей политической системы социалистический элемент учения Руссо, причем во всех его собственных рассуждениях о государстве проглядывают уже воззрения повелителя. Но любопытнее всего, что он с особенной страстностью говорит о демоне честолюбия, во власти которого находились великие люди истории.

Может быть, он предчувствовал свою судьбу, когда писал эти строки, потому что он как бы старается оправдать себя в собственных глазах, говоря, что «честолюбец может принести добро». «Разве это не может служить утешением для разума, – восклицает он, – если можешь сказать себе: я обеспечил счастье сотен семейств. Я причинял себе беспокойство, но государство извлекало из этого выгоду! Мои сограждане живут спокойно, потому что я беспокоюсь, они счастливы моими работами, веселы моими печалями… Но тот, кто желает выдвинуться вперед и содействовать счастью государства, тот должен быть мужественным, сильным и гениальным, должен уметь управлять своим честолюбием, вместо того чтобы управляться им, и тогда он сможет соединить рассудок и чувство и будет обладать нравственной свободой…»

Таковы были идеалы, которые рисовал себе двадцатидвухлетний Наполеон; однако и тогда уже во многих строках, написанных им, проглядывало презрение к людям, и можно было предвидеть, что не далек момент, когда тонкий слой идеалов, прикрывающий это презрение, исчезнет, и презрение к людям превратится в презрение к идеям.

Герб семьи Буонапарте

Глава II

Крушение юношеских идеалов; честолюбие и эгоизм Наполеона. – Конец корсиканского патриотизма. – Политический памфлет. – Первый шаг к славе. – 13 вандемьера.

Наполеону жилось в это время нелегко – на то скудное жалованье, которое он получал в Валансе. Он продолжал, однако, свои литературные опыты и принимал деятельное участие в политических клубах, находившихся в сношениях с парижскими якобинцами. И в Аяччо, и в Валансе он примыкал к радикальной партии. Между прочим, в 1790 году он написал брошюру – вместе со своим дядей, аббатом Феш, – «О конституционной присяге священников». Эта брошюра очень возмутила благочестивых корсиканцев, и даже один раз, во время крестного хода, его чуть было не убили возмутившиеся крестьяне.

Однако дальнейшее течение революции и окончательное крушение монархии вызвали у него совсем иные чувства, чем можно было бы ожидать, судя по его прежним взглядам. Мы говорили уже о том замечании, которое вырвалось у него, когда в Тюильрийский дворец ворвался народ. Десятого августа того же года он присутствовал при крушении монархии и говорил потом: «Я чувствовал, что если бы меня позвали, то я бы стал защищать короля.

Я был против тех, которые хотели основать республику при помощи народа, и притом я негодовал, видя, как люди в обыкновенном платье нападали на людей в мундирах…» Наполеон был вызван тогда в Париж для объяснения своего поведения на Корсике, но после восстания 10 августа и низложения короля в Париже появилось новое правительство, которое отнеслось к нему более благосклонно и даже произвело его в капралы.

Около этого времени он писал своему брату Люсьену: «Когда присмотришься ближе, то видишь, что народы вряд ли заслуживают тех стараний, которые делаются для того, чтобы снискать их расположение. Ты знаешь историю в Аяччо? История в Париже такая же, только, пожалуй, люди здесь еще ничтожнее, еще злее, еще более склонны к клевете и брюзжанию. Нужно видеть вещи вблизи, чтобы заметить, что французы – состарившийся народ, без страстных желаний и мускулов…»

В этих строках уже проглядывает презрительное отношение к людям, которое прежде скрывалось у него за юношескими

идеалами свободы и пылким корсиканским патриотизмом. Он холодно смотрел в глаза действительности, равнодушно взирая на революционную бурю, бушевавшую во Франции, но зато чем далее отступали его прежние юношеские идеалы, тем сильнее выдвигались вперед его честолюбие и эгоизм.

С хладнокровием спокойного наблюдателя он пишет Люсьену, революционный пыл которого ему хотелось бы охладить: «Каждый преследует только свои интересы и хочет выдвинуться при помощи всех средств террора и клеветы. Интриги носят еще более низменный характер, чем прежде. Все это разрушительно действует на честолюбие. Надо сожалеть о тех, которые имеют несчастие играть какую-нибудь роль, хотя бы не желая этого. Жить в покое, отдаваться семье и своим наклонностям – это, мой друг, то, к чему надо стремиться, когда имеешь четыре-пять тысяч ливров ренты и перешел уже за 25-летний возраст, то есть когда фантазия и мечты уже улеглись и не мучат больше человека».

Его прежние и великие стремления бороться за свое отечество, за свои возвышенные идеалы все более затушевываются. В то время как вокруг него государства и общества содрогаются в ужасной агонии, он спокойно занимается делами и… астрономией! «Я очень много занимаюсь астрономией, – пишет он брату. – Это прекрасное развлечение и гордая наука. С моими математическими познаниями я скоро смогу овладеть этой наукой. Одним великим приобретением у меня будет больше…»

Но энергичная натура Наполеона и его гигантское честолюбие не могли долго бездействовать. В своих записках, относящихся к лету 1791 года, он цитирует строфу из стихотворения английского поэта Попа: «Чем сильнее наш ум, тем нужнее, чтоб он действовал. Покой – для него смерть, а упражнение – жизнь!»

Мир его прежних идеалов, по-видимому, уже разлетелся тогда вдребезги, но тем сильнее росло у него желание проявить себя, завоевать счастье, и, конечно, его воля и гений должны были развернуться во всю ширь, как только поле очистилось и он освободился от всяких пут, которые связывали его, под видом долга к государству и его прежней идеологии.

Впрочем, то, что творилось во Франции, могло только служить дальнейшим толчком к эволюции Наполеона, примкнувшего сначала к революции под влиянием ненависти к привилегиям и той идеологии, от которой он совершенно отрекся впоследствии. Все его дальнейшее поведение главным образом уже вращалось в сфере честолюбия и жажды деятельности, власти

и славы. Идиллические представления о счастье народов, мире и свободе, с которыми революционеры начали свое великое дело, при общем восторге своих современников, быстро уступали натиску взбаламученного моря человеческих страстей.

Новые, неожиданные силы, создающие и разрушающие, поднялись со дна разверзнувшейся бездны. И вот, даже верующие и мечтатели, среди новых властителей Франции, вооружились жестокостью и хитростью и были охвачены такою жаждой власти, которая не знала ни границ, ни жалости. Страсти разнуздались, и на поверхность выплывали низменные побуждения и жажда воспользоваться случаем, чтобы из этого всеобщего разгрома и борьбы страстей, извлечь для себя выгоды, почести и власть. Наполеон, у которого в самом начале, когда он еще находился под властью своих идеалов, такая картина должна была вызвать отвращение, смотрел на нее теперь с хладнокровием беспристрастного наблюдателя.

Бессилие, в котором находилась тогда Франция, конечно, должно было внушить ему мысль, что Корсика может достигнуть независимости. Однако то, что прежде составляло предмет его самых великих надежд и желаний, теперь как будто затушевалось. По крайней мере мысль об этом, которую он вскользь высказывает в письме к брату, не вызывает у него, как прежде, бурного стремления поскорее воспользоваться обстоятельствами.

Жак Берто. Штурм дворца Тюильри 10 августа 1792 г.

В этот день около 20 тысяч повстанцев-санкюлотов взяли штурмом королевский дворец. В результате король Франции Людовик XVI вынужден был отречься от престола. Уже очень скоро либерализация торговли была свернута, цены и заработная плата заморожены, развернулось жестокое преследование спекулянтов на фоне массового террора.

В 1792 году монархическая Европа объявила войну революционной Франции. Сначала Наполеон мало интересовался войной. Он опять поехал в Аяччо и опять стал во главе тамошней милиции. На Корсике он прожил тогда около десяти месяцев и окончательно разошелся со своим прежним героем Паоли. Паоли не сочувствовал новой республиканской власти во Франции и симпатизировал Англии, с которой у Франции началась война.

Наполеон не держал сторону Конвента и даже послал своего брата Люсьена в Париж, чтобы изложить там обвинения против Паоли. Но громадное большинство корсиканцев было все же на стороне своего национального героя, и народное собрание в Аяччо объявило Наполеона изменником отечества. Его мать едва спаслась бегством, а ее дом был разграблен и сожжен.

Наполеон подозревал Паоли в желании искать поддержку у англичан и поэтому сделал попытку завладеть Аяччо, рассчитывая на помощь своей национальной милиции и французских солдат, бывших под его командой. «Без этой гавани остров не будет иметь никакого значения для враждебной державы», – говорит Наполеон, подразумевая под «враждебной державой» – Англию.

А про своего прежнего героя и его партию он писал следующее: «Партия независимых, безусловно подчиняющаяся Паоли, невелика, но сильна благодаря своей связи с аристократами. Своей тактикой, то угрожающей, то ласковой, разрешающей грабить и поджигать, генералу удается увлекать за собой корсиканцев. Ведь надо принадлежать к какой-нибудь партии, и предпочтительно выбирается та, которая торжествует, грабит, разоряет и сжигает! В сомнительных случаях всегда лучше “самому пожирать, нежели быть сожранным”!»

В таком настроении и с таким суждением о своих соотечественниках Наполеон покинул Корсику. Период его корсиканского патриотизма кончился.

Устроив свою мать и семью вблизи Тулона, Наполеон вернулся в Париж. Там наступило время террора. Старый порядок был уже разрушен, а новый приходилось созидать среди страшной борьбы. Другого пути не было. Чем сильнее были враги, чем ужаснее внутренняя смута, тем решительнее вынуждена была революция преследовать свои цели и тем теснее должна была связать их с национальной идеей. Сила и единение, победа и величие Франции – вот что лежало на пути нации и вот чего она должна была достигнуть, пройдя чрез весь сумбур и ужас революционного времени.

И для Наполеона не оставалось другого выбора. Он должен был стать на сторону якобинцев, которых еще год тому назад он называл безумцами. Но ведь только они могли помочь ему отомстить за себя, вернуть свое имущество на Корсике или, по крайней мере, возместить потерянное. Кроме того, Наполеон нуждался теперь в убежище, после того как Корсика отвернулась от него, а Франция могла служить ему не только убежищем, но и открывала обширное поле для его честолюбия и энергии.

Благодаря всеобщему расстройству и беспорядку, который господствовал везде, Наполеон мог рассчитывать на то, что новое французское правительство благосклонно отнесется к нему, так как помощь каждого лишнего человека в армии могла быть ему полезна. Это было время восстаний против Конвента в разных местах Франции, и Наполеону тотчас же пришлось участвовать в подавлении восстания в Провансе.

Гражданская война, происходившая там, послужила для Наполеона поводом написать политический памфлет, под заглавием «Ужин в Бокере», представляющий защиту политики Конвента и победившей в нем партии якобинцев. Как и прежние юношеские писания Наполеона, этот памфлет написан в форме диалогов. Два купца из Марселя, один из Рима, один фабрикант из Монпелье и один офицер сошлись за столом в гостинице и беседуют о злобе дня.

Возможно, конечно, что в основу этого памфлета положен действительный случай. Но замечательны, главным образом, аргументы, которые выставляет офицер (то есть сам Наполеон) в пользу того, чтобы доказать марсельцам, как неправильно они поступают, оказывая сопротивление Конвенту. Несогласия, неопытность в военном деле, недостаток вооружения, в особенности артиллерии, и отсутствие энергии – вот причины, которые, по мнению офицера, должны были бы заставить их подчиниться и сложить оружие.

Свои частные интересы они должны принести в жертву общественному благу. Истинный, верховный властитель нации находится там, где лежит ее центр, то есть в недрах Конвента!.. Такому содержанию памфлета соответствует и форма, и он уже носит на себе отпечаток будущего наполеоновского стиля и властного характера цезаря.

Иллюстрация к «Ужину в Бокере»

В молодости Наполеон довольно много занимался литературным творчеством. Среди его сочинений «Диалог о любви» (1791 г.), просветительский «Трактат для лионской академии» (1792 г.), а также памфлет «Ужин в Бокере» (1793 г.), написанный в революционном якобинском духе и посвященный жирондистскому федералистскому мятежу 31 мая — 2 июня 1793 г. Этот памфлет имел большой успех, был издан за государственный счет и помог автору получить назначение в Тулон.

Случай помог Наполеону вступить на тот путь, который привел его на высоту. Англичане завладели Тулоном, этой единственной военной гаванью на южном берегу Франции. Французская армия, под начальством Карто, осадила город, но, не имея в достаточном количестве орудий и снарядов, не смогла довести дело до благополучного окончания. К тому же начальник артиллерии был тяжело ранен, и некому было заменить его.

Как раз в это время подоспел Наполеон, возвращавшийся из Прованса в лагерь, находившийся в Ницце. Он привез с собой все, чего не хватало осаждавшим, – орудия и снаряды – и тотчас же был назначен заместителем раненого начальника артиллерии.

Таким образом он получил возможность отличиться и сразу обратить на себя взоры Европы.

С первых же дней он обнаружил те выдающиеся качества, которые заставляют видеть в нем прирожденного вождя на поле брани. Неутомимость, изумительная предусмотрительность, пылкая отвага и ничем не поколебимое хладнокровие Наполеона во время сражения сразу выдвинули его в первые ряды. Когда, наконец, Тулон был взят, то комиссары конвента тотчас же произвели 24-летнего Наполеона в бригадные генералы.

Когда впоследствии, на острове Святой Елены, Наполеон описывал свои деяния, то он начал свое повествование с Тулона. И это вполне понятно, потому что именно в Тулоне взошла его звезда, поднявшаяся так быстро и так изумительно высоко. Все, что было до Тулона, было уже погребено, а впереди для него открывалось широкое будущее, полное блеска и надежд, к которому устремлялась его честолюбивая, жаждущая славы душа.

Все отзывы о нем военачальников после Тулона полны восхвалений. В армии все восхищались молодым героем. Дю Телль писал военному министру: «У меня не хватает слов, чтобы изобразить тебе заслуги Буонапарте!..» А Дюгомье говорил о нем: «Если этому офицеру не будет выказана благодарность, то он сам себя выдвинет вперед!..»

Молодой генерал еще более после этого сблизился с якобинцами, в особенности с Робеспьером-младшим, который был конвентским комиссаром. Тогда уже Наполеон твердо держался принципа – всегда быть на стороне силы, и, конечно, брат великого трибуна, достигшего в то время апогея власти, воплощал в себе эту силу. Кроме того, старший Робеспьер восхищал Наполеона своей непреклонной энергией, не отступавшей ни перед какими средствами для достижения и сохранения власти.

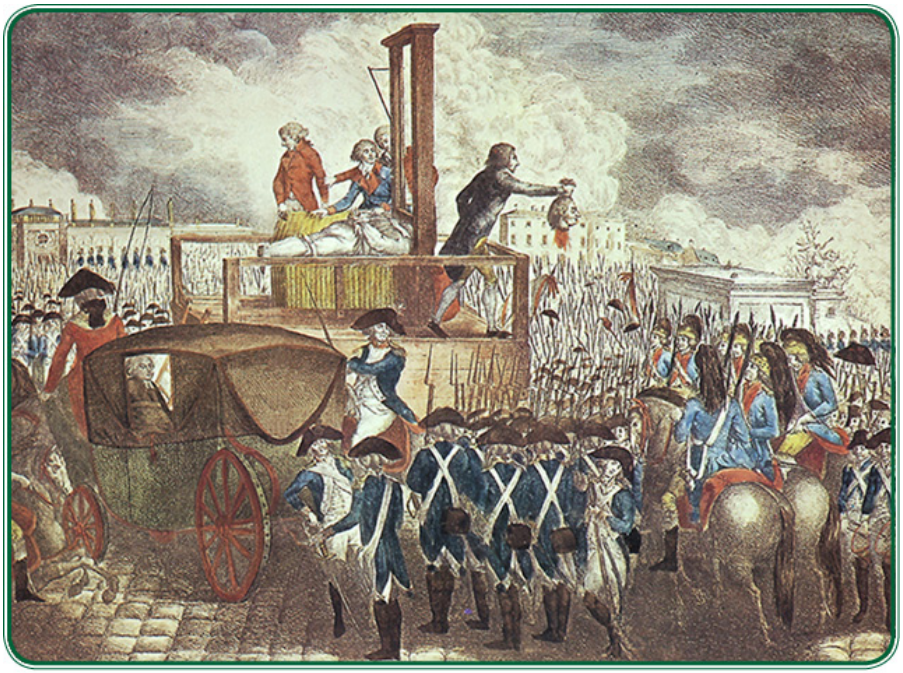
Младший Робеспьер, как это видно из его донесений брату, вначале доверял больше талантам Наполеона, нежели его образу мыслей. Он видел гарантию лишь в том, что Наполеон был изгнанником из своей родины и врагом Паоли. Однако Наполеон все же сумел войти к нему в доверие, за что, однако, он вскоре чуть не поплатился. Наполеон находился в то время в армии, действовавшей против австро-сардинского войска.

Вместе с Робеспьером-младшим он разработал план итальянской кампании, вторжения в Пьемонт и завоевания Италии. Окрыленный блестящими надеждами на военный успех и мечтая уже о роли главнокомандующего, Наполеон занялся подготовлением своего грандиозного плана, ездил для этого в Геную, и когда, казалось, все уже было готово, вдруг произошло

событие, нанесшее удар всем его надеждам и даже подвергшее опасности его самого. Головы обоих Робеспьеров пали под ножом гильотины!

9 термидора отразилось всего сильнее на юге Франции, где вообще страсти пылали сильнее. Но друзья казненных не могли помышлять о сопротивлении: они дрожали за собственную жизнь и спешили спасать ее – кто богатством, кто посредством выражения покорности и отречения от низвергнутого диктатора.

К числу последних принадлежал и Наполеон, на которого пало подозрение в том, что он поддерживал Робеспьера. В своем письме к французскому поверенному в Генуе Наполеон старается оправдаться. Он пишет между прочим: «Я немного огорчен катастрофой с Робеспьером-младшим, которого я любил и считал невинным. Но будь он даже мой родной отец, я бы сам пронзил его кинжалом, если бы он стал стремиться к тирании».



Людовик XVI перед казнью на гильотине. *Гравюра XIX в.*

Людовик XVI (1754—1793) в 1774 г. сменил на троне своего деда Людовика XV. В результате его нерешительного и непоследовательного правления в 1789 г. началась Великая французская революция. Людовик принял конституцию 1791 г. и стал конституционным монархом. Но его несмелые попытки противостоять радикальным революционным мерам привели к тому, что 21 сентября 1792 г. Людовик XVI был низложен, предан суду Конвента и казнен на гильотине 21 января 1793 г.

Перед казнью он заявил: «Я умираю невинным, я невиновен в преступлениях, в которых меня обвиняют. Говорю вам это с эшафота, готовясь предстать перед Богом. И прощаю всех, кто повинен в моей смерти».

Однако это унижение, которому подверг себя Наполеон, не помогло ему. Он был арестован, отставлен от должности и чина и заключен в крепость, откуда он написал письмо конвентским комиссарам с уверениями в своей преданности революции, республике и отечеству. В его бумагах, впрочем, не найдено было

ничего предосудительного, и так как среди термидорцев были люди, расположенные к нему, то его выпустили на свободу и даже вскоре вернули ему чин генерала.

Почти непосредственно после этого Наполеон получил предписание отправиться в Вандею, в западную армию, где он должен был принять участие в подавлении восстания. Но он задержался в Париже, выжидая результатов якобинского заговора против Конвента. Якобинское предприятие кончилось неудачей, и тогда-то Наполеон, убедившись в окончательном провале якобинцев, отошел от крайних партий и приблизился к умеренным, ставшим тогда у власти.

В числе их находились Фрерон и Баррас, бывшие конвентскими комиссарами в то время, когда Наполеон одержал победу в Тулоне. Они были очевидцами его подвигов, и поэтому Наполеон рассчитывал на их поддержку. Тем не менее Комитет общественного спасения, в наказание за ослушание, вычеркнул его из списка артиллерийских генералов и назначил его в пехоту, опять-таки в Вандею. Наполеон сказался больным.

Тогда он был уволен и в течение нескольких месяцев слонялся в Париже без дела и опять сильно бедствовал, жил в меблированной комнатке, носил поношенный мундир и занимал гроши у приятелей. Он даже пробовал открыть книжную торговлю. Но, разумеется, такие неудачи не могли сломить энергию человека, про которого его приятели говорили, что он кончит или престолом, или эшафотом.

Он писал о себе так: «Я испытываю такое душевное состояние, как будто я нахожусь накануне сражения, в глубокой уверенности, что нелепо себя беспокоить мыслями о будущем тогда, когда смерть сторожит нас на каждом шагу и может все сразу прикончить. Все побуждает меня с презрением относиться к смерти и к судьбе. Если такое душевное состояние продлится, то я могу дойти до того, что даже не сойду с дороги, если навстречу мне будет мчаться экипаж. Мой рассудок удивляется этому, но зрелище, которое представляет страна в данную минуту, и привычка к игре случая привели меня в такое состояние…»

В этих словах Наполеона отразилось не только его душевное состояние, но и состояние большинства людей во Франции, задававших тогда тон и державших власть в своих руках. Революция еще не кончилась, и то, что принесет «завтра», никому не было известно, и даже предвидеть было трудно.

Но ужасающий гнет террора и отчаянной борьбы все же ослабел. Те, которые удержали в конце концов власть в своих руках, могли теперь надеяться извлечь из нее пользу для себя и своих друзей, не дрожа ежеминутно за свою жизнь. Но это были,

большей частью, те, которые играли второстепенную роль в битвах революции и либо из благоразумия и осторожности, либо из трусости не принимали в них непосредственного участия.

Старые знакомцы Наполеона, очутившиеся теперь у власти, Фрерон и Баррас, принадлежали к числу людей, умевших пользоваться обстоятельствами и извлекать из своего положения наибольшие выгоды для себя, своих друзей и своих приятельниц, которые сделались царицами салонов, куда устремлялась так называемая золотая молодежь – новая буржуазия, старавшаяся в вихре удовольствий и наслаждений забыть о терроре, как о дурном сне.

Наполеон вначале держался вдали от этого круга, не имея достаточно связей с ним, но в салон Барраса он все же получил доступ и скоро тесно сблизился с ним. Впоследствии, на острове Святой Елены, он так объяснял свое сближение с ним: «Робеспьер умер, а Баррас играл роль. Мне же нужно было примкнуть к кому-нибудь и к какому-нибудь делу».

Поль Баррас
(1755—1829)

Этот знаменитый деятель Великой французской революции прославился такой алчностью, неразборчивостью в средствах и склонностью к нарочитой роскоши, что его протеже Бонапарт, придя к власти, не захотел иметь с ним дела, даже несмотря на то, что именно Баррас устроил брак Наполеона с Жозефиной.

Наполеон носился тогда со своим планом наступательной

войны против Италии, который уже давно был у него готов. В Комитете общественного спасения были даже сочувствующие этому, но тем не менее Наполеона снова постигла неудача. Его противники, опасавшиеся его честолюбия, очевидно, желали вычеркнуть его из списка генералов действующей армии, и поэтому на него была возложена военная миссия в Константинополе, и хотя в приказе, чтобы позолотить пилюлю, упоминалось о его заслугах в Тулоне и в Италии, тем не менее это был плохо прикрытый предлог удалить его из Парижа.

Однако Наполеон не унывал и твердо верил в свою звезду. Действительно, прежде чем он успел уехать из Парижа, произошли события, давшие ему возможность снова выдвинуться на первый план. В Париже началось реакционное движение против Конвента, который, сознавая свое критическое положение, назначил особый Комитет для поддержания общественного порядка.

Наполеон замечал брожение умов в столице, но смотрел на это с полным равнодушием. Он вообще презрительно относился ко всякой народной агитации. Впрочем, и силы реакционеров были невелики, но они рассчитывали на равнодушие народных масс и на непрочность и раздоры большинства, объединившего остатки революционных партий, когда-то сражавшихся между собой на жизнь и на смерть.

К тому же в их руках были 30 000 национальной гвардии, тогда как Конвент имел в своем распоряжении не более 5000 человек. Вполне естественно, что когда получено было 12 вандемьера (3 октября) известие о готовящемся наступлении, то Конвент всполошился. Баррас, бывший членом Комитета для поддержания общественного порядка и взявший на себя военные распоряжения, призвал на помощь Наполеона, который снова, таким образом, выдвинулся. Исполнительная власть всецело находилась в руках Барраса, но, в сущности, всем распоряжался Наполеон, а Баррас только все скреплял своей подписью.

Новая битва за власть должна была произойти на том же месте, где она происходила 10 августа 1792 года, то есть в Тюильрийском дворце, где заседал Конвент 13 вандемьера. Но Наполеон перевез, в ночь на 13 вандемьера, пушки ко дворцу, и когда национальная гвардия двинулась на Конвент, она встречена была перекрестным артиллерийским огнем.

Бой продолжался часа четыре, причем погибло около двухсот человек, но Конвент был спасен, а вместе с ним и республика, на которую он опирался. Спасителем же был Наполеон, корсиканский эмигрант, сначала ненавидевший короля и народ Франции, а затем начавший презирать их и теперь спасший

республику лишь для того, чтобы потом ее повалить и на ее месте воздвигнуть свой собственный императорский трон!

Глава III

Перемена в жизни Наполеона. – Брачные проекты. – Жозефина Богарне. – Итальянский поход. – Начало будущего властительства. – Двор в Монтебелло.

«Счастье мне улыбается!» – писал на другой день после 13 вандемьера Наполеон своему брату Иосифу. И действительно, на молодого генерала повалились, словно из рога изобилия, дары фортуны. По предложению Барраса он сначала был назначен помощником главнокомандующего внутренней армией, а затем, через несколько дней, был произведен в дивизионные генералы, и когда Баррас вступил в Директорию, через четыре дня после этого, то Наполеон сделался главнокомандующим в Париже. Он был теперь правой рукой Директории и Совета старейшин и служил для них гарантией сохранения власти.

Как часто в былые времена, когда он нуждался и слонялся без дела по парижским улицам, проживая в плохоньких меблированных комнатах, он мечтал о том, чтобы иметь собственный дом, экипаж и лошадь. Теперь все это было у него: казенная квартира, экипажи, слуги и деньги. В его распоряжении находился целый штаб офицеров и служащих.

Все двери были для него открыты, так как он пользовался влиянием. Всегда заботливо относившийся к своей семье и помогавший матери даже из своих скудных средств, он, конечно, тотчас же постарался получше пристроить своих братьев: Иосиф был сделан консулом, Луи произведен в офицеры, и он сделал его своим адъютантом, а Люсьен назначен военным комиссаром в северную армию.

Младшего брата, Жерома, он вызвал в Париж и поместил в школу. Разумеется, он не забыл ни мать, ни сестер, которые получили изрядные суммы, так как деньги лились к нему со всех сторон. Он вспомнил даже о дальних родственниках и о своих прежних друзьях, и все извлекли выгоды из перемены его положения и его внезапного повышения. Ему видимо доставляло удовольствие расточать на них свои благодеяния, но он не упускал также из вида, что таким путем он приобретает среди них преданных союзников.

С Баррасом он оставался по-прежнему в тесных, дружеских отношениях, и ему он обязан новым поворотом в своей жизни. В салоне Барраса он познакомился с красивой молодой креолкой, Жозефиной Богарне, вдовой революционного генерала, сложившего голову на эшафоте за год перед этим. Жозефина тоже

была родом с острова, подпавшего под власть Франции. Она родилась на Мартинике и в 1779 году приехала в Европу.

Она была старше Наполеона на шесть лет, и у нее уже было бурное прошлое. Вряд ли она любила своего первого мужа, да и он не был ей верен и скоро бросил ее одну в Париже, а сам уехал в Вест-Индию. Впрочем, она довольно быстро утешилась и окончательно разошлась с мужем, который был увлечен вихрем революции, приведшей его на эшафот. Он был одной из последних жертв террора, перед 9 термидора.

Революция свела вместе разошедшихся супругов, и они даже вместе попали в тюрьму. Но судьба ей благоприятствовала. Ее муж вышел из тюрьмы на гильотину, а она была освобождена после 9 термидора, и Баррас взял ее под свое покровительство. По-видимому, она завлекла его, и, вероятно, он был для нее больше, чем простой покровитель, так как он устроил ей роскошный отель и исполнял все ее прихоти. Жозефина, не отличавшаяся строгостью поведения, была окружена золотой молодежью, кутилами и прожигателями жизни, добивавшимися ее благосклонности.

В салоне ее всегда было весело и шумно, и легко забывались все заботы и кровавые дни террора. Немного поблекшая красавица, которой уже было тогда 32 года, она умела все же искусно скрывать следы времени на своей наружности. Она была грациозна, мила, кокетлива и умела прекрасно одеваться. Этого было достаточно, чтобы очаровать 26-летнего генерала, обладавшего притом пылким темпераментом корсиканца.

Впрочем, Наполеон давно уже носился в душе с брачными проектами. Долгое время он находился в цепях Дезире Клери, свояченицы его брата Иосифа, впоследствие сделавшейся супругой Бернадотта и положившей начало шведской королевской династии. Но Наполеон первым порвал с ней. После того он ухаживал за вдовой Пермона, но она отвергла его искательства. С Жозефиной же он сблизился, когда уже был главнокомандующим в Париже.

В своих мемуарах он рассказывает: она сама пришла к нему поблагодарить за то, что он позволил ее сыну, Евгению Богарне, оставить у себя саблю отца, хотя и был отдан строгий приказ у всех отбирать оружие после 13 вандемьера. Жозефина пригласила его к своему столу, и так произошло сближение. Наполеон не отрицает также, что Баррас сам указал ему на Жозефину как на подходящую для него партию. Доводы, которые он приводил в пользу этого, были вполне правдоподобны.

Жозефина, как маркиза Богарне, принадлежала одновременно к обществу старого и нового режимов. Брак с ней

мог создать Наполеону тот прочный фундамент в обществе, которого ему недоставало, и мог заставить французов забыть его корсиканское происхождение. Его дом сделался бы тогда совершенно французским.

Наполеон в особенности желал этого. Корсиканские чувства настолько испарились из него, что из всех оскорбительных прозвищ, которые бросались подчас ему в лицо, самым обидным было для него название: «корсиканец». Притом же связь с Жозефиной Богарне была лучшим средством для него занять подобающее положение во французском обществе, где он все-таки был чужой и пришелец.

Франсуа Жерар. Портрет императрицы Жозефины
в коронационном платье

Жозефина Богарне, урожденная Мари Роз Жозефа Таше де ла Пажери (1763—1814), — первая жена Наполеона и императрица Франции в 1804—1809 гг. На трон взошли и двое ее детей от первого брака: Евгений де Богарне был вице-королем Италии и герцогом Лейхтенбергским, а Гортензия де Богарне — женой голландского короля Людовика Бонапарта.

Брак с Наполеоном оказался бездетным, и император, желавший создать свою династию, развелся с Жозефиной 16 декабря 1809 г. Однако Жозефина была настолько привязана к Наполеону, что после свержения Бонапарта в 1814 г. даже хотела сопровождать его в изгнание.

По преданию, Наполеон, умерший в изгнании на острове Святой Елены, перед смертью прошептал три слова: «Армия. Франция. Жозефина».

Все мемуары, относящиеся к тому времени, подтверждают, что в обществе его несколько чуждались. Наполеон чрезвычайно мало тогда заботился о своей наружности. Жена его товарища и постоянного спутника Жюно рассказывает, что он являлся в общество без перчаток, в плохо вычищенных и дурно сшитых сапогах.

С длинными, небрежно причесанными волосами, ниспадавшими прямыми космами на плечи, с бледным, изможденным, желтым лицом и горящими глазами, в которых светились ум и твердая воля, Наполеон производил странное, почти жуткое впечатление. «Его взор смущает всех, – писала о нем Жозефина, – а самомнение его велико до смешного, но я считаю возможным все, чего ни пожелает этот странный человек!»

Впрочем, Наполеон умел держать себя в обществе, недаром же он воспитывался в аристократической военной школе! Однако он все же чувствовал себя чужим в этом блестящем, хотя и смешанном обществе, возникшем на развалинах старого строя и торопившемся насладиться жизнью после ужасов террора. Наполеон стремился к тому, чтобы его в обществе признавали своим, и, главное, он хотел, чтобы его считали французом и забыли о его корсиканском происхождении; но не это одно заставило его добиваться руки прекрасной креолки.

Жозефина Богарне произвела на него впечатление, и стоило ей немного поощрить его, чтобы в сердце его запылала страсть. Что репутация ее была далеко не безупречна, а красота уже отцветала, на это он внимания не обратил. В свете, где он теперь

вращался, вообще господствовали легкие нравы. Жозефина же сумела очаровать его, ловко льстила ему и, кроме того, разжигала его страсть тем, что заставила долго ухаживать за собой, прежде чем согласилась на брак, да и то лишь тогда, когда он получил новое блестящее назначение.

В Париже говорили, что Баррас служил посредником между ней и влюбленным в нее Наполеоном. Весьма вероятно, что Баррас желал одновременно и отделаться от своенравной и расточительной женщины, уже надоевшей ему своими капризами, и удалить из Парижа Наполеона, властность и честолюбие которого могли сделаться опасными. Во всяком случае, брак Наполеона с Жозефиной очень улыбался ему, и он всячески поддерживал Наполеона в этом стремлении.

Сделавшись, наконец, женихом Жозефины, Наполеон говорил ей, что у него много врагов, но это мало беспокоит его. Он не нуждается ни в чьей протекции. Скоро, наоборот, будут искать его покровительства. С ним его сабля, а с нею он пойдет далеко!..

Наполеон не оставлял своего плана вторжения в Пьемонт, чтобы нанести удар коалиции. Но когда он представил его Директории, то из Директории его передали на рассмотрение главнокомандующему армией Шереру. Шерер отослал его назад со своим заключением, которое сводилось к тому, что только сумасшедший мог сочинить такой план.

Пусть же он и исполняет его в таком случае! В виду категорического отказа Шерера, Директория, уже и раньше склонявшаяся в пользу итальянского похода, должна была назначить другого главнокомандующего, и, конечно, выбор ее пал на Наполеона. Но возможно также, что Баррас воспользовался этим удобным случаем, чтобы удалить его из Парижа.

Как бы то ни было, но Наполеон получил новое назначение, которое быстро двинуло его дальше, по пути к апогею величия и славы. 2 марта 1796 года было подписано его назначение, 9-го состоялся его гражданский брак с Жозефиной, а 12-го он уже отправился в поход.

На обручальном кольце, которое Наполеон надел на палец Жозефине, он велел выгравировать надпись «Au destine» («Судьбе»), желая выразить этим, что он твердо верит в свою судьбу, хотя и бросает ей вызов. Теперь он уже бесповоротно связал свою судьбу с судьбой революционной Франции, которую должен был повести к победам и обеспечить ей честь, славу и могущество.

Наполеон Бонапарт, Тюрро и Вольней в Ницце в 1793 г.
Гравюра XIX в.

На этой картине Бонапарт представляет своим друзьям и соратникам план кампании в Италии, который он претворит в жизнь тремя годами позднее, будучи главнокомандующим.

Казалось, однако, что Наполеон идет на верную гибель, так как условия были в высшей степени неблагоприятны. Армия у него была небольшая, всего 38 000 человек и 30 пушек, и притом денег у него было мало, а солдаты плохо экипированы. А против него стояли четыре австрийские армии, целая цепь неприступных крепостей, на море же его подстерегал английский флот, под командой талантливого и смелого адмирала Нельсона.

Но так было только с виду. Австрийское войско было под командой старых генералов, бездарных и рутинеров, да и те не смели двинуться, не спросив предварительно согласия придворного совета в Вене. Мальчишку «с его стадом баранов!» – как называли в Вене Наполеона и его войско – австрийские генералы презирали глубоко и поэтому не предпринимали против

него никаких предосторожностей.

Но они жестоко поплатились за это. Наполеон тщательно подготовился к походу. Он превосходно изучил театр войны еще за два года перед тем, и у него были такие карты и планы, о которых неприятель не имел понятия. А его армия, которую австрийцы презрительно называли «стадом баранов», была настоящей народной армией. Солдаты шли, распевая «Марсельезу», освобождать своих братьев-итальянцев от австрийских тиранов, и поэтому итальянские ребятишки и женщины повсюду забрасывали их цветами, а чернь устраивала им овации.

Наполеон объявил Директории, отправляясь в поход, что он идет «победить или умереть!». Но он требовал, чтобы единство власти было сосредоточено в его руках, и директора должны были уступить, так как, хотя он и был прежде всего честолюбцем, он действительно умел сразу и вполне правильно оценить положение вещей и выказал себя поистине гениальным полководцем. Он скатился, как лавина, на разбросанные позиции неприятеля, не давая ему опомниться и нанося удары направо и налево, так что, пожалуй, в «баранов» превращались австрийцы, потому что они совершенно оторопели, растерялись, и их не столько били, сколько брали в плен.

Он не давал опомниться неприятелю и одерживал одну победу за другой, заключая перемирия, когда находил это нужным. На желания и волю Директории он уже не обращал ни малейшего внимания и распоряжался в Италии совершенно самостоятельно, очень часто прямо нарушая получаемые из Парижа инструкции. Даже тон его донесений Директории изменился, стал более напыщенным и дерзким, и он подписывался уже не Буонапарте, а Бонапарт, так как прежняя его фамилия выдавала его итальянское происхождение.

Директория сама уже начала побаиваться своего победоносного генерала, который в Италии играл роль настоящего диктатора, тем более что он сам содержал свое войско – конечно, путем военных реквизиций, – так как французская казна была пуста. Естественно, что при таких условиях он мог проявить свою независимость и мог открыто смеяться над планами военных операций, которые послала ему Директория, и, совершенно игнорируя ее, вести дипломатические переговоры.

Итальянский поход положил начало славе Наполеона, дальнейшие же события только укрепляли его положение и содействовали его возвышению. Задатки цезаризма в нем особенно ясно обнаружились в Италии, и далее они могли только

развиваться все более и более.

Когда Директория пробовала оказывать ему сопротивление, так как ее внешняя политика, бывшая, в сущности, политикой Наполеона, подвергалась яростным нападкам, то Наполеон грозил отставкой, и директора смирялись и шли на уступки, потому что в армии Наполеон уже сделался кумиром, и солдаты готовы были идти за ним в огонь и в воду.

Война кончилась миром в Кампоформио, выгодным для Франции, и полным посрамлением ее противников, Австрии и старой Германии. Этот мир послужил также основой будущего властительства Наполеона, сделавшегося полным господином положения. В побежденной стране он расположился как цезарь, вводил контрибуции и налоги и организовал новое государство на развалинах старой Италии.

У него была уже собственная резиденция, во дворце Монтебелло, в Милане, где он окружил себя пышным двором. Туда приехали к нему Жозефина, его сестры, мать и братья. Кроме них, конечно, съехалось туда и много других людей – его восторженных поклонников, льстецов и просителей – как всегда составляющих свиту каждого, кто стоит на пути к власти и славе. Всем хотелось погреться в лучах новой восходящей звезды.

Глава IV

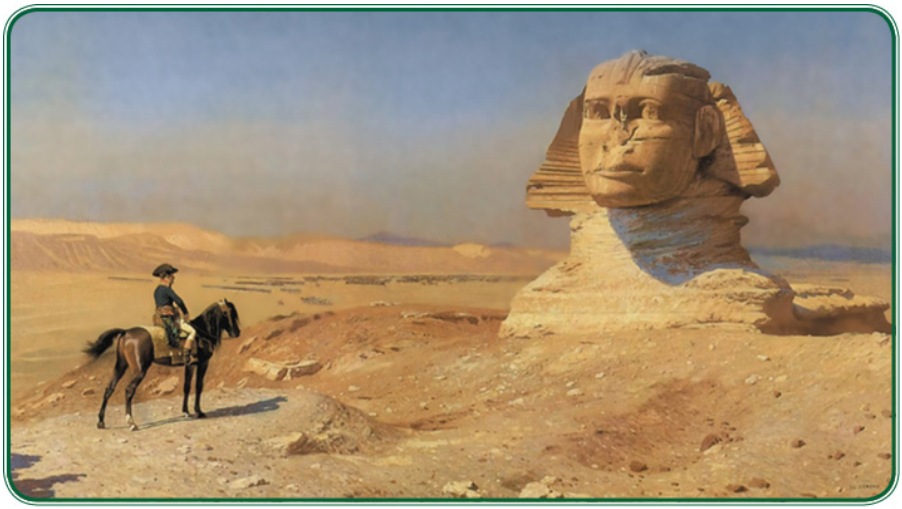
Возвышение Наполеона. – Египетский поход – Абукирская битва. – Возвращение во Францию и встреча в Аяччо. – Наполеон и Сийес. – Переворот 18 брюмера.

Наполеон совершенно расходился во взглядах с Директорией, которая, как ни старалась, не могла подчинить его себе. И хуже всего было то, что она еще вынуждена была благодарить его. Когда ему попробовали только высказать порицание, то он ответил именем 80 000 солдат, что уже прошло время, когда адвокаты и болтуны могли гильотинировать солдат! Республиканская партия, опасавшаяся роялистов, замышлявших восстановление монархии, обратилась за помощью к Наполеону, и он послал в Париж своего генерала Ожеро, который, в согласии с тремя директорами, произвел известный переворот 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года), опять окружив солдатами Тюильрийский дворец.

Из обоих Советов были исключены наиболее оппозиционные члены, и, кроме того, двое директоров отправлены в изгнание. Новая же Директория, обязанная всем Наполеону, конечно, уже не смела идти ему наперекор ни в чем. В Париже, куда он вернулся с лаврами победителя, ему был оказан восторженный прием. Официальные круги устраивали в честь его блестящие празднества, и все партии наперерыв старались привлечь его на свою сторону, считая его своим. Но, в сущности, он никогда не принадлежал ни к какой партии, и поэтому каждая могла заявлять на него притязания.

Париж ликовал и чествовал Наполеона. Французский институт избрал его своим членом, а улица, на которой он жил, была названа улицей Победы. В военном же отношении он поразил весь мир, и его стратегия была признана классической и положена в основу всей теории военного искусства.

Но сам Наполеон вел себя очень сдержанно и в своих речах всегда говорил о своей преданности революции, республике и конституции III года. Директория боялась его, но в то же время уже не могла без него обходиться, а Наполеон прекрасно видел, что она вступила на наклонную плоскость, которая должна была привести ее к погибели.



Жан-Леон Жером. Бонапарт перед Сфинксом.
Ок. 1868 г.

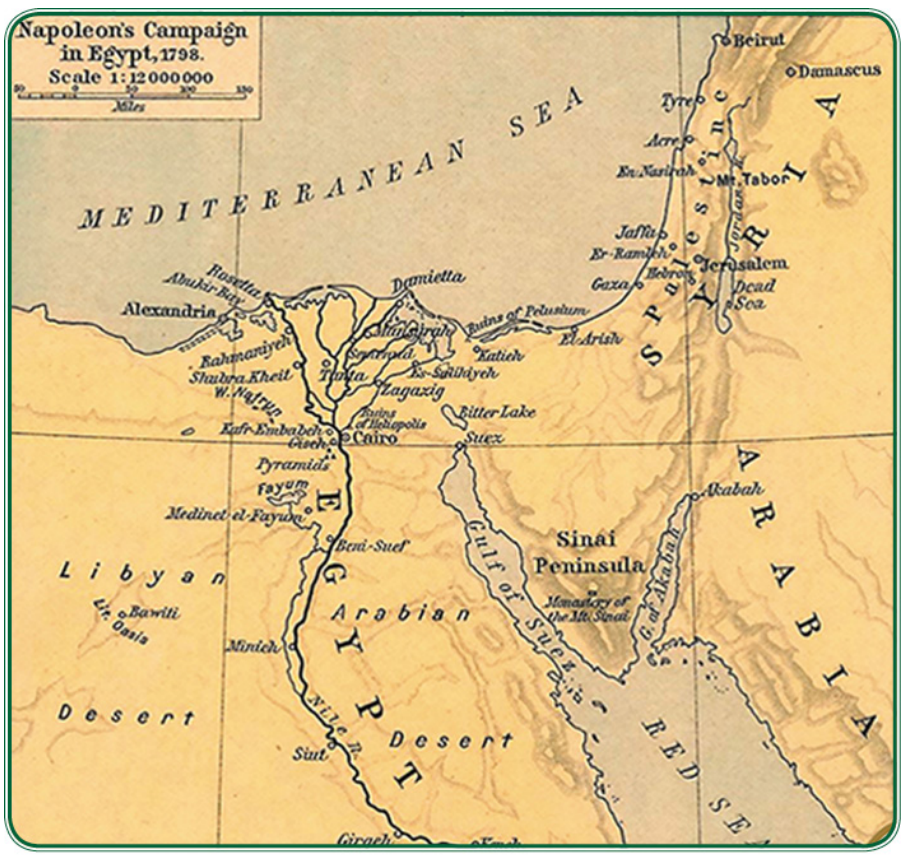
Довольно широко распространено убеждение, что лицо Сфинкса было разрушено выстрелами наполеоновских солдат, вздумавших поупражняться в стрельбе из пушек. Однако это всего лишь легенда: разрушения произошли гораздо раньше, и причина их все еще не установлена; возможно, это выветривание.

Зиму 1797–1798 годов Наполеон провел в Париже, и Директория исполняла все, на что указывал ей Наполеон. Он послал приказ генералу Бертье занять Рим и выработал план военного вмешательства в дела Швейцарии. В Раштате, куда он поехал в качестве уполномоченного Франции для переговоров с Германией о мире, он вел себя очень надменно, подсмеивался над владетельными князьями и публично прогнал шведского уполномоченного графа Ферзена за то, что тот был другом Марии Антуанетты.

Этим Наполеон подчеркивал свою преданность революции. Но в интимных разговорах он уже тогда говорил не стесняясь, что не верит в республику во Франции и что не для нее он служит! По некоторым известиям, ему хотелось тогда войти в состав Директории, но Директория боялась его и очень желала бы услать его подальше, поэтому она с радостью ухватилась за его

предложение снарядить военную экспедицию в Египет, чтобы нанести удар английскому владычеству на море. Наполеон мог навязать Европе свои условия мира, но Англия, бывшая его самым сильным противником, еще не сложила оружие.

В Англии он видел традиционного врага и соперницу Франции, и оба народа пылали друг к другу национальной ненавистью. Но высадку в Англии Наполеон считал неблагоразумным актом и поэтому отказался от нее, ввиду того что Англия господствует на морях. Англии надо было нанести удар с другой стороны и, посредством завоевания Египта, открыть более короткий путь в Индию, нежели путь вокруг Африки и мыса Доброй Надежды.



Театр военных действий
египетской кампании 1798 г.

Египетский поход был решен, и Наполеон отправился туда с отборными военными силами, поставив себе целью разрушить влияние Англии и захватить в свои руки господство на

Средиземном море. Конечно, надо было постараться прежде всего не возбуждать подозрительности турецкого султана. С султаном Франция, как монархическая, так и республиканская, неизменно поддерживала дружбу, тогда как Россия и Австрия всегда были соперницами Турции.

Египет же был только номинально под властью султана, фактически же он находился в руках мамелюков, представлявших нечто вроде египетских феодалов и угнетавших туземное население. Наполеон уверил султана, что, как «добрый друг турок он намерен смирить мамелюков, поднять благосостояние его египетских подданных и возвысить значение ислама». Таким образом он заручился сочувствием султана и быстро и таинственно сделал все приготовления для своей экспедиции.

Счастье помогало ему, так как Нельсон, сторживший его со своим флотом, не заметил, вследствие туманов и бурь, французской эскадры, вышедшей из Тулона с сорока тысячами солдат, и Наполеон мог без помехи продолжать свой путь дальше. Он достиг Александрии и без малейшего промедления высадил свои войска, несмотря на то что день уже склонялся к вечеру и море было бурное. На следующее же утро Александрия была взята, и Наполеон тотчас же обратился с воззванием к арабам и коптам, в котором заявлял, что он явился, как почитатель ислама и Пророка и друг падишаха, с целью избавить его верноподданных от тирании мамелюков.

С мамелюками, впрочем, ему не так трудно было справиться. Это был не народ, а просто фанатичная и отважная конница, не превышающая численностью 10 000 человек. Некогда она составляла придворную стражу калифа. Вооружены мамелюки были плохо, старыми ружьями, и почти не имели пушек, поэтому и не представляли такой силы, которая была бы страшна Наполеону.

Гораздо опаснее были для него враждебные силы природы: песчаная пустыня, палящий зной, отсутствие воды и недостаток провианта, производившие гораздо большие опустошения среди солдат, нежели пули мамелюков. Но Наполеон сам переносил с солдатами все лишения и поддерживал в них энтузиазм. Когда у пирамид они встретили мамелюков, то он обратился к своим солдатам со следующими словами: «Солдаты! Сорок веков глядят на вас с высоты этих пирамид!..»

Отряды мамелюков были истреблены. Но в Каире Наполеон получил известие о том, что Нельсон истребил французскую эскадру в устьях Нила, под Абукиром. Эта победа англичан, казалось, разрушала все, что было Наполеоном достигнуто раньше. Но Наполеон не потерял своего самообладания. Он

сказал своему другу и собрату по оружию, Мармону: «Потеря нашего флота, пожалуй, заставит нас совершить в этой стране гораздо большие подвиги, чем мы имели в виду сначала. Надо только держать голову над волнами – и они улягутся!..»

Однако положение его было трудное. Невозможно было получить откуда-либо ни подкреплений, ни даже известий. И французские отряды были совершенно предоставлены собственным силам среди чуждой природы и враждебного населения. Но Наполеон не знал, что значит отчаиваться или теряться. Невзирая на то что он оказался почти отрезанным от Франции, он все же старался укрепить свое положение в Египте и почти очистил его от мамелюков, которых разбил наголову, а остатки их отрядов заставил отступить к Нильским порогам.

Арабов и коптов он старался привлечь на свою сторону и все народности допустил к местному самоуправлению. Он завел типографии и учредил Египетский институт, президентом которого назначил Монжа. Известно, какое огромное значение в области египтологии имели работы этого института. Но эта мирная работа была прервана войной. Народ, недовольный контрибуциями, разоружением и налагаемыми на него повинностями, взбунтовался.

Было произведено нападение на французские посты, но Наполеон с неумолимой строгостью и жестокостью подавил восстание и, созвав улемов в Каире, сказал им следующее: «Объявите народу, что тот, кто умышленно восстанет против меня, не найдет спасения ни на этом, ни на том свете. Разве есть такие слепые, чтобы не видеть, что судьба руководит каждым моим шагом, или есть такие неверующие, чтобы сомневаться, что все в этом мире подчиняется судьбе?.. Я могу потребовать отчета за каждую сокровеннейшую мысль, так как я знаю все, что от меня скрывают! Придет день – и всем станет ясно, что я следую высшим велениям и никакие человеческие усилия против меня ничего не поделают!..»

Наполеон почти ничего не знал о том, что делается в Европе, и не ожидал, что Абукирская битва так скоро окажет влияние на европейскую политику, и Франция будет свергнута с той высоты, на которую он возвел ее своими победами. Правда, существуют указания на то, что, уезжая в Египет, где он рассчитывал покрыть себя новой военной славой, он предвидел, что Франция может потерпеть поражение, и тогда все обратятся к нему. Но коалиционная война началась все же раньше, чем он думал.

Само собой разумеется, что и турки тотчас же перешли в ряды врагов Франции. Наполеон был в Суэце, разыскивал следы древнего канала – он мечтал о прорытии Суэцкого перешейка и

соединении двух морей, – когда получил известие о наступлении турецких войск. В его распоряжении оставалось только 13 000 солдат, но тем не менее он тотчас же выступил на границу Сирии. Вместе со своими солдатами он совершил чудеса храбрости, но в то же время и ужасающие жестокости.

Он взял турецкие форты, а три тысячи человек, сдавшихся ему, он расстрелял на берегу. В его оправдание приводится то, что у него не было средств прокормить такое количество военнопленных. Но весьма вероятно, что он имел в виду произвести устрашающее действие на врага. Однако он ошибся.

В крепости Сен-Жан д'Акра, резиденции паши, он наткнулся на такое стойкое сопротивление, какого ожидать не мог. Оказалось, что там были англичане, явившиеся на помощь туркам, и Наполеон должен был отступить. Возвращение назад по жгучим пескам пустыни было ужасным. Солдаты были совершенно истощены и брели как тени.

Болезни опустошали их ряды не меньше, чем неприятельские пули. Но едва они дотащились до Каира, как снова пришлось выступить против врага, вдвое превышавшего их силы. Произошла беспримерная битва на мысе Абукир. Французы дрались с мужеством отчаяния, так как для них тут все было поставлено на карту. И они совершили чудеса. Шесть тысяч турок погибли, частью от пуль, частью же были оттеснены к морю и погибли в его волнах. Четыре тысячи положили оружие, и ни один из них не ушел.

Пребывание Наполеона в Египте и Сирии продолжалось почти два года, с 1797 по 1799 год. О своем возвращении в Европу он уже подумывал осенью 1797 года, как только до него дошли известия о коалиционной войне. Когда же Франция начала терпеть неудачу за неудачей, то Директория сама пожелала призвать Наполеона, для того чтобы он стал во главе республиканских армий.

Но письмо Директории не дошло до него. Когда же он узнал из английских газет о том, что творится во Франции, где Директория потеряла всякое значение, и о положении Франции на театре войны, то решил, не дожидаясь разрешения из Парижа, прямо ехать туда. Египетскую колонию, о которой мечтал Наполеон, все равно нельзя было сохранить при отсутствии всякой поддержки со стороны Франции, теперь обессиленной и ожидающей нашествия врагов. Спасти Францию могли только новые победы, но на море они были уже невозможны после Абукира, и оставалось только сражаться на суше.

Альфред Пари.
Сражение на улицах Абукира.
1894 г.

Наполеона много раз обвиняли в том, что он покинул остатки своей армии в Египте, под начальством генерала Клебера (вскоре убитого одним туземцем-фанатиком), и бежал во Францию, преследуя исключительно свои личные интересы и надеясь на руинах власти Директории создать свою собственную власть. Несомненно то, что он тогда уже мечтал о господстве во Франции, но судьба его была тесно связана с судьбой Франции, и,

спасая свое дело, он спасал и Францию.

Сорок восемь дней носился он по морю, прежде чем достиг, наконец, французских берегов. Несколько раз он подвергался опасности попасть в руки англичан. С изумительной смелостью он проскользнул ночью, потушив огни, мимо английского крейсера, которому Нельсон, не подозревавший, впрочем, о дерзкоотважном поступке Наполеона, поручил сторожить морской проход между мысом Бон и Мальтой.

Горацио Нельсон
(1758—1805)

Великий английский флотоводец, вице-адмирал Горацио Нельсон одержал ряд побед над французским и испанским флотами, в том числе при Абукире и Трафальгаре.

Маленькая эскадра Наполеона, состоявшая из трех кораблей, наконец, благополучно достигла Аяччо, и Наполеон опять увидел свою родину, которую он должен был покинуть шесть лет тому назад – как изгнанник, осыпаемый проклятиями своих соотечественников. Теперь же население Аяччо встречало его восторженно. В глазах пылких корсиканцев он был героем, прославившим своими победами корсиканское имя.

В толпе, которая, невзирая на карантин, установленный из опасения чумной заразы (в египетских войсках чума производила большие опустошения), теснилась к кораблям, находилась одна крестьянка, которая, увидав Наполеона на палубе фрегата, закричала ему по-итальянски: «Сын мой! Сын мой!» – и Наполеон радостно закивал ей, крича: «Матушка! Матушка!» Оказалось, что это была его кормилица, пришедшая взглянуть на своего питомца. Он не забыл потом о ней, когда достиг вершины могущества, и осыпал щедрыми милостями ее и ее семью.

В Аяччо Наполеон узнал о новых катастрофах, постигших Францию на театре войны. Наполеон поспешил распроститься со своей родиной, и на этот раз уже навсегда. Ему суждено было только издали увидеть свои родные горы: в первый раз – когда его отправляли на остров Эльбу и во второй раз – во время своего последнего путешествия во Францию.

По пути в Тулон Наполеон чуть не был настигнут английским крейсером, но обманул его ловким маневром. 9 октября он высадился в бухте Фрежюс, откуда направился прямо в Париж, восторженно приветствуемый населением на всем пути. Народ видел в нем теперь своего единственного спасителя и, веря в его непобедимость, только на него одного возлагал все свои надежды. В Париж Наполеон приехал 16 октября и прямо отправился на свою квартиру, на улице Победы, где оставалась Жозефина.

Но он не застал ее дома. Он знал уже из писем своих братьев, что она утешалась в его отсутствие и оправдывала свою легкомысленную репутацию. Жозефина, отправившаяся, как оказалось, ему навстречу, ошиблась, избрав другую дорогу, и не встретила его. Но когда она вернулась, то нашла двери дома запертыми, и рассерженный Наполеон долго не хотел впускать ее.

Однако прекрасная грешница все-таки сумела умилостивить

его, и с той поры она уже больше не давала ему поводов к ревности. Впрочем, его быстрое возвышение поневоле заставляло Жозефину не только не уклоняться с пути добродетели, но и смотреть снисходительно на все его уклонения. Она начала бояться за свое положение первой дамы Франции и всячески старалась упрочить его, пока ей не пришлось уступить своего места императорской дочери.

Момент, выбранный Наполеоном для своего появления во Франции, был очень удачен для него. Во Франции царило всеобщее недовольство Директорией, которая, действительно, прибегала к насилиям, напоминавшим террор и доводившим страну до разорения и голода. То и дело вспыхивали мятежи, и Франции, по-видимому, предстояло выбирать между восстановлением Бурбонов, а следовательно, и прежних порядков, и восстановлением анархии.

Около этого времени один француз писал, что Франция слишком утомлена и не может сама выбрать себе господина. Но если явится человек с готовым планом, то он будет иметь успех. Таким именно человеком был Наполеон, не допускавший, чтобы можно было действовать иначе, как только руководствуясь личными интересами. Давно уже миновало то время, когда он мечтал о бескорыстном служении идее.

К революции он относился с большим презрением, видя в ней только игру тщеславия и не веря больше ни в какую идеологию. Поэтому-то он и мог искусно лавировать между партиями, одинаково презирая их все. Он был сначала с монтаньярами, потом от них отрекся. Накануне 13 вандемьера он с презрением говорил о Конвенте, а потом его же защищал, обстреливая картечью его врагов.

К Директории же он всегда относился с пренебрежением и во время итальянского похода сказал в одном откровенном разговоре: «Неужели вы думаете, что я одерживаю победы в Италии ради величия адвокатишек Директории, всех этих Карно и Баррасов? Или что я это делаю ради основания республики? Что за вздор! Республика в тридцать миллионов душ? С нашими-то нравами и пороками? Это просто химера, которою теперь одержимы французы, но она исчезнет, подобно многим другим. Им нужна слава, нужно удовлетворение собственного тщеславия, что же касается свободы, то в ней они ничего не смыслят!»

К этому он еще прибавил следующие слова, достаточно ясно определяющие его направление мыслей: «Если я покину Италию, то лишь для того, чтобы играть во Франции ту роль, какую я здесь играю. Но время для этого еще не настало, груша еще не созрела… Я не могу больше повиноваться. Я попробовал власти и

уже был бы не в состоянии отказаться от нее. Во всяком случае, мое решение принято. Если мне нельзя будет сделаться господином во Франции, то я ее покину!..»

Он признавался, кроме того, что Восток излечил его от прежних идей и от увлечения Руссо. Он видел страну, где государь ни во что не ставил жизнь своих подданных, и они сами ни во что не ставили собственную жизнь, и в этой стране, по его словам, каждый должен был бы вылечиться от своих филантропических идей!

Однако, вернувшись во Францию, Наполеон не сразу обнаружил свои замыслы. Он действовал очень осмотрительно и сначала вел себя весьма сдержанно, заняв свое прежнее место. Первый свой визит он сделал своим ученым коллегам в институте и скромно занял свое место, придя на заседание института, вместе с Монжем и Бертолле.

Он даже сам прочел доклад о научных результатах своей египетской экспедиции, о памятниках Древнего Египта и следах древнего Суэцкого канала, а также изложил планы его восстановления. Само собой разумеется, что ученые члены института, польщенные его вниманием, тотчас же сделались его сторонниками.

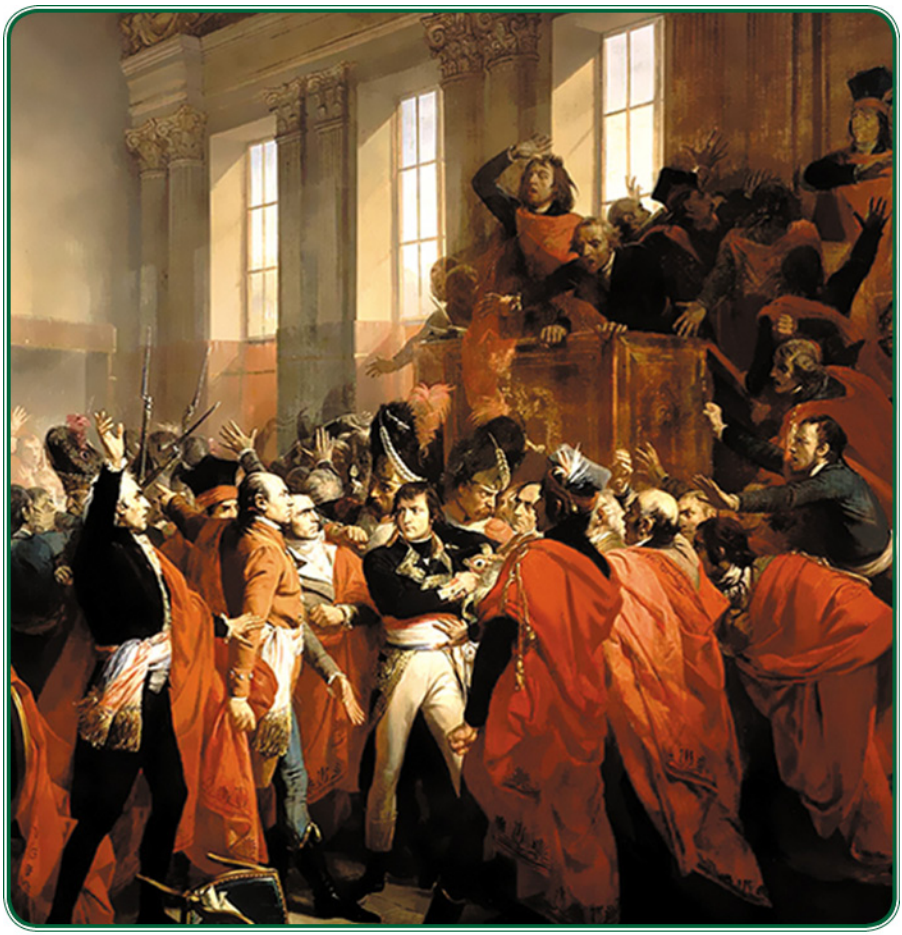
Наполеон ходил в штатском платье и только носил на поясе турецкую саблю. Он присматривался и прислушивался ко всему, но не сближался ни с одной из партий и вообще избегал всего, что могло бы дать повод говорить, что он желает оказывать влияние на правительство. Между тем, он ловко прокладывал дорогу к своей цели. Единственным человеком, с которым он тогда сблизился, был Сийес, бывший одним из директоров.

Сийес выработал план новой конституции, и Наполеон казался ему как раз подходящим человеком для того, чтобы подготовить и произвести государственный переворот. Наполеон соглашался с Сийесом в том, что Франция нуждается в более сильном правительстве и что власть должна быть сосредоточена в руках меньшего количества людей, поэтому пять директоров лучше заменить тремя консулами.

Сийес играл видную роль в истории революции, был членом комитета, вырабатывавшего конституцию 1791 года, и членом Конвента и Комитета общественного спасения. Уже тогда у него был свой собственный план конституции, но он не был принят, поэтому Сийес враждебно относился к конституции III года и только и думал о том, как бы ввести во Франции новые учреждения.

Его даже подозревали в том, что он не прочь был бы с иностранной помощью изменить внутреннее устройство Франции

в желательном для него смысле. Когда Наполеон вернулся из Египта и Франция единогласно указывала на него как на единственного человека, который мог спасти государство при тогдашних трудных обстоятельствах, то Сийес, конечно, постарался войти в соглашение с этим самым популярным в войсках и в народе генералом.



Франсуа Бушо.
Наполеон в Совете пятисот
10 ноября 1799 г.

Наполеон на первых порах думал только о том, чтобы стать одним из директоров, но конституция III года дозволяла выбирать в директора только людей не моложе 40 лет, поэтому планы Сийеса, конечно, были ему на руку. Впоследствии он сам говорил, что никогда не проявлял столько ловкости, как по возвращении

из Египта. «Я видался с Сийесом и обещал ему свою помощь в осуществлении его многосложной конституции.

Я принимал якобинских вождей, принимал бурбонских агентов и никому не отказывал в своих советах, но всегда их давал в интересах собственных планов», – признавался потом Наполеон. «А когда я сделался главой государства, то во Франции не было партии, которая не связывала бы с моим успехом какой-либо надежды!..»

Наполеон обещал свое содействие планам Сийеса, но потребовал только некоторых изменений, а именно: чтобы до окончательного введения новой конституции было назначено временное правительство, в состав которого и он должен был войти, вместе с Сийесом и Роже-Дюко. Сийесу это не очень нравилось, но противиться Наполеону он не посмел. Насколько Сийес сам опасался Наполеона и прозревал его намерения, доказывают его собственные слова: «Я пойду с генералом Бонапартом, но я знаю, что меня ожидает. После успеха генерал оставит нас позади и вот что сделает с нами» – Сийес оттолкнул своих собеседников назад и очутился один посреди комнаты, наглядно показав, как поступит с ним Наполеон.

Тщательно обдумав план переворота, который должен был совершиться во имя свободы и республики, заговорщики привели его в исполнение 18 брюмера (9 ноября), распустив предварительно слух об опасном якобинском заговоре. Совет старшин, под влиянием Сийеса, на стороне которого было большинство, вотировал перенесение заседаний обеих палат в Сен-Клу, что было нужно заговорщикам для того, чтобы якобинцы Совета не помешали всему делу, соединившись с населением предместий. Сийес справедливо рассчитывал, что вне Парижа Совет будет сговорчивее.

В содействии войска он не сомневался, так как армия боготворила Наполеона, которого уже тогда называли «маленьким капралом». Наполеон, окруженный генералами и офицерами, ждал у себя дома своего назначения на высокий пост главнокомандующего. К нации же Совет обратился с особым манифестом, в котором оправдывал эти меры необходимостью усмирения тех, «кто стремится к тираническому господству над национальным представительством», и необходимостью обеспечить внутренний мир страны.

Когда же Наполеон явился в Совет, чтоб принести присягу, то вместо этого он произнес краткую речь следующего содержания: «Ваша мудрость внушила вам этот декрет, а наши руки сумеют его исполнить. Мы желаем республики, основанной на истинной гражданской свободе, на национальном представительстве. Она у

нас будет, я в этом клянусь, клянусь за себя и за своих товарищей по оружию».

Конечно, речь Наполеона была покрыта аплодисментами. Вслед за тем он обратился к войску с прокламацией, в которой говорил: «Два года уже республика плохо управляется. Вы возложили свои надежды на то, что мое возвращение положит конец всем этим бедствиям, и отпраздновали это возвращение с единодушием, налагающим на меня обязанности, которые я теперь и выполняю… Свобода, победа и мир возвратят французской республике то место, которое она занимала в Европе и которого могли ее лишить разве только неспособность и измена!»

В тот же день, согласно уговору, Сийес и Роже-Дюко подали в отставку, и Наполеон написал Баррасу и потребовал от него, чтобы он тоже подал прошение об отставке. Это было нужно для того, чтобы совсем уничтожить существовавшую в то время исполнительную власть. С выходом же в отставку трех членов Директория фактически упразднялась.

Баррас не стал сопротивляться и прислал сказать об этом Наполеону, а тот, в присутствии посторонних свидетелей, обратился к посланному с такими словами: «Что сделали вы из Франции, которую я вам оставил в таком блестящем положении? Я оставил вам мир, а по возвращении своем нашел войну. Я оставил вам победы, а теперь вижу поражения. Я оставил вам итальянские миллионы, а по возвращении нашел расхищенную казну и нищету! Что сделали вы с сотнями тысяч французов, мне хорошо известных, моих товарищей по славе? Их нет более в живых! Такой порядок вещей не может дольше продолжаться! В какие-нибудь два-три года он привел бы нас к деспотизму. Но мы желаем республики, основанной на равенстве, на морали, на гражданской свободе, и на политической терпимости!..»

Гойе и Мулен, два не вышедших в отставку директора, пробовали было протестовать против заявлений Наполеона, но были потом задержаны в Люксембургском дворце по его приказанию. Сийес предлагал Наполеону арестовать еще десятка два-три членов Совета пятисот, но Наполеон отказался, не желая показать, что он их боится.

На другой день оба Совета собрались в Сен-Клу: Совет старейшин в одной из зал дворца, Совет пятисот – в оранжерее. Оба Совета были в большой тревоге. Якобинцы, не присутствовавшие на заседаниях накануне, так как не получили повесток, требовали теперь объяснений случившемуся. Но уже многие из старейшин, давшие свое согласие на перемену Директории, которой все были недовольны, начали понимать

теперь, что дело не в этом, а в отмене конституции.

Когда же им было дано знать об отставке трех директоров, то все пришли в сильное смятение. Якобинцы тогда потребовали, чтобы все депутаты поголовно снова присягнули на верность конституции III года. Слышались даже возгласы: «Долой диктаторов! Мы здесь свободны! Штыки нас не пугают!» Наполеон, находившийся в это время в одной из комнат дворца и опасавшийся, что дело может принять неблагоприятный оборот, решил действовать энергично, воскликнув: «Этому должен быть положен конец!»

С этими словами он неожиданно явился в зале Совета, рассчитывая на то, что его появление произведет желаемое впечатление на старейшин. Но так как он сам был очень взволнован и раздражен и не приготовился к произнесению речи, то начал очень путано говорить об опасностях, которые угрожают республике, об отсутствии руководителей, прибавив, что еще только Совет старейшин стоит на ногах и должен вступиться за республику. «Спасем свободу! Спасем равенство!» – воскликнул он. – «А конституцию?» – крикнул один из членов.

Этого было достаточно, чтобы вызвать взрыв. «Вашу конституцию? – вскричал Наполеон. – Да вы сами нарушили ее! Вы нарушили ее 18 фрюктидора, вы нарушили ее 22 флореаля и 30 прериаля! Никто более не уважает ее! На нее ссылаются все партии, и она всеми ими нарушается и презирается, поэтому она не может спасти Францию!» Далее он снова заговорил о заговорах, об опасностях, грозящих республике, и о том, что некоторые лица пытались его привлечь на свою сторону и стать во главе партии, желавшей низвергнуть всех свободомыслящих людей.

Когда от него потребовали имен, он назвал Барраса и Мулена, но ему не верили, и шум не утихал. Его теснили со всех сторон. Он крикнул: «Помните, что я шествую, сопровождаемый богами счастья и богом войны!» – и, наконец, выбрался в оранжерею, где заседал Совет пятисот. Там он, по-видимому, заранее решил вызвать конфликт, так как явился туда в сопровождении четырех гренадеров, кроме Лефебра, Мюрата и своего брата Люсьена.

Французский республиканский, или революционный, календарь был введен во Франции во время Великой французской революции декретом Национального Конвента от 5 октября 1793 г. и использовался до 1 января 1806 г. Нулевой точкой отсчета было объявлено 22 сентября 1792 г. — день упразднения королевской власти и провозглашения республики. Поскольку этот день пришелся на осеннее равноденствие, то последующие годы должны были начинаться в полночь того дня, на который оно придется.

Год делился на 12 месяцев по 30 дней:

вандемьер (22 сентября — 21 октября) — месяц сбора винограда;

брюмер (22 октября — 20 ноября) — месяц туманов;

фример (21 ноября — 20 декабря) — месяц заморозков;

нивоз (21 декабря — 19 января) — месяц снега;

плювиоз (20 января — 18 февраля) — месяц дождя;

вантоз (19 февраля — 20 марта) — месяц ветра;

жерминаль (21 марта — 19 апреля) — месяц прорастания;

флореаль (20 апреля — 19 мая) — месяц цветения;

прериаль (20 мая — 18 июня) — месяц лугов;

мессидор (19 июня — 18 июля) — месяц жатвы;

термидор (19 июля — 17 августа) — месяц жары;

фрюктидор (18 августа — 16 сентября) — месяц плодов.

Оставшиеся 5 или 6 дней года именовались санкюлотидами и получали особые названия.

Вместо недели была введена декада.

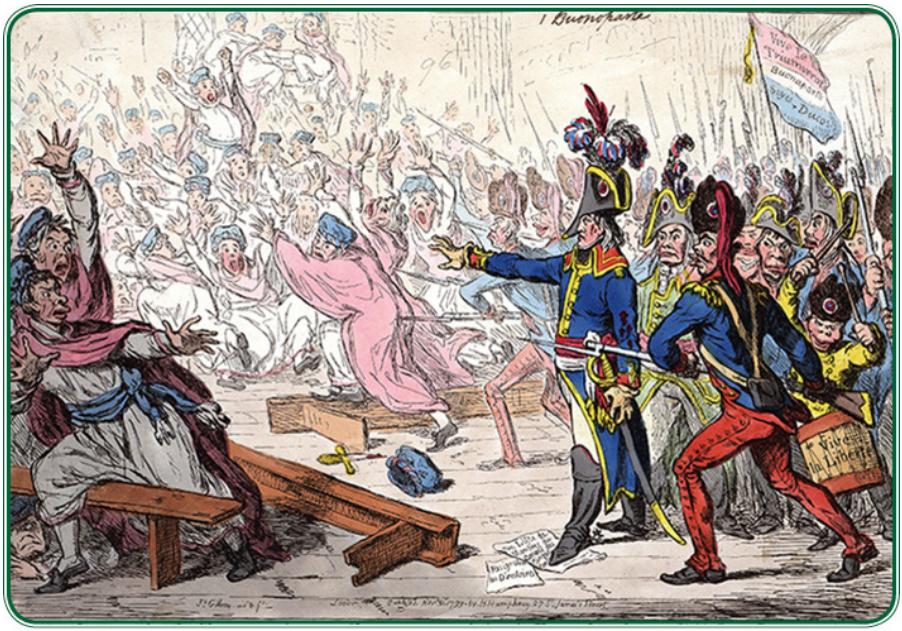
Республиканский календарь был восстановлен во время Парижской коммуны и действовал с 18 марта по 28 мая 1871 г.

Представители народа увидели, таким образом, воочию, что им угрожало, – диктатура и штыки. Конечно, этот вид привел их в страшное негодование. Раздались крики: «Долой диктатора! Долой тирана! Вне закона!» – и на Наполеона набросились с кулаками. Растерявшийся от неожиданности и взбешенный Наполеон был почти без чувств вынесен на руках из залы своими гренадерами. Но на дворе он пришел в себя и, вернув свое

хладнокровие, стал во главе батальона гвардии законодательного корпуса.

«Вне закона!» Это был лозунг революции, пущенный Робеспьером на вершине власти и приносящий смерть. Наполеон услышал его, но победитель, в котором нация видела своего спасителя, не мог испугаться этих слов. Якобинцы были бессильны. Они ничего не могли противопоставить Наполеону, кроме своих слов и конституции, представляющей ничего не стоящий клочок бумаги. Они не могли спасти от раздора государство; нация же только на Наполеона возлагала надежды.

Но все же был такой момент, когда дело Наполеона могло быть проигранным, потому что среди гвардейцев заметно было колебание. Сийес, Роже-Дюко и Талейран уже были наготове спасаться бегством, в случае неудачи. Но Наполеон бежать не собирался. Он вскочил на лошадь и бросился к своим гренадерам, возбудил их своим рассказом о покушении на него, о подкупленных врагах и кинжалах, которыми ему грозили. К нему присоединился его брат Люсьен, который был председателем в Совете пятисот, и, покинув Совет, обратился с речью к солдатам, заклиная их спасти своего генерала от «убийц, подкупленных Англией».



Бонапарт останавливает фарс равенства в Сен-Клу 10 ноября 1799 г. *Карикатура Джеймса Гиллрея на государственный переворот 18 брюмера во Франции*

Солдаты немедленно вошли в залу с барабанным боем, и депутаты, без малейшего сопротивления, тотчас же разбежались, протестуя и крича: некоторые повыскакивали из окон, опасаясь насилия, и пустились в темноте бежать через сад, смешавшись с публикой, наполнявшей трибуны.

Государственный переворот был совершен, и оставалось только оформить его. Это уже не составило затруднений. Совет старейшин назначил, вместо Директории, временное правительство из трех консулов – Сийеса, Роже-Дюко и Бонапарта, и избрал комиссию для выработки новой конституции. Вновь назначенные консулы принесли затем присягу в верности верховенству народа, республике, свободе, равенству и представительному правлению.

Люсьен Бонапарт поздравил представителей народа с великим событием и произнес следующие слова: «Если свобода родилась в зале для игры в мяч, в Версале, то упрочена она была в оранжерее, в Сен-Клу!» По-видимому, так думали и парижане, с облегчением вздохнувшие, когда факт совершился. Настоящее было так тяжело, что все готовы были радоваться перемене. И 18 и 19 брюмера все спокойно занимались своими делами, как будто

ничего важного не произошло.

А между тем Франция именно в эти дни вступила на путь цезаризма. Но даже когда лживость заявлений, которыми заговорщики хотели оправдать свои поступки, сделалась очевидной для всех, большинство все же отнеслось к этому равнодушно. Фигура Наполеона совершенно заслоняла других его товарищей и консулов, и в нем многие готовы были видеть спасителя от всех внутренних и внешних бед. То, как он достиг власти, представлялось им вопросом второстепенным, лишь бы он эту власть употребил на пользу и спасение Франции! Министр иностранных дел Талейран говорил тогда о Наполеоне: «Его удивительная уверенность в себе внушает его сторонникам столь же удивительное чувство обеспеченности». В этом, пожалуй, заключалась тайна его власти над современниками.

Новое правительство, после переворота 18 брюмера, конечно, прежде всего занялось выработкой новой конституции, и эта конституция 22 фримера VIII года (13 декабря 1799 года) управляла Францией в эпоху консульства и империи лишь с некоторыми изменениями. Первая французская конституция (1791 года) была монархической лишь по форме, а по содержанию она была республиканской. Новая же конституция была республиканской лишь по названию, а по существу была монархической, в силу той власти, которую она предоставляла первому консулу.

Два других консула, его товарищи, были лишь простыми ассистентами первого консула. Все органы администрации зависели от него одного, а законодательные собрания превратились в простые декорации, за которыми скрывалась почти неограниченная власть главы государства, то есть первого консула. Не было также упомянуто в этой конституции о знаменитой Декларации прав человека и гражданина, и в этом заключается ее коренное отличие от всех революционных конституций. Но тем не менее торжественно было объявлено, что конституция будет предложена французскому народу для ее принятия.

Впрочем, никто не сомневался в том, что она будет принята. Действительно, плебисцит 18 плювиоза VIII года (7 февраля 1800 г.) утвердил ее. Из 3 012 569 граждан, подававших голоса, только 1562 человека высказались против!

В одном отношении Наполеон быстро выполнил надежды, возлагаемые на него народом. Он вернул внешний и внутренний мир Франции и возвысил ее. Весной 1800 года он лично руководил армией в Италии и одержал блестящие победы. Менее чем через год Люневильский мир положил начало господству

Франции не только в Италии, но и в Германии, а еще год спустя был заключен мир и с Англией.

Таким образом, Наполеон является уже в ореоле не только победителя, но и миротворца. Казалось, и все европейские нации готовы были признать его таким, и недаром великий Бетховен назвал свою третью симфонию «Бонапарт» и в ее героических звуках изобразил его деяния. Один молодой немецкий ученый, профессор Берлинского университета Зольгер, описывает впечатление, какое произвел на него первый консул на одном военном параде.

Наполеон был окружен генералами, мундиры которых сверкали золотом, но сам он был в простом синем мундире, без всякого шитья, и шляпа его была украшена только национальной кокардой. Несмотря на свой небольшой рост, невзрачную фигуру и бледное, с желтизной, безжизненное лицо, он все же приковывал к себе внимание. Величие отражалось и на его маленькой фигурке, сидящей на лошади, и на его лице. Народ восторженно встречал его. Женщины поднимали детей, чтобы они могли на него посмотреть, и одна из них сказала при этом: «Видите вы? Это ваш король!..» Но ее соседи выругали ее за это…

Глава V

Конец революции. – Восстановление во Франции старого порядка. – Кодекс Наполеона. – Его мнение о причинах революции. – Понимание характера французской нации. – Раздражительность и грубость. – Превращение Франции в монархию. – Казнь герцога Энгиенского. – Плебисцит.

Переворот 18 брюмера имел большое значение не только для Франции, которую он лишил всякого подобия свободы, но и для остальной Европы. Во Франции он означал конец революции. Новая власть, установившаяся во Франции в лице первого консула, занялась внутренней организацией страны. Наполеон проявил в этом деле замечательные способности и умение выбирать сотрудников. С целью умиротворения страны и желая привлечь на свою сторону приверженцев старой Франции, он освободил священников, находившихся в ссылке, и закрыл списки эмигрантов.

Двери новой Франции, таким образом, открывались для всех приверженцев старины, но под одним лишь условием: они должны были признать свершившийся факт. Зато к якобинцам Наполеон относился с величайшим недоверием и ожесточенно преследовал их, при помощи своего министра полиции Фуше, некогда бывшего ярым якобинцем.

Особенно сильным репрессиям подверглись якобинцы после покушения на первого консула в декабре 1800 года. Однако адская машина, начиненная порохом и пулями, взорвалась, не причинив никакого вреда первому консулу, а на якобинцев посыпались кары, и многие из них поплатились ссылкой «ради обеспечения общественного спокойствия», как сказал Фуше, хотя и было доказано, что в заговоре якобинцы не участвовали, и он был устроен одними роялистами.

Таким же репрессиям подверглась и печать, к которой Наполеон относился с величайшим недоверием с самого начала. Он сразу закрыл 60 газет и оставил только 13, которые, однако, подчинил самому суровому режиму. Свободе политической печати наносится, таким образом, тяжелый удар. Впрочем, Наполеон вообще старался подавлять всякое проявление общественной свободы во Франции. Он не терпел оппозиции, и все должно было склоняться перед его властью.

Антуан Жан Гро.
Первый консул Бонапарт

Впрочем, новые законодательные учреждения, члены которых были назначены или Наполеоном, или преданным ему Сенатом и притом получали большое жалованье, не делали никаких попыток к оппозиции. Они были раболепны, насколько только можно вообразить, и лишь один трибунат, обязанный критиковать законы, вздумал было серьезно взглянуть на свою роль. Наполеон пришел в сильнейшее раздражение.

Он объявил, что «он солдат, сын революции, и не потерпит,

чтобы его оскорбляли, как какого-нибудь короля»! Когда ему указывали на необходимость оппозиции и ссылались при этом на Англию, то он сердился и возражал на это, что оппозиция только роняет власть в глазах народа и что для хорошего правления нужно безусловное единство.

Однако власть Наполеона родилась все-таки из революции, и потому, несмотря на свое властолюбие и деспотизм, приближавшие его к Людовику XIV, он должен был сохранить историческое положение, создавшееся во Франции путем замены старого католико-феодального общественного строя бессословным гражданством. Для громадного большинства французов сущность революции и заключалась, главным образом, в отмене сословий, привилегий, феодальных прав, а не в уничтожении произвольной власти.

Гражданское равенство было для нации более ценным приобретением, нежели политическая свобода. Поэтому в глазах массы Наполеон, упрочивавший социальные приобретения революции посредством внутренней организации, обеспечивший гражданское равенство, свободу поземельной собственности и равенство перед законом, был спасителем революции и ее наследником, и это укрепляло его положение среди народа.

Только в глазах тех людей, кому дороги были принципы 1789 года, дорога индивидуальная и общественная свобода, Наполеон был узурпатором и «первым из контрреволюционеров», как называла его г-жа Сталь. В сущности, Наполеон был продолжателем старой монархии и вводил в стране беспощадную бюрократическую централизацию, не допуская никаких самостоятельных общественных соединений.

На церковь и религию он смотрел как на силу, с которой государство должно находиться в союзе. Это и побудило его заключить конкордат с папой, определявший отношение церкви к государству и положение духовенства во Франции. «Общество, – говорил он, – не может существовать без неравенства имущества, а неравенство имущества не может существовать без религии.

Голодный человек не мог бы терпеливо переносить того, что рядом с ним другой утопает в излишестве, если б не существовало власти, говорящей ему, что так угодно Богу». С этой именно точки зрения Наполеон и смотрел на христианство, видя в нем «тайну общественного порядка».

В его представлении религия и государство должны быть тесно связаны между собой, иначе государством трудно будет управлять, поэтому-то он и превратил католическое духовенство во Франции в «священную жандармерию», и даже сам издал «Органические статьи католического культа». А когда он сделался

императором, то, по его приказанию, был составлен для школ новый катехизис, в котором власть императора возводилась почти в степень религиозного догмата.

Он всегда был на стороне положительных, установленных вероисповеданий, видя в них нечто вроде «прививки оспы, удовлетворяющей стремление человека к чудесному и гарантирующей его от шарлатанов». Он говорил: «Попы лучше, чем Калиостро, Канты и все немецкие фантазеры!» Но сам Наполеон отнюдь не был религиозен. Он даже прямо заявлял: «Я – никто! Я был мусульманином в Египте, а здесь я буду католиком для блага народа. Я не верю в религии!»

И это была правда, так как для него религия была только известным политическим средством, поэтому он мог подделываться под миросозерцание мусульман в Египте и под антикатолическое настроение республиканцев, говоря, что враги французской свободы – это: роялизм, феодализм и религия.

А в первый год своего консульства, в речи, сказанной перед миланским духовенством, он уже говорил, что по его мнению, «католическая религия одна только в состоянии доставить настоящее благополучие правильно устроенному обществу» и утвердить основы хорошего правительства. Он высказался при этом и против философии XVIII века и против «революции, преследовавшей католицизм», и заявил, что ни одно общество не может существовать без морали, а хорошая мораль невозможна без религии!

В политическом и административном смысле Наполеон восстанавливал Францию старого порядка, с характеризующей ее централизацией и отсутствием общественной свободы. Чрезвычайно важная и громадная работа была исполнена в эпоху его управления Государственным советом по составлению свода гражданских законов, получившего название Кодекса Наполеона. Это чрезвычайно простой и краткий гражданский кодекс, обнимающий всю жизнь гражданина, и Наполеон мог с полным правом говорить, что этот памятник его деятельности никогда не изгладится из памяти и будет жить вечно, даже тогда, когда изгладится всякое воспоминание о его победах.

Новая юстиция отчасти напоминала идеал революции, со своими присяжными, адвокатами, мировыми судами и несменяемостью судей. Однако эта, казалось, незыблемая твердыня правосудия не могла все-таки служить преградой цезаризму, и Наполеон обходил ее при помощи специальных судов. Все же социальные приобретения революции были обеспечены Наполеоном, но его политический режим был восстановлением абсолютизма.

Масса любит только равенство, справедливо рассуждал он, свободы же добиваются только немногие. Он не верил, чтобы участие в революции тех или других лиц могло объясняться их стремлением к политической свободе. Причины революции он сводил к неравенству, к привилегиям. Он прекрасно видел, что среди республиканцев конца XVIII века было немало людей, стремившихся только к власти, и охотно впоследствии делал таких людей министрами, сенаторами и т. п., превращая их в своих сторонников.

«Французы, – говорил он, – ничего не умеют серьезно желать, кроме разве одного только равенства! Да, пожалуй, и от него каждый из них охотно откажется, если только может сделаться первым. Нужно каждому позволять надеяться на повышение. Нужно всегда держать в напряжении тщеславие французов. Суровость республиканского режима наскучила бы им до смерти… Что произвело революцию? Тщеславие. Что положит ей конец? Опять-таки тщеславие. Свобода – один предлог!»

В другой раз он заявил: «Свобода может быть потребностью лишь весьма малочисленного класса людей, от природы одаренного более высокими способностями, чем масса, но потому-то свободу и можно безнаказанно подавлять, тогда как равенство нравится именно массе…» Понятно, что, не веря в стремление нации к свободе, он и вел себя таким образом, как будто нация и на самом деле не желала свободы. Когда это было нужно, он, конечно, произносил имя свободы, но не придавал ей ни малейшего значения.

Он считал настоящим приобретением революции именно то гражданское равенство, которое могло существовать и под властью абсолютного правительства и которое было политическим идеалом громадного большинства французов. И в этом отношении Наполеон проявил гениальное понимание характера французской нации; он видел, что почти все, имевшие власть в своих руках в самые бурные периоды революции, так обращались со свободой, как будто она существовала только для них, будучи твердо уверенными, что для доставления торжества своим идеям они должны раздавить или уничтожить идеи других.

Действительно, надо отдать справедливость Наполеону – он, по крайней мере, не прикрывал своего деспотизма именем свободы, как это делали его революционные предшественники. Идея народовластия представлялась ему в довольно оригинальной форме. Правительство, по его мнению, было истинным представителем нации.

В первый год консульства, в заседании Государственного совета, он говорил следующее: «Моя политика состоит в том,

чтобы управлять так, как того хочет большинство нации. Превратившись в католика, я кончил вандейскую войну, сделавшись мусульманином, я утвердился в Египте, а став ультрамонтаном, я привлек на свою сторону духовенство в Италии. Если бы я управлял народом, состоящим главным образом из евреев, я бы восстановил храм Соломона. По той же причине я буду говорить о свободе в свободной части Сан-Доминго, но я утвержу рабство в Иль-де-Франсе или в другой части Сан-Доминго, оставив за собой право смягчить и ограничить невольничество там, где я его удержу, и, наоборот, восстановить порядок и поддержать дисциплину там, где я его отменю. В этом, по-моему, и заключается принцип народного верховенства».

То государство, которое создавал Наполеон, не должно было знать свободы, и неограниченная верховная власть народа целиком переносилась на того, кого он называл настоящим представителем народа, то есть на правительство. Что он не ошибался в своем суждении о французах, доказывают плебисциты, которые миллионами голосов сначала сделали его консулом на десять лет, потом пожизненным консулом и, наконец, императором.

Маттеус Игнатиус ван Бре. Вступление Бонапарта, как первого консула, в Антверпене 18 июля 1803 (1807) г.

Наполеону только что исполнилось тридцать лет, когда он

сделался полновластным распорядителем судеб нации. Но его организаторский талант, его умственная сила и работоспособность поражали всех, даже тех, кто несочувственно относился к нему. Он умел довольно ловко скрывать свое невежество и, обладая громадной памятью и наблюдательностью, легко ориентировался в каждом принципиальном вопросе, который обсуждался в его присутствии.

Притом же он умел соединять таланты разного рода и заставлял совместно работать людей, совершенно расходившихся между собой по характеру и убеждениям, часто находившихся в открытой вражде и подвергавших друг друга изгнанию в разные периоды революции. И часто верностью своих суждений и замечаний Наполеон удивлял даже сведущих людей. Работая чуть ли не двадцать часов в сутки, он никогда не обнаруживал ни умственного утомления, ни физической усталости, ни малейшего признака ослабления…

Его властная натура требовала безусловного подчинения его воле, и он всегда умел разыскать в каждом человеке ту слабую струну, на которую нужно было воздействовать, чтобы подчинить его себе. И он умел играть на этой струне, привлекая к себе и подчиняя человека. Само собой разумеется, что чем больше находил он таких людей, тем сильнее развивались его деспотизм и честолюбие.

В конце концов, он оказался окруженным только раболепными исполнителями своей воли. Слушаться, не рассуждая, было требованием, которое он предъявлял всем и каждому, и, конечно, находилось очень много людей, готовых удовлетворить это требование.

И часто он требовал от своих слуг исполнения таких дел, которые противоречили чувству чести и совести. Не раз исполнители его велений говорили со вздохом, что нелегко служить ему. Да Наполеон и сам понимал это и говорил, что счастлив только тот, кто прячется от него в глуши провинции. Как-то однажды он спросил, что будут говорить после его смерти, и, конечно, получил в ответ, что все будут его оплакивать. «Ну нет, – возразил он. – Скажут только: уф!»

И он сделал движение человека, отделавшегося от тяжелой ноши. О будущем он не задумывался, и когда ему сказали, что после его смерти невозможно будет управлять такой громадной империей, которую он создал своими завоеваниями, то он ответил: «Если мой преемник будет глуп, то тем хуже для него!» К человеческой жизни, к «пушечному мясу» солдат он относился с полным презрением и прямо говорил: «Я вырос на полях битвы. Такому человеку, как я, наплевать на жизнь миллиона людей!»

И тем не менее армия боготворила своего «маленького капрала». Беспрерывные войны, конечно, сами собой выдвигали армию на первый план, но и Наполеон делал все, чтобы привязать к себе солдат, офицеров и генералов. Повышение офицеров происходило необыкновенно быстро, и вообще военная карьера была самой выгодной в материальном отношении. Офицеры получали, кроме большого жалованья, денежные награды и имения в завоеванных странах, а тщеславию их льстила возможность получить титул барона, князя или герцога.

Наполеон учредил орден Почетного легиона, который сделался целью стремлений великого множества французов. Когда же некоторые из республиканцев сказали ему, что в республиках такие игрушки не нужны, то он воскликнул: «Вы называете это игрушками? Так знайте же, что при помощи этих игрушек можно вести за собой людей!» В военной среде Наполеон чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было, потому что там все было основано на безусловном повиновении и все сгибалось перед одной высшей властью.

Естественно, что он хотел провести эти принципы военного повиновения и казарменной дисциплины и в управлении государством. Впрочем, он, быть может, не без основания, боялся ослабить свою власть. Он высказывал мнение, что только старые династии могут безнаказанно заигрывать с народом. На него же еще очень многие смотрят как на пришельца.

Известному химику Шанталю, который был членом Государственного совета и стоял к нему довольно близко, он сказал, между прочим: «Моя империя разрушится, как только я перестану быть страшным… И внутри, и вне я царствую в силу внушаемого мной страха. Если бы я оставил эту систему, то меня не замедлили бы низложить с престола. Вот каково мое положение и каковы мотивы моего поведения!..»

Однако, несмотря на свою раздражительность, требовательность и грубость, Наполеон умел быть обворожительным и проявлять доброту и великодушие, когда находил это нужным. Привычка к неограниченной власти, раболепство и подчинение, окружавшие его, уничтожили в нем естественные проявления добрых чувств, а его эгоизм и властолюбие, разрастаясь до невероятных размеров, постепенно заглушили все зародыши этих чувств в его душе, оставив место только глубокому презрению к людям.

Уже в салонах Директории, когда он обращался к мужчинам или женщинам, всегда принимал тон превосходства. Одной француженке, славившейся своей красотой и своим умом, а также своими передовыми взглядами, он сказал: «Madame, я не люблю,

когда женщины мешаются в политику!» И он сказал это так, что она прикусила язычок.

Его неприятельница, г-жа Сталь, говорила, что когда она увидела его в первый раз, после договора Кампоформио, то сначала испытала чувство восхищения, а потом какой-то неопределенный страх. А между тем он тогда еще не имел никакой власти, и даже его положение считалось очень шатким, вследствие подозрительности Директории.

«Я скоро поняла потом, встречая его в Париже, – говорила г-жа Сталь, – что его характер нельзя было определить словами, которыми мы обыкновенно пользуемся для определения людей. Его нельзя было назвать ни добрым, ни злым, ни кротким, ни жестоким. Такой человек, не знающий себе подобных, не мог ни возбуждать симпатии, ни сам ее чувствовать… Он был и больше, и меньше человека… Я смутно чувствовала, что он не доступен никаким душевным эмоциям. Он смотрит на каждое человеческое существо, как на факт или вещь, а не как на себе подобное существо. Он не ощущает ни ненависти, ни любви. Для него существует только он один, все же остальные человеческие существа – только цифры… Его душа представлялась мне такой же холодной и острой, как лезвие шпаги, которая замораживает, нанося раны. Я чувствовала в нем глубокую иронию, от которой ничто не ускользало, ни великое, ни прекрасное, ни даже его собственная слава, потому что он презирал нацию, голоса которой хотел получить…» Все имело для него значение лишь с точки зрения непосредственной пользы, которую это могло принести его цели.

Действие такой беззастенчивой силы, какой обладал Наполеон, быстро сказалось на обществе, которое стало неузнаваемым, и Шенье мог с полным правом воскликнуть: «Наши армии десять лет сражались за то, чтобы мы стали гражданами, а мы вдруг превратились в подданных!» Но в материальном отношении Франция начала процветать; промышленность быстро развивалась, и даже сельское хозяйство начало подниматься. Торговля увеличилась, потому что улучшились пути сообщения.

Наполеон не жалел на это денег и с беспощадной энергией боролся с хищничеством. Он сам просматривал расходы министров каждую неделю и оглашал их отчеты. В сущности, как министры, так и все чиновники были его слепыми орудиями, и он даже в походной палатке просматривал все министерские бумаги, неусыпно следя за всем.

Наполеон никому не говорил, чего он хотел на самом деле, но люди, его окружавшие, прекрасно понимали, что он хочет

дальнейшего расширения своей власти. Неясно было для них лишь то, в чем должно было заключаться это расширение. Наполеон хотел, чтобы нация сама, в лице своих представителей, наградила его за дарование Франции внутреннего и внешнего мира, но, разумеется, мысль об этой награде зародилась в голове у него самого, и он только внушил ее другим. После заключения Амьенского мира генералу Бонапарту был дан «блестящий залог национальной благодарности».

В июле 1802 года новый плебисцит даровал ему пожизненную власть. Три с половиной миллиона голосов высказались утвердительно – против ничтожного количества полутора тысяч голосов, высказавшихся отрицательно! Наполеон, следовательно, принял свою власть из рук народа и тотчас же заявил, что в связи с этой переменой должны быть введены в конституцию и другие необходимые изменения. Услужливый Сенат, конечно, пошел навстречу его желанию, и первый консул получил право назначить себе преемника, заключать договоры с иностранными державами и миловать преступников.

Франция быстро начала превращаться в монархию, и, чтобы получить корону, Наполеону оставалось только протянуть руку. Он поселился в Тюильрийском дворце, где его окружал блестящий двор. Многие из бывших эмигрантов появились при этом дворе и в значительной степени содействовали возвращению в обществе старых монархических традиций и нравов. В законодательном корпусе был поставлен бюст Наполеона, а в «день Наполеона» (15 августа) везде в Париже засверкал его вензель.

Парад у дворца Тюильри

Литература, задавленная мощной рукой повелителя, не поднимала головы. Среди же послушных ему литераторов образовался кружок моралистов, покровительствуемый Жозефиной, который начал нападать на материалистов и вольнодумцев. Из этого кружка вышло и знаменитое произведение Шатобриана «Гений христианства», которое можно смело назвать Евангелием наступившей реакции.

Немногие либералы и республиканцы, оставшиеся верными идеям свободы и равенства, не хотели все-таки признавать новую власть. Не хотели ее признавать и роялисты, и намерения их погубить Наполеона поддерживала Англия, помогая им деньгами и другими средствами. Возник новый роялистский заговор, во главе которого находился граф д'Артуа, живший в Англии, а наиболее близкое участие в нем приняли Дюмурье и Пишегрю, который был одним из членов Совета пятисот, сосланных после 18 фрюктидора в Кайенну, откуда он и бежал в Англию.

Исполнителем был выбран старый вождь вандейцев, Жорж Кадудаль. Однако агенты Наполеона хорошо служили ему. Он был вовремя предупрежден. Заговорщики были арестованы и сознались во всем. Кадудаль и другие были расстреляны, а Пишегрю найден был в тюрьме повесившимся. Было то самоубийство или убийство, так и осталось невыясненным.

Наполеон решил воспользоваться этим случаем, чтобы нанести удар принцам королевского дома, так как на допросов Кадудаль заявил, что в заговоре участвовали эти принцы. Это

было на руку Наполеону. Подозрение пало на молодого герцога Энгиенского, который в то время находился в великом герцогстве Баденском и жил на пенсию, получаемую от английского правительства. Он был влюблен в свою кузину Шарлотту де Рогань, и, быть может, это и заставило его отважиться покинуть свое безопасное убежище и очутиться вблизи самых пушек Страсбурга.

Но его подозревали в том, что он находился в тесных сношениях с английскими агентами, с эмигрантами и с Дюмурье. Во всяком случае, Наполеон решил на нем показать пример. Он был схвачен французскими драгунами на чужой территории 15 марта 1804 года, привезен в Париж и приведен в военный суд. На суде он решительно отрицал всякую прикосновенность к заговору на жизнь первого консула.

Никаких доказательств его виновности не было, тем не менее судьи, повинуясь воле своего повелителя, приговорили его к смерти. В ту же ночь, во рву Венсенского замка, молодой принц был расстрелян. Эта казнь невинного принца возмутила всю Европу – и как это ни странно, но именно эта пролитая кровь легла неизгладимым пятном на память Наполеона в глазах потомства, прощавшего ему потоки крови, пролитые им на полях битв.

Через два месяца после этого убийства Наполеон уже был императором. Инициатива поднесения первому консулу императорского титула вышла опять-таки из услужливого Сената, имевшего в виду также обеспечить этим свое собственное существование посредством введения наследственной империи. Последний заговор на жизнь первого консула послужил для этого предлогом. Нации, радовавшейся неудаче заговора, было поставлено на вид, что он грозил опасностью всему государственному строю.

Необходимо сделать дело Наполеона таким же бессмертным, как его слава, так как только наследственность высшей магистратуры может обезопасить французский народ от заговоров и от смут. Сначала, впрочем, слово «империя» не произносилось, но зато не было недостатка в ссылках на революцию, свободу и равенство, которые должна была обеспечить наследственность верховной власти. В законодательных учреждениях был поднят вопрос о поднесении Наполеону императорского титула. Этот титул, напоминавший о легионах цезаря, был наиболее подходящим для него. И вот, в особом комитете была составлена конституция (шестая с начала революции), получившая название органического сенатус-консульта XII года и доверившая республику императору.

Предложение о наследственности императорского достоинства было подвергнуто затем плебисциту, и тремя с половиною миллионами голосов Наполеон был признан императором французов. Только две с половиной тысячи высказались против.

Глава VI

Наполеон-император. – Военный деспотизм. – Развод. – Поиски невесты и брак. – Эпоха беспрерывных войн. – Континентальная система. – Начало конца. – Падение Наполеона. – Остров Эльба. – «Сто дней». – Последний акт трагедии. – Ссылка и смерть.

Мечта Наполеона осуществилась, и менее чем в пять лет бывший республиканский генерал превратился из «гражданина Бонапарта» в «императора Франции». Тотчас же был организован императорский двор, а 2 декабря 1804 года сам папа Пий VII приехал в Париж, чтобы помазать народного избранника на царство в соборе Парижской Богоматери. Церемония коронации была разучена заранее – на деревянных куколках, которые изображали всех участников торжества.

Пий VII, конечно, желал сам возложить корону на голову Наполеона, но во время обряда Наполеон выхватил корону из рук растерявшегося папы и сам возложил ее себе на голову. Вообще Наполеон не церемонился с папой, и когда, после занятия французскими властями папской области, папа отлучил его от церкви, то в наказание был удален из Рима и сначала содержался пленником в Савойе, а затем Наполеон перевел его в Фонтенбло. Кардиналы были почти все переселены в Париж, и Рим сделался лишь вторым городом империи. Впоследствии Наполеон дал своему сыну (от второго брака) титул короля римского.

Старый дух возрождался во Франции в новой форме. После принятия императорского титула Наполеон перестал уже стесняться формальными предписаниями конституции. Он находил, что «хорошо править можно только в ботфортах и со шпорами», поэтому его абсолютизм носил характер военного деспотизма. Этот деспотизм охватывал все стороны общественной жизни Франции.

Гарантии личной свободы исчезли перед полицейским произволом, а аресты и административные ссылки сделались таким частым явлением, что уже не обращали на себя особенного внимания. Был восстановлен прежний «Черный кабинет», занимавшийся вскрытием частных писем. Были восстановлены и государственные тюрьмы, заменившие прежнюю Бастилию, а шпионство и доносы расцвели пышным цветом. Разумеется, Наполеон не оставил без внимания и народное просвещение, которое подчинил своей власти.

«Моя главная цель в том, чтобы иметь средства направлять

моральные и политические взгляды наций», – сказал Наполеон, и в этом смысле стремился организовать педагогическую корпорацию. И хотя Наполеон некогда сам был членом института Франции, тем не менее он уничтожил в этом ученом учреждении отделение моральных и политических наук, под тем предлогом, что все это – одна идеология!

Он относился подозрительно и к литературе, и к театру, и покровительствовал только архитектуре, живописи и музыке, а из наук – преимущественно естествознанию. Искусства и науки не должны были касаться современности и политики, а напротив, должны были отвлекать умы от занятий этими опасными предметами. Но особенно тяжело отзывался его режим на положении печати, которая была подчинена усмотрению властей.

Закон же о печати, изданный Наполеоном, в сущности, восстанавливал цензуру. Звание журналиста было приравнено к исполнению общественной должности, а владельцы типографий и книжных магазинов обязаны были запастись особыми патентами и принести присягу в верности. Министр полиции требовал на просмотр отдельные статьи, предназначенные для печати, и присылал для помещения в газеты свои заметки; он же назначал редакторов.

Вообще Наполеон смотрел на периодическую прессу как на орудие своей власти и прямо предписывал министру полиции сочинять статьи, которые могли бы помещаться в газетах в виде, например, корреспонденций из-за границы. Если же редакторы газет не хотели помещать ложных известий, то им грозила за это серьезная ответственность.

Двор Наполеона пышностью и этикетом напоминал прежние монархии. Его мать и сестры также имели свои дворы с пышным придворным штатом, и все его родственники и приближенные получили громкие титулы. Сама Жозефина не называла своего мужа иначе, как «ваше величество», а братья Наполеона не смели садиться в его присутствии. На балах же господствовал этикет времен Людовика XIV.

Наполеон достиг уже вершины своего могущества, когда, наконец, решился на развод с Жозефиной. К этому побуждало его то обстоятельство, что она была бесплодна. Кроме того, он желал породниться с европейскими монархами. Когда он женился на Жозефине, то был страстно в нее влюблен, она же относилась к нему более чем равнодушно и во время его пребывания в Египте вела себя очень предосудительно. Потом она сделалась покорной и преданной супругой, живя под вечным страхом развода.

Впрочем, Наполеон всегда был внимателен и нежен с нею. По-видимому, и ему было нелегко решиться на развод, и

Жозефина рассказывала, что он обливался слезами, прощаясь с нею. Она уступила его настояниям и в конце концов дала свое согласие. Он же постарался насколько возможно облегчить ее судьбу, оставил ей титул императрицы, ее двор и достаточные средства для удовлетворения прихотей и любви к нарядам. Но она прожила только четыре года после этого и умерла в Мальмезоне, который был ее резиденцией.

Однако Наполеону было не так легко найти для себя невесту. Он не хотел брать ее из вассального дома, а желал породниться с которою-нибудь из державных династий Европы. Сначала он подумывал о русской принцессе, одной из сестер русского императора, великой княжне Екатерине Павловне. Это было вскоре после Тильзитского мира, установившего дружбу между Францией и Россией. Император Александр I подал надежду Наполеону, но в то же время говорил о затруднениях, выдвигаемых императрицей-матерью.

Великая княжна была сосватана за принца Ольденбургского, и тогда предметом переговоров явилась ее сестра Анна, которой было только четырнадцать лет. Но переговоры затягивались, выдвигались все новые затруднения, пока, наконец, Наполеон, которому надоело все это, не объявил, что он отказывается. Другие переговоры, которые начаты были с австрийским домом, увенчались успехом, и Наполеон получил руку дочери австрийского императора, восемнадцатилетней Марии Луизы.

Бракосочетание было совершено 1 апреля 1810 года с невероятной пышностью, и пять королев несли шлейф французской императрицы. Через год у Наполеона родился сын, получивший титул римского короля. Мечта Наполеона иметь наследника исполнилась.

Жак-Луи Давид. Миропомазание Наполеона
и возложение короны на голову императрицы Жозефины
в соборе Парижской Богоматери в Париже 2 декабря 1804 г.

Эпоха его управления государством была временем почти беспрерывных войн, и отдельные государства Европы становились то на его сторону, то действовали против него. Впрочем, война была его стихией, а его победы делали его повелителем европейского материка. В его воображении уже носилась идея «всемирной монархии под главенством Франции».

Наполеону, действительно, удалось переделать политическую карту Европы и поочередно победить все главные государства. Одна только Англия, господствовавшая на море, не была им побеждена и не желала вступать с ним ни в какие сделки. Хотя Наполеон и заключил мир с Англией в начале своего правления, но этот мир не мог быть продолжительным. Английское правительство не оставляло без отпора самовольные поступки Наполеона, его захваты и правонарушения.

Наполеона особенно раздражала существовавшая в Англии свобода печати, которая давала возможность роялистам и республиканцам печатать там свои сочинения, направленные против него лично и против установленного им во Франции

порядка вещей. Отчасти поэтому Наполеон так и стремился победить Англию. Это желание и заставило его придумать континентальную блокаду, посредством которой английские товары исключались из европейских рынков. Он думал нанести вред материальным интересам Англии, но экономическое состояние и самой Франции сильно пострадало от этого.

Новый военный период, начавшийся во Франции с 1803 года, окончился только с падением Наполеона. Вначале одна обеда шла за другой, все более утверждая в Европе господство Франции. Победа под Аустерлицем, где произошла знаменитая битва «трех императоров» (русского, австрийского и французского), Пресбургский мир, знаменитый Тильзитский мир, сопровождавшийся свиданием русского и французского императоров на плоту посреди реки Немана и отдавший в распоряжение Наполеона всю западную Европу, очень высоко подняли его значение.

Пруссия была побеждена под Йеной и Ауэрштедтом, и остатки ее армии бежали. Даже королевская чета бежала к русским в Мемель, а главнокомандующие, Блюхер и Шарнгорст, попали в плен. «Наполеон дунул на Пруссию – и она перестала существовать»! – сказал Гейне. Действительно, Пруссии пришлось выплатить ужасающую контрибуцию. Наполеон начал взимать с ее жителей немилосердные налоги.

После Тильзитского мира Наполеон поднялся на небывалую высоту. Его окружала теперь свита венценосцев, так как своих братьев он сделал королями, а сестру – королевой. Кругом все ему подчинялось, и он стал подготовлять свой крестовый поход на Англию. Завершением Тильзита было Эрфуртское свидание с Александром I в сентябре 1808 года, которое могло удовлетворить даже гигантское честолюбие Наполеона.

Сидя в театре он любовался на партер из королей. Ему все льстили, а мелкие государи чуть не прислуживали ему за столом. Он же со всеми держал себя надменно, и только такое светило немецкой литературы, как Гете, удостоился его любезного внимания. Впрочем, и Гете воспевал его. Но звезда Наполеона, достигнув зенита, стала склоняться к закату. Опьянение собственным величием, властью и славой, заставляло его забывать о чувствах других народов, судьбами которых он распоряжался по своему произволу, пренебрегая их правами и интересами.

Везде, где утверждалась его власть, он вводил деспотический режим и, кроме того, приносил материальное разорение своими войнами, контрибуциями, конскрипциями и континентальной блокадой. В ненависти к нему объединялись все классы. Против

него нарождалась новая сила – национализм, и прежде всего ему пришлось столкнуться с ним в Испании. Восстание испанцев послужило сигналом к освобождению остальных народов от цезаризма.

Ласле Джон Потт.
Наполеон сообщает Жозефине о разводе

Пока с Наполеоном боролись только отсталые правительства, посылавшие против него такое же отсталое войско, он всегда выходил победителем. Его даже приветствовали – как носителя прогрессивных идей. Но теперь начиналась борьба с ним народов, вступавшихся за свои попранные права. И она-то сгубила его.

Недовольство началось и в самой Франции, истощенной войнами, ростом налогов и последствиями континентальной блокады. Народы мечтали о покое и о том, чтобы положить конец непомерному властолюбию Наполеона. Континентальная система

довела и Россию до торгового кризиса, и вот 1811 год начался тем, что Россия сразу нарушила ее, не только облегчив ввоз английских товаров, но и затруднив ввоз произведений Франции. С этой минуты Наполеон начал готовиться к войне с Россией.

Русский поход 1812 года явился, по меткому выражению Талейрана, «началом конца». Но этот конец давно можно было предвидеть. Неудача Наполеона в России отразилась в европейских государствах, воспользовавшихся этим, чтобы свергнуть столь тягостное для них владычество французского императора.

Возникла новая европейская коалиция, и трехдневная «Битва народов» под Лейпцигом нанесла решительный удар могуществу Наполеона. В начале 1814 г. союзные войска перешли французскую границу, а через три месяца они были уже в Париже.

Отступление французских войск после поражения в битве под Лейпцигом

Битва под Лейпцигом, или Битва народов,— крупнейшее сражение наполеоновских войн и вообще мировой истории до начала Первой мировой войны — произошла 16—19 октября 1813 г. между войсками императора Наполеона I Бонапарта и союзными армиями России, Австрии, Пруссии и Швеции. Это сражение завершило кампанию 1813 г., в результате которой империя перестала существовать, и под властью Наполеона осталась только Франция.

Положение Наполеона в самой Франции уже сильно пошатнулось к тому времени, и он сам это понимал, поэтому так и боялся вернуться в свою столицу побежденным, зная, что это подорвет его престиж. Деспотизм и постоянные войны тяжело отражались на нации, и, главное, все чувствовали, что установленный им порядок держится только им одним. Вначале к Наполеону примкнули люди, действительно видевшие в нем спасителя Франции от угрожавшей ей анархии и разгрома извне.

Но потом его тираническая власть оттолкнула их, и около него сгруппировались исключительно только те, которые преследовали личные цели, добивались власти, почета и богатства. Служение императору могло все это доставить им, и, пока им было выгодно, они служили. Но, разумеется, такие люди легко могли изменить ему, как только счастье повернулось к нему спиной, и в этом Наполеону скоро пришлось убедиться.

Да и нация, возлагавшая столько надежд на Наполеона, чувствовала себя утомленной и разочарованной. Особенно раздражали ее постоянные наборы, лишавшие бесчисленные семьи работников во цвете лет, и постоянные войны, разорявшие страну. Конечно, все это подготовляло оппозицию, которая в конце концов должна была привести к катастрофе.

Победы Наполеона, конечно, льстили тщеславию французов, но очень многие уже начали высказывать сомнение в том, что политика императора соответствует интересам Франции. Число уклоняющихся от военной службы с каждым годом возрастало, несмотря на строгие меры, и в 1811 году оно достигло огромной цифры 80 тысяч человек.

Во время русского похода в Париже распространился ложный слух о смерти Наполеона, и этим слухом не замедлил воспользоваться республиканский генерал Мале, с целью государственного переворота и низвержения империи. Ему удалась даже увлечь за собой часть гарнизона, но его схватили и вместе с его сообщниками предали военному суду, который и приговорил его к смертной казни.

Наполеон вышел из себя, когда узнал об этом. Его поразило главным образом то, что публика отнеслась равнодушно к этой дерзостной затее и заговорщикам легко поверили гражданские и военные власти. «Разве все дело только в одном человеке, а присяга и учреждения ничего не значат?» – воскликнул он. Но в созданной им Франции, действительно, все дело было только в нем одном. В первый раз открывая сессию законодательного корпуса в 1813 году после русского похода, Наполеон тревожился мыслью, как сойдет она?

Сенат все еще льстил ему, но в ответном адресе законодательного корпуса замечалась уже резкая критика его политики. Узнав об этом, Наполеон потребовал из типографии первый корректурный оттиск адреса и, познакомившись с его содержанием, запретил его печатать и распустил законодательный корпус, к которому он обратился во время прощальной аудиенции с очень резкой речью.

Эта мера очень оскорбила депутатов, оппозиционное настроение усилилось, а между тем союзники уже вступали на территорию Франции, и их вторжение не вызывало того подъема духа, который характеризовал настроение нации в прежние времена. Вот почему союзники могли не бояться народной войны.

Однако союзные государи вначале еще пытались склонить Наполеона к заключению мира. Но он противился и объявил австрийскому уполномоченному князю Меттерниху, что не может вернуться побежденным в свою столицу. Во Франции, при дворе и в обществе, все были проникнуты убеждением, что необходимо заключить мир. К коалиции присоединялись все новые и новые члены, а Франция была истощена борьбой и страстно желала конца беспрерывной войны.

Наполеон же ни за что не хотел согласиться на мир на предлагаемых условиях: он боялся за свой престиж в самой Франции. Ввиду его упорства решено было низложить его, и, только боясь народной войны во Франции, союзники продолжали переговоры о мире. Когда же союзники взяли приступом высоты Монмартра и торжественно вступили в беззащитную столицу Франции, то участь Наполеона была решена.

Он сам находился в это время в Фонтенбло, а его жена Мария Луиза и его брат Иосиф, которому он поручил столицу, учредив регентство с императрицей во главе, поспешили бежать из Парижа, как только неприятель начал приближаться. Услужливый и льстивый Сенат, собранный Талейраном, тотчас же отвернулся от Наполеона и 1 апреля 1814 года объявил его низложенным. Его приближенные – люди, всем ему обязанные, – один за другим покидали его: Мармон, его товарищ юных лет, первым изменил ему и даже перешел на сторону врагов.

Узнав о его измене и о низости Сената, Наполеон воскликнул: «Меня часто упрекали в презрении к людям. Теперь должны признать, что я был прав!» Четыре маршала – Ней, Лефевр, Макдональд и Удино, – бывшие всегда наиболее близкими ему, потребовали от него, чтобы он подписал полное безусловное отречение, как того хотели союзники. Он еще противился, зная, что в войске найдутся генералы и солдаты, готовые биться за него до последней капли крови, но маршалы

настаивали, и, покинутый своими приближенными, он уступил.

Твердой рукой он написал: «Ввиду заявления держав, что император Наполеон служит единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон заявляет, что отказывается за себя и за своих наследников от престолов Франции и Италии, ибо нет такой личной жертвы, которую он не был бы готов принести ради блага Франции!»

Ночью с ним сделался сильнейший припадок, и поэтому распространился слух, что он отравился. Однако этот слух ничем не подтверждается. Утром он был здоров и перед отъездом на остров Эльбу, который отдан был ему во владение, с сохранением императорского титула и денежной пенсией в два миллиона франков в год, Наполеон сказал: «Меня станут осуждать за то, что я пережил свое падение. Это несправедливо. Я не вижу ничего великого в том, чтобы покончить с собой, как проигравшийся игрок. Надо иметь гораздо больше мужества, чтобы пережить незаслуженное несчастие!»

Быстро опустело все вокруг павшего величия. Его генералы, приближенные, слуги и даже его врач Корвизар, с которым он так часто шутил во время утренних визитов, покинули его! Он простился со своими гренадерами, поцеловал знамя и уехал в изгнание. Уже на другой день после этого Париж наводнился брошюрами, листками и карикатурами, направленными против Наполеона.

В южных департаментах толпа встретила Наполеона враждебными криками, и он даже должен был переодеться и скрываться, чтобы избежать наемных убийц. В Оргоне народ даже приволок виселицу и бросился к карете, в которой его везли, и только русский уполномоченный граф Шувалов, сопровождавший его в ссылку, защитил его от насилия толпы.

4 мая, на другой день после того как Людовик XVIII торжественно въехал в Париж, Наполеон, еще так недавно повелевавший Европой, высадился на берег в своем новом, маленьком царстве.

«Я рожден и создан для работы, я не знаю в работе пределов и работаю всегда!» – сказал однажды про себя Наполеон на вершине своего могущества. И в этой фразе не было хвастовства. Но его новое крошечное царство не давало простора его энергии, и весь остров он мог объехать кругом в два дня. Однако все же он немедленно принялся за работу и занялся устройством своего нового владения, быстро изучив его во всех деталях.

Его мать Летиция приехала к нему, чтобы разделить с ним несчастье, как прежде разделяла счастье. Навестили его и сестра Полина, и красавица графиня Валевская, с которой у него была

мимолетная связь во время русско-прусского похода. Варшавская знать подослала к нему эту красавицу, которая должна была поймать в свои сети Наполеона и склонить его в пользу Польши. Но Валевская полюбила его, и их короткая связь ознаменовалась рождением сына.

Однако Наполеон забыл о ней, и когда женился на Марии Луизе, то сделался вполне добродетельным супругом. К ней и к своему маленькому сыну, которого он нежно любил, устремлялись теперь все его мечты. Но Мария Луиза, выданная замуж по воле отца, вовсе не стремилась к своему опальному супругу, и в объятиях графа Нейпперга, камергера, приставленного к ней, она скоро забыла об изгнаннике и о блеске своего прежнего положения. Это был один из самых тяжелых ударов, постигших Наполеона.

Антуан Монфор. Прощание Наполеона с императорской гвардией

Между тем в Париже началось брожение. Бурбоны и возвратившиеся с ними все их приверженцы ничему не научились и ничего не забыли в изгнании. Быстро шло восстановление дореволюционных порядков и, главное, уничтожение всех мер Наполеона против феодализма. Вообще, правительство Людовика XVIII точно нарочно делало все, чтобы восстановить против себя народные массы и армию.

Беспрестанно вспыхивали бунты и распространялись слухи о возвращении Наполеона. О нем распространялись целые легенды и появилось множество изображений Наполеона, медалей, статуэток, и на улицах часто оказывались плакаты с надписями: «Радуйтесь, друзья великого Наполеона! Он опять будет с нами! Роялисты трепещут! Да здравствует император! Он был и он будет! Проснитесь, французы, Наполеон пробуждается!..» и т. д.

Словом, происходило как раз обратное тому, что было тотчас после падения Наполеона. Возрождался культ Наполеона, еще раз показавший, насколько прав он был, говоря, что французы дорожат, главным образом, социальными приобретениями революции. Как только возникла опасность, что будет восстановлено старое общественное неравенство, то нация тотчас же повернулась к Наполеону и готова была идти за ним. Буржуазия тоже испугалась того, что роялисты отменят конституционную хартию 1814 года, обещавшую политическую свободу.

Маршалы и генералы, отпавшие от Наполеона и перешедшие на службу к новым господам, постоянно подвергались оскорблениям со стороны прежней роялистской знати, что, конечно, чрезвычайно их раздражало. Начинали возникать заговоры, в которых принимали участие люди самых разнообразных убеждений, но сходившиеся в одном, что надо устранить Бурбонов, а там уж видно будет!

Наполеон жил на своем острове под бдительным надзором держав, но, несмотря на это, он знал, что творится во Франции, знал также, что державы, для которых все же он был страшен, поговаривали на Венском конгрессе о том, чтобы сослать его куда-нибудь подальше от Европы. Он изнемогал на своем острове от безделья и от тоски, напрасно поджидая жену и сына.

К тому же и французское правительство не высылало ему денег, которые обязалось выплачивать ему по договору в Фонтенбло. Он знал также о раздорах, которые происходили на конгрессе из-за дележа добычи, и тогда же решил вернуться во Францию. Все было подготовлено в величайшей тайне. Он вошел в сношение с итальянцами, которые стонали под австрийским игом, и, наконец, 26 февраля 1815 года его маленькая флотилия вышла ночью из гавани острова.

Она не успела отплыть далеко, когда показался крейсер, который должен был следить за островом, но он пришел слишком поздно. 1 марта Наполеон уже высадился на французский берег. Перед своим отплытием с острова он уже приготовил три прокламации в напыщенном стиле времен революции. Он обращался к армии, говорил, что солдаты не были побеждены

врагом, а поражение Франции было следствием измены.

Армии будет возвращена ее слава. Свое отречение он объяснял самопожертвованием ради блага родины. Он говорил: «Пусть государь, царствующий над вами и посаженный на мой престол силой иноземных армий, опустошивших нашу территорию, ссылается на принципы феодального права, но он может обеспечить права и честь лишь незначительной кучки лиц, врагов народа, которых народ осуждал во всех своих национальных собраниях… Французы! Я услышал в своем изгнании ваши жалобы и желания. Вы требовали возвращения правительства, выбранного вами и потому единственно законного…» В заключение Наполеон обещал сохранить народу свободу и равенство, приобретенные такой дорогой ценой.

Наполеон несколько опасался южных провинций, помня, как враждебно встретили его там, когда он отправлялся в изгнание. Поэтому он отправился в обход, через горы, еще покрытые снегом. Но уже по пути к нему начали присоединяться солдаты и народ, и его отряд все увеличивался. В Дофине толпа восторженно встретила его, и его путешествие в Париж превратилось уже в торжественное шествие.

В Гренобле он наткнулся на королевский батальон, посланный, чтобы захватить его. Он вышел к солдатам один, безоружный, в своем знаменитом сером сюртуке, и, раскрыв грудь, крикнул гренадерам: «Кто из вас хочет застрелить своего императора?» С криком «Да здравствует император!» солдаты побросали свои белые кокарды и, вместе с офицерами, с триумфом проводили его в Гренобль. По дороге к ним присоединялись тысячи крестьян, и дальше уже массы народа сопровождали его от одной деревни к другой.

Это было беспримерное шествие, и остановить его было невозможно. Войска, которые посылались ему навстречу, переходили на его сторону и только увеличивали число его приверженцев. Маршал Ней, покинувший его раньше и даже похвалявшийся, что он привезет его в Париж в клетке, теперь перешел на его сторону со всем своим отрядом.

Возвращение Наполеона с острова Эльбы

Свершилось неслыханное в истории событие – и словно сбылось пророчество одной из его прокламаций: «его орел пролетит от колокольни к колокольне, до самых башен собора Парижской Богоматери!»

Роялисты растерялись, и началось повальное бегство из Парижа. Бежал и король Людовик XVIII, с такой поспешностью, что даже забыл в своем письменном столе секретные донесения Талейрана из Вены. А вечером, 20 марта, Наполеон уже занял свои прежние покои в Тюильрийском дворце.

Франция снова переживала период сильнейшего возбуждения. В сущности, восстановление империи было совершено самим народом, хотя и с помощью армии. Крестьяне и рабочие переходили на сторону Наполеона даже раньше солдат, потому что видели в его возвращении гарантию того, что главные приобретения революции будут сохранены. Как будто снова начиналась революция, возникали союзы и клубы «для защиты свободы», «для защиты прав человека», «для борьбы с инквизицией монахов и тиранией дворян» и т. д.

На улицах Парижа опять стали раздаваться звуки революционных песен и показались красные фригийские шапки. Газеты и брошюры заговорили революционным языком, и даже появилась проповедь террора ради спасения отечества. У многих

действительно возникали опасения, что возобновятся революционные ужасы, и Наполеон мог с полным правом сказать тогда: «Мне стоит только сделать знак или даже просто только посмотреть сквозь пальцы – и дворяне будут перебиты во всех провинциях. Но я не хочу быть королем Жакерии!..»

Наполеон, конечно, желал бы вернуть прежнюю полноту власти, но ему со всех сторон давали совет отказаться от абсолютизма. Впрочем, он и сам видел, что надо дать Франции более либеральную конституцию. Он уже отменил цензуру, чем широко воспользовалась печать, а для выработки проекта конституции он образовал особую комиссию, в число членов которой попал и Бенжамен Констан, несмотря на то, что он написал памфлет, направленный против «тирана», как только узнал о бегстве Наполеона с Эльбы.

Так началась знаменитая империя «Ста дней», представлявшая, в сущности, отчаянную борьбу человека с превратностями судьбы. Наполеон по-прежнему обнаруживал громадную энергию и опять работал по 16–18 часов в сутки. Новая конституция, так называемый дополнительный акт, была объявлена в апреле, а 1 мая был издан декрет о выборах представителей.

Затем 1 июня на Марсовом поле произошло собрание делегатов избирательных коллегий, известное под именем Майского поля. Все были торжественно настроены и ожидали чего-то необыкновенного, но все дело ограничилось пышными бессодержательными фразами, сказанными Наполеоном, и все почувствовали себя разочарованными. С самого начала обнаружилась натянутость отношений. Заявлениям Наполеона мало доверяли и сомневались в его искренности, и поэтому, в своем ответном адресе на тронную речь, палаты преподали ему наставления, которые его очень обидели.

Впрочем, и Наполеон чувствовал себя не на своем месте в роли конституционного монарха. Но силы его были уже не те. Он начал обнаруживать нерешительность, то падал духом, то раздражался, а иногда делался задумчив и кроток, и плакал, глядя на портрет своего сына. Близкие люди говорили, что просто не узнают его!

Возбуждение, охватившее народ при возвращении Наполеона, стало падать. В палату депутатов были избраны в большинстве либералы и республиканцы. Из провинций Наполеону доносили, что всеми снова овладевает уныние. Все боялись новой войны, а между тем она была неизбежна. Известие о возвращении Наполеона разразилось, как гром, на Венском конгрессе, где съехавшиеся монархи и дипломаты развлекались и ссорились из-

за дележа Наполеоновского наследия.

Дело могло дойти до полного разрыва и даже до войны. Но появление Наполеона, произведшее впечатление разорвавшейся бомбы, примирило всех, и вновь образовалась коалиция, чтобы в последний раз низвергнуть Наполеона и окончательно лишить его возможности творить зло!

Наполеон тщетно пытался уверить державы в своем миролюбии и обращался к ним с мирными предложениями. Ему никто не верил и не принимал его предложений. Даже письма его оставались нераспечатанными. А его жена объявила, что она не желает возвращаться в Париж, и заменила французскую гувернантку своего сына, «римского короля», австриячкой!

И вот начался последний акт трагедии. Но Наполеон уже не был прежним баловнем счастья, и его твердая вера в свою судьбу пошатнулась. Это замечали и все его полководцы. 18 июня произошла знаменитая битва при Ватерлоо, закончившая политическую карьеру Наполеона. Французская армия, под начальством самого императора, была разбита англо-прусским войском под начальством Блюхера и Веллингтона.

Это была кровавая битва, стоившая союзникам еще большего числа жертв, нежели французам. Наполеон поскакал в Париж, а за ним осталось поле, усеянное 30 000 убитых, своих и врагов, которые поплатились сильнее, хотя и одержали победу. Блюхер погнался за уцелевшими остатками французского войска, а за ним и вся вооруженная Европа направилась к границам Франции. В Париже произошло смятение.

Но Наполеон еще не считал все потерянным, так как враги подвигались врассыпную и действовали вяло и недружно. На границе крупные французские отряды победоносно отражали натиск русских и австрийцев. Рабочие предместий и беглецы из-под Ватерлоо кричали об измене и требовали диктатуры. Буржуазия же боялась новых войн. 22 июня палата представителей потребовала от Наполеона, чтобы он отрекся от престола в пользу своего сына. Наполеон растерялся и подписал отречение. Тотчас же была назначена директория, или временное правительство, под председательством Фуше. Наполеон же удалился в Мальмезон.

Так кончилась империя «Ста дней». Союзники опять подступили к стенам Парижа и громили его форты, а дивизия ветеранов, проходившая мимо Мальмезона, кричала: «Да здравствует император! Долой Бурбонов! Долой изменников!» Наполеон послал сказать директории: «Сделайте меня простым генералом. Мне хочется только раздавить врага, принудить его к благоприятному миру. Затем я удалюсь».

Но ему не поверили. Он был слишком опасен, и Фуше отвечал, что не ручается даже за его личную безопасность, настаивая на том, чтобы он поскорее покинул землю Франции. И действительно, оставаться было небезопасно, так как союзники уже вступили в Париж, летучие отряды Блюхера повсюду разыскивали Наполеона, чтобы расстрелять его, а шпионы Бурбонов искали его, чтобы повесить. Наполеон бежал в Ромдорф.

А там на рейде уже показались английские корабли. Но вместе с властью как будто и энергия покинула его. Он не знал, на что решиться. Сначала он хотел бежать в Америку. Капитан одного судна, на котором он собирался совершить это путешествие, сказал, что он почтет за великую честь и счастье везти его. Но ускользнуть от англичан было невозможно, и Наполеон решил сам отдаться в руки врага, с которым так долго боролся.

Он обратился к капитану крейсера и написал следующее письмо принцу-регенту: «Подобно Фемистоклу, прихожу к очагу британского народа и отдаю себя под защиту его законов». Капитан английского крейсера «Беллерофон» принял его с подобающими почестями, и 26 июня Наполеон увидел английские берега. Но ему так и не удалось вступить на землю Англии. Слишком много накопилось против него злобы в Европе.

Несмотря на то что он сам сдался, союзники все-таки решили считать его военнопленным и, следовательно, расстрелять. Но британское правительство не решилось на это. Наконец, 30 июля Наполеону был передан ответ держав, гласивший, что «для того, чтобы отнять у генерала Бонапарта [теперь он уже был лишен императорского титула] возможность в будущем нарушать мир Европы, его местопребыванием избирается остров Святой Елены».

Наполеон протестовал и назвал этот акт насилием и нарушением международного права, так как он сдался сам, добровольно и без всякого принуждения, потому что мог еще продолжать войну, имея Луарскую армию в своем распоряжении. Он говорил, что сдался, чтобы положить конец страданиям человечества, что бесславное обращение с ним победителей покрывает их бесчестием. Потомство их осудит! На прощание он воскликнул: «Позор моей смерти завещаю царствующему дому Англии!»

После двухмесячного плавания он, наконец, увидал место своей ссылки – маленький вулканический остров, 100 верст в окружности. Сначала его временно поместили в доме одного английского купца, недалеко от скалистого морского берега, напоминавшего ему своими ущельями и своею растительностью его далекую родину – Корсику. Но через две недели его перевели

в предназначенное для него жилище, бывшее прежде фермой.

Это было длинное, низкое и сырое здание, стоявшее на вершине голой скалы, обвеваемой ветром. Там он поместился со своей небольшой свитой. Кругом стояли часовые, и он мог свободно двигаться только внутри линии постов. Если же он хотел выйти за эту линию, то его должен был сопровождать английский офицер. Губернатора острова, Гудсон Лоу, часто обвиняли в том, что он мелочной придирчивостью отравлял жизнь своему пленнику.

Но, по-видимому, эти обвинения не вполне основательны, хотя, конечно, возможно, что Гудсон Лоу, как педантичный исполнитель долга, мог быть тягостен Наполеону, который с трудом переносил свой плен. Впрочем, все записки о его пребывании на острове Святой Елены признают, что Наполеон держал себя с достоинством.

В конце концов он примирился со своей участью и начал писать свои записки и военные заметки. Он принялся также и за свою автобиографию. Днем он писал или работал в своем садике, за обедом же все собирались вместе, причем соблюдался этикет даже в костюмах.

По вечерам он беседовал со своими приятелями и предавался воспоминаниям о прошлом. Он много читал и в особенности интересовался английскими газетами. Однако он не переставал надеяться на освобождение, только уже не думал о побеге, а ждал поворота в европейской политике. Он не считал возможным, чтобы Бурбоны могли укрепиться во Франции, и в этом отношении он оказался пророком.

Задатки каменной болезни, по-видимому, наследственной, которая унесла его в могилу, были у него уже тогда, когда он приехал на остров. С годами болезнь начала развиваться, и временами он сильно страдал. Он прожил на острове шесть лет, но последние два года был все время болен и под конец совсем уже не переносил никакой пищи.

О смерти он думал спокойно и заранее даже написал свое завещание. Он оставался до конца нежным мужем и отцом и страдал от разлуки с сыном, которого ему так и не суждено было увидеть. Принадлежащие ему шесть миллионов франков он распределил между всеми, кто оказывал ему какие-либо услуги с самого его детства.

Путешествие современного Героя на остров Эльбу.
Британская карикатура 1814 г.

5 мая 1821 года Наполеона не стало. Прах человека, мечтавшего о мировом господстве, этого гиганта, потрясшего Европу до самых оснований, был погребен на маленьком острове, на вершине скалы, окруженной океаном, а над могилой его была положена простая каменная плита, на которой его победители не разрешили даже выгравировать слово «император», напоминавшее о его былом величии. Но через 20 лет его предсмертное желание исполнилось, и в 1840 году его прах был торжественно перевезен во Францию, где он и покоится в Доме инвалидов, им же самим построенном.

А на маленьком острове, на вершине скалы, откуда Наполеон так часто с тоской смотрел на пустынный океан, стоит теперь французский часовой и оберегает пустой дом, где некогда жил и страдал пленный император.

Э. К. Пименова

Наполеон

Написанные собственноручно и продиктованные произведения

Наполеон. НАПИСАННЫЕ СОБСТВЕННОРУЧНО И ПРОДИКТОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

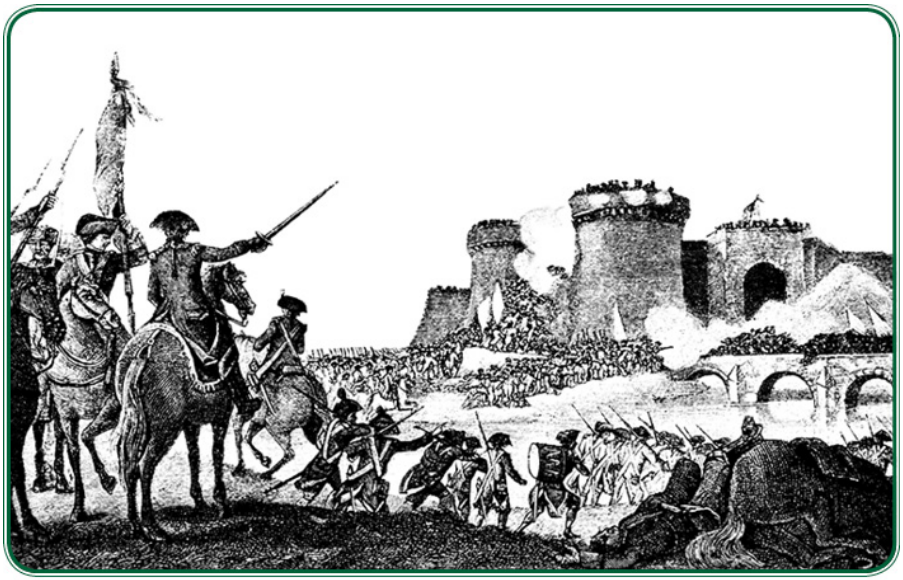
Осада Тулона (август – декабрь 1793 года)

I. Эскадра, арсенал и город Тулон передаются англичанам (27 августа 1793 года). – II. Обложение Тулона французскими войсками. – III. Наполеон принимает командование над осадной артиллерией (12 сентября). – IV. Первая вылазка гарнизона (14 октября). – V. Военный совет (15 октября). – VI. Постройка укрепления против форта Мюрграв, прозванного Малый Гибралтар. – VII. Главнокомандующий О'Хара попадает в плен (30 ноября). – VIII. Взятие штурмом форта Мюрграв (17 декабря). – IX. Вступление французов в Тулон (18 декабря).

I[1]

22 августа в Тулоне узнали о вступлении Карто[2] в Экс. Это известие вывело из себя секции. Они арестовали и посадили в форт Ла-Мальг народных представителей Бейля и Бове, командированных в город.[3] Народные представители Фрерон, Баррас и генерал Лапуап ускользнули в Ниццу, главную квартиру Итальянской армии. Все тулонские власти были скомпрометированы. Муниципалитет, Совет департамента, комендант порта, большинство чиновников арсенала, вице-адмирал Трогофф – начальник эскадры, большая часть офицеров – все чувствовали себя одинаково виновными.

Сознавая, с каким противником они имеют дело, они не нашли иного спасения, кроме измены. Эскадру, порт, арсенал, город, форты они сдали врагам Франции. Эскадра силою в 18 линейных кораблей и несколько фрегатов стояла на якоре на рейде. Несмотря на измену своего адмирала, она осталась верна отечеству и начала защищаться от англо-испанского флота, но, лишенная поддержки с суши и под угрозой своих же береговых батарей, обязанных ей помогать, она принуждена была сдаться. Контр-адмирал Сен-Жюльен и несколько оставшихся верными офицеров едва успели спастись.



Штурм Тулона. *Гравюра XIX в.*

Эскадра, точно так же как 13 линейных кораблей, находившихся в доке, и арсенальные склады с большими запасами сделались добычей неприятеля.

Английский и испанский адмиралы заняли Тулон с 5000 человек, которые были выделены из судовых команд, подняли белое знамя и вступили во владение городом от имени Бурбонов. Затем к ним прибыли испанцы, неаполитанцы, пьемонтцы и войска с Гибралтара. К концу сентября в гарнизоне находилось 14 000 человек: 3000 англичан, 4000 неаполитанцев, 2000 сардинцев и 5000 испанцев.

Союзники разоружили тогда Тулонскую национальную гвардию, которая казалась им ненадежной, и распустили судовые команды французской эскадры. 5000 матросов – бретонцев и нормандцев, – причинявших им особое беспокойство, были посажены на четыре французских линейных корабля, превращенных в транспорты, и отправлены в Рошфор и Брест.

Адмирал Худ почувствовал необходимость, чтобы обеспечить себе стоянку на рейдах, укрепить высоты мыса Брен, господствовавшие над береговой батареей того же имени, и вершины мыса Кер, господствовавшие над батареями Эгильетт и Балагье, с которых простреливались большой и малый рейды. Гарнизон был размещен в одну сторону до Сен-Назера и Олиульских теснин включительно, в другую – до Ла-Валлетты и Иера. Все береговые батареи, от Бандольских до батарей Иерского рейда, были разрушены. Иерские острова были заняты

противником.

II

Узнав о вступлении англичан в Тулон, генерал Карто тотчас же перенес свою главную квартиру в Кюж. Авангард продвинулся до Боссе, а передовые посты расположились у тулонских проходов. Население обоих городков стало под ружье и выказало большое усердие. Численность дивизии Карто составляла 12 000 человек хороших и плохих солдат, из которых 4000 пришлось разместить в Марселе и в различных пунктах побережья.

С 8000, оставшимися у него, Карто не осмелился двинуться через горные проходы и ограничился только наблюдением за ними. Но народные представители Фрерон и Баррас, прибывшие в Ниццу, потребовали у генерала Брюне, командующего Итальянской армией, 6000 человек для посылки против Тулона. Генерал Лапуап, которому поручили командование ими, расположил свою главную квартиру в Солье, а передовые посты в Ла-Валлетте.

Между дивизиями Карто и Лапуапа не было никаких коммуникаций. Они разделялись горами Фарон. Узнав о подходе Лапуапа, Карто атаковал Олиульские теснины, овладел ими 8 сентября после боя, длившегося несколько часов, и продвинул свою главную квартиру в Боссе, а передовые посты – за Олиульские теснины. В этой схватке был тяжело ранен выдающийся офицер, начальник артиллерии майор Доммартен. Дивизии Карто и Лапуапа были независимы друг от друга.

Они принадлежали к двум различным армиям: первая к армии Альпийской, вторая – к Итальянской. Правый фланг Лапуапа наблюдал за фортом и горою Фарон, центр господствовал над шоссе из Ла-Валлетты, а левый фланг наблюдал за высотами мыса Брен. Форт Брегансон и батареи Иерского рейда снова были вооружены Лапуапом. Карто своим левым флангом обложил форт Поме, центром – редуты Руж и Блан, правым флангом – форт Мальбоске. Его резерв занял Олиуль; один отряд находился в Сифуре. Карто восстановил также батареи Сен-Назер и Бандоль. Противник по-прежнему владел всей горой Фарон до форта Мальбоске, всем Саблеттским полуостровом и мысом Кер до деревни Сена.

III

Измена, отдавшая англичанам флот Средиземного моря, город Тулон и его арсенал, потрясла Конвент. Он назначил генерала Карто главнокомандующим осадной армией. Комитет общественного спасения потребовал указать артиллерийского офицера старой службы, способного руководить осадной артиллерией. В качестве такого офицера был назван Наполеон, в то время майор артиллерии.

Он получил приказ срочно отправиться в Тулон, в главную квартиру армии, для организации артиллерийского парка и командования им. 12 сентября он прибыл в Боссе, представился генералу Карто и скоро заметил его неспособность. Из полковника – командира небольшой, направленной против федералистов[4] колонны – этот офицер на протяжении трех месяцев успел сделаться бригадным генералом, затем дивизионным генералом и, наконец, главнокомандующим. Он ничего не понимал ни в крепостях, ни в осадном деле.

Артиллерия армии состояла из двух полевых батарей под командой капитана Сюньи, только что прибывшего из Итальянской армии вместе с генералом Лапуапом, из трех батарей конной артиллерии под командой майора Доммартена, отсутствовавшего после раны, полученной в бою под Олиулем (вместо него в ту пору всем руководили артиллерийские сержанты старой службы), и из восьми 24-фунтовых пушек, взятых из марсельского арсенала.

В течение 24 дней – с тех пор как Тулон находился во власти противника – ничего еще не было сделано для организации осадного парка. На рассвете 13 сентября главнокомандующий повел Наполеона на батарею, которую он выставил для того, чтобы сжечь английскую эскадру. Эта батарея была расположена у выхода из Олиульских теснин на небольшой высоте, несколько правее шоссе, в 2000 туазах[5] от морского берега.

На ней было восемь 24-фунтовых пушек, которые, по его мнению, должны были сжечь эскадру, стоявшую на якоре в 400 туазах от берега, то есть в целом лье[6] от батареи. Гренадеры Бургундии и первого батальона Кот-д'Ора, разойдясь по соседним домам, были заняты разогреванием ядер при помощи кухонных мехов. Трудно представить себе что-нибудь более смешное.

Наполеон приказал убрать в парк эти восемь 24-фунтовых орудий. Им были приняты все меры для того, чтобы организовать артиллерию, и менее чем в шесть недель он собрал 100 орудий большого калибра – дальнобойных мортир и 24-фунтовых пушек, в изобилии снабженных снарядами. Он организовал мастерские и пригласил на службу нескольких артиллерийских офицеров, ушедших с нее вследствие революционных событий.

Между ними был и майор Гассенди, которого Наполеон назначил начальником марсельского арсенала. На самом берегу моря Наполеоном были построены две батареи, названные батареями Горы и Санкюлотов, что после оживленной канонады вынудило корабли противника удалиться и очистить малый рейд. В этот начальный период в осадной армии не было ни одного инженерного офицера. Наполеон должен был действовать и за начальника инженерной службы, и за начальника артиллерии, и за командира парка. Каждый день он отправлялся на батареи.

IV

14 октября осажденные в числе 4000 человек сделали вылазку с целью овладеть батареями Горы и Санкюлотов, беспокоившими их эскадры. Одна колонна прошла через форт Мальбоске и заняла позицию на полдороге от Мальбоске к Олиулю. Другая шла вдоль морского берега и направлялась на мыс Брега, где были расположены эти батареи. Когда был открыт огонь, Наполеон поспешил на передовые позиции вместе с Альмейрасом, адъютантом Карто, прекрасным офицером, впоследствии дивизионным генералом.

Он уже успел внушить войскам такое доверие, что, как только они его увидели, солдаты стали единодушно и громко требовать от него приказаний. Таким образом, по воле солдат он стал командовать, хотя при этом присутствовали генералы. Результаты оправдали доверие армии. Противник сначала был остановлен, а затем отброшен к крепости. Батареи были спасены. С этого момента Наполеон понял, что представляют собой коалиционные войска. Неаполитанцы, составлявшие часть этих войск, были плохи, и их всегда назначали в авангард.

На восточной стороне, у Лапуапа, происходили ежедневные стычки с постами противника, расположенными на обращенных к нему склонах Фарона. 1 октября он их оттеснил, взошел на гору, но был остановлен фортом, а спустя несколько часов отброшен назад и вынужден вернуться в лагерь. 15 октября он оказался более счастливым и, атаковав высоту мыса Брен, после ожесточенной схватки овладел ею.

V

В конце сентября в Олиуле собрался военный совет для решения вопроса, с какой стороны вести главную атаку – с

восточной или с западной? С местности, занимаемой дивизией Лапуапа, или оттуда, где стоит дивизия Карто? Было высказано единодушное мнение, что следует атаковать с запада и главный осадный парк сосредоточить в Олиуле. С восточной стороны Тулон прикрыт фортами Фарон и Ла-Мальг, с западной же стороны находился только один форт Мальбоске, представлявший собой лишь простое полевое укрепление.

Вторично совет заседал 15 октября. На нем обсуждался присланный из Парижа план осады. Его составил генерал д'Арсон и одобрил инженерный комитет. В плане предполагалось, что армия состоит из 60 000 человек и имеет в изобилии всю необходимую материальную часть. В нем выражалось пожелание, чтобы осадная армия сначала овладела горою и фортом Фарон, фортами Руж и Блан, фортом Сент-Катрин, а затем заложила траншеи напротив середины обвода тулонской крепости, пренебрегая как фортом Ла-Мальг, так и фортом Мальбоске.

Но форт Фарон был сильно укреплен противником, а окружающая местность была такова, что строить траншеи здесь было нелегко. Впрочем, при таком способе действий операции затянулись бы сами собой, дав осажденным время подтянуть подкрепления, которых они только и ожидали, чтобы заставить снять осаду и захватить Прованс.

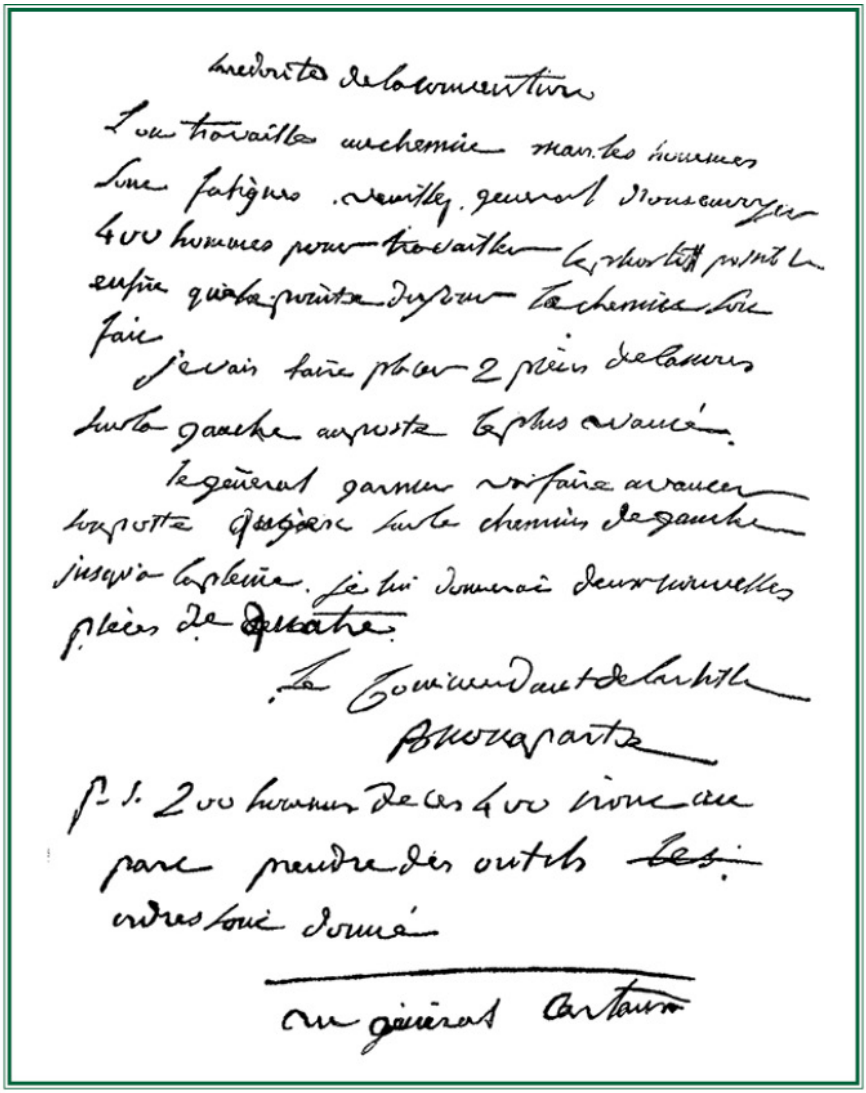
Наполеон предложил совершенно иной план. Он выдвинул тезис, что, если блокировать Тулон с моря таким же образом, как с суши, крепость падет сама собой, ибо противнику выгоднее сжечь склады, разрушить арсенал, взорвать док и, забрав 31 французский военный корабль, очистить город, чем запереть в нем 15-тысячный гарнизон, обрекая его, рано или поздно, на капитуляцию, причем, чтобы добиться почетной капитуляции, этот гарнизон будет вынужден сдать невредимыми эскадру, арсенал, склады и все укрепления.

Между тем, принудив эскадру очистить большой и малый рейды, блокировать Тулон с моря – легко. Для этого было бы достаточно выставить две батареи: одну батарею из тридцати 36– и 24-фунтовых пушек, четырех 16-фунтовых орудий, стреляющих калеными ядрами, и десяти мортир системы Гомер на оконечности мыса Эгильетт, а другую, такой же силы, – на мысе Балагье.

Обе эти батареи будут отстоять от большой башни не далее как на 700 туазов и смогут обстреливать бомбами, гранатами и ядрами всю площадь большого и малого рейдов. Генерал Мареско, в то время капитан инженерных войск, прибывший для командования этим родом оружия, не разделял подобных надежд, однако изгнание английского флота и блокаду Тулона он

находил вполне уместными, видя в этом необходимые предпосылки быстрого и энергичного ведения атак.

Но значение мыса Балагье и мыса Эгильетт поняли и генералы противника. Уже в течение месяца они вели работы в форту Мюрграв на вершине мыса Кер; чтобы сделать его неприступным, они пустили в ход все: экипажи судов, лесные материалы и рабочие руки тулонского арсенала; они щедро пользовались всеми этими ресурсами и продолжали пользоваться ими каждый день. Этот форт уже оправдывал данное ему англичанами название Малый Гибралтар.



Отчет, присланный Наполеоном Бонапартом генералу Карто о ходе осадных работ в Тулоне в 1793 г.

На третий день после прибытия в армию Наполеон посетил керскую позицию, не занятую еще противником, и, составив тотчас же свой план действий, отправился к главнокомандующему и предложил ему войти в Тулон через неделю. Для этого требовалось прочно занять позицию на мысе Кер, чтобы артиллерия могла тотчас же выставить свои батареи на оконечностях мысов Эгильетт и Балагье.

Генерал Карто не был способен ни понять, ни выполнить этот

план, тем не менее он поручил отважному помощнику генерала Лаборду, впоследствии генералу Императорской гвардии, отправиться туда с 400 человеками. Но через несколько дней противник высадился на берег в числе 4000 человек, отбросил генерала Лаборда и приступил к возведению форта Мюрграв. В течение первых восьми дней начальник артиллерии не переставал просить о подкреплении для Лаборда, чтобы можно было отбросить противника с этого пункта, но не добился ничего.

Карто не считал себя достаточно сильным для удлинения своего правого фланга, или, вернее, он не понимал важности этого. К концу же октября положение вещей сильно изменилось. Нельзя было больше думать о прямой атаке этой позиции. Нужно было ставить хорошие пушечные и мортирные батареи, чтобы смести укрепления и заставить замолчать артиллерию форта. Все эти соображения были приняты военным советом. Начальник артиллерии получил приказание принять все необходимые меры, касающиеся его рода оружия. Он немедленно принялся за работу.

Однако Наполеону ежедневно ставил препятствия невежественный штаб, всячески пытавшийся отвлечь его от выполнения принятого советом плана и требовавший то направить пушки совсем в противоположную сторону, то обстреливать бесцельно форты, то сделать попытку забросить несколько снарядов в город, чтобы сжечь пару домов. Однажды главнокомандующий привел его на высоту между фортом Мальбоске и фортами Руж и Блан, предлагая расположить здесь батарею, которая сможет обстреливать их одновременно.

Тщетно пытался начальник артиллерии объяснить ему, что осаждающий получит преимущество над осажденным, если расположит против одного форта три или четыре батареи и возьмет его, таким образом, под перекрестный огонь. Он доказывал, что поспешно оборудованные батареи с простыми земляными укрытиями не могут бороться против тщательно сооруженных батарей, имеющих долговременные укрытия, и, наконец, что эта батарея, расположенная между тремя фортами, будет разрушена в четверть часа и вся прислуга на ней будет перебита. Карто, со всей надменностью невежды, настаивал на своем; но, несмотря на всю строгость воинской дисциплины, это приказание осталось неисполненным, так как оно было неисполнимо.

В другой раз этот генерал приказал построить батарею опять-таки на направлении, противоположном направлению общего плана, притом на площадке перед каменной постройкой, так что не оставалось необходимого пространства для отката орудий, а развалины дома могли обрушиться на прислугу. Снова пришлось

ослушаться.

На батареях Горы и Санкюлотов сосредоточилось внимание армии и всего юга Франции. Огонь с них велся ужасный. Несколько английских шлюпов было потоплено. С нескольких фрегатов были сбиты мачты. Четыре линейных корабля оказались настолько сильно поврежденными, что пришлось ввести их в док для починки. Главнокомандующий же, воспользовавшись моментом, когда начальник артиллерии отлучился на 24 часа для посещения марсельского арсенала и ускорения отправки некоторых необходимых предметов, приказал эвакуировать эту батарею под предлогом, что на ней гибло много канониров.

В 9 часов вечера, когда вернулся Наполеон, эвакуация батареи уже началась. Опять пришлось не повиноваться. В Марселе была одна старая кулеврина, давно служившая предметом любопытства. Штаб армии решил, что сдача Тулона зависит только от этой пушки, что она обладает чудесными свойствами и стреляет по меньшей мере на два лье.

Начальник артиллерии убедился, что эта пушка, к тому же чрезвычайно тяжелая, вся перержавела и не может нести службы. Однако пришлось затратить немало сил и средств, извлекая и устанавливая эту рухлядь, из которой сделали лишь несколько выстрелов.

Раздраженный и утомленный этими противоречивыми распоряжениями, Наполеон письменно попросил главнокомандующего ознакомить его с общими предначертаниями, предоставив ему исполнение их в деталях по вверенному ему роду оружия. Карто ответил, что согласно плану, принятому им окончательно, начальнику артиллерии надлежит обстреливать Тулон в продолжение трех дней, после чего главнокомандующий атакует крепость тремя колоннами.

По поводу этого странного ответа Наполеон написал доклад народному представителю Гаспарену, изложив все то, что следовало предпринять для овладения городом, то есть повторив сказанное им на военном совете. Гаспарен был умным человеком. Наполеон очень уважал его и многим был обязан ему в течение осады. Гаспарен отослал переданный план с нарочным в Париж, и оттуда с тем же курьером было привезено приказание, чтобы Карто тотчас же покинул осадную армию и отправился в Альпийскую.

На его место был назначен генерал Доппе, командовавший армией под Лионом, который был только что взят. Во временное командование вступил генерал Лапуап как старший. 15 ноября он расположил свою главную квартиру в Олиуле и за несколько дней командования приобрел уважение войск.

VI

Начальник артиллерии выставил девять пушечных и мортирных батарей; две – наиболее мощные – на двух параллельно расположенных холмах, под названием Катр-Мулен и Саблетт, вдали от форта Мюрграв, для поддержки трех батарей: «Бесстрашные люди», «Патриоты юга» и «Смелые», расположенных в 100 туазах от форта, но не на господствующей высоте. Батареи Брега обстреливали Саблеттский перешеек и Лазаретную бухту.

Канонада происходила ежедневно. Ее целью было замедлить работу противника над еще большим усилением Малого Гибралтара. Батареи осаждающих вскоре добились превосходства, и это побудило осажденных сделать вылазку для их уничтожения. Вылазка была произведена 8 ноября против батарей Саблетт и Катр-Мулен. От последней они были оттеснены, но батарея Саблетт была взята и орудия на ней заклепаны.

Главнокомандующий Доппе прибыл к осадной армии 10 ноября. Он был савоец, медик, умнее, чем Карто, но такой же невежда в области военного искусства; это был один из корифеев общества якобинцев, враг всех людей, у которых замечался какой-либо талант. Через несколько дней после его прибытия английская бомба вызвала пожар порохового погреба на батарее Горы. Находившийся там Наполеон подвергался большой опасности. Было убито несколько канониров.

Явившись вечером к главнокомандующему для доклада об этом случае, начальник артиллерии застал его за составлением протокола в целях доказательства, что погреб был подожжен аристократами. На следующий день батальон котдорцев, находившийся в траншеях против форта Мюрграв, взялся за оружие и двинулся на форт, возмущенный дурным обращением испанцев с одним попавшим в плен французским волонтером. За ним направился Бургундский полк.

В дело оказалась вовлеченной вся дивизия генерала Брюле. Началась ужасающая канонада и оживленная ружейная перестрелка. Наполеон находился в главной квартире; он отправился к главнокомандующему, но и тот не знал причины всего происходящего. Они поспешили на место происшествия. Было 4 часа дня. По мнению начальника артиллерии, раз вино было откупорено, надо было его выпить.[7]

Он считал, что продолжение атаки будет стоить меньше, чем прекращение ее. Генерал разрешил ему принять атакующих под свое командование. Весь мыс был покрыт нашими стрелками, окружившими форт, и начальник артиллерии построил в колонну

две гренадерские роты с целью проникнуть туда через теснину, как вдруг главнокомандующий приказал ударить отбой вследствие того, что вблизи от него, но довольно далеко от линии огня, был убит один из его адъютантов.

Стрелки, заметив отступление своих и услышав сигнал отбоя, были обескуражены. Атака не удалась. Наполеон с лицом, покрытым кровью от легкой раны в лоб, подъехал к главнокомандующему и сказал ему: «…Велевший играть отбой не дал нам взять Тулон». Солдаты, потеряв при отступлении немало своих товарищей, выражали недовольство.

Они громко говорили о том, что пора покончить с генералом. «Когда же перестанут присылать для командования нами живописцев и медиков?» Восемь дней спустя Доппе был послан в Пиренейскую армию. Свое прибытие туда он ознаменовал гильотинированием большого числа генералов.

Он привез с собою для командования осадной артиллерией дивизионного генерала старой службы Дютейля, но у Наполеона от правительства было специальное полномочие, и командование было оставлено за ним. В артиллерии было два генерала по фамилии Дютейль. Старший, долгое время являвшийся начальником Оксонской школы, был превосходным артиллерийским офицером. Его школа славилась.

В 1788 году он обратил там внимание на Наполеона, тогда артиллерийского лейтенанта, предчувствуя его воинские дарования. Этот генерал не придерживался революционных взглядов. Он был уже пожилым человеком, однако отказался эмигрировать, оставшись на своем посту. При осаде Лиона Келлерманом он командовал артиллерией.

После взятия этого города ему не удалось ускользнуть от Комитета наблюдения Колло д'Эрбуа и Фуше. Он был осужден революционным трибуналом и приговорен к казни. Приговор был мотивирован тем, что он опоздал выслать артиллерию в Тулонскую осадную армию. Тщетно показывал он письма, присланные ему Наполеоном с благодарностью за разумные распоряжения и энергию, проявленную им при отправке этих транспортов.

Генерал Дютейль-младший, ничего не понимавший в артиллерии, был человеком совершенно противоположного склада. Это был «добрый малый». По прибытии к Тулону он очень обрадовался, найдя занятой ту должность, которую сам он не был способен исполнять, тем более что в этих условиях исполнение ее было делом весьма рискованным. Он умер впоследствии в Меце начальником крепостной артиллерии.

Голос солдат был наконец услышан. 20 ноября доблестный

Дюгоммье принял командование армией. Он имел за собой 40 лет службы. Это был богатый колонист с Мартиники, офицер в отставке. В начале революции он стал во главе патриотов и оборонял город Сен-Пьер. Изгнанный с острова, когда англичане заняли его, он потерял все свое состояние.

Его назначили командиром бригады в Итальянскую армию в то время, когда пьемонтцы, желая воспользоваться отвлечением сил к Тулону, вздумали переправиться через Вар и войти в Прованс. Дюгоммье разбил их при Жилетте, чем заставил отступить на прежний рубеж. Он обладал всеми качествами старого воина. Сам чрезвычайно храбрый, он любил храбрецов и был любим ими. Он был добр, хотя горяч, очень энергичен, справедлив, имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою.

VII

Лионская армия была распределена между Альпийской, Пиренейской и Тулонской. Подкрепление оказалось не столь велико, каким могло бы быть. Вместе с ним в осадной армии находилось только 30 000 человек, считая и плохие, и хорошие войска. Главнокомандующий союзными войсками генерал О'Хара поджидал подкрепление из 12 000 пехотинцев и 2000 кавалеристов.

Он надеялся добиться снятия осады, захватить олиульский парк, обойти французскую армию в Италии, а затем, соединившись с пьемонтской, расположиться на зимних квартирах по Дюрансу и овладеть всем Провансом. В этой провинции недоставало продовольствия. Несколько попыток подвезти припасы, предпринятых марсельскими купцами, остались безрезультатными по причине занятия противником Тулона и присутствия английского, испанского и неаполитанского флота в Средиземном море.

Эта часть республики возлагала все свои надежды на скорое падение Тулона, а между тем за четыре месяца с начала осады было обстреляно, по слухам, лишь одно полевое укрепление, расположенное в стороне от крепостных фортов; неприятель спокойно владел не только городом и фортами, но и всем пространством между городом, горою Фарон и фортом Мальбоске. Все усилия осаждающих предпринимались в направлении, противоположном городу, и это возбуждало общее неодобрение.

Полагали, что осада даже не начиналась, так как против

фортов и сооружений долговременной фортификации не были еще заложены траншеи. Власти, находившиеся в Марселе и знавшие о плане осады только по слухам, боясь все усиливающегося голода, предлагали Конвенту снять осаду, очистить Прованс и отступить за Дюранс. «Теперь еще, – говорили они, – мы можем отступить в порядке, но позже нас заставят это сделать поспешно и с потерями.

Противник, заняв Прованс, будет вынужден его кормить, а весной наша армия, хорошо отдохнувшая, перейдет через Дюранс и бросится на врага, как сделал Франциск I с Карлом V». Это письмо прибыло в Париж за несколько дней до известия о взятии Тулона, что показывает, насколько плохо был понят план осадных действий – такой простой и ясный, судя по его результатам.

Батареи были построены. Все было готово для атаки форта Мюрграв. Начальник артиллерии считал необходимым поставить одну батарею на Аренской высоте, против форта Мальбоске, так, чтобы с нее на другой день после взятия Малого Гибралтара можно было открыть огонь; он рассчитывал на то, что огонь этой батареи произведет большое моральное воздействие на военный совет осажденных, который соберется для принятия решения.

Для того чтобы поразить, нужно действовать внезапно, и, значит, следовало скрывать от врага существование батареи; с этой целью она была успешно замаскирована оливковыми ветками. 29 ноября в 4 часа дня ее посетили народные представители. На батарее находилось восемь 24-фунтовых пушек и четыре мортиры. Она называлась батареей Конвента. Представители спросили канониров, что мешает им начать стрельбу. Канониры ответили, что у них все готово и что их орудия будут действовать весьма эффективно.

Народные представители разрешили им стрелять. Начальник артиллерии, находившийся в главной квартире, с изумлением услышал пальбу, что противоречило его намерениям. Он отправился к главнокомандующему с жалобой. Зло было сделано непоправимое. На другой день, на рассвете, О'Хара во главе 7000 человек сделал вылазку, переправился у форта Сент-Антуан через ручей Ас, опрокинул все посты, защищавшие батарею Конвента, овладел ею и заклепал орудия.

В Олиуле забили тревогу. Поднялось сильное смятение. Дюгоммье поехал по направлению атаки, собирая на своем пути войска и посылая приказания придвинуть резервы. Начальник артиллерии выставил на различных позициях полевые орудия с целью прикрыть отступление и сдержать движение противника, угрожавшее олиульскому парку. Сделав эти распоряжения, он отправился на высоту, находившуюся напротив батареи.

Через небольшую долину, разделявшую их, от этой высоты до подножия насыпи пролегал ход сообщения, сделанный по приказанию Наполеона для подноса к батарее боеприпасов. Прикрытый оливковыми ветвями, он был незаметен. Войска противника стояли в боевом порядке справа и слева от него, а группа штабных офицеров находилась на батарейной платформе. Наполеон приказал батальону, занимавшему высоту, спуститься с ним в этот ход сообщения.

Подойдя к подножию насыпи незаметно для противника, он приказал дать залп по войскам, стоявшим вправо от нее, а затем – по стоявшим влево. По одну сторону находились неаполитанцы, по другую – англичане. Неаполитанцы подумали, что их обстреливают англичане, и тоже открыли огонь, не видя врага. В ту же минуту один офицер в красном мундире, хладнокровно прогуливавшийся по платформе, поднялся на насыпь с целью разузнать о происшедшем.

Ружейный выстрел из хода сообщения поразил его в руку, и он свалился к подножию наружного откоса. Солдаты подняли его и принесли в ход сообщения. Это оказался главнокомандующий О'Хара. Таким образом, находясь среди своих войск, он исчез, и никто этого не заметил. Он отдал свою шпагу и заявил начальнику артиллерии, кто он такой. Наполеон заверил его в том, что он не подвергнется оскорблениям. Как раз в эту минуту Дюгоммье с собравшимися войсками обошел правый фланг противника и угрожал прервать его коммуникации с городом, что и привело к отступлению. Вскоре оно превратилось в бегство.

Противника преследовали по пятам до самого Тулона и по дороге к форту Мальбоске. Дюгоммье в этот день получил две легкие раны. Наполеон был произведен в полковники. Генералу Мюре довольно некстати пришло желание, воспользовавшись порывом войск, взять штурмом форт Мальбоске, что оказалось невыполнимым. Здесь отличился Сюше, впоследствии маршал Франции, тогда командир батальона ардешских волонтеров.

VIII

Отборный отряд из 2500 человек егерей и гренадеров, затребованный Дюгоммье из Итальянской армии, прибыл. Все говорило за то, чтобы не медлить больше ни минуты с захватом мыса Кер, и было решено штурмовать Малый Гибралтар. Депутаты Конвента, находившиеся в Провансе, прибыли в Олиуль. 14 декабря французские батареи открыли беглый огонь бомбами и ядрами из пятнадцати мортир и тридцати пушек

большого калибра. Канонада продолжалась день и ночь с 15-го по 17-е, до момента штурма.

Артиллерия действовала очень удачно. Неприятелю пришлось несколько раз заменять подбитые орудия новыми. Палисады, насыпи были разворочены. Значительное число бомб, залетавших в редут, заставило гарнизон покинуть его и занять позицию позади. Главнокомандующий приказал двинуться на приступ в час ночи, рассчитывая подоспеть к редуту либо до того, как гарнизон, предупрежденный об атаке, успеет туда вернуться, либо по крайней мере одновременно с ним.

Целый день 16-го шел проливной дождь, и это могло задержать движение некоторых колонн. Дюгоммье, не ожидая от этого ничего хорошего, хотел было отложить атаку на следующий день, но, побуждаемый, с одной стороны, депутатами, образовавшими комитет и исполненными революционного нетерпения, а с другой – советами Наполеона, считавшего, что плохая погода не является неблагоприятным обстоятельством, продолжал подготовку к штурму.

В полночь, сосредоточив все силы в деревне Сена, он построил четыре колонны. Две, слабые, расположились на позициях по краям мыса для наблюдения за двумя редутами – Балагье и Эгильетт. Третья, состоявшая из отборных войск под командой Лаборда, направилась прямо на Малый Гибралтар. Четвертая служила резервом. Во главе атакующих стал сам Дюгоммье. Подойдя к подножию мыса, стрелки открыли огонь.

Противник предусмотрительно устроил заграждения на дорогах, так что у гарнизона хватило времени разобрать на биваке ружья, вернуться в форт и стать за бруствером. Стрелков у него оказалось больше, чем предполагали. Чтобы оттеснить их, часть французской колонны рассыпалась. Ночь стояла очень темная. Движение замедлилось, и колонна расстроилась, но все же добралась до форта и залегла в нескольких флешах.

Тридцать или сорок гренадеров проникли даже в форт, но были оттеснены огнем из бревенчатого укрытия и принуждены вернуться назад. Дюгоммье в отчаянии отправился к четвертой колонне – резерву. Ее вел Наполеон. По его приказанию впереди шел батальон, который был вверен им Мюирону, капитану артиллерии, в совершенстве знавшему местность.

В 3 часа утра Мюирон проник в форт через амбразуру; за ним последовали Дюгоммье и Наполеон. Лаборд и Гильон проникли с другой стороны. Канониров перебили у орудий. Гарнизон отошел к своему резерву на холме, на расстоянии ружейного выстрела от форта. Здесь противник перестроился и провел три атаки с целью вернуть форт.

Около 5 часов утра к противнику были подвезены два полевых орудия, но, по распоряжению начальника артиллерии, уже подоспели его канониры, и орудия форта повернулись против врага. В темноте, под дождем, при ужасном ветре, среди валявшихся в беспорядке трупов, под стоны раненых и умирающих, стоило большого труда изготовить к стрельбе шесть орудий.

Лишь только они открыли огонь, противник отказался от продолжения атак и повернул назад. Немного спустя стало светать. Эти три часа были часами мучительных ожиданий и тревог. Только днем, через много времени после захвата форта, вошли в него представители Конвента – уверенной, молодецкой поступью, с обнаженными саблями – и поблагодарили солдат. На рассвете на холмах, господствовавших над Эгильетт и Балагье, было замечено несколько английских батальонов.

От Малого Гибралтара, который, будучи расположен на вершине мыса, господствует над ними, англичане находились на расстоянии пушечного выстрела. Первые два часа после рассвета победоносная армия потратила на сбор частей. Прибыло несколько полевых батарей, и в 10 часов утра началось наступление на противника, поспешно уходившего от берега под прикрытием военных кораблей. К полудню он был совершенно изгнан с мыса, и французы стали здесь хозяевами.

Оба занятых форта представляли собою лишь простые батареи, выложенные из кирпича на морском берегу, с большой башней на горже[8], которая служила вместе и казармой, и укрытием. Над башней, в 20 туазах от нее, возвышались холмы мыса. Эти батареи совсем не предназначались для обороны против неприятеля, наступающего с суши и располагающего пушками.

Наши шестьдесят 24-фунтовых пушек и 20 мортир находились у деревни Сены на колесном ходу и передках, на расстоянии пушечного выстрела, так как было важно без малейшего замедления начать из них стрельбу. Однако начальник артиллерии отказался от огневых позиций обеих батарей, брустверы которых были из камня, а башня находилась в такой близости, что рикошетные снаряды и обломки ее могли поражать канониров.

Он наметил огневые позиции для батарей на высотах. Остаток дня пришлось затратить на их оборудование. Несколько 12-фунтовых пушек и гаубиц начали обстреливать неприятельские шлюпы, когда те намеревались перейти с малого рейда на большой. На рейде царило величайшее смятение. Корабли снялись с якоря. Стояла пасмурная погода, и грозил

подняться порывистый юго-западный ветер, дующий три дня кряду и способный на все это время помешать выходу эскадры коалиции с рейдов, обрекая ее на полный разгром.

Штурм обошелся республиканской армии в 1000 человек убитыми и ранеными. Под Наполеоном была убита лошадь – выстрелом с батареи Малого Гибралтара. Накануне атаки он был сброшен на землю и расшибся. Утром он получил от английского канонира легкую колотую рану в икру. Генерал Лаборд и капитан Мюирон были тяжело ранены. Потери врага убитыми и ранеными достигали 2500 человек.

IX

Наметив огневые позиции для батарей и отдав все приказания, необходимые для парка, Наполеон отправился на батарею Конвента с целью атаковать форт Мальбоске. Он заявил генералам: «Завтра или самое позднее послезавтра вы будете ужинать в Тулоне». Это тотчас же сделалось предметом обсуждения. Некоторые надеялись, что так и будет, большая же часть на это не рассчитывала, хотя все гордились одержанной победой.

Английский адмирал, узнав о взятии Малого Гибралтара, тотчас же послал приказание удержать форты Эгильетт и Балагье для того, чтобы дать возможность подкреплениям, которые он сейчас же вышлет из города, высадиться на берег и отбить Малый Гибралтар, так как от этого зависит безопасность его якорной стоянки. С этой целью адмирал отправился в Тулон и потребовал, чтобы для взятия этого форта было высажено 6000 человек.

В случае если они не смогут отбить его, они должны окопаться на обоих холмах выше Балагье и Эгильетта, чтобы выиграть 8—10 дней, по истечении которых ожидались подкрепления. Но когда в полдень ему дали знать сигналами, что трехцветное знамя уже развевается на батареях и союзные войска снова погрузились на суда, адмиралом овладел страх оказаться запертым на рейдах.

Он приказал эскадре сняться с якоря, поднять паруса, выйти с рейдов и крейсировать вне досягаемости пушечных выстрелов с берега. Тем временем был созван военный совет. Протоколы его попали в руки Дюгоммье, сравнившего их с протоколами французского военного совета в Олиуле 15 октября. Дюгоммье нашел, что Наполеон все предвидел заранее. Старый и отважный генерал с удовольствием об этом рассказывал.

В самом деле, в этих протоколах говорилось, что «совет

спросил у артиллерийских и инженерных офицеров, имеется ли на большом и малом рейдах такой пункт, где могла бы стать эскадра, не подвергаясь опасности от бомб и каленых ядер с батарей Эгильетт и Балагье; офицеры обоих родов оружия ответили, что не имеется. В случае если эскадра покинет Тулон, сколько следует ей оставить в нем гарнизона? Сколько времени сможет он держаться?

Ответ: нужно 18 000 человек; держаться они смогут самое большее 40 дней, если будет продовольствие. Третий вопрос: не соответствует ли интересам союзников немедленно очистить город, предав огню все, чего нельзя захватить с собой? Военный совет единодушно настаивает на оставлении города: у гарнизона, который можно оставить в Тулоне, не будет возможности отступить и ему нельзя будет более посылать подкреплений, он будет ощущать недостаток в необходимых припасах.

Сверх того, двумя неделями раньше или позже он принужден будет капитулировать, и тогда его заставят сдать невредимыми и арсенал, и флот, и все сооружения».

В Тулоне разнеслась весть, что военный совет решил очистить город. Недоумение и тревога достигли крайних пределов. Жители совсем не заметили взятия Малого Гибралтара. Они знали, что ночью против него велась атака, но не придавали этому никакого значения. В то время когда они ждали избавления, убаюкивая себя надеждой на скорое прибытие подкреплений, им пришлось начать думать об оставлении своих домов, своей отчизны – военный совет распорядился взорвать форты Поме и Ла-Мальг.

Форт Поме был взорван в ночь с 17-го на 18-е. Очищение фортов Фарон, Мальбоске, редутов Руж и Блан и Сент-Катрин произошло в ту же ночь. 18-го все эти форты были заняты французами.

17-го перед рассветом, в то время как шел штурм Малого Гибралтара, Лапуап захватил гору Фарон после довольно горячей схватки и обложил форт. В этом деле отличился Лагарп – полковник Овернского полка, впоследствии дивизионный генерал, убитый в итальянском походе.

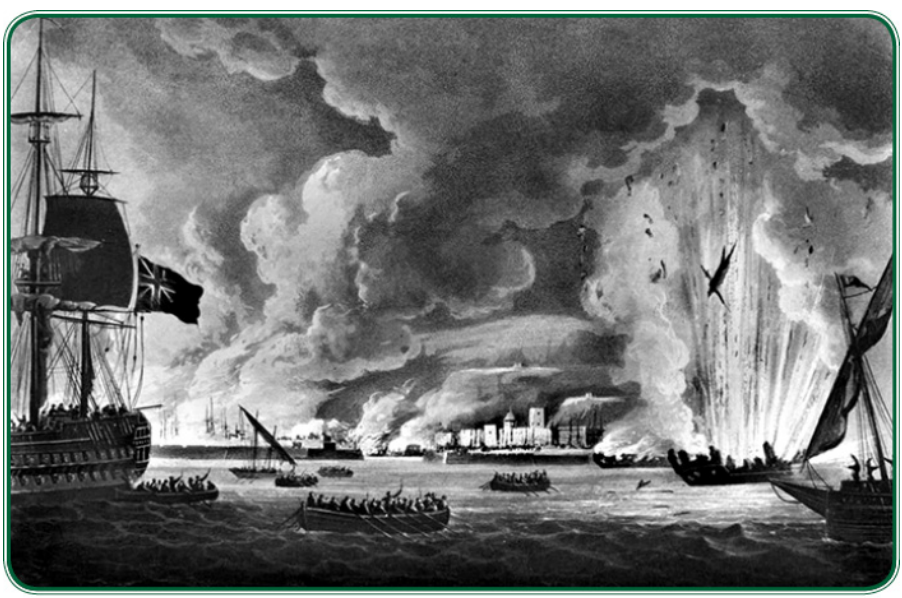
Положение вещей было настолько неясно, что, когда войска узнали о взрыве форта Поме, распространился слух, будто это произошло в связи со случайным пожаром в пороховом погребе. Владея Мальбоске и другими фортами, окружавшими Тулон, кроме форта Ла-Мальг, где еще находился противник, армия днем 18 числа придвинулась к валам крепости. Весь день город обстреливался из нескольких мортир.

Англо-испанская эскадра, сумевшая выйти с рейдов,

крейсировала за их пределами. Море было покрыто шлюпками и малыми судами противника, направлявшимися к эскадре. Им приходилось двигаться мимо французских батарей; несколько судов и значительное число шлюпок были пущены ко дну.

Вечером 18-го по страшному взрыву узнали об уничтожении главного порохового погреба. В то же мгновение в арсенале показался огонь в четырех-пяти местах, а полчаса спустя весь рейд был объят пламенем. То были подожжены девять французских линейных кораблей и четыре фрегата.

На несколько лье кругом горизонт находился как бы в огне; было видно, как днем. Зрелище было величественное, но ужасное. Каждую секунду ждали взрыва форта Ла-Мальг, но его гарнизон, боясь быть отрезанным от города, не успел заложить мины. Той же ночью в форт вошли французские стрелки. Тулон был объят ужасом. Большая часть жителей поспешно покинула город. Те, кто остался, забаррикадировались в домах, опасаясь мародеров. Армия осаждающих стояла в боевом порядке на гласисе[9].



Уничтожение французского флота под Тулоном

18-го в 10 часов вечера полковник Червони взломал ворота и с патрулем в 200 человек вошел в город. Им был обойден весь Тулон. Повсюду царила величайшая тишина. В порту валялись груды багажа, на погрузку которого у бежавших жителей не хватило времени. Разнесся слух, что подложены фитили для взрыва пороховых погребов. Были посланы дозоры из канониров,

чтобы проверить это. Затем вошли в город войска, назначенные для его охраны.

В морском арсенале оказался чрезвычайный беспорядок. 800–900 галерных каторжников с величайшим усердием занимались тушением пожара. Ими была оказана громадная услуга; они противодействовали английскому офицеру Сиднею Смиту, которому был поручен поджог судов и арсенала. Этот офицер очень плохо исполнил свою обязанность, и республика должна быть ему признательна за те весьма ценные предметы, которые сохранились в арсенале. Наполеон отправился туда с канонирами и оказавшимися в наличии рабочими.

В течение нескольких дней ему удалось потушить пожар и сохранить арсенал. Потери, которые понес флот, были значительны, но имелись еще огромные запасы. Были спасены все пороховые погреба, за исключением главного. Во время изменнической сдачи Тулона там находился 31 военный корабль. Четыре из них были использованы для перевозки 5000 матросов в Брест и Рошфор, девять были сожжены союзниками на рейде, а тринадцать оставлены разоруженными в доках. С собой союзниками было уведено четыре, из которых один сгорел в Ливорно.

Боялись, как бы союзники не взорвали док и его дамбы, но на это у них не хватило времени. Тринадцать кораблей и фрегатов, сгоревших на рейде, образовали ряд заграждений. В течение восьми или десяти лет производились попытки их удалить, и наконец неаполитанским водолазам удалось это исполнить при помощи распиливания остовов, удаляя их кусок за куском. Армия вошла в город 19-го. Семьдесят два часа она находилась под ружьем, в дождь и слякоть.

В городе ею было произведено много беспорядков как бы с разрешения начальства, надававшего солдатам обещаний во время осады. Главнокомандующий восстановил порядок, объявив все имущество Тулона собственностью армии, и приказал снести все в центральные склады как из частных складов, так и из покинутых домов. Впоследствии республика конфисковала все это, выдав в награду каждому офицеру и солдату годовой оклад жалованья.

Эмиграция из Тулона была весьма значительной. Неаполитанские, английские и испанские корабли были переполнены. Это вынудило их бросить якорь на Иерском рейде и расположить беглецов биваком на островах Поркероль и Левант. Говорят, что их насчитывалось около 14 000 человек.

Дюгоммье отдал приказ не снимать белого знамени с фортов и бастионов рейда, что ввело в заблуждение многие военные

корабли и коммерческие суда, подвозившие припасы для противника. В течение месяца после взятия города не проходило ни одного дня, чтобы не захватывались обильно нагруженные суда. Один английский фрегат уже было причалил к Большой башне. Он вез несколько миллионов денег.

Его сочли уже захваченным, и два морских офицера на ботике подплыли к нему, взошли на палубу и заявили капитану, что фрегат в качестве приза находится в их власти. Капитан посадил в трюм обоих смельчаков, перерезал причальные канаты и сумел выбраться без больших повреждений.

В конце декабря, вечером, около 8 часов, начальник артиллерии, находясь на набережной, заметил подходившую английскую шлюпку. Офицер, сойдя с нее, спросил, где квартира адмирала лорда Худа. Он оказался капитаном прекрасного брига, пришедшего с депешами и с вестью о прибытии подкреплений. Судно было взято, и депеши прочтены.

Народные представители, по законам того времени, учредили революционный трибунал; но все виновные бежали вместе с неприятелем; те же, кто решился остаться, чувствовали себя невиновными. Однако трибунал арестовал нескольких человек, случайно не успевших уйти с неприятелем, и казнил их в наказание за совершенные ими злодеяния. Но восьми-десяти жертв было мало.

Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи: было объявлено, что всем, кто при англичанах работал в арсенале, надлежит собраться на Марсовом поле для записи фамилий. Дали понять, что это делается с целью принять их вновь на службу. Почти 200 человек старших рабочих, конторщиков и других мелких служащих поверили этому и явились; их фамилии были записаны, и тем было удостоверено, что они сохраняли свои места при англичанах.

Тотчас же на том же поле революционный трибунал присудил всех их к смерти. Батальон санкюлотов и марсельцев, вызванный туда, расстрелял их. Подобный поступок не нуждается в комментариях. Но это была единственная массовая казнь. Неверно, что кого бы то ни было расстреливали картечью. Начальник артиллерии и канониры регулярной армии не стали бы в этом участвовать.

В Лионе эти ужасы совершили канониры революционной армии. Декретом Конвента Тулонскому порту было дано новое название – «порт Гора» – и было приказано разрушить все общественные здания, за исключением признанных необходимыми для флота и гражданского управления. Этот сумасбродный декрет начал приводиться в исполнение, но с

большой медлительностью. Было разрушено лишь пять или шесть домов, через некоторое время снова восстановленных.

Английская эскадра простояла на Иерском рейде месяц или полтора. В Тулоне не было ни одной мортиры, которая могла бы стрелять больше чем на 1500 туазов, а эскадра стояла на якоре в 2400 туазах от берега. Если бы в то время в Тулоне было несколько мортир системы Вилантруа или таких, какими стали пользоваться впоследствии, эскадра не смогла бы стоять на рейде. В конце концов, взорвав форты Поркероль и Портро, неприятель ушел на рейд Порто-Феррайо, где высадил значительную часть тулонских эмигрантов.

Весть о взятии Тулона в тот момент, когда этого менее всего ожидали, произвела огромное впечатление на Францию и на всю Европу. 25 декабря Конвент устроил национальный праздник. Взятие Тулона послужило сигналом для успехов, ознаменовавших кампанию 1794 года. Несколько времени спустя Рейнская армия овладела Вейссембургскими линиями и сняла блокаду с Ландау, Дюгоммье с частью войск отправился в Восточные Пиренеи, где Доппе делал одни только глупости. Другая часть этих войск была послана в Вандею. Большое число батальонов вернулось в Итальянскую армию. Дюгоммье отдал приказ Наполеону следовать за ним; но из Парижа были получены другие распоряжения, возлагавшие на него обязанность заняться сперва перевооружением средиземноморского побережья, в особенности Тулона, а затем отправиться в Итальянскую армию в качестве начальника артиллерии.

С этой осады утвердилась репутация Наполеона. Все генералы, народные представители и солдаты, знавшие о мнениях, которые он высказывал на различных советах за три месяца до взятия города, все те, кто были свидетелями его деятельности, предрекали ему ту военную карьеру, которую он потом сделал. Доверием солдат Итальянской армии он заручился уже с этого момента. Дюгоммье, представляя его к чину бригадного генерала, написал в Комитет общественного спасения буквально следующее: «Наградите и выдвиньте этого молодого человека, потому что если по отношению к нему будут неблагодарны, он выдвинется сам собой». В Пиренейской армии Дюгоммье беспрестанно говорил о своем начальнике артиллерии под Тулоном и внушил высокое мнение о нем генералам и офицерам, отправившимся впоследствии из Испанской армии в Италию. Находясь в Перпиньяне, он посылал Наполеону в Ниццу курьеров с известиями об одержанных им победах.

Очерк операций итальянской армии в 1792–1795 годах

I. Очерк событий, происшедших в Итальянской армии с начала войны и в течение 1792 и 1793 годов, до осады Тулона. – II. Наполеон руководит армией в кампанию 1794 года. Занятие Саорджио, Онелья, перевала Тенде и всего главного хребта Альп (апрель 1794 года). – III. Марш армии через Монтенотте (октябрь 1794 года). – IV. Морские экспедиции. Бой у Ноли (март 1795 года). – V. Наполеон подавляет мятежи в Тулоне. – VI. Он покидает свой пост в Итальянской армии и приезжает в Париж (июнь 1795 года). – VII. Келлерман, потерпев поражение, сосредоточивает свои силы на линии Боргетто (июль 1795 года). – VIII. Битва у Лоано (декабрь 1795 года).

I

Война с первой коалицией началась в 1792 году Генералу Монтескью, командующему Южной армией, была поручена оборона всей границы от Женевы до Антиба. Кампания началась в сентябре. Из своего лагеря у Сесьё он двинулся на Изер, в форт Барро, и в течение нескольких недель занял Шамбери и всю Савойю. Пьемонтцы отступили за Альпы. Генерал-лейтенант Ансельм, командовавший дивизией в 10 000 человек, был назначен оборонять Вар – от Турнусского лагеря около Аржантьерского перевала до Антиба.

Адмирал Трюге с девятью военными кораблями, имея на борту 2000 человек десанта, крейсировал между Антибом и Монако. Вар – плохая оборонительная линия. Французская эскадра угрожала ей с тыла. Это побудило Туринский двор расположить свою армию на оборонительной линии по обратному склону приморских Альп с правым флангом, опирающимся на Вар и его притоки, центром на Лантоска и левым флангом на Ройе, перед Саорджио.

23 сентября генерал Ансельм, узнав от французского адмирала о том, что появление его эскадры перед Ниццей вынудило противника эвакуировать этот город и о начавшемся движении Пьемонтской армии, перешел через Вар во главе 4000 человек, овладел Ниццей, фортом Монтальбан и Вильфраншем, не встретив никакого сопротивления. Оба последние укрепления

были полностью оборудованы и снабжены прекрасной артиллерией.

Их гарнизоны попали в плен. Ансельм перешел Вар вброд; на следующий день этот поток вздулся. В течение восьми-десяти дней он оставался в Ницце отрезанным от главных сил своей армии. Противник не обратил внимания на это обстоятельство или не знал, как им воспользоваться. Ансельм продвинул авангард за Скарена, на туринском шоссе. Эскадра направилась в Онелья – порт, принадлежавший сардинскому королю; адмирал предложил коменданту сдаться, но парламентер его был убит.

Десантные войска овладели городом. Генерал Ансельм не сумел поддерживать дисциплину среди войск; его даже обвинили в участии в бесчинствах, на которые жаловался город Ницца; он был отозван.

В начале 1793 года правительство отделило Альпийскую армию от Итальянской, командование которой было вверено генералу Бирону 15 февраля 1793 года. Произошло несколько боев на высотах Скарена, Соспелло, Лантоска. Ими овладевали последовательно армии то одной, то другой сторон; но наконец Соспелло был прочно занят французской армией. Авангард расположился между Соспелло и Брельо, в лагере Бруи.

11 апреля Бирон овладел Лантоска и высотами до Бельведера; он взял много пленных и несколько пушек. Некоторое время спустя он был отозван для командования армией в Вандее; его сменил генерал Брюне. Армия получила подкрепления, после чего она насчитывала 30 000 человек под ружьем. Вместе с войсками, занимавшими гарнизоны в Провансе, с этапными частями и больными численность армии доходила до 68 000 человек.

Противник тоже был усилен пополнениями и отличной австрийской дивизией: он укрепил свои позиции большим числом батарей и фортификационными сооружениями. Его правый фланг примыкал к ютельской позиции, центр располагался перед перевалом Раус, левый фланг – перед Саорджио, крепостью, лежащей по обеим сторонам шоссе из Ниццы в Турин.

Генерал Брюне вполне обоснованно желал овладеть всеми приморскими Альпами, прогнать противника за перевал Тенде и расположить свою армию на время дождей по вершинам Альп. Это сделало бы позицию значительно более сильной и требующей меньше людей для ее обороны. Такой проект был очень разумен; у Брюне было достаточно сил для его выполнения, но отсутствовали военные способности, необходимые для руководства такой серьезной операцией.

8 июня 1793 года он перешел в наступление по всему фронту.

Все, что можно было сделать, французские солдаты сделали; все позиции, которыми можно было овладеть, они захватили; но занятые противником позиции Фурш и Раус были неприступны. Брюне упорствовал, возобновив 12 июня наступление, которое принесло славу пьемонтцам и привело к гибели отборных гренадер его армии. Позиции пьемонтцев стали считаться неприступными; они продолжали на них укрепляться.

В августе тулонская измена потребовала выделения части Итальянской армии для формирования осадной армии; но, хотя и ослабленная, Итальянская армия отразила в течение октября все попытки пьемонтцев войти в Прованс, переправившись через Вар. Одна из их дивизий силою в 4000 человек была разбита и почти уничтожена Дюгоммье у Жилетт, и это заставило их вернуться на свои позиции. Брюне, несправедливо обвиненный в измене и в покровительстве марсельскому восстанию, был отдан под суд Парижского революционного трибунала и погиб на эшафоте.

После взятия Тулона Наполеон первые два месяца 1794 года занимался укреплением побережья Средиземного моря. В Ниццу он прибыл в марте и принял здесь главное командование артиллерией. Командующим армией был генерал Дюморбион. Этот генерал, из старых гренадерских капитанов, добился чина полковника, бригадного генерала и дивизионного генерала в кампаниях 1792 и 1793 годов, состоя в Итальянской армии; он знаком был тут со всеми позициями и руководил в июне атакой под командой Брюне.

Этому человеку было шестьдесят лет; прямодушный, лично храбрый, довольно образованный, но страдавший подагрой, а потому не встававший с постели, он целые месяцы проводил не двигаясь. Начальником штаба у него был генерал Готье, начальником административной части – д'Эйсотье, Галлер заведовал финансами и снабжением, генерал Дюжар был помощником начальника артиллерии, полковник Гассенди – начальником парка, генерал Виаль – начальником инженерных войск, генералы Маккар, Даллемань, Массена и другие командовали различными соединениями. Штаб вот уже два года пребывал в десяти лье от передовых постов, в Ницце, где совсем не чувствовалось войны.

II

Начальник артиллерии провел часть марта, знакомясь с занимаемыми армией позициями и изучая бои, происходившие с 1792 года. Несколько дней он провел в Бруи, занятом генералом

Маккаром; он убедился в большой прочности позиций противника и в безрассудстве гибельных для французов атак 8 и 12 июня.

В горах повсюду находятся позиции, чрезвычайно сильные сами по себе, и от атаки их следует воздерживаться. Искусство горной войны состоит в том, чтобы занимать позиции или на флангах, или в тылу противника и этим ставить его перед необходимостью либо очистить свою позицию без боя, чтобы занять другую, несколько позади, либо выступить и атаковать вас. В горной войне атаковать невыгодно. Даже в наступательной войне искусство состоит в том, чтобы вести только оборонительные бои, вынуждая противника прибегать к атаке.

Позиции противника были хорошо связаны между собой. Правый фланг был прикрыт хорошо, левый – плохо. С этой стороны местность была значительно более проходима. Наполеон тогда же составил план действий, по которому армия без тяжелых боев овладевала главным хребтом Альп и вынуждала противника оставить такие сильные позиции, как Раус и Фурш.

По этому плану следовало обойти левый фланг противника, переправившись через реки Ройя, Нервия и Таджа, занять гору Танардо, Рокка-Барбона, Танарелло и перехватить шоссе, ведущее в Саорджио, – коммуникационную линию противника, позади холма Марта.

Жан-Себастьян Руйяр. Наполеон Бонапарт, главнокомандующий Итальянской армией. *1836 г.*

Онелья служил пристанищем большому числу корсаров. Оттуда они перехватывали коммуникации из Ниццы в Геную; это вредило армии и еще больше – снабжению продовольствием Прованса, где свирепствовал голод. Намеченной операцией заодно разрешалась и эта задача: когда армия взойдет на Монте-Гранде, она будет господствовать над истоками Танаро и всей долиной Онелья; этот город, Ормеа, Гарессио и Лоано перейдут в ее руки.

Таким образом, этот план кампании привел бы к трем значительным результатам: 1) к расположению линии обороны графства Ницца на естественной позиции по главному хребту

Альп; 2) к продвижению правого фланга в местность, где горы, будучи значительно менее высокими, предоставляют больше выгод; 3) к прикрытию части генуэзской Ривьеры и уничтожению корсарского притона, мешающего путям сообщения между большим торговым центром Генуей, армией и Марселем.

Не приходилось опасаться, что противник воспользуется разделением французской армии вследствие продвижения ее правого фланга и сам перейдет в наступление. Такое наступление в горной стране опасно только тогда, когда теряют время вместо нанесения решительных контрударов, ибо, опередив врага на несколько переходов, выходишь ему во фланг и тогда противник уже не имеет времени, чтобы начать наступление.

В горной войне заставить противника выйти из своих позиций и атаковать вас – это и значит, как мы уже говорили, действовать искусно и в духе этой войны. Действительно, позиции у Беолетского, Бруисского, Перусского перевалов, может быть, менее сильные, чем позиции пьемонтцев, оказались, однако, чрезвычайно сильными сами по себе. Пьемонтцам не могло помочь их численное превосходство.

Форсировав эти позиции, противник был бы остановлен позициями у перевалов Брау, Кастильоне и Лючерам, также достаточно сильными. Пьемонтцы могли принять решение атаковать позиции горы Танардо и Танарелло сразу после того, как их займут французы, но эти позиции были крепки сами по себе. Тут снова можно было бы применить то же правило горной войны: вынуждать противника вести атаку.

К тому же все французские войска, оставшиеся в Бруисском лагере, могли, перейдя через Ройю и гору Йове, прийти на помощь атакованным. И наконец, операция в направлении на истоки Танаро и на Ормеа была бы сама по себе диверсией, которая удержала бы противника от очень рискованных горных боев и заставила бы его вернуть свою армию на равнину для прикрытия столицы.

Этот план был передан на рассмотрение совета, в котором участвовали два народных представителя – комиссары при армии, генерал Дюморбион, начальник артиллерии, генерал Массена, генерал Виаль – начальник инженерной части, бригадный генерал Рюска, офицер легких войск, уроженец этих гор, прекрасно их знавший. Репутация автора плана помогла избежать большой дискуссии. Все помнили его действия в Тулоне – план был принят.

Имелось одно политическое затруднение: предстояло пройти через территорию Генуэзской республики. Но союзники сами уже сделали это шесть месяцев тому назад, когда 2000 пьемонтцев

прошли через генуэзскую территорию для посадки в Онелья при отправке в Тулон. Им дозволялось пройти небольшими невооруженными группами, а они шли все вместе, с оружием в руках и с барабанным боем. Разрешению этого вопроса помог и инцидент с «Ла-Модестом».

Этот фрегат бросил якорь в порту Генуя. 5 октября 1793 года три английских корабля с двумя фрегатами тоже бросили якорь в порту; один английский 74-пушечный корабль встал рядом с «Ла-Модестом». Старший офицер вежливо попросил вахтенного офицера фрегата переставить одну шлюпку, мешавшую маневрировать английскому кораблю. Французы это охотно сделали.

Полчаса спустя английский капитан потребовал от командира «Ла-Модеста» поднять белый флаг, заявляя, что он не знает никакого трехцветного флага. Союзники тогда занимали Тулон. Французский офицер ответил на этот вызов так, как предписывалось честью. Но у англичан были наготове три абордажных мостика. Они перебросили их на фрегат и взяли его на абордаж. В тот же момент они открыли беглый ружейный огонь с палубы и с марсов.

У экипажа «Ла-Модеста» ничего не было подготовлено; часть людей бросилась в воду; англичане преследовали их на шлюпках, некоторых убили, некоторых ранили. Генуэзцы были озлоблены до предела. Дрейк, агент Англии, был освистан, ему угрожали, и он еле избежал больших неприятностей. Дожем в то время был Дориа; сенат извинился, но фрегат возвращен не был. Представители народа в Марселе наложили эмбарго на генуэзские суда.

Они ожидали, что Конвент объявит войну, но Франция и особенно юг ее изнывали от голода: генуэзский флот был необходим для снабжения продовольствием Прованса. Конвент затаил свое раздражение, заявив, что все произошло из-за слабости Генуи и что сношения будут продолжаться, как и прежде. Однако не менее верно и то, что независимость и нейтралитет этой республики были нарушены.

6 апреля дивизия в 14 000 человек, в составе пяти бригад, перешла через реку Ройя и овладела замком Винтимилья. Бригада под командованием Массена двинулась на гору Танардо и заняла здесь позицию. Другая бригада, перейдя через реку Таджа, заняла позицию на Монте-Гранде; три остальные бригады под непосредственным командованием Наполеона двинулись на Онелья и сбили австрийскую дивизию, расположенную на высотах Сант-Агата.

Французский бригадный генерал Брюле был там убит. На

следующий день армия вступила в Онелья; здесь она захватила 12 пушек. Население города и долины полностью разбежалось. Еще 12 пушек было захвачено около перевала Сан-Сильвестр. Пьемонтцы хотели вывезти их в Ормеа, но они попали в руки 2-й бригады, выходившей через перевал Меццалуна. Армия двинулась на Понте-ди-Наве. Там стояли остатки австрийской дивизии.

Она была атакована, разбита и сброшена с горы Ариоль в реку Танаро. Крепость Ормеа капитулировала в тот же день; в ней было 400 человек гарнизона, имелся оружейный склад на несколько тысяч ружей и два десятка пушек. Суконная мануфактура, продукцией которой были заполнены склады, помогла одеть армию. На следующий день, 18-го, армия овладела Гарессио, восстановила свои пути сообщения через горы Сан-Бернардо и Рокка-Барбона с Лоано, маленьким городом на берегу моря, принадлежавшим сардинскому королю.

В Пьемонте поднялась сильная тревога. Противник поспешил очистить все склоны Альп, но запоздал и не смог увезти свою артиллерию. Массена из Танарелло вышел на тыловые подступы Саорджио, перехватив, таким образом, шоссе и отрезав отступление противнику позади холма Марта. Саорджио сдался 29 апреля. Этот форт мог бы держаться и дольше: в нем были значительные склады снаряжения и припасов.

8 мая Массена двинулся на Тендский перевал через перевал Арденте, в то время как генерал Маккар атаковал с фронта. Атака удалась. Армия овладела всем главным хребтом приморских Альп. Ее правый фланг, расположенный перед Ормеа, сообщался с Тендским перевалом через перевал Термини и от Тендского перевала занимал цепь Альп до Аржантьерского перевала, где находился крайний пост Альпийской армии. Выполнение этого плана дало 3000–4000 пленных, 60–70 пушек, две крепости и обладание всей системой Альп до первых предгорий Апеннин.

Армия занимала, таким образом, больше половины западной Ривьеры, и, хотя растянулась своим правым флангом на 15 лье, ее позиция стала более крепкой, для ее охраны требовалось меньше войск. Ничто больше не могло препятствовать каботажному плаванию вдоль побережья, между Генуей и Провансом. Потери в армии были невелики. Падение Саорджио и других позиций, о которых так много говорилось и за которые так много пролилось крови, укрепило в армии репутацию Наполеона, и общественное мнение уже требовало назначения его главнокомандующим.

III

Состояние горной артиллерии было улучшено. Подполковник Фотрие, помощник заведующего парком, офицер артиллерийских мастерских, заботливо вникал во все подробности. Трехфунтовые пьемонтские пушки, найденные в ниццком арсенале и в крепостях Ормеа и Саорджио, а также на брошенных противником позициях, были достаточно легки для перевозки вьюком на мулах. Этот калибр, однако, не мог удовлетворить всех нужд.

В Корсиканскую войну (в 1768 году) были сконструированы лафетные полозья и парные оглобли, служившие для перевозки 4-фунтовых пушек вслед за колоннами. Это приспособление пригодилось и для 8– и 12-фунтовых пушек, и для 6-дюймовых гаубиц. Изобрели также горную кузню, приспособленную для перевозки на спине мула. В экспедициях против Онелья, Ормеа и Саорджио артиллерийский парк из 24 пушек следовал в горах с армией. Пушки были очень полезны, особенно по тому моральному воздействию, которое они оказывали на свои войска и на противника.

Пьемонтская армия, расположившаяся на равнинах и на холмистом предгорье Альп, имела между тем все в изобилии. Она отдыхала, пополняла потери и изо дня в день усиливалась прибывавшими новыми австрийскими батальонами, тогда как французская армия, расположенная по гребням главного хребта Альп, на полуокружности протяжением в 60 лье, от Монблана до истоков Танаро, гибла от голода и болезней.

Пути сообщения были трудны, припасы редки и очень дороги. Сильно страдали лошади, а вся материальная часть армии была в плохом состоянии. Высокогорный воздух и плохая вода вызывали много заболеваний. Потери, которые армия несла в госпиталях, за три месяца были не меньше, чем на поле большого сражения; такая оборона была хуже и для финансов, и для людей, чем наступление. Оборона Альп, помимо этих невыгод, имеет еще и другие, скрытые в топографических особенностях этой местности.

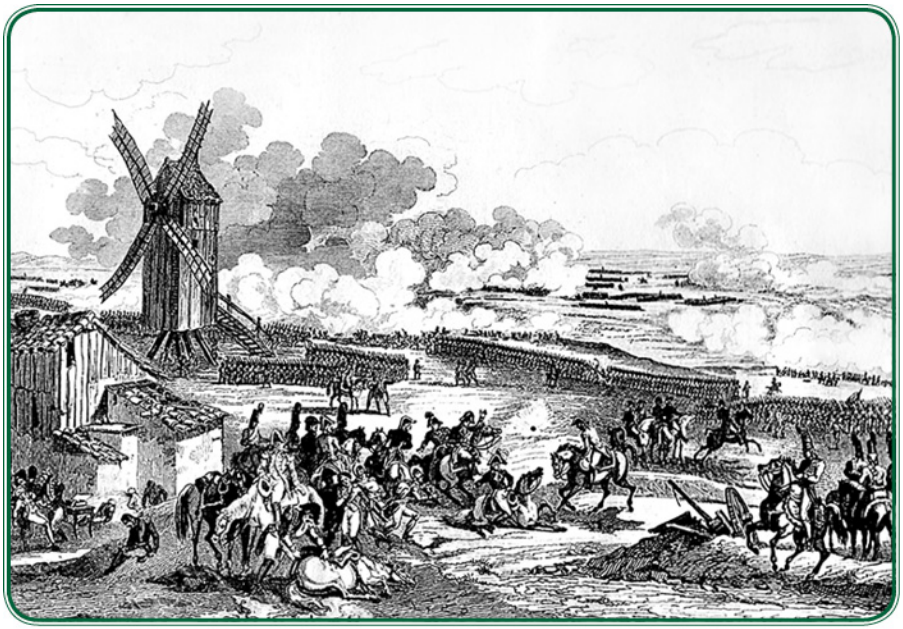
Различные части армии, расположенные на этих вершинах, не могут поддерживать одна другую; они разобщены; для того чтобы пройти с правого фланга на левый, нужно 20 дней, тогда как армия, защищающая Пьемонт, располагается в прекрасных равнинах и может в несколько дней сосредоточить свои силы против места, которое она хочет атаковать. Комитет общественного спасения хотел, чтобы армия перешла в наступление.

Наполеон имел по этому поводу в Кольмаре совещание с офицерами Альпийской армии, но соглашение достигнуто не было. Следовало сначала подчинить обе армии одному главнокомандующему. В сентябре одна австрийская дивизия

сосредоточилась на реке Бормида. Ее склады были устроены в Дего. Одна английская дивизия должна была высадиться в Вадо, и обеим этим частям армии, соединившись, предстояло занять Савону и принудить Генуэзскую республику, лишенную всяких путей сообщения на море и на суше, к объявлению войны против Франции.

Гавань Вадо заменила собой порт Онелья и стала служить пристанищем для английских крейсеров и морских корсаров. Они прервали торговлю Генуи с Марселем. Начальник артиллерии предложил захватить позиции Сан-Джиакомо[10], Монтенотте и Вадо. Правый фланг армии оказался бы, таким образом, у ворот Генуи. Главнокомандующий Дюморбион отправился туда во главе трех дивизий, в составе 18 000 человек, с 20 горными орудиями.

Наполеон руководил частью армии, которая прошла через перевал Бардинетто и проникла в Монферрат по шоссе, идущему вдоль Бормиды. 4 октября она расположилась на высоте Биестро и 5-го спустилась на равнину. Он надеялся обрушиться на тылы австрийской армии, но та заметила это и начала отступать на Кайро и Дего. Ее энергично преследовал французский авангард под начальством генерала Червони. Канонада продолжалась весь вечер 5 октября; в 10 часов вечера она еще была слышна. Австрийская армия отошла на Акви, бросив склады и пленных и потеряв тысячу человек.



Сражение при Вальми (20 сентября 1792 г.).
Гравюра XIX в.

Генерал Дюморбион не имел ни приказа, ни плана вступления войск в Италию; его кавалерия из-за недостатка фуража находилась на Роне. Начав преследовать противника, он отдалился бы от операционной линии и привлек бы на себя все силы австрийцев и сардинцев. Поэтому ему пришлось удовольствоваться этой разведкой, отойти через Монтенотте на Савону и стать на высотах Вадо, сохранив в долине Савоны одну заставу.

Артиллерия на побережье была расположена таким образом, что могла прикрывать французскую эскадру, стоявшую на этом рейде. Инженеры возвели сильные редуты на высотах Вадо, сообщающиеся дорогами через Сан-Джиакомо, Мелоньо, Сеттепани, Бардинетто, Сан-Бернардо с позициями, расположенными на возвышенностях Танаро.

Такое растяжение правого фланга армии ослабляло ее позицию, но имело и ряд преимуществ: 1) оно позволяло армии господствовать над всей западной Ривьерой и над всем побережьем, а также нарушало связь между австрийской и сардинской армиями и не позволяло им действовать согласованно с английским флотом; 2) оно обеспечивало свободное плавание из Генуи в Марсель, так как, командуя над всеми портами побережья, армия могла выставить батареи для

защиты каботажного судоходства; 3) в таком положении армия могла поддерживать сторонников Франции в Генуе и упредить противника под стенами этого города, если бы тот захотел к нему направиться.

Эта операция, расстроившая планы противника и укрепившая нейтралитет Генуи, получила отклик в Италии и подняла там большую тревогу. Аванпосты армии находились, таким образом, в 10 лье от Генуи, а разъезды и дозоры иногда приближались на 3 лье. Конец осени Наполеон употребил на оборудование хороших батарей по побережью от Вадо до Вара, чтобы обеспечить плавание между Генуей и Ниццей. В январе он провел одну ночь на Тендском перевале, откуда с восходом солнца открылся вид на плодородные равнины, о которых он уже мечтал. «Italiam! Italiam!»[11]

В течение зимы он несколько раз ездил в Тулон и Марсель для инспекции арсеналов и береговых батарей. Во время одной из таких поездок в Марселе царило большое возбуждение, и народный представитель Менье высказал ему свои опасения, как бы народные толпы не бросились к пороховым складам и к оружейным магазинам, находившимся в фортах Сен-Никола и Сен-Жан. Эти форты были разрушены народом во время революции. По просьбе этого представителя Наполеон составил проект возведения зубчатой стены, прикрывающей эти форты со стороны города.

План этот был послан в Париж и охарактеризован в Конвенте как контрреволюционный, направленный к восстановлению фортов для использования их против патриотов Марселя. Конвент особым постановлением вызвал начальника артиллерии Марселя. Этим начальником был полковник Сюньи; он отправился в Париж, но при первом же допросе выяснилось, что план составлен не им. Тогда приказ явиться в Конвент был направлен начальнику артиллерии армии.

В те времена террора обвинение было равносильно приговору. Наполеон потратил много усилий, чтобы рассеять подозрения и добиться отмены этого постановления. Это ему все же удалось, ибо начались передвижения противника. Народные представители писали, что его присутствие необходимо в армии, и побудили депутатов департамента Буш-дю-Рон отказаться от своих обвинений.

IV

В течение 1792 и 1793 годов французский флот

господствовал на Средиземном море. После взятия Онелья контр-адмирал Трюге стал на якоре в Генуэзском порту, где и пробыл долгое время, и оттуда направил к Неаполю контр-адмирала Латуш-Тревиля с десятью линейными кораблями. Командир порта вышел ему навстречу и предложил пропуск для шести кораблей, заявив, что король не может принять более значительного числа кораблей, не нарушив своего нейтралитета.

Адмирал обошелся без разрешения, бросил якорь перед окнами дворца и 16 декабря 1792 года отправил на берег гражданина Бельвилля, который в мундире национальной гвардии был представлен королю кавалером Актоном.

Он передал письмо контр-адмирала, в котором содержались следующие требования: 1) король должен заявить о своем нейтралитете; 2) он должен дезавуировать ноту своего посланника в Константинополе, в которой предлагалось Порте не принимать г-на Семонвилля в качестве французского посла. Он добился всего, что требовал: Неаполитанский двор счел для себя за большое счастье, что так дешево отделался от этого неприятного визита.

В январе 1793 года адмирал Трюге вышел из Генуи и стал на якоре в порту Аяччо, на острове Корсика. Там к нему присоединился транспорт с 4000 марсельцами, и он взял на суда 2000 человек линейных войск, которые Паоли, командир 23-й дивизии, передал в его распоряжение.

С этими войсками он отправился к островам Сен-Пьер и овладел ими, оставил гарнизон в форту и бросил якорь 12 февраля перед Кальяри, столицей Сардинии. В тот же самый день 800 человек под начальством полковника Цезаря Колонна отплыли из Бонифачо в сопровождении корвета и предприняли контратаку в северной части Сардинии. Об этой экспедиции было известно уже шесть месяцев, и сардинцы к ней приготовились.

Они встретили ружейными выстрелами парламентера, которого адмирал послал требовать сдачи Кальяри. Началась бомбардировка, и она еще продолжалась, когда к адмиральской эскадре прибыл, наконец, из Ниццы конвой с десантными войсками, которые составляла знаменитая марсельская фаланга, численностью около 3200 человек.

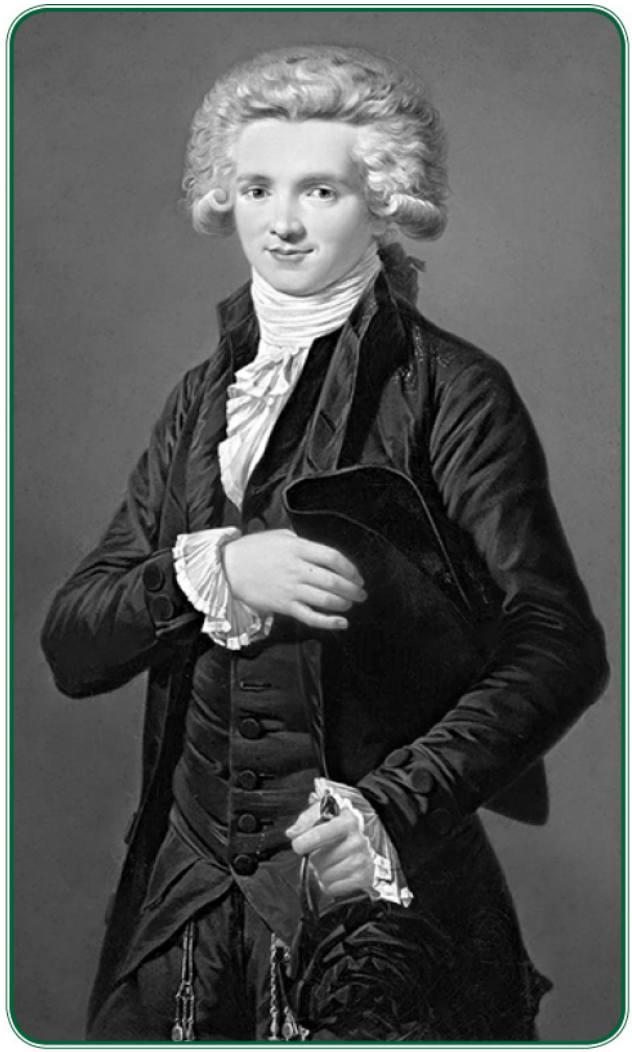
Немедленно был высажен десант. Тем временем контр-адмирал Латуш-Тревиль присоединился к эскадре со своими десятью кораблями. Все обещало полный успех, но ничто не смогло предотвратить поражения марсельской фаланги; прежде всего, она отказалась штурмовать днем важную позицию, господствовавшую над городом. Ночью же одни колонны открыли огонь по другим, беспорядок достиг предела и отовсюду

послышались крики об измене.

Генерал Каза-Бьянка упрашивал адмирала вернуть войска на корабли; пришлось уступить. С помощью бомбардировки эскадра достигла довольно значительных результатов, но потеряла корабль «Леопард», который сел на мель, подойдя слишком близко к вражеским батареям. Поскольку экспедиция закончилась провалом, адмирал вернул в Италию различные вверенные ему части и ограничился тем, что прочно занял острова Сен-Пьер, эту столь важную промежуточную базу.

В связи с объявлением войны Англии и Испании он получил приказ вернуться в Тулон и отказаться, таким образом, от второй цели своей экспедиции, которая состояла в походе к Константинополю, для укрепления союза Порты с Францией и оказания воздействия на Россию. Марсельские войска были набраны наспех и руководимы клубами; во всех дружественных и нейтральных странах, где они высаживались, эти войска развертывали террор – всюду искали аристократов или священников, жаждали крови и преступлений.

Экипажи кораблей эскадры были полностью укомплектованы опытными матросами, но они постоянно митинговали и были заняты составлением и подписанием петиций, из-за чего на каждом корабле царила ужасающая анархия. Генерал Каза-Бьянка, командовавший десантом, был человеком очень храбрым; он отличился при завоевании Савойи, но не имел опыта как главнокомандующий; к тому же у него были плохие войска и вовсе не было штаба. Он не мог достигнуть успеха. Это тот самый, который потом стал сенатором.



Пьер-Роша Виньерон.
Максимилиан Робеспьер в костюме
представителя третьего сословия

Максимилиан Франсуа Мари Исидор де Робеспьер (1758—1794), один из лидеров Великой французской революции, представитель одного из самых радикальных в истории революционных движений — якобинцев, получил от своих современников прозвище Неподкупный, а также Бешеная Гиена. Именно его усилиями — как фактического главы Комитета общественного спасения — в 1793 г. был развернут широкомасштабный террор против «врагов революции». Однако 27 июля (9 термидора) 1794 г. Робеспьер был свергнут и на следующий день казнен на гильотине.Таким образом, он разделил судьбу других жертв развязанного им террора.

С марта 1793 года, когда Испания объявила войну Франции, соединенный англо-испанский флот господствовал в Средиземном море и крейсировал у генуэзского и прованского побережья. Тулонская измена уничтожила французский Средиземноморский флот. При обратном занятии города там оказалось только 18 судов и уцелела часть складов.

Испанский флот, недовольный англичанами, возвратился в свои порты. В 1794 году контр-адмирал Мартен с десятью судами вышел из Тулона в открытое море; преследуемый более сильной английской эскадрой, он стал на якоре в заливе Жуан, где начальником артиллерии были оборудованы сильные батареи, чтобы прикрыть его с суши. Спустя некоторое время адмирал воспользовался попутным ветром и ушел в Тулон. Эта эскадра осенью пополнилась судами, вышедшими из тулонского арсенала.

В начале 1795 года английский адмирал Хотхэм с 15 кораблями, в том числе четырьмя трехпалубными и двумя неаполитанскими, крейсировал между Корсикой и Италией. Адмирал Мартен, имея эскадру в 16 военных кораблей и 100 транспортов с десантом в 10 000 человек, стоял на рейде Тулона. Мнения о назначении этих сил были различны, пока не прибыл член Конвента Летурнер (от департамента Ламанш), снабженный чрезвычайными полномочиями.

Он объявил, что намерением Комитета общественного спасения является занять Рим, чтобы наказать тамошний двор за оскорбления, которые им ежедневно наносились, и отомстить за смерть Бассвилля. Бассвилль, французский агент при папе, в 1792 году надел трехцветную кокарду, так же как и французские художники, находившиеся при академии. Большое число французских эмигрантов, живших в этой столице, подстрекали

народ. 3 января 1793 года чернь забросала на прогулке камнями карету Бассвилля.

Его кучер свернул в сторону и увез Бассвилля домой. Двери дома были взломаны. Бассвилль получил штыковую рану в низ живота. Его поволокли по улицам в одной рубашке с вывалившимися внутренностями в руках и, наконец, бросили в гауптвахте на походную кровать, где он скончался на следующий день.

Испанский посол Азара, пытавшийся вступиться за французских художников, сам подвергся опасности.

Это убийство возмутило всю Францию. Наступил момент отплатить за него, высадившись в устье Тибра и овладев Римом, где было много приверженцев Франции. В феврале 1795 года в Тулоне был собран военный совет с целью высказать соображения о способах выполнения этого плана. Наполеон сказал, что эта экспедиция поставила бы под угрозу Итальянскую армию и окончилась бы поражением. Если все-таки намерены ее предпринять, то следовало бы одновременно захватить гору Аржентаро, Орбителло и крепость Чивита-Веккио и там высадить армию; ему казалось слишком мало 10 000 человек для нанесения такого удара.

К тому же без кавалерии делать это было нельзя. Нужно было взять на эскадру по меньшей мере 1500 лошадей для егерей или гусар, а это вместе с 500 артиллерийскими и штабными лошадьми значительно увеличило бы конвой. Армия, едва высадившись, была бы принуждена драться против 25 000—30 000 неаполитанцев, в том числе 5000 человек хорошей кавалерии. Ей также пришлось бы опасаться и австрийской дивизии, которая поспешила бы к ней из Ломбардии.

Армии нельзя было рассчитывать на приверженцев в Риме, потому что эта операция долго продолжаться не могла. Отомстив за кровь Бассвилля и наложив контрибуцию на город, армия должна была бы вновь погрузиться на суда. Даже при господстве на море такая операция, предпринятая лишь с 10 000 человек, была бы рискованна; без такого господства армия обрекалась на верную гибель. Это означало, что французская эскадра должна сперва выйти одна, разбить английскую эскадру и изгнать ее из Средиземного моря.

После этого выйдет и конвой. Вслед за высадкой десанта эскадра и транспортные суда отправятся к Неаполю, чтобы тревожить тамошний двор и заставить его использовать свои силы только для защиты собственных границ. Народный представитель был особенно недоволен тем, что начальник артиллерии официально не одобрил его предложения, поскольку

к мнению последнего присоединились и другие генералы.

Моряки заявили, что для эскадры опасно, если транспорты выйдут в открытое море, пока в этих местах крейсирует неприятельский флот. Было решено, чтобы контр-адмирал Мартен вышел в море один и прогнал англичан.

Он отплыл 1 марта. Прибыв к Сен-Флорану, он захватил английский 74-пушечный корабль «Бервик», выходивший с этого рейда. Французская и английская эскадры встретились 8-го в Ливорнском канале. При виде противника решительность Летурнера ослабела: он приказал отступать. Английский флот, в свою очередь, начал тогда преследование.

13-го обе эскадры были на траверсе мыса Ноли – генуэзская Ривьера. Ночью 74-пушечный корабль «Меркурий» и трехпалубный «Санкюлот» отделились от эскадры. На следующий день с рассветом «Са Ира» – 74-пушечный корабль, – лишившись мачты от столкновения с кораблем «Виктуар», потерял управление; «Сенсер» взял его на буксир. Оба флота были равны по числу кораблей, но не по силе; французская эскадра в 15 судов уменьшилась до 13, из которых не было ни одного трехпалубного.

Английская эскадра из 13 судов имела четыре трехпалубных. Французская эскадра продолжала отступать, но не смогла избежать двух столкновений: «Сенсер» и «Са Ира» сражались против одного трехпалубного и двух 74-пушечных английских кораблей. «Тоннан», «Дюкен» и «Виктуар» вели бой весь день; остальные корабли французской линии не сражались. После упорного сопротивления «Сенсер» и «Са Ира» были захвачены.

Эскадра стала на якорь у Иерских островов, куда подошли и «Санкюлот» с «Меркурием». «Са Ира» затонул на рейде Специи. Английский трехпалубный корабль «Илластриоз» затонул после боя. Таким образом, каждая из сторон потеряла по два корабля. Это был первый в ту войну бой на Средиземном море между двумя нациями. Следует думать, что если бы французская эскадра провела бой в Ливорнском канале, она сумела бы поддержать честь знамени.

Но это событие оказалось весьма удачным для республики. В случае успеха английские корабли ушли бы в Гибралтар, а наш конвой вышел бы в море. Эта плохо рассчитанная и лишенная разумной цели экспедиция могла иметь только самый печальный исход. Войска высадились и были отправлены в Ниццу, где очень пригодились два месяца спустя для обороны границы этого графства против атак австрийского генерала Девенса.

Эта затея стоила нескольких миллионов, но имела важные результаты. Великий герцог Тосканский признал республику и в качестве посла отправил в Париж графа Карлетти. Конвент

принял его 14 марта 1795 года. Венецианская республика, отказавшаяся войти в коалицию и принявшая французского агента, назначила своим послом знатное лицо Квирини. Назначение его состоялось 14 марта. Генуя укрепилась в соблюдении нейтралитета.

Неаполитанский король вступил в коалицию, как только английская и испанская эскадры приобрели господство на Средиземном море; он во многом содействовал обороне Тулона. Но этот государь, так же как Рим, король Сардинский, герцоги Моденский и Пармский, должен был склониться перед мощью республики в кампанию 1796 года.

V

С 9 термидора (27 июля 1794 года) юг Франции был в большом возбуждении. Марсельский революционный трибунал отправил на эшафот весь именитый торговый люд этого города. Якобинцы из народных клубов еще удерживали власть; они оплакивали гибель Горы и возмущались действовавшими тогда умеренными законами. С другой стороны, волновались остатки партии секций[12], хотя и ослабленной эмиграцией и всякого рода потерями; эту партию вдохновляла жажда мести.

Население Тулона, все рабочие арсенала, экипажи эскадры шли за якобинцами; они с неудовольствием взирали на народных представителей Марьетта и Камбона, которых обвиняли в принадлежности к партии реакционеров. В этой обстановке один французский корабль привел в Тулон захваченное испанское судно. На нем было человек двадцать эмигрантов, главным образом членов семейства Шабрийян.

Произошли шумные собрания в арсенале и на улицах: толпа бросилась к тюрьмам, чтобы перерезать этих несчастных. Народные представители отправились в арсенал; они держали речи и в зале, где собрались офицеры из администрации, и в мастерских среди рабочих, обещая в 24 часа предать эмигрантов суду чрезвычайной комиссии. Но так как они сами были под подозрением, то их речи были дурно истолкованы.

Кто-то произнес во всеуслышание: «На фонарь покровителей эмигрантов!» День был почти на исходе; начинали зажигать фонари. Шум становился ужасающим, толпа – все более неспокойной. Спешно прибыла национальная гвардия, но ее оттеснили. В это время начальник артиллерии заметил среди организаторов беспорядков нескольких канониров, служивших под его начальством при осаде Тулона. Он взобрался на помост;

канониры заставили отнестись с уважением к своему генералу и соблюдать тишину.

Ему удалось произвести выгодное впечатление и успокоить страсти слепой толпы. Народные представители вышли из арсенала целыми и невредимыми. Но еще больший беспорядок царил на улицах. У ворот тюрем сопротивление стражи начинало ослабевать; он туда отправился; напор толпы удалось сдержать. Он пообещал, что на следующий день с рассветом эмигранты будут доставлены в суд и судимы.

Было бы, однако, нелегко доказать то, что было очевидно, а именно что поступки эмигрантов не подпадали под действие закона, ибо они не нарушили запрета возвращаться на родину. Ночью он распорядился усадить их в зарядные ящики и вывезти за город под видом артиллерийского транспорта. На Иерском рейде их ожидало судно, на которое они взошли и были таким образом спасены.

Брожение в Тулоне возрастало все более и более, и, наконец, 30 мая чернь взялась за оружие и подняла восстание. Народные представители, находившиеся в городе, частью были арестованы, частью бежали. Но в Марселе народные представители одержали верх и двинулись против Тулона. Тулонцы вышли к ним навстречу с 3000 человек и двумя пушками. На высотах Кюж произошел бой. Победа клонилась на сторону тулонцев, пока не прибыл генерал Пакто с линейными войсками. Несколько дней спустя Тулон покорился. Эти события произошли через месяц после того, как Наполеон покинул Прованс.

VI

Правительственными комитетами был составлен список генералов, которые должны были быть назначены на должности в кампанию 1795 года. Большое число офицеров, удаленных из армии с конца 1792 года и в 1793–1794 годах, были взяты на службу. Оказалось много артиллерийских генералов, которых нельзя было никуда назначить. Наполеону тогда исполнилось двадцать пять лет, он был самый молодой из всех.

Его занесли в список пехотных генералов, с правом перевода в артиллерию, когда откроется вакансия. Он был принужден покинуть Итальянскую армию, когда Келлерман только что принял над ней командование. Он совещался с этим генералом в Марселе, сообщил ему все, что тот желал, и отправился в Париж. В Шатильон-сюр-Сен, у отца капитана Мармона, своего адъютанта, он узнал о событиях 1 прериаля и решил переждать

там несколько дней, пока в столице не восстановится спокойствие.

Прибыв в Париж, Наполеон представился Обри, члену Комитета общественного спасения, который делал доклады о военных кадрах. Наполеон уведомил его, что он командовал артиллерией при осаде Тулона и в Итальянской армии в течение двух лет, организовывал береговую оборону Средиземного моря и что ему тяжело бросить род войск, в котором он служит с юности. Обри возразил, что артиллерийских генералов очень много, что он самый младший и как только будет вакансия, его призовут.

Но сам Обри еще за полгода до этого был капитаном артиллерии; он не воевал с начала революции и все же записал себя дивизионным генералом, инспектором артиллерии. Несколько дней спустя Комитет общественного спасения дал Наполеону приказ отправиться в Вандейскую армию для командования пехотной бригадой; в ответ он подал прошение об отставке.

Между тем деятельность Обри вызывала много нареканий; перемещенные офицеры толпами стекались в Париж; многие из них были выдающимися людьми, но большинство не имело никаких достоинств и выдвинулось через клубы; но все они, зная, что репутация Наполеона ничем не запятнана, в своих жалобах и петициях называли его как жертву несправедливости и пристрастности Обри.

Спустя восемь дней после того, как Наполеон подал в отставку, и в то время, как он ожидал ответа из Комитета общественного спасения, Келлерман был разбит, потерял свою позицию у Сан-Джиакомо и написал, что, если ему срочно не помогут, он будет вынужден оставить даже Ниццу. Поднялась большая тревога. Комитет общественного спасения вызвал всех депутатов, побывавших в Итальянской армии, чтобы получить от них сведения.

Все они единодушно назвали Наполеона как лучшего знатока позиций, занимаемых армией, и как более всех способного указать, что следует предпринять. Он получил распоряжение явиться в Комитет и участвовал в ряде совещаний с Сийесом и Дульсе-Понтекуланом, Летурнером и Жаном Дебри. Он составил инструкции, которые были одобрены Комитетом. Он был назначен, специальным декретом, бригадным генералом артиллерии для особых поручений по руководству военными операциями, впредь до дальнейших распоряжений. Именно в этой должности он провел два или три месяца до 13 вандемьера.

VII

19 мая 1795 года Келлерман принял командование Итальянской армией. Она была тогда на позициях, куда поставил ее Наполеон в октябре предыдущего года после боя у Кайро. Позиции эти были следующие: левый фланг (5000 человек) тянулся от Аржантьерского до Сабионского перевала; центр под командованием генерала Маккара в составе 8000 человек занимал Сабионский перевал, Тендский перевал, Монте-Бернар, Танарелло; правый фланг занимал перевал Термини, высоты Ормеа, перевалы Сан-Бернардо, Бардинетто, Сеттепани, Мелоньо, Сан-Джиакомо, Мадона, Вадо; он состоял из 25 000 человек под начальством дивизионных генералов Серюрье, Лагарпа и Массена.

Венский двор был сильно встревожен исходом боя у Кайро и диспозицией, которая была принята французской армией в конце 1794 года. Эта армия угрожала Генуе, потеря которой дала бы ей возможность пройти в Миланскую область. Придворный военный совет сосредоточил для кампании 1795 года под командованием генерала Девенса армию в 30 000 австрийцев для действий совместно с пьемонтской армией.

Английская эскадра крейсировала у побережий Савоны и Вадо для содействия операциям австрийского генерала, перенесшего свою главную квартиру последовательно в Акви и в Дего, а оттуда двинувшегося на савонские возвышенности, которыми он и овладел 23-го; здесь он вошел в связь с английской эскадрой.

Генерал Девенс разделил свою армию на три корпуса, которые покинули горы 23 июня. Правый, состоявший из пяти колонн, атаковал левый французский фланг от перевала Термини до высот Ормеа; центральный – двинулся тремя главными колоннами, которые затем разделились на много меньших, и атаковал все позиции от Бардинетто до Сан-Джиакомо; левый – атаковал правый фланг на позициях у Вадо.

25-го и 26-го повсюду шел ожесточенный бой; французская армия сохранила свои позиции, кроме Мелоньского редута, перевала Спинардо и Сан-Джиакомского хребта. Владея Мелоньским редутом, противник угрожал центру армии. Эта позиция была удалена от Финале – на морском побережье – только на два лье. 27-го Келлерман, чувствуя всю важность возвращения ее, приказал атаковать, но потерпел неудачу. 28-го он начал отступление, очистил Сан-Джиакомо, Вадо, Финале и занял временную позицию; наконец, 7 июля, получив приказы Комитета общественного спасения в ответ на его донесения от 24, 25, 26, 27 и 28 июня, он тотчас же занял позицию Боргетто.

Келлерман был доблестным солдатом, чрезвычайно

энергичным, имел много ценных качеств, но был совершенно лишен способностей, необходимых для главнокомандующего. Во время этой войны он делал только ошибки. Комитет послал ему замечания:

«Армия в 1794 году не растягивалась дальше высот Танаро и протянула свой правый фланг через Бардинетто, Мелоньо, Сан-Джиакомо только для того, чтобы помешать австрийской армии установить связь с английской эскадрой и чтобы поспешить на помощь Генуе, если противник пойдет на этот город морем или через Бокеттский перевал.

Армия занимала Вадо не как оборонительную, но как наступательную позицию, чтобы было больше возможностей напасть на противника, если он покажется на Ривьере. Как только австрийцы двинулись на Савону, армия должна была тотчас же выступить и завязать бой, помешав им овладеть этим городом, и перехватить пути сообщения с Генуей.

Поскольку же она этого не смогла сделать, то: 1) ей следовало очистить Вадо для того, чтобы опереться своим правым флангом на Сан-Джиакомо; 2) когда же вследствие результатов боя 25 числа противник овладел Мелоньо и гребнем Сан-Джиакомо, ей следовало ночью, воспользовавшись успехом, которого добился на ее правом фланге генерал Лагарп, эвакуировать Вадо и использовать войска Лагарпа для усиления атаки на Сан-Джиакомо и Мелоньо; эта атака увенчалась бы полным успехом; 3) когда 27 числа Келлерман решился атаковать Мелоньо, было еще время подтянуть правый фланг так, чтобы этот фланг принял участие в атаке, использовав при этом новые преимущества, которых он добился 26-го в бою против левого фланга противника. Этот маневр еще мог обеспечить победу».

Эти замечания, написанные рукою мастера, очень изумили штаб, который, однако, скоро догадался, кем они были продиктованы.

На западной Ривьере имеются для прикрытия графства Ницца и преграждения доступа на самую Ривьеру три линии, примыкающие правым флангом к морю и левым – к главному хребту гор. Первой линией является линия Боргетто, второй – линия Монте-Гранде, третей – линия Таджа. Наполеоном задолго до этого были обследованы эти три линии в сопровождении помощника бригадного генерала Сент-Илера, доблестного и отличного офицера, покрывшего себя затем славой в ста сражениях и погибшего дивизионным генералом на полях Эсслинга.

Линия Боргетто правым флангом примыкала к морю, у деревни Боргетто, в одном лье от Лоано, оканчиваясь холмом,

господствующим над всей долиной Лоано, а левым – примыкала к отдельно стоящей большой скале. Массена распорядился соорудить на этой скале редут, который в армии был назван Малый Гибралтар, в память о форте Мюрграв в Тулоне; редут был напротив Шан-де-Претра. Оттуда коммуникации шли по обрывистым горам до высот, господствующих над Ормеа, Лоано и Рокка-Барбона. Горы Сан-Бернардо и Гарессио находились вне этой линии и, естественно, принадлежали противнику, но Ормеа был защищен от него.

Эта линия чрезвычайно сильна. Протяжение ее 5–6 лье, но почти повсюду она недоступна. Атаковать ее можно только через Сукарелльский проход, где имеется одноименный замок, который подготовили к бою. Это был прекрасный боевой участок. В течение июля, августа и сентября Девенс несколько раз намеревался атаковать эту линию, но ни разу не рискнул сделать это серьезно. От Сукарелло линия уклоняется к Альбенге, проходя позади небольшого ручейка Арозойя: это надежная позиция на случай, если часть линии от Сукарелло до Боргетто будет форсирована.

Позиция Монте-Гранде, опирающаяся на перевалы Пиццо и Меццалуна и примыкающая к морю позади Сан-Лоренцо, является линией значительно менее хорошей, но все-таки очень сильной. Та линия, которая опирается правым флангом на устье реки Таджа, центром на Монте-Сеппо и левым флангом на Монте-Танардо и Ардентский перевал, откуда сообщается с Тендским перевалом, является менее сильной, чем линия Боргетто, но более сильной, чем линия Монте-Гранде.

Первая линия прикрывает Онелья и все позиции Ривьеры от Онелья до Боргетто. Вторая линия прикрывает Онелья и Ормеа и все выходы из долины Танаро. Третья прикрывает всю часть западной Ривьеры от Онелья до Сан-Ремо. Особенностью этой линии является то, что она защищает Сан-Ремо, и в случае необходимости этот город можно оставить и опереться на Оспиталетто, между ним и Бордигера, образовав таким образом другую, не менее надежную линию. Противник может обойти первую линию через долину Танаро и, овладев Монте-Ариоло, угрожать затем нападением на Монте-Гранде и на Онелья, но Ормеа и Монте-Ариоло настолько близки от линии, что резервы могут служить для обороны и этих позиций.

Ее можно обойти также через Тендский перевал, но это повело бы к изменению театра военных действий. Противник не смог бы произвести таких больших передвижений без того, чтобы об этом не стало известным, а тогда его можно было бы атаковать на марше и уничтожить войска, оставленные им перед линией

Боргетто. Вторая линия и особенно третья имеют то преимущество, что их нельзя обойти по долине Танаро, которая находится вне их.

Они примыкают к Ардентскому перевалу, вплоть до Тендского. Перевалы Арденте и Танардо не только содействуют обороне Тендского перевала, но даже в случае если Тендский перевал будет форсирован, все равно перехватывают перед ущельем Саорджио дорогу, ведущую в Ниццу. Следовательно, если даже принять во внимание оборону только графства Ницца, то линию Таджа нужно счесть за лучшую из всех потому, что она позволяет сосредоточить все войска в недалеком расстоянии от Тендского перевала и оборонять его.

VIII

Правительство решило, что командование Итальянской армией не под силу Келлерману. В сентябре оно отправило его командовать Альпийской армией и вверило Итальянскую армию генералу Шереру, бывшему главнокомандующему армией Восточных Пиренеев, ставшей ненужной в результате заключения мира с Испанией.

Шерер привел в Италию подкрепление из двух хороших дивизий. Австрийская армия также была усилена. Она не оправдала в кампанию 1795 года надежд, возлагавшихся на нее двором, но все же достигла важных успехов: овладела Сан-Джиакомской позицией и позицией Вадо, отрезала Геную и установила связь с английской эскадрой. В начале ноября французская армия занимала пятью дивизиями все ту же линию Боргетто: одна, под начальством генерала Серюрье, была в Ормеа, две дивизии, под начальством генералов Массена и Лагарпа, были в Сукарелло и в Кастель-Веккио, а две под начальством генералов Ожеро и Соре – около Боргетто.

В строю было 35 000—36 000 человек. Главная квартира австрийской армии была в Финале. Правый фланг армии, состоявший из пьемонтцев, находился в Гаресcио; центр, под начальством Аржанто, – в Рокка-Барбона, а левый фланг, целиком состоявший из австрийцев, – перед Лоано, где было возведено много редутов для обороны равнины. В строю было 45 000 человек.

Осенние заболевания причинили ей, так же как и армии пьемонтской, значительные потери. Французской армии приходилось трудно. Наступившая осень побуждала к занятию зимних квартир. Шерер решился рискнуть на сражение, которое

восстановило бы связь с Генуей и вынудило бы противника зимовать по ту сторону гор.

21 ноября вечером Массена перешел в наступление со своей дивизией и дивизией Лагарпа. На рассвете он атаковал неприятельский центр, расположенный в Рокка-Барбона, сбил его, преследовал по пятам, сбросил в Бормиду, овладел Мелоньо и закончил день, выставив авангард на высотах Сан-Джиакомо. 22-го на рассвете Серюрье вступил в перестрелку с правым флангом противника и сковал всю пьемонтскую армию.

Ожеро повел наступление через Боргетто, атаковал левый фланг противника и овладел всем его расположением. Противник быстро отошел на Финале и поспешно продолжал отступление на Савону, когда увидел, что Массена уже занимает сан-джиакомские высоты. Серюрье, сковавший своими маневрами вдвое превосходящего противника, не неся при этом больших потерь, был усилен 23-го двумя бригадами. 24-го он предпринял серьезную атаку и отбросил пьемонтскую армию в укрепленный лагерь Чева.

Армии австрийская и сардинская понесли очень чувствительные потери. Они оставили большую часть своей артиллерии, склады, обозы и 4000 пленных. Французская армия в этот день покрыла себя славой. Австрийская армия покинула всю генуэзскую Ривьеру и ушла на зимние квартиры на другую сторону Апеннин. Та и другая армии перешли на зимние квартиры. Коммуникации французов стали свободны. Главная квартира возвратилась в Ниццу. Так закончился 1795 год.

Главы из описания Итальянской кампании 1796–1797 гг.

Глава I[13]. Состояние различных итальянских государств в 1796 г.

Сардинский король владел Савойей, графством Ницца, Пьемонтом и Монферратом. Савойя и графство Ницца были у него отняты в кампании 1792, 1793, 1794 и 1795 годах, и французская армия заняла главный хребет Альп. Пьемонт и Монферрат, лежащие между рекой Тичино, пармскими владениями, Генуэзской республикой и Альпами, были населены 2 миллионами человек, так что число подданных сардинского короля достигало 3 миллионов, включая сюда 500 000 сардинцев, 400 000 савойцев и жителей Ниццского графства.

В мирное время армия сардинского короля насчитывала 25 000 человек. Его доходы были равны 25 миллионам. Во время кампании 1796 года его армия с помощью английских субсидий и при чрезвычайном напряжении всех сил достигла 60 000 человек. Это были национальные войска, закаленные в долгой войне. Крепости Брунетто, Суза, Фенестрелла, Бар, Тортона, Кераско, Алессандрия и Турин были в отличном состоянии, хорошо вооружены и полностью снабжены припасами.

Эти крепости, расположенные у всех горных перевалов, позволяли считать данную границу неприступной. Генуэзская республика, к югу от Пьемонта, состоявшая из западной Ривьеры, с побережьем в 30 лье, и из восточной, с побережьем в 25 лье, насчитывала 500 000 жителей. Она держала под ружьем только 4000 человек, но в случае нужды все генуэзские граждане становились солдатами, а кроме того, призывались 8000—10 000 человек из императорских поместий и долин Фонтана-Буона. Небольшая крепость Гави обороняла Бокеттский перевал.

Республика Лукка, небольшая страна, расположенная вдоль Тосканского моря, имела 140 000 человек населения и 2 миллиона дохода. Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла имели 500 000 жителей. Они граничили с Генуэзской республикой, рекой По и владениями Модены. Военные силы составляли 3000 человек, и доход был 4 миллиона.

Австрийская Ломбардия, отделенная от владений сардинского короля рекой Тичино, от Швейцарии – Альпами, от герцогства Пармского – рекой По и граничащая на востоке с

владениями Венецианской республики, имела население в 1 200 000 человек. Главным городом ее был Милан; его цитадель была в хорошем состоянии.

Эта часть Италии, принадлежащая Австрии, не имела вооруженных сил и даже платила налог за освобождение от рекрутских наборов. В Австрии имелся только один полк из итальянцев – полк Страсольдо. Павия, Милан, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя составляли отдельные провинции Ломбардии. Укрепления Пиццигетоне на Адде были в плохом состоянии. Мантуя, хотя и запущенная, была хорошей крепостью.

Венецианская республика имела к западу от себя австрийскую Ломбардию, к северу – Кадорские Альпы, отделявшие Тироль от Каринтии, к востоку – Каринтию, Карниоль, Истрию и Далмацию. Ее население состояло из 3 миллионов человек. Она могла выставить армию в 50 000 человек. Ее флот господствовал в Адриатическом море.

У нее имелось 13 полков из словенцев; это были хорошие солдаты. Бергамо, Брешиа, Кремона, Полезино, Верона, Виченца, Фельтре, Беллуно, Падуя, Бассано, Тревиза, Фриуль были ее владениями на правом берегу Изонцо; Истрия и Далмация составляли ее владения на Адриатическом побережье.

Великое герцогство Модена состояло из герцогств Реджио, Модена и Мирандола. Оно граничило с рекой По, с герцогством Пармским, легатством Болонским и Тосканскими Апеннинами. Им управлял последний отпрыск дома Эсте. Наследницей была его дочь, жена эрцгерцога Фердинанда Австрийского. Герцог Моденский был настоящим австрийцем. Войска у него имелось 6000 человек, были арсенал, артиллерийский склад и богатая казна.

Население его владений превышало 400 000 человек. Тоскана, ограниченная Средиземным морем, Апеннинами, республиками Генуэзской и Луккской и владениями папы, имела 1 миллион населения. Там царствовал эрцгерцог Фердинанд, брат императора. Войска у него было 6000 человек, доходы равнялись 15 миллионам франков.

Важным торговым портом был Ливорно. Великий герцог Тосканский признал Французскую республику в 1795 году; он придерживался нейтралитета и был в мире со всеми. Тоскана и Венецианская республика были единственными итальянскими державами, пребывавшими в мире с Францией. Папские владения граничили с рекой По, Тосканой, Адриатическим и Средиземным морями и Неаполитанским королевством.

Их население было равно 2 500 000 человек, из которых в трех легатствах – Болонском, Феррарском и Романьском – было

900 000 человек, в Комарке и вотчине Святого Петра, включая сюда и Рим, – 1 600 000 человек. Анкона, порт на Адриатическом море, была плохо укреплена. Чивита-Веккио, порт на Средиземном море, был укреплен как следует.

Папа имел армию в 4000 или 5000 человек. Неаполитанское королевство, граничащее с папскими владениями и с морем, имело население в 6 миллионов человек, из которых 4 500 000 на континенте и 1 500 000 на Сицилии. Неаполитанская армия состояла из 60 000 человек, кавалерия была превосходна. Флот состоял из трех линейных кораблей и нескольких фрегатов.

Корсика принадлежала Франции с середины прошлого столетия. Ее население равнялось 180 000 человек; в то время Корсика была под властью Англии. Остров Мальта имел население в 100 000 человек; им владел орден Мальтийских рыцарей[14]. Таким образом, в войсках итальянских держав было под ружьем 160 000 человек. Это количество можно было легко увеличить до 300 000 человек. Итальянская армия была более сильна пехотой, чем кавалерией. За исключением пьемонтцев и словенцев, ее солдаты не представляли большой ценности.

Карта Европы во время наибольшего расширения Первой империи (1810 г.)

Глава II. Сражение у Монтенотте

I. План кампании. – II. Состояние армий. – III. Прибытие Наполеона в Ниццу (27 марта 1796 года). – IV. Сражение у Монтенотте (12 апреля). – V. Сражение у Миллезимо (14 апреля). – VI. Бой у Дего (15 апреля). – VII. Бой у Сан-Микеле (19 апреля). Сражение у Мондови (22 апреля). – VIII. Перемирие в Кераско (28 апреля). – IX. Следовало ли переправляться через По и удаляться еще более от Франции? – X. Адъютант Мюрат проходит через Пьемонт и привозит в Париж известие о победах армии.

I

Сардинский король, прозванный по своему географическому и военному положению «привратником Альп», имел в 1796 году крепости у всех ведущих в Пьемонт перевалов. Чтобы проникнуть в Италию через Альпы, нужно было овладеть одной или несколькими из этих крепостей. Дороги не позволяли везти с собой осадную артиллерию. Горы покрыты снегом три четверти года, и осаде крепостей можно было уделить только очень короткое время.

У Наполеона зародилась мысль обойти все Альпы и вступить в Италию через такое место, где эти высокие горы обрывались и где начинались Апеннины. Монблан является самой высокой точкой Альп, откуда цепь этих гор идет, понижаясь, к побережью Адриатического моря, а также к побережью Средиземного моря до горы Сан-Джиакомо, где они заканчиваются и где начинаются Апеннины, постепенно поднимающиеся к горе Велико у Рима.

Гора Сан-Джиакомо, следовательно, является самой низкой точкой Альп и Апеннин – и тем местом, где оканчиваются одни и начинаются другие. Савона, морской порт и крепость, была расположена так удачно, что могла служить складочным местом и опорным пунктом для армии. От этого города до Мадоны 3 мили. Туда вело шоссе. От Мадоны до Каркаре 6 миль. Эту дорогу можно было сделать проходимой для артиллерии в несколько дней.

В Каркаре имелись колесные дороги, ведущие в глубь Пьемонта и Монферрата. Это место было единственным, по которому можно было войти в Италию, не встречая гор. Повышение местности здесь настолько незначительное, что впоследствии, во времена империи, возник проект построить канал для соединения Адриатического моря со Средиземным по

рекам По, Танаро, Бормида и по системе шлюзов от Бормиды до Савоны. Проникая в Италию через Савону, Кадибону, Каркаре и Бормиду, можно было рассчитывать отделить сардинскую армию от австрийской, потому что это создавало одинаковую угрозу Ломбардии и Пьемонту. Можно было двинуться как на Милан, так и на Турин. Пьемонтцам было выгоднее прикрывать Турин, австрийцам же – Милан.

II

Неприятельскими войсками командовал генерал Болье, отличный офицер, получивший известность в кампаниях на севере. Войска были снабжены всем, что могло сделать их опасными. Они состояли из австрийцев, сардинцев и неаполитанцев, превышали по численности французскую армию вдвое и должны были постепенно увеличиваться контингентами из неаполитанских, папских, моденских и пармских областей.

Армия разделялась на две большие группы: австрийская армия в составе четырех пехотных дивизий (42 батальона, 44 эскадрона и 140 пушек), силою в 45 000 человек, под начальством генералов д'Аржанто, Меласа, Вукассовича, Липтая и Себоттендорфа, и сардинская армия, которая состояла из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий, всего 25 000 человек и 60 пушек.

Последняя находилась под командой австрийского генерала Колли и генералов Провера и Латура. Остальные сардинские войска или составляли гарнизоны крепостей, или под командованием герцога Аосте обороняли границу от французской Альпийской армии.

Французская армия состояла из четырех действующих пехотных и двух кавалерийских дивизий под начальством генералов Массена, Ожеро, Лагарпа, Серюрье, Стенжеля и Кильмена. Армия имела 25 000 человек пехоты, 2500 кавалерии, 2500 артиллерии, саперные, хозяйственно-административные части и т. д. – всего 30 000 человек под ружьем. Списочный состав армии насчитывал 106 000 человек, но 36 000 человек были в плену, умерли или дезертировали.

Давно уже собирались провести очередную ревизию, чтобы вычеркнуть их из списков. 20 000 находились в 8-м военном округе, неся службу в Тулоне, в Марселе, в Авиньоне, от устья Роны до устья Вара. Они могли быть использованы только для обороны Прованса и подчинялись министерству. Оставалось еще 50 000 человек на левом берегу Вара. Из них 5000 человек лежали

в госпиталях, 7000 человек состояли в запасных пехотных, кавалерийских (2500 человек без лошадей) и артиллерийских частях.

Только 33 000 человек были в состоянии выступить в поход. 8000 человек пехоты и артиллерии составляли гарнизоны Ниццы, Вильфранша, Монако, генуэзского и саорджиоского побережья и стояли в сторожевом охранении на главном хребте Альп от Аржантьерского перевала до Танаро. Кавалерия была в самом дурном состоянии; она долго отдыхала на Роне, но и там плохо обстояло дело с фуражом.

В арсеналах Ниццы и Антиба было много артиллерии, но недоставало перевозочных средств. Все упряжные лошади пали от голода. Финансы были истощены настолько, что, несмотря на все усилия, правительство могло дать армии для открытия кампании только 2000 луидоров золотом и на 1 миллион векселей, часть из которых были опротестованными.

В армии чувствовался недостаток во всем, и надеяться на получение чего-либо из Франции было нельзя. Армия должна была рассчитывать только на победу. Только в равнинах Италии могла она организовать свой транспорт, запрячь артиллерию, одеть солдат и восстановить кавалерию. Между тем во французской армии было только 30 000 человек и 30 пушек. Ей противостояли 80 000 человек и 200 пушек. В генеральном сражении численная слабость, недостаток артиллерии и кавалерии не позволили бы ей долго сопротивляться.

Следовательно, ей надо было восполнить недостаток численности быстротой переходов, недостаток артиллерии – характером маневрирования, недостаток кавалерии – выбором соответствующих позиций. Моральное состояние французских солдат было превосходное. Они отличились и получили воинскую закалку на вершинах Альп и Пиренеев. Лишения, бедность и нищета – школа хорошего солдата.

III

Наполеон прибыл в Ниццу 27 марта. Состояние армии, описанное ему генералом Шерером, оказалось еще хуже, чем можно было представить. Хлебом снабжали плохо, мяса не выдавали уже давно. Для перевозок было только 500 мулов. Нельзя было и думать везти с собой больше 30 пушек. Положение ухудшалось с каждым днем, нельзя было терять ни минуты. Армия не могла больше существовать там, где она находилась, следовало или идти вперед, или отступать.

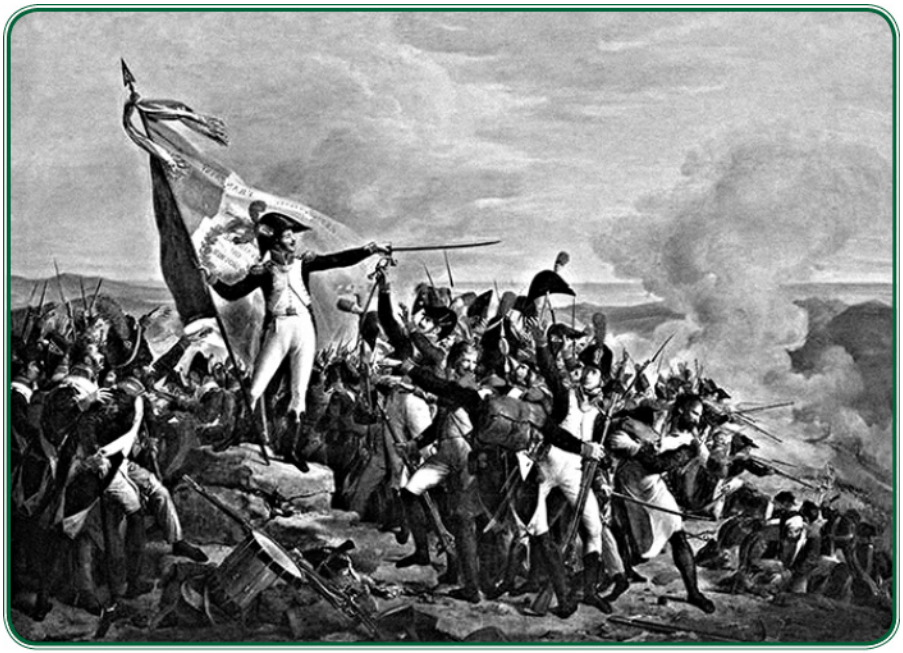
Он отдал приказ двинуться вперед, чтобы застать противника врасплох и ошеломить его блестящими и решительными успехами. Главная квартира с начала войны ни разу не покидала Ниццу. Он и ее двинул в поход, направив в Альбенгу. Аппарат управления всегда смотрел на себя как на неподвижное учреждение и больше заботился о своих бытовых удобствах, чем о потребностях армии.

Производя смотр войскам, Наполеон сказал: «Солдаты, вы раздеты, плохо питаетесь, правительство вам много задолжало и ничего не может дать. Ваше терпение и храбрость, которые вами выказаны среди этих скал, изумительны, но они не приносят вам никакой славы, их блеск не отражается на вас.

Я хочу повести вас в самые плодородные равнины мира. Богатые области, большие города будут в вашей власти. Вы найдете там почести, славу и богатство. Солдаты Итальянской армии, неужели не хватит у вас храбрости и выдержки?» Эта речь молодого, двадцатишестилетнего генерала, имя которого заставляло вспомнить действия под Тулоном, Саорджио и Кайро, была встречена одобрительными восклицаниями.

Для того чтобы обойти Альпы и вступить в Италию через Кадибонский перевал, следовало всю армию собрать на ее крайнем правом фланге. Эта операция была бы опасной, если бы снега не покрывали все отроги Альп. Переход из состояния обороны в наступление есть одна из самых сложных операций. Серюрье со своей дивизией был поставлен в Гарессио для наблюдения за позициями Колли около Чева, а Массена и Ожеро – в Аоано, Финале и Савоне.

Части Лагарпа были расположены так, чтобы угрожать Генуе; его авангард, под командой бригадного генерала Червони, захватил Вольтри. Французский посланник потребовал в генуэзском Сенате пропуска армии через Бокеттский перевал и ключей от форта Гави, заявив, что французы намерены проникнуть в Ломбардию и опираться в своих действиях на Геную. В городе поднялась суматоха: Сенат, советы заседали непрерывно. Отзвуки этой суматохи чувствовались в Милане.



Рене Теодор Бертон. Полковник Рампон защищает редут Монтеледжино вблизи Монтенотте 10 апреля 1796 г.

IV

Встревоженный Болье немедленно двинулся на помощь Генуе. Он перенес свою главную квартиру в Нови, разделив армию на три части: правый фланг, состоявший из пьемонтцев, под командой Колли, с главной квартирой в Чева, получил задачу оборонять линию рек Стура и Танаро; центр, под командой д'Аржанто, имея главную квартиру в Саселло, двинулся на Монтенотте, чтобы отрезать французскую армию во время ее перехода к Генуе, обрушившись на ее левый фланг и перехватив в Савоне прибрежную дорогу. Лично Болье с левым флангом двинулся через Бокетта на Вольтри для прикрытия Генуи.

На первый взгляд, эти распоряжения кажутся очень разумными, но если разобраться в условиях местности, то становится ясно, что Болье разбросал свои силы потому, что между его центром и левым флангом не было путей сообщения, кроме идущих позади гор, тогда как французская армия, наоборот, была расположена таким образом, что могла сосредоточиться в несколько часов и обрушиться всею массою на отдельные корпуса противника; поражение же одного из них неминуемо влекло за собой отступление другого.

Генерал д'Аржанто, командующий центром неприятельской армии, занял Нижнее Монтенотте 10 апреля. 11-го он выступил на Монтеледжино, чтобы через Мадону выйти к Савоне. Полковник Рампон, которому была поручена оборона трех редутов Монтеледжино, узнав о движении противника, выслал ему навстречу сильную разведку. Она возвратилась назад между двенадцатью и двумя часами дня. Д'Аржанто попытался захватить редуты с хода; три его последовательные атаки были отражены Рампоном.

Так как его войска утомились, он занял позицию с расчетом на следующий день окружить редуты и взять их. Больше со своей стороны вышел 10-го к Генуе. В тот же день он атаковал генерала Червони перед Вольтри. Червони оборонялся целый день. 11 числа он занял позицию на горе Фурш, вечером и ночью снялся с нее и присоединился к своей дивизии (Лагарпа), занявшей 12-го до рассвета позицию позади Рампона на Монтеледжино.

Ночью Наполеон с дивизиями Ожеро и Массена вышел через Кадибонский перевал и Кастелаццо за Монтенотте. С рассветом 12-го д'Аржанто, окруженный со всех сторон, был атакован с фронта Рампоном, с тыла и с флангов Лагарпом и Массена; поражение было полным: войска противника были перебиты, взяты в плен или рассеяны. Четыре знамени, пять пушек и 2000 пленных составили трофеи этого дня.

В то же самое время Больше появился в Вольтри, но уже никого там не застал. Он завязал там беспрепятственно сношения с английским адмиралом Нельсоном. Только днем 13-го этот генерал узнал о поражении под Монтенотте и о выходе французов в Пьемонт. Ему пришлось быстро повернуть свои войска назад и снова двигаться по тем же плохим дорогам, какими его заставил пользоваться принятый им план. Обход получился столь дальний, что только часть его войск могла два дня спустя прибыть в Миллезимо, и потребовалось 12 дней для эвакуации складов из Вольтри и Бокетта. Для обеспечения эвакуации ему пришлось оставить там часть войск.

V

12 апреля главная квартира армии прибыла в Каркаре. Пьемонтцы отступили на Миллезимо, а австрийцы на Дего. Эти две позиции имели связь через пьемонтскую бригаду, занимавшую высоты Биестро. В Миллезимо пьемонтцы оседлали дорогу, прикрывающую Пьемонт. К ним присоединился Колли со всеми, кого он мог снять с правого фланга. В Дего австрийцы

стояли на позиции, защищающей дорогу в Акви, – прямой путь в Миланскую область.

К ним присоединился Болье со всем тем, что он смог вывести из Вольтри. Занимая данную позицию, этот генерал мог получать все подкрепления, какие была способна дать ему Ломбардия. Таким образом, два основных выхода в Пьемонт и в Миланскую область были прикрыты. Противник надеялся на то, что у него хватит времени укрепиться на них. Каковы бы ни были преимущества, полученные французами в результате сражения у Монтенотте, превосходство в численности дало противнику возможность восполнения своих потерь. Но 14 апреля сражение у Миллезимо открыло обе дороги – и в Турин, и в Милан.

Ожеро с левым флангом армии двинулся на Миллезимо, Массена с центром направился на Биестро и Дего, а Лагарп с правым флангом пошел на высоты Кайро. Таким образом, французская армия занимала четыре лье пространства от правого фланга к левому. Противник, заняв холм Коссария, господствовавший над обоими рукавами Бормиды, опирался на него своим правым флангом.

Но 13-го генерал Ожеро, войска которого не участвовали в сражении под Монтенотте, ударил в правый фланг противника с такой стремительностью, что выбил его из миллезимских ущелий и окружил холм Коссария. Австрийский генерал Провера с его арьергардом силою в 2000 человек был отрезан. В этом безнадежном положении он отбивался отважно. Провера укрылся в старом разрушенном замке и там забаррикадировался.

С этой высоты ему был виден правый фланг сардинской армии, подготовлявшийся к бою на следующий день. Провера надеялся, что эти войска его выручат. Наполеон понимал необходимость овладеть замком Коссария в тот же день, 13-го. Но эта позиция была слишком сильной, несколько атак захлебнулись. На следующий день началось сражение между двумя армиями. После упорного боя Массена и Лагарп захватили Дего, а Менар и Жубер – высоты Биестро.

Все атаки Колли для выручки Коссарии были тщетны; он был разбит и преследуем по пятам. Тогда Провера, отчаявшись, сложил оружие. Неприятель, энергично преследуемый по ущельям Спиньо, по дороге в Акви, 400 всадниками 22-го конноегерского, 7-го гусарского и 15-го драгунского полков, оставил 30 орудий с упряжками, 60 зарядных ящиков, 15 знамен и 6000 пленных, среди которых находились два генерала и 24 старших офицера. Главнокомандующий находился повсюду в наиболее решительные минуты.

С этих пор разделение армий австрийской и сардинской

стало ярко выраженным. Болье перенес свою главную квартиру в Акви, по дороге в Миланскую область, а Колли направился в Чеву прикрывать Турин и предотвратить соединение Серюрье с главными силами.

VI

Между тем 15 апреля в 3 часа утра в Дего прибыла австрийская гренадерская дивизия Вукассовича, направленная из Вольтри через Саселло. На позиции оставались лишь несколько французских батальонов. Гренадеры легко захватили селение, и во французской главной квартире поднялась большая тревога. Трудно было понять, каким образом противник мог оказаться в Дего, когда аванпосты, выставленные на дороге в Акви, не были потревожены. Наполеон двинулся туда.

После двухчасового жаркого боя Дего был взят обратно, и неприятельская дивизия почти вся была пленена или перебита. Победу обеспечил помощник генерала Ланюсс, впоследствии дивизионный генерал, павший в 1801 году на поле сражения у Александрии, в Египте. В момент, когда исход боя еще не определился, он во главе двух батальонов легких войск взобрался по левому откосу холма Дего.

Батальоны венгерских гренадер ринулись, чтобы помешать их подъему. Обе французские колонны три раза принимались двигаться вперед и были отброшены назад. В третий раз Ланюсс, подняв шляпу на конце своей шпаги, отважно выступил вперед и обеспечил победу.

За этот поступок, происшедший на глазах у главнокомандующего, он был произведен в чин бригадного генерала. Генералы Косе и Банель были убиты. Они прибыли из армии Восточных Пиренеев. Офицеры, служившие в этой армии, выказали исключительную храбрость и напористость.

В Дего Наполеон в первый раз заметил одного батальонного командира, которого назначил командиром полка, – это был Ланн, сделавшийся впоследствии маршалом империи, герцогом Монтебелло и выказавший величайшие дарования. В дальнейшем он принял большое участие во всех событиях.

После сражения у Дего боевые действия были направлены против пьемонтцев. В отношении австрийцев удовольствовались тем, что оказывали им сопротивление. Лагарп наблюдал за Сан-Бенедетто на реке Бельбо. Болье занимался лишь сбором и переформированием остатков своей ослабленной армии. Дивизия Лагарпа, принужденная задержаться несколько дней на этой

позиции, страдала от недостатка продовольствия и транспорта, а также истощения местности, где перебывало столько войск. В дивизии имели место случаи грабежа.

Серюрье, узнав в Гарессио о сражениях у Монтенотте и Миллезимо, овладел высотою Сан-Джованни ди Муриальто[15] и вошел в Чеву в тот же день, когда Ожеро прибыл на высоты Монте-Чемото. 17-го Колли после безуспешного сопротивления очистил укрепленный лагерь Чева, переправился через Танаро и отошел за реку Корсалья, заняв правым флангом Мадона-Вико. В тот же самый день главнокомандующий перенес свою главную квартиру в Чеву. Противник бросил здесь полевую артиллерию, увезти которую у него не было времени, и ограничился тем, что оставил гарнизон в форту.

Прибыв на высоты Монте-Чемото, армия залюбовалась величественным зрелищем: перед ней открывался вид на обширные и плодородные равнины Пьемонта; По, Танаро и другие реки извивались вдали; белый пояс снега и льда, протянувшийся на головокружительной высоте, стягивал у горизонта этот богатый бассейн «земли обетованной».

Пали, как будто по волшебству, чудовищные препятствия, казавшиеся гранью иного мира, которые природа создала такими грозными, а люди, ничего не жалея, еще усилили своим искусством. «Ганнибал форсировал Альпы, – сказал Наполеон, устремив свой взор на эти горы, – ну а мы их обошли».

Удачная фраза, выразившая в двух словах смысл и сущность кампании. Армия переправилась через Танаро. Теперь, когда она в первый раз очутилась на равнине, почувствовалась необходимость иметь кавалерию; командовавший ею генерал Стенжель переправился через Корсалью у Лезеньо и провел разведку местности. Главная квартира прибыла в замок Лезеньо, на правом берегу этой реки, около впадения ее в Танаро.

VII

20 апреля генерал Серюрье двинулся через мост Сан-Микеле[16], чтобы атаковать правый фланг армии Колли, в то время как Массена переправился через Танаро для обхода ее левого фланга. Но Колли, понимая, что его позиция плоха, оставил ее в течение ночи и сам двинулся на свой правый фланг, чтобы расположиться у Мондови.

Случайно перед Сан-Микеле он по счастливому для него стечению обстоятельств очутился у переправы в то самое время, когда Серюрье спускался с моста. Колли остановился, развернул

численно превосходящие силы и вынудил Серюрье к отступлению. Однако Серюрье мог бы удержаться в Сан-Микеле, если бы один из его легких пехотных полков не бросился грабить. 22-го Серюрье перешел через мост в Торре, Массена – в Сан-Микеле и главнокомандующий – в Лезеньо.

Эти три колонны направились на Мондови. Колли возвел уже здесь несколько редутов и занял позиции правым флангом в Мадона-Вико и левым флангом в Бикоке. Серюрье овладел редутом Бикок и решил участь сражения у Мондови. Этот город со всеми складами попал в руки победителя.

Генерал Стенжель с отрядом всадников, превышавшим тысячу человек, преследуя противника по равнине, слишком отдалился от своих и был атакован отважной пьемонтской кавалерией, бывшей в очень хорошем состоянии. Он отдал все необходимые распоряжения, которые можно было ожидать от опытного генерала. При отходе на соединение с подкреплениями, во время атаки, он пал, смертельно раненный сабельным ударом.

Полковник Мюрат во главе трех кавалерийских полков отбросил пьемонтцев и, в свою очередь, преследовал их в течение нескольких часов. Генерал Стенжель, эльзасец, был превосходным гусарским офицером. Он служил под командой Дюмурье и в других кампаниях на Севере, был ловким, толковым, проворным человеком. В нем сочетались достоинства молодости и зрелых лет. Это был настоящий боевой генерал.

За два или три дня до его смерти, когда он первым вошел в Лезеньо, туда несколькими часами позже прибыл главнокомандующий, и что бы последний ни потребовал, все было готово: дефиле и броды разведаны, проводники найдены, священник и почтмейстер опрошены, сношения с жителями налажены, в различных направлениях высланы шпионы, письма с почты захвачены, и те из них, которые могли дать сведения военного характера, переведены и изучены, приняты все меры для оборудования продовольственных складов. К несчастью, Стенжель был близорук – существенный недостаток в его положении, оказавшийся для него роковым.

В этом сражении пьемонтцы потеряли 3000 человек, восемь пушек, десять знамен, 1500 пленных, среди которых трех генералов. После сражения у Мондови главнокомандующий двинулся в Кераско. Серюрье направился на Фоссано и Ожеро – на Альба. Болье из Акви с половиной своей армии двинулся на Ницца-делла-Палью для производства диверсии в пользу пьемонтцев, но слишком поздно. Узнав о перемирии в Кераско, он отошел на По.

Эти три колонны одновременно вступили в Кераско, Фоссано и Альбу. Главная квартира Колли была в Фоссано; Серюрье его оттуда выдворил.

Кераско, расположенная у слияния Стуры и Танаро, была крепостью сильной, но плохо вооруженной и совсем без продовольствия, так как находилась не на границе. Это приобретение было важным. Тотчас же крепость стали приводить в состояние готовности, а артиллерийские склады были заполнены всем необходимым для завершения ее вооружения.

Французский авангард перешел Стуру и продвинулся вперед за небольшой городок Бра. Между тем подход Серюрье позволил связаться через Понте-ди-Нава с Ниццей, откуда стали прибывать материальная часть и подкрепления для артиллерии. Армия в этих боях захватила много пушек и лошадей. Много их было захвачено на равнине Мондови. Через несколько дней после вступления в Кераско армия имела 60 орудий с запасом снарядов и хорошими упряжками.

Солдаты, остававшиеся в течение десяти дней без продовольствия, стали получать его регулярно. Грабеж и бесчинства – обычное следствие быстрых передвижений – прекратились. Была восстановлена дисциплина. Армия быстро изменила свой облик в обстановке изобилия и богатых ресурсов этой прекрасной страны. Кстати, и потери не были так велики, как можно было думать.

Быстрота передвижений, стремительность войск и особенно искусство противопоставлять их неприятелю по меньшей мере в равном, а часто и в превосходном числе, в соединении с постоянными успехами, которых войска добивались, – все это сберегло много людей. К тому же потери все время возмещались, так как солдаты стали прибывать через все перевалы, со всех сборных пунктов, из всех госпиталей генуэзской Ривьеры, едва только пронесся слух о победе и изобилии.

До тех пор нищета во французской армии была неописуема: офицеры в течение многих лет получали только по 8 франков в месяц жалованья, а штаб совершенно не имел коней. В бумагах маршала Бертье сохранился альбенгский приказ о выдаче в награду каждому дивизионному генералу по три луидора.

Кераско лежит в 10 лье от Турина, в 15 – от Алессандрии, в 18 – от Тортоны, в 25 – от Генуи и в 20 – от Савоны. Сардинский двор не знал, на что решиться; его армия пала духом и частью была уничтожена. Австрийская армия думала только о том, как прикрыть Милан. Весь Пьемонт был сильно возбужден. Двор не

пользовался никаким доверием. Он склонился перед Наполеоном и просил перемирия.

Многие предпочитали, чтобы армия двинулась на Турин, но Турин был сильной крепостью, и нужны были тяжелые орудия, чтобы разбить ворота. У короля оставалось еще много крепостей, и, несмотря на победы, которые были только что одержаны французами, малейшая их неудача, малейший каприз фортуны могли все перевернуть вверх дном. Две неприятельские армии вместе все еще превосходили французскую, несмотря на все поражения. Они имели значительную артиллерию и особенно кавалерию, еще не имевшую потерь.

Французская армия, несмотря на ее победы, была смущена. Она была поражена величием предприятия. Офицеры, даже генералы, не понимали, как можно думать о завоевании Италии с такой небольшой артиллерией, такой плохой конницей и такой слабой армией, которую болезни и удаление от Франции ослабляли с каждым днем все больше. Следы таких настроений в армии нашли отголосок в приказе, с которым главнокомандующий обратился к солдатам в Кераско:

«Солдаты, в течение 15 дней вы одержали шесть побед, взяли 21 знамя, 55 пушек, несколько крепостей и завоевали самую богатую часть Пьемонта, вы захватили 15 000 пленных, убито и ранено вами более 10 000 человек.

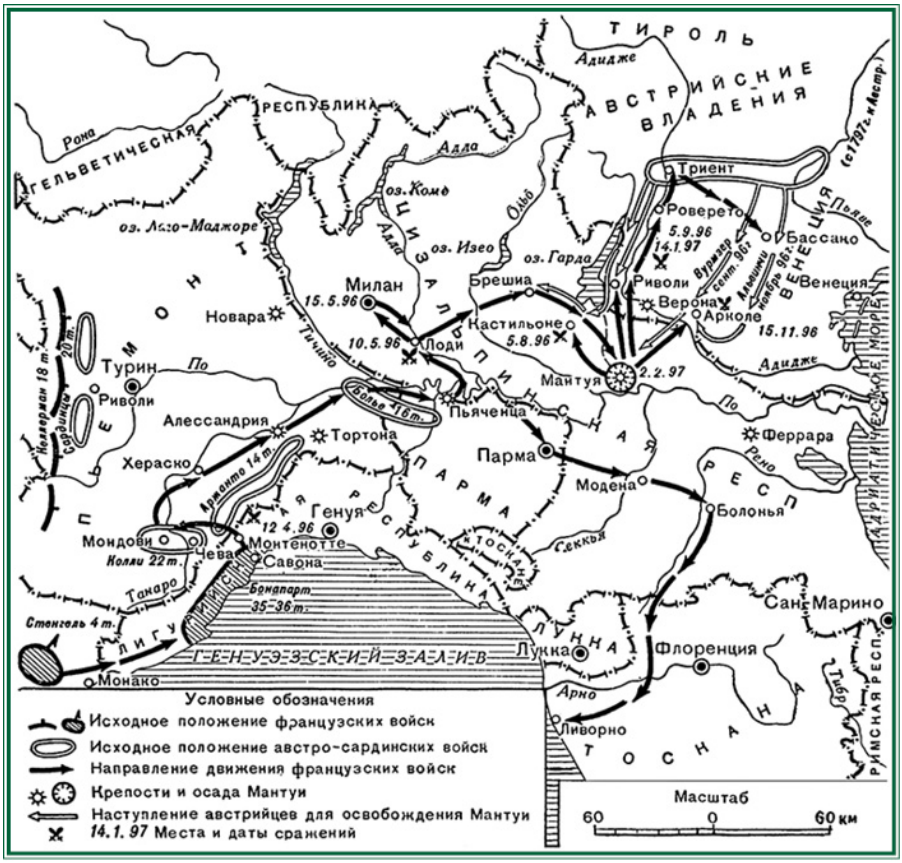


Схема итальянского похода Бонапарта
в 1796—1797 гг.

До этого времени вы дрались за бесплодные скалы, осененные вашей славой, но бесполезные для отечества. Ныне вы по вашим заслугам сравнялись с армией Голландии и Рейна.

Лишенные всего, вы сами позаботились обо всем. Вы выигрывали сражения без пушек, переходили реки без мостов, шли форсированным маршем без обуви, отдыхали без водки и часто без хлеба. Только республиканские фаланги, только солдаты свободы способны перенести то, что перенесли вы. Да возблагодарят вас за это, солдаты! Признательное отечество обязано вам своим процветанием, и если вы, тулонские победители, провозвестили бессмертную кампанию 1794 года, то ваши теперешние победы предвещают еще более славную.

Обе армии, которые недавно были смело атакованы вами, в страхе бежали от вас. Развращенные люди, смеявшиеся над вашей нищетой и радовавшиеся в своих мечтах успехам ваших врагов,

смущены и трепещут. Но, солдаты, вы ничего не сделали, потому что у вас осталось еще дело. Ни Турин, ни Милан не взяты вами.

Прах победителей Тарквиния[17] еще топчут убийцы Бассвилля! Говорят, что среди вас встречаются такие, мужество которых слабеет, кто предпочитает вернуться на вершины Апеннин и Альп. Нет, я не могу этому поверить. Победители при Монтенотте, Миллезимо, Дего, Мондови горят желанием еще дальше распространить славу французского народа!..»

Совещание о перемирии происходило в главной квартире, в доме Сальматориса, в то время дворецкого сардинского короля, а впоследствии префекта дворца Наполеона. Пьемонтский генерал Латур и полковник Лас Косте[18] участвовали как представители короля. Граф Латур был старый солдат, генерал-лейтенант сардинской службы, противник всяких новых идей, человек малообразованный, посредственных способностей.

Полковник Лас Косте, уроженец Савойи, был в расцвете сил. Он был красноречив, остроумен и производил выгодное впечатление. Условия, выставленные французами, были следующие: король должен был выйти из коалиции и послать уполномоченного в Париж для заключения окончательного мира. До этого времени сохранится состояние перемирия. Чева, Кони, Тортона или, взамен ее, Алессандрия немедленно должны быть переданы французской армии со всей артиллерией и складами.

Французская армия будет занимать всю местность, находящуюся в ее обладании к моменту заключения перемирия. Военные дороги во всех направлениях будут открыты для свободного сообщения из армии во Францию и обратно. Валенца будет эвакуирована неаполитанцами и немедленно передана французам на то время, пока они не закончат переправу через реку По. Местная милиция разоружается, а регулярные войска распределяются по гарнизонам таким образом, чтобы никак не тревожить французскую армию.

Теперь австрийцев, оставшихся в изоляции, можно было преследовать в глубь Ломбардии, а освободившуюся часть войск Альпийской армии перевести в Италию. Протяжение коммуникаций с Парижем сокращалось наполовину. Наконец, были получены опорные пункты и большие артиллерийские склады для формирования осадного парка и осады самого Турина, если Директория не согласится на мир.

IX

Вслед за заключением перемирия и по занятии крепостей

Кони, Тортона и Чева возник вопрос, нужно ли идти вперед и до каких пор. Считали, что перемирие, по которому сдавались все крепости и пьемонтская армия отделялась от австрийской, было полезно. Но не выгоднее ли прежде, чем идти дальше, воспользоваться приобретенными средствами, чтобы произвести сперва революцию в Пьемонте и Генуе?

Французское правительство имело право отказаться от переговоров и объявить свою волю, предъявив ультиматум. Но так далеко удалиться от Франции и переправиться через Тичино, не будучи спокойным за свой тыл, было бы неполитично.

Короли Сардинии, которые были так полезны Франции, пока оставались верны ей, всего более способствовали ее неудачам, как только изменили свою политику. Намерения врагов Франции при этом дворе не могли создавать даже малейших иллюзий. При дворе этом господствовали дворяне и духовенство – непримиримые враги республики.

Если бы французы двинулись вперед и потерпели неудачу, чего не следовало бы ожидать от их ненависти? Даже Генуя вызывала большие сомнения. В ней по-прежнему господствовала олигархия, и приверженцы Франции, как бы много их ни было, не имели влияния на политику. Генуэзские буржуа были хорошими ораторами, но этим и ограничивались их возможности.

Управляли олигархи, они командовали войсками и располагали 10 000 крестьян долин Фонтана-Буона и других, которых они призывали на помощь в случае нужды. Где же следовало остановиться после переправы через Тичино? Нужно ли было переправляться через Адду, Олио, Минчио, Адидже, Бренту, Пьяве, Тальяменто, Изонцо?

Мудро ли оставлять у себя в тылу такое многочисленное и враждебно настроенное население? Не лучше ли, чтобы продвинуться дальше, идти тише, создавая себе опору во всех занятых странах, сменяя правительства и вверяя управление людям, придерживающимся одинаковых взглядов с нами и имеющим те же интересы? Если французы дойдут до венецианских владений, не будет ли вынуждена эта республика, располагающая пятидесятитысячным войском, перейти на сторону противника?

На это возражали: французская армия должна использовать свою победу; она должна остановиться только там, где имеется наилучшая оборонительная линия против австрийской армии, которая обязательно выйдет из Тироля и Фриуля. Эта линия – Адидже: она прикрывает всю долину реки По, пересекает всю Среднюю и Нижнюю Италию, изолирует крепость Мантую, и, по всей вероятности, эту крепость можно будет взять раньше, чем

армия противника будет в состоянии переформироваться и помочь ей.

То, что маршал Виллар не понимал этого основного принципа, помешало ему достигнуть цели войны в 1733 году. Он находился в октябре во главе 50 000 человек, сосредоточенных в лагере Виджевано. Не имея перед собой неприятельской армии, он мог направиться куда хотел. Он ограничился тем, что расположился как наблюдатель на Олио, по обеим сторонам реки По.

Спустя три месяца в Сераль прибыл с войском Мерси. Маршал Куаньи, хотя и командовал армией, которая на протяжении всего 1734 года намного превосходила силы противника и одержала победу в двух последовательных сражениях под Пармой и Гуасталлой, не смог извлечь из стольких преимуществ никакой пользы. Он маневрировал поочередно то на одном, то на другом берегу По.

Если бы эти генералы хорошо знали топографию Италии, то начиная с ноября Виллар занял бы позицию на Адидже, пересекая, таким образом, всю Италию, а Куаньи воспользовался бы своими победами для того, чтобы отправиться туда же как можно быстрее.

На Адидже имеется возможность возмещать все расходы армии, потому что расходы эти падают на многочисленное население Пьемонта, Ломбардии, легатств Болонья и Феррара, герцогств Парма и Модена.

Боятся, что Венеция выступит против Франции? Лучшее средство помешать ей – это в несколько дней перенести войну в ее пределы. Она к этому не готова, и у нее не будет времени принять решение и сформировать армию. Если армия останется на правом берегу Тичино, австрийцы принудят эту республику выступить вместе с ними, либо же она сама бросится к ним в объятия, побуждаемая политическими настроениями.

Сардинского короля можно больше не бояться: его ополчение распущено, англичане прекратят выплату субсидий, а внутреннее положение его страны – самое плохое. Какое бы решение ни принял двор, число недовольных будет увеличиваться; после жара приходит слабость. У него осталось только 15 000—18 000 человек. Разбросанные по многим городам, они едва достаточны для поддержания внутреннего спокойствия.

С другой стороны, недовольство Венского двора против Туринского кабинета будет возрастать. Вена будет упрекать Турин за то, что при первом же проигранном сражении он пал духом, отчаялся в победе общего дела. Совсем не так действовал в 1705 году Виктор Амедей после победы, одержанной Вандомом

у Кассано, когда принц Евгений был отброшен на берега озера Изео, а три французские армии захватили все его владения и даже графство Ницца.

У него оставался только Турин, и, однако, он держался стойко и сохранял союз с Австрией. Он за это был вознагражден в следующем году Туринским сражением, когда в результате столь рискованного марша принца Евгения, который фортуна увенчала таким блестящим успехом, к нему вернулись все его владения.

Генуэзских олигархов можно не бояться. Лучшая гарантия против их выступления – те громадные выгоды, которые они извлекают из своего нейтралитета. Хотят защищать принципы свободы в Пьемонте и Генуе, но для этого нужно разжечь гражданскую войну, поднять народ против дворян и духовенства; а это значит взять на себя ответственность за эксцессы, которыми всегда сопровождается подобная борьба.

Напротив, прибыв на Адидже, армия сможет овладеть всеми государствами, принадлежащими австрийской династии в Италии, и всеми папскими владениями по эту сторону Апеннин, сможет провозгласить принципы свободы и возбудить итальянский патриотизм против иноземного господства. Не будет надобности возбуждать раздоры между различными сословиями граждан: дворяне, горожане, крестьяне будут идти сообща к восстановлению итальянской родины.

Клич «Italiam! Italiam!»[19], раздавшись в Милане, Болонье и Вероне, произведет волшебное действие. Раздавшись же на правом берегу Тичино, он вызовет со стороны итальянцев вопрос: «А почему вы сами не двигаетесь вперед?»

Полковник Мюрат, первый адъютант главнокомандующего, был командирован в Париж с 31 знаменем и договором о перемирии, заключенным в Кераско. Его прибытие в Париж через Мон-Сенис со столькими трофеями и актом о подчинении сардинского короля вызвало в столице большую радость и волну энтузиазма. Адъютант Жюно, отправленный после сражения под Миллезимо по ницкой дороге, прибыл после Мюрата.

Провинция Альба, которую французы полностью заняли, была в Пьемонте областью наиболее оппозиционной по отношению к королевской власти, областью, где революционное брожение было наиболее сильным. Здесь раньше уже происходили волнения; несколько позже они повторились снова. Если пришлось бы продолжать войну с сардинским королем, именно здесь французы нашли бы себе поддержку и наибольшие шансы на восстание.

Таким образом, в течение двух недель первая часть плана была выполнена. Были достигнуты большие результаты: пали

пьемонтские крепости в Альпах и коалиция была ослаблена, лишившись державы, которая выставила 60 000—70 000 солдат и имела еще большее значение вследствие своего положения.

В течение месяца с начала этой кампании законодательная власть пять раз выносила постановление о том, что Итальянская армия хорошо послужила отечеству (в заседаниях 21, 22, 24, 25 и 26 апреля), – и каждый раз за новые победы.

Согласно условиям перемирия в Кераско, сардинский король отправил в Париж графа Ревеля для обсуждения условий окончательного мира. Мир был заключен и подписан 15 мая 1796 года. По этому договору крепости Алессандрия и Кони передавались Итальянской армии, Суза, Брунетто, Экзиль уничтожались и открывались альпийские перевалы. Это отдавало короля на милость республики, у него не оставалось более других укрепленных пунктов, кроме Турина и форта Бар.

Глава III. Сражение у Лоди

I. Переправа через По (7 мая 1796 года). – II. Бой у Фомбио (8 мая). Смерть генерала Лагарпа. – III. Перемирие с герцогом Пармским (9 мая). – IV. Сражение у Лоди (10 мая). – V. Вступление в Милан (15 мая). – VI. Перемирие с герцогом Моденским (17 мая). – VII. Бертье. – VIII. Массена. – IX. Ожеро. – X. Серюрье.

I

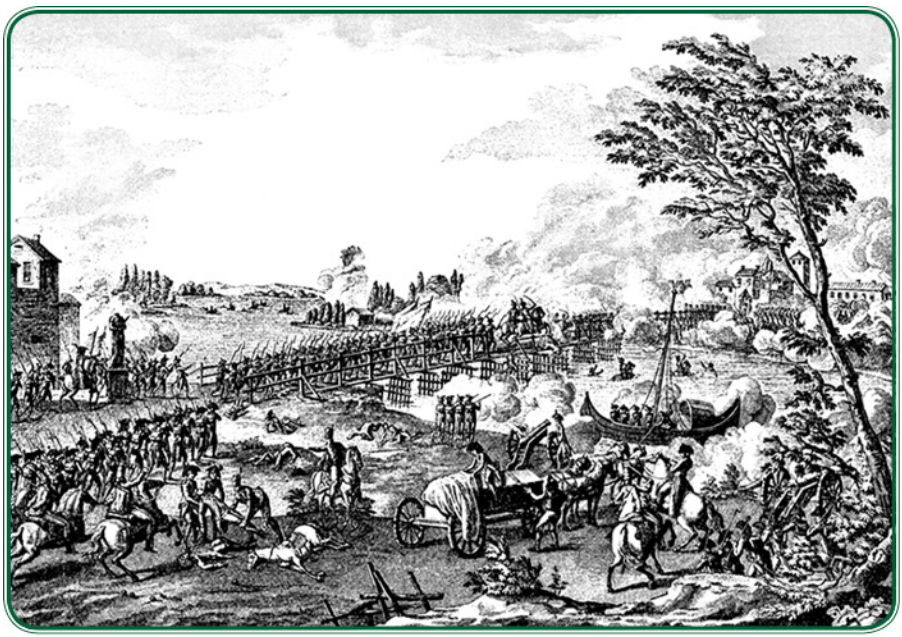
Крепости Кони, Тортона и Чева были сданы французам в первые дни мая. Массена двинулся со своей дивизией на Алессандрию и захватил здесь много складов, принадлежавших австрийской армии. Главная квартира прибыла в Тортону, проследовав через Альбу, Ницца-делла-Палью и монастырь Боско. Тортона была очень хорошей крепостью; в ней было много орудий и всякого рода боевых припасов. Болье, потрясенный, отступил за реку

По для прикрытия Милана. Он рассчитывал защищать переправу через По напротив Валенцы, и если она будет форсирована, то оборонять переправу через Сезию и через Тичино. Он расположил свои войска на левом берегу реки Агонья у Валеджио. Здесь он был усилен резервной дивизией из десяти

батальонов, и его армия снова сравнялась с французской. По всем планам – военным и политическим – французы должны были произвести переправу через По в Валенце; на совещаниях в Кераско было таинственно дано понять, что таково намерение французов.

Один параграф соглашения о перемирии предусматривал передачу этого города французам для переправы через реку. Массена, прибыв в Алессандрию, тотчас же выдвинул патрули в направлении Валенцы. Ожеро вышел из Альбы и расположился у устья Скривии. Серюрье направился в Тортону, куда Лагарп прибыл по аквийской дороге.

Из гренадеров, собранных со всей армии в числе 3500 человек, было сформировано десять батальонов. С этими отборными войсками, кавалерией и 24 пушками Наполеон направился форсированным маршем к Пьяченце, чтобы захватить там врасплох переправу через По. После переправы остальные французские дивизии должны были оставить свои позиции и поспешно двинуться к Пьяченце.



Штурм моста в Лоди 10 мая 1796 г.
Гравюра XIX в.

7 мая, в 9 часов утра, Наполеон прибыл к этому городу, сделав 16 лье в 36 часов. Он выехал на берег реки, где оставался до тех пор, пока переправа не была закончена и авангард не

расположился на левом берегу. Паром брал 500 человек и 50 лошадей и совершал переправу в полчаса. Артиллерийский полковник Андреосси, начальник понтонного парка, и помощник генерала Фронтен захватили на участке реки По от Кастель-Сан-Джиованни до Пьяченцы десять судов с 5000 ранеными и с медикаментами австрийской армии.

Полковник Ланн переправился первым с 900 гренадерами. Два эскадрона неприятельских гусар тщетно пытались противодействовать высадке. Несколько часов спустя весь авангард переправился на тот берег. В ночь с 7-го на 8-е прибыла вся армия. 9-го была закончена наводка моста. 7-го вечером генерал Лагарп, командующий гренадерами, расположил свою главную квартиру в Качина-Деметре, между Фомбио и рекой По. Эта река у Пьяченцы имеет очень быстрое течение; ширина ее 250 туазов. Форсирование таких рек принадлежит к числу наиболее ответственных военных операций.

II

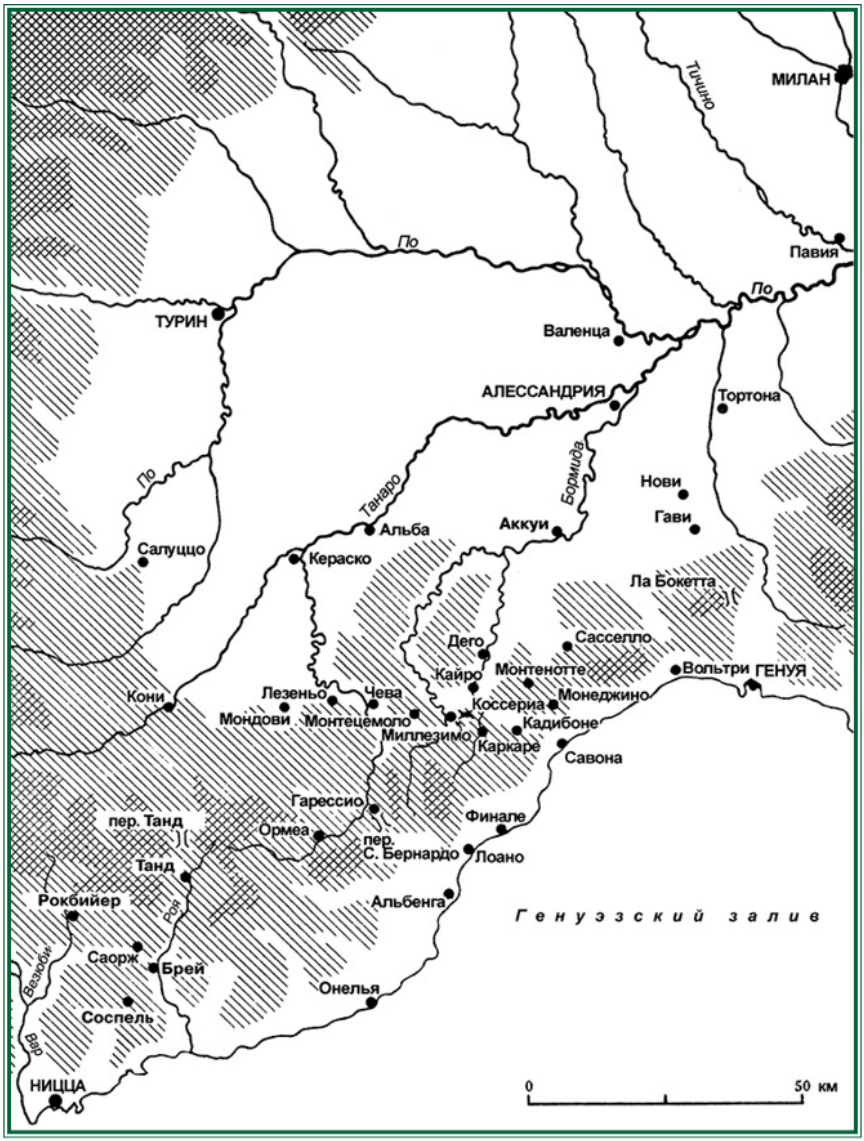
Австрийская дивизия Липтая, силою в восемь батальонов и восемь эскадронов, выйдя из Павии, прибыла ночью в Фомбио, находящееся в одном лье от Пьяченцы. 8-го в 1 час дня было замечено, что колокольни и дома селения забаррикадированы и заняты войсками и что на шоссе, пересекающем рисовые поля, расставлены пушки. Выбить противника из Фомбио становилось необходимо. К нему могли подойти большие подкрепления, и было бы слишком опасно вести бой, имея позади такую большую реку.

Наполеон отдал распоряжения, которые диктовались характером местности. Ланн повел атаку на левый фланг, Ланюсс – на центр, Даллемань – на правый фланг. В течение часа селение было взято. Австрийская дивизия, которая его обороняла, была опрокинута, потеряла свои пушки, 2000 пленных и три знамени. Остатки ее бросились в Пиццигетоне и переправились через реку Адду. Крепость Пиццигетоне была вооружена только за несколько дней до этого.

Она была еще так далека от театра военных действий и от всякой опасности, что противник о ней не беспокоился. Липтай все-таки успел развести подъемный мост и расставить на валу полевые пушки. Французский авангард остановился с наступлением ночи при Малео на расстоянии половины пушечного выстрела от Пиццигетоне. Лагарп отошел назад, чтобы стать впереди Кодоньо, прикрывая дороги из Павии и из Лоди.

От захваченных пленных узнали, что Болье двигался со своей армией к Фомбио, чтобы встать позади этого пункта. Думали, что некоторые его части, не зная о событиях дня, придут на ночевку в Кодоньо. Об этом было сделано предупреждение. Отдав распоряжение о величайшей бдительности, главнокомандующий вернулся в Пьяченцу, в свою главную квартиру. В течение ночи Массена переправился через По и расположился в резерве у моста, чтобы поддержать в случае нужды Лагарпа.

Что предвидели, то и случилось. Движение войск из Тортоны в Пьяченцу, несмотря на его быстроту, не было столь тайным, чтобы можно было скрыть его от Болье. Он двинул свои войска для занятия местности между Тичино и Аддой, надеясь прибыть вовремя к Пьяченце, чтобы помешать переправе через реку.



Театр военных действий
итальянской кампании Наполеона в 1796 г.

Он знал, что у французов совсем не было понтонного парка. Один из его кавалерийских полков, находившийся впереди колонны, появился у аванпостов генерала Лагарпа, двигавшегося по дороге на Павию, и вызвал тревогу. Французы на бивуаках взялись за оружие. После нескольких залпов все стихло. Однако Лагарп в сопровождении патруля и нескольких офицеров направился вперед, чтобы удостовериться, что произошло, и лично расспросить обитателей ближайших домов на дороге.

Они ему сказали, что эту тревогу произвел кавалерийский полк, не знавший о переправе французов через По и взявший затем влево, чтобы достигнуть Лоди. Лагарп поехал обратно, но вместо того чтобы возвращаться по шоссе, по которому уехал на глазах у солдат, направился, к несчастью, по тропинке. Солдаты были начеку, встретили его беглым огнем. Лагарп упал замертво; он был убит собственными солдатами! По происхождению он был швейцарцем из кантона Во.

Подвергшись преследованиям за свою ненависть к бернскому правительству, он нашел убежище во Франции. Это был офицер выдающейся храбрости, гренадер ростом и духом; он умно руководил войсками и был ими очень любим, несмотря на беспокойный характер. Печальное событие стало известно в главной квартире в 4 часа утра. Немедленно в эту дивизию был выслан Бертье. Он застал войска в отчаянии.

III

Войдя во владения Пармы, Наполеон при переправе через Треббию принял послов герцога с просьбой о мире и покровительстве. Герцог Пармский не имел никакого политического значения: захватывать его владения не было никакой выгоды. Наполеон оставил его управлять герцогством, возложив на него в то же время и все те повинности, какие могла выполнить страна. Таким образом, французам достались все выгоды и они избавились от всех трудностей, связанных с управлением.

Такое решение было самым простым и самым разумным. Утром 9 мая в Пьяченце было подписано перемирие. Герцог уплачивал 2 миллиона деньгами, доставлял армии большое количество хлеба, овса и т. д., выставлял 1600 артиллерийских и кавалерийских лошадей и принимал на себя издержки по обслуживанию военных дорог, а также госпиталей, создаваемых в его владениях. Наполеон наложил контрибуцию предметами искусства для Парижского музея – первый пример этого рода, встречаемый в Новой истории.

Парма дала 20 картин по выбору французских комиссаров. Среди них находился знаменитый «Святой Иероним». Герцог предлагал 2 миллиона, чтобы сохранить у себя эту картину, и уполномоченные армии очень склонялись к такой замене. Главнокомандующий же сказал, что от двух миллионов, которые ему дадут, не останется вскоре ничего, тогда как подобный шедевр украсит Париж на многие столетия и вызовет появление

других шедевров.

Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла были во владении дома Фарнезе. Елизавета, сестра Филиппа V, единственная наследница этого дома, передала герцогства Испании. Дон Карлос, ее сын, получил их во владение в 1714 году. Впоследствии, когда он занял неаполитанский престол, по Аахенскому договору 1748 года, эти области перешли к Австрийскому дому и были отданы инфанту дону Филиппу.[20] С 1762 года ими владел его сын Фердинанд. Это был известный воспитанник Кондильяка, умерший в 1802 году. Он жил в замке Колорно, окруженный монахами, и тщательно исполнял религиозные обряды во всех мелочах.

IV

Армия реквизировала в городе Пьяченце 400 артиллерийских лошадей. 10-го она выступила из Казаль-Пустерленго на Лоди, где Болье сосредоточил дивизии Себоттендорфа и Розельмини, а Колли и Вукассовича направил на Милан и Кассано. Судьба этих войск зависела теперь от быстроты движения. Можно было отрезать их от Олио и взять в плен, но в одном лье от Казаля французский авангард обнаружил сильный австрийский арьергард из гренадер, выгодно расположившийся для обороны Лодийского шоссе. Пришлось прибегнуть к маневрированию.

Оно велось со всем пылом и вместе с тем с упорством, которых требовали обстоятельства. Наконец в ряды противника было внесено смятение. Он был преследуем по пятам до Лоди. Эта крепость была обнесена стенами. Неприятель попытался запереть ворота, но французские солдаты проникли туда вперемежку с беглецами, которые собрались потом за линией обороны, созданной Болье на левом берегу Адды. Болье выставил 25–30 пушек для обороны моста, но французы немедленно противопоставили ему столько же.

В австрийской линии было 12 000 пехотинцев и 4000 кавалеристов. Вместе с 10 000 человек, отступавшими на Кассано, с 8000 человек, которые были разбиты в районе Фомбио, после чего остатки их укрывались в Пиццигетоне, и с 2000 человек гарнизона Миланского замка это давало 35 000– 36 000 человек. Вот все, что уцелело от армии.

Наполеон, в надежде отрезать дивизию, двигавшуюся на Кассано, решил перейти через реку Адда по мосту в тот же самый день, под огнем противника, и изумить его такой смелой операцией. С этой целью после нескольких часов отдыха в Лоди,

около пяти часов вечера, он приказал генералу Бомону, командующему кавалерией, переправиться через Адду в полулье вверх по течению, где находился брод.

После перехода на тот берег он должен был начать орудийную перестрелку с легкой батареей на правом фланге противника. В то же время у моста и по краю правого берега он выставил всю артиллерию армии, нацелив ее на орудия противника, державшие под обстрелом мост. Позади городского вала на берегу Адды он поставил колонну гренадер так, что она находилась ближе к вражеским батареям, чем даже линия австрийской пехоты, которая отдалилась от реки, чтобы воспользоваться складками местности, частично предохранявшими ее от ядер французских батарей.

Как только Наполеон заметил, что огонь противника ослабел, а авангард французской кавалерии начал выстраиваться на левом берегу и этот маневр вызвал у противника некоторое беспокойство, он приказал атаковать. Голова колонны гренадер простым полуоборотом налево очутилась на мосту, беглым шагом в несколько секунд перешла через него и немедленно овладела неприятельскими пушками. Колонна подверглась обстрелу противника только в момент, когда перестраивалась для прохождения через мост.

Она не понесла чувствительных потерь, потому что в одно мгновение проскочила на другой берег. Она обрушилась на линию противника и заставила его отступить на Кремону в величайшем беспорядке, с потерей артиллерии, большого количества знамен и 2500 пленных. Эта столь энергичная операция, проведенная под убийственным огнем, но со всей допустимой осторожностью, считается военными одной из самых блестящих за все время войны. Французы потеряли не больше 200 человек, а противник был разгромлен.[21]

Но Колли и Вукассович переправились через Адду у Кассано и отходили по шоссе в Брешиа; это и заставило французов двинуться на Пиццигетоне. Они считали нужным преследовать и немедленно выгнать оттуда противника, чтобы не дать ему времени вооружить эту крепость и снабдить ее припасами. Как только ее окружили, она сдалась. В ней было 300 человек, которыми противник пожертвовал, чтобы обеспечить свой отход.

Наполеон, делая ночной обход, встретился с биваком пленных, где был один болтливый старый венгерский офицер. Наполеон спросил его, как шли у них дела. Старый капитан не мог не признаться, что все шло очень плохо. «Но, – прибавил он, – здесь нет возможности что-либо понять; мы имеем дело с молодым генералом, который всегда то перед нами, то в нашем

тылу, то на нашем фланге. Никогда не знаешь, как расположить свои силы. Такой способ действий на войне невыносим и противоречит всем правилам».

Французская легкая кавалерия вошла в Кремону после лихой атаки и преследовала австрийский арьергард до Олио.

V

Ни одна французская часть еще не вошла в Милан, хотя эта столица уже оказалась в тылу армии, аванпосты которой находились в Кремоне, и отстояла на несколько переходов от линии фронта. Австрийские правительственные учреждения были эвакуированы в Мантую. Город охранялся национальной гвардией. Муниципалитет и сословия Ломбардии прислали в Лоди депутацию, во главе которой стоял Мельци. Эта депутация торжественно заявила о своем подчинении и просила победителя о милосердии.

15 мая победитель въехал в Милан через триумфальную арку, среди народа и национальной гвардии города, одетой в трехцветные, зелено-красно-белые мундиры. Начальником ее был избран герцог Сербеллони.

Ожеро отошел, чтобы занять Павию, Серюрье – Лоди и Кремону, дивизия Лагарпа – Комо, Кассано, Лукко и Пиццигетоне. Легкие войска расположились на реке Олио. В Лоди, Кассано, Лукко и Пиццигетоне были построены предмостные укрепления, их вооружили и снабдили припасами.

В Милане Наполеон отдал приказ:

«Солдаты, вы устремились с высоты Апеннин, как горный поток. Вы опрокинули и рассеяли все, что противостояло вашему движению.

Пьемонт, освобожденный от австрийской тирании, отдался естественным чувствам мира и дружбы с Францией.

Милан ваш, и республиканский флаг развевается над всей Ломбардией.

Герцоги Пармский и Моденский обязаны своим политическим существованием только вашему великодушию.

Армия, тщеславно угрожавшая вам, не находит больше барьера, за которым она могла бы укрыться от вашей храбрости. По, Тичино, Адда не задержали вас ни на один день. Эти хваленые оплоты Италии оказались недостаточно сильными; вы их так же быстро преодолели, как и Апеннины.

Столько успехов преисполнили радостью Родину. Ваши представители установили праздник в честь ваших побед,

который отмечается во всех общинах республики. Ваши отцы, ваши матери, ваши жены, ваши сестры, ваши возлюбленные радуются вашим успехам и гордятся тем, что они вам близки.

Да, солдаты, вы много сделали… Но значит ли это, что больше уже нечего делать?.. Не скажут ли о нас, что мы сумели победить, но не сумели воспользоваться победой? Не упрекнет ли нас потомство, что в Ломбардии мы нашли Капую?[22] Но я уже вижу, как вы хватаетесь за оружие.

Отдых трусов вас тяготит. Дни, потерянные для славы, потеряны и для вашего счастья. Итак, двинемся вперед, нам еще предстоят форсированные марши, остаются враги, которых надо победить, лавры, которыми нам надо покрыть себя, оскорбления, за которые надо отомстить.

Пусть трепещут те, кто наточил кинжалы гражданской войны во Франции, кто подло умертвил наших посланников и сжигал наши суда в Тулоне: час отмщения настал!

Но пусть не беспокоятся народы. Мы – друзья всем народам и особенно верные друзья потомкам Брутов, Сципионов и великих людей, которых мы принимаем за образец. Восстановить Капитолий, водрузить там с почетом статуи героев, сделавших его знаменитым, пробудить римский народ, усыпленный несколькими веками рабства, – таковы будут плоды наших побед.

Они создадут эпоху в истории. Вам будет принадлежать бессмертная слава за то, что вы изменили лик самой прекрасной части Европы. Французский народ, свободный, уважаемый всем светом, даст Европе славный мир, который возместит ему жертвы, приносимые в течение шести лет. Вы вернетесь тогда к своим очагам, и ваши сограждане будут говорить, указывая на вас: “Он был в Итальянской армии!”

Армия использовала шесть дней отдыха для улучшения материальной части. Не щадили никаких усилий для пополнения артиллерийского парка. Пьемонт и Парма доставляли многое, но еще больше ресурсов оказалось в Ломбардии. Это позволило выплатить жалованье, удовлетворить все нужды и сделать снабжение более регулярным. Милан расположен среди одной из богатейших равнин мира – между Альпами и реками По и Адда.

Его население равнялось 120 000 человек. Крепостная стена была окружностью в 10 000 туазов. В нем имелось десять ворот, 140 мужских и женских монастырей, 100 братств. Посредством канала Равильо он связан с реками Тичино и Адда. Их воды поступают в Милан при помощи шлюзов. Другой канал был сооружен во времена Итальянского королевства для соединения Милана с Павией, установления прямого сообщения с рекой По и чтобы способствовать сообщениям с Генуей.

Транспорт с генуэзскими товарами гужом следовал до Камбио на реке По, где товары грузились на суда и спускались по этой реке и через Нижнее Тичино прибывали в Павию, где перегружались для Милана. Посредством нового канала товары продолжали идти водой до Милана и оттуда отправлялись дальше по Адде. Милан был основан галлами в 580 году до нашей эры. Этот город подвергался 40 раз осаде, 20 раз его брали с боя. Четыре раза он целиком был разрушен. Его цитадель построена на развалинах дворца Висконти.[23]

Милан был столицей австрийской Ломбардии, разделявшейся на семь провинций: Милан, Павия, Варезе, Комо, Лоди, Кремона и Мантуя. Ломбардия имела особые привилегии. Австрийский император назначал сюда в качестве генерал-губернатора принца крови и высшее управление вверял своему первому министру. Ломбардия имела сословное представительство из депутатов, избиравшихся от семи провинций. Это учреждение часто было в оппозиции к генерал-губернатору и австрийскому министру.

Граф Мельци был среди этих депутатов самым влиятельным по своему образованию, патриотизму и честности. Впоследствии он стал президентом Итальянской республики и канцлером Итальянского королевства. Он был исполнен любви к своей стране и безраздельно предан идее независимости Италии. В Милане его род считался богатым и благородным.

Цвета зеленый, белый и красный сделались национальными цветами свободной Италии. Национальная гвардия формировалась во всех городах. Сербеллони, первый командир миланской национальной гвардии, пользовался большой популярностью и обладал большим состоянием. Впоследствии он стал очень известным в Париже, где долго жил в качестве посла Цизальпинской республики.

В Милане, как и во всех больших городах Италии, а пожалуй, и во всех больших городах Европы, французская революция возбудила сначала величайший энтузиазм, навстречу ей раскрылись все сердца. Спустя некоторое время ужасы террора изменили эти настроения. Однако идеи революции все еще находили в Милане многих горячих приверженцев. Народ привлекала идея равенства. Австрийцы, несмотря на свое долгое господство, не внушали к себе привязанности в этом народе, если не считать нескольких знатных семейств.

Их не любили за угрюмость и грубость. Генерал-губернатор эрцгерцог Фердинанд не был ни любим, ни уважаем, его обвиняли в пристрастии к деньгам, в поощрении хищений, в спекуляции зерном и в других подобных прегрешениях, которые всегда влекут за собой непопулярность. Он был женат на

принцессе Беатриче Эсте, дочери и наследнице царствовавшего тогда герцога Моденского.

Миланская цитадель была отлично вооружена и хорошо снабжена продовольствием. Болье оставил в ней 2500 человек гарнизона. Французский генерал Деспинуа был назначен командующим войсками в Милане и блокадой цитадели. Осадная артиллерия состояла из пушек, взятых из пьемонтских крепостей, находившихся в руках у французских гарнизонов, – Тортоны, Алессандрии, Кони, Чева, Кераско.

Андре Массена. *Гравюра XIX в.*

Андре Массена к моменту взятия Бастилии уже 14 лет отслужил в армии и вышел в отставку, так и не получив офицерского чина, который давался только дворянам. После революции Массена снова вступил в армию, в 1793 г. был уже дивизионным генералом, а итальянская кампания 1796 г. прославила его как выдающегося полководца.

При учреждении Первой империи (в 1804 г.) Массена получил звание маршала. В походе 1806—1807 гг. он командовал правым крылом французской армии и по заключении Тильзитского мира получил титул герцога Риволи, а в 1809 г. за отличие в сражении при Асперне — титул князя Эслингенского.

VI

Три герцогства – Модена, Реджио и Мирандола – на правом берегу Нижнего По управлялись последним государем из дома Эсте, старым скрягой, единственным удовольствием которого

было копить золото. Подданные его презирали. При приближении армии он отправил к Наполеону командора Эсте, своего побочного брата, с просьбой о перемирии и о покровительстве.

Город Модена имел бастионную крепостную ограду, хорошо снабженный арсенал и 4000 солдат. Этот государь, впрочем, не имел какого-либо политического значения. С ним поступили, как с герцогом Пармским, причем не было принято во внимание его родство с Австрийским домом. Перемирие было заключено и подписано в Милане 17 мая. Он уплачивал 10 миллионов, поставлял лошадей, всякого рода припасы и известное число шедевров искусства.

Для переговоров о мире им были посланы в Париж полномочные представители, но мир заключен не был, переговоры затянулись и, наконец, были прерваны. Желая спрятать свои сокровища в надежное место, он переправил их в Венецию, где умер в 1798 году. С ним угас дом Эсте, столь знаменитый в средние века и воспетый с таким гением и изяществом Ариосто и Тассо. Его дочь, принцесса Беатриче, жена эрцгерцога Фердинанда, была матерью императрицы австрийской. Она умерла в 1816 году.

Известия о переправе через реку По, о сражении у Лоди, о занятии Ломбардии, о перемириях с герцогами Пармским и Моденским, следовавшие одно за другим, опьянили Директорию, принявшую пагубный план раздела Итальянской армии на две. Наполеон с 20 000 человек должен был, перейдя через По, двинуться на Рим и Неаполь, а Келлерман с другими 20 000 человек – действовать на левом берегу По и прикрывать осаду Мантуи.

Наполеон, возмущенный такой неблагодарностью, подал в отставку, не желая участвовать в приведении к гибели Итальянской армии и своих собратьев по оружию. Он говорил, что все люди, посланные в глубь полуострова, погибнут, что главная армия, вверяемая Келлерману, слишком малочисленна, чтобы удержаться, и через несколько недель будет вынуждена уйти за Альпы. «Один плохой генерал, – заявил он, – лучше двух хороших». Правительство открыло глаза и отказалось от этих гибельных для свободы мер. С тех пор оно занималось Итальянской армией только тогда, когда нужно было одобрить сделанное или предлагаемое Наполеоном.

VII

Бертье было около сорока двух лет. Его отец был инженером-

топографом.[24] Бертье смолоду участвовал в американской войне в чине лейтенанта, причисленного к штабу Рошамбо. В эпоху революции он был полковником, командовал версальской национальной гвардией и находился в сильной оппозиции к партии Лекуантра. Посланный в Вандею начальником штаба революционных войск, он был там ранен.

После 9 термидора он был начальником штаба у Келлермана в Альпийской армии и последовал за ним в Итальянскую армию. Это именно он распорядился занять линию Боргетто, сдержавшую противника. Когда Келлерман вернулся в Альпийскую армию, он взял с собой и Бертье. С принятием командования Итальянской армией Наполеоном Бертье просил и добился места его начальника штаба. Он был при нем в этой должности в Итальянской и Египетской кампаниях.

Впоследствии он сделался военным министром, начальником штаба Великой армии, князем Невшательским и Ваграмским, женился на баварской принцессе и был осыпан милостями Наполеона. Он обладал большой энергией, следовал за главнокомандующим во всех разведках и объездах войск, не замедляя этим нисколько своей штабной работы. Характер имел нерешительный, мало пригодный для командования армией, но обладал всеми качествами начальника штаба.

Он хорошо знал карту, очень разумно вел разведывательную часть, лично заботился о рассылке приказаний, умел самые сложные движения армии представлять в докладах ясно и просто. Вначале хотели навлечь на него немилость главнокомандующего, говоря, что Бертье его наставник, что именно он руководит операциями. Это не удалось. Бертье предпринимал все от него зависящее, чтобы покончить с этими слухами, делавшими его в армии смешным. После Итальянской кампании ему было поручено командование армией, назначенной для захвата Рима, и он провозгласил Римскую республику.

VIII

Массена, уроженец Ниццы, поступил на службу Франции в Итальянский королевский полк. В начале революции он был офицером. Он быстро выдвинулся, сделался дивизионным генералом и служил под начальством главнокомандующих Дюгоммье, Дюморбиона, Келлермана и Шерера. Он был крепко сложен, неутомим; днем и ночью носился на коне по горам и скалам.

Он был особенным знатоком этого рода войны, был

решителен, отважен, предприимчив и полон честолюбия и самолюбия. Его отличительной чертой было упрямство. Он никогда не падал духом. Он пренебрегал дисциплиной, плохо заботился о хозяйственно-административной части и по этой причине был мало любим солдатами. Он плохо продумывал подготовку к атаке.

Речи его были мало интересны, но с первым пушечным выстрелом, среди ядер и опасностей, его мысль приобретала силу и ясность. Будучи разбитым, он вновь брался за дело, словно победитель. В конце Итальянской кампании он получил поручение доставить в Директорию Лёобенский прелиминарный договор. Во время Египетской кампании он командовал Гельветской армией и спас республику, выиграв Цюрихское сражение. Впоследствии он был маршалом, герцогом Риволи и князем Эсслингским.

IX

Ожеро, уроженец предместья Сен-Марсо, в начале революции был сержантом. По-видимому, он был выдающимся унтер-офицером, потому что был послан в Неаполь обучать неаполитанские войска. Вначале он служил в Вандее. В генералы он был произведен в армии Восточных Пиренеев, где командовал одной из главных дивизий. По заключении мира с Испанией он доставил свою дивизию в Итальянскую армию и здесь провел все кампании с Наполеоном, пославшим его в Париж для совершения переворота 18 фрюктидора. Вслед за тем Директория предоставила ему командование Рейнской армией.

Он совсем не имел образования, не умел вести себя, ум его был ограниченным, но среди солдат он поддерживал порядок и дисциплину и был ими любим. Атаки он проводил правильно и в должном порядке, хорошо распределял свои колонны, хорошо расставлял резервы и дрался с неустрашимостью. Но все это продолжалось какой-нибудь день. Победитель или побежденный, он к вечеру обычно падал духом – не то по свойству своего характера, не то вследствие малой расчетливости и недостаточной проницательности своего ума.

По своим политическим убеждениям он примыкал к партии Бабефа, то есть к наиболее ярко выраженным анархистам. Он был выбран депутатом в Законодательный корпус в 1798 году, ввязался в интриги, часто бывал смешон. Не было человека, более непригодного, чем он, для политических дискуссий и гражданской деятельности, в которой он, однако, любил

принимать участие. Во времена империи он был герцогом Кастильонским и маршалом Франции.

X

Серюрье, родом из департамента Эн, в начале революции был пехотным майором. Он сохранял все внешние черты и суровость майора, был строг в отношении дисциплины и считался аристократом, за что подвергался многим опасностям, особенно в начале революции. Он выиграл сражение у Мондови, взял Мантую и имел честь видеть, как перед ним проследовал сдавшийся фельдмаршал Вурмзер.

Он был отважен, лично неустрашим, но ему не везло. У него было меньше порывистости, чем у предыдущих, но он превосходил их своими нравственными качествами, мудростью своих политических убеждений и честностью в отношениях с людьми. Он получил почетное назначение отвезти в Директорию знамена, отнятые у эрцгерцога[25] Карла. Впоследствии он стал маршалом Франции, комендантом Дома инвалидов и сенатором.

Глава IV. Восстание в Павии

I. Армия покидает свою стоянку для занятия линии Адидже. – II. Восстание в Павии (24 мая 1796 года). – III. Взятие и разграбление Павии (26 мая). – IV. Причины восстания. – V. Армия вступает на территорию Венецианской республики (28 мая). – VI. Сражение у Боргетто. Переправа через Минчио (30 мая). – VII. Армия прибывает к Адидже (3 июня). – VIII. Описание Мантуи. – IX. Блокада Мантуи (4 июня). – X. Перемирие с Неаполем (5 июня).

I

К началу кампании Мантуя была разоружена. Венский двор надеялся на то, что его армия захватит и сохранит инициативу. Он рассчитывал на победы, а не на поражения, и только после договора в Кераско он распорядился вооружить и снабдить припасами Мантую и крепости в Ломбардии. Среди военных

имеются люди, думающие, что если бы вместо потери времени в Миланской области французская армия продолжала свой марш для оттеснения Болье на ту сторону Адидже, то Мантуя была бы захвачена врасплох.

Но принципиально недопустимо оставлять в тылу у себя такое большое количество больших городов – с населением свыше одного миллиона, не взяв их в свои руки и не обеспечив расположения к себе этого населения. Французы пробыли в Ломбардии только семь-восемь дней. К 22 мая все лагеря были сняты. Эти несколько дней были затрачены с пользой: национальная гвардия была сформирована во всех городах Ломбардии, были обновлены органы власти на местах, спокойствие в стране восстановлено, – все это обеспечивало господство французов.

Генерал Деспинуа принял командование над гарнизоном Милана. Одной бригадой была обложена цитадель. В пехотных и кавалерийских дивизиях были образованы небольшие команды выздоравливающих и переутомившихся для несения гарнизонной службы в наиболее важных пунктах. Команда дивизии Ожеро в 300 человек расположилась в цитадели города Павии, – это считалось достаточным для защиты ее и моста через Тичино.

Поль-Эмиль Бутиньи. Наполеон
во время восстания в Павии.
Италия. 1796 г. *Фрагмент*

II

24 мая главная квартира прибыла в Лоди. Прошло всего два часа после приезда туда главнокомандующего, как пришло известие о восстании в Павии и во всех селениях этой провинции, из которой дивизия Ожеро ушла 20-го. Легкое волнение чувствовалось даже в Милане. Тотчас же с 300 всадниками,

шестью орудиями и батальоном гренадер Наполеон отправился в эту столицу. Он прибыл туда в тот же вечер и нашел спокойствие восстановленным.

Гарнизон цитадели, сделавший вылазку, чтобы способствовать восстанию, был отброшен за валы. Отдельные группы были рассеяны. Главнокомандующий продолжал свой путь на Павию, направив впереди себя архиепископа и во все стороны – агентов с прокламациями, которые должны были просветить крестьян. Архиепископ был старцем 80 лет, из дома Висконти, человеком почтенным и по возрасту, и по характеру, но не имевшим ни ума, ни репутации. Его миссия не имела никакого успеха; он никого не убедил.

Мятежники Павии, намереваясь соединиться с гарнизоном Миланской цитадели, выслали авангард в 800 человек в Бинаско. Ланн его атаковал. Бинаско был взят, разграблен, сожжен. Надеялись, что пожар, который можно было видеть со стен Павии, устрашит этот город. Вышло не так.

В город бросились 8000—10 000 крестьян и сделались там хозяевами. Они были под предводительством фанатиков и австрийских агентов, которых мало заботило, чему может подвергнуться страна. На случай неудачи они имели средства бежать в Швейцарию.

Вечером в Милане было обнародовано воззвание, ночью расклеенное и на воротах Павии:

«Сбитые с толку толпы, не имея действительных средств для сопротивления, в нескольких общинах дошли до крайностей, не признавая республики и доблестной армии, победившей королей. Это непонятное безумие вызывает сострадание: вводят в заблуждение бедный народ, на его погибель. Главнокомандующий, верный принципам, принятым его нацией, – не вести войну с народами, – желает оставить открытой дверь для раскаяния. Но те, кто через 24 часа не сложит оружия, будут считаться бунтовщиками. Их селения будут сожжены.

Пусть грозный пример Бинаско откроет им глаза! Его участь станет участью всех общин, упорствующих в мятеже».

III

26 мая небольшая колонна покинула Бинаско и прибыла в Павию в 4 часа пополудни. Ворота были закрыты. Оказалось, что французский гарнизон капитулировал, и прошло уже несколько часов, как мятежники овладели цитаделью. Этот успех сильно их ободрил. Казалось трудным с 1500 человек и шестью пушками

овладеть восставшим городом с 30 000 населения.

Этот город был обнесен стеной и старой бастионной оградой, находившейся, правда, в очень плохом состоянии, но предохранявшей его от захвата врасплох. Набат раздавался во всех окрестных селениях. Малейший шаг назад увеличил бы беду и вынудил бы призвать армию, находившуюся уже на Олио.

При таких обстоятельствах благоразумие предписывало смелость. Наполеон ускорил штурм. Стрельба шести пушек не смогла разрушить ворота, хотя велась долго. Тем не менее картечь и бомбы согнали крестьян, стоявших на стене, и позволили гренадерам сбить ворота с помощью топоров.

Гренадеры вошли в город беглым шагом, с ружьями наперевес, проникли на площадь и расположились в домах, стоящих по углам улиц. Кавалерийский полуэскадрон двинулся к Тичинскому мосту и произвел удачную атаку. Крестьяне испугались, что их отрежут, бросили город и побежали в поле. Конница преследовала их и многих порубила. Тогда городские власти и знать, во главе с архиепископом Миланским и епископом Павийским, вышли просить о милосердии.

Триста французов, захваченных в плен в цитадели, сами во время суматохи вырвались на свободу и, безоружные, в тяжелом состоянии, прибыли на площадь. Первым движением главнокомандующего было расстрелять этот гарнизон через каждого десятого.

«Трусы, – сказал он им, – я доверил вам пост, чрезвычайно важный для армии, а вы его уступили жалким мужикам, не оказав ни малейшего сопротивления!»

Капитан, командовавший этим отрядом, был арестован, он оказался неумным человеком и сослался в свое оправдание на приказание генерала Гакена. Гакен только что прибыл в Павию из Парижа. Он был арестован мятежниками во время перепряжки почтовых лошадей. Ему приставили пистолет к горлу, угрожая смертью, если он не прикажет цитадели сдаться.

Он уговорил гарнизон сдаться. Но как ни виновен был Гакен, это не оправдывало коменданта форта, который ничуть не был ему подчинен и даже если бы и был подчинен, не должен был исполнять его приказаний с момента его пленения. Поэтому капитан был предан полевому суду и расстрелян.

В городе царил чрезвычайный беспорядок. В нескольких кварталах были зажжены пожары; все же сострадание взяло верх. Грабеж, хотя и продолжался несколько часов, но нагнал больше страха, чем причинил зла. Он коснулся только нескольких ювелирных магазинов, но слухи сильно преувеличили нанесенный ущерб, и это явилось спасительным уроком для всей

Италии. Подвижные колонны, высланные во все селения, произвели общее разоружение.

Со всей Ломбардии были взяты заложники, которых брали из самых знатных семей, даже если на них не ложилось подозрений. Считали, что путешествие во Францию будет полезно для наиболее влиятельных лиц. Через несколько месяцев они вернулись. Многие объехали чуть ли не все наши провинции и офранцузились.

Город Павия расположен в пяти лье от Милана, на Тичино, в двух лье от впадения его в По. В ширину город равен 850 туазам. Окружность его – 2500 туазов. В нем имеется каменный мост через Тичино – единственный на этой реке. Он окружен развалившейся бастионной оградой.[26]

IV

Это восстание приписывали недовольству чрезвычайной контрибуцией в 20 миллионов реквизициями, необходимыми для армии, а возможно, и отдельным притеснениям. Но войска были голы, они заслуживали из-за этого названия бандитов и бродяг, какое давалось им противником. Ломбардцы, итальянцы не считали себя побежденными.

Разбита была армия австрийцев, в которой не было итальянских частей. Ломбардия даже платила особый налог вместо поставки рекрутов. У Венского двора сложилось определенное мнение о том, что из итальянцев нельзя сделать хороших солдат. Это обстоятельство (необходимость жить за счет местных ресурсов) намного замедлило пробуждение общественного сознания в Италии.

Если бы, наоборот, французская армия могла жить на денежные средства Франции, то она с первых же дней сумела бы сформировать итальянские части. Но одно дело – призывать нацию к свободе и независимости, желать, чтобы в ней пробудилось общественное сознание и она создала собственные войска, и другое – отбирать у нее в то же самое время ее важнейшие ресурсы. Для примирения этих противоречий нужен талант.

Вначале были недовольство, ропот, заговоры. Ладья главнокомандующего в побежденной стране лавирует среди утесов. Если он суров, он раздражает народ и умножает число врагов; если он мягок, то порождает надежды, которые в дальнейшем заставляют особенно остро реагировать на злоупотребления и насилия, неизбежно связанные с состоянием

войны.

Как бы то ни было, если бунт при этих обстоятельствах вовремя усмирен и победитель сумел применить одновременно меры строгости, справедливости и мягкости, то этот бунт будет иметь только хорошие последствия, окажется выгодным и явится новой гарантией на будущее.

V

В течение этого времени армия продолжала движение на Олио под начальством Бертье. Главнокомандующий присоединился к ней в Сонсино и 28-го вошел вместе с нею в Брешиа – один из самых больших венецианских городов на материке. Его жители были недовольны господством венецианской знати. Брешиа находится в 11 лье от Кремоны, в 15 – от Мантуи, в 38 – от Венеции, в 24 – от Триента, в 40 – от Милана. Он был покорен Венецианской республикой в 1426 году. В городе Брешиа 50 000 жителей. Во всей провинции насчитывалось 500 000 человек, обитающих частью в горах, частью на богатых равнинах.

Было обнародовано такое воззвание:

«Для освобождения самой прекрасной страны Европы от железного ига тщеславного Австрийского дома французской армии пришлось преодолеть труднейшие преграды. Ее усилия, как того требует справедливость, увенчались победой. Остатки неприятельской армии отступили на ту сторону Минчио. Французская армия, преследуя их, проходит по землям Венецианской республики, но она не забудет о продолжительной дружбе, связывающей обе республики.

Религия, власти и обычаи, а также собственность будут уважаемы. Пусть народ не беспокоится: будет поддерживаться строжайшая дисциплина, и все, что потребуется для армии, будет покупаться за наличные деньги по справочным ценам. Главнокомандующий предлагает официальным лицам Венецианской республики, городским властям и духовенству оповестить об этом население, чтобы доверие сцементировало крепкую дружбу, издавна соединяющую обе нации. Твердо следуя по пути чести, как и по пути победы, французский солдат грозен только для врагов своей свободы и своего правительства».

Сенат выслал к армии своих проведиторов[27], чтобы заверить в своем нейтралитете, и согласился на поставку всего необходимого с условием, что за это будет впоследствии заплачено. Болье, стоя на Минчио, получил значительные

подкрепления. При первом известии о движении армии он перенес свою главную квартиру за Минчио; он хотел обороняться на этой реке с целью воспрепятствовать обложению Мантуи, которая укреплялась с каждым днем и получала все новые припасы.

Не обращая внимания на протесты венецианцев, он захватил крепость Пескиеру и оперся на нее своим правым флангом, которым командовал генерал Липтай. Своим центром он опирался на Валеджио и Боргетто, где расположил дивизию Питтони; дивизия Себоттендорфа заняла позицию в Поццоло, а Колли – в Гоито; гарнизон Мантуи выставил посты в Серральо; резерв под начальством Меласа силою в 15 000 человек находился в Виллафранке, готовый двинуться в любую угрожаемую точку.

VI

29 мая французская армия была расположена левым флангом в Дезенцано, центром – в Монте-Кьяро, правым – в Кастильоне, совершенно пренебрегая Мантуей, которая осталась на ее правом фланге. 30-го с рассветом армия вышла на Боргетто, обманув противника различными маневрами и внушив ему, будто она хочет переправиться через Минчио у Пескиеры, чтобы отвлечь туда его виллафранкский резерв.

Приблизившись к Боргетто, французский авангард обнаружил 3000 человек австрийской и неаполитанской кавалерии на равнине и 4000 пехотинцев, укрепившихся в этой деревне и на высотах Валеджио.

Генерал Мюрат атаковал неприятельскую кавалерию и достиг в этом бою больших успехов. Тут французская кавалерия, находившаяся до тех пор в плохом состоянии, в первый раз удачно померилась силами с австрийской. Она захватила девять пушек, два знамени и 2000 пленных, между ними князя Куто, командующего неаполитанской кавалерией.

Начиная с этого времени французская кавалерия соперничала в подвигах с пехотой. Полковник Гардан со своими гренадерами беглым шагом проник в Боргетто. Противник сжег мост, который было невозможно восстановить под огнем с высоты Валеджио. Гардан бросился в воду. Австрийцы решили, что перед ними грозная колонна, действовавшая на мосту в Лоди; они отступили. Валеджио был взят в 10 часов утра.

Ломбардия в конце XVIII в.

В полдень, закончив исправление моста, французские дивизии переправились через Минчио. Ожеро поднимался по левому берегу, двигаясь на Пескиеру, и занял высоты Кастельнуово. Серюрье следовал за войсками, очистившими Валеджио, в направлении на Виллафранку. Главнокомандующий находился при этой дивизии до тех пор, пока был виден противник, но так как последний избегал вступать в бой, то он возвратился в Валеджио, где было намечено расположить главную квартиру.

Дивизия Массена, которая должна была ее прикрывать, еще не переправилась через мост, готовя обед на правом берегу Минчио. Дивизия Себоттендорфа, услышав канонаду в стороне Валеджио, двинулась туда, поднимаясь вверх по левому берегу Минчио. Ее разъезды прибыли к Валеджио, никого не встретив. Они вошли в местечко и пробрались к дому, где находился главнокомандующий. Охрана едва успела захлопнуть ворота и прокричать о тревоге. Это дало время главнокомандующему вскочить на лошадь и выбраться по садам за селение.

Солдаты Массена опрокинули свои котелки и переправились через мост. Барабанный бой обратил в бегство австрийских гусар. Себоттендорфа преследовали весь вечер; он понес большие потери.

Опасность, которой избежал Наполеон, дала ему почувствовать необходимость образования охраны из отборных людей, специально подготовленных к этой службе и занятых исключительно заботами о его безопасности. Была сформирована

часть, получившая название «гиды». Организация ее была поручена Бессьеру, командиру эскадрона. Этой части тогда же присвоили особое обмундирование, такое же, какое впоследствии было у гвардейских конных егерей; она явилась их зародышем.

В нее зачисляли отборных людей, минимум с десятилетним сроком службы, и часть эта оказала в боях большие услуги. Тридцать-сорок из этих доблестных храбрецов, использованных вовремя, всегда добивались самых решительных результатов. Гиды во время боя были тем, чем впоследствии при императоре сделались дежурные эскадроны, и это легко объяснить, потому что и те и другие были у Наполеона под рукой и он их бросал в дело в наиболее важные моменты.

Бессьер, уроженец Лангедока, начал службу в 22-м конноегерском полку, в армии Восточных Пиренеев. Он был храбр, хладнокровен и сохранял спокойствие под самым сильным огнем. У него были очень хорошее зрение и большой навык в маневрировании конницы. Особенно хорошо руководил он кавалерийским резервом.

В дальнейшем во всех больших сражениях он оказывал величайшие услуги. Он и Мюрат были первыми кавалерийскими начальниками армии, но обладали совершенно противоположными качествами. Мюрат был авангардным начальником, порывистым и кипучим. Бессьер обладал свойствами офицера резерва, полного энергии, но осторожного и рассудительного. Со времени создания отряда гидов ему была поручена исключительно охрана главнокомандующего и главной квартиры. Впоследствии он стал герцогом Истрийским, маршалом империи и одним из маршалов гвардии.

VII

Для прикрытия Италии и осады Мантуи французской армии было необходимо занять линию Адидже и мосты у Вероны и Леньяго. Все попытки проведитора Фоскарелли воспрепятствовать движению на Верону были тщетны. 3 июня Массена овладел этим городом, расположенным в 32 лье от Милана, в 25 – от Венеции, в 16 – от Триента. В Вероне имелось три каменных моста через Адидже; мост Понте-Веккио имел 60 туазов длины и три арки.

В этом городе было 60 000 жителей; он раскинут на большом пространстве, красив, богат, имеет очень здоровый климат. Он подчинился венецианцам в 1405 году. Его крепостная ограда на обоих берегах реки измеряется 6000 туазов. Крепостные форты расположены на высотах, господствующих над левым берегом.

Вооружив Порто-Леньяго, обсервационная армия заняла своим левым флангом высоты Монте-Бальдо, центром – Верону, правым флангом – Нижний Адидже. Она прикрывала, таким образом, осаду Мантуи. Трехцветное знамя развевалось над тирольскими проходами. Теперь следовало ускорить падение Мантуи и отнять у Австрии этот оплот. Надеялись, что управятся с этим до подхода новой австрийской армии, но сколько боев, сколько событий, сколько опасностей предстояло еще испытать!

VIII

Мантуя расположена посреди трех озер, образуемых водами реки Минчио, которая вытекает из озера Гарда у Пескиеры и впадает в реку По близ Говерноло. Она соединялась с сушей посредством пяти дамб. Первая из них, дамба Фаворита, отделявшая Верхнее озеро от Среднего, длиной в 100 туазов, была сооружена из камня. Вдоль этой дамбы находились городские водяные мельницы. В дамбе были сделаны шлюзовые затворы для пропуска вод.

У конца дамбы была расположена цитадель Фаворита – правильный пятиугольник, довольно трудно доступный, так как несколько сторон его могли быть ограждены наводнениями. Шоссе, устроенное на этой дамбе, служило для связи Мантуи с Ровербеллой, а оттуда с Вероной или Пескиерой. Шоссе на дамбе Сен-Жорж[28], длиной в 180 туазов, выходило к предместью того же названия и служило дорогой в Порто-Леньяго.

Это шоссе запиралось каменными воротами; посредине озера были устроены подъемные мосты. По третьей дамбе проходило Пиетольское шоссе. Нижнее озеро имело там ширину всего лишь 80 туазов; пространство же, находившееся между озером и самой крепостью, было занято укрепленным лагерем, обведенным рвами, полными воды, и находившимся под обстрелом из крепостных орудий. Шоссе на четвертой дамбе, у Черезских ворот, вело в Модену.

Оно запиралось каменными воротами. Тут озеро было довольно широко. Наконец, на пятой дамбе проходило Прадельское шоссе; оно было длиной в 200 туазов и служило дорогой в Кремону. Защищалось это шоссе остроугольным верхом, расположенным посреди озера. Таким образом, из всех пяти шоссе на дамбах одно лишь шоссе Фаворита оборонялось цитаделью. Четыре остальных были беззащитны. В результате, заняв выходы этих шоссе, осаждающий мог горстью людей блокировать весь гарнизон Мантуи.

Во время существования Итальянского королевства хотели усовершенствовать эту большую крепость. Чувствовалась необходимость поставить укрепления у выходов со всех дамб. Инженер Шасслу возвел долговременный форт впереди Сен-Жоржского шоссе, другой форт, стоивший несколько миллионов, – впереди Пиетольского шоссе, разрушил шоссе в Череза и соорудил форт впереди Прадельского шоссе. Ныне, таким образом, для блокирования Мантуи надо обложить четыре форта, расположенные у четырех выходов.

Серральо – это местность между Минчио, Мантуей, По и каналом Фосса-Маэстра, выходящим из озера в Мантуе и впадающим в По около Боргофорте. Серральо представляет собой треугольник в 6–7 кв. лье; это – остров. Мантуя нуждалась в гарнизоне по меньшей мере в 12 000 человек; он должен был удерживаться возможно дольше в Серральо, чтобы использовать все его ресурсы (земля там очень плодородна), а также для того, чтобы сохранять свое господство над течением По и иметь возможность вывозить припасы с правого берега этой реки.

Говерноло когда-то был укреплен.

Сан-Бенедеттское аббатство, главная обитель бенедиктинских монахов, лежит на правом берегу По, напротив устья Минчио. Гарнизон Мантуи еще в мирное время устроил в нем госпиталь для выздоравливающих: воздух там очень здоровый.

IX

Осажденные, сознавая, как важно закрепиться в начале каждого из пяти шоссе, с большим напряжением сил возводили там укрепления, но им не дали на это времени. 4 июня сам главнокомандующий прибыл к Сен-Жоржскому предместью, захватил его после довольно сильного боя и отбросил противника в крепость. Противник едва успел развести подъемные мосты на дамбе; опоздай он на несколько минут – участь крепости могла бы быть решена тут же.

Ожеро овладел воротами Череза, преодолев ожесточенное сопротивление. Противник очистил Пиетоле и отступил в остроугольный верк[29]. Теперь, когда осаждавшие овладели въездами на четыре дамбы, противник имел возможность проводить вылазки только через цитадель Фаворита, так что гарнизон сдерживался осаждающей армией меньшей численности. Блокада была возложена на Серюрье. Он расположил свою главную квартиру в Ровербелле, как пункте, наиболее близком к цитадели Фаворита.

Три тысячи человек он поставил вокруг этой цитадели, 600 человек – в Сен-Жорже, 600 – в Пиетоле, 600 – в Череза, 1000 – в Праделле, 2000 человек артиллерии, кавалерии и пехоты в качестве подвижных колонн действовали вокруг озера. Около дюжины баркасов, вооруженных пушками, с командами из французских моряков, крейсировало по озерам. С 8000 человек всех родов войск в строю Серюрье блокировал гарнизон, насчитывавший 14 000 человек, из которых более 10 000 находилось в строю.

Возведение циркумвалационных линий признали ненужным и тем совершили ошибку, но инженеры обнадеживали, что крепость сдастся прежде, чем австрийская армия будет в состоянии прийти к ней на помощь. Без сомнения, эти линии не пригодились бы против Вурмзера, когда он завозил припасы в крепость накануне сражения у Кастильоне.

Наполеон, снявший тогда блокаду и бросивший свой осадный парк, бросил бы также и циркумвалационные линии, но, когда Вурмзер был отброшен в Мантую после сражения у Бассано, вероятно, что, будь там циркумвалационные линии, он не смог бы их форсировать и, пожалуй, сложил бы оружие. Это было во время третьей блокады. Когда же вокруг Сен-Жоржа были возведены циркумвалационные линии, то именно им были обязаны тем, что сдался корпус генерала Провера и был одержан успех в сражении под Фаворита в январе 1797 года.

X

Неаполитанский король, видя, что Верхняя Италия находится под властью французов, выслал в главную квартиру князя Бельмонте с просьбой о перемирии, которое и было подписано 5 июня. Неаполитанская кавалерийская дивизия в 2400 коней покинула австрийскую армию.

Неаполитанский полномочный представитель отправился в Париж для заключения с республикой окончательного мира. Так как неаполитанский король мог выставить 60 000 человек, это перемирие было важным событием, тем более что его государство, удаленное от театра войны, оказывалось по своему географическому положению вне сферы влияния армии, господствующей в Верхней Италии: от По до оконечности полуострова – 200 лье.

Не без труда главнокомандующий добился признания своей политики французским правительством, хотевшим революционизировать Рим, Неаполь и Тоскану, не считаясь с

расстоянием, шансами на успех и соотношением сил. У правительства было ошибочное представление и о местности, и о настроении этих народов, и о силе революционеров. Принципы ведения войны, которых придерживался кабинет, были плохи и неправильны.

Инженерная часть Итальянской армии находилась под командованием полковника Шасслу, произведенного в генералы. Это был один из лучших офицеров инженерного корпуса – неустойчивого характера, но хорошо знающий все тонкости своего искусства.

Леспинасс, начальник артиллерии, был старым офицером, лично храбрым, ревностным служакой.

Доммартен, Сюньи, Сонжис были заслуженными офицерами.

Начальник артиллерии Дюжар, посланный для вооружения ниццкого и прованского побережий, был убит на Тендском перевале альпийскими контрабандистами.

Болье после стольких поражений впал в немилость у своего повелителя и был отозван. Во временное командование австрийской армией вступил Мелас, главная квартира которого находилась в Триенте. Главнокомандующим австрийской армией в Италии был назначен фельдмаршал Вурмзер, командовавший армией Верхнего Рейна.

Глава V. Марш по правому берегу По

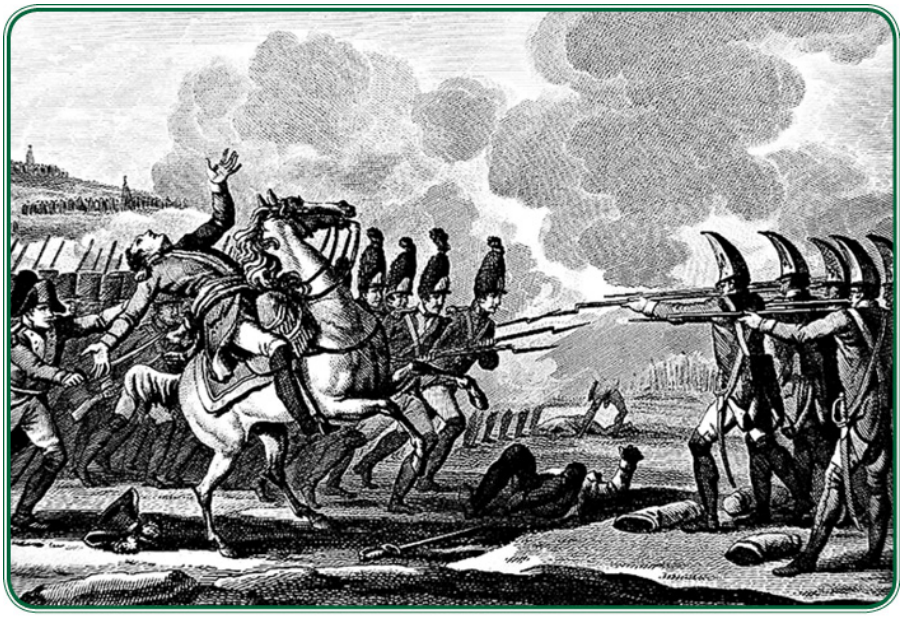
I. Причина движения французов на Апеннины. – II. Возмущение в имперских поместьях. – III. Вступление в Болонью и в Феррару (19 июня 1796 года). – IV. Перемирие с папой (23 июня). – V. Вступление в Ливорно (27 июня). – VI. Наполеон во Флоренции. – VII. Мятеж в Луго. – VIII. Закладка траншеи перед Мантуей (18 июля). – IX. Хорошее положение дел в Пьемонте и в Ломбардии.

I

Армия достигла места своего назначения: она занимала линию Адидже, прикрывая осаду Мантуи и Среднюю и Нижнюю Италию. Она была в состоянии противодействовать австрийским армиям, двинутся ли они через Тироль или через Фриуль. Ей самой нельзя было идти вперед, не взяв Мантуи и не обезоружив государей правого берега По.

Но для осады Мантуи был необходим осадный парк, который армия оставила в Антибе. Тот, что был сформирован из крупнокалиберных пушек, снятых с крепостей Тортона, Кони и Чева, был занят осадой Миланской цитадели; следовательно, нужно было прежде всего ускорить взятие этой цитадели.

Австрийский посланник в Генуе Жерола вызвал мятеж в императорских поместьях и организовал отряды из австрийских солдат, бежавших из плена каждый день, из пьемонтских дезертиров и из пьемонтцев, ставших контрабандистами в результате роспуска легких частей армии. Генуэзская олигархия с одобрением смотрела на все, что этот посланник замышлял против французской армии. Такое положение становилось нетерпимым: дороги от армии в Геную, Савону и Ниццу были перехвачены до такой степени, что батальону в 600 человек пришлось несколько раз вступать в бой, пока он добрался до армии.



Смерть генерала Жубера.
Гравюра XIX в.

Необходимо было лекарство быстрое и сильнодействующее.

Римский двор вооружался. Было бы крайне досадно, если бы его войска усилились еще 5000 англичан, находившихся на Корсике; это создало бы опасную диверсию на правом берегу По в тот момент, когда австрийская армия оказалась бы в состоянии снова наступать.

Следовало поэтому переправиться через По, отбросить армию папы за Апеннины, принудить его к подписанию перемирия, затем перейти через Апеннины, занять Ливорно, изгнать оттуда английскую факторию, сосредоточить в этом городе 500–600 корсиканских беженцев и переправить их для поднятия восстания на Корсику. Это удержало бы там английскую дивизию, так как она занялась бы самообороной.

Фельдмаршал Вурмзер, отбывший с Рейна с 30 000 отборных войск, находился на марше в Италию. Он не мог прибыть туда раньше 15 июля. Следовательно, имелось 30–40 дней, в течение которых можно было без затруднения выделить необходимые отряды с тем, чтобы они возвратились на Адидже к середине июля.

II

7 июня Наполеон прибыл в Милан и распорядился заложить траншею перед цитаделью. Оттуда он отправился 13-го в Тортону и послал колонну в 1200 человек под командованием полковника Ланна к императорским поместьям. Полковник Ланн взял приступом Арквату, расстрелял бандитов, вырезавших французский отряд в 150 человек, разрушил до основания замок маркиза Спинолы, генуэзского сенатора и главного зачинщика мятежа.

В то же самое время адъютант Мюрат отправился в Геную, был введен в Сенат посланником Французской республики в Генуе Фейпу, потребовал и добился смещения губернатора Нови, изгнания из Генуи австрийских агентов и посланника Жерола и размещения отрядов из генуэзских войск на различных этапных пунктах, вменив им в обязанность очистить дороги, сопровождать французские транспорты и восстановить безопасность сообщения.

Генерал Ожеро со своей дивизией переправился через По 14 июня в Боргофорте, в четыре перехода достиг Болоньи и Феррары и овладел обоими этими легатствами, принадлежавшими папе.

Генерал Вобуа сосредоточил в Модене бригаду из 4000 человек и 700 коней.

Из Тортоны Наполеон двинулся через Пьяченцу, Парму, Реджио и 19-го прибыл в Модену. Его присутствие наэлектризовало жителей в двух последних городах, которые громкими кликами требовали свободы. Но перемирие тогда выполнялось регентством строжайшим образом.

Главнокомандующий употребил все свое влияние на то, чтобы удержать этих людей в подчинении их государю. Он принял в Модене участие в празднествах, устроенных в его честь регентством, стараясь внушить ему доверие к себе и вместе с тем создать ему в глазах народа авторитет, в котором оно нуждалось; старый герцог со своими сокровищами уже давно бежал в Венецию.

Шоссе из Модены в Болонью проходит под гласисами форта Урбино, принадлежавшего папе. Этот форт состоял из старых бастионов и выдвинутых вперед верков, он был вооружен, снабжен припасами и оборонялся гарнизоном из 800 человек. Войска дивизии Ожеро, вошедшие в тот же самый день в Болонью, не имели времени овладеть им или блокировать его.

Полковник Виньоль, помощник начальника штаба, отправился туда с 200 гидами и заставил гарнизон сдаться. Вооружение форта состояло из 60 пушек. Половина из них была отправлена в Боргофорте, где находился осадный парк.

III

Дивизия Ожеро захватила в Болонье одного кардинала и 400 человек. Кардинал на честное слово выпросил разрешения отправиться в Рим. Так как он вел себя там плохо, то несколько месяцев спустя генерал Бертье приказал ему возвратиться в главную квартиру. Он ответил в очень изысканном стиле, что грамотой святого отца освобожден от своего слова. Над этим в армии много смеялись.

В Феррарской цитадели оказалось 114 орудий с большим количеством боеприпасов. Сорок из них были посланы в боргофортский парк.

Болонья, или по местному названию Дотта, расположена у подножия Апеннин, на реке Рено. В ней имеется 50 000—60 000 жителей. Болонская Академия наук – самая известная в Италии. Красивые улицы города окаймлены сводчатыми портиками для удобства пешеходов.

Посредством канала город связан с Венецией. Болонья оказывала большое влияние на все три легатства. Все они были недовольны господством пап, незаконным и позорным для всех светских людей. «Что может быть хуже, – говорили они, – чем быть под управлением духовенства? У нас нет родины; нами руководят холостяки, принадлежащие христианству и смотрящие на вещи с ложной точки зрения; их приучают с детства к богословским наукам, менее всего нужным для суждения о светских делах».

Особенно горячо жаждала свободы Болонья. В ней, как и в Брешиа, проживали самые пламенные приверженцы итальянского дела, готовые на все, чтобы оно восторжествовало. Ни в каком другом месте не выражалось французам более искренней симпатии. Этот город сохранил такое настроение.

Вступление армии в город было сплошным триумфом. Капрара, Марескальки и Альдини, депутаты Сената, оказали ей почести. Двое первых принадлежали к лучшим фамилиям страны. Капрара, в то время сенатор, был впоследствии обер-шталмейстером итальянского короля, а Марескальки – министром иностранных дел; Альдини был лучшим адвокатом Болоньи и доверенным лицом Сената. Впоследствии он сделался министром – государственным секретарем Итальянского королевства.

В Болонье в то время находилось 300–400 испанских иезуитов. Они опасались за свою участь, и наиболее зажиточные и молодые из них бежали в Рим. Штаб главнокомандующего успокоил их и распорядился, чтобы с ними обращались с должным почтением. Между ними имелись люди выдающиеся.

В течение тех нескольких дней, которые Наполеон пробыл в

Болонье, этот город совершенно изменил свою физиономию. Никогда революция не меняла с большей быстротой нравы и обычаи народа. Все, кто не принадлежал к духовенству, обрядились в военную форму и нацепили на себя шпагу; да и из духовных лиц многие были увлечены теми же идеями, которые воодушевляли народ.

Город и частные лица устраивали множество празднеств, носивших характер народности и величия, какие впервые видела Италия. Французский главнокомандующий появлялся среди народа постоянно, без охраны, и каждый вечер отправлялся в театр без всякого другого эскорта, кроме болонцев.

IV

Тем временем в Ватикане поднялась тревога. Азара, испанский посланник, снабженный полномочиями папы, поспешно прибыл 23 июня для подписания перемирия, способного успокоить папу. Последний обязался отправить посланника в Париж для заключения с республикой окончательного мира. Перемирие должно было продолжаться до заключения мира. Болонья и Феррара оставались во власти французской армии; армия ставила свой гарнизон в Анкону; папа выплачивал 21 миллион деньгами, доставлял лошадей и зерно и отдавал сто произведений искусства, по выбору французских комиссаров, для отправки в парижский музей.

Военная обстановка была такова, что в предположения Наполеона не могло входить движение на Рим. Однако философы и враги святейшего престола с неудовольствием смотрели на это перемирие. Население Болоньи особенно беспокоилось, как бы ему не пришлось вернуться под власть папы. Но ему легко было объяснить, что теперь, когда условия мира зависели от Франции, мир этот не будет заключен без гарантии его свободы. Получив это обещание, население тотчас же вооружило национальную гвардию.

V

Закончив это важное дело, обеспечивающее спокойствие на флангах армии и содействовавшее привлечению к ней симпатий населения, Наполеон перешел Апеннины и в Пистоне 26 июня присоединился к дивизии Вобуа. Он поселился у епископа, который наделал столько шума своими религиозными взглядами,

соответствовавшими взглядам священников, принесших присягу на верность конституции[30].

Манфредини, премьер-министр великого герцога Тосканского, встревоженный слухами о намерении французской армии пройти через Флоренцию, поспешил в главную квартиру. Его успокоили, и он убедился в том, что французы хотят дружбы с великим герцогом и пересекут его территорию только для того, чтобы пройти в Сиенну. 29 июня, выйдя из Фучекио, Мюрат, командовавший авангардом, круто повернул на Ливорно и через 8 часов уже был там, надеясь захватить врасплох английских купцов, имевших в порту 100 груженых судов, но они были вовремя предупреждены и укрылись в корсиканских портах.

Стены Ливорно строились с расчетом на 8000—10 000 жителей. Торговля шла здесь с таким успехом, что население возросло до 60 000 с лишним человек, и это повело к постройке множества предместий, загромоздивших гласисы. Войти в порт было затруднительно. Рейд был удален от берега и плохо защищен.

Каждый год на нем происходило немало аварий. Ливорно занял место порта Пизы, расположенного в устье Арно – главной тосканской реки. Это морской порт Флоренции, который очень часто посещается англичанами, построившими здесь склады для своих мануфактурных товаров, продуктов из Индии и колоний. Занятие Ливорно и разрушение фактории были очень чувствительны для лондонской торговли.

В Ливорно собрались корсиканские беженцы, прибывшие из Франции, в числе 600 человек. Прервать сообщение с Корсикой было невозможно. В глубь острова проникло множество агентов с воззваниями. Вице-король Эллиот не замедлил это почувствовать; произошел ряд восстаний. Беженцы были влиятельными лицами, а их близость и их письма возбуждали воинственных жителей гор. Последовали кровопролитные бои.

Англичане каждый день теряли много людей и не имели достаточно сил, чтобы удержаться в стране. Можно было не опасаться того, что они будут тревожить итальянское побережье. Наконец, в октябре Джентили и масса корсиканских беженцев высадились на остров, подняли восстание и захватили его, изгнав англичан.

Спанокки, тосканский комендант Ливорно, был очень расположен к англичанам. Некоторые его поступки переполнили чашу терпения; он был арестован и отправлен во Флоренцию, где его передали в распоряжение великого герцога.

Французский консул Бельвилль взял в свое ведение все спорные дела об английских товарах. Несмотря на тучи жуликов,

сбежавшихся из Марселя и Генуи, армейская казна получила 12 миллионов.

Комендантом города был оставлен Вобуа с 2000 человек гарнизона, и все войска направились обратно через Апеннины и По на Адидже для соединения с армией.

VI

Главнокомандующий по приглашению великого герцога отправился из Ливорно во Флоренцию. Он прибыл туда без всякого эскорта и остановился у французского посланника, где его ожидал гвардейский батальон, присланный герцогом в качестве почетного караула. Он остался очень доволен приемом великого герцога и с любопытством осматривал все, заслуживающее внимания в этой большой и старинной столице.

Французские войска два раза проходили через великое герцогство, но вдали от Флоренции. Соблюдалась строжайшая дисциплина, и не было заявлено никаких жалоб. Тосканское правительство призналось в том, что англичане были больше хозяевами в Ливорно, чем оно само, и жаловалось на заносчивость английского резидента.

Во время одного из обедов у великого герцога Наполеон получил известие о взятии Миланского замка, капитулировавшего 29 июня. Громадные башни, остатки дворца Висконти, господствовали над местностью. Несколько орудий, обстреливавших траншеи сверху, задержало устройство подступов на несколько дней.

Гарнизон силою в 2500 человек сдался. В этом замке оказалось 100 орудий. Осадный парк был немедленно отправлен на судах по реке По к Мантуе. Вместе с орудиями, снятыми с замков Урбино и Феррары, составился парк из 200 орудий, хорошо снабженных боеприпасами, который был признан достаточным для осады Мантуи.

После обеда великий герцог повел своего гостя в знаменитую Флорентийскую галерею для осмотра произведений искусства. Наполеон был восхищен Медицейской Венерой. Анатом Фонтана показывал ему превосходные модели человеческого тела из воска, он заказал такие же для Парижа.

Манфредини, мажордом и первый министр великого герцога, был наставником этого государя, так же как и эрцгерцога Карла. Родом он был из Падуи в Венецианском государстве. Он был шефом австрийского полка Манфредини. Это был просвещенный человек, столь же близко воспринявший почти все философские

идеи революции, сколь он был далек от крайностей ее.

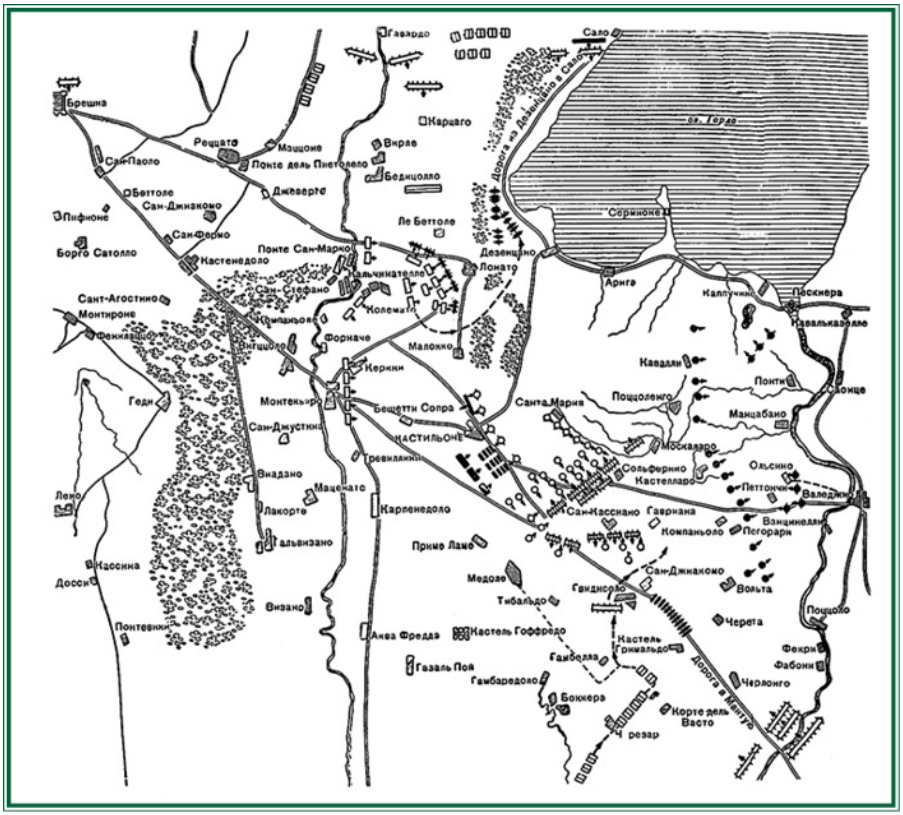
Он всегда боролся с домогательствами Римского двора, который после смерти Леопольда пытался добиться отмены законов этого государя. Это был человек здравого смысла, всеми уважаемый, тайно стремившийся к независимости Италии. В этой стране не было такого благородного сердца или возвышенной души, которые, независимо от сана и положения в обществе, не чувствовали бы невольного стремления пожертвовать самыми дорогими привязанностями ради независимости и восстановления прекрасной Италии.

VII

После краткого пребывания во Флоренции Наполеон отправился в Болонью, где потратил несколько дней на то, чтобы ввести в определенное русло народный порыв к свободе. В Луго поднялся мятеж, были совершены эксцессы против слабого французского отряда. Генерал Бейран двинулся туда со своей бригадой и встретил сопротивление со стороны ворвавшихся в город 4000–5000 крестьян. Он их атаковал, разбил, захватил город, который был разграблен.

Имольский епископ, впоследствии папа Пий VII, в епархии которого произошло возмущение, сделал попытку открыть глаза ослепленному народу. «Воздайте кесарево кесарю, – говорил он. – Иисус Христос велит повиноваться силе». Он высылал даже в Луго епископа Эдесского, тогда своего старшего викария и затем духовника. Успеха он не имел. Мятежники встречали его с почтением, но не подчинялись его уговорам. Они подчинились только силе.

Армия переправилась через По. На правом берегу осталось только несколько жандармских застав и складов. Население было настолько хорошо расположено к армии, что для порядка в тылу достаточно было национальной гвардии. Хотя регентство Модены и было предано противнику, но оно было бессильно; патриоты Реджио и Модены были значительно сильней.



План сражения у Кастильоне и Лонато

VIII

В Мантуе комендантом был Канто-д'Ирль, имевший в своем подчинении генералов Роккавина, Розельмини и Вукассовича с 12 000 человек пехоты, 500 кавалерии, 600 артиллерии, 150 минерами, 100 моряками – всего 14 000 человек. Главная квартира главнокомандующего была переведена из Болоньи в Ровербелла, где находился Серюрье, командовавший блокадным корпусом.

На Нижнем озере плавало несколько французских баркасов. Полковник Андреосси приготовил большое количество судов и надеялся на захват крепости врасплох. Уже 1000 гренадеров были посажены на суда и должны были высадиться в 2 часа утра под батареей и бастионом у дворца, овладеть воротами и опустить подъемные мосты Сен-Жоржского шоссе, по которым армия вошла бы в город.

Этот проект казался вполне осуществимым. Полковник Лагоц,

уроженец Мантуи, должен был вместе с несколькими патриотами идти во главе колонны. Но так как уровень реки По значительно понизился и из Нижнего озера быстро вытекло много воды, то глубина его стала недостаточной для судов. Последние были вынуждены отойти в середину камышовых зарослей, чтобы не быть замеченными из крепости. Здесь ночью они сели на мель, и снять их не смогли.

В следующую ночь воды еще убавилось. Эту экспедицию пришлось бросить. Тогда был возбужден вопрос, закладывать траншею или нет. Тирольская буря готова была вот-вот разразиться. Но Шасслу предложил взять крепость в 15 дней с помощью траншей. Крепость была плохо вооружена, и гарнизон значительно ослаблен. Главнокомандующий решился на это.

Генералы Мюрат и Даллемань переправились через рукав Нижнего озера в Пиетоле, где он очень узок, и после сильного боя овладели незатопляемым участком местности от Пиетоле до дворца и укрепленным лагерем Мильяцетто. 18 июля все естественные препятствия были преодолены, впереди оставался только простой бастион и наполненный водою широкий ров.

Инженерный генерал Шасслу заложил траншею. Осада после этого превратилась в совершенно обыкновенную. 22-го траншея была уже в 50 туазах от контрэскарповой галереи. Противник тщетно пытался несколькими вылазками замедлить продвижение. Стычки были кровопролитными, но противника всегда отбивали, нанося ему потери. Особенно хорошо действовал во главе гренадерского батальона полковник Дюпон – тот самый, который впоследствии отличился в Египте при взятии Каира.

IX

Приближался момент, когда австрийцы могли оказаться в состоянии предпринять наступление. Наполеон, успокоенный относительно хода работ по осаде Мантуи, решил заняться переустройством внутренних дел Ломбардии для того, чтобы обеспечить свой тыл на время борьбы, которая должна была начаться. Он отправился в Милан с тем, чтобы вернуться к моменту наступления. Сардинский король отдал себя целиком в распоряжение республики.

Он сдал все свои крепости. Суза, Экзиль и Демонте срывались. Алессандрия находилась в руках Итальянской армии. В Милане находился сардинский поверенный в делах кавалер Боргезе; но король часто посылал в главную квартиру графа Сен-Марсана или для представления особых разъяснений, или с

просьбой о необходимой помощи для поддержания мира в стране. Сардинские дела не могли быть в более надежных руках.

Характером и личными качествами он нравился главнокомандующему. Граф Сен-Марсан, принадлежавший к одной из лучших фамилий Пьемонта, был в возрасте 25–30 лет. Человек выдержанный, мягкий, просвещенный, он был свободен от всяких предрассудков и потому имел здравый взгляд на вещи. Он был настроен против австрийской политики – чувство, которое он унаследовал от своих предков и вывел из собственного опыта.

Глава VI. Сражение у Кастильоне

I. Прибытие фельдмаршала Вурмзера в Италию во главе новой армии. – II. Положение французской армии. – III. План кампании австрийской армии. – IV. Вурмзер выходит тремя колоннами (29 июля 1796 года): правой – по шоссе в Киезу, центральной – в направлении на Монте-Бальдо, между Адидже и озером Гарда, левой – по долине Адидже. – V. Важное и быстрое решение, принятое Наполеоном. Бой у Сало. Бой у Лонато (31 июля). – VI. Сражение у Лонато (3 августа). – VII. Сдача трех дивизий правого фланга противника и части центра. – VIII. Сражение у Кастильоне (5 августа). – IX. Вторая блокада Мантуи (конец августа). – X. Поведение различных народов Италии при известии об успехах австрийцев.

I

Когда Венский двор узнал о прибытии французов на границу Тироля и об осаде Мантуи, он отказался от наступления, которое предполагал вести в Эльзасе, и выделил фельдмаршала Вурмзера во главе 30 тысяч человек из армии Верхнего Рейна для отправки в Италию. Там эта армия, соединившись с войсками Болье, пополнявшимися в течение двух месяцев, и с гарнизоном Мантуи, возросла до 80 000 человек, не считая больных в Мантуе.

Французская армия, разгромив армию Болье, выполнила возложенную на нее задачу. Если бы рейнские армии сделали то же самое, шедшая в Европе великая борьба была бы закончена.

Между тем слухи о приготовлениях Австрийского дома дошли до венецианских областей; вдобавок купеческие письма постарались их преувеличить: до конца августа австрийцы будто бы овладеют Миланом, французы потеряют полуостров, не смогут уйти к Альпам, и снова оправдается в этом году пословица, что Италия послужит им могилою.

II

Наполеон внимательно следил за всеми этими приготовлениями и сильно тревожился. Он заявлял Директории, что нельзя с одной только 40-тысячной армией сдерживать натиск всех австрийских сил. Он требовал, чтобы либо ему были высланы подкрепления, либо же рейнские армии начали кампанию без промедления. Он напоминал об обещании, данном ему при отъезде из Парижа, что они начнут действовать 15 апреля.

Однако прошло еще два месяца, а они все не выходили со своих зимних квартир. Наконец в июне они открыли кампанию; но подобная диверсия в то время не могла уже принести пользы Итальянской армии: 30 000 человек Вурмзера находились уже на марше, и вскоре ожидалось их прибытие к месту назначения. В таком положении предоставленный самому себе Наполеон сосредоточил на Адидже и на Киезе всю свою армию, оставив только один батальон в Феррарской цитадели, два в Ливорно и этапные команды в Кони, Тортоне, Алессандрии, Милане и Пиццигетоне.

Осада Мантуи вызвала заболевания; хотя в этой нездоровой местности он держал только 7000–8000 человек, то есть две трети гарнизона, – потери все же были значительными. На Адидже в обсервационной армии нельзя было собрать в строю больше 30 000 человек; с таким небольшим числом храбрецов приходилось бороться против главной австрийской армии. Велась очень деятельная корреспонденция между Италией и Тиролем, где сосредоточивался противник.

Каждый день можно было убеждаться в пагубном влиянии этих приготовлений на настроение итальянских народов. Приверженцы французов трепетали, приверженцы Австрии возгордились и стали угрожать, но все изумлялись, что такая держава, как Франция, оставила без поддержки и помощи армию, так хорошо послужившую родине.

Эти пересуды проникли даже в среду солдат вследствие их повседневного общения с жителями. Дивизия Соре стояла на

позиции в Сало, прикрывая местность между озерами Идро и Гарда и перехватывая дорогу из Триента в Брешиа по Киезской долине. Массена, расположившись в Буссоленго, занимал Корону и Монте-Бальдо бригадой Жубера, другая часть его дивизии стояла лагерем на Риволийском плато.

Бригада Даллеманя из дивизии Деспинуа охраняла веронские мосты, другая бригада этой дивизии охраняла Адидже до Порто-Леньяго, дивизия Ожеро занимала Порто-Леньяго и Нижний Адидже. Генерал Гильом был комендантом Пескиеры, где шесть галер под начальством капитана 2-го ранга Лаллемана господствовали на озере Гарда. Серюрье вел осаду Мантуи. Кильмен командовал кавалерией армии, Доммартен – артиллерией. Главная квартира была перенесена в Кастельнуово, вблизи Адидже, Киезы и Мантуи.

Жан-Виктор Адам. Сражение у Кастильоне

III

Вурмзер перенес свою главную квартиру в Триент и сосредоточил всю армию в итальянском Тироле. Он разделил ее на три корпуса. Левому, под командованием генералов Давидовича, Мессароша и Митровского, силою в 20 000 человек, была назначена для движения долина Адидже: Мессарош должен был следовать по шоссе левого берега и проникнуть в Верону по высотам; Давидович и Митровский, с кавалерией и артиллерией, должны были переправиться через Адидже по мосту,

сооруженному у Дольче, и двинуться на Коссариа.

Центр, силою в 30 000 человек, под командованием Вурмзера (в составе четырех дивизий – генералов Меласа, Себоттендорфа, Баялича и Липтая), должен был проникнуть в Италию через Монте-Бальдо и местность между Адидже и озером Гарда. Правый, в составе 20 000 человек, под начальством Кваждановича, Отта, князя Рейсса и Очкая, должен был пройти через Киезу, двинуться на Брешиа и обойти всю французскую армию, отрезая ее от Милана и тем самым от путей отступления.

Полное ее поражение должно было явиться следствием этой искусно задуманной комбинации. Рассчитывая на свое громадное превосходство, Вурмзер думал не просто победить, но использовать победу целиком и сделать ее решительной и роковой для противника.[31]

IV

Едва прошло несколько дней со времени прибытия Наполеона в Милан, как он узнал о движении противника из Тироля. Поспешно он отправился в Кастельнуово, в свою главную квартиру. В этом небольшом местечке он находился недалеко от Монте-Бальдо и Вероны. 29 июля утром он узнал, что Корона была атакована большими силами, что легкие войска генерала Мессароша вышли на веронские высоты на левом берегу Адидже и многочисленные колонны спускаются по Рокка-д'Анфо.

В течение всей ночи донесения ежечасно следовали одно за другим. Стало известно, что Жубер, атакованный при Короне, весь день оказывал сопротивление, но вечером отошел на Риволийское плато, которое Массена занимал крупными силами; что австрийские бивачные огни покрывают всю местность между озером Гарда и Адидже; что на веронских высотах вся дивизия Мессароша соединилась со своими легкими силами.

Со стороны Брешиа Кваждановичь, вышедший по долине Киезы, разделил свои войска на три колонны: одна прикрывала высоты Сант-Озетто[32], по-видимому, направляясь на Брешиа; другая заняла позицию у Гавардо и угрожала движением на Понте-Сан-Марко и Лонато; третья пошла на Сало, где вела бой с 3 часов дня. На рассвете 30-го было получено донесение о том, что сантозеттская колонна проникла в Брешиа, где не встретила никакого сопротивления, захватив там в плен четыре роты, оставленные для охраны госпиталей.

Одна из дорог, связывающих армию с Миланом, оказалась, таким образом, перехваченной; оставалась лишь единственная –

Кремонская. На всех дорогах из Брешиа в Милан, в Кремону, в Мантую появились разъезды, распускавшие слухи о том, что одна армия, в 80 000 человек, вышла через Брешиа, а другая армия, в 100 000 человек, – через Верону, что Соре, боясь оказаться отрезанным от Брешиа и от армии, отошел на высоты Дезенцано, оставив у Сало генерала Гюйо с 15 000 человек, в старинном замке, своего рода крепости, обеспеченной от захвата врасплох, что гвардской колонной противника выслано несколько разъездов на Пон-те-Сан-Марко, но что они там задерживаются ротой егерей, охраняющей этот мост.

V

План Вурмзера теперь был раскрыт. Он захватил и рассчитывал сохранить инициативу. Он предполагал, что армия стоит неподвижно вокруг Мантуи и что, окружив этот пункт, он окружит тем самым и французскую армию. Чтобы расстроить этот план, следовало вырвать у него инициативу, сделать армию подвижной, сняв осаду Мантуи, пожертвовав траншеями и осадным парком для того, чтобы быстро двинуться всей армией на один из корпусов противника и затем последовательно обрушиться на оба остальных.

Австрийцев было по два с половиной человека на одного француза, но если бы их корпуса были атакованы по отдельности всей французской армией, то эта армия имела бы на поле сражения численное превосходство. Правый корпус – Кваждановича, вышедший из Брешиа, – находился, как казалось, в наиболее трудном положении. Наполеон двинулся сначала против него.

Дивизия Серюрье сожгла осадные лафеты и платформы, побросала порох в воду, зарыла в землю снаряды, заклепала орудия и в ночь с 31 июля на 1 августа сняла осаду Мантуи. Дивизия Ожеро направилась из Леньяго на Минчио, в Боргетто. Войска Массена защищали весь день 30-го высоты между Адидже и озером Гарда. Бригада Даллеманя была двинута на Лонато.

Наполеон отправился на высоты позади Дезенцано, приказав Соре вновь двинуться к Сало на выручку генералу Гюйо, попавшему под удар на плохой позиции, где Соре его оставил. Гюйо дрался там 48 часов против целой неприятельской дивизии, которая пять раз бросалась на штурм и пять раз была отражена. Соре прибыл как раз в ту минуту, когда противник напрягал последние усилия. Он обрушился на фланги, разгромил его, захватил знамена, пушки и пленных.

В то же самое время австрийская дивизия генерала Очкая из Гавардо двигалась на Лонато, чтобы занять позицию на высотах и войти в связь с Вурмзером на Минчио. Наполеон сам повел против нее бригаду Даллеманя. Бригада проявила чудеса храбрости. Очкай был обращен в бегство и понес большие потери. Остатки этих двух дивизий, разбитых Соре и Даллеманем, стягивались в Гавардо. Соре опасался поставить себя под удар и снова занял промежуточную позицию между Сало и Дезенцано.

Тем временем Вурмзер распорядился переправить через Адидже свою артиллерию и кавалерию. Владея всей местностью между Адидже и озером Гарда, он расположил одну из своих дивизий на высотах Пескиеры, чтобы прикрыть эту крепость и охранять свои коммуникации. Две другие дивизии, с частью кавалерии, он направил на Боргетто для овладения мостом через Минчио и для выхода на Киезу с целью войти в связь со своей правой колонной.

С двумя последними дивизиями пехоты и оставшейся кавалерией он двинулся на Мантую, чтобы заставить снять осаду этой крепости. Но она была снята уже 24 часами ранее. Он нашел траншеи и батареи еще целыми, орудия перевернутыми и заклепанными, повсюду – обломки лафетов, платформ и различного снаряжения. Поспешность, вызвавшая, как казалось, эту меру, должна была его обрадовать; все, что видел здесь Вурмзер, казалось, говорило больше об испуге, чем о заранее рассчитанном плане.

Массена, сдерживавший противника весь день 30-го, ночью переправился в Пескиере через Минчио и продолжал свое движение на Брешиа. Австрийская дивизия, показавшаяся перед Пескиерой, нашла правый берег Минчио усыпанным стрелками, высланными из гарнизона и из арьергарда Массена под командованием Пижона, имевшего приказание противодействовать переправе через эту реку и, когда она все же будет форсирована противником, сосредоточиться к Лонато.

Ожеро, двигаясь на Брешиа, переправился в Боргетто, уничтожил мост и оставил арьергард для занятия правого берега, приказав ему сосредоточиться к Кастильоне, когда противник форсирует реку. Всю ночь с 31 июля на 1 августа Наполеон двигался с дивизиями Ожеро и Массена на Брешиа, куда прибыл в 10 часов утра.

Дивизия противника, узнавшая, что французская армия движется на нее по всем дорогам, поспешно отступила. Войдя в Брешиа, она застала там 500 больных французов, но оставалась в Брешиа так недолго и была вынуждена уйти столь поспешно, что у нее не хватило времени ни обнаружить их, ни распорядиться

ими.

Генерал Деспинуа и помощник генерала Эрбен, каждый с несколькими батальонами, стали преследовать противника в направлении на Сант-Озетто и Киезу. Тогда Наполеон с двумя дивизиями – Ожеро и Массена – повернул обратно и быстрым контрмаршем двинулся от Минчио на Киезу, откуда раньше вышли обе эти дивизии, чтобы поддержать свои арьергарды, сделавшиеся в результате контрмарша авангардами.

Ожеро в бою. *Гравюра XIX в.*

VI

2 августа Ожеро, на правом фланге, занял Монте-Кьяро; Массена, в центре, стал у Понте-Сан-Марко, держа связь с Соре, занимавшим на левом фланге высоту между Сало и Дезенцано с повернутым назад фронтом, чтобы сдерживать уже дезорганизованный правый фланг Квадановича.

Тем временем арьергарды, оставленные Ожеро и Массена на Минчио, отходили перед дивизиями противника, форсировавшими переправы через эту реку. Арьергард Ожеро, имевший приказание сосредоточиться у Кастильоне, бросил свой пост раньше времени и вернулся в беспорядке к своим главным силам.

Командовавший им генерал Валетт был смещен с должности перед строем за то, что не обнаружил в этом случае должной твердости. Что касается генерала Пижона, то он с арьергардом Массена достиг Лонато в полном порядке и расположился там. Противник, воспользовавшись оплошностью генерала Валетта, овладел Кастильоне 2 августа и там укрепился.

3 августа произошло сражение у Лонато. Оно было дано двумя дивизиями Вурмзера, переправившегося через Минчио по мосту у Боргетто, в том числе дивизией Липтая, и одной из бригад дивизии Баялича, которую он оставил перед Пескиерой. Вместе с кавалерией силы австрийцев равнялись 30 000 человек. У французов было 20 000—23 000 человек. Исход дела был предрешен. Вурмзер с двумя пехотными дивизиями и кавалерией, которые он повел в Мантую, а тем более Кважданович, который уже отступал, не могли здесь находиться.

Утром, на рассвете, противник двинулся на Лонато, который был им стремительно атакован. Здесь он надеялся установить связь со своим правым флангом, о котором он начинал беспокоиться. Авангард Массена был сбит, Лонато взят. Главнокомандующий, находившийся в Понте-Сан-Марко, стал во главе войск.

Австрийский главнокомандующий слишком растянул свои войска, упорствуя в стремлении продвинуть правый фланг, с тем чтобы открыть себе коммуникации с Сало, и поэтому его фронт был прорван в центре. Лонато был вновь взят с ходу, и неприятельская линия разрезана надвое. Одна часть отошла на Минчио, другая бросилась к Сало; но, поражаемая с фронта генералом Соре, который вышел ей навстречу, а с тыла – генералом Сент-Илером, окруженная со всех сторон, она была вынуждена сложить оружие.

Если французы были атакованы в центре, то сами они атаковали правый фланг. Ожеро атаковал дивизию Липтая, прикрывавшую Кастильоне, и опрокинул ее после упорного боя, в котором мужество солдат компенсировало малую их численность. Противник потерял Кастильоне и отступил на Мантую, откуда к нему подоспели подкрепления, но уже после того, как сражение было окончено. Дивизия Ожеро потеряла много храбрых бойцов в этом упорном бою. Армия особенно сожалела о генерале Бейране и полковнике Пурайе, весьма выдающихся офицерах.

VII

Кважданович ночью получил сообщение об исходе

Лонатского сражения. Весь день он слышал оттуда пушечную пальбу. Его положение становилось очень затруднительным: соединение с главными силами армии стало невозможным. К тому же он думал, что французские дивизии, действовавшие против него 2 августа, продолжают все время идти за ним, и это делало французскую армию в его представлении огромной.

Ему казалось, что она находится повсюду. Вурмзер из Мантуи направил часть своих войск к Маркарии для преследования Серюрье и потерял время, пока повернул их назад к Кастильоне. 4 августа ему не удалось этого сделать. Он потратил весь день на сбор и приведение в порядок своих частей, дравшихся под Лонато, и снабжение боевыми припасами своей артиллерии.

Наполеон в 2 или в 3 часа пополудни провел разведку боевой линии, занимаемой австрийской армией. Она показалась ему грозной: на ней находилось еще 25 000—30 000 бойцов.

Он приказал укрепить Кастильоне, внес исправления в занятую Ожеро позицию, которая была дурной, и отправился в Лонато для того, чтобы лично наблюдать за движением своих войск, которые чрезвычайно важно было ночью сосредоточить вокруг Кастильоне. Весь день Соре и Эрбен с одной стороны, Даллемань и Сент-Илер – с другой безостановочно преследовали три дивизии правого фланга противника и дивизии, отрезанные от центра в сражении у Лонато.

На каждом шагу они захватывали пленных. Батальоны в полном составе складывали оружие – одни в Сант-Озетто, другие в Гавардо, многие разбрелись, не зная, что делать, по соседним долинам. 4000–5000 человек из них, узнав от крестьян, что в Лонато только 1200 французов, направились туда – в надежде пробить себе дорогу на Минчио. Было 5 часов вечера. Наполеон тоже въехал в Лонато с другой стороны, двигаясь из Кастильоне.

К нему привели парламентера. В то же время донесли, что неприятельские колонны двигаются через Понте-Сан-Марко с целью занять Лонато и требуют сдачи этого города. Между тем Сало и Гавардо все время оставались в руках французов. Было очевидно, что это могли быть только заблудившиеся колонны, пытавшиеся пробиться. Наполеон приказал своему многочисленному штабу сесть на коней, затем привести к нему офицера-парламентера и развязать ему глаза среди шумного движения главной квартиры. «Скажите своему генералу, – заявил ему Наполеон, – что я даю ему восемь минут срока для того, чтобы сложить оружие; он очутился среди всей французской армии. По прошествии этого времени пусть не надеется больше ни на что».

Измотанные и проплутавшие в течение трех дней, не

уверенные в себе, не знавшие, что делать, убежденные, что крестьяне их обманули, эти 4000–5000 человек сложили оружие. Один этот эпизод может дать понятие о беспорядке и смятении в австрийских дивизиях, разбитых у Сало, у Лонато, у Гавардо, преследуемых во всех направлениях и почти уничтоженных. Весь остаток дня 4-го и вся ночь прошли в сборе всех войсковых колонн и сосредоточении их в Кастильоне.

VIII

5-го до рассвета французская армия, силою в 20 000 человек, заняла кастильонские высоты – прекрасную позицию. Дивизия Серюрье, силой в 5000 человек, получила приказание выступить из Маркарии, сделать ночной переход и обрушиться утром с тыла на левый фланг Вурмзера. Пушечные выстрелы Серюрье должны были служить сигналом для начала общего сражения. От этой внезапной атаки ожидали большого морального эффекта, и чтобы сделать его еще более чувствительным, французская армия притворилась отступающей.

Но как только она услышала первые звуки канонады обходной колонны Серюрье, замещенного вследствие его болезни генералом Фиореллой, армия быстро двинулась вперед и обрушилась на противника, уже поколебленного в своей уверенности и растратившего свой первый порыв. Медольский холм[33], находящийся среди равнины, являлся опорным пунктом левого фланга противника. Помощнику генерала Вердье было поручено его атаковать; адъютант Мармон направил туда несколько артиллерийских батарей.

Холм был взят. Массена атаковал правый фланг, Ожеро – центр, Фиорелла ударил с тыла на левый фланг; легкая кавалерия внезапно атаковала главную квартиру и едва не захватила в плен самого Вурмзера. Противник повсюду начал отступать. Только чрезвычайное утомление французских войск спасло армию Вурмзера, в беспорядке бросившуюся на левый берег Минчио, в надежде сосредоточиться на нем и удержаться. Здесь ей было выгодно оставаться, так как сохранялись коммуникации с Мантуей.

Но дивизия Ожеро двинулась на Боргетто, а дивизия Массена – на Пескиеру. Генерал Гильом, комендант этой крепости, имевший только 400 человек гарнизона, замуровал ворота. Пришлось потерять несколько часов, пока их пробили. Австрийские войска, блокировавшие Пескиеру, были свежие. Они долго держались против 18-й линейной полубригады, которой

командовал полковник Сюше, но были наконец отброшены, потеряли 18 пушек и много пленных.

Главнокомандующий двинулся с дивизией Серюрье к Вероне, куда прибыл 7-го ночью. Вурмзер распорядился закрыть ворота, желая выиграть ночь для эвакуации своего обоза, но Наполеон приказал сбить их пушечными выстрелами и овладел городом. Австрийцы понесли много потерь.

Дивизия Ожеро, встретив затруднения в устройстве переправы у Боргетто, перешла по Пескиерскому мосту. Вурмзер, потеряв линию Минчио, попытался сохранить важную позицию Монте-Бальдо и Рокка-д'Анфо. Генерал Сент-Илер атаковал Квазданович в долине Идро, 12 числа овладел Рокка-д'Анфо, Лодроне, Рива и захватил много пленных.

Это заставило австрийцев сжечь свою озерную флотилию. Массена двинулся на Монте-Бальдо и 11 числа снова взял Корону. Ожеро поднялся вверх по левому берегу Адидже, следуя по горным хребтам, и дошел до высоты Алла. Бои и маневр этих трех дивизий дали 2000 пленных и несколько пушек.

После проигрыша двух таких сражений, как у Лонато и Кастильоне, Вурмзер должен был понять, что он не может более мешать французам в занятии позиций, которые они сочтут для себя необходимыми. Он отступил в Роверето и Триент.

Сама французская армия тоже нуждалась в отдыхе.

Австрийская армия после своего поражения все еще состояла из 40 000 человек, но отныне один батальон Итальянской армии обращал в бегство четыре неприятельских, и повсюду французы захватывали пушки, пленных и предметы военного снаряжения. Вурмзер, правда, снабдил припасами гарнизон Мантуи.

Он вывел оттуда бригады Рокковина и Вукассовича, которые заменил свежими войсками, но он увел с собой обратно только половину своей прекрасной армии, притом ничто не может сравниться с деморализацией этой армии и потерей ею боеспособности после понесенных неудач, за исключением разве крайней самоуверенности, которая возбуждала ее в начале кампании.

План австрийского главнокомандующего, который мог быть осуществлен при других обстоятельствах и против другого человека, чем его противник, должен был неизбежно привести к печальному исходу. Хотя, на первый взгляд, поражение этой большой и прекрасной армии в течение нескольких дней, казалось, следовало бы приписать только искусству Наполеона, который все время импровизировал, противопоставляя свои действия заранее намеченному общему плану, – все же нужно признать, что этот план имел порочную основу.

Всегда бывает ошибочно действовать отдельными корпусами, не имеющими между собой никаких коммуникаций, против сосредоточенной армии, части которой имеют между собой хорошую связь. Правый корпус австрийцев мог сообщаться с центром только через Роверето и Ледро.

Другой ошибкой было подразделение правого фланга на несколько колонн и назначение различных целей различным его дивизиям. Та, которая прошла к Брешиа, не нашла противника, а та, которая достигла Лонато, имела дело с войсками, бывшими накануне в Вероне перед левым флангом, который в это время входил в Веронскую область и никого больше не имел перед собой.

В австрийской армии были очень хорошие войска, но были также и плохие. Все, что пришло с Вурмзером с Рейна, было превосходно, но кадры бывшей армии Болье, столько раз битые, были деморализованы. В боях и сражениях с 29 июня по 12 августа французская армия взяла 15 000 пленных, 70 пушек и девять знамен; убитых и раненых у противника было 25 000 человек. Потери французской армии равнялись 7000 человек, из которых 1400 попали в плен, 600 были убиты и 5000 ранены, половина из них – легко.

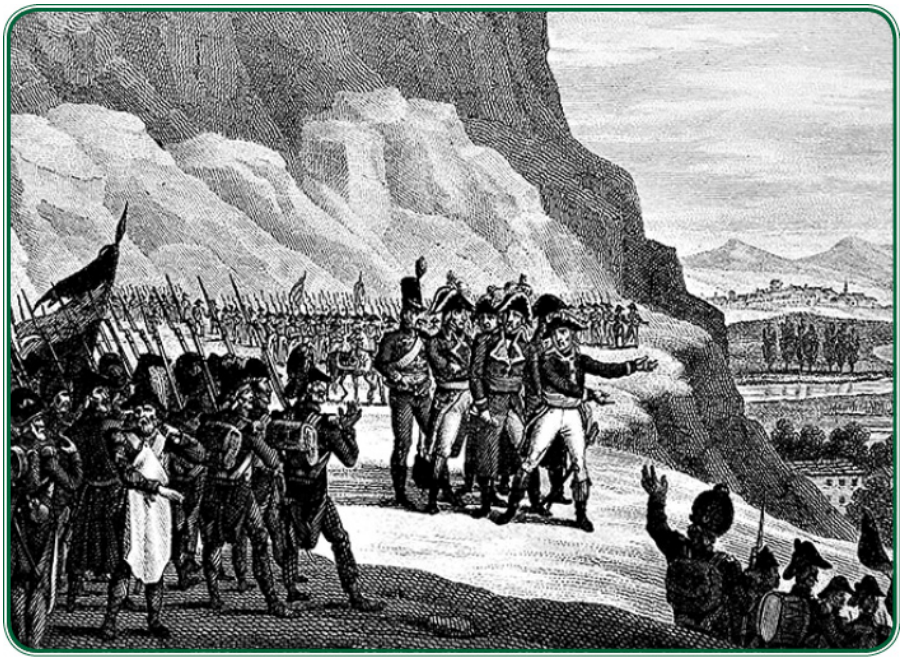
IX

Гарнизон Мантуи первые дни после снятия осады потратил на разрушение возведенных противником сооружений, на увоз оставленных орудий и боеприпасов. Быстрое поражение Вурмзера вернуло французов к крепости. Потеря осадного парка лишила их возможности продолжать осаду. Потеря этого парка, созданного с большими трудностями из орудий, собранных в различных крепостях Италии, была весьма чувствительна.

Впрочем, закладка и обслуживание траншей были бы слишком опасны для войск в это время года, когда все возрастало число жертв дурного климата. Наполеон не стал создавать другой осадный парк, который был бы готов только к тому времени, когда новые события могли привести к новой потере его, заставив снять осаду вторично. Он удовлетворился простой блокадой. Это было возложено на генерала Саюге. Он атаковал Говерноло и приказал генералу Даллеманю атаковать Боргофорте.

24 августа в его власти был весь Серральо. Он отбросил противника в крепость и сжал кольцо блокады. Им было увеличено число редутов и прочих сооружений на контрвалационной линии. С каждым днем численность его войск

уменьшалась от убийственной лихорадки, и в армии с ужасом предвидели рост потерь в осеннее время. Правда, гарнизон был подвержен тем же заболеваниям, однако он был лучше укрыт в домах и пользовался большими удобствами, чем осаждающие.



Прибытие Наполеона в Италию.
Гравюра XIX в.

X

При первых же слухах о неудачах французской армии население Италии обнаружило, на чью сторону оно втайне склонялось. Партия приверженцев противника зашевелилась больше всего в Кремоне, в Казаль-Маджиоре и в Павии, но вообще в Ломбардии преобладало хорошее настроение. Особенно в Милане народ проявил большое постоянство. За это он с тех пор пользовался доверием Наполеона, давшего ему оружие, о чем Милан не переставал настойчиво просить и которое он сумел хорошо использовать. Несколько времени спустя Наполеон писал миланцам:

«Когда французская армия начала отходить, а приверженцы Австрии и враги итальянской свободы считали ее безвозвратно погибшей, когда вы сами не могли подозревать, что этот отход

был лишь хитростью, – вы выказали привязанность к Франции и любовь к свободе. Вы проявили усердие и силу характера, вызвавшие к вам уважение в армии, и за эти заслуги вы будете взяты под покровительство республики. С каждым днем ваш народ становится все больше достойным свободы, с каждым днем в нем увеличивается запас энергии, и он, без сомнения, в один прекрасный день выступит со славой на мировой арене. Примите выражение моего удовлетворения и искренние пожелания французского народа видеть вас свободными и счастливыми».

Население Болоньи, Феррары, Реджио и Модены выказало живой интерес к судьбе французов. Известия об их неудачах были приняты с неудовольствием, а известия об их победах, наоборот, встречались восторженно. Парма сохранила верность, но регентство Модены проявило враждебность. В Риме французы подвергались оскорблениям на улицах.

Выполнение условий перемирия было приостановлено. Кардинал Маттеи, архиепископ Феррары, проявил свою радость по случаю снятия осады Мантуи. Он призвал народ к восстанию, завладел Феррарской цитаделью и поднял над ней флаг церкви. Папа тотчас же послал туда легата. Думали, что французы уже по ту сторону Альп. После сражения у Кастильоне кардинал Маттеи был вызван в Брешиа.

Введенный к главнокомандующему, он отвечал на все одним словом: «Peccavi!»[34]; это обезоружило победителя, удовольствовавшегося заключением его на три месяца под домашний арест в семинарии. Впоследствии этот кардинал был полномочным представителем папы в Толентино.[35] В вознаграждение за хорошее поведение Ожеро в сражении у Лонато, где он командовал правым флангом и руководил атакой Кастильоне, впоследствии получил титул герцога Кастильонского. Сражение у Лонато – самый блестящий подвиг в жизни этого генерала. Наполеон о нем никогда в дальнейшем не забывал.

Глава VII. Маневрирование и бои между Мичино и Брентой

I. Расположение австрийской армии в Тироле к 1 сентября 1796 года. – II. Сражение у Роверето (4 сентября). – III. Вурмзер спускается в равнины Бассано. – IV. Бои у Примолано, Каволо, Чисмоне (7 сентября). Французская армия форсирует ущелья Бренты. – V. Бой у

Вероны (7 сентября). – VI. Сражение у Бассано (8 сентября). – VII. Вурмзер переправляется через Адидже по мосту Порто-Леньяго (11 сентября). – VIII. Сражение у Сен-Жоржа (15 сентября). Вурмзер запирается в Мантуе. – IX. Третья блокада Мантуи.

I

Армии Самбро-Маасская и Рейнско-Мозельская переправились, наконец, через Рейн. Они быстро двинулись в сердце Германии; первая достигла реки Регниц, вторая – реки Лех. Вурмзер, получив 20 тысяч рекрутов, находился в Тироле. Он перешел в наступление, намереваясь с 30 000 человек пройти из Триента на выручку Мантуи, следуя по ущельям Бренты, через Бассано и вдоль нижнего течения Адидже и оставив Давидовича с 25 000 человек для охраны Тироля.

Наполеон понял всю важность отвлечения на себя австрийской армии, чтобы помешать ей выделить какие-либо силы против приближавшейся к равнинам Баварии Рейнской армии. Как только он распознал замысел Вурмзера, он решил немедленно перейти в наступление и разбить его по частям, захватив врасплох и закончив тем самым разгром этой армии, причинившей ему столько хлопот, за которые она была еще недостаточно наказана поражениями при Лонато и Кастильоне.

Генералу Кильмену с отрядом в 2500–3000 человек всех родов войск было поручено охранять Адидже, прикрывая блокаду Мантуи, которая велась под командованием генерала Саюге. Кильмен занимал равнины Вероны и Порто-Леньяго. Часть веронской стены на левом берегу Адидже была восстановлена, и форты могли выдерживать осаду. В инструкциях, данных Кильмену, были предусмотрены все события, которые последовали.

II

1 сентября Вурмзер со своей главной квартирой был еще в Триенте, а Давидович – в Роверето. Он прикрывал Тироль дивизией Вукассовича, расположенной в Марко с авангардом в Серравалле и аванпостами в Алла, и дивизией Рейсса, расположенной в Мори, на правом берегу Адидже, с авангардом у моста в Череа и аванпостами в Лодроне.

Резерв Давидовича стоял на превосходной позиции Калиано

за Роверето. Три дивизии и кавалерийские резервы, с которыми Вурмзер хотел действовать на Адидже, находились на марше между Триентом и Бассано, дивизия Мессароша – около этого города, дивизии Себоттендорфа – в Ровиго и Маньяно и дивизия Квадановича – у Авичио.

Дивизия Вобуа, образуя левый французский фланг, двинулась в тот же день, 1 сентября, из Лодроне и поднялась вверх по Киезе, следуя по шоссе, ведущему в Триент. Дивизия Массена, кавалерийский резерв и главная квартира переправились через Адидже по мосту Поло, направляясь по шоссе левого берега. Дивизия Ожеро, вышедшая из Вероны, двигалась во второй линии по тому же шоссе, занимая легкой пехотой главный хребет гор, господствующих над долиной левого берега Адидже.

Тироль является одним из самых старинных владений Австрийского дома; население его до конца предано этому дому. Трентино, его южная часть, называемая Итальянским Тиролем, была под управлением епископа – триентского владетеля. Из Триента в Италию ведут три шоссе: одно в Бассано, по берегу Бренты, одно в Верону, через Роверето, по левому берегу Адидже, и одно в Брешиа.

Пересекая реку Сарка и обходя затем озеро Гарда, оно в дальнейшем следует по Киезе и проходит Рокка-д'Анфо. Шоссе Веронское и Бассанское соединяются поперечной дорогой, так что для перехода с одного на другое нет надобности добираться до Триента, являющегося узлом дорог.

Князь Рейсс хотел оборонять мост через Сарку, но генерал Сент-Илер, командующий авангардом дивизии Вобуа, энергично атаковал его и захватил с хода, взял большое число пленных и преследовал противника по пятам до Мори. Со своей стороны генерал Пижон, командующий авангардом Массена, сбил авангард Вукассовича в Серравалле, преследовал его до Сан-Марко и захватил несколько сот пленных.

Обе армии 4 сентября на рассвете оказались одна перед другой, каждая на обоих берегах Адидже. Атака была стремительная, сопротивление – упорное, но едва только австрийские ряды заколебались, Наполеон приказал генералу Дюбуа броситься в атаку с 300 человек конницы. Атака Дюбуа была успешна, но сам он, пронзенный тремя пулями, пал в бою. Это был храбрый офицер, отличившийся в предшествовавших кампаниях на Рейне.

Армия вошла в Роверето на плечах противника, которому удалось собраться лишь в ущелье перед Калиано – на очень сильной позиции. Здесь Адидже стиснута между отвесными горными вершинами. Ущелье не достигает и 40 туазов ширины;

фортификационные сооружения и стена, поддерживаемые многочисленными батареями, преграждали вход.

Генерал Давидович с резервом был на позиции. Генерал Доммартен выставил одну легкую батарею, простреливавшую ущелье насквозь. В горах начали наступать стрелки и добились там некоторого успеха. Девять батальонов в сомкнутой колонне устремились в теснину, ударили на противника и опрокинули его. Артиллерия, кавалерия, пехота перемешались. Было захвачено 15 пушек, семь знамен, 700 пленных.

Со своей стороны генерал Вобуа форсировал лагерь Мори и, преследуя противника, поднимался вверх по правому берегу реки в направлении на Триент. Лемаруа, адъютант главнокомандующего, был тяжело ранен в отважной и блестящей атаке у Роверето. Этот горячий молодой человек, родом из департамента Ламанш, отличился в Париже в дни вандемьера.

Армия продолжала двигаться часть ночи. 5-го днем она вошла в Триент. Вечером дивизия Вобуа продвинулась дальше и заняла позицию на Авичио, в трех лье от Триента; остатки войск Давидовича стояли на позиции позади этой реки. Наполеон приказал начальнику кавалерии перейти реку вброд с тремя эскадронами, разрезать неприятельскую линию и ударить с тыла на войска, обороняющие мост, в то время как на них будет проведена атака с фронта. Противник в большом беспорядке бросил свою позицию, и генерал Вобуа расположился на берегах Авичио.

III

Проигрыш сражения у Роверето, вместо того чтобы остановить движение Вурмзера на Бассано, заставил его только ускорить марш. Действительно, будучи отрезанным от Триента и от Тироля, он должен был спешить выйти из ущелий и сосредоточить свою армию в Бассано, чтобы провести операционную линию через Фриуль. Но его побуждала другая причина: он решил, что Наполеон хочет двинуться на Инсбрук для соединения с Рейнской армией, вступившей к тому времени в Баварию, и, основываясь на этой ошибочной мысли, он распорядился двинуть дивизию Мессароша на Мантую.

7 сентября она уже дошла до Вероны, а в то же время главная квартира прибыла с дивизиями Себоттендорфа и Квадановича и резервами в Бассано. Арьергард занял позицию у Примолано с целью оборонять ущелья Бренты. В ночь с 5 на 6 сентября в Триенте было получено известие, присланное генералом

Кильменом из Вероны о том, что дивизия Мессароша переправилась через Бренту и двинулась к Адидже и, вероятно, 7 сентября атакует Верону.

У Наполеона тотчас же возник план запереть Вурмзера между Брентой и Адидже или, если при его приближении он отойдет к Пьяве, окружить и захватить дивизию Мессароша, уже подставившую себя под удар и слишком выдвинувшуюся вперед, чтобы успеть отойти.

Охрану Итальянского Тироля Наполеон поручил генералу Вобуа, который со своей позиции на Авичио мог достигнуть Бреннера, направившись навстречу генералу Мессарошу, если его правый фланг прибудет в Инсбрук. В течение ночи он организовал управление страной и распорядился расклеить следующее воззвание:

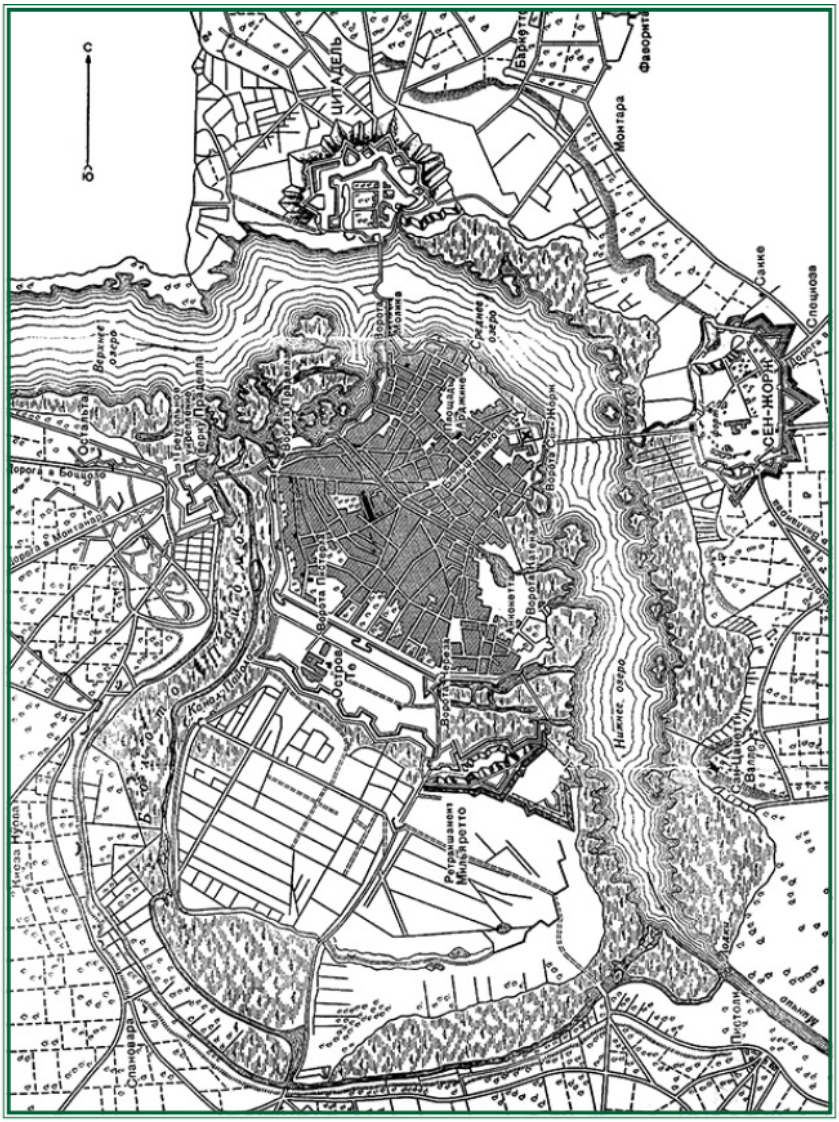
«Тирольцы, вы просите покровительства французской армии; нужно, чтобы вы были этого достойны. Так как большинство из вас настроено хорошо, то заставьте подчиниться небольшое число упрямцев. Их безрассудное поведение способно навлечь на ваше отечество все ужасы войны. Превосходство моего оружия ныне бесспорно.

Министры императора, подкупленные английским золотом, изменили ему. Этот несчастный государь не делает ни одного шага, который не был бы ошибкой. Вы хотите мира? Французы борются за него. Мы пришли на вашу землю только для того, чтобы заставить Венский двор внять голосу скорбящей Европы и прислушаться к голосу ее народов! Мы идем сюда не для увеличения своих владений; природа ограничила наши пределы Рейном и Альпами, так же как Тироль сделан ею границей владений Австрийского дома.

Тирольцы, что бы вы ни делали в прошлом, вернитесь к своим очагам, покиньте знамена, столько раз видевшие поражение и бессильные вас защитить. Я говорю об этом не потому, что несколько большее число врагов может устрашить победителей Альп и Италии, но потому, что я стараюсь избежать лишних жертв, чего требует благородство моей нации. Мы грозны в боях, но друзья тех, кто принимает нас гостеприимно.

Религия, обычаи, собственность в подчинившихся общинах будут уважаться…»

6 сентября на рассвете, имея в голове дивизию Ожеро, затем Массена и резерв, Наполеон двинулся по ущельям Бренты с целью скорейшего выхода на Бассано. Нужно было сделать эти 20 лье по трудной дороге самое большее в два дня. Вечером главная квартира и армия стали в Борго-ди-Валь-Суганья.



План крепости Мантуи

IV

7-го на рассвете Наполеон двинулся дальше. Его авангард не замедлил столкнуться с авангардом Вурмзера на позиции за Примолано. Вытеснить его оттуда казалось невозможным, но ничто не могло устоять против французской армии. 5-я пехотная легкая полубригада в рассыпном строю, поддержанная тремя батальонами 4-й линейной, тремя сомкнутыми колоннами опрокинула двойную австрийскую линию. 5-й драгунский полк

под командой полковника Мильо перерезал шоссе. Авангард противника почти целиком сложил оружие. Артиллерия, знамена и обозы – все было захвачено. Небольшой форт Каволо тщетно пытался сопротивляться – он был обойден и взят.

Ночью французская армия остановилась в селении Чисмоне. Наполеон устроил там свой командный пункт, без свиты, без вещей, изнемогая от голода и утомления. Всю ночь он провел на бивуаке. Один солдат (узнанный впоследствии императором в Булонском лагере в 1805 году) поделился с ним своим хлебным пайком.

Были захвачены склады с боевыми припасами, 12 пушек, пять знамен и 4200 пленных.

V

В тот же самый вечер дивизия Мессароша атаковала Верону, которой надеялась овладеть без сопротивления. Но впереди Вероны вся местность была приспособлена к обороне; сильный равелин[36] был возведен перед воротами Виченцы. Генерал Кильмен поджидал Мессароша. Подступы к городу оборонялись несколькими кавалерийскими эскадронами, которые, отойдя за фортификационные сооружения, завели австрийскую колонну под огонь 30 орудий, стрелявших картечью.

После нескольких тщетных попыток Мессарош, сочтя невозможным взять крепость штурмом, остановился в Сан-Микеле, потребовав подкреплений и понтонный парк для переправы через Адидже и окружения города. Но Вурмзер, сам оказавшийся в это время в Бассано под неожиданной угрозой нападения, приказал ему как можно скорее отступать к себе. Он надеялся вовремя подтянуть эту дивизию, чтобы остановить французскую армию перед Бассано. Но было слишком поздно: дивизия Мессароша дошла только до Монтебелло в день 8 сентября, когда разыгралось сражение у Бассано.

VI

8 сентября уже до рассвета Наполеон находился на аванпостах. В 6 часов авангард атаковал и отбросил шесть батальонов, бывших на позиции в ущельях по обоим берегам Бренты. Их остатки отошли на линию главных сил, насчитывавших 20 000 человек, но оказавших лишь слабое сопротивление.

Дивизия Ожеро атаковала левый фланг, дивизия Массена – правый фланг. Неприятель был опрокинут повсюду и отброшен на Бассано. 4-я линейная полубригада сомкнутой колонной перешла по мосту, как в Лоди. В 3 часа армия вошла в Бассано и захватила 6000 пленных, восемь знамен, два понтонных парка, 200 обозных повозок, 32 пушки, 100 повозок парков разного рода – все повозки в четверной упряжке.

Вурмзер в беспорядке отступил на Виченцу, не имея больше возможности отступать к Пьяве. Там он соединился с дивизией Мессароша. Таким образом, он оказался отрезанным от наследственных владений Австрийского дома и от коммуникаций с Австрией. Генерал Кважданович с 3000 человек, отрезанный от Бассано, отступил на Фриуль.

9-го дивизия Массена двинулась на Виченцу, дивизия Ожеро – на Падую, перехватывая обе большие дороги на случай, если бы Вурмзер попытался вернуться на Бренту, чтобы достигнуть Пьяве. Разбитый в Роверето, в ущельях Бренты, в Бассано и перед Вероной, он имел лишь деморализованные войска. Лучшие он потерял. От армии в 60 000 человек у него осталось только 16 000. Никогда не было более критического положения. Он отчаивался в своем спасении, французы каждую минуту ждали, что он сложит оружие.

VII

Из этих 16 000 человек 6000 состояли из кавалерии, отлично обученной и не деморализованной, совсем не понесшей потерь и не разбитой в бою. Она наводнила всю местность в поисках прохода на Адидже. Два эскадрона переправились на правый берег Адидже, воспользовавшись альбаредским паромом для разведки расположения французов и получения сведений о Мантуе. Вурмзер не мог переправиться через Адидже на этом пароме, так как французская армия преследовала его по пятам и он потерял в Бассано свой понтонный парк.

Его положение было безнадежно, но тут неожиданно французы очистили Леньяго, не разрушив моста. Эта ошибка батальонного командира спасла его. Кильмен, когда он был атакован в Вероне дивизией Мессароша, вызвал к себе 400 человек, охранявших Леньяго, и приказал Саюге заменить их отрядом из блокирующих Мантую войск. Командир батальона, командовавший этой частью, потеряв несколько человек зарубленными по дороге из Леньяго в Мантую, дал себя уговорить, будто вся австрийская армия переправилась в

Альбаредо и вот-вот отрежет ему отступление.

Он поверил слухам, распространяемым противником, о поражениях французской армии, будто бы погибшей в Тироле. Он счел себя отрезанным, потерял голову, очистил позицию и начал отступать к Мантуе. Вурмзер, извещенный об этом счастливом обстоятельстве, направился тотчас же в Леньяго, вошел туда без выстрела и воспользовался мостом для переправы через Адидже. В это же время главнокомандующий прибыл в Арколе.

Получив это печальное известие, он завладел паромом у Ронко, приказал тотчас же Массена переправиться на правый берег, а Ожеро – двинуться из Падуи на Леньяго. У него все еще была надежда снова окружить фельдмаршала, прибыв раньше его к Молинелле. Кильмен со всем, что он мог найти в своем распоряжении, расположился на этой реке, преграждая дорогу к Мантуе, но он был слаб; нужно было прийти к нему на помощь, прежде чем подоспеет противник.

Вурмзер потерял ценное время в Леньяго или потому, что чрезмерное утомление вынудило его дать отдых войскам, или потому, что думал, будто французы находятся на дороге из Виченцы в Ронко; он заколебался в надежде восстановить свои естественные коммуникации с помощью дороги на Падую.

У него было много кавалерии, и он мог разведывать местность на очень далекое расстояние. Его разъезды дали ему знать о том, что французы достигли Монтаньяны раньше него, следуя по Падуанской дороге, и что они двигаются из Леньяго по обоим шоссе. Тогда Вурмзер двинулся на Мантую.

Из Ронко в Сангвинетто, где хотели перехватить противника, ведут две дороги: одна, левая, – идущая по Адидже и пересекающая в Череа дорогу из Леньяго в Мантую, другая – ведущая из Ронко прямо в Сангвинетто. Генерал Пижон с авангардом Массена двинулся прямо на Сангвинетто.

Но Мюрат, посланный в разведку с легкой кавалерией, пошел по дороге на Череа, как подводящей его ближе к противнику, и вскоре вступил в орудийную перестрелку. Пижон, услыхав пушечные выстрелы, опираясь своим левым флангом на Череа, прибыл туда и построил 4-ю легкую полубригаду в боевой порядок за ручьем, чтобы преградить дорогу.

Вурмзер был отрезан. Ему грозила гибель в случае, если он не сумеет открыть прохода. Он атаковал Череа, развернув всю свою армию, и окружил этот слабый авангард, который был вскоре опрокинут; 300 или 400 человек попали в руки Вурмзера.

Овладев полем битвы, он быстро продолжал марш на Сангвинетто. Во время стычки у Череа главнокомандующий, прибывший галопом в селение в ту минуту, когда его авангард

обратился в бегство, едва успел повернуть назад и спастись. Несколько минут спустя Вурмзер прибыл на то самое место, где только что был Наполеон. Узнав об этом от одной старухи, он приказал преследовать Наполеона по всем направлениям, настаивая на том, чтобы его привели живым.

Достигнув Сангвинетто, Вурмзер двинулся ночным маршем. Узнав, что у Молинеллы его ожидают разъезды Саюге и Кильмена, он сошел с большой дороги, принял влево и 12 сентября прибыл в Виллаимпенту, где находился небольшой, слабо охраняемый мост, который кавалерия его захватила врасплох. Генерал Шартон, спешно выделенный для обороны этого моста из состава блокадных войск, с 500 человек 12-й легкой полубригады не успел прибыть вовремя.

Он тогда построился на дороге в каре и оказал сильное сопротивление, но был изрублен австрийскими кирасирами и остался мертвым на поле сражения. Этот отряд погиб. 14-го в Дуе-Кастелли некоторым утешением для фельдмаршала явился еще один успех, подобный Череа и Виллаимпенте: батальон легкой пехоты был отрезан и разгромлен двумя кирасирскими полками, потеряв 300 человек. Армия была чрезвычайно утомлена, поэтому допускала небрежности в несении службы.

VIII

Небольшие успехи, достигнутые австрийской армией в боях у Череа, Виллаимпенты и Дуе-Кастелли, подняли ее настроение. Гарнизон вышел из города, и Вурмзер расположил свою армию между Сен-Жоржем и цитаделью. У него было тогда 35 000 человек: 5000 человек лежали в госпиталях, 5000 человек он оставил для охраны крепости в…[37] и 25 000 человек, из которых 5000 кавалерии, он расположил лагерем.

Занимая, таким образом, местность, он надеялся найти случай достигнуть Леньяго и снова переправиться через Адидже. Но генерал Бон, командовавший дивизией Ожеро, взял Леньяго 13 сентября, захватил здесь 1700 пленных и 24 орудия с упряжками и освободил 500 французов, плененных в Череа и других мелких стычках.

14-го он прибыл в Говерноло, составляя левый фланг армии; Массена, бывший в Дуе-Кастелли, образовал центр; Саюге с блокадными войсками был в Фаворите, образуя правый фланг. Кильмен собрал к себе всю кавалерию. Форсированные марши последних пятнадцати дней значительно ослабили полки. Вечером 16-го армия[38] насчитывала 24 000 человек, из которых

3000 человек кавалерии. Армии численно были равны, но моральное состояние их было различно.

У противника только одна кавалерия сохранила прежнее. 15 сентября генерал Бон выступил из Говерноло и направился к Сен-Жоржу, опираясь на Минчио своим левым флангом. Завязался ожесточенный бой; австрийцы ввели свои резервы. Бон был не только остановлен, но даже потерял небольшой участок местности. Саюге со своей стороны вступил в бой на правом фланге. Противнику показалось, что бой идет по всей линии, как вдруг колонна Массена колоннами атаковала центр и внесла расстройство в неприятельскую армию, поспешно бросившуюся в город. Она потеряла 3000 пленных, в числе которых были: один кирасирский полк в полном снаряжении, три знамени и 11 пушек.

После сражения у Сен-Жоржа, которое было очень напряженным, Вурмзер рассеял свои войска по Серральо. Он перебросил мост через По и ввез в крепость продовольствие.

24 сентября, атаковав Говерноло, он был отражен с потерей 1000 человек и шести пушек. В случае захвата этого пункта фельдмаршал хотел попытаться пройти оттуда на Адидже.

Наконец, 1 октября Кильмен, командовавший блокадой, вошел в Серральо, овладел Праделлой, Черезой и полностью блокировал крепость. Эта операция, во время которой велись весьма ожесточенные бои, проведенная с небольшим числом людей, делает честь генералу Кильмену.

С 1 по 18 сентября противник потерял 27 000 человек, из которых 18 000 пленных, 3000 убитых, 6000 раненых, а также 75 пушек, 22 знамени и штандарта, 30 генералов, 80 чиновников главной квартиры, 6000 лошадей. 16 000 человек с фельдмаршалом были вынуждены укрыться в Мантуе. 10 000 человек из этой армии под командованием Давидовича спаслись в Тироле и под командованием Квазданович – во Фриуле.

Французская армия потеряла 7500 человек, из них 1400 пленными, 1600 убитыми, 4300 ранеными.

Мармон, которого главнокомандующий послал в Париж со знаменами, взятыми в сражениях у Роверето, Бассано, Сен-Жоржа, в боях у Примолано и Чисмоне, был одним из его адъютантов. Наполеон впервые увидел его в Тулоне младшим лейтенантом артиллерии и взял к себе. Впоследствии он стал герцогом Рагузским и маршалом Франции. Он происходил из департамента Кот-д'Ор.

IX

Так как армия в данную минуту не имела перед собой противника, войскам был дан некоторый отдых. Вобуа занял Триент и укрепился на берегу Авичио. Дивизия Массена заняла Бассано, наблюдая за переправами через Пьяве. Дивизия Ожеро заняла Верону. Кильмен командовал блокадными войсками у Мантуи. Сражения у Роверето, Бассано и Сен-Жоржа, частые мелкие бои и болезни в блокадных войсках ослабили армию.

Гарнизон Мантуи проводил сначала много сильных вылазок, но неудачи и болезни скоро охладили его пыл. В конце октября в гарнизоне насчитывалось еще 17 000 человек в строю, 10 000 человек в госпиталях, 30 000 едоков. Это давало надежду, что гарнизон не замедлит сдать крепость.

Но старый маршал распорядился засолить большую часть лошадей своей кавалерии. Это мероприятие в соединении с продовольственными припасами всякого рода, которые получили из окрестных районов и особенно от регентства Модены, доставившего в течение двух перерывов осады заранее заготовленные обозы, давало возможность крепости сопротивляться значительно дольше, чем предполагалось.

Вопреки всякой вероятности, вопреки ожиданиям всей Италии, французской армии было суждено одержать еще более кровавые и более славные победы, и Австрия должна была выставить и потерять еще две новые армии, прежде чем пал этот ее оплот в Италии.

Кильмен, по происхождению ирландец, был превосходным кавалерийским офицером. Он обладал хладнокровием, верным военным взглядом, был очень пригодным для командования отдельными обсервационными корпусами и для выполнения самых сложных поручений, требующих находчивости, ума и здравого смысла. В дни прериаля он действовал против Сент-Антуанского предместья. Во время Итальянской кампании ему было около пятидесяти лет.

Он оказал важные услуги армии, в которой был бы одним из важнейших генералов, если бы имел более крепкое здоровье. Он обладал большим знанием австрийской армии, хорошо изучил ее тактику, не придавал значения ложным слухам, которые она обыкновенно распускала, и не обращал внимания на головные отряды, которые она бросала во всех направлениях на коммуникации, чтобы заставить поверить присутствию больших сил там, где их не было. Его политические убеждения были очень умеренные.

Глава VIII. Аркольское сражение

I. Фельдмаршал Альвинци прибывает в Италию во главе третьей армии. – II. Хорошее состояние французской армии. Все народы Италии желают ей успеха. – III. Сражение на Бренте (5 ноября 1795 года). Вобуа в беспорядке очищает Тироль. – IV. Сражение у Кальдиеро (12 ноября). – V. Ропот в армии и различные настроения французских солдат. – VI. Ночной переход армии на Ронко; она переправляется там через Адидже по понтонному мосту (14 ноября). – VII. Аркольское сражение; первый день (15 ноября). – VIII. Второй день (16 ноября). – IX. Третий день (17 ноября). – X. Французская армия торжественно вступает в Верону через Венецианские ворота на правом берегу (18 ноября).

I

За всеми курьерами, привозившими в Вену известия об успехах эрцгерцога Карла[39], приезжали следом курьеры от Вурмзера с донесениями только о его поражениях. Весь сентябрь двор провел в таких переходах от радости к печали. Удовлетворением, которое он испытывал от своих триумфов, не возмещалось уныние, в которое он впадал от своих неудач. Германия была спасена, но Италия потеряна, и армия, охранявшая эту границу, исчезла.

Ее многочисленный штаб, старый фельдмаршал и кое-какие остатки смогли найти спасение, только запершись в Мантуе, которая, доведенная до крайности и поражаемая осенними лихорадками, вскоре могла оказаться вынужденной открыть ворота победителю. Придворный военный совет чувствовал, что нужно предпринять чрезвычайные усилия. Он собрал две армии: одну во Фриуле, другую в Тироле, отдал их под командование фельдмаршала Альвинци и приказал ему двинуться на спасение Мантуи и освобождение Вурмзера.

Жан-Антуан Гро. Наполеон на Аркольском мосту. *1801 г.*

II

Неудачи Самбро-Маасской и Рейнской армий быстро дали почувствовать себя в Италии. Раз обе армии не смогли удержаться на правом берегу Рейна, то было срочно необходимо, чтобы они выделили значительные силы для подкрепления Итальянской армии. Директория давала много обещаний, но мало их

выполняла. Она все же выслала 12 батальонов, взяв их из Вандейской армии.

Они прибыли в Милан в течение сентября и октября, двенадцатью колоннами. Был пущен слух, что каждая из этих колонн представляет собой полк в полном составе. Это была бы очень значительная помощь. Правда, французский солдат в Италии не нуждался в ободрении. Он был полон доверия к своему вождю и верил в собственное превосходство. Он получал хорошее жалованье, был хорошо одет, накормлен, артиллерия была прекрасная и многочисленная, кавалерия имела хороших лошадей.

Народы Италии связали свою судьбу с интересами армии – от нее зависели их свобода и независимость. Они были убеждены в превосходстве французского солдата над германским, так же как и в превосходстве генерала-победителя, который одолел Больe и Вурмзера, над фельдмаршалом Альвинци.

По сравнению с июлем общественное мнение очень изменилось. Тогда, при известии о прибытии Вурмзера, вся Италия ждала его триумфа, ныне никто не сомневался в победе французской армии. Общественное мнение по ту сторону По – в Болонье, Модене и Реджио – было таково, что народ считал свои силы достаточными для отражения армии папы, если она двинется на его земли, как она угрожала.

III

В начале октября фельдмаршал Альвинци находился со своей армией еще перед Изонцо, но в конце этого месяца он перенес свою главную квартиру в Конельяно, за Пьяве. Массена, расположившись в Бассано, наблюдал за его движением. Давидович собрал в Тироле корпус силою в 18 000 человек, включая сюда тирольское ополчение. Дивизионный генерал Вобуа прикрывал Триент, занимая Авичио отрядом в 12 000 человек. Дивизия Ожеро, кавалерийские резервы и французская главная квартира расположились в Вероне.

По плану Альвинци ему предстояло соединиться с Давидовичем в Вероне и оттуда двинуться на Мантую. Он перебросил 1 ноября два моста через Пьяве и направился тремя колоннами на Бренту. Массена, угрожая атакой, принудил его развернуть всю свою армию и, когда увидел, что перед ним свыше 40 000 человек, бросил свой Бассанский лагерь, переправился обратно через Бренту и пошел к Виченце.

Туда на соединение с ним 5 ноября прибыл Наполеон с

дивизией Ожеро и своим резервом и 6-го на рассвете выступил, чтобы дать сражение Альвинци, следовавшему за Массена. У Альвинци главная квартира была перенесена в Фонтанину, авангард под начальством Липтая был выслан на правый берег Бренты в Карминьяно, выдвинувшись вперед по отношению к левому флангу, находившемуся под командой генерала Провера. Правый фланг под начальством Кваждановича занимал позиции между Бассано и Виченцей. Генерал Митровский командовал обсервационным корпусом в ущельях Бренты, а генерал Гогенцоллерн командовал его резервом.

Массена атаковал, как только забрезжил рассвет, и после нескольких часов боя отбросил на левый берег Бренты авангард Кваждановича, Липтая и дивизию Провера, причинив им большие потери в людях и захватив пленных.

Наполеон во главе дивизии Ожеро двинулся за Кваждановичем, потеснил его и отбросил на Бассано. Было 4 часа пополудни. Он придавал большую важность переправе через мост и овладению в тот же самый день городом. Но так как Гогенцоллерн уже подходил, он приказал бригаде из своего резерва выдвинуться вперед, чтобы поддержать атаку моста. Однако батальон в 900 хорватов, оказавшийся отрезанным, бросился в деревню на большой дороге.

Лишь только показалась голова резерва, намереваясь пройти через деревню, ее встретили сильным огнем. Пришлось выдвинуть гаубицы; деревня была взята, и хорваты перебиты. Но это вызвало задержку на два часа, и, когда резерв прибыл к мосту, наступила ночь. Форсирование переправы пришлось отложить на следующий день.

Вобуа получил приказ атаковать позиции противника на правом берегу Авичио. 1 ноября он атаковал позиции Сан-Микеле и Сегонцано. Противник был сильным и храбро оборонялся. Успех Вобуа был неполным, и новая попытка атаки на следующий день тоже была неудачна. Атакованный в свою очередь, он был оттеснен со своей позиции на Авичио и принужден был оставить Триент.

Сосредоточив свои силы, Вобуа занял позицию в Калиано, но Лаудон, маневрируя со своими тирольцами по правому берегу Адидже, овладел Номи и Торболе. Его намерением, по-видимому, было двинуться на Монте-Бальдо и Риволи. У Вобуа никого больше не оставалось на правом берегу, и он ничего не мог противопоставить этому маневру, который, если бы он был выполнен противником, тяжело отразился бы на участи всего его корпуса и всей армии.

Эти известия достигли главной квартиры в 2 часа утра.

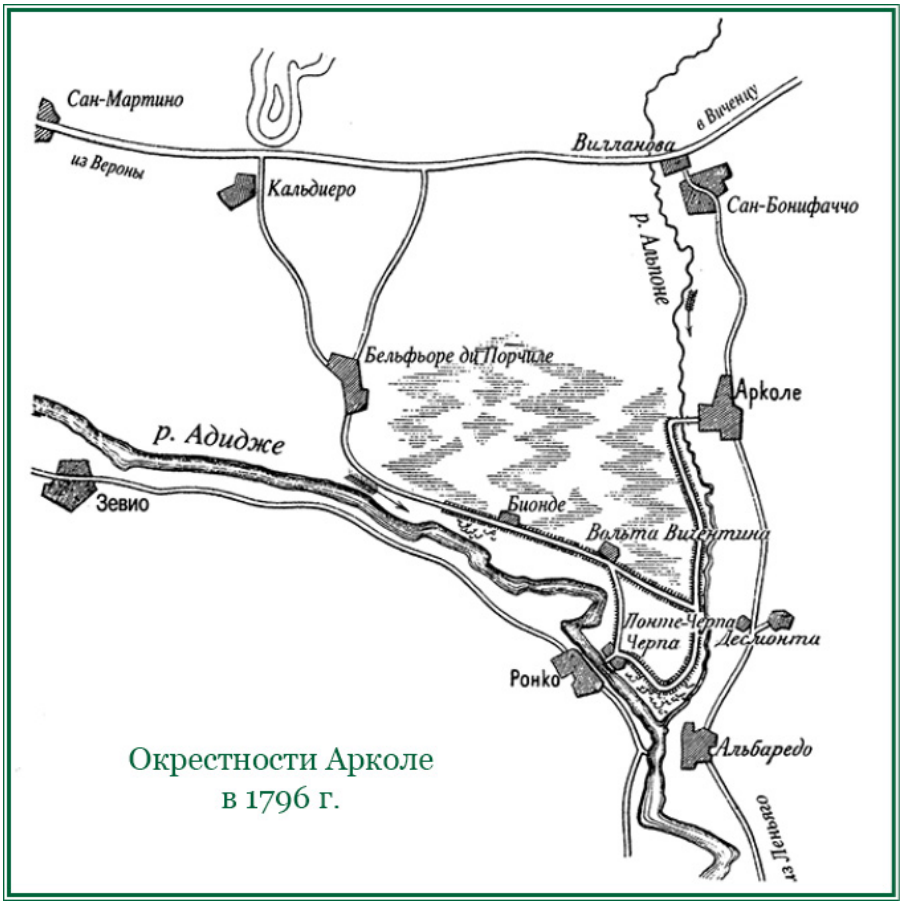
Больше колебаться было нельзя. Необходимо было спешить к Вероне, находившейся в таком угрожаемом положении, отказавшись от первоначального плана и всякой мысли о диверсии. Ближайшим намерением главнокомандующего было отбросить Альвинци на ту сторону Пьяве, двинуться вверх по ущельям Бренты и отрезать Давидовича.

Полковник Виньоль, офицер для поручений при штабе армии, был командирован для сосредоточения к Вероне всех войск, какие могли встретиться, и для направления их на Корону и Риволи. Он встретил батальон 40-й полубригады, только что прибывший туда из Вандеи, и сдержал первых неприятельских стрелков, выходивших к Короне. На другой день на эту важную позицию прибыл Жубер с 4-й легкой полубригадой, взятой из частей, блокировавших Мантую.

С этого момента больше нечего было опасаться. Вобуа тем временем навел мосты через Адидже, вновь перешел на правый берег и прочно занял позиции Корона и Риволи. Французская армия от Бренты весь день 7-го проходила через город Виченцу, который, став свидетелем одержанной ею победы, не мог уяснить себе этого отступательного движения; Альвинци, со своей стороны, в 3 часа утра тоже начал было отходить, чтобы переправиться через Пьяве, но вскоре узнал от своей легкой кавалерии об отступлении французов. Снова двинувшись к Бренте, он на другой день переправился через эту реку, чтобы следовать за противником.

Наполеон отправился к дивизии Вобуа, которую приказал собрать на Риволийском плато, и объявил ей: «Солдаты, я недоволен вами. Вы не выказали ни дисциплины, ни выдержки, ни храбрости. Вы не смогли удержать ни одну из позиций. Вы предались панике. Вы дали себя согнать с позиций, где горсть храбрецов могла бы остановить целую армию. Солдаты 39-й и 85-й полубригад, вы не французские солдаты. Начальник штаба армии, распорядитесь начертать на их знаменах: “Они больше не солдаты Итальянской армии!”»

Речь, произнесенная суровым тоном, вызвала слезы на глазах этих старых солдат. Дисциплина не могла заглушить их скорби. Многие гренадеры, имевшие почетное оружие, восклицали: «Генерал, нас оклеветали! Пошлите нас в авангард, и вы увидите, принадлежат ли 39-я и 85-я полубригады к Итальянской армии». Произведя, таким образом, желаемое впечатление, Наполеон обратился к ним с несколькими словами утешения. Эти две полубригады несколько дней спустя покрыли себя славой.



Окрестности Арколе
в 1796 г.

IV

Несмотря на неудачи Альвинци на Бренте, его операции увенчались самым блестящим успехом. Он завладел всем Тиролем и всей местностью между Брентой и Адидже. Но самое трудное было еще впереди: это было форсирование переправы через Адидже перед лицом французской армии и соединение с Давидовичем, на пути к которому стоял корпус храбрецов, укрепившихся перед Вероной.

Шоссе из Вероны в Виченцу идет вдоль Адидже, на протяжении трех лье, до Вилланова, где поворачивает под прямым углом налево, направляясь прямо на Виченцу. В Вилланова его пересекает речка Альпоне, протекающая через Арколе и впадающая в Адидже около Альбаредо.

Налево от Вилланова находятся высоты, известные под названием Кальдиерской позиции. Заняв ее, можно прикрыть Верону и ударить по тылам противника, маневрирующего на

Нижней Адидже. Обеспечив оборону Монте-Бальдо и вернув стойкость войскам Вобуа, Наполеон решил занять Кальдиеро, чтобы получить больше шансов при обороне и придать своему положению большую прочность.

11-го в 2 часа пополудни армия перешла через веронские мосты. Бригада Вердье, следуя во главе ее, сбила неприятельский авангард, захватила несколько сот пленных и с наступлением ночи заняла позицию у подножия Кальдиеро.

Огни биваков, донесения шпионов, показания пленных не оставляли никакого сомнения в намерениях Альвинци: он готов был принять сражение и прочно утвердиться на этих прекрасных позициях, опираясь своим левым флангом на аркольские болота и правым флангом на гору Оливетто и селение Колоньола.

Эта позиция была хороша в обоих направлениях. Он еще укрепил ее несколькими редутами и очень сильными батареями. На рассвете провели разведку боевой линии противника: ее левый фланг был неприступен, правый, казалось, был слабее. Чтобы воспользоваться этой оплошностью, Массена получил приказ двинуться со своей дивизией для занятия холма, который выступал за правый фланг противника и который по небрежности не был занят последним.

Бригадный генерал Лоней отважно взобрался на высоту во главе отряда стрелков, но слишком выдвинулся вперед и не мог быть вовремя поддержан дивизией, которая, тоже взобравшись на высоту, была задержана оврагом. Лоней был отброшен и взят в плен. Противник, осознавший ошибку, исправил вслед за тем свою позицию.

Не было больше возможности атаковать его с надеждой на успех.

Между тем огонь был открыт по всей линии и продолжался весь день. Хлынул проливной дождь. Земля настолько намокла, что французская артиллерия не могла сделать ни малейшего движения, в то время как австрийская, уже находясь на позиции, вела самый эффективный огонь. Противник произвел несколько попыток атаковать, но получил энергичный отпор.

Ночь обе армии провели на своих позициях. Дождь продолжался всю ночь с той же силой, так что на следующий день главнокомандующий счел за лучшее отойти в свой лагерь перед Вероной. Потери в этом деле были равные. Противник с основанием приписывал себе победу. Его аванпосты приблизились к Сан-Микеле, и положение французов сделалось действительно критическим.

V

Вобуа понес значительные потери; у него осталось не больше 8000 человек. Две другие дивизии, которые мужественно дрались на Бренте и предприняли неудачный натиск на Кальдиеро, имели в строю не больше 13 000 человек. Мысль о перевесе сил противника была у всех. Солдаты Вобуа, с целью оправдать свое отступление, заявили, что дрались один против трех.

Противник, без сомнения, тоже понес потери, но он имел численный перевес и ему удалось выиграть большое пространство. Он имел возможность точно подсчитать небольшое число французов и поэтому больше не сомневался ни в освобождении Мантуи, ни в завоевании Италии. В этом самообольщении он собирал и изготовлял большое количество осадных лестниц, угрожая захватить Верону штурмом.

Гарнизон Мантуи оживился, стал делать частые вылазки, беспрестанно тревожа осаждающих, насчитывавших только 8000–9000 человек против 25-тысячного гарнизона, из которого, правда, 10 000—12 000 человек были больны.

Французы находились в таком положении, что больше не могли предпринять наступление где бы то ни было. Их сдерживала, с одной стороны, позиция Кальдиеро, а с другой – ущелья Тироля. Но даже если бы позиция противника и позволяла что-либо предпринять против нее, то численное превосходство его было слишком хорошо известно.

Следовало предоставить ему инициативу и терпеливо выжидать, что он вздумает предпринять. Время года было чрезвычайно плохое, и все передвижения проводились по грязи. Кальдиерское и Тирольское дело заметно понизили моральное состояние французского солдата. У него сохранилось, правда, еще чувство превосходства над равным по численности противником, но он не верил в возможность сопротивляться столь великому численному перевесу.

Много храбрецов было по два, по три раза ранено в различных сражениях после вступления в Италию. К этому примешивалось дурное настроение. «Мы не можем одни выполнять задачу всех, – говорили они. – Армия Альвинци, оказавшаяся здесь, – это та, перед которой отступили армии Рейнская и Самбро-Маасская, а те сейчас бездельничают. Почему мы должны исполнять их обязанность? Если нас разобьют, мы, обесчещенные, побежим в Альпы; если, наоборот, мы победим, к чему приведет эта новая победа?

Нам противопоставят еще одну армию, подобную той, что имеется у Альвинци, так же как сам Альвинци заместил Вурмзера, а Вурмзер – Болье. В такой неравной борьбе мы в конце концов обязательно будем раздавлены».

Наполеон велел им ответить: «Нам осталось сделать только одно усилие – и Италия наша. Противник, без сомнения, превышает нас числом, но половина войск у него состоит из новобранцев. Разбив его, взяв Мантую, мы сделаемся хозяевами всего, наша борьба этим заканчивается, потому что не только Италия, но и общий мир зависят от Мантуи. Вы хотите идти в Альпы, но вы на это больше не способны. С пустынных и снежных биваков на тех бесплодных скалах вам было хорошо идти и завоевывать чудесные равнины Ломбардии, но из приветливых и цветущих биваков Италии вы не способны возвратиться в снега. Одни подкрепления к нам подошли, другие находятся в пути. Пусть те, кому не хочется больше сражаться, не ищут напрасных предлогов, потому что разбейте Альвинци, и я ручаюсь вам за ваше будущее…»

Эти слова, которые повторяли все благородные сердца, возвышали душу и постепенно вызвали чувства, противоположные прежним. Армия, упавшая было духом, хотела отступать, но теперь, полная воодушевления, стала твердить, что надо идти вперед: «Разве могут солдаты Итальянской армии терпеть провокации и оскорбительные выходки этих рабов?»

Когда в Брешиа, Бергамо, Милане, Кремоне, Лоди, Павии, Болонье узнали, что французская армия потерпела неудачу, то раненые и больные, еще плохо поправившиеся, стали уходить из госпиталей, чтобы вернуться в строй. Раны многих из этих храбрецов еще кровоточили. Это трогательное зрелище наполняло душу волнующим трепетом.

Наполеон на Аркольском мосту

VI

Наконец, 14 ноября, с наступлением ночи, веронский лагерь стал в ружье. Три колонны начали движение в величайшей тишине, пересекли город, переправились через Адидже по трем мостам и выстроились на правом берегу. Час выступления, направление, являвшееся направлением отхода, отсутствие ежедневного приказа по войскам, обычно возвещавшего, что предстоит драться, общее положение дел – все указывало на отступление.

Этот первый шаг к отступлению неизбежно влек за собой снятие осады Мантуи и предвещал потерю всей Италии. Те из жителей, которые связывали с победами французов надежды на свою новую судьбу, следили с беспокойством и со стесненным сердцем за движениями армии, уносящей все их надежды. Однако армия, вместо того чтобы следовать по Пескиерской дороге, вдруг повернула налево и пошла вдоль Адидже. К рассвету она прибыла в Ронко, где Андреосси заканчивал наводку моста.

С первыми лучами солнца армия простым заходом налево очутилась, к своему удивлению, на другом берегу. Тогда офицеры и солдаты, которые во время преследования ими Вурмзера

проходили через эти места, начали догадываться о намерении своего генерала: «Он хочет обойти Кальдиеро, которого не мог взять с фронта; не имея возможности драться на равнине с 13 000 человек против 40 000, он переносит поле сражения на ряд шоссе, окруженных обширными болотами, где одной численностью не сделаешь ничего, но где доблесть головных частей колонны решает все…»

Надежда на победу оживила тогда все сердца, и каждый дал обещание превзойти самого себя, чтобы поддержать такой хорошо задуманный и отважный план.

Кильмен был оставлен в Вероне с 1500 человек всех родов войск; ворота ее были крепко заперты; движение по дорогам строго запрещено. Противник совершенно не заметил этого маневра.

Мост у Ронко был наведен с правого берега Альпоне, почти в четверти лье от устья, и это подверглось критике плохо осведомленных военных. Между тем если бы мост был наведен с левого берега, напротив Альбаредо, то, во-первых, армии пришлось бы продвигаться по обширной равнине, чего главнокомандующему хотелось избежать; во-вторых, Альвинци, стоявший на Кальдиерских высотах, занял бы стрелками правый берег Альпоне, прикрыв этим движение колонны, которая могла быть им направлена на Верону.

Такая колонна захватила бы этот слабо охраняемый город и соединилась с тирольской армией. Риволийская дивизия, попав между двух огней, была бы вынуждена отступить на Пескиеру, и французская армия вся целиком оказалась бы под непредвиденным ударом.

Вместо этого путем наводки моста с правого берега Альпоне французы получили неоценимые преимущества: первое – возможность завлечь противника на три шоссе, пересекающие обширное болото; второе – установить сообщение армии с Вероной по дамбе, которая ведет вверх по Адидже и проходит через селения Порчиле и Гомбиония, где находилась главная квартира Альвинци, тогда как у противника не имелось ни пригодной для занятия позиции, ни возможности прикрыть какой-либо естественной преградой движение своих войск, которые он направил бы для атаки Вероны.

Подобная атака отныне становилась невозможной, так как французская армия ударила бы ему в тыл, в то время как стенами города была бы задержана его голова.

От моста Ронко идут три шоссе: первое – левое шоссе – направляется к Вероне, поднимаясь вверх по Адидже, проходит через селения Бионде и Порчиле и выходит на равнину; второе –

центральное шоссе – ведет в Вилланова и проходит через селение Арколе, пересекая реку Альпоне по небольшому каменному мосту; третье – правое шоссе – спускается вниз по Адидже и ведет в Альбаредо. От Ронко до Порчиле – 3600 туазов, от Порчиле до Кальдиеро – 2000 туазов, от Кальдиеро до Вероны – три лье. От Ронко до Арколе – 2200 туазов, от моста у Арколе до Вилланова – 3000 туазов, от Ронко до устья Альпоне – 1000 туазов, оттуда до Альбаредо – 500 туазов.

VII

Три колонны начали движение по этим трем шоссе. Левая колонна поднялась вверх по Адидже до окраины болот у селения Порчиле, откуда с шоссе виднелись веронские колокольни. Противнику стало с этого момента невозможно наступать на город. Центральная колонна выходила на Арколе, где французские стрелки продвинулись до моста, не будучи замеченными.

Два батальона хорватов с двумя пушками стояли там для охраны тыла своей армии и для связи с частями, которые гарнизоном Леньяго могли быть выдвинуты в поле, так как эта крепость была всего в трех лье от правого фланга. Местность между Арколе и Адидже была совсем без охраны.

Альвинци удовольствовался распоряжением гусарским разъездам: объезжать три раза в день дамбы на болотах по берегам Адидже. Дорога из Ронко в Арколе через 1200 туазов подходит к ручью Альпоне. Оттуда она на протяжении 1000 туазов поднимается вверх по правому берегу этого ручейка до каменного моста, где поворачивает направо под прямым углом и вступает в селение Арколе.

Бивак хорватов опирался правым флангом на селение, левым – на устье ручья и имел впереди фронта дамбу, от которой был отделен только ручьем. Стреляя прямо перед собой, они поражали во фланг колонну, голова которой подошла к Арколе. Колонна поспешно отступила до места, где поворот шоссе избавлял ее фланг от огня с левого берега.

Ожеро, возмущенный этим отступательным движением своего авангарда, ринулся на мост во главе двух гренадерских батальонов; но, встреченный сильным ружейным огнем с фланга, он отошел к своей дивизии.

Альвинци, извещенный об этой атаке, не понял сначала ее значения. Однако когда рассвело, он из Кальдиеро и с соседних колоколен увидел движение французов. Разведка его гусар была

встречена ружейными выстрелами на всех дамбах, и французская кавалерия бросилась их преследовать.

Теперь для него стало очевидно, что французы переправились через Адидже и находятся в его тылах. Для него казалось безрассудным бросить, таким образом, всю армию в непроходимые болота. Он думал, что с этой стороны наступают одни легкие войска, дабы беспокоить его и замаскировать действительную атаку, которая будет проведена по Веронскому шоссе.

Однако его разведка доносила, что под Вероной все спокойно, поэтому он счел необходимым прежде всего отбросить с болот эти легкие войска. Одну дивизию, под командованием Митровского, он направил на аркольскую дамбу, а другую, под командованием Провера, – на левую дамбу. Около 9 часов утра они энергично атаковали французов. Массена была поручена левая дамба.

Позволив противнику приблизиться, он бросился в штыки, оттеснил его, причинил ему много потерь и взял большое число пленных. То же самое произошло на аркольской дамбе. Как только противник проник за изгиб шоссе, Ожеро встретил его штыковой атакой и обратил в бегство. Победителю достались пленные и пушки; болота были покрыты трупами.

Захват Арколе становился чрезвычайно важным делом, потому что оттуда, выйдя в тылы противника, было удобно захватить мост Вилланова на ручье Альпоне, бывший единственным путем отступления, и его надлежало закрепить за собой раньше, чем противник перестроится. Но когда Арколе устоял против ряда атак, Наполеон решил лично произвести последнее усилие: он схватил знамя, бросился на мост и водрузил его там.

Колонна, которой он командовал, прошла уже половину моста; фланкирующий огонь и прибытие новой дивизии к противнику обрекли и эту атаку на неудачу. Гренадеры головных рядов, покинутые задними, заколебались. Однако, увлеченные беглецами, они не хотели бросить своего генерала; они взяли его за руки, за платье и поволокли с собой среди трупов, умирающих и порохового дыма. Он был сброшен в болото и погрузился в него до пояса. Вокруг него сновали солдаты противника.

Гренадеры увидели, что их генерал в опасности. Раздался крик: «Солдаты, вперед, на выручку генерала!» Эти храбрецы тотчас же повернули беглым шагом на противника, отбросили его за мост, и Наполеон был спасен.

Этот день был днем воинской самоотверженности. Лани, лечившийся от говернольских ран и еще больной, примчался к

бою из Милана. Став между неприятелем и Наполеоном, он прикрывал его своим телом, получил три ранения, но ни на минуту не хотел отойти. Мюирон, адъютант главнокомандующего, был убит, прикрывая телом своего генерала. Героическая и трогательная смерть! Бельяр, Виньоль были ранены среди солдат, которых они увлекли в атаку. Храбрый генерал Робер, закаленный в боях солдат, был убит.

Генерал Гюйо с бригадой переправился на пароме через Адидже в Альбаредо. Арколе был обойден с тыла. Но Альвинци, ознакомившись к этому времени с действительным положением вещей, осознал всю опасность своей позиции. Он поспешно покинул Кальдиеро, разрушив свои батареи, и переправил через мост все свои обозы и резервы.

Французы с высоты колокольни Ронко с горечью видели, как ускользает от них эта добыча, и именно тут, при виде поспешных передвижений противника, смогли составить себе представление о размахе и последствиях наполеоновского замысла. Каждому стало ясно, каковы могут быть результаты подобной глубокой и отважной комбинации. Неприятельская армия благодаря своему поспешному отступлению избежала разгрома.

Только лишь около 4 часов генерал Гюйо смог двинуться на Арколе по левому берегу Альпоне. Селение было взято без выстрела, да теперь оно и не имело значения. С этим запоздали на шесть часов: противник занял уже свою естественную позицию. Арколе было теперь не больше как промежуточный пост между фронтами обеих армий, тогда как утром оно находилось в тылу у противника.

Тем не менее этот день увенчался большими результатами: Кальдиеро было очищено, Вероне больше не грозила опасность, две дивизии Альвинци были разбиты и понесли значительные потери, многочисленные колонны пленных и громадное число трофеев прошли через лагерь, вызывая восторг у солдат и офицеров. Каждый вновь проникся доверием и чувством победы.

VIII

Между тем Давидович с тирольскими войсками атаковал Корону и овладел ею. Он занимал Риволи. Вобуа стал на высотах Буссоленго. Кильмен, не опасаясь больше, вследствие очищения Кальдиеро, за левый берег, направил все свое внимание на веронскую крепостную стену и правый берег. Но если бы Давидович двинулся на Верону и вынудил Кильмена броситься к Мантуе, он заставил бы снять блокаду этого города и отрезал бы

путь отступления главной квартире и армии, находившейся в Ронко.

От Риволи до Мантуи – 13 лье, от Ронко до этого города – 10 лье по очень дурным дорогам. Поэтому на рассвете следовало стать так, чтобы быть в состоянии поддержать Вобуа, обеспечить блокаду Мантуи и коммуникации армии и разбить Давидовича, если он днем двинется вперед. Для успеха этого плана было необходимо точно рассчитать время. Главнокомандующий, который не мог знать, что произойдет в течение дня, предположил, что у Вобуа дела идут плохо, что он оттеснен и занял позицию между Ровербеллой и Кастельнуово.

Он распорядился очистить Арколе, стоившее столько крови, отвел армию на правый берег Адидже, оставив на левом берегу только одну бригаду и несколько пушек, и приказал, чтобы на этой позиции солдаты варили себе суп. Если бы противник двинулся на Риволи, следовало снять мост на Адидже, исчезнуть перед Альвинци, прибыть вовремя для поддержки Вобуа и прикрыть Мантую.

Он оставил в Арколе зажженные огни на биваках, поддерживаемые дозорами авангарда, чтобы Альвинци ничего не заметил. В 4 часа утра войска стали в ружье, но в ту же самую минуту один офицер от Вобуа доложил ему, что Альвинци еще в 6 часов вечера находился на позиции в Буссоленго и что Давидович не трогался с места. Этот генерал командовал в свое время одним из корпусов армии Вурмзера. Он помнил урок и остерегался поставить себя под удар.

Между тем около 3 часов утра Альвинци, узнав об отступлении французов, распорядился занять Арколе и Порчиле и днем направил две колонны по обеим плотинам. Завязалась ружейная перестрелка в 200 туазах от моста Ронко. Французы бросились к нему со штыками наперевес, обрушились на противника, разгромили его и энергично преследовали до выхода из болот, которые были завалены телами врагов.

Знамена, пушки и пленные явились трофеями этого дня, когда вновь были разбиты еще две австрийские дивизии. Вечером, следуя тем же мотивам и пользуясь теми же комбинациями, что и накануне, главнокомандующий предписал то же самое движение – концентрацию всех войск на правом берегу Адидже, с оставлением на левом берегу только авангарда.

IX

Альвинци, введенный в заблуждение шпионом, уверявшим,

что французы двинулись к Мантуе и оставили у Ронко только один арьергард, выступил до зари из своего лагеря. В 5 часов утра французская главная квартира узнала, что Давидович стоит не двигаясь, а Вобуа находится на тех же самых позициях. Армия[40] перешла обратно через мост: головные колонны обеих армий встретились на середине плотины. Бой был упорным, и исход его определился не сразу. 75-я полубригада была отброшена.

Пули долетали до моста. Главнокомандующий расположил 32-ю полубригаду в засаде, уложив ее на землю в небольшой ивовой заросли, вдоль плотины, около головы моста. Засада вовремя вскочила, произвела залп, ударила в штыки и сбросила в болото сомкнутую колонну противника в полном ее составе. Это были 3000 хорватов; они все тут погибли. Массена на левом фланге не раз попадал в тяжелое положение, но он всегда шел во главе войск, подняв шляпу на конце своей шпаги, как знамя, и произвел ужасную резню в противостоящей ему дивизии.

После полудня главнокомандующий счел, наконец, что настал момент завершить дело, ибо если бы Вобуа в этот же вечер был разбит Давидовичем, то ночью пришлось бы двинуться на помощь ему и к Мантуе. Альвинци двинулся бы на Верону, ему достались бы честь и плоды победы, а многочисленные преимущества, приобретенные за три дня, были бы потеряны. Если же вместо этого Наполеон оттеснит Альвинци за Вилланова, он сможет двинуться на поддержку Вобуа через Верону.

Он распорядился тщательно сосчитать число пленных и установить приблизительно потери противника и получил доказательство, что за три дня противник был ослаблен больше чем на 25 000 человек. Таким образом, число бойцов у Альвинци превосходило французские силы не более чем на одну треть. Наполеон приказал выйти из болот и приготовиться к атаке противника на равнине. Обстоятельства этих трех дней настолько изменили моральное состояние обеих армий, что победа была обеспечена.

Армия перешла по мосту, переброшенному через устье Альпоне. Эллиоту, адъютанту главнокомандующего, было поручено навести второй мост, но он был там убит. В 2 часа пополудни французская армия построилась в боевой порядок, левым флангом в Арколе и правым в направлении на Порто-Леньяго. Правый фланг противника опирался на Альпоне, а левый – на болота. Противник стоял по обеим сторонам дороги к Виченце.

Помощник генерала Лорсе был послан из Леньяго с 600–700 солдат, четырьмя пушками и 200 коней с целью обойти болота, к которым противник примкнул своим левым флангом. Около 3

часов, в ту минуту, когда этот отряд продвигался вперед и оживленная канонада началась по всей линии, а стрелки сошлись врукопашную, командир эскадрона Эркюль получил приказание направиться с 25 гидами и четырьмя трубачами сквозь камышовую заросль и атаковать крайнюю оконечность левого неприятельского фланга, как только леньягский гарнизон начнет обстреливать его с тыла орудийным огнем.

Эркюль умно выполнил этот маневр и много способствовал успеху дня. Неприятельская линия была прорвана, и противник начал отступать. Его главнокомандующий эшелонировал 6000–7000 человек на тыловых рубежах, чтобы прикрыть обозы и прикрыть пути отступления. На поле сражения не осталось никого, кроме французов. Неприятеля преследовали весь вечер, и он понес большие потери пленными. Армия провела ночь на своей позиции.

Несмотря на три победоносных дня, генералы и штаб-офицеры задумались над тем, что прикажет главнокомандующий на следующий день. Они полагали, что, удовольствовавшись отходом противника, он не станет драться на равнинах Виченцы и вернется в Верону по левому берегу Адидже, чтобы оттуда двинуться на Давидовича и занять Кальдиеро, – то было первоначальной целью его маневра.

Но противник понес за эти три дня такие потери и так пострадал в моральном отношении, что на равнине его можно было больше не бояться. Днем стало известно, что за ночь он отступил на Виченцу. Армия пошла за ним следом, но по прибытии в Вилланова одна лишь кавалерия продолжала преследование. Пехота остановилась до выяснения того, как будет держаться неприятельский арьергард.

Главнокомандующий зашел в монастырь Сан-Бонифачо. В церкви был расположен лазарет. Там лежали кучами 4000–5000 человек, из которых большая часть были мертвы. От них шел трупный запах. Главнокомандующий в ужасе отпрянул, как вдруг услышал, что кто-то назвал его по имени. Два несчастных раненых солдата три дня лежали среди мертвецов, без пищи, без перевязки. Они пришли в отчаяние, но жизнь вернулась к ним, когда они увидели своего генерала. Им была оказана всяческая помощь.

Получив донесения, что противник, отступая в величайшем беспорядке, не задерживается нигде и его арьергард прошел уже за Монтебелло, главнокомандующий, повернув налево, направился к Вероне для атаки тирольской армии. Разведчики задержали одного штабного офицера, которого Давидович выслал к Альвинци. Он только что спустился с гор и думал, что

находится среди своих. Из его депеш узнали, что между обеими австрийскими армиями в продолжение трех дней совсем не было связи и Давидович ничего не знает о том, что произошло.

Альвинци потерял за три дня боев при Арколе 18 000 человек, из которых 6000 пленными, а также четыре знамени и 18 пушек.

X

Торжествующая французская армия вошла в Верону через Венецианские ворота спустя три дня после того, как она тайком вышла оттуда через Миланские ворота. Трудно описать изумление и энтузиазм населения. Враги, даже самые явные, не могли скрыть своего восхищения и присоединяли свои поздравления к поздравлениям патриотов.

Но армия не остановилась. Она переправилась через Адидже и двинулась на Давидовича, который 17-го атаковал Буссоленго и отбросил Вобуа на Кастельнуово.

Массена был направлен к Кастельнуово, где он соединился с Вобуа и атаковал Риволи. Ожеро, двинувшись по левому берегу Адидже на Дольче, захватил в плен 1500 человек, два понтонных парка, девять орудий и большой обоз.

Однако такие большие результаты были достигнуты не без потерь; армия, больше чем когда-либо, нуждалась в отдыхе, и было бы нецелесообразно двинуться в Тироль и доходить до Триента. Она заняла Монте-Бальдо, Корону, ущелья Киезы и Адидже. Армия Альвинци собиралась в Бассано, войска Давидовича – в Триенте.

Можно было ожидать, что Мантуя откроет свои ворота раньше, чем австрийскому главнокомандующему удастся сформировать новую армию. Гарнизон этой крепости стал получать вдвое уменьшенный паек, дезертирство увеличилось, госпитали были переполнены. Все предвещало скорую сдачу: смертность была огромная, болезни каждый месяц уносили в могилу больше людей, чем требовалось для выигрыша большого сражения.

Глава IX. Очерк операций Самбро-Маасской и Рейнской армий в Германии в 1796 г.

I. Зимние квартиры в 1796 году. – II. Выделение из австрийских армий в Германии 30 000 человек в Италию. – III. Марши и бои в июне. – IV. Рейнская армия прибывает на Неккар 18 июля. – V. Самбро-Маасская армия прибывает на Майн 12 июля. – VI. Переход Самбро-Маасской армии с Майна на Наб. Позиции, занимаемые ею 21 августа. – VII. Переход Рейнской армии с Неккара на Лех. Нересгеймское сражение (11 августа). Позиции, занимаемые ею 23 августа. – VIII. Маневр эрцгерцога Карла против Самбро-Маасской армии. Амбергское сражение (24 августа). Поспешное отступление этой армии. Вюрцбургское сражение (3 сентября). Расположение Самбро-Маасской армии на Лане 10 сентября. Переправа ее обратно через Рейн 20-го. – IX. Марши и контрмарши Рейнской армии в продолжение сентября. Ее отступление. Биберахское сражение (2 октября). – X. Переход Рейнской армии через Шварцвальд. Эльц-Кандернское сражение. Переправа этой армии через Рейн по Гюнингенскому мосту 26 октября. – XI. Осада Келя и гюнингенского предмостного укрепления. – XII. Замечания.

I

Пруссия заключила мир с республикой в апреле 1795 года Конвенция, подписанная 17 мая, устанавливала правила, каких воюющие армии должны были придерживаться при проходе через прусские провинции. Но эта конвенция вызвала много споров, и 5 августа 1796 года в Берлине было постановлено, что будет создана разграничительная линия от Везеля на Рейне, вдоль границ Тюрингенских гор, и ни одна из воюющих армий не может ее переходить.

Владения прусского короля и присоединяющихся к Прусской конфедерации германских государей, лежащие к югу от этой линии, делаются нейтральными. Однако воюющие армии могут проходить по ним с оплатой за предметы довольствия, какие им потребуются, но без права возводить какие-либо укрепления.

В течение лета 1795 года австрийцы действовали на Рейне двумя армиями: одна – Нижнерейнская, под командованием фельдмаршала Клерфайта, другая – Верхнерейнская, под командованием фельдмаршала Вурмзера. Против первой французами была выставлена Самбро-Маасская армия, под командованием генерала Журдана, против второй – Рейнская

армия, под командованием Пишегрю, занимавшая контрвалационные линии вокруг Майнца.

Несмотря на отпадение Пруссии, эта кампания окончилась в пользу австрийцев. В октябре они форсировали майнцские контрвалационные линии, захватили на них большое количество полевой артиллерии и оттеснили Пишегрю на вейссембургские линии. Военные действия окончились перемирием, подписанным 23 декабря 1795 г., по которому было постановлено: 1) Самбро-Маасская армия занимает крепость Дюссельдорф, с выставлением аванпостов в трех лье впереди по левому берегу Вуппера; далее ее разграничительная линия протянется по левому берегу Рейна до устья реки Наг, около Бингена, от которого поднимется вверх по левому берегу Нага до гор, пойдет к границам Эльзаса, последует по вейссембургским линиям и от них по Рейну до Базеля; 2) австрийцы выставляют аванпосты по левому берегу Зига, впадающего в Рейн напротив Бонна; местность между Вуппером и Зигом считается нейтральной; от устья Зига австрийская линия следует по правому берегу Рейна до устья реки Наг, откуда она пересекает Рейн около Бингена и поднимается вверх по правому берегу Нага до гор.

Таким образом, австрийцы занимают Майнц и всю местность по левому берегу Рейна до Вейссембурга, откуда их линия переходит на правый берег и следует по нему до Базеля. После заключения этого соглашения Журдан перенес свою главную квартиру в Гундсрюк, Пишегрю – в Страсбург, Клерфайт – в Майнц и Вурмзер – в Мангейм.

Франция и Австрия в течение зимы предприняли все, что можно было сделать для пополнения, обмундирования и приведения своих армий в наилучшее состояние. Успехи минувшей кампании породили в Венском кабинете большие надежды. Он отозвал Клерфайта и заменил его эрцгерцогом Карлом. Генерал Пишегрю внушал тревогу французскому правительству: операции, приведшие к неудачам в конце кампании, были проведены настолько неправильно, что их приписывали измене.

Однако у Директории не было доказательств. Она не смела остановиться на столь печальной мысли, но ухватилась за первый попавшийся предлог, чтобы отозвать этого генерала из армии. Он был назначен послом в Швецию. Пишегрю отказался от этого дипломатического назначения и удалился в свои поместья. Главнокомандующим Рейнской армией был назначен Моро, и 23 мая 1796 года он вступил в командование.

II

Между тем в Италии кампания началась уже в апреле. Сражения у Монтенотте, Миллезимо и Мондови заставили сардинского короля подписать конвенцию в Кераско и выйти из коалиции. Эти новости тем более озадачили Придворный военный совет, что он рассчитывал на таланты и репутацию генерала Болье. Он приказал эрцгерцогу отказаться от перемирия и начать военные действия на Рейне, отчасти чтобы помешать французам отправить подкрепления за Альпы, а отчасти чтобы отвлечь общественное мнение от итальянских катастроф.

При отъезде из Парижа, в конце февраля, Наполеон получил обещание, что в течение апреля Рейнская и Самбро-Маасская армии начнут кампанию. Однако в конце мая они были все еще на своих зимних квартирах. Все победы, одержанные Итальянской армией, ее продвижение вперед подчеркивали срочную необходимость ввести в действие французские армии на Рейне.

Под разными предлогами эта минута отдалялась. Наконец неблагоразумие противника сделало то, чего французскому правительству не хватало мудрости приказать своим генералам. Моро, пребывавший до того в Париже, едва успел доехать до Страсбурга. Все войска, стоявшие по квартирам на Мозеле, Сааре и Маасе, пришли в движение, и 1 июня военные действия возобновились.

Тем временем известия о сражении у Лоди, о переправе через Минчио, о сражении при Боргетто, об обложении Мантуи, о прибытии главной квартиры французской армии в Верону и о расположении ее аванпостов в горах Тироля изменили замыслы Венского двора. Эта армия, говорили там, не ходит, а летает по воздуху, никакая преграда ее не останавливает. Необходимо ее укротить.

Вурмзер получил приказ отправиться в Италию с 30 000 человек армии Верхнего Рейна, чтобы служить резервом для остатков армии Болье, переформировавшейся в Тироле, в Каринтии и в Карниоле, двинуться на поддержку Мантуи, прежде чем эта крепость падет, и отвоевать наследственные области Ломбардии, сохранение которой для двора было важнее, чем рискованные завоевания во Франции.

Император объединил под командованием эрцгерцога обе свои рейнские армии, приказал не начинать военных действий и считать действительным существующее перемирие. Но этот приказ прибыл слишком поздно: за два часа перед тем начались военные действия.

Эрцгерцог, ослабленный выделением Вурмзера, отказался от всех завоевательных планов, которые он составил, и ограничился обороной переправы через Рейн и прикрытием Германии.

Под его началом были: 1) армия Нижнего Рейна, под командованием генерала от артиллерии Вартенслебена и фельдмаршал-лейтенантов: Края, Вернека, Готце, Грубера, Коллоредо-Мельса, Штаадера и Линдта; она состояла из 101 батальона пехоты – 71 000 человек, 139 эскадронов кавалерии – 22 700 человек, в общем 93 700 человек, из которых должны были быть выделены части для гарнизонов Эренбрейтенштейна, Майнца и Мангейма; 2) армия Верхнего Рейна, под командованием генерала от артиллерии Латура, взамен отбывшего Вурмзера, и подчиненных ему фельдмаршал-лейтенантов: Старая, Фрелиха, князя Фюрстенберга, Рейсса, Риша и принца Конде; она состояла из 58 батальонов пехоты – 65 000 человек, 120 эскадронов кавалерии– 18 000 человек, в общем 83 000 человек.

Общее количество войск Австрии на Рейне, таким образом, равнялось в мае 176 700 человек. Уход 30 000 человек из этой армии в Италию, не считая 6000 человек, отправленных туда раньше, уменьшил армию эрцгерцога до 140 000 человек.

Обе французские армии, вместе взятые, насчитывали в строю свыше 150 000 человек. Самбро-Маасская армия состояла из 65 000 человек пехоты, 11 000 кавалерии, в общем из 76 000 человек; Рейнско-Мозельская армия – из 71 000 человек пехоты, 6500 кавалерии, в общем из 77 500 человек. Первая была разделена на три корпуса. Левый, под командованием Клебера, образованный из дивизий Колло и Лефевра, находился на правом берегу Рейна, в Дюссельдорфе.

Главнокомандующий Журдан был в Гундсрюке с центром, образованным из дивизий Шампионе, Гренье и Бернадотта. Правый корпус, под командованием Марсо, состоял из его собственной дивизии и из дивизии Понсе. Генерал Бонно командовал резервом. Рейнско-Мозельская армия была сведена в три корпуса: Дезе командовал левым, у него были дивизии Бопюи и Дельмаса; Сен-Сир командовал центром (дивизии Дюгема и Тапонье), Ферино командовал правым (дивизии Делаборда и Тарро), и генерал Бурсье командовал кавалерийским резервом.

III

1 июня Клебер вышел из Дюссельдорфа со своим корпусом силой в 80 батальонов и 20 эскадронов, 2-го прибыл на Зиг, переправился через эту реку после авангардного боя и овладел укератской позицией. 4-го он атаковал принца Вюртембергского, стоявшего с корпусом в 15 000 человек на Альтенкирхенских

высотах, разбил его, захватил 2000 пленных, четыре знамени, 12 пушек и двинулся на Лан.

Главнокомандующий Журдан переправился через Рейн в Нейвиде и соединился со своим левым корпусом на Лане. Марсо снял свой биркенфельдский лагерь и двинулся к Майнцу. Эрцгерцог Карл подтянул с Верхнего Рейна 8-тысячный отряд и двинулся на Самбро-Маасскую армию. 15 июня он ее атаковал, разбил в Вецларе дивизию Лефевра, захватил у него одно знамя и семь пушек.

Журдан отказался от своего предположения дать сражение 17 июня и начал отступать по всему фронту. Он переправился обратно через Рейн с частью своей армии по Кельскому и Нейвидскому мостам, направив Клебера на Дюссельдорф. Сильно теснимый противником, этот генерал был вынужден 19 июня принять бой в Альтенкирхене, из которого он вышел с честью, без чувствительных потерь, и снова занял свою дюссельдорфскую позицию.

Уходя с частью войск в Италию, Вурмзер укоротил свою позицию и поставил левый фланг на Рейне у городка Франкенталя, который был им укреплен, и правый фланг – в горах. Моро приказал Дезе и Сен-Сиру атаковать его. Первый стал маневрировать между Рейном и горами, второй – через Гомбург и Цвейбрюккен[41]. 15 июня после жаркого боя австрийский арьергард был опрокинут и должен был отступить в мангеймское предмостное укрепление с потерей тысячи человек. Но этот небольшой успех не возмещал неудачи, испытанной в течение этого времени Самбро-Маасской армией.

IV

Французское правительство наконец почувствовало, что маневры Моро на левом берегу Рейна нисколько не помогали Самбро-Маасской армии. Оно приказало ему переправиться через Рейн. 24 июня, в 2 часа утра, Дезе с 2500 человек овладел островом Эрлен-Рейн и в течение утра – Келем. Он взял 800 пленных и 12 пушек. Вечером он начал наводить понтонный мост, закончив его в полдень 25-го.

В этот день две его дивизии, кавалерийский резерв, главная квартира и одна из дивизий Ферино переправились на правый берег, всего 40 000 человек. Генерал Сен-Сир со своими двумя дивизиями остался на левом берегу мангеймского предмостного укрепления, другая дивизия Ферино – на Верхнем Рейне. Генерал Старай с 26 батальонами, среди которых была часть армии Конде

и швабский контингент, получил задание охранять Рейн от Швейцарии до Раштадта. Латур с 22 батальонами был в Мангейме.

Он охранял участок от Раштадта до Майна и занимал на левом берегу мангеймское предмостное укрепление. Войска Старая были разбросаны вдоль правого берега. У него было два небольших лагеря, каждый на 6000 человек, расположенных в нескольких лье от Келя, – один в Вильштедте, другой около Оффенбурга. 26-го Ферино поднялся вверх по Рейну, направившись на вильштедтский лагерь, и 28-го – на оффенбургский лагерь. Противник их эвакуировал.

В то же время Дезе со своим корпусом и резервом армии направился на Ренх, где занимал позицию генерал Старай с 10 000 человек. Он его энергично атаковал, сбил с позиции, взял десять пушек, 1200 пленных и преследовал до Раштадта, куда только что прибыл генерал Латур из Мангейма с 25 000 человек, который занял позицию за рекой Мург. Но как только Сен-Сир узнал о движении противника от Мангейма на Верхний Рейн, он двинулся вслед за ним по левому берегу, перешел по кельскому мосту, вышел на Фрейденштадт, овладел редутами, расположенными на горе Книбис, и форсировал переправу через реку Мург после ожесточенного боя, продолжавшегося весь день.

15 июля генерал Латур отступил за реку Альб, потеряв 1000 человек. Французская главная квартира была перенесена в Раштадт. В течение этого времени Ферино овладел берегом реки Кинциг, поднялся вверх по Рейну, и по мере того как он продвигался вперед, бригады, занимавшие позиции на левом берегу, переправлялись через эту реку и увеличивали его корпус.

Жан-Батист Клебер
(1745—1800)

Французский генерал и участник наполеоновских войн Жан-Батист Клебер, главнокомандующий французской армией в Египте, где он погиб от руки фанатика.

Эрцгерцог, узнав 26 июня о переправе через Рейн у Келя, выступил во главе 24 батальонов и 29 эскадронов на поддержку своей Верхнерейнской армии, оставив для наблюдения за Журданом 36 000 человек под начальством Вартенслебена и 26 000 человек в гехтсгеймском укрепленном лагере для прикрытия Майнца.

Он соединился с генералом Латуром за рекой Альб, и у него под командованием оказалось 44 батальона и 80 эскадронов, а именно: на его левом фланге, в горах, под командованием

генерала Кайма, 18 батальонов и 19 эскадронов; в центре, перед Эттлингеном, 13 батальонов и 28 эскадронов; на правом фланге, под командованием генерала Латура, 10 батальонов и 29 эскадронов и три батальона с четырьмя эскадронами в наблюдательных отрядах.

С такими значительными силами он предполагал атаковать 10-го французскую армию и сбросить ее в Рейн. Но генерал Моро упредил его. 9-го Сен-Сир форсировал Ротенсоль, разбил Кайма, отбросил саксонцев на Неккар. Эрцгерцог, узнав об этом, приказал двинуть свой центр и правый фланг против Дезе. Дезе в деревне Малый сдержал эрцгерцога. Он проявил много отваги, продержался большую часть дня и лишь вечером отошел на другую позицию, немного позади.

Такое энергичное сопротивление озадачило неприятеля, который, опасаясь, что его отрежет генерал Сен-Сир, уже дошедший до Нейенбурга, начал 14-го отступление на Пфорцгейм, выделив десять батальонов на пополнение гарнизонов Филиппсбурга и Мангейма. На следующий день он продолжал свой путь на Штутгарт, где переправился через реку Неккар, преследуемый генералом Сен-Сиром.

Со своей стороны генерал Ферино овладел биберахской позицией на Кинциге, перешел через Шварцвальд и прибыл в Виллинген. Противник совершенно очистил всю местность между Рейном и Шварцвальдом. В городах Шварцвальда были поставлены французские гарнизоны.

V

Как только в главной квартире Самбро-Маасской армии узнали, что Рейнская армия произвела переправу через Рейн, генерал Клебер 29 июня выступил из Дюссельдорфа. Ему была придана дивизия Гренье, переправившаяся через Рейн в Кельне. В Лимбурге у него был бой, и 8 июля он переправился через Лан. Главнокомандующий Журдан с остальной армией присоединился к нему на Нейвидском мосту, оттеснил генерала Вартенслебена, имея небольшие авангардные стычки, и переправился через Лан тремя колоннами по трем мостам: Гиссенскому, Вецларскому и Лейнскому.

Во Фридберге, после ожесточенного боя, противник был им разбит, и 12-го Журдан переправился через Нидду, вышел на равнины Майна, занял позицию перед Франкфуртом и заключил с Вартенслебеном перемирие на несколько дней для переговоров о сдаче Франкфурта, открывшего свои ворота.

Но это дало время противнику выиграть два перехода и уйти на Верхний Майн. Франкфурт был хорошо вооружен, обильно снабжен боевыми и съестными припасами. Форт Кенигсштейн, расположенный в одном переходе от Франкфурта на большом Кельнском шоссе, сдался 21 июля. В нем находились 93 пушки и 600 человек гарнизона.

VI

Журдан, получив инструкцию правительства, оставил Марсо перед крепостями с 30 000 человек, а сам только с шестью дивизиями, в составе 50 000 человек, двинулся вперед, в глубь Германии. Он следовал по окраине Тюрингенских гор, окаймляющих Саксонию, и таким образом удалялся от Дуная. 21 июля его авангард вступил в Швейнфурт, а главная квартира прибыла туда 26-го. Вюрцбург и его цитадель, занятые 3000 человек князя-епископа, капитулировали 24-го, и гарнизон сложил оружие.

Форт Кенигсгофен капитулировал 3 августа. Генерал Вартенслебен с 31 000 человек отступил на Бамберг, не оказывая сопротивления. Самбро-Маасская армия последовала за ним, переправилась через Регниц в Бамберге и разбила его в бою у Форхгейма 6 августа. Это вынудило его отступить за реку Вильс. Французская главная квартира 11 августа расположилась в Лауфе. Форт Ротенберг, лежащий на шоссе из Байрейта в Амберг, капитулировал. В нем оказалось 43 орудия.

15 августа французы двинулись на Зульцбах и Амберг. Целый день им пришлось вести бой. Четыре дивизии были введены в дело. Противник очистил свои позиции на Вильсе и отступил за реку Наб у Шварценфельда, все больше удаляясь от армии эрцгерцога. 19-го французская армия была уже по ту сторону Вильса.

Генерал Бернадотт был откомандирован в Ноймаркт, на шоссе из Регенсбурга в Нюрнберг, в 10 лье от Регенсбурга; две французские армии овладели левым берегом Дуная, и их можно было рассматривать как соединившиеся. 20-го главнокомандующий с пятью дивизиями двинулся на Наб. На Вольферингенских высотах противник выдержал жаркий бой, но ночью очистил их.

21 августа диспозиция Самбро-Маасской армии была следующая: главная квартира была в Амберге; пять дивизий (40 000 человек) стояли вдоль реки Наб, имея перед собой армию Вартенслебена; на правом фланге, в 10 лье, стояла дивизия

Бернадотта в 7000 человек, отряженная для наблюдения за Регенсбургской дорогой; Марсо с тремя дивизиями в 30 000 человек блокировал Майнц, Эренбрейтенштейн и охранял реку Майн. Наб – небольшая речка, впадающая в Дунай в одном лье выше Регенсбурга. Операционная линия Самбро-Маасской армии шла через Лауф, Нюрнберг, Бамберг и Вюрцбург. Эта армия не имела коммуникаций с Рейнской, хотя обе французские армии владели левым берегом Дуная и были расположены между армиями эрцгерцога и Вартенслебена. Самбро-Маасская армия находилась в одном переходе от границ Богемии.

Бои под Амбергом и Вольферингом были очень кровопролитны. Поле сражения осталось за французами, хотя потери обеих сторон были почти равны. Число пленных с той и другой сторон не превышало 200–300 человек. Это – единственные события, притом сами по себе незначительные, происшедшие после выступления из Франкфурта.

VII

Рейнская армия переправилась через Неккар 22 июля и следовала за эрцгерцогом Карлом по двум шоссе – Гмюндтскому, левому, и Гёппингенскому, правому. Эти два шоссе, идущие: первое – по долине Ремса и второе – по долине Вильса, пересекают горы Альб, называемые Вюртембергскими Альпами. Движение Рейнской армии было медлительным, и это навело эрцгерцога Карла на мысль, что она не решается серьезно действовать за Неккаром. Он распорядился занять позицию на Вейссенштейнском плато. Но 23 июля Дезе, прибыв в Гмюндт, стал по пятам преследовать неприятельский арьергард и завязал бой в Аалене, где захватил 500 пленных.

В тот же самый день Сен-Сир, следовавший по правому шоссе, прибыл в Гейденгейм, на реке Бренц. 5 и 8 августа происходили авангардные бои с переменным успехом и потерей нескольких сот человек. Саксонские части оставили австрийскую армию и вернулись в Саксонию.

Между тем эрцгерцог Карл, рассудивший, что французские армии были отделены одна от другой только тремя переходами и намереваются произвести соединение в Альтмюле, решил рискнуть на сражение с целью помешать этому. Его арьергард превратился в авангард. Он его выдвинул в Эттлинген, где этот авангард 10 августа был атакован французами, опрокинувшими его и захватившими 300–400 пленных. 11-го на рассвете выступила восемью колоннами вся австрийская армия.

Французская армия была впереди Нересгейма, где она занимала фронт в восемь лье; в ней имелось налицо 48 батальонов и 66 эскадронов – 45 000 человек. Дюгем с 6000 человек образовал правый фланг, опиравшийся на Бренц, в двух лье от Дуная. Тапонье был в центре, имея девять батальонов на высотах Дюнстелькингена и три – в Дишингене, немного позади. Бопюи командовал левым флангом впереди Швейндорфа. Дельмас с 8000 образовал авангард и находился в Бонфингене.

Из трех левых колонн эрцгерцога две направились на Дишинген и Диллинген и атаковали Дюгема с фронта и с тыла, отделили его от центра и отбросили на один переход назад, в то время как третья колонна под командованием генерала Фрелиха переправилась через Дунай в Ульме и ударила на французскую армию с тыла. Французская главная квартира, обозы и хозяйственно-административная часть были изгнаны из Гейденгейма и бежали в направлении на Аален.

Таким образом, с самого начала сражения французская армия была обойдена, отрезана и потеряла свою операционную линию. В обозах и резервах возник беспорядок. Это был довольно серьезный результат, но те три колонны, которые были использованы для его достижения, оказавшись в трех лье от поля сражения, не смогли принять участия в деле.

Две правые колонны направились по Нордлингенскому шоссе, прошли между авангардом и левым флангом и атаковали оконечность боевой линии, где командовал генерал Газан. Три колонны центра, предназначенные для главной атаки, руководимые лично самим эрцгерцогом, состояли из 19 батальонов и 24 эскадронов. Они вышли на Ауфгаузен, опрокинули посты Сен-Сира, не ожидавшего такой сильной атаки и занимавшего еще позиции, на которых его застал накануне вечер Эттлингенского боя.

Он стянул свои войска на Дюнстелькингенские высоты. Все усилия эрцгерцога взять эти позиции в течение оставшейся части дня были тщетны. Та и другая стороны потеряли по 6000–7000 человек. Ночью эрцгерцог отошел своим правым флангом по дороге между Нордлингеном и Донаувертом в меттингенский лагерь, а своим левым флангом в Диллинген на Дунае. Центр ночевал на поле сражения. Небольшая французская колонна вновь взяла Гейденгейм и восстановила коммуникационные линии армии.

Это побудило Моро остаться на поле сражения, чтобы подобрать раненых и подготовиться либо к отступлению, либо к движению вперед, в зависимости от сведений, которые поступят. Он одержал победу. Самбро-Маасская армия уже переправилась

через Регниц и, казалось, направлялась через Амберг на Регенсбург.

Она выиграла несколько переходов у эрцгерцога Карла, который, не успев в бою 11-го опрокинуть французскую армию и отбросить ее в ущелья гор Альб, не мог больше терять ни минуты, чтобы не оказаться в окружении. Ночью он начал отступать, считая соединение обеих французских армий совершившимся фактом и отказавшись от попыток ему воспрепятствовать. Вследствие этого он оставил левый берег Дуная, Верниц, Альтмголь и переправился обратно через Дунай и Лех. Кампания для австрийцев казалась проигранной.

В продолжение этого времени генерал Ферино с 23 батальонами и 17 эскадронами, третьей частью армии, пройдя через горы Шварцвальда, овладел Линдау и Брегенцом на Констанцском озере, где оставил семь батальонов и три эскадрона под командованием генерала Лаборда для наблюдения за выходами из Тироля, и двинулся через Штоках на Мемминген с 16 батальонами и 14 эскадронами. 13-го генерал Аббатучи, командовавший его авангардом, атаковал корпус Конде в Миндельгейме и уничтожил несколько его полков, затем присоединился к Рейнской армии и образовал ее левый фланг на реке Лех.

VIII

Генерал Моро несколько дней оставался на нересгеймском поле сражения. Наконец он двинулся на Донауверт, но возвратился к Гохштедту, не направив даже часть кавалерии на Альтмюль, чтобы попытаться войти в связь с Самбро-Маасской армией. Подобные колебания и бесцельные маневры ободрили эрцгерцога, он увидел, что еще сможет помешать соединению обеих армий, на что он перестал уже было надеяться.

Он оставил за Лехом генерала Латура с 30 батальонами, чтобы сдерживать и замедлять движение Рейнской армии, а сам с отрядом в 30 000 человек пехоты, кавалерии и артиллерии переправился через Дунай и двинулся по Нюрнбергскому шоссе. 22 августа он атаковал Бернадотта на его позиции перед Ноймарктом, преследовал его до Лауфа и Нюрнберга и отбросил на Форхгейм. Генерал Вартенслебен тотчас же перешел в наступление и переправился через Наб.

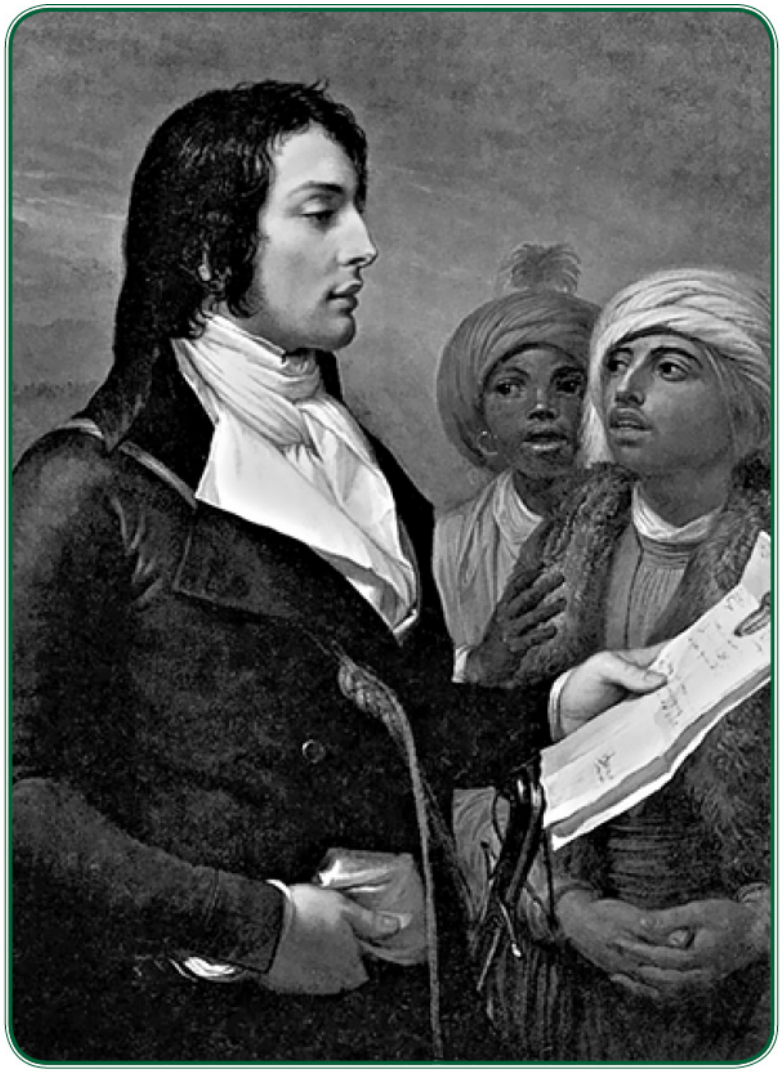
Самбро-Маасская армия отступила на Амберг и Зульцбах, но, атакованный на этой позиции с фронта Вартенслебеном, во фланг и с тыла – отрядом армии эрцгерцога Карла, ее

главнокомандующий не захотел рискнуть на серьезное дело. Его отступление стало очень затруднительным; армия потеряла свою коммуникационную линию – шоссе из Лауфа в Нюрнберг. Армии пришлось маневрировать в горах и по едва проходимым для повозок дорогам; артиллерия и обозы ее пришли в плохое состояние.

Эти поспешные и беспорядочные переходы плохо повлияли на дисциплину в армии, которая пришла 26-го в Форхгейм, а левым флангом в Эберманнштадт, где она провела 28-е. Главнокомандующий намеревался провести несколько наступательных операций, но не смог этого выполнить вследствие быстроты движения эрцгерцога Карла и его наступательных демонстраций в тылах французской армии: противник уже направил одну дивизию на Бамберг, поднял тревогу в главной квартире, внес беспорядок в парки и в административно-хозяйственную часть, преградил дорогу из Бамберга в Швейнфурт, куда армия смогла прибыть только 31 августа, после трех дней форсированных маршей и пробивая себе дорогу штыками. В этом городе она остановилась на отдых, в котором так нуждалась.

Вюрцбург был занят генералом Готце, блокировавшим своей дивизией цитадель, где был заперт генерал Болемон, начальник артиллерии, с 8000 человек. Готце был поддержан дивизией Старая. Эрцгерцог с остальной армией был в одном переходе позади. Журдан воспользовался таким распылением армии противника и решил открыть себе дорогу на Вюрцбург.

2 сентября перед полуднем он выступил и на следующий день, 3-го, атаковал эрцгерцога Карла. Во время сражения прибыли Край и Вартенслебен и противопоставили ему 40 000 человек пехоты и 12 000 кавалерии. Французов было только 30 000 человек: они проиграли сражение. Дивизия Лефевра была оставлена ими в Швейнфурте.



Андреа Аппиани.
Луи Шарль Антуан Дезе. *Ок. 1800 г.*

Луи Шарль Антуан Дезе (1768—1800) — французский генерал, участник египетского похода и герой Маренго, был одним из немногих, кто высказывался против лишения Людовика XVI престола, за что был арестован, просидел в тюрьме около двух месяцев, но был освобожден по ходатайству генерала де Кюстина.

Прекрасно зарекомендовал себя в Рейнской армии и в 1794 г. был произведен в дивизионные генералы. Оставаясь роялистом, Дезе открыто возмущался казнью Кюстина, из-за чего Конвент отдал новый приказ о его аресте, однако произвести его не позволили солдаты Дезе. Дезе восхищался военными подвигами Бонапарта и, познакомившись с ним, принял вместе с ним участие в египетской экспедиции.Участие Дезе в битве при Маренго оказалось решающим для победы французской армии, но самому Дезе стоило жизни.

Журдан отступил на Арнштейн и на реку Лан, куда прибыл 10 сентября; его войска изнемогали от усталости и были сильно деморализованы. Он расположил свою главную квартиру в Вецларе. С 22 августа ему пришлось драться против армии Вартенслебена и эрцгерцога, силою в 68 000 бойцов, у него же их было только 44 000. Прибыв на Лан, он соединился с Марсо и с дивизией в 10 000 человек, прибывшей из Голландии, после чего оказался численно сильнее своего противника.

В течение 15 дней он потерял все свои завоевания в Германии единственно благодаря маневрированию своего противника и проигрышу Вюрцбургского сражения. Но все еще могло быть поправлено. Все заставляло верить, что участь кампании должна измениться и что она окончится в нашу пользу.

Он хорошо сознавал, что ему нужно делать, но у него недоставало энергии и решительности. Он допустил упредить себя на Лане и отбросить за Рейн. Доблестный Марсо был убит в бою при Альтенкирхене. Клебер и Колло были отозваны из армии за неподчинение. Армия была разбросана: часть переправилась через Рейн, а дивизия Лефевра занимала дюссельдорфский лагерь.

Немного спустя Журдан оставил командование армией, но, как это ни странно и ни трудно объяснимо, Директория заменила его Бернонвиллем, человеком, едва способным вести батальон.

Эрцгерцог покинул берега Лана с 12 000 человек с целью двинуться против Рейнско-Мозельской армии, все еще

находившейся в Баварии, оставив генерала Вернека с 50 000 человек наблюдать за Самбро-Маасской армией.

IX

23 августа, через 12 дней после Нересгеймского сражения, Рейнско-Мозельская армия переправилась наконец через Дунай и двинулась на Лех. Генерал Дезе с левым флангом армии прибыл к устью Леха, напротив Раина. Центр, под начальством Сен-Сира, был в Аугсбурге, а правый фланг, под командой Ферино, был напротив Ландсберга.

Генерал-лейтенант Латур, назначенный для обороны переправ через Лех, расположил три батальона в Ингольштадте, дивизию из восьми батальонов, с 20 эскадронами, напротив Раина – для обороны Нижнего Леха – и 15 батальонов на Фридбергских высотах напротив Аугсбурга. Корпус Конде образовал левый фланг напротив Ландсберга. 24-го генерал Ферино форсировал переправу у Гауштедтена, Сен-Сир переправился по Лехгаузенскому броду перед Аугсбургом, и Дезе – по Лантвидскому броду.

Аугсбургские мосты были тотчас же приведены в исправность, и оказавший сильное сопротивление генерал Латур был отброшен с прекрасных фридбергских позиций. Он оставил победителю 17 пушек и 1500 пленных.

После переправы через Лех правый фланг французской армии передвинулся на Дахау, в трех лье от Мюнхена, расположив авангард под стенами этого города, центр – у Пфаффенгофена, левый фланг – у Гейденфельда и выслав наблюдательный отряд на Ингольштадт. Австрийский главнокомандующий перенес свою главную квартиру в Ландсхут на Изаре, где собрал главные силы армии.

Дивизия генерала Науендорфа силою в 8000 человек, которая была выделена эрцгерцогом для наблюдения за Дунаем после Амбергского сражения, занимала Абендсберг и прикрывала Регенсбург; корпус Конде занимал Мюнхен. В таком положении он выжидал несколько дней наступления французского генерала, но, видя, что тот не двигается, заподозрил, что тот переправился на левый берег Дуная для преследования эрцгерцога Карла.

Вследствие того 1 сентября он двинулся со всеми своими войсками несколькими колоннами на Гейзенфельд, атаковал французский левый фланг и дошел до реки Паар, но вскоре был оттеснен и узнал от пленных, что армия стоит, не двигаясь, и вся целиком находится на правом берегу Дуная. Тогда он возвратился

на свои позиции. В этом бою потери с обеих сторон были равные, противник оставил французам одну гаубицу.

7 сентября генерал Моро без всякого плана решил двинуться вперед. 9-го левый фланг направился в Нейштадт, примыкая к Дунаю, напротив Абендсберга, центр – на Майнбург и правый фланг – на Мосбург. Мюнхен и Фрейзинг были заняты французами, но противник стоял по левому берегу Изара. Моро встретил мало препятствий при этом движении. Он захватил 500–600 пленных.

Противник ждал, что Моро направится на Регенсбург, но 8-го и 9-го тот не двигался, а 10-го начал отходить на свои прежние позиции и отрядил генерала Дезе с 12 000 человек на розыски Самбро-Маасской армии, находившейся к этому времени в 80 с лишним лье от него. Дезе в ночь с 11-го на 12-е переправился через Дунай в Нейбурге и 12-го прибыл в Эйхштет, откуда 14-го выдвинулся на Гейдек, на полпути к Нюрнбергу.

Там он узнал все подробности о событиях, происшедших за долгое время, и об оттеснении Самбро-Маасской армии на Рейн. Он пошел назад и 16-го присоединился к армии на Дунае. Между тем генерал Латур, узнав про движение Дезе, направился вперед и завязал малозначительные бои на всем фронте, но, получив сведения о слабости отряда Дезе и о превосходящих силах, оставшихся на правом берегу Дуная, он стал действовать с осмотрительностью.

Покинув Рейн, эрцгерцог оставил в крепостях: в Майнце – 15 000 человек пехоты и 1200 кавалерии, в Эренбрейтенштейне – 3000 человек пехоты, в Мангейме – 8000 человек пехоты и 300 кавалерии и в Филиппсбурге – 2500 человек пехоты и 300 кавалерии. Журдан оставил на реке Майн дивизии Марсо, Понсе, Боннара – 26 000 человек – для блокады Майнца и Эренбрейтенштейна.

Но против Мангейма и Филиппсбурга Моро оставил только подвижную колонну в 2800 человек пехоты, кавалерии и артиллерии, под командованием бригадного генерала Шерба, которую он выделил из гарнизона Ландау. Эрцгерцог тотчас же по своем прибытии на Лан приказал генералу Петрашу оттянуть девять батальонов из гарнизонов Мангейма и Филиппсбурга, атаковать генерала Шерба и захватить кельские и гюнингенские предмостные укрепления.

Генерал Шерб был все еще в Брухзале. Вовремя узнав о событиях от перебежчиков, он 13 сентября перешел в отступление и отошел на Кель, еще полностью не восстановленный. Петраш последовал за ним и 18-го атаковал с вчетверо большими силами, но потерпел неудачу и потерял много людей. Этим успехом

французы отчасти обязаны усердию, проявленному Страсбургской национальной гвардией.

Моро был сильно встревожен боем, чуть не помешавшим его отступлению. Он почувствовал необходимость приблизиться к Рейну и начал свое отступление. Он переправился обратно через Лех в тот же самый день, когда Журдан перешел обратно за Рейн. 20-го он занял позицию за Шмуттером, 21-го – за Минделем, 22-го – за Гюнцем. Он двигался тремя колоннами: Ферино командовал левой колонной, Сен-Сир – центральной и Дезе – правой, считая по направлению отхода.

Генерал Шрелих следовал за Ферино, Латур – за Сен-Сиром, генерал Науендорф шел по левому берегу Дуная, на одной линии с Дезе. Крепость Ульм, не имевшая никакого гарнизона, была, к счастью, занята отрядом Монришара на 24 часа раньше, чем генерал Науендорф подошел к ней. 24-го французская армия заняла позицию на Иллере, причем Ферино опирался на Мемминген и Дезе – на Ульм. 25-го, 26-го и 27-го она продолжала свое отступление.

Дезе, следуя по левому берегу Дуная, направился на Эинген. Через 6 часов после того, как он покинул Ульм, туда вошли австрийцы. 27-го армия прибыла на Федер-Зее. Там она узнала, что генерал Петраш занял все проходы Шварцвальда, а шварцвальдские города захвачены восставшими крестьянами. 28-го генерал Латур атаковал по всему фронту, но был повсюду отражен. Генерал Науендорф, до тех пор составлявший со своими войсками правый фланг австрийской армии, покинул этот участок фронта, двинулся на Тюбинген и соединился с Петрашем на ротвейльской позиции, заняв, таким образом, крупными силами долины Кинцига и Ренха, в то время как эрцгерцог Карл с корпусом в 12 000 человек прибыл в селение Ренхен, выслав разъезды на Кинциг, около Келя. Генерал Латур, ослабленный вследствие этого, имел не более 25 000 человек и оказался под ударом.

Однако он стоял лагерем в Швейнгаузене, и ему казалось, что нечего было опасаться. Генерал Моро чувствовал необходимость удалить его, чтобы получить возможность форсировать ущелья. 2 октября он энергично атаковал его в Биберахе. Австрийцы, пытавшиеся оказать сопротивление, были подавлены численным превосходством французов и обратились в бегство, оставив в руках победителя два знамени, несколько пушек и 4000–5000 пленных.

Жан-Луи-Эрнест Мессонье. Генерал Дезе и крестьянин (разведка генерала Дезе на Рейне). *1867 г.*

X

После этого сражения Моро продолжал отступление. Обозы, громоздкие вещи, раненые были направлены через шварцвальдские города на Гюнинген с прикрытием, достаточным, чтобы обеспечить их проход. Правый фланг атаковал ущелья и овладел селениями Ротвейль и Виллинген 10 октября. Сделав поворот на 180 градусов, он двинулся к ущельям Валь-Данфер. 12-го во Фрейбург – в долину Рейна – прибыл Сен-Сир. Армия потратила 13-е, 14-е и 15-е для перехода через это ужасное ущелье. Она заняла позицию за небольшой речкой Эльц, прикрывая Фрейбург.

Между тем эрцгерцог Карл прибыл в Эттенгейм, где к нему один за другим присоединились: 15 октября – Петраш, 18-го – Науендорф, 20-го – Латур. Корпуса Конде и Фрелиха следовали за французской армией через ущелья Валь-Данфер и шварцвальдские города. Таким образом, к 15-му французы оказались в сборе, их пути сообщения с Францией шли через мосты альт-брейзахский и гюнингенский. Моральное состояние и

материальная часть войск улучшились, тем не менее они остались в бездействии.

18-го противник двинулся на них с 36 000 человек, примыкая правым флангом, под командованием Петраша, к Рейну, имея центр под командованием Вартенслебена и левый фланг под командованием Латура. Бились упорно, с равными потерями и равным успехом. Так как Фрелих и корпус Конде вошли в Вальдкирх по долине Шварцвальда, то главнокомандующий счел нужным приблизиться к Фрейбургу, отведя свой правый фланг, но все время прикрывая этот город и Ней-Брейзах. 21-го Дезе переправился через Рейн в Ней-Брейзахе и спустился по левому берегу к Страсбургу.

Армия очистила Фрейбург и заняла позицию, опираясь правым флангом на Кандерн, левым примыкая к Рейну в Шлиенгене. 23-го она была атакована. Ослабленная выделением корпуса Дезе, она значительно уступала в численности противнику, но, занимая прекрасную позицию, обороняла ее, а 26-го, немного потрепанная, переправилась обратно за Рейн по гюнингенскому мосту. Ферино остался на Верхнем Рейне, а остальная армия двинулась на Страсбург.

Таким образом, ведя войну в Германии в течение четырех месяцев, обезоружив и заставив отделиться от императора маркграфа Баденского, герцога Вюртембергского и курфюрста Баварского, заключив с ними перемирие и наложив контрибуции, которые не успела собрать, одержав несколько побед и не потерпев значительных поражений, французская армия отошла обратно за Рейн. На правом берегу у нее остались только крепость Дюссельдорф и предмостные укрепления – кельское и гюнингенское.

XI

Дюссельдорф, лежавший далеко к северу, не привлек к себе внимания австрийцев; но крепость Кель и гюнингенское предмостное укрепление позволяли части армии зимовать на левом берегу Рейна и тревожить Германию. Австрийцы решили овладеть ими. 28 октября 40 000 человек обложили их и перед Келем возвели контрвалационные линии.

Они состояли из 15 редутов, примыкавших справа и слева к Рейну, связанных между собой окопами, имевшими почти 3500 туазов протяжения и целиком охватывавшими на правом берегу всю систему укреплений Келя. Со своей стороны и французы работали с таким же напряжением, чтобы возвести палисады,

вооружить форт и выдвинутые выше и ниже по Рейну флеши[42], установить батареи по всему левому берегу, и прочно закрепились на всех островах, особенно на островах Эрлен-Рейн и Туффю[43].

Перед этим последним, в 1500 туазах от Келя, они соорудили равелин в виде предмостного укрепления. Расстояние от этого равелина до Кинцига было 1000 туазов. Перпендикулярно к Рейну ими были построены укрепленный лагерь периметром в 1000 туазов и предмостное укрепление на острове Эрлен-Рейн. Расстояние от Келя до устья Кинцига, вниз по Рейну, – 500 туазов. Эти укрепления охранялись 16 батальонами, сменяемыми через каждые 24 часа.

Несмотря на такие устрашающие приготовления к обороне, эрцгерцог Карл упорствовал в осаде крепости, которую он мог блокировать только с одного берега и не мог отрезать от Страсбурга и всей Франции. 21 ноября он заложил траншею против кинцигских укреплений. 22 ноября на рассвете Дезе сделал вылазку из кельского укрепленного лагеря во главе 16 000 человек пехоты и 3000 кавалерии. Он прорвал контрвалационные линии и овладел селением Зюнтгейм, расположенным в одном лье от Рейна в тылу у противника.

Но у него были слишком незначительные силы; он был вынужден отойти в свои укрепления, разрушив несколько редутов контрвалационной линии, заклепав 15 пушек, шесть захватив с собой и взяв 1500 пленных. 28 ноября противник сразу открыл огонь всеми своими батареями. Рытье траншеи против укреплений Кинцига было предпринято как ложная атака.

Главную же атаку повели на равелин впереди острова Туффю и против острова Эрлен-Рейн. План противника состоял в разрушении мостов на Рейне. 6 декабря противник овладел островом Туффю и равелином. 9 декабря он овладел всей внешней линией окопов и расположился в старой кельской церкви. 18-го он овладел правым флангом французских окопов и редутом Тру-де-Лу, 3 января – всем островом Эрлен-Рейн, 6-го атаковал флешь, выше по Рейну, разрушив мосты, и 10 января вошел в Кель, который капитулировал.

Французы очистили этот форт и перевезли все на страсбургский берег. Потери с той и другой сторон были очень значительны и расход боевых припасов громадный. Французская артиллерия имела превосходство вследствие огромного числа батарей, которые ею были построены на левом берегу. Заморозки в ноябре, декабре и январе причинили много страданий обеим армиям.

В продолжение этого времени князь Фюрстенберг стоял

против Гюнингена с 13 батальонами. Правый фланг Рейнской армии под начальством Ферино остался в этой крепости. Генерал Аббатучи был назначен комендантом предмостного укрепления, и, пока противник готовился к осаде данного укрепления, этот молодой офицер не забывал ни о чем из того, что требуется для ведения самой упорной обороны.

Батареи противника были готовы 25 ноября и начали ожесточенный обстрел предмостного укрепления. 29-го мост был разрушен. 30 ноября австрийцы пошли на штурм с 6000 человек. Бой был сильным и упорным. Противник был отражен, оставив треть людей на поле сражения и в плену. Молодой Аббатучи, 24-летний генерал, подававший самые блестящие надежды, провел вылазку во главе гарнизона, чтобы выгнать австрийцев из люнета[44], где они хотели окопаться.

Это ему удалось, но он был смертельно ранен. Результатом этого штурма было прекращение осады. Но 19 января 1797 года, после взятия Келя, противник вновь заложил траншею, и 19 февраля гарнизон капитулировал и ушел за Рейн.

Успех обеих этих операций позволил эрцгерцогу Карлу расположиться на зимних квартирах вдоль левого берега, в Брисгау и баденских областях, и выделить сильные подкрепления в армию, собиравшуюся за Пьяве, командование над которой он принял в феврале. Она должна была отомстить за Больe, за Вурмзера, за Альвинци и вновь завоевать Мантую, Ломбардию и Италию.

XII

Первое замечание (о плане кампании)

Плохой исход этой кампании следует приписать операционному плану, принятому правительством. Целью вторжения в Германию было:

1) произвести диверсию, которая помешала бы Венскому кабинету выделять новые отряды из Рейнских армий для посылки подкреплений в свою Итальянскую армию;

2) отделить государей Германского союза от императора, подчинить государей Бадена, Вюртемберга и Баварии, привлечь к участию в Прусской конфедерации нейтральных государств Саксонию и тех владетельных князей Севера, которые в нее еще не вошли;

3) поддерживать войну в Германии, извлечь из нее контрибуции и набрать лошадей в целях реорганизации пехоты, кавалерии и артиллерии; ресурсы же республики употребить на создание резервной армии;

4) овладеть крепостями Эренбрейтенштейн, Майнц, Мангейм и Филиппсбург для обеспечения границ по Рейну и высвободить для окончания этой и для ведения следующих кампаний войска, занятые блокадой указанных крепостей;

5) обезопасить зимние квартиры французских армий в Германии и прикрывающие их позиции, овладев Ингольштадтом и Ульмом, чтобы появилась возможность, после взятия Мантуи, весной 1797 года атаковать наследственные владения императора одновременно со стороны Италии и Германии.

Для этого нужно было сделать две вещи: 1) установить тесную блокаду крепостей Эренбрейтенштейн и Филиппсбург, осадить Майнц и Мангейм; 2) прикрывать осады и блокады сильной армией, которая перенесла бы войну внутрь Германии и угрожала бы наследственным владениям императора. Эту сильную армию следовало составить из четырех корпусов, каждый в составе трех пехотных дивизий, нескольких конноегерских и гусарских бригад и из резерва тяжелой кавалерии. Численность этой армии должна была составить 140 000–150 000 человек.

Обсервационную армию на Рейне следовало составить из трех корпусов, в которые включить семь пехотных дивизий и несколько кавалерийских бригад, всего 60 000 человек. Первый ее корпус, силой в две дивизии, должен был охранять Голландию и Дюссельдорф и блокировать Эренбрейтенштейн.

Второй корпус, силой в три дивизии, должен был осаждать Майнц. Третьим корпусом, из двух дивизий, нужно было блокировать Филиппсбург и Мангейм, охранять Кель и гюнингенское предмостное укрепление. Общая численность обеих армий должна была составить 200 000–210 000 человек.

Эти войска уже существовали: в армиях Рейнской и Самбро-Маасской в начале кампании имелось 160 000 человек, в Голландской армии – 30 000 человек, и 20 000 человек можно было подтянуть из Вандеи и из Внутренней Франции, где в них не было необходимости. В общем составилось бы 210 000 человек.

Траншею перед Майнцем нужно было заложить на другой же день после того, как блокировали крепость. Июня, июля, августа и сентября было достаточно, чтобы ее взять. Было даже возможно с тем же осадным парком выгадать время для взятия еще и Мангейма. Крепости Эренбрейтенштейн и Филиппсбург не смогли бы устоять перед девятимесячной блокадой и капитулировали бы в течение зимы.

Сосредоточение войск в большую общую армию следовало бы осуществить под стенами Страсбурга по левому берегу Рейна в течение февраля, марта и апреля путем замаскированных передвижений. Можно было возлагать большие надежды на столь значительную армию, которой надлежало переправиться через Рейн врасплох и быстро двинуться вперед по всем направлениям, подавляя войска, разбросанные для обороны реки. Армии противника покинули бы Рейн и сосредоточились на Дунае.

Французская армия заняла бы Ульм. Из этого пункта как операционного центра она могла бы маневрировать в Вюртемберге на Верниц, Лех и в Баварии, имея только одну операционную линию, – на Кель, Ней-Брейзах и Гюнинген. Она все подавляла бы своей массой. На зимних квартирах ей следовало бы стать на границах австрийской монархии, подчинив и обезоружив государей Германского союза.

План кампаний, принятый в Париже, был составлен в противоположном духе: 1) крепости не были ни блокированы, ни осаждены, за ними только велось наблюдение издали; 2) две армии под начальством двух главнокомандующих, независимых один от другого, вступили в Германию по двум взаимно противоположным операционным линиям. Они шли наугад, без взаимодействия, без коммуникаций, и были отброшены, не будучи разбиты в настоящем сражении.

Это произошло от господствовавших тогда в военном искусстве ошибочных взглядов. Было замечено, что в кампании 1794 года, когда противник владел крепостями Конде, Валансьенн, Ландреси и Кенуа, французы потерпели неудачу в

ряде прямых атак на центр и добились успехов только тогда, когда они разделили свои войска на две армии: Северную и Самбро-Маасскую, направив одну – армию Пишегрю – на правый фланг противника через Менен вдоль моря, а другую – армию Журдана – на левый фланг по Самбре. Результатом этого операционного плана было завоевание названных крепостей и Бельгии. Противник был отброшен за Рур и Рейн, а немного спустя капитулировали одна за другой и фландрские крепости.

Но принципы, выведенные из этих наблюдений, были ошибочны. Успехи кампании 1794 года не только не могут быть отнесены на счет плана кампании, наоборот, они были одержаны, несмотря на ошибочность этого плана, единственно по причине громадного численного превосходства войск, которые были выставлены республикой на этой границе. Хотя они и были разделены на две отдельные армии, но каждая из этих армий была по численности почти равна всей австрийской.

В сражении под Флерюсом генерал Клерфайт имел армию такой же силы, как армия Журдана, но армия Журдана была только частью войск, которые Франция имела на севере, Клерфайт же сосредоточил большую часть своих сил. Если бы он разыграл сражение основательно и оказался победителем, то затем разбил бы Пишегрю, и, несмотря на большое число батальонов, французы были бы побеждены вследствие ошибочности их плана.

Если бы вместо двух армий – одной на правом, а другой на левом берегу, – вся французская армия была бы сосредоточена на Самбре, среди флерюсских полей, выставив обсервационный корпус в направлении на Дюнкерк, то армия Журдана, вдвое сильнейшая, чем армия Клерфайта, не встретила бы отпора и, подобно горному потоку, обрушилась бы на левый фланг противника, отрезав ему отступление к Рейну. У нее был бы успех верный и решительный.

Но неудобства, являющиеся следствием таких принципов ведения войны, делаются значительно более опасными при вторжении в неприятельскую страну. Обе французские северные армии в 1794 году опирались своими флангами: первая – на крепости Шарлемон, Живе и Филиппвилль, вторая – на крепость Дюнкерк и на море. Другие их фланговые группы все время опирались на крепости или примыкали к участкам французской территории.

Сообщение между обеими армиями затруднялось, так как противник находился между ними, но оно все время поддерживалось немного позади фронта. В кампанию 1796 года левый фланг, правый фланг и тылы обеих армий в одинаковой

степени висели в воздухе. Во Фландрии каждые 24 часа обе армии согласовывали свои действия в соответствии с приказаниями из Парижа.

В 1796 году управлять из центра стало совершенно невозможно, и все должно было исходить от одного главнокомандующего, а их было два. Следовательно, приходится признать, что ошибочные принципы плана кампании в 1794 году помешали французам добиться решительного успеха, а в 1796 году они были причиной больших потерь и поражений Самбро-Маасской и Рейнско-Мозельской армий.

Республика хотела мира и границы по Рейну. Не было возможности требовать этой границы, пока противник занимал Майнц. Следовало осадить Майнц. Осада была тем менее опасна, что эта крепость лежит на левом берегу.

Армия, двигающаяся на завоевание страны, имеет оба свои крыла примкнутыми к нейтральным странам или к большим естественным преградам, будь то большие реки или горные цепи, или же имеет примкнутым только одно крыло, а иногда и ни одного. В первом случае ей необходимо следить преимущественно только за тем, чтоб ее не прервали с фронта. Во втором случае она должна опираться на обеспеченный фланг.

В третьем случае она должна заставить свои корпуса прочно опираться на собственный центр и никогда не разделяться. Если трудно победить, имея два фланга открытыми, то эта трудность удваивается, если их четыре, утраивается, если их шесть, учетверяется, если их восемь, то есть если армия разделяется на два, три или четыре отдельных корпуса. Операционная линия армии в первом случае может опираться на правый или левый фланг; это безразлично.

Во втором случае она должна опираться на обеспеченный фланг. В третьем случае она должна быть перпендикулярна середине фронта движения армии. Во всех случаях нужно через каждые пять или шесть переходов иметь на операционной линии крепость или укрепленную позицию для сосредоточения складов продовольствия и боеприпасов, для организации обозов и устройства в этих местах обменных пунктов, укорачивающих операционную линию.

Ульм является первой естественной базой вторжения в Германию. Эта крепость, лежащая на Дунае, дает тому, кто ее займет, легкую возможность маневрировать на обоих берегах. Это наиболее удобный пункт для устройства основных складов на самой большой реке Европы, реке, омывающей стены Ингольштадта, Регенсбурга, Пассау и Вены. Со стороны Франции эта крепость лежит у выхода из Шварцвальда.

Второе замечание (Журдан)

1. В начале кампании главнокомандующий Самбро-Маасской армией маневрировал сразу на обоих берегах Рейна, имея левый фланг отделенным этой рекой от центра и правого фланга. Если бы 7 июня Клебер в Альтенкирхене был атакован 30 000 человек, а не 15 000, как это было на самом деле, он был бы поставлен в тяжелое положение. 1 июня следовало всю армию сосредоточить в Дюссельдорфе и двинуться на реки Зиг, Лан, Майн, занять здесь хорошую позицию на высотах, окопаться и ждать тут, пока Рейнская армия не переправится на правый берег Рейна.

2. Прибытие эрцгерцога с частью своих войск на Лан не вынуждало генерала Журдана расчленять собственную армию. Он мог сначала держаться на Лане, укрепившись на хорошей позиции, а если уж решился приблизиться к своим складам, то должен был сделать это, собрав свою армию в кулак на правом берегу Рейна; такое поведение произвело бы впечатление на противника, последний не решился бы ослабить перед лицом его армии свои силы, выделив 24 батальона для борьбы с Рейнско-Мозельской армией.

3. В первых числах июля Самбро-Маасская армия двинулась вперед. Переправа через реку, произведенная Рейнской армией в Келе, заставила эрцгерцога двинуться на Верхний Рейн. Он оставил Вартенслебену только 36 000 человек. Этот отряд следовало разгромить. Но по правилам того времени предписывалось двигаться по всем дорогам, как для облавы. Так как за неприятельским арьергардом следовали только с равными последнему силами и притом без обхода правого и левого флангов, без прорыва в центре, он никогда не попадал в тяжелое положение. Он причинял столько же вреда, сколько наносилось ему самому.

4. От Майна главнокомандующий Самбро-Маасской армией двинулся на Швейнфурт и Бамберг, примыкая своим левым флангом к горам Саксонии, которая только что присоединилась к Прусскому нейтралитету и войска которой из-за этого покинули австрийскую армию, имея свой правый фланг открытым.

Вследствие такого направления он увеличивал расстояние, отделяющее его армию от Рейнской, потому что удалялся от Дуная в тот момент, когда Рейнская армия переправлялась на правый берег этой реки. Обе армии действовали обратно тому, что они должны были делать. Одна армия опиралась на свой левый фланг, другая – на свой правый, тогда как первая должна была опираться на свой правый фланг, а вторая – на свой левый, чтобы произошло их соединение в компактную массу.

5. Самбро-Маасская армия, переправившись через Регниц в

Бамберге 8 августа, двинулась на Нюрнберг и Лауф и оттуда, сделав поворот налево, направилась на реку Наб через Зульцбах и Амберг, подставляя при этом на протяжении в 30 лье свой правый фланг под удар со стороны выходов из Богемии, а левый фланг – со стороны дунайских переправ, которые были в руках противника, потому что он еще занимал Баварию, правый берег Леха и левый берег Верница.

Таким образом, она тянулась колонной в 30 лье длиной, окруженная со всех сторон противником. Таким образом, если переход в 50 лье, от Франкфурта к Бамбергу, противоречил цели, которую она должна была преследовать, – соединению обеих армий, то переход от Бамберга в Амберг был безрассудством и явно ставил на карту участь всей армии. Эта часть Баварии на правом берегу Регница является страной ущелий, образуемых первыми отрогами Богемских гор, страной бесплодной, трудно проходимой, имеющей только один путь сообщения – шоссе из Нюрнберга в Амберг.

Для прикрытия этого шоссе Журдан выслал в Ноймаркт, находившийся в 10 лье, дивизию Бернадотта, чтобы угрожать Регенсбургу. Самбро-Маасская армия должна была из Франкфурта, следуя по левому берегу Майна, двинуться на Мергентгейм, обеспечить свой правый фланг соединением с левым флангом Рейнской армии и тогда, сделав полный поворот своим правым флангом, произвести захождение левым флангом в направлении на Регенсбург.

По прибытии в Вюрцбург у армии было еще время двинуться по прямой на Нюрнберг. По прибытии в Нюрнберг ее главнокомандующему следовало идти по дороге на Ноймаркт и приблизиться к Регенсбургу. В случае необходимости отступления на левый берег Рейна он всегда смог бы осуществить его, поднимаясь вверх по Регницу, а отнюдь не спускаясь вниз по этой реке.

6. Главнокомандующий Самбро-Маасской армией одновременно узнал, что эрцгерцог Карл движется ему навстречу, уже разбил Бернадотта и овладел Лауфом и Нюрнбергом и что все коммуникации его армии перерезаны. Это именно и значит, что его операционная линия была плоха и что он маневрировал вопреки всем правилам ведения войны.

7. Но раз Бернадотт был разбит, что мог сделать главнокомандующий, попав в то ложное положение, в каком он находился? Он должен был форсировать переправу через Наб до прибытия эрцгерцога к Амбергу и двинуться на Регенсбург, от которого был удален только на несколько лье, и здесь провести соединение с Рейнской армией.

Первое же энергичное движение заставило бы эрцгерцога Карла сосредоточить свои силы, отозвать назад все выделенные отряды, что сразу бы прояснило обстановку и рассеяло эту мнимую бурю, сила которой все возрастала, потому что французский генерал все время уступал ей. Австрийцы очень искусны в распространении ложных слухов и в создании ошибочных представлений у населения. Они являются большими мастерами сеять тревогу в тылах армии, но стоит обнажить меч Рено[45], как чары волшебства тотчас же рассеиваются.

8. 1) В Вюрцбургском сражении Журдан совсем некстати оставил четверть своих сил у Швейнфурта; добавление дивизии Лефевра могло бы дать ему победу. 2) Если бы Лефевр выступил из этого города в 2 часа утра 2 сентября, то прибыл бы на поле сражения в 10 часов и, бросившись сразу в атаку, смог бы разгромить 20 батальонов Готце и Старая, овладеть Вюрцбургом и там соединиться с Марсо. Эрцгерцог очень неумело разбросал свои силы.

Он смог их собрать лишь в день боя, 3 сентября, с большим опозданием, но Журдан, прибыв к полудню 2-го, дал эрцгерцогу 18 часов на сбор армии. 3-го, в 9 часов утра, у эрцгерцога в боевой линии было уже 45 000 человек. 3) Журдан занял втрое большее, чем следовало, поле сражения. Ему пришлось поневоле растянуться в одну линию: как бы ни были неустрашимы его войска, их линия не могла не быть прорвана.

Иоганн Петер Краффт. Эрцгерцог Карл
в битве при Асперне в 1809 г. *1820 г.*

9. 1) Лан от Кобленца до Гиссена течет на протяжении 24 лье. Он протекает в 30 лье от Дюссельдорфа. Если бы Журдан сосредоточил все дивизии на своем крайнем левом фланге, в Венцларе, он разбил бы и отбросил своего противника на Майн, а вскоре за этим – на Дунай. После соединения с корпусом Марсо и дивизией из Голландии у него было большое превосходство в силах. Он сам объявил об этом замысле, но время, которое надлежало затратить на его выполнение, он потерял на

проектирование.

Армия у него растянулась кордоном вдоль Лана. Кордон этот и прорвали в направлении на Лимбург вследствие отступления корпуса Марсо. Главнокомандующий тогда поспешно отвел свои колонны на Альтенкирхен. 2) Там у него было еще время возобновить наступление и все исправить, но не хватило решимости. 3) Когда он приказал отступить, следовало отходить – раз уж он считал это необходимым – по крайней мере до дюссельдорфского укрепленного лагеря всей армией сосредоточенно.

Пока армия стояла сосредоточенной массой на правом берегу Рейна, эрцгерцог не мог ослаблять себя, потому что каждую минуту ему грозила опасность наступательного движения столь сильной армии. Но все было потеряно, когда Журдан в Альтенкирхене расчленил свою армию и один только левый фланг ее продолжал движение к Дюссельдорфу, остальная же часть армии переправилась обратно через Рейн.

Как будто левому берегу и Гундсрюку что-то угрожало! Не против него, а против Рейнско-Мозельской армии, бывшей еще в сердце Германии, собирался идти эрцгерцог. А эту армию оставили тогда без поддержки.

10. Образ действий Самбро-Маасской армии, усиленной войсками из Голландии в течение октября, ноября, декабря и января, необъясним. Но она была под командованием такого странного генерала (Бернонвилля), что ничему не следует удивляться. Между тем Гош мало что сделал на побережье, а Клебер, сидя в Шайо, равно ничего.

Он был в немилости. Вот когда представился случай забыть его провинности, если они у него были, и использовать его таланты и патриотизм. Если бы тогда Самбро-Маасскую армию вверили Гошу, он еще спас бы кампанию. Генерал Журдан был очень храбр в день боя, перед лицом врага и под огнем, но он не обладал смелостью мысли в ночной тиши, перед боем. У него не было недостатка в умственных способностях, но он был нерешителен и держался самых ошибочных принципов ведения войны.

Третье замечание (Моро)

1. Переправа через Рейн произошла 24 июня. Ее следовало провести с 1-го по 4-е этого месяца, в то время когда Самбро-Маасская армия начинала свое движение. 24 июня, в день переправы, первые части войск прибыли на правый берег в 3 часа утра. Мост следовало закончить в полдень – тогда армию можно было бы переправить и построить в боевом порядке на правом берегу 25-го перед рассветом.

Мост был готов только 25-го к полудню, с опозданием на 24 часа. Переправа через реки, подобные Рейну, является одной из тех трудных операций, при которых не следует подставлять войска под возможный удар в течение продолжительного срока без обеспечения их коммуникаций.

2. 26-го Рейнская армия имела только 40 000 человек на правом берегу; Сен-Сир с 20 000 человек оставался в Пфальце на левом берегу, а Лаборд с 10 000 человек – на Верхнем Рейне. Три корпуса и резерв, составлявшие всю армию, силой в 70 000 человек, должны были 26-го, самое позднее в полдень, быть на правом берегу и находиться на марше, чтобы захватить врасплох и разгромить разбросанные вдоль реки неприятельские дивизии. 27 июня армии следовало войти в Раштадт, 30-го – в Пфорцгейм, изолировав Филиппсбург,

Мангейм и отрезав противника от Неккара, которого ей следовало достигнуть с 1 по 4 июля. Ее главнокомандующий выиграл бы тогда 15 дней, избежал бы многих мелких боев, вместо них одержал бы несколько блестящих побед, еще более ослабив своего противника, настолько уступавшего ему тогда по силе, – прежде чем эрцгерцог Карл успел бы вернуться сюда с берегов Лана.

Нерешительность французского главнокомандующего дала время неприятелю сосредоточить к 9 июля свою армию у Эттлингена, в трех переходах от Келя, спустя 13 дней после переправы через Рейн. Как мог французский главнокомандующий опасаться за территорию республики, предприняв наступление с 70 000 человек?

3. После переправы через Рейн, не произведя еще соединения с Самбро-Маасской армией, этот главнокомандующий выделяет свой правый фланг в 20 000 человек – почти треть своей армии – под начальством Ферино, который поднимается вверх по течению Рейна, совершает переход через Шварцвальд и направляется к Констанцскому озеру, в то время как центр и левый фланг направляются на Неккар. Армия оказывается, таким образом, разделенной на две части Вюртембергскими Альпами, горами Шварцвальда и Дунаем, тогда как генерал Старай, действующий против Ферино, после борьбы за выходы из Шварцвальдских гор, наоборот, сосредоточил свои силы на Неккаре и примкнул к левому флангу эрцгерцога Карла.

Остальные две трети Рейнской армии прибыли на Неккар в составе 50 000 человек. Перед ними оказалась большая часть неприятельской армии. Журдан на Майне и Ферино на Констанцком озере имели в головных частях лишь весьма незначительные силы. Таким образом, в этом марше-маневре

французы образовали три отдельных соединения, не имевших между собой никакой связи, с тремя различными операционными линиями и шестью флангами, из которых пять было открытых. Так как фланги являются слабейшими участками, их нужно прикрывать, а когда этого сделать нельзя, то их следует иметь возможно меньше.

4. Марш армии от Рейна на Штутгарт через Вюртембергские Альпы соответствует духу этой войны, но главнокомандующий должен был распорядиться занять Ульм – крепость настолько важную, что без обладания ею невозможно вести войну в бассейне Дуная, простирающемся от гор Тироля и Швейцарии до гор Тюрингии и Саксонии.

Он должен был упереть свой правый фланг в Дунай; тогда по прибытии в Нересгейм фланг не оказался бы открытым. Но, хотя и обойденный в Нересгеймском сражении справа и слева и не имевший никакой опоры в центре, главнокомандующий поддержал честь французского оружия и выказал хладнокровие и выдержку.

5. После Нересгеймского сражения он должен был быстро двинуться на Верниц и Альтмюль, соединиться с Журданом, расположить свою главную квартиру в Регенсбурге, укрепить этот пункт, самый важный для него после Ульма, и маневрировать на обоих берегах. Соединение обеих армий можно было бы провести 15–16 августа, и успех кампании был бы обеспечен. Вместо этого он сделал все, чего мог желать противник.

Он 12 дней бездействовал в самый решающий момент кампании, наконец решился переправиться через Дунай и Лех, а после этого снова бездействовал 16 дней. Казалось, он не знал, что слева от него существует французская армия. Только 10 сентября, спустя месяц после Нересгеймского сражения, когда Самбро-Маасская армия была уже на Лане, в 80 лье от него, он решился послать дивизию Дезе на левый берег Дуная с целью получения известий о Журдане.

19 сентября он начал отступать и переправился обратно через Лех. Тогда Самбро-Маасская армия вышла из боя на левом берегу Рейна, и перед ним оказались все силы противника. Таким образом, он оставался 32 дня лицом к лицу с генералом Латуром, имевшим в два раза меньшие силы, не пытаясь нанести ему урон, дать бой и разгромить; наоборот, он не причинил ему никакого вреда.

Единственным важным событием этой кампании является Биберахское сражение, вызванное необходимостью обеспечить отступление, – сражение, которое имело бы более значительные результаты, если бы на следующий день армия продолжала

действовать, преследуя генерала Латура частью своих сил, а оставшимися силами маневрируя, с целью вновь открыть проходы в горах Шварцвальда.

Именно в этом отступлении почувствовалось значение Ульма как ключа Дуная.

6. По прибытии 14 октября во Фрейбург и Альт-Брейзах можно было принять одно из двух решений: переправиться через Рейн в тот же самый день и дать армии отдых, для того чтобы установить контакт с Самбро-Маасской армией, или двинуться немедля против эрцгерцога Карла, чтобы воспользоваться моментом, когда у него было мало сил, и отбросить его за Ренх и Мург, помешав соединению его с Латуром; в этом случае можно было бы удержаться Бадене и Брисгау.

Вместо этого Моро остался на позиции у Фрейбурга, позволив эрцгерцогу Карлу сосредоточить все свои части. И что является еще более странным, Журдан, отослав треть своей армии под начальством генерала Дезе на левый берег Рейна, еще упорнее застыл в нерешительности, обрекая две остальные трети на полный разгром. Это была существенная ошибка. Армия вернулась во Францию в беспорядке, имея вид побежденной и побитой, – вид, какого она не имела до 20 октября, гордая биберахскими успехами, и какого у нее вовсе не было бы, возвратись она раньше.

7. Особенностью этой кампании является то, что французские генералы, несмотря на их ошибки, не понесли существенных потерь и у них постоянно была возможность все поправить. Моро после Биберахского сражения был еще распорядителем судеб кампании. Ему было достаточно для этого двинуться на Ротвейль, разгромить Петраша и Науендорфа, имевших оба вместе не больше 15 000 человек, а после этого направиться против эрцгерцога, находившегося в устье Ренха с менее чем 9000 человек.

Даже 15 октября, по прибытии в долину Рейна, Моро мог еще все поправить. Быстро поднявшись к Келю, он отбросил бы эрцгерцога с Ренха и помешал бы его соединению с корпусами Науендорфа и Латура. Восстановив сообщения с Самбро-Маасской армией, он неизбежно побудил бы ее вновь перейти в наступление.

Наконец, он мог еще все поправить даже во время осады его предмостных укреплений. Если бы он вышел через кельский укрепленный лагерь с 50 000 человек, он разгромил бы осадную армию генерала Латура, имевшего самое большее 35 000 человек, и успел бы еще стать на зимние квартиры по Дунаю.

Четвертое замечание (эрцгерцог Карл)

1. Французские и австрийские армии были численно равны, но у эрцгерцога имелось на 20 000 человек больше кавалерии. Это преимущество было бы решающим у другого народа, но немцы не умеют пользоваться своей кавалерией, боятся подставить ее под удар и дорожат ею больше, чем она того заслуживает. Конная артиллерия является дополнением кавалерии. 20 000 всадников и 120 орудий легкой конной артиллерии равняются 60 000 человек пехоты, имеющей 120 орудий.

Трудно определить, кто из них имел бы превосходство в странах с обширными равнинами, как Египет, Польша и т. д. Две тысячи кавалерии с 12 орудиями конной артиллерии равняются, следовательно, 6000 человек пехоты с 12 орудиями. В линейном боевом порядке дивизия занимает участок в 500 туазов.

Двенадцать пехотинцев или четыре всадника приходятся на один туаз. Пушечный выстрел, поражающий все, что находится в одном кубическом туазе, убил бы, следовательно, 12 пехотинцев или четырех кавалеристов с четырьмя лошадьми.

Потеря в 12 пехотинцев является гораздо более значительной, чем потеря четырех кавалеристов и четырех лошадей, потому что потеря восьми пехотинцев больше, чем потеря только четырех лошадей. Снаряжение и вооружение четырех кавалеристов и четырех лошадей не равны снаряжению и вооружению 12 пехотинцев. Таким образом, даже с финансовой точки зрения потеря пехоты обходится дороже, чем потеря кавалерии.

Если бы эрцгерцог командовал войском нации, привыкшей смело пускать в ход свою конницу, и имел бы офицеров, наученных воодушевлять ее и вести ее в бой, французской армии было бы невозможно проникнуть в Германию, имея на 20 000 меньше кавалерии. В этом легко убедиться, вспомнив, что проделывал Наполеон с кавалерией против русской и прусской пехоты у Вошана, Нанжиса и т. д.

2. Эрцгерцог, узнав в июне, что французская армия переправилась через Рейн в Келе, выступил с берегов Лана на помощь генералу Латуру. Он оставил генерала Вартенслебена с 36 000 человек на Нижнем Рейне и 26 000 человек в гехтсгеймском укрепленном лагере перед Майнцем. Эрцгерцогу следовало оставить в гарнизоне Майнца только 8000 человек с несколькими тысячами слабосильных и только 25 000 человек Вартенслебену, а с 60 000 человек двинуться на помощь своей армии Верхнего Рейна.

Он сосредоточил бы тогда на реке Альб 90 000–100 000 человек. Кто мог бы ему сопротивляться? 9 июля он разбил бы

Дезе, отбросил бы его на левый берег Рейна, овладел бы Келем и рейнским мостом. Ему нечего было опасаться Самбро-Маасской армии, потому что она стояла разбросанно. Если бы эта армия даже предприняла наступление и прибыла с 10 по 15 июля на Майн, какое это имело бы для него значение, если бы он уже тогда оказался обладателем Келя, а армия Моро была бы им отброшена в Эльзас?

3. Если бы он сосредоточил в одном каком-нибудь пункте на своем правом фланге все 50 000 человек, какие у него стояли по реке Альб, то 9 июля, выйдя тремя колоннами на реке Мург, он обошел бы Дезе справа и слева и прорвал бы его боевой порядок в центре. Разгромив его и отбросив в Эльзас, он овладел бы кельским мостом. Сен-Сир, отрезанный от Рейна, был бы отброшен на реку Неккар, а Ферино – на Гюнинген.

Когда две армии стоят друг против друга в боевом порядке, когда одна из них, подобно французской, вынуждена производить отступление по мосту, а другая, подобно австрийской, может отступать на любую точку полуокружности, то все выгоды на стороне этой последней; она должна дерзать, наносить сокрушительные удары, маневрировать на флангах своего противника. У нее в руках все козыри, и ей остается только ими воспользоваться.

4. Эрцгерцог Карл должен был вооружить, снабдить продовольствием и надежным гарнизоном Ульм, этот ключ к Дунаю.

5. Сражение при Нересгейме представлялось единственным средством, какое оставалось у эрцгерцога, чтобы помешать соединению обеих французских армий на реке Альтмюль. Оказавшись победителем, он отбросил бы Рейнско-Мозельскую армию в Вюртембергские Альпы и на Неккар. С разгромом главной армии Самбро-Маасская армия, бывшая лишь вспомогательной, была бы вынуждена отступить на Майн.

Но в Нересгеймском сражении французская армия была разбросана на линии протяжением в 8 лье, на труднодоступной местности; ее фланги не были защищены. Эрцгерцог овладел всем течением Дуная. Всю силу атаки ему следовало направить в сторону своего левого фланга, а боевую линию построить параллельно Дунаю; у него были обеспеченные пути отхода на Ульм, гюнцбургский и диллингенский мосты. Если бы он стал маневрировать подобным образом, то добился бы большого успеха. Французы дорого бы заплатили за глупое пренебрежение к обеспечению своего правого фланга Дунаем и за то, что не заняли Ульм войсками Ферино.

6. Потерпев неудачу в сражении при Нересгейме, эрцгерцог

оставил мысль помешать соединению обеих французских армий. Если бы он все еще хотел помешать этому соединению, он бы повел свое отступление на реки Верниц и Альтмюль, придерживаясь левого берега Дуная. Оставив 30 000 человек под начальством генерала Латура за рекой Верниц, он выиграл бы те пять или шесть переходов, в которых нуждался, чтобы двинуться против Журдана. Вместо этого он переправился через Дунай, Верниц и Альтмюль. Со своей стороны Вартенслебен в продолжение всего августа маневрировал так, чтобы быть дальше от Дуная и прикрывать Богемию. Следовательно, ничто не мешало больше соединению французских армий.

7. Переправившись после сражения при Нересгейме через Дунай и Лех, эрцгерцог не имел в виду ничего больше, как прикрывать Баварию, что бы об этом ни говорили. Положение его было щекотливое. Рейнско-Мозельская армия состояла из 60 000 человек, а Самбро-Маасская – из 50 000, следовательно, можно было считать, что перед Регенсбургом уже собрано 110 000 человек на обоих берегах Дуная.

Противопоставить им он мог только 90 000 человек. Нересгеймское сражение ухудшило его положение, для французов же оно оказалось благоприятным. Он успокоился, когда узнал, что Моро, остававшийся несколько дней бездеятельным, стал проявлять величайшую нерешительность, двинулся было на Донауверт, затем отступил к Гехштедту, не выслав даже разъездов на реку Альтмюль, и что, наконец, французские генералы маневрируют так, как будто оба они взаимно позабыли о существовании другой французской армии в Германии, а 400 венгерских гусар, ведших наблюдение вдоль реки Альтмюль, продолжали находиться на ней и высылать патрули вплоть до Нюрнберга и реки Верниц.

Именно тогда у него родилась мысль совершить свой прекрасный маневр – переправиться 17 августа через Дунай с 28 000 человек и наступать против Самбро-Маасской армии. Передают, что, когда он заявил генералу Латуру, что оставляет его с 30 000 человек на Лехе, этот генерал, обеспокоенный опасностями, каким будет подвергнут такой слабый корпус, сделал ему несколько возражений: как сможет он устоять перед победоносной французской армией, вдвое сильнейшей, чем его?

На это эрцгерцог ответил: «Пусть Моро дойдет хоть до Вены, если тем временем я разобью армию Журдана». Он был прав, но ему следовало успокоить этого генерала, поставив его перед Регенсбургом с приказом расположиться на левом берегу Дуная. В таком случае Моро не смог бы ничего предпринять на левом берегу.

8. Эрцгерцог атаковал Бернадотта в Ноймаркте только 22 августа, то есть через пять дней после переправы через Дунай, атаковал вяло и не причинил ему никакого вреда. Это было плохое выполнение прекрасного замысла: Бернадотта следовало окружить и атаковать спустя 24 часа после переправы через Дунай с такой стремительностью и с таким превосходством в силах, что результатом явилась бы полная гибель его.

9. Эрцгерцог двинулся на Амберг 24 августа, но с малым количеством войск, использовав большую часть своих 28 000 человек на выполнение второстепенных задач. Он должен был послать вслед за Бернадоттом только несколько эскадронов и обрушиться на тылы Журдана всеми своими войсками, атакуя со всей стремительностью. На берегах Наба он решил бы участь кампании.

10. Когда 20 сентября Журдан рассеял свою армию и переправился обратно на левый берег Рейна, эрцгерцогу следовало двинуться на Ульм с 40 000 человек, приказав генералу Латуру переправиться на левый берег Дуная по ингольштадскому мосту, чтобы с наивозможной быстротой идти к нему на соединение.

Он прибыл бы в Ульм в то же самое время, как и французская армия, которой тогда пришлось бы выдержать натиск 70 000 человек, и ее отступление сделалось бы тогда действительно крайне трудным. Вместо этого эрцгерцог возвратил с собой на Верхний Рейн только 12 000 человек, оставив без основания много войск на Нижнем Рейне у генерала Вернека. Он плохо использовал часть этих 12 000 человек на выполнение второстепенных задач, так что прибыл к Келю только с 8000–9000 человек.

11. Он должен был приказать Латуру, Фрелиху и Надашти маневрировать на левом берегу Дуная, опережая отступавшую армию. Они были бы там в состоянии принять Петраша и все другие отряды.

12. Эрцгерцог маневрировал в эту кампанию, применяя правильные принципы, но робко – как человек, осознавший существование этих принципов, но не сумевший их продумать. Он не наносил больших ударов, и до самой последней минуты, как мы уже говорили, французские генералы имели возможность поправить свои дела, тогда как уже в бою на Мурге эрцгерцог мог решить участь кампании.

Пятое замечание (об осаде Келя и Гюнингена)

К концу декабря французские армии были на отдыхе уже два месяца. Они реорганизовались, пополнились рекрутами, полностью восстановили свои силы и превосходили своей

численностью противостоявшие им австрийские армии. Однако эрцгерцог Карл, имея их перед собой, отважился заложить траншею одновременно перед кельским и гюнингенским предмостными укреплениями.

Если бы вся Рейнская армия, подкрепленная отрядом Самбро-Маасской армии, перешла в наступление через Кель или Гюнинген, она могла бы на рассвете атаковать лагерь эрцгерцога Карла силами вдвое большими, чем его силы, овладеть всеми контрвалационными линиями, захватить всю артиллерию, парки, склады и достигнуть блестящей победы, которая вознаградила бы ее за все поражения, восстановила бы честь французского оружия, поставила бы под угрозу безопасность Германии и позволила бы ей (французской армии) зазимовать на правом берегу Рейна.

Если бы эта армия состояла только из новобранцев, необученных, лишенных моральной устойчивости, – предположение, прямо противоположное тому, что существовало на самом деле, – французский главнокомандующий, конечно, не мог бы осмелиться на сражение для снятия осад.

Но даже и тогда, имея больше рук, больше средств и более выгодное положение, чем противник, он должен был бы возводить одно укрепление за другим, одну батарею за другой и продвигаться вперед с помощью контрапрошей[46], опирающихся на позиции левого берега и островов. Даже тогда эти осады должны были бы привести к посрамлению противника, к гибели его парков и части войск, принудить его, хотя бы вследствие усталости, перейти на зимние квартиры.

Обе эти осады не делают чести осторожности эрцгерцога Карла, но являются чрезвычайно славными для его войск и свидетельствуют об их храбрости и хорошем состоянии духа. Они всегда будут расцениваться военными как действия, мало почетные для французских армий. Действительно, обладание обоими предмостными укреплениями было очень важно для Франции. Рейн является крупной преградой.

Обладание обоими этими укреплениями вынуждало противника оставить всю долину Рейна вплоть до гор Шварцвальда в руках французских армий, а это было бы выгодно одновременно и с военной точки зрения, и с финансовой. Тревожные настроения в Германии не позволили бы австрийцам отправить столько войск в Италию.

Французские офицеры говорили в свое оправдание, что правительство обрекло их на полнейшую нищету; не выплачивалось жалованье, кормили плохо, инженерная и артиллерийская части не имели никаких средств для удовлетворения своих нужд. Но эти причины совсем не являются

основательными.

Лишения только доказывали еще более убедительно необходимость ошеломить противника громовым ударом и дать решительное сражение, в котором все шансы на победу были бы в руках французов. Для развертывания 50-тысячной армии на островах и в местности от равелина до Кинцига пространства было более чем достаточно.

Со своей стороны австрийские офицеры, желающие оправдать неосторожность и опрометчивость этих осад, предпринятых эрцгерцогом Карлом, говорили, что ему было известно об упадке духа во французской армии, об удручающем впечатлении, какое было произведено исходом кампании на ее командование, и особенно о нерешительности последнего, на которую эрцгерцог Карл именно и рассчитывал, чтобы довести до благополучного конца такое опасное предприятие, которое он считал необходимым для успеха намеченной им кампании в Италии. Другие говорили, что эти осады были предприняты по приказу из Вены и вопреки мнению эрцгерцога. Это возможно.

Глава X. Дипломатические переговоры в течение 1796 г.

I. С Генуэзской республикой. – II. С сардинским королем. – III. С герцогом Пармским. – IV. С герцогом Моденским. – V. С Римским двором. – VI. С великим герцогом Тосканским. – VII. С королем неаполитанским. – VIII. С императором германским. – IX. Ломбардский конгресс. – X. Циспаданская республика.

I

Меньшинство аристократии, управлявшей Генуэзской республикой, большинство третьего сословия и весь народ западной Ривьеры были благожелательно настроены к французским идеям. Генуя была единственным значительным городом в этом государстве. Она была обнесена двойной бастионной оградой, оборонялась многочисленной артиллерией, 6000 человек линейных войск и 6000 национальной гвардии.

По первому знаку сената 30 000 человек из низших цехов, таких как угольщики и носильщики, крестьяне долин Польчевера, Бизаньо и Фонгана-Буона, были готовы двинуться на защиту

владетеля[47]. Чтобы овладеть этой столицей, нужно было иметь 40-тысячную армию и осадный парк и затратить на это два месяца. В 1794 и 1795 годах и в начале 1796 года австро-сардинская армия стояла к северу от Генуи и сообщалась с ней по Бокеттскому перевалу.

Французская армия стояла на западе и сообщалась с нею по береговой дороге (Корниш) от Савоны. Расположенная, таким образом, между двумя воюющими армиями, Генуя могла получить помощь от обеих и сохраняла равновесие между ними. Та, за которую она выступила бы, приобрела бы большое преимущество. Это придавало Генуе значительный вес в делах Италии.

Сенат чувствовал всю деликатность такого положения и вместе с тем силу, которую оно ему придавало. Он предпочитал держаться нейтралитета и не считался ни с посулами, ни с угрозами коалиции. Торговля города ширилась и привлекала в республику огромные богатства.

Но неприкосновенность его порта была нарушена английской эскадрой. Катастрофа с фрегатом «Модест» сильно задела всех французов. Конвент затаил досаду, но выжидал благоприятной минуты, чтобы потребовать достойного возмещения. Несколько знатных семейств, наиболее приверженных Франции, были изгнаны. Это было новым оскорблением, за которое французскому правительству предстояло потребовать удовлетворения.

После сражения у Лоано, зимой 1796 года, Директория сочла момент тем более благоприятным, что сверхсметный доход в 5–6 миллионов имел бы большое значение вследствие нищеты, которую испытывала ее Итальянская армия. Эти переговоры были начаты, когда Наполеон прибыл для командования армией.

Он осудил эту мелочную политику, не имевшую шансов увенчаться каким-либо успехом и неизбежно ведшую к раздражению и к неудовольствию населения этой важной для Франции столицы. «Нужно, – говорил он, – или штурмовать валы крепости и, утвердившись там, энергичным натиском разгромить аристократию, или уважать независимость Генуи и, главное, оставить ей ее деньги».

Несколько дней спустя, когда неприятельские армии были отброшены за По и сардинский король сложил оружие, Генуэзская республика оказалась всецело во власти Франции. Директория хотела установить в ней демократию, но французские армии ушли уже далеко вперед. Для обеспечения успеха подобной революции было необходимо присутствие или, может быть, даже пребывание под стенами Генуи отряда из 15 000

французов в течение нескольких недель.

И это в то время, когда повсюду открыто говорили о приходе Вурмзера, который тогда пересек Германию и вошел в Тироль. Затем поражение Вурмзера, маневрирование в Тироле и по ущельям Бренты, наступление Альвинци для освобождения Вурмзера в Мантуе – все эти события одно за другим делали необходимым сосредоточение всей армии на Адидже. Впрочем, армии нечего было опасаться генуэзцев: среди господствующего класса не было единства, а народ стоял на нашей стороне.

Робер Лефевр. Наполеон Бонапарт,
главнокомандующий Итальянской армией

Жерола, посланник императора, воспользовавшись уходом армии и тайно поддерживаемый феодальной знатью, вызвал восстание в императорских поместьях и организовал отряды из пьемонтских дезертиров, бродяг, оставшихся без дела после роспуска легких пьемонтских войсковых частей, и из австрийских пленных, убегавших с пути вследствие плохого надзора французов.

Этими шайками кишели Апеннины и тыл армии. В течение июня стало совершенно необходимым положить этому конец. Отряда в 1200 человек и присутствия главнокомандующего в Тортоне оказалось достаточно, чтобы все пришло в порядок. Главнокомандующий дал тогда инструкцию французскому посланнику в Генуе Фейпу об открытии переговоров с целью усиления нашего влияния в правительстве, с тем, однако, чтобы для этого не потребовалось присутствие армии. Он добивался: 1) высылки австрийского посланника Жеролы; 2) высылки феодальной знати, в соответствии с одним из статутов республики; 3) возвращения изгнанных семей.

Эти переговоры затянулись. Тем временем пять французских торговых судов были захвачены в сфере огня генуэзских батарей без того, чтобы последние оказали им помощь. Сенат, встревоженный угрозами французских агентов, послал в Париж сенатора Винченте Спинолу, человека весьма подходящего для Франции.

В результате переговоров он подписал 6 октября 1796 года конвенцию с министром иностранных дел Шарлем Делакруа. Все обиды Франции были преданы забвению; Сенат уплатил 4 миллиона контрибуции и вернул изгнанников. Было возможно и следовало воспользоваться этим поводом для заключения с Генуей наступательного и оборонительного союза, для увеличения ее территории императорскими поместьями и областью Массади-Каррара и для получения от нее контингента в 2400 человек пехоты, 400 кавалеристов и 200 артиллеристов.

Но при всей его целесообразности такой союз с олигархами внушал отвращение парижским демократам. Тем не менее спокойствие было восстановлено благодаря этой конвенции и продолжалось вплоть до заключения конвенции в Момбелло в июне 1797 года, и, пока французская армия находилась в Италии, не возникало никакого повода к жалобам на поведение генуэзского населения.

II

Перемирие в Кераско изолировало австрийскую армию и позволило французской армии изгнать ее из Италии, обложить Мантую и занять линию Адидже. Мир, заключенный в мае в Париже, отдал во власть Франции все крепости Пьемонта, кроме Турина. Сардинский король оказался, таким образом, в полной зависимости от республики.

Его армия была уменьшена до 20 000 человек. Выпущенные им бумажные деньги угрожали разорением частным лицам и государству. Его народ был недоволен и разделился на партии. Имелись приверженцы даже французских идей, хотя их было немного. Некоторые политические деятели хотели революционизировать Пьемонт для того, чтобы не беспокоиться за тылы армии и увеличить наши средства против Австрии, но было невозможно опрокинуть сардинский трон без прямого вмешательства в дела страны, для чего требовались значительные силы, а события, происходившие перед Мантуей, занимали все войска республики в Италии.

При этом революция в Пьемонте могла повести к гражданской войне, и тогда пришлось бы оставить в этой стране больше французских войск, чем можно было бы извлечь оттуда пьемонтских, а в случае отступления население, которое было бы охвачено брожением, неизбежно стало бы прибегать к эксцессам. Кроме того, встревожились бы короли испанский и прусский, видя, что республика из ненависти к королям своими руками свергла государя, с которым она только что заключила мир.

Эти соображения привели Наполеона к мысли о необходимости достигнуть того же результата обратным путем, а именно: заключением наступательного и оборонительного договора с сардинским королем.

Подобное решение обеспечивало все выгоды и не вызывало никаких неудобств: 1) этот договор был бы сам по себе воззванием, которое сдерживало бы недовольных, так как с его опубликованием они перестали бы верить демократам армии, не переставшим обещать им поддержку Франции; следовательно, страна оставалась бы спокойной; 2) дивизия силой в 10 000 хороших, прекрасно обученных и закаленных солдат усилила бы французскую армию и дала бы ей новые шансы на успех; 3) пример Туринского двора хорошо повлиял бы на венецианцев и способствовал бы принятию ими решения искать в союзе с Францией гарантию неприкосновенности их территории и сохранения их конституции.

В то же время пьемонтские войска, присоединенные к французской армии, переняли бы от нее боевой дух и привязались к главнокомандующему, который повел бы их к

победе. Во всяком случае, они были бы заложниками, находящимися в армии и гарантирующими хорошее поведение пьемонтского народа.

Если бы оказалось верно, что король не может удержаться, находясь между демократическими республиками – Лигурийской, Ломбардской и Французской, то его свержение было бы результатом естественного хода вещей, а не политического акта, способного вселить недоверие к нам среди других королей, находившихся в союзе с Францией.

«Союз Франции с Сардинией, – сказал Наполеон, – это гигант, обнимающий пигмея. Если гигант его задушит, то только против своей воли и единственно вследствие чрезвычайного различия их организмов». Но Директория не хотела понять целесообразности и глубины такой политики. Она разрешила открыть переговоры, но мешала их завершению.

Господин Пуссьельг, секретарь посольства в Генуе, вел переговоры в Турине в течение многих месяцев. Он нашел, что двор склонен к союзу с Францией, но этот неискусный посредник позволил исторгнуть у себя явно преувеличенные уступки. Он обещал сардинскому королю Ломбардию, тогда как не могло быть и речи ни о том, чтобы увеличить владения этого государя, ни о том, чтобы возбудить в нем надежды, которых не хотели осуществить.

Король и так достаточно выигрывал, получая по договору гарантию целостности своего королевства. Когда Мантуя открыла свои ворота и Наполеон двинулся на Толентино, чтобы там продиктовать мир святейшему престолу[48] и получить возможность направиться оттуда к Вене, он понял важность урегулирования дел с Пьемонтом и уполномочил генерала Кларка вести переговоры с господином де Сен-Марсаном о наступательном и оборонительном союзе.

Договор о таком союзе был подписан в Болонье 1 марта 1797 года Король получил от республики гарантию целостности своих владений, предоставлял французской армии контингент в 8000 человек пехоты, 2000 кавалерии и 20 пушек. Не сомневаясь в ратификации договора, подписанного по приказанию главнокомандующего, Туринский двор поспешил выставить свой контингент, который предполагалось послать с французскими войсками в Каринтию, но Директория медлила с ратификацией этого договора. Контингент оставался в Пьемонте, на квартирах около Новары, в продолжение всей кампании 1797 года.

III

Политика, которую пришлось вести в отношении инфанта герцога Пармского, была предрешена нашими отношениями с Испанией.[49] Ему было предложено сначала перемирие (9 мая 1796 года), а несколько месяцев спустя он подписал в Париже с республикой мир, но французский посланник не сумел достигнуть цели, поставленной главнокомандующим.

Успехи Итальянской армии побудили испанского короля заключить с республикой в августе 1796 года договор о наступательном и оборонительном союзе.[50] Вследствие этого было бы легко[51] побудить Мадридский двор к высылке дивизии в 10 000 человек на реку По для охраны пармского инфанта и, обещав увеличить территорию его государства, привлечь указанную дивизию под французские знамена.

Ее присутствие импонировало бы Риму и Неаполю и немало способствовало бы успеху военных действий. Союз с Испанией, вынудивший Англию к уходу из Средиземного моря, обеспечил господство на нем французской и испанской эскадрам, чем облегчалась переброска испанских войск в Италию. Нахождение испанских войск в рядах французской армии благоприятно повлияло бы на решение Венецианского Сената вступить в союз с Францией, что увеличило бы армию на 10 000 словенцев.

IV

По Миланскому перемирию от 17 мая 1796 года прекратилось состояние войны с герцогом Моденским. Французская армия была немногочисленна, а страна, которую она занимала, огромна. Выделение двух-трех батальонов для второстепенных задач было бы ошибкой. Перемирие с Моденой отдавало все средства этого герцогства в распоряжение армии и не требовало посылки войск для поддержания там общественного спокойствия. Командор д'Эсте, облеченный полномочиями герцога, повел в Париже переговоры об окончательном мире.

Французское министерство вполне разумно не торопилось с его заключением. Герцог, целиком преданный австрийцам, удалился в Венецию, а регентство, управлявшее его государством, пропустило в Мантую несколько обозов с продовольствием в начале августа и в конце сентября, когда блокада была снята.

Как только главнокомандующий узнал о столь явном нарушении перемирия, он указал на это регентству, тщетно пытавшемуся оправдаться ссылкой на существование прежних договоров. Между тем в связи с этим отряд мантуанского гарнизона, переправившийся через По у Боргофорте, был отрезан;

он направился в Реджио 29 сентября, намереваясь двинуться в Тоскану, но жители Реджио заперли ворота города, и отряд укрылся в форте Монте-Киаруголо, где патриоты окружили его и заставили сложить оружие.

Два жителя Реджио были убиты в происшедшей стычке. Это были первые итальянцы, пролившие кровь за освобождение своей страны. Отряд национальной гвардии Реджио, приведший пленных в Милан, был там торжественно принят Ломбардским конгрессом, Миланской национальной гвардией и главнокомандующим.

По этому случаю было устроено несколько общественных празднеств, которые еще больше воспламенили воображение итальянцев. Реджио объявил себя свободным. Население Модены хотело сделать то же, но было удержано гарнизоном. При таком положении вещей не могло быть двух решений. Главнокомандующий объявил, что Миланское перемирие было нарушено регентством, снабдившим продовольствием Мантую.

Он приказал воинским частям занять все три герцогства – Реджио, Модену и Мирандолу – и 4 октября по праву завоевателя провозгласил их независимость. Это решение улучшило положение армии, потому что недоброжелательное регентство было заменено временным правительством, всецело преданным французскому делу. Во всех городах этих трех герцогств стали вооружать отряды национальной гвардии, составленные из горячих патриотов.

Схема военных действий 1796—1797 гг. в Италии

V

Так как состояние войны с Римом было прекращено Болонским перемирием 23 июня 1796 года, то Римский двор послал в Париж монсиньора Петрарки. После нескольких недель переговоров этот посланник препроводил своему двору проект договора с Директорией. Конгрегация кардиналов нашла, что в нем содержатся пункты, противоречащие вере и поэтому неприемлемые.

Монсиньор Петрарки был отозван. В сентябре переговоры возобновились во Флоренции. Правительственные комиссары при армии получили на это полномочия Директории. На первых же совещаниях они представили монсиньору Галеппи, – папскому уполномоченному, – договор в 60 статей, в качестве sine qua non[52].

В Риме заключили, что этот договор также содержит пункты, направленные против веры. Монсиньор Галеппи был отозван, и переговоры прервались 25 сентября. Римский двор, не сомневаясь больше, что французское правительство хочет его гибели, впал в отчаяние и решил связаться исключительно с Веной.

Он начал с того, что отказался от выполнения Болонского перемирия. Ему оставалось еще уплатить 16 миллионов, уже находившихся на пути в Болонью, где они должны были поступить в армейскую казну. Эти обозы с деньгами вернулись в Рим, и их возвращение было встречено с триумфом. Монсиньор Альбани отбыл 6 октября в Вену с поручением просить поддержки этого двора. Римская знать стала делать патриотические взносы и набирать полки.

Папа разослал воззвания с призывом к священной войне, если территория святейшего престола подвергнется нападению. Все эти усилия Римского двора смогли, как было подсчитано, привести лишь к созданию 10-тысячной армии из наихудших войск. Но Рим рассчитывал на неаполитанского короля, который тайно обязался поддержать его армией в 30 000 человек, и, хотя враждебность и недобросовестность кабинета Обеих Сицилий[53] были Ватикану известны, он все же обратился к его помощи.

«В их состоянии безумия все средства хороши, – писал посланник Како, – они ухватились бы и за раскаленное железо». Такое положение вещей произвело дурное впечатление на всю Италию. Наполеон не хотел иметь лишних затруднений. Ему уже угрожал Альвинци, войска которого собирались в Тироле и на Пьяве.

Он упрекнул французское министерство за то, что оно держало его в стороне от переговоров, которыми только сам он

мог руководить. Если бы они были поручены Наполеону, как это следовало сделать, он задержал бы открытие переговоров на две-три недели для того, чтобы получить сперва 17 миллионов, которые святейший престол обязался уплатить во исполнение Болонского перемирия. Он не допустил бы смешать в договоре духовные и светские дела, потому что раз светские дела были бы улажены – а это было главное, – опоздание на несколько месяцев с заключением соглашения о духовных делах не имело бы никакого значения.

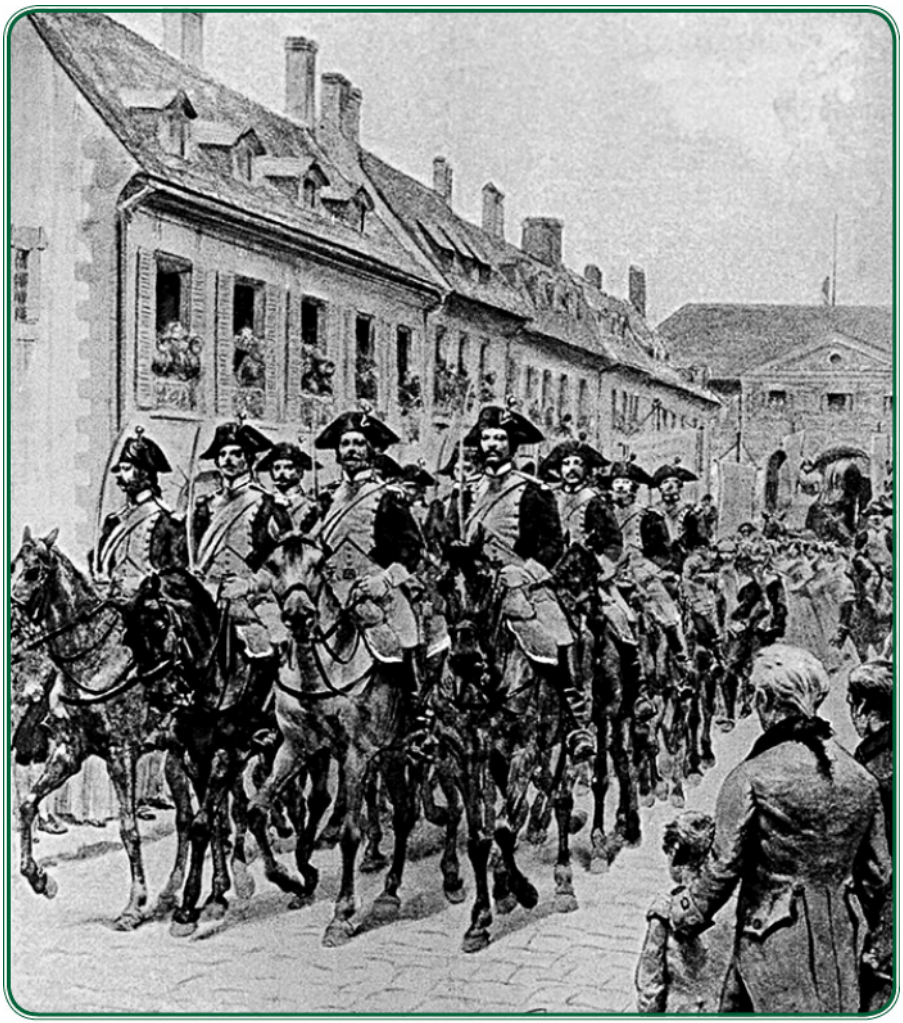
Но зло было сделано. Правительство, признавшее это, дало Наполеону необходимые полномочия, чтобы исправить зло, если возможно. Вопрос заключался в том, чтобы выиграть время, успокоить страсти, восстановить доверие и удержать в рамках тревогу в Ватикане. Наполеон поручил французскому представителю в Риме господину Како дезавуировать без огласки все, относящееся к духовным вопросам в парижских и флорентийских переговорах, уведомить, что возобновить переговоры поручено Наполеону и что они будут вестись не с Директорией и не с комиссарами, а с ним.

Такое начало произвело хорошее впечатление. Чтобы его усилить, главнокомандующий 19 октября 1796 года отправился в Феррару, остановился у кардинала Маттеи, архиепископа этого города, и имел с ним несколько совещаний. Он убедил его в своих мирных намерениях и отправил в Рим передать слова мира непосредственно папе. Несколько дней спустя Аркольское сражение положило конец надеждам, зародившимся было в Италии с приближением армии Альвинци.

Наполеон счел момент благоприятным для завершения римских дел. В январе 1797 года он направился в Болонью с 1500 французов и 4000 циспаданцев и ломбардцев, угрожая двинуться на Рим.[54] На этот раз, однако, Римский двор отнесся к его угрозам с насмешкой. Он находился в переписке о заключении договора с Веной и знал, что две новые многочисленные армии вступают в Италию. Кардинал Буска и австрийский посланник в Риме громко заявляли: «Если будет нужно, папа оставит Рим, потому что чем дальше французский главнокомандующий удалится от Адидже, тем более мы приблизимся к спасению».

Действительно, несколько дней спустя Наполеон, извещенный о наступлении Альвинци, переправился обратно через По и быстро двинулся в Верону. Но сражение при Риволи в январе 1797 года навсегда уничтожило надежды врагов Франции. Немного спустя открыла свои ворота Мантуя. Наступил момент наказать Рим, и небольшая Галло-Итальянская армия двинулась на Апеннины. Все затруднения между этим двором и Францией

были улажены договором в Толентино, как это будет изложено в XII главе.



Похороны генерала Гоша
в 1797 г.

VI

Великий герцог Тосканский был первым европейским государем, признавшим республику. Когда французская армия заняла Италию, он находился с Францией в мире. Его владения, расположенные по ту сторону Апеннин, не имели никакого

влияния на театр военных действий.

Если после обложения Мантуи одна французская бригада направилась в Ливорно, то это было сделано с целью изгнать оттуда английскую торговлю и облегчить борьбу за освобождение Корсики; в остальном владения Тосканы остались неприкосновенны. Ливорнский гарнизон никогда не насчитывал более 1800 человек. Это, без сомнения, была жертва – использовать три батальона на второстепенную цель, – но туда была назначена сначала 75-я полубригада, сильно пострадавшая и нуждавшаяся в отдыхе.

Манфредини, премьер-министр великого герцога, проявил находчивость, энергию в устранении препятствий, могущих повредить государю, и великий герцог был ему обязан сохранением своих владений. Три или четыре малозначащих конвенции были заключены между главнокомандующим и маркизом Манфредини. Согласно последней из них, подписанной в Болонье, из Ливорно эвакуировался французский гарнизон.

По этому случаю великий герцог в уплату старых расчетов передал в армейскую казну два миллиона. По Кампо-Формийскому миру этот государь сохранил свои владения в неприкосновенности. Он испытал некоторое беспокойство, но ему не было причинено вреда, и в течение Итальянской войны его ни разу не обидели как из уважения к существующим трактатам, так и вследствие желания смягчить вражду, питаемую Лотарингским домом к республике, и отвлечь его от Англии.

VII

Когда французская армия прибыла на Адидже и вследствие этого Средняя и Нижняя Италия оказались отрезанными от Германии, князь Пиньятелли прибыл в главную квартиру, просил и добился для неаполитанского короля перемирия, подписанного 5 июня 1796 года Неаполитанская кавалерийская дивизия численностью в 2400 коней, составлявшая часть армии Болье, стала на квартирах близ Брешиа среди французской армии.

Неаполитанский уполномоченный отправился в Париж для обсуждения и подписания окончательного мира с республикой. При переговорах возникли затруднения вследствие неуместных придирок Парижа, а также вследствие недобросовестных увертoк, столь обычных для двора Обеих Сицилий. Директория должна была считать за большую удачу то, что удалось обезоружить неаполитанского короля, потому что у него было в строю 60 000 человек и он располагал 25 000—30 000 человек для посылки на

По.

Наполеон не переставал торопить с заключением этого договора. Министерство иностранных дел в Париже требовало контрибуции в несколько миллионов, платить которую Неаполитанский двор резонно оказывался. Но в сентябре – когда стало известно, что союз Испании с Францией и освобождение Корсики от английского ига побудили Сент-Джемский кабинет[55] отозвать свои эскадры из Средиземного моря, вследствие чего господство в Средиземном море и в Адриатике перешло к тулонским эскадрам, – встревоженный Неаполитанский двор подписал все, что хотела Директория, и мир был заключен 8 октября.

Но ненависть и недобросовестность этого двора и отсутствие у него уважения к своей подписи на договорах были таковы, что еще долго после заключения мира двор этот беспокоил Италию передвижениями войск на своих границах и угрозами нападения, как будто состояние войны продолжалось. Трудно выразить негодование, возбуждаемое таким отсутствием всякого стыда и всякого уважения к людям, что и привело в конце концов к свержению этого кабинета.

VIII

Французское правительство предписало Наполеону в начале сентября, когда Рейнская и Самбро-Маасская армии были еще в Германии, сообщить императору, что если он не согласится на мир, то его морские базы в Фиуме и Триесте будут разрушены. От такого неуместного заявления нельзя было ожидать ничего хорошего.

Позже, однако, когда Самбро-Маасская и Рейнская армии были отброшены во Францию, а предмостные укрепления Келя и Гюнингена – осаждены, Моро предложил перемирие, от которого эрцгерцог отказался, заявив о своих претензиях на оба предмостных укрепления. Когда фельдмаршал Вурмзер с почти 30 000 австрийцев был блокирован в Мантуе и усилия Альвинци выручить его потерпели неудачу у Арколе, Директория стала надеяться, что будет заключено общее перемирие, по которому Гюнинген и Кель останутся за Францией, а Мантуя – за Австрией. Генерал Кларк получил необходимые полномочия, чтобы отправиться в Вену и предложить общее перемирие до июня 1797 года.

Осаду Келя и Гюнингена предлагалось снять, а для Мантуи сохранить status quo[56]. Австрийские и французские комиссары

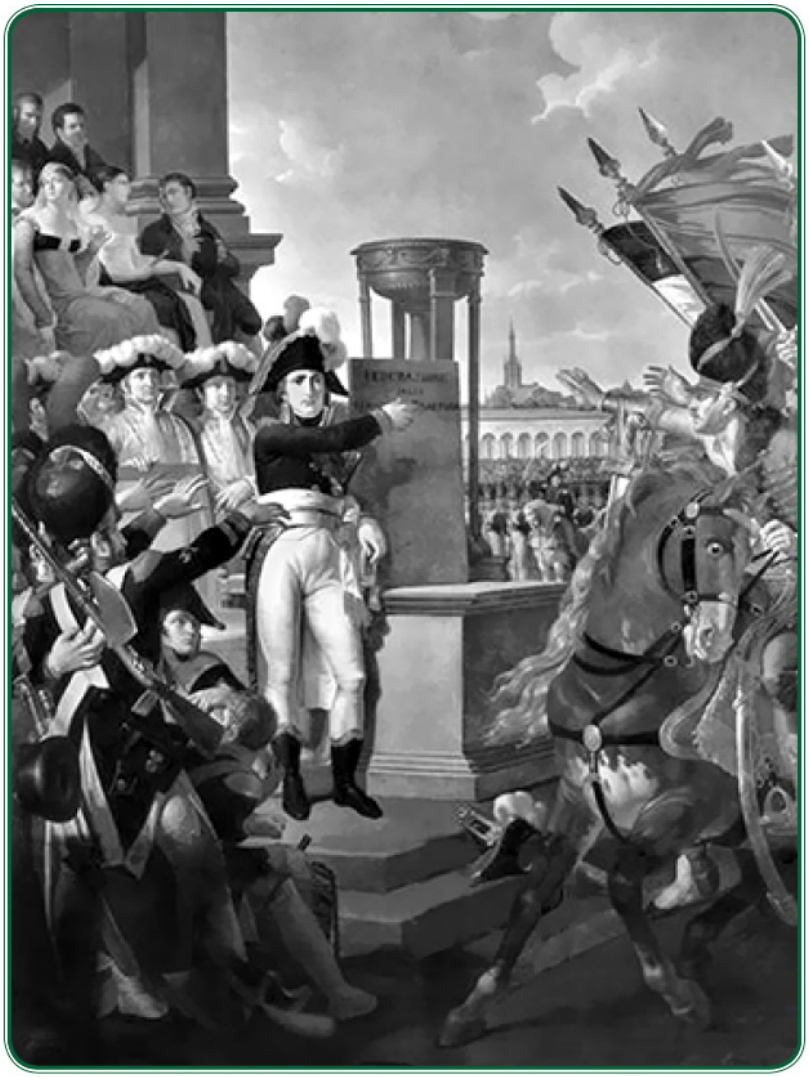
должны были ежедневно пропускать в эту крепость продовольствие, необходимое жителям и войскам. Генерал Кларк прибыл 1 декабря[57] в Милан для согласования действий с главнокомандующим, которому было поручено добиться для этого уполномоченного всех необходимых паспортов. Наполеон ему сказал: «Осаду Келя и Гюнингена легко заставить снять.

Эрцгерцог ведет осаду Келя всего с сорока тысячами человек, – пусть Моро на рассвете сделает вылазку из своего укрепленного лагеря с шестьюдесятью тысячами человек, разобьет осадную армию, захватит все парки и разрушит все укрепления осаждающих; впрочем, Кель и гюнингенское предмостное укрепление не стоят Мантуи; нет никакой возможности установить число жителей, мужчин, женщин, детей и даже состав гарнизона.

Фельдмаршал Вурмзер, уменьшив для всех паек наполовину, выгадает за шесть месяцев запас продовольствия еще на шесть месяцев. Если думают, что перемирие должно послужить началом переговоров о мире, то это еще один повод не предлагать его, пока Мантуя находится во власти Австрии. Нужно, значит, выиграть сражение под стенами Келя и дождаться сдачи Мантуи, а тогда предложить перемирие и мир». Однако приказания правительства были точны. Генерал Кларк написал императору и отправил ему письмо Директории.

Вследствие этого барон Винцент, адъютант императора, и генерал Кларк встретились 3 января в Виченце; здесь у них состоялось два совещания. Барон Винцент заявил, что император не может принять в Вене уполномоченного республики, которую он не признает, что он не может к тому же действовать отдельно от своих союзников и что, наконец, если французский представитель имеет сделать какие-либо сообщения, он может адресоваться к г-ну Жиральди, австрийскому посланнику в Турине.

Таким образом пагубная мысль о перемирии была, к счастью, отвергнута противником. Французский уполномоченный едва успел возвратиться на Адидже, как Альвинци уже начал наступление для освобождения Мантуи. Это привело к сражениям при Риволи и Фаворите.



Луи Лаффит. Генерал Бонапарт провозглашает основание Цизальпинской республики в Милане, 9 июля 1797 г. *1867 г.*

После победы при Лоди в 1796 г. генерал Бонапарт образовал Циспаданскую республику (то есть «Республику по эту сторону реки По»), которая состояла из Модены, Реджио, Феррары и Болоньи. В 1797 г. к ней присоединилась республика Транспаданская, находившаяся по другую сторону реки По, и новое объединение было провозглашено Цизальпинской республикой.

Однако Люксембургский кабинет[58], неизвестно почему, увидел в этом ответе барона Винцента открытую дверь для переговоров и в январе 1797 года отправил генералу инструкции, уполномочившие его заключить мир на следующих условиях: 1) император отказывается от Бельгии и Люксембургской области; 2) он признает за республикой Льеж и другие небольшие территории, вдававшиеся в ее владения и уступленные ей; 3) он обещает употребить свое влияние, чтобы в Германии было выкроено некоторое возмещение штатгальтеру[59]; 4) со своей стороны, Французская республика возвращает императору все его владения в Италии.

Эти условия не были одобрены Наполеоном, убежденным в том, что республика имела право требовать границы по Рейну и создания в Италии государства, которое позволило бы поддерживать там французское влияние и сохранить в зависимости от себя Генуэзскую республику, сардинского короля и папу, так как Италию нельзя было больше считать такой же, какой она была до войны. Если когда-нибудь французы вновь уйдут за Альпы, не сохранив там могущественного союзника, то генуэзские и венецианские аристократы и сардинский король свяжутся с Австрией неразрывными узами под влиянием необходимости предохранить свои режимы от распространения идей демократии и народовластия.

Венеция, не имевшая в течение целого столетия никакого влияния на европейское равновесие, наученная отныне опытом и опасностью, которой только что избежала, найдет у себя энергию, деньги и армию, чтобы усилить императора и подавить идеи свободы и независимости в своих материковых владениях. Папа, короли, дворянство соединятся для защиты своих привилегий и закроют Альпы для современных идей.

Три месяца спустя Наполеон подписал предварительные условия мира на основе получения границы по Рейну (включая крепость Майнц), присоединения территории с населением на 1

500 000 человек больше, чем того требовала Директория, и существования одной или двух демократических республик в Италии, сообщающихся со Швейцарией, пересекающих всю Италию с севера на юг, от Альп до По, окружающих сардинского короля и прикрывающих по линии По Среднюю и Нижнюю Италию.

В случае надобности французские армии через Геную, Парму, Модему, Болонью, Феррару и Местре сразу могли бы оказаться на Пьяве, обойдя Минчио, Мантую и Адидже. Этой республикой с тремя миллионами жителей обеспечивалось бы французское влияние на три миллиона жителей Сардинского королевства, и на три миллиона жителей церковных владений и Тосканы, и даже на Неаполитанское королевство.

IX

Образ действий, которого следовало держаться в отношении населения Ломбардии, должен был быть осторожным. Франция соглашалась заключить мир, как только император откажется от Бельгии и Люксембурга. За эту цену она была согласна возвратить ему Ломбардию. Следовательно, нельзя было ни принимать на себя какого-либо обязательства, ни давать какой-либо гарантии, противоречащей этим секретным намерениям кабинета. С другой стороны, все издержки армии должна была нести страна, а это не только поглощало все поступления, но и порождало больший или меньший дефицит в зависимости от количества войск, находившихся в том или ином месте.

Во Франции были упразднены все косвенные налоги. Ее налоговая система была очень несовершенна. Казначейство было независимо. Все велось беспорядочно, бесчестно и неумело. Все учреждения работали плохо. Из итальянских контрибуций приходилось посылать очень значительные суммы для содержания рейнских армий, тулонских и брестских эскадр и даже правительственных учреждений в Париже.

При всем том нужно было противодействовать в Италии влиянию австрийской партии, состоявшей из дворянства и части духовенства, на которую с большим или меньшим успехом воздействовал Рим. Наполеон поддерживал партию, желавшую независимости Италии, но не компрометируя себя, и привлек на свою сторону, несмотря на критическое положение, симпатии большинства населения. Он не только оказывал большое уважение религии, но не забывал ни о чем, что могло склонить к нему духовенство.

Он сумел весьма уместно, словно талисман, использовать лозунги свободы и особенно национальной независимости, которые со времен Рима никогда не переставали быть дороги итальянцам. Управление провинциями, городами и сельскими общинами он вверил самому населению, выбрав для этого самых достойных людей, пользовавшихся наибольшим уважением народа. Полицейская служба была возложена на национальную гвардию, которая во всей Ломбардии была создана по примеру Франции и у которой были национальные цвета: красный, белый и зеленый.

Миланцы были гвельфами[60]; настроение их умов оставалось прежним. Патриоты с каждым днем становились более многочисленными. Французские идеи одерживали с каждым днем новые успехи, а после уничтожения армии Вурмзера настроения в народе стали таковы, что главнокомандующий разрешил Ломбардскому конгрессу провести набор легиона в 3000 человек. В ноябре польские генералы Зайончек и Домбровский спешно прибыли из Польши с большим числом офицеров, чтобы предложить Италии свои услуги, и конгрессу было разрешено создать легион из 3000 поляков. Эти войска никогда не посылались на фронт для борьбы против австрийцев, но служили для охраны общественного спокойствия и сдерживания папской армии.

X

Когда затруднительные обстоятельства побудили главнокомандующего провозгласить Циспаданскую республику, Ломбардский конгресс был сильно встревожен. Но ему дали понять, что это необходимо сделать в силу изменившейся обстановки. Операционная линия армии не проходила по циспаданской территории. И наконец, явилось нетрудным убедить наиболее осведомленных людей, что им нечего тревожиться, если французское правительство не желает брать на себя обязательств, которые оно не сможет сдержать в случае военных неудач, так как вполне очевидно, что судьба французской партии в Италии решается на полях сражений.

Гарантия, которую в данное время дает Франция Циспаданской республике, благоприятна также и для ломбардцев, так как если Франция когда-нибудь будет вынуждена согласиться на возвращение австрийцев в Ломбардию, то Циспаданская республика послужит убежищем для ломбардцев и очагом, где сохранится священный огонь итальянской свободы. Реджио,

Модена, Болонья и Феррара, расположенные на правом берегу По, составляли всю территорию этой страны от Адриатического моря до пармских владений, соприкасаясь с Генуэзской республикой, а через нее – с Францией.

При наличии опасений, что придется вернуть Ломбардию Австрии, чтобы облегчить заключение мира, было тем более необходимо сохранить на правом берегу Ира демократическую республику, на которую Австрийский двор не имел никакого права и не мог предъявить никаких претензий.

Эти четыре области несколько месяцев пробыли независимыми под управлением своих муниципалитетов. Хунта общественной безопасности, состоявшая из Капрара и др.[61], была организована для согласования мероприятий по обороне этих областей и обуздания недоброжелателей. В течение ноября в Модене собрался конгресс из ста депутатов.

Они приняли ломбардские цвета в качестве общеитальянских, пришли к соглашению относительно некоторых основных принципов управления, а именно: об отмене феодализма, о равенстве, о правах человека. Эти маленькие республики объединились для общей обороны и решили совместно выставить первый итальянский легион силою в 3000 человек. Конгресс состоял из лиц всех сословий: кардиналов, дворян, купцов, юристов, писателей.

Постепенно кругозор их расширялся, была объявлена свобода печати, и наконец, в начале января 1797 года, после некоторого сопротивления областнический дух был преодолен, и эти народы объединились в одну республику под названием Циспаданской. Столицей ее была объявлена Болонья, и они приняли представительное конституционное устройство. Это дало себя почувствовать и в Риме. Организация и принципы новой республики являлись прочным барьером против принципов, пропагандируемых святейшим престолом, и против войск, которые им собирались в Романье.

Ломбардский конгресс вошел в связь с Циспаданской республикой, которая с этой поры привлекала к себе взоры всех народов Италии. Из всех городов Италии Болонья постоянно проявляла наибольшую энергию и была самой просвещенной в подлинном смысле этого слова. В феврале 1797 года, после Толентинского мира, Романья, уступленная папой, естественно, должна была присоединиться к Циспаданской республике. Это довело ее население до двух миллионов человек. Таково было положение Италии в конце 1796 года и весной 1797 года, когда французская армия решилась перейти через Юлийские Альпы и двинуться на Вену.

Глава XI. Сражение у Риволи

I. Римские дела. – II. Положение австрийской армии. – III. Положение французской армии. – IV. План действий, принятый Венским двором. – V. Бой у Сан-Микеле (12 января 1797 года). – VI. Занятие Короны фельдмаршалом Альвинци. – VII. Сражение у Риволи (14 января). – VIII. Переправа генерала Провера через Адидже; его движение на Мантую (14 января). – IX. Сражение у Фаворита (16 января). – X. Капитуляция Мантуи (2 февраля).

I

Венецианский Сенат с каждым днем все больше и больше раздражался против французов, но эту ненависть сковывал двойной страх: присутствие победоносной армии и брожение, охватившее большинство его городов на материке. Тем временем он проводил новые наборы словенцев; в лагуны один за другим прибывали новые батальоны.

Обе враждебные партии готовились померяться силами во всех городах на материке. Веронский и Брешианский замки были заняты французскими войсками. Беспорядки, возникшие в Бергамо, показали необходимость занятия цитадели; генерал Бараге-д'Илье занял ее. Такая предосторожность казалась достаточной, так как Наполеон рассчитывал на скорую сдачу Мантуи.

Ему не хотелось до падения этой крепости вступать с Сенатом в споры, которые усложнили бы его положение. Таким образом, обе стороны скрывали пока свои намерения. Переговоры с Римом были прерваны. Опыт показал, что от этого двора ничего нельзя добиться без наличия вооруженных сил. Нужно было положить предел такому состоянию неуверенности, поддерживавшему брожение в Италии.

Еще до прибытия новых австрийских армий 3000 французов и 4000 итальянцев переправились через По и вступили 6 января в Болонью, откуда главнокомандующий отправился в Милан. Манфредини, первый министр великого герцога Тосканского, спешно прибыл туда отстаивать его интересы. Он возвратился во Флоренцию, убежденный, что французы двинулись на Рим.

Ватикан не был обманут этими угрозами.

Он знал о планах, принятых в Вене, и надеялся на их успех. Австрийский посланник поддерживал его бодрость. С их точки зрения, ничто не было столь желательно, как завлечение французов в глубь Италии. Папа, в случае необходимости, был даже готов покинуть Рим, считая, что это явится дополнительной гарантией поражения французов на Адидже. Участь Италии должна решиться на Тибре[62]!

II

Действительно, Альвинци каждый день получал значительные подкрепления. Области Падуи, Тревизы и Бассано были заняты его войсками. Австрия воспользовалась двумя месяцами, истекшими после Аркольского сражения, для присылки во Фриуль дивизий, снятых с берегов Рейна, где французские армии стояли на зимних квартирах.

Она подняла национальное движение во всей монархии, набрала в Тироле несколько батальонов отличнейших стрелков. Было нетрудно внушить им убеждение в необходимости защищать собственную землю и помочь отвоевать Италию, так как это насущно необходимо для процветания их горных областей.

Успехи Австрии в Германии, достигнутые в последнюю кампанию, и поражения в Италии по-разному воздействовали на общественное мнение народов. Большие города предложили батальоны из добровольцев. Вена выставила четыре таких батальона. Венские батальоны получили от императрицы знамена, вышитые ее собственными руками; они их потеряли, но защищали с честью.

В начале января 1797 года австрийская армия в Италии состояла из восьми пехотных дивизий равной силы, которым было придано несколько легких кавалерийских бригад, и из одной дивизии резервной кавалерии; в общем 65 000—70 000 бойцов (64 батальона, 30 эскадронов) и 60 000 тирольцев, не считая 24 000 человек гарнизона Мантуи; всего 96 000–100 000 человек.

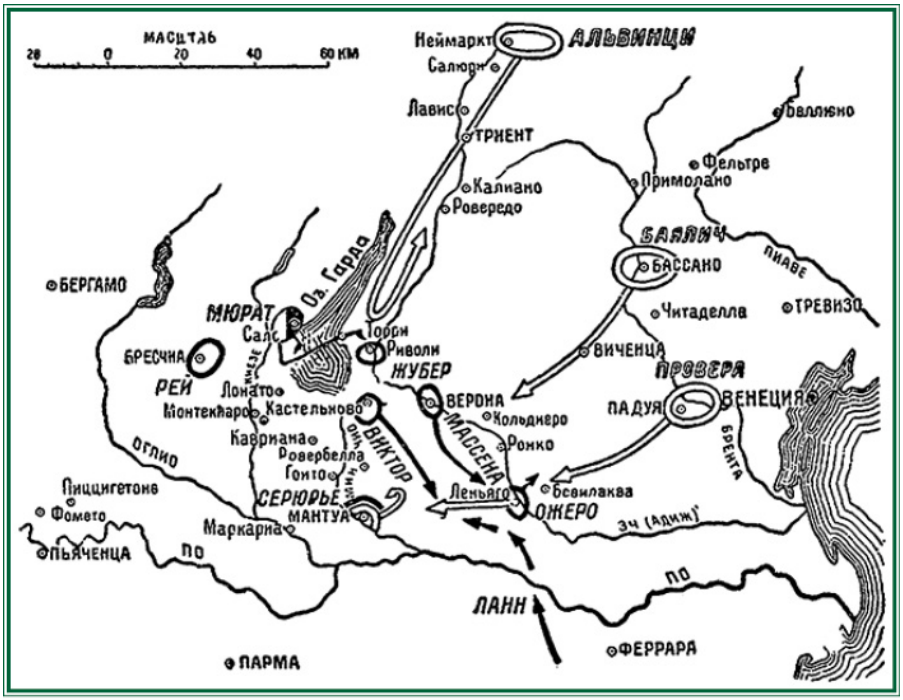


Схема второго похода Альвинци (1797 г.)

III

Французская армия после Арколе была усилена двумя пехотными полубригадами, снятыми с побережья Прованса (включая 57-ю полубригаду), и одним кавалерийским полком – в общем 7000 человек; это возместило потери при Арколе и при блокаде Мантуи. Армия состояла из пяти дивизий: одной командовал Жубер – он занимал Монте-Бальдо, Риволи и Буссоленго; Рей с другой дивизией, меньшей силы, находился в резерве в Дезенцано; Массена был в Вероне, имея авангард в Сан-Микеле; Ожеро был в Леньяго, его авангард в Бевилакве; Серюрье блокировал Мантую.

В этих пяти дивизиях насчитывалось в строю 43 000 человек, из которых только 31 000 человек были в обсервационной армии. Жубер прикрыл Корону окопами; Верона, Леньяго, Пескиера, Пиццигетоне были в хорошем состоянии; брешианская и бергамская цитадели, форт Фуент, Феррарская цитадель и форт Урбано были также заняты французами, а канонерские лодки дали им господство над четырьмя озерами: Гарда, Комо, Лугано и Маджиоре.

IV

Наступление Вурмзера осуществлялось по трем направлениям: по Киезскому шоссе, через Монте-Бальдо и по долине Адидже; все три его колонны должны были сойтись у Мантуи. Несколько месяцев спустя Альвинци, в свою очередь, вступил в Италию с двумя армиями: одна направилась через Тироль, а другая по рекам Пьяве, Бренте и Адидже; они должны были соединиться в Вероне. На этот раз Венский двор принял новый план, согласованный с действиями на римском театре военных действий.

Он предписал повести два больших наступления в следующих направлениях: главное – через Монте-Бальдо, вспомогательное – на Нижний Адидже, по Падуанским равнинам. Оба эти наступления должны были вестись независимо одно от другого. Наступавшие корпуса должны были соединиться у Мантуи. Главный корпус должен был выйти через Тироль; в случае если бы ему удалось разбить французскую армию, он вышел бы затем к стенам Мантуи и застал бы там корпус, прибывший туда после переправы через Адидже.

Если бы атака главного корпуса не удалась, а успешной оказалась бы только атака вспомогательного, то и в этом случае была бы снята осада Мантуи, а крепость снабжена припасами. Затем этот корпус бросился бы в Серральо и установил бы коммуникации с Римом. Вурмзер принял бы тогда командование армией, формировавшейся в Романье, имея 5000 человек своей кавалерии, штаб и многочисленную полевую артиллерию.

Большое количество генералов, офицеров и спешенных кавалеристов, находившихся в Мантуе, внедрили бы дисциплину в армию папы и устроили бы диверсию, которая принудила бы французов отрядить два армейских корпуса – один для наблюдения за левым берегом, другой – за правым берегом По. Очень толковый тайный агент, посланный из Вены в Мантую, был задержан одним часовым в тот самый момент, когда он миновал уже последний пост блокирующей армии.

При помощи рвотного его заставили выдать проглоченную им депешу; она находилась в маленьком шарике из воска для печатей. Эта депеша представляла собой письмецо на французском языке, написанное очень мелким почерком и подписанное императором Францем. Император уведомлял Вурмзера, что в ближайшее время он будет освобожден, приказывая ему ни в коем случае не сдаваться, а эвакуировать крепость, переправиться через По и направиться во владения папы, где ему предстояло принять командование армией

святейшего престола.

V

Во исполнение плана Венского двора Альвинци принял командование над основным войском, состоявшим из 45 000 человек, и перенес свою главную квартиру из Бассано в Роверето. Генерал Провера принял командование над корпусом, предназначенным для действий в направлении на Нижний Адидже. Этот корпус состоял из трех дивизий силой в 20 000 человек.

Его главная квартира была в Падуе. 12 января левофланговая дивизия корпуса, под командованием Баялича, заняла позицию в Кальдиеро, а Гогенцоллерн, командующий авангардом, – в Монтаньяне. 12-го Гогенцоллерн двинулся на Бевилаква, где находился авангард под командой храброго генерала Дюфо, который после легкого сопротивления отступил за Адидже, переправившись по мостам Порто-Леньяго.

Дивизия Баялича атаковала Сан-Микеле. Она состояла из восьми батальонов и шести эскадронов. Массена выступил на поддержку своего авангарда. Австрийцы были сломлены и преследуемы по пятам до Кальдиеро, оставив 900 пленных.

Извещенный в Болонье своими венецианскими агентами о движении австрийской армии на Падую, главнокомандующий распорядился выставить итальянские части на транспаданских границах, чтобы держать под ударом армию папы, и направил 3000 французов из Болоньи на Феррару, где они переправились через По в Понте-ди-Лагоскуро.

Сам он переправился через По в Боргофорте и направился в ровербелльскую главную квартиру. В Верону он прибыл во время Сан-Микельского боя. Вечером он приказал Массена отвести ночью всю свою дивизию за Верону. Противник приступил к действиям. Следовало держать все войска вне дефиле[63], чтобы была возможность направиться без замедления туда, где произойдет действительная атака.

Ночью он получил из Леньяго донесение, что замечено движение австрийской армии на Нижнем Адидже, что с ней ее главный штаб и что видели два понтонных парка. Донесение генерала Дюфо не оставляло никакого сомнения в том, что перед ним развернуты многочисленные силы. Он видел более 12 000 человек и предполагал, что это только первая линия.

Жубер из Короны сообщал, что он подвергался атакам в течение всего дня 12-го, но удержался и отразил все атаки

противника. Этим, казалось, подтверждалось мнение, что главное наступление противника ведется на Нижнем Адидже.

VI

Противник еще не обнаружил своих намерений, и принимать решение было рано. Войска были готовы к ночному переходу. Дивизия, бывшая в Дезенцано, направилась 13-го в Кастельнуово, чтобы там ожидать дальнейших приказаний. Донесения с Киезы были успокоительны. Пошел проливной дождь. В 10 часов войска были под ружьем, но Наполеон еще не решил, в какую сторону их направить: спускаться ли вниз или подниматься вверх по берегам Адидже?

В 10 часов вечера прибыли донесения из Монте-Бальдо и с Нижнего Адидже. Жубер доносил, что 13-го, в 9 часов утра, противник развернул большие силы, что сам он дрался весь день и что его позиция сильно сузилась. Он имел счастье удержаться на своей позиции, но в 2 часа пополудни заметил, что с левого фланга его обошла вдоль озера Гарда австрийская дивизия, угрожавшая стать между ним и Пескиерой, а с правого фланга его обошла другая дивизия противника, шедшая сначала вдоль левого берега Адидже, перебросившая мост около Дольче, в одном лье от Риволи, переправившаяся через эту реку и идущая теперь по правому берегу, вдоль подножья Монте-Маньоне, для захвата Риволийского плато.

Заметив это, он счел необходимым выслать одну бригаду для обеспечения этого важного плато – ключа всей позиции. Он доносил, что в 4 часа счел даже нужным продолжать отступление, чтобы прибыть днем на Риволийское плато, и что он будет вынужден ночью очистить местность, если не получит других приказаний. На Нижнем Адидже Провера занимал левый берег. Солдаты вели перестрелку вдоль обоих берегов. С этого момента план противника стал ясен. Было очевидно, что он действует двумя корпусами: главным – на Монте-Бальдо и менее значительным – на Нижнем Адидже.

Казалось, что дивизии Ожеро будет достаточно, чтобы помешать Провере переправиться через реку. Но ближайшая опасность угрожала со стороны Монте-Бальдо. Нельзя было терять ни минуты, потому что противник, овладев Риволийским плато, соединился бы со своей артиллерией и кавалерией. Если же его атакуют до овладения этим важным пунктом, то он будет вынужден драться без артиллерии и без кавалерии. Все войска начали движение с расчетом прибыть в Риволи на рассвете. Главнокомандующий отправился туда же и прибыл на место в 2 часа утра.

VII

Погода прояснилась, луна светила ярко. Главнокомандующий поднимался то на одну, то на другую высоту и наблюдал за линиями неприятельских огней. Ими была заполнена вся местность между Адидже и озером Гарда. Воздух как бы пылал от костров. Главнокомандующий ясно различил пять лагерей, в каждом из которых было по колонне, начавшей свое движение уже накануне. По огню биваков силы противника предполагались в 40 000—45 000 человек.

Французы могли выставить на поле боя только 22 000 человек. Диспропорция была еще очень велика, но у французов имелось превосходство в виде 60 орудий и нескольких кавалерийских полков. Судя по расположению пяти неприятельских биваков, можно было рассчитывать, что Альвинци не начнет атаки раньше 10 часов утра. Первая колонна, под командованием Люзиньяна, на правом фланге была очень далеко.

Казалось, что она имеет целью охватить Риволийское плато с тыла. Она не могла прибыть раньше 10 часов. Вторая колонна, под командованием Липтая, намеревалась атаковать, по-видимому, левую сторону плато. Третья колонна, под командованием Кеблеса, прижалась к подножию Монте-Маньоне. Четвертая колонна, под командованием Очкая, была на вершине Монте-Маньоне и направлялась на часовню Сан-Марко.

Пятая колонна состояла из 14 батальонов, при ней были артиллерия, кавалерия и обозы армии. Она переправилась через Адидже и Дольче и спустилась по правому берегу к подножию Монте-Маньоне. Она стояла напротив остерии[64] делла-Догана, на подъеме близ хутора Инканале, у подножия Риволийского плато, и должна была выйти по проходившему там шоссе.

Тогда у Альвинци оказались бы и пехота, и артиллерия, и кавалерия. Шестая колонна, под командованием Вукассовича, была на левом берегу Адидже, напротив венецианской Киезы. На основании этих наблюдений Наполеон составил свой план. Он приказал Жуберу, очистившему часовню Сан-Марко на Монте-Маньоне и занимавшему теперь Риволийское плато только арьергардом, немедленно перейти в наступление, вновь овладеть часовней, не ожидая рассвета, и оттеснить четвертую колонну Очкая насколько возможно дальше.

Десять хорватов, извещенные одним пленным об очищении часовни Сан-Марко, только что ею завладели, когда Жубер, выслав к часовне в 4 часа утра генерала Виаля, вновь занял ее. Началась ружейная перестрелка с одним хорватским полком и

вслед за тем со всей колонной Очкая. К рассвету эта колонна была оттеснена уже к середине Монте-Маньоне.

Третья австрийская колонна – Кеблеса – ускорила тогда свое движение и немного раньше 9 часов прибыла на левые высоты Риволийского плато, но без артиллерии. 14-я и 85-я французские полубригады, стоявшие на этой позиции, имели каждая по одной батарее.

14-я занимала правый фланг, она отразила атаки противника. 85-я была охвачена с флангов и опрокинута. Главнокомандующий бросился к дивизии Массена, которая, проведя на марше всю ночь, отдыхала недолго в селении Риволи, и повел ее на противника. Меньше чем в полчаса колонна Кеблеса была разбита и обращена в бегство.

Колонна Липтая спешно двинулась на помощь Кеблесу. Было десять с половиной часов. Кважданович, находившийся в глубине долины, заметил, что Жубер не оставил никого в часовне Сан-Марко, и двинулся вслед за Очкаем, а когда около самого Риволийского плато раздались выстрелы, он счел момент подходящим и отрядил три батальона для занятия часовни и облегчения подхода артиллерии и конницы.

От успешности этого предприятия зависел исход сражения, но выполнение его было[65] затруднительно: это был подлинный приступ, при котором солдатам приходилось карабкаться вверх. Жубер приказал возвратиться беглым шагом трем батальонам, которые подоспели к часовне раньше батальонов противника и отбросили их вниз, в глубь долины. Французская 15-орудийная батарея, расположенная на Риволийском плато, расстреливала картечью все, что пыталось выйти из теснины на плато.

Полковник Леклерк с 300 всадников атаковал повзводно; несколько дальше командир эскадрона Лассаль атаковал противника с двумя сотнями гусаров. Стремительность этих атак обеспечила успех: противник был опрокинут в овраг; все, что успело выйти на плато, – пехота, кавалерия и артиллерия – было захвачено. Половина армии, состоявшая из колонн Кважданович и Вукассовича, не успев выйти на плато, простояла без пользы и не оказала никакой помощи.

Тем временем первая колонна Люзиньяна прибыла на указанную ей позицию. Она встретила дезенцанский резерв французов из 57-й и 58-й полубригад, стоявших на позиции в Орсе, и оставила здесь одну из своих бригад, чтобы противодействовать им. Другая бригада, силою в 5000 человек, заняла позицию на высоте Пиполо, по обеим сторонам Веронской дороги, позади Риволийского плато, опираясь правым флангом на Адидже.

Она совсем не имела артиллерии. Она считала, что обошла французскую армию, но было уже слишком поздно: едва только она поднялась на высоту, как ей стало видно поражение Очкая, Кеблеса и Липтая. Она сразу почувствовала, что ее ожидает, ибо у нее не было выхода. Сначала она подверглась в течение четверти часа канонаде пятнадцати 12-фунтовых орудий резерва, затем была атакована в штыки и целиком взята в плен.

Другая бригада, оставленная позади, на позиции против дезенцанского резерва, начала после этого отступление. Она была преследуема, рассеяна и большей частью перебита или взята в плен. Было 2 часа пополудни. Противник был повсюду разбит и энергично преследуем. Жубер наступал с такой стремительностью, что был момент, когда казалось, что будет захвачена в плен вся армия Альвинци.

Брентинское ущелье оставалось единственным путем отступления противника. Но Альвинци, сознавая грозящую ему опасность, приказал резерву сделать поворот кругом, сдержал Жубера и даже заставил его слегка отступить.

Сражение было выиграно. Французы захватили 12 пушек, миновавших Инканале, знамена и 7000 пленных. Два отряда из 10-й и 32-й полубригад, которые должны были присоединиться к армии, наткнулись на дивизию Люзиньяна в тот момент, когда она пересекала Веронское шоссе. Они распустили в тылах слух, что французская армия окружена и погибла.

В этот день главнокомандующего несколько раз окружали солдаты противника и под ним было ранено несколько лошадей.

Генерал Шабо занимал Верону с горстью людей.

VIII

В тот же день Провера перебросил мост в Анджиари, около Леньяго, переправился через реку и двинулся на Мантую. Он оставил резерв для охраны мостов. Ожеро распорядился плохо: он смог атаковать эти мосты только 15 января 1797 года. Бой продолжался несколько часов. Ожеро перебил и захватил в плен охрану и сжег понтоны. Но Провера обогнал его на один переход: блокада Мантуи была поставлена под угрозу. Трудно помешать неприятелю, имеющему понтонный парк, переправиться через реку.

Когда армия, обороняющая речные переправы, имеет целью прикрытие осады, она должна заранее принять меры к тому, чтобы прибыть раньше противника к промежуточной позиции между рекой, которую она обороняет, и крепостью, которую она

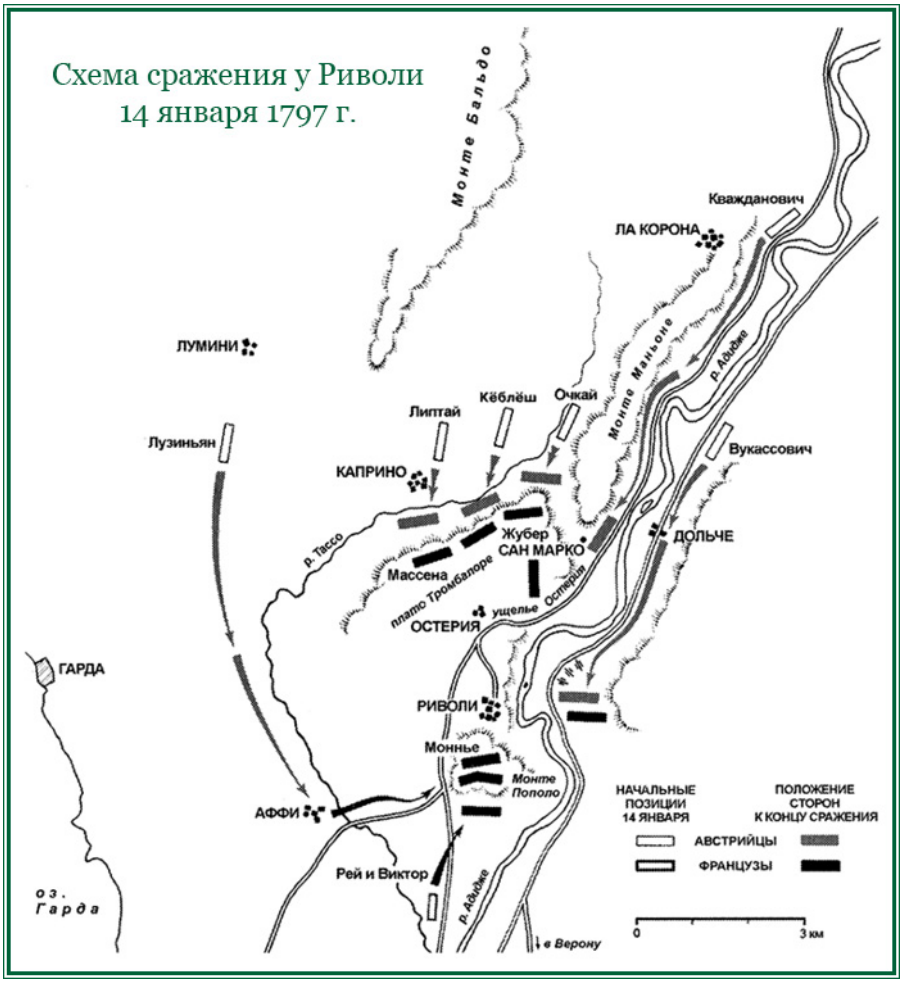
прикрывает. Как только Провера переправился через Адидже, Ожеро должен был бы двинуться на Молинеллу и прибыть туда раньше его.

Наполеон, узнав 14-го, в 2 часа пополудни, в разгар Риволийского сражения, что Провера перебросил мост в Анджиари, тотчас же догадался, что может из этого получиться. Он предоставил Массена, Мюрату и Жуберу заботы о преследовании Альвинци на следующий день и в тот же час выступил с четырьмя полками к Мантуе.

Ему предстояло сделать 13 лье. Он вступил в Ровербеллу в тот момент, когда Провера подходил к Сен-Жоржу. 16-го на рассвете Гогенцоллерн с авангардом появился у ворот Сен-Жоржа во главе полка, одетого в белые плащи. Зная, что это предместье прикрыто только простой циркумвалационной линией, он рассчитывал овладеть им врасплох.

Миоллис, командовавший этим пунктом, выставил охранение только в сторону города. Он знал, что одна французская дивизия находится на Адидже, и полагал, что противник очень далеко. Гусары Гогенцоллерна были похожи на солдат 1-го французского гусарского полка. Однако один старый сержант сен-жоржского гарнизона, рубивший дрова в 200 шагах от крепости, заметил эту кавалерию. У него появились сомнения, и он сообщил об этом сопровождавшему его барабанщику.

Им показалось, что белые плащи слишком новы, чтобы быть плащами гусар Бершени. Эти молодцы, чуя недоброе, бросились в Сен-Жорж, подняли тревогу и опустили шлагбаум. Гогенцоллерн пустился в галоп, но проскочить не успел. Он был узнан и обстрелян картечью. Вскоре войска заняли брустверы. В полдень Провера окружил крепость. Доблестный Миоллис с 1500 человек оборонялся весь день и таким образом дал время прибыть подкреплениям, выступившим с Риволи.



IX

Провера при помощи лодки связался по озеру с Мантуей и согласовал с ней свои действия на следующий день. 16-го на рассвете Вурмзер с гарнизоном сделал вылазку и занял позицию у Фавориты. В 1 час утра Наполеон расположил генерала Виктора с четырьмя полками, которые он привел, между Фаворитой и Сен-Жоржем, чтобы помешать соединению гарнизона Мантуи с армией, подошедшей на выручку.

На рассвете Серюрье с блокирующими войсками атаковал гарнизон, а дивизия Виктора – армию Провера. В этом сражении 57-я полубригада заслужила название Грозной: она бросилась в штыки на линию австрийцев и опрокинула все, что пыталось ей сопротивляться. В 2 часа пополудни, после того как гарнизон был отброшен в крепость, Провера капитулировал и сложил оружие.

Много знамен, обозов, несколько парков и 6000 пленных, из них несколько генералов, попало в руки победителя.

В продолжение этого же времени арьергард, оставленный Провера на реке Молинелла, был атакован генералом Пуэном из дивизии Ожеро, разбит и взят в плен. Из корпуса Провера уцелели только 2000 человек, оставшихся по ту сторону Адидже. Все остальные были взяты в плен или перебиты. Это сражение было названо сражением у Фавориты, по названию дворца герцога Мантуи, находившегося близ поля сражения.

У Риволи Жубер весь день 15-го теснил Альвинци и прибыл так быстро к Брентинскому ущелью, что 6000 человек были им отрезаны и взяты в плен. Мюрат с двумя батальонами легких войск обошел Корону на судах по озеру Гарда. Альвинци едва успел ускользнуть. Жубер направился на Триент и занял старые позиции на реке Авинчио.

В различных рекогносцировках он захватил около 1000 пленных. Генерал Ожеро пошел в Кастельфранко и оттуда к Тревизе. Ему тоже пришлось выдержать несколько мелких стычек. Массена занял Бассано и расположил свои аванпосты на Пьяве. В двух авангардных боях он взял 1200 пленных.

Австрийские войска переправились обратно за реку Пьяве.

Снега занесли все ущелья Тироля, и это была самая большая преграда, которую Жубер должен был преодолеть. Французская пехота восторжествовала над всем. Жубер вступил в Триент и занял итальянский Тироль. Он захватил всех австрийских больных и много складов. Армия заняла те же позиции, что и перед Аркольским сражением.

Трофеями, взятыми в течение января в различных боях, были: 25 000 пленных, 24 знамени и штандарта и 60 орудий. Потери противника были не меньше 35 000 человек. Бессьер повез в Париж знамена. Пленные были в таком большом количестве, что причиняли затруднения. Многие из них бежали с дороги через Швейцарию. Для этого была создана специальная организация. Между тем генерал Рей эскортировал их с конвоем в 4000 человек.

В ознаменование заслуг, оказанных в стольких сражениях генералом Массена, император впоследствии дал ему титул герцога Риволийского.

X

Давно уже гарнизон Мантуи был на половинном пайке; лошади были съедены. Вурмзеру дали знать о результатах

Риволийского сражения, и ему не на что было больше надеяться. Потребовали, чтобы он сдался. Он гордо ответил, что у него продовольствия хватит на год. Однако несколько дней спустя его первый адъютант Кленау прибыл в главную квартиру Серюрье.

Он уверял, что у гарнизона имеется продовольствия еще на три месяца, но фельдмаршал, считая, что Австрия не сможет вовремя выручить крепость, будет сообразовывать свои действия с условиями, какие ему предложат. Серюрье ответил, что он запросит об этом главнокомандующего. Наполеон отправился в Ровербеллу и присутствовал инкогнито при разговоре между двумя генералами, закутавшись в свой плащ.

Кленау, приведя все обычные доказательства, долго разглагольствовал о больших средствах, остающихся у Вурмзера, и о большом количестве продовольственных припасов, которые имеются у него в запасных складах. Главнокомандующий приблизился к столу, взял перо и на полях предложений Вурмзера писал приблизительно в течение получаса свои решения, пока дискуссия с Серюрье все еще продолжалась.

Окончив, он сказал Кленау: «Если бы Вурмзер заговорил о сдаче, имея продовольствия на восемнадцать или на двадцать дней, он не был бы достоин почетной капитуляции, но я уважаю возраст, храбрость и несчастья фельдмаршала. Вот условия, какие я ему предлагаю, если он откроет завтра ворота крепости.

Если он задержит сдачу на полмесяца, на месяц, на два месяца, условия для него остаются те же самые. Он может выжидать до последнего куска хлеба. Я немедленно выступаю за По и двинусь на Рим. Вы узнали мои намерения. Передайте их своему главнокомандующему».

Кленау, ничего не понявший из первых слов, скоро догадался, с кем имеет дело. Он ознакомился с решениями и проникся признательностью за такое неожиданное великодушие. Скрывать что-либо дальше не было никакого смысла. Он признался, что продовольствия осталось только на три дня. Вурмзер прислал просить главнокомандующего, намеревающегося переправиться через По, сделать это в Мантуе, во избежание обходов и плохих дорог, но все распоряжения о марше были уже отданы.

Вурмзер написал Наполеону, чтобы выразить свою признательность, и несколько дней спустя отправил к нему в Болонью адъютанта с уведомлением, что составился заговор с целью отравить его в Романье, и сообщил ему сведения, необходимые для того, чтобы предохранить себя. Это предупреждение оказалось полезным.

Генерал Серюрье принимал сдачу Мантуи, и перед ним прошли старый фельдмаршал и весь штаб его армии. Наполеон

был уже в Романье. Равнодушие, с которым он уклонился от такого лестного зрелища, как сдача в плен фельдмаршала с громкой репутацией, генералиссимуса австрийских вооруженных сил в Италии, отдающего свою шпагу, со всем своим штабом, было отмечено по всей Европе.

В гарнизоне Мантуи было еще 20 000 человек, из которых 12 000 в строю, 30 генералов, 80 чиновников и служащих разного рода и вся главная квартира Вурмзера. В течение трех блокад с июня месяца в этой крепости умерло в госпиталях и было убито в различных вылазках 27 500 человек.

Жубер, уроженец Энского департамента, прежней Бресской провинции, готовился к адвокатской карьере. Революция побудила его вступить в армию. Он служил в Итальянской армии, где был произведен в бригадные, а потом в дивизионные генералы. Он был высокого роста, худой и казался по природе слабого сложения, но закалил свое тело среди тягот походной жизни и в горной войне.

Он был неустрашим, бдителен, энергичен. В ноябре 1796 года он стал дивизионным генералом вместо Вобуа. Под его командованием были войска, действовавшие в Тироле. Кампанию в Германии, как будет видно дальше, он провел с честью. Он был сильно привязан к Наполеону, поручившему ему в ноябре 1797 года отвезти Директории знамена, взятые Итальянской армией.

В 1799 году он ввязался в парижские интриги и был назначен главнокомандующим Итальянской армией после поражения Моро. Тогда же он женился на дочери сенатора Семонвилля. Он пал в сражении у Нови смертью храбрых. Он был еще молод и не успел приобрести всего необходимого опыта. Он был создан для роли крупного полководца.

Наполеон в битве при Риволи.
Гравюра XIX в.

Глава XV. Венеция

I. Описание Венеции. – II. Сенат. – III. Поведение проведиторов Мочениго и Фоскарини. – IV. Партии; Брешиа; Бергамо. – V. Трудности, связанные с вопросом о Венеции. – VI. Совещание в Герце (20 марта 1797 года). – VII. Верона. – VIII. Миссия адъютанта Жюно в Сенате; объявление войны. – IX. Вступление французов в Венецию; революция в этом городе. – X. Революция в материковых областях. Отправка в Париж знамен, взятых у венецианцев, и последние дни кампании.

I

Венеция, основанная в V веке обитателями Фриуля и Падуи, бежавшими в лагуны, чтобы оградить себя от нашествия варваров, занимала сначала местоположение Гераклеи и Киоджии; затем, в связи с церковным расколом, вызванным Арием, патриарх Аквилей переселился со своим причтом в Градо. Градо сделался столицей. Первое время венеты подчинялись законам и консулам,

назначаемым Падуей. В 697 году венеты в первый раз выбрали собственного дожа.

Французский король Пипин построил в Равенне флотилию и принудил венетов удалиться на Риальто и шестьдесят окружающих его островов, где лагуны защищали их от враждебных покушений этого короля. Это и есть место, где расположена современная Венеция. В 830 году туда были перевезены из Египта останки евангелиста Марка; последний сделался патроном республики. С 960 года венецианцы завладели Истрией и Адриатикой. Короли Венгрии боролись с ними из-за Далмации. В 1250 году в союзе с французами они взяли Константинополь.

До середины XVII столетия они овладели Мореей и Кандией. Италия, раздираемая революциями, часто меняла властителей, но Венеция, все время независимая и свободная, никогда не признавала чужеземной власти. Ей удавалось постоянно ускользать от порабощения владетелями полуострова.

Венеция является торговым портом, расположенным лучше всех других портов Италии. Товары из Константинополя и Леванта прибывают туда самым коротким путем – по Адриатическому морю; оттуда они расходятся по всей Верхней Италии до Турина, по реке По и по всей Германии, поднимаясь по Адидже до Боцена, откуда шоссе ведут в Ульм, Аугсбург, Мюнхен и Нюрнберг. Венеция – это морской порт Верхнего Дуная, По и Адидже.

Природа предназначила ему быть складочным пунктом Леванта, Италии и Южной Германии. До открытия мыса Доброй Надежды Венеция вела торговлю с Индией через Александрию и Красное море, поэтому она боролась с Португалией, чтобы перехватить ее морские пути. Она снарядила значительный флот в Красном море и соорудила арсенал, бассейны пресной воды и склады припасов около Суэца. Остатки их еще видны у «Моисеевых источников». Однако португальцы разбили этот дорого стоивший флот, а анархия, в которую впал Египет, окончательно закрыла этот путь для торговли с Индией.

Лагуны образуются водами Пьяве, Бренты и Ливенцы; они сообщаются с морем тремя большими проходами: Киоджийским, Маланокко и Лидо.

Верховная власть со времени уничтожения демократических учреждений в 1200 году перешла к аристократии из нескольких сотен фамилий, записанных в Золотую книгу и располагавших почти 1200 голосами в Большом совете. Население венецианских областей равнялось 3 миллионам человек, расселившихся вокруг Венеции в очень богатых плодородных областях: Бергамо,

Брешиа, Кремона, Виченца, Падуя, Полезина, Тревиза, Бассано, Кадоре, Беллуно и Фриуль (материковая часть Италии), в Истрии, Далмации и Бокка-ди-Каттаро, на берегах Адриатического моря и, наконец, на Ионических островах.

Ее территория примыкала на севере к главному хребту Юлийских Альп, от реки Адда до реки Изонцо. Эта горная цепь повсюду непроходима для гужевого транспорта и образует границу со стороны Германии. Через нее можно перевалить только по трем проходам, а именно: по Тирольскому, Каринтийскому и Карниольскому шоссе. В 1796 году эта республика находилась в полном упадке и была только тенью былой Венеции.

Три поколения сменились, не ведя войны. Один вид ружья заставлял трепетать этих недостойных потомков Дандоло, Зено, Морозини. Во время войны за австрийское наследство и войн 1733 и 1740 годов они терпели с трусливой покорностью издевательства и оскорбления австрийских, французских и испанских армий.

Венецианский военно-морской флот состоял из двенадцати 64-пушечных кораблей, стольких же фрегатов и большого количества мелких судов, достаточных, чтобы вселять уважение варварийским пиратам[66], господствовать над Адриатикой и оборонять лагуны. Армия силою в 14 000 человек состояла из итальянских полков, набранных на материке, и словенских частей, набранных в Далмации.

Храбрые и очень преданные республике, последние имели то преимущество, что являлись чуждыми материку и по языку и по нравам. Участие в управлении республикой принимали только фамилии, занесенные в Золотую книгу. Сенат состоял исключительно из них, так же как советы, Коллегия сорока и другие руководящие органы. Это возбуждало недовольство материкового дворянства, среди которого было большое число богатых, именитых и могущественных фамилий.

Попав в подчинение, лишенные всякой власти, они не имели никакого влияния на дела и питали сильную зависть к господствующей знати. Они происходили частью от древних кондотьеров, древних подеста[67] или других лиц, игравших большую роль в республиках своих городов; предки их после долгого сопротивления Венеции оказались в конце концов жертвами ее политики. К зависти и ненависти, которые им внушала форма государственной власти, примешивалось также старательно подогревавшееся старинное желание мести.

Простой народ материковых владений в целом тоже был недоволен; наиболее значительная часть его держала сторону

своего дворянства. Но венецианская знать, владевшая поместьями и предприятиями почти во всех провинциях, имела там и своих приверженцев. Духовенство не пользовалось уважением и почетом в этой республике, которая давно уже освободилась, насколько это было возможно, от влияния папы на светские дела.

II

В 1792 году державы коалиции предлагали Венеции принять участие в войне. По-видимому, этот вопрос не вызвал серьезных дискуссий в Сенате: единодушный вотум был за нейтралитет. Эта республика была настолько удалена от театра войны, что считала себя непричастной к французским делам. Когда граф де Лилль искал убежища в Вероне, Сенат дал ему позволение проживать там только с согласия Комитета общественного спасения, предпочитавшего видеть графа в Вероне, чем в каком-либо другом месте.

Когда французские войска в 1794 году двинулись к Онелья, в Италии сочли, что ей угрожает нашествие, и представители ряда государств собрались на конгресс в Милане. Венеция отказалась принять в нем участие не потому, что она одобряла французские принципы, а потому, что боялась отдаться на милость Австрии и не хотела отказываться от своей робкой и расслабленной политики, проводимой уже в течение нескольких поколений.

Но когда Наполеон прибыл в Милан, а Болье в ужасе бежал за Минчио, заняв Пескиеру, где он поставил свой правый фланг в надежде оборонять эту линию, в Сенате возникли большие сомнения и тревожные предчувствия. Огромное пространство, до тех пор отделявшее Венецию от борьбы демократии с аристократией, было преодолено. Война принципов и война пушек проникла в самое сердце государства. Бурные разногласия возникли в советах, где обнаружились три точки зрения.

Молодые олигархи стремились к вооруженному нейтралитету. Им хотелось поставить сильные гарнизоны в Пескиере, Брешиа, Порто-Леньяго и Вероне, объявить эти крепости на осадном положении, довести армию до 60 000 человек, поспешно укрепить лагуны, прикрыть их канонерками, снарядить эскадру для обороны Адриатического моря и, создав себе такое прочное положение, объявить войну первому, кто нарушит их нейтралитет.

Приверженцы этого мнения шли еще дальше. Они говорили: «Если придет последний час, будет менее позорно погибнуть с оружием в руках. Защищая свою территорию, мы помешаем

распространению французских идей в больших городах материка. Мы добьемся от обеих враждующих сторон тем больших уступок, чем больше у нас будет возможностей требовать их.

Если, наоборот, мы мирно откроем свои ворота, война между двумя враждебными государствами станет вестись на территории республики, и с того же мгновения верховная власть ускользнет от дожа. Его первая обязанность – защищать своих подданных. Если их поля, их собственность сделаются добычей войны, народ в несчастье потеряет всякое уважение и всякое почтение к бросившей его на произвол судьбы власти. Уже существующие в зародыше недовольство и зависть разовьются с неудержимой силой: республика погибнет, не вызвав ни у кого сожаления».

Приверженцы старой политики утверждали, что не следует принимать никакого окончательного решения и что нужно лавировать, выигрывать время и ждать, что произойдет. Они признавали, что все опасности вполне реальны, что надо бояться одновременно как честолюбия Австрии, так и идей республиканской Франции, но что, к счастью, все это зло преходяще. Действуя терпеливо и идя на уступки, можно избежать грозящих неприятностей.

Французы по природе своей сговорчивы, и, действуя правильно, можно убедить их вождей добиться их расположения. При теперешнем направлении умов всякий вооруженный нейтралитет поведет к войне, чего следует избегать прежде всего; провидение поставило столицу в положение, обеспечивающее ее от всяких покушений, и всем опасностям нужно противопоставлять терпение, умеренность и время.

Батталья говорил: «Республика действительно в опасности. С одной стороны, французские принципы противоречат нашей конституции, с другой – Австрия покушается на нашу независимость. Из этих двух неизбежных зол попытаемся выбрать наименьшее. Худшим, в моих глазах, является австрийское рабство. Дополним Золотую книгу, впишем туда тех представителей материкового дворянства, которые этого заслуживают; этим мы успокоим наши народы, и среди нас исчезнет оппозиция.

Вооружим крепости, снарядим флот, соберем войска и пойдем навстречу французскому главнокомандующему с предложением наступательного и оборонительного союза. Нам, может быть, придется ввести некоторые небольшие изменения в нашу конституцию, но зато мы спасем нашу независимость и свободу. Говорят о вооруженном нейтралитете: два года назад такое решение было бы наилучшим, оно было бы правильным, потому что его одинаково применяли бы к обеим воюющим

сторонам, оно было возможным, потому что имелось время к нему подготовиться.

Ныне вы не можете более запретить французам то, что вы позволяли австрийцам или терпеливо сносили от них. Запретить – это значит объявить войну французской армии, когда она через восемь дней будет в Вероне, а вы даже не обеспечили себе помощь Австрии. В течение двух месяцев это государство не сможет ничего сделать для вас. Что произойдет с республикой за эти два месяца пред лицом такого предприимчивого и активного противника? Из всех решений это – наихудшее. Это значит бросаться в самую гущу опасности, вместо того чтобы от нее уклоняться.

Другое решение, предлагаемое вам, – терпение и попытки выиграть время – столь же плохо, как и первое. Политические обстоятельства ныне совсем не те, что раньше: времена сильно изменились; кризис, который мы переживаем, совсем не похож ни на один из тех, с которыми справилось испытанное благоразумие наших предков.

Французские принципы у всех на уме. Они проявляются во всевозможных формах. Это – вышедший из берегов поток, и тщетна будет попытка остановить его терпением, умеренностью и изворотливостью. Средство, которое я вам предлагаю, одно только и может вас спасти. Оно простое, благородное и великодушное. Мы можем предложить французам контингент в 10 000 человек, оставив себе то, что необходимо для обороны наших крепостей.

Они скоро возьмут Мантую и перенесут войну в Германию. Когда мы сделаем первый шаг, остальное дастся легче, потому что в дальнейшем все партии, раздирающие государство, единодушно пойдут вместе, воодушевленные одинаковыми побуждениями. Наша независимость будет обеспечена, и мы спасем основы нашей конституции. Австрия не имеет никакого влияния на наши народы. У нее нет флота, тогда как с минуты на минуту на Лидо может появиться тулонский флот».

Это мнение подействовало и на страсти, и на мысли разумных людей, но к нему присоединились лишь немногие. Аристократические предрассудки одержали верх над интересами родины. Такое решение было бы слишком благородным для вырождавшихся, не способных к высоким мыслям людей.

III

Проведитор Мочениго торжественно принял Наполеона в

Брешиа. Он заверял в добрых чувствах Сената к Франции. Блестящие празднества установили связи между офицерами армии и главнейшими фамилиями. Каждый вельможа стремился сделаться личным другом какого-либо французского генерала.

В Вероне проведитор Фоскарини последовал этому примеру, но надменность его характера мешала притворству: он плохо скрывал свои тайные чувства. Это был один из сенаторов, наиболее враждебных новым идеям. Протестовать против вступления французов в Пескиеру он не посмел, потому что они прибыли туда вслед за войсками Больe; но, когда французы потребовали ключи от арсенала, чтобы поставить орудия на валы, и когда они занялись вооружением галер, он заявил протест против такого нарушения нейтралитета республики.

По прибытии Наполеона в Пескиеру этот проведитор пытался отговорить его от движения на Верону; он дошел даже до угрозы запереть ее ворота и открыть канонаду. «Слишком поздно, – сказал ему главнокомандующий, – мои войска уже вошли туда. Я принужден установить оборону по Адидже на время осады Мантуи.

С полутора тысячами словенцев вы не сможете помешать переправе австрийской армии. Нейтралитет состоит в том, чтобы для всех была одинаковая мера и одинаковый вес. Если вы не враги мне, вы должны позволить мне сделать то, что разрешили или по крайней мере не мешали делать моим противникам».

Подобные разногласия, о которых сообщили в Сенат, побудили его отозвать Фоскарини и заменить его Баттальей, с назначением последнего главным проведитором всех провинций по ту сторону Адидже, включая Верону. Это был человек сговорчивый, образованный, с мягкими манерами, искренно преданный своему отечеству, очень расположенный к Франции прежнего времени, но предпочитавший Австрии даже республиканскую Францию.

Мало-помалу театр войны распространился на все венецианские владения, но австрийцы всегда первыми занимали новые территории. Так, Больe занял Пескиеру и Верону, Вурмзер бросился в Бассано и прошел через Виченцу и Падую, Альвинци и эрцгерцог Карл заняли Фриуль, Пальманову и все области, вплоть до самых восточных пределов республики.

IV

В материковых владениях обнаружилось большое возбуждение. Недовольство распространялось быстро. Старая

ненависть к олигархии соединилась с влечением к новым идеям. Италию все считали потерянной для Австрии, а это должно было повлечь за собой свержение аристократии. Наполеон пытался все время умерять это движение, на которое действовало к тому же возбуждающе настроение армии.

Когда он вернулся из Толентино, исполненный желания двинуться на Венецию, ему пришлось обратить свое внимание на это положение вещей, создававшее трудности. Возбуждение все разрасталось. Брешиа, Бергамо подняли восстание. Фенароли, Мартиненго, Леки и Алессандри стали во главе восставших; они принадлежали к числу самых богатых фамилий. Муниципальные власти обоих этих городов имели большое влияние; они распоряжались доходами, устанавливали налоги и назначали на должности.

Если там еще развевалось знамя со львом Святого Марка, то это было скорее из уважения к главнокомандующему, чем признаком подчинения Венеции. И в разговорах, и в печати раздавались постоянные резкие нападки на венецианскую знать. С горечью, пользуясь всеми средствами, подчеркивали несправедливость ее власти.

«Откуда у Венеции право, – говорили они, – господствовать над нашими городами? Разве мы менее храбры, менее развиты, менее богаты, менее благородны?» Сенаторы были сильно оскорблены, видя, что подданные, подчинявшиеся им столетиями, забыли об огромном расстоянии, разделявшем их, и сравнивали себя со своими господами.

Все предвещало резкое столкновение. Батталья в своих депешах Сенату скрывал, насколько мог, оскорбительные выходки жителей Брешиа, а в глазах этих последних преуменьшал гнев и раздражение Сената. Все время действуя примирительно, он не переставал в своих многочисленных сношениях с главнокомандующим вызывать у него интерес к участи республики.

V

Оставлять, таким образом, в тылу армии 3 миллиона людей в состоянии беспорядка и анархии было опасно. Наполеон не скрывал от себя, что его влияние на друзей Франции не больше, чем на самый Сенат. Он мог сдерживать их действия, но не мог мешать им говорить, писать и непосредственно раздражать дожа всякими деталями управления, его не касавшимися.

Обезоружить патриотов Брешиа и Бергамо, высказаться за

Сенат, осудить новаторов, заполнить ими казематы Венеции означало бы навсегда отвратить от себя народную партию, не завоевав симпатий аристократии. Если бы Наполеон стал придерживаться такой трусливой политики, она привела бы к тому же неизбежному результату, как при Людовике XII, – к восстанию против нас всего населения.

Наполеон I с императрицей Марией Луизой
на приеме в Сен-Клу (1811 г.)

Побудить Сенат к союзу с Францией и изменению конституции для удовлетворения материкового населения было наилучшим и единственно приемлемым решением. Поэтому оно и было постоянной целью усилий Наполеона. С каждой новой победой он возобновлял предложение об этом, но всегда безрезультатно.

Третье решение представлялось в таком виде: двинуться на Венецию, занять эту столицу силой и произвести политические изменения, которых требовали обстоятельства, и вверить правительственную власть приверженцам Франции. Но нельзя было двигаться на Венецию, пока эрцгерцог Карл находился на Пьяве.

Начинать надо было, следовательно, с разгрома австрийской армии и изгнания ее из Италии. Добившись этого результата, не

следовало терять плоды победы и откладывать переход через горы только для того, чтобы биться вокруг Венеции, что дало бы время эрцгерцогу Карлу прийти в себя, усилиться и создать новые преграды. Только под стенами Вены мир должен был увенчать наконец столько побед. К тому же и Венеция представляла значительную силу.

Она была под защитой лагун, военных кораблей и 10 000 словенцев. Господствуя в Адриатике, она могла получить новые войска. Наконец, все ее правящие фамилии вынуждены были бороться за свое политическое существование, и это давало ей моральный стимул для сопротивления. Кто мог рассчитать время, на которое французская армия задержится из-за этого предприятия? И как бы мало ни продолжалась эта борьба, какое впечатление произведет такое сильное сопротивление на остальную Италию?

Эта новая война вызвала бы противоречивые суждения в Париже. Сенат имел там очень энергичного посла. Законодательный корпус был в оппозиции к Директории, а Директория сама не была едина. Если бы ее запросили о войне с Венецией, она не ответила бы или обошла бы вопрос. Если бы Наполеон, как он делал до тех пор, действовал без разрешения, его бы упрекнули при отсутствии немедленного успеха в нарушении всех принципов.

Он имел право как главнокомандующий только отражать силой силу. Предпринимать же новую войну против вооруженного государства без согласия правительства означало присвоить себе права верховной власти; между тем он и так уже сделался жупелом для республиканской подозрительности.

Венецианский эпизод мог превратиться в главный вопрос. Наполеон решил поэтому принять в отношении венецианцев простые меры военной предосторожности. Он был спокоен за Брешиа, за Бергамо, за весь правый берег Адидже. В веронские замки, Сан-Феличе, Сан-Пьетро и старый дворец, он велел поставить гарнизоны и этим обеспечил за собой каменные мосты.

Войска, занятые в экспедиции против папы, двигались обратно, возвращаясь на Адидже. Они представляли силу, достаточную, чтобы произвести впечатление на Сенат. Были сделаны распоряжения, чтобы все выздоравливающие и все раненые, выходящие из госпиталей, собирались в маршевые батальоны и присоединялись к резерву. Но этой мерой, соответственно, ослаблялась действующая армия.

VI

Наполеон решил, однако, сделать еще одну попытку. Он пожелал побеседовать с Пезаро, руководившим в то время всеми делами республики. Пезаро описал критическое состояние своего отечества, бурное настроение народа, законные жалобы Сената. Он говорил, что столь тяжелые обстоятельства требуют со стороны Сената сильных мер и чрезвычайных вооружений, и это не должно возбуждать какого-либо подозрения у французов; что Сенат вынужден был производить аресты в Венеции и на материке; что несправедливо признавать за излишнюю строгость к приверженцам Франции то, что было только справедливым наказанием буйных подданных, желавших низвергнуть законы своей страны.

Наполеон согласился с тем, что положение Венеции критическое, но, не теряя времени на обсуждение причин этого, предложил вопрос. «Вы хотите, – сказал он, – арестовать тех, кого называете врагами, но это – те, кого я называю своими друзьями. Вы вручаете власть людям, известным своей ненавистью к Франции. Вы набираете новые войска. Что еще остается вам сделать, чтобы была объявлена война? А между тем ваша гибель будет полная и немедленная.

Напрасно вы надеетесь на поддержку эрцгерцога. Не пройдет и восьми дней, как я прогоню его армию из Италии. Есть одно средство вывести вашу республику из тягостного положения, в котором она находится: я предлагаю ей союз с Францией. Я гарантирую ей владения на материке и даже власть над Брешиа и Бергамо, но требую, чтобы она объявила войну Австрии и выставила для присоединения к моей армии контингент в 10 000 человек пехоты, 2000 кавалерии и 24 орудия.

Я полагаю, что было бы своевременно вписать в Золотую книгу главные фамилии материковых владений; однако я не ставлю это условием sine qua non. Возвратитесь в Венецию, обсудите это в Сенате и приходите для подписания договора, единственно могущего спасти ваше отечество». Пезаро согласился, что это разумный проект, и уехал в Венецию, обещая вернуться не позже чем через две недели. 11 марта французская армия начала движение для переправы через Пьяве.

Как только это известие достигло Венеции, тотчас же последовал приказ арестовать в Бергамо и предать суду десять виднейших жителей этого города. Руководители патриотической партии, вовремя предупрежденные одним преданным им венецианским чиновником, перехватили курьера, арестовали самого проведитора, подняли знамя восстания и провозгласили свободу Бергамо. Делегаты, которые были ими посланы во французскую главную квартиру, застали ее на поле сражения у

Тальяменто.

Это событие вызвало недовольство Наполеона, но дело было непоправимо. Бергамо уже вступил в переговоры о федерации с Миланом, столицей Ломбардской республики, и с Болоньей, столицей Транспаданской республики. Такая же революция произошла несколько дней спустя и в Брешиа.

Две тысячи словенцев, находившихся там, были обезоружены; проведитора Батталью не тронули, но отправили в Верону. Венецианский главнокомандующий Фиоравенти выступил против восставших, занял Сало и угрожал Брешиа; миланский генерал Лагоц двинулся ему навстречу, разбил и прогнал из Сало.

Пезаро вернулся, как и обещал, в главную квартиру, которую догнал в Герце. Эрцгерцог был уже разбит на Тальяменто; Пальманова открыла свои ворота, и французские цвета развевались над Тарвисом, по ту сторону Изонцо и на вершине Юлийских Альп. «Сдержал ли я слово? – сказал ему Наполеон. – Венецианская территория занята моими войсками. Австрийцы бегут передо мной. Через несколько дней я буду в Германии. Чего хочет ваша республика? Я предложил ей союз с Францией, согласна ли она его принять?»

«Венеция, – отвечал Пезаро, – радуется вашим триумфам. Она сознает, что ей можно существовать только при помощи Франции, но, верная своей старой и благоразумной политике, она хочет оставаться нейтральной. При Людовике XII, при Франциске I ее армии еще могли что-либо значить на поле сражения. Ныне, когда все население становится под ружье, какую выгоду даст вам наша помощь?»

Наполеон сделал последнюю попытку, она потерпела неудачу. Прощаясь с Пезаро, он сказал ему: «Хорошо, раз ваша республика хочет оставаться нейтральной, я согласен; но пусть она прекратит свое вооружение. Я оставляю в Италии силы, достаточные, чтобы быть в ней хозяином, и двигаюсь на Вену.

То, что я прощал Венеции, когда был в Италии, сочтется неизгладимым преступлением, когда я буду в Германии. Если на венецианской территории моих солдат будут убивать, а обозы – перехватывать, если коммуникации окажутся прерванными, то ваша республика перестанет существовать; она сама произнесет себе приговор».

VII

Генерал Керпен взял пример с генерала Жубера, приступившего 20 марта к операциям. Он покинул Тироль и

направился через Зальцбург и Роттенманн в долину Мура, где надеялся соединиться с эрцгерцогом, но, упрежденный в Шейфлинге быстрым маршем французов, перешел обратно через горы и присоединился к армии только на Венской равнине.

Генералу Лаудону, оставленному им всего с 2000 человек регулярных войск для охраны Тироля, удалось реорганизовать 10 000 человек тирольского ополчения, разошедшегося было по домам и упавшего духом после стольких поражений. Такое подкрепление дало ему значительное численное превосходство над небольшим обсервационным отрядом, который был оставлен Жубером для прикрытия Триентской дороги. У генерала Сервье было около 1200 человек. При приближении противника он эвакуировал оба берега Авинчио и отступил на Монте-Бальдо.

Жозеф-Луи-Ипполит Белланже. Парад на плацу Каррузель возле дворца Тюильри во времена империи. *Париж, 1862 г.*

На картине изображена арка, возведенная в Париже в честь военных побед Наполеона в 1806 г.

Лаудон занял Триент. Овладев всем Тиролем, он наводнил Италию воззваниями. Им распространялись в Венеции, в Риме, в Турине, в Неаполе известия о поражениях французов: «Тироль

стал могилою для войск Жубера. Наполеон разбит на Тальяменто. Императорские армии одержали блестящие победы на Рейне; сам он вышел из Триента в Италию с 60 000 человек, чтобы отрезать всякое отступление остаткам французской армии, которых преследует эрцгерцог». В конце он призывал к оружию, к восстанию против французов Венецию и всю Италию.

При этих известиях венецианская олигархия перестала соблюдать всякую меру. Французский посланник делал тщетные усилия, чтобы доказать Сенату, какую пропасть он роет под своими ногами. Он разоблачил ложные сведения о поражении Жубера в Тироле и такую же ложь о поражениях Самбро-Маасской и Рейнской армий.

Он доказал, что эти армии еще не начинали военных действий. Он дошел до того, что сообщил Сенату план кампании, из которого вытекало, что оставление Тироля Жубером было заранее согласованной операцией, что этот генерал движется через Каринтию на Пустерталь и что он не только не погиб, а, наоборот, достиг своей цели.

Пезаро не придавал никакой веры этим сообщениям, он слишком горячо желал поражения французов. Со своей стороны, Венский двор не пренебрегал никакими средствами, чтобы разжечь страсти врагов Франции. Для него было очень важно организовать восстания в тылах армии.

Резервный корпус, оставленный в Пальманове, гарнизон Озоппо и благоразумие проведитора Мочениго[68] удержали в спокойствии Фриуль. Возможно также, что и сами жители, находившиеся ближе к театру военных действий, были лучше осведомлены о положении вещей.

Сбор всеобщего ополчения в Веронской провинции был подготовлен уже давно. Более 30 000 крестьян получили оружие и ждали только сигнала для начала резни; 3000 человек венецианских и словенских войск были посланы в Верону, чтобы составить ее гарнизон. Проведитор Эмили, преданный Сенату, договорился с Лаудоном. Он известил его о слабости французского гарнизона и, как только счел для себя обеспеченной поддержку австрийских войск, дал сигнал к восстанию.

17 апреля, на второй день Пасхи, после вечерни, ударил набат. Восстание разразилось одновременно в городе и в деревнях. Повсюду происходили убийства французов. Неистовство народа дошло до того, что было зарезано 400 больных в госпиталях. Генерал Баллан с гарнизоном заперся в фортах. Артиллерийский огонь с фортов, направленный им против города, заставил веронские власти просить о переговорах, но народ в бешенстве воспротивился этому.

Подкрепление в 2000 словенцев, высланное проведитором Фоскарини из Виченцы, и приближение войск австрийского генерала Нейперга еще более возбудили народ. За ущерб, причиненный бомбардировкой города, он отомстил тем, что перебил гарнизон Киузы, уже раньше вынужденной капитулировать перед всеобщим ополчением горцев.

Генерал Кильмен, командовавший в Ломбардии, при первых же сведениях, полученных им о восстании в Вероне, принял меры для оказания помощи генералу Баллану.

21 апреля первые его колонны показались под Вероной. Генералам Шабрану, Лагоцу и Шевалье после нескольких боев удалось 22-го днем обложить Верону. 23-го восставшим стало известно о подписании предварительного мирного договора с Австрией и в то же самое время – о прибытии дивизии Виктора, спешно подходившей из Тревизо. Восставших охватила тревога. Упадок духа у них был столь же велик, как до того велико было их неистовство.

Они просили о капитуляции и, стоя на коленях, приняли условия, которые им продиктовал генерал Баллан, выдали заложников, и, таким образом, воцарился порядок. Французы могли бы прибегнуть к ужасающим репрессиям, но, несмотря на то что кровь их предательски умерщвленных братьев по оружию еще текла по улицам, мести не последовало, и всего только трое жителей были преданы суду; провели общее разоружение и отослали крестьян в их деревни.

Не менее ослепленная олигархия Венеции позволила вырезать на своих глазах экипаж французского корсара, который, преследуемый австрийским фрегатом, искал убежища у самых батарей Лидо. Французский посланник протестовал против такого нарушения международного права и потребовал осуждения убийц. Сенат насмехался и над его представлениями, и над его угрозами. Он издал декрет, которым устанавливалось вознаграждение тем его прислужникам, которые приняли участие в растерзании капитана Ложье[69] и его матросов.

VIII

Как только Наполеон узнал о беспорядках и об убийствах, происходивших в тылах армии, он послал в Венецию своего адъютанта Жюно и поручил ему вручить Сенату следующее письмо, помеченное «Юденбург, 9 апреля 1797 года»: «Во всех материковых владениях подданные светлейшей республики призваны к оружию. Объединяющим их лозунгом является:

смерть французам.

Число солдат Итальянской армии, ставших их жертвами, доходит уже до нескольких сотен. Вы напрасно делаете вид, что дезавуируете сборища, которые созданы вами самими. Неужели вы думает, что, удалившись в глубь Германии, я не имею власти заставить уважать солдат первого народа в мире?

Неужели вы думаете, что легионы Итальянской армии могут оставить без наказания убийц, покрытых кровью наших братьев по оружию? Нет француза, у которого поручение выполнить эту месть не утроило бы его мужества и его сил… Не воображаете ли вы, что теперь все еще век Карла VIII[70]? С той поры настроение в Италии сильно изменилось!» У Жюно было приказание лично прочесть это письмо в Сенате и выразить все негодование главнокомандующего. Но страх уже раньше охватил Венецию.

Престиж власти исчез. Стало известно, что Рейнские армии совсем не начинали военных действий, что Жубер со своим корпусом стоит в Виллахе, что Виктор подходит к Вероне, что французы уже двинулись к лагунам и, наконец, что Наполеон, победив во всех боях, привел в ужас самую Вену, только что заключил перемирие с эрцгерцогом и император прислал к нему просить мира. Французский посланник Лаллеман представил Жюно Сенату. Жюно выполнил свою миссию со всей прямотой и резкостью солдата. Сенат униженно оправдывался. Друзья свободы подняли голову и предчувствовали свое торжество.

Депутация из сенаторов была послана в Грац, к главнокомандующему, чтобы предложить ему все возмещения, какие он пожелает. Ей была дана особая инструкция подкупать всех, кто пользуется его доверием. Все оказалось бесполезным. В то же время Сенат отправлял курьера за курьером в Париж и предоставил значительные суммы в распоряжение своего посланника в надежде склонить на свою сторону вожаков Директории и побудить их к посылке главнокомандующему Итальянской армией распоряжений, могущих спасти аристократию. Этот путь интриг привел к цели в Париже. Венецианскому посланнику, раздавшему на 10 миллионов переводных векселей, удалось добиться приказаний, которых он просил.

Но эти приказания были составлены без соблюдения всех установленных законом форм. Депеши, перехваченные в Милане, дали Наполеону возможность расстроить эту интригу. У него в руках оказался список тех, кому были розданы деньги в Париже. Он аннулировал все своей властью. 3 мая Наполеон в Пальманове обнародовал объявление войны Венецианской республике, основанное на принципе: противопоставлять силе силу. Его

манифест был составлен в таких выражениях:

«Пока французская армия находилась в ущельях Штирии, оставив далеко в тылу Италию и свои основные базы, в которых имелось лишь небольшое число батальонов, Венецианское правительство повело себя следующим образом: оно воспользовалось Святой[71] неделей, чтобы вооружить 40 000 крестьян, присоединило к ним десять словенских полков и, организовав из них отряды, расставило во многих пунктах с целью прервать коммуникации армии.

Из самой Венеции отправляются специальные комиссии, ружья, снаряжение всякого рода, пушки, чтобы завершить организацию различных частей.

В материковых владениях Венеции арестованы все, кто приветствовал нас при встрече. Осыпаются благами и пользуются полным доверием правительства те, кто известен как ярый ненавистник французского имени, а особенно четырнадцать веронских заговорщиков, которых проведитор Приули арестовал три месяца назад как уличенных в заговоре, имевшем целью вырезать всех французов. На площадях, в кафе и в других общественных местах Венеции оскорбляют французов, называя их якобинцами, цареубийцами, безбожниками; их изгнали, наконец, из города и запретили им доступ туда.

Призвано к оружию население Падуи, Виченцы, Вероны для усиления воинских частей и для устройства новых сицилийских вечерен[72]. «Нам суждено, – говорят венецианские офицеры, – проверить правильность поговорки, что Италия – могила французов».

Духовенство с кафедр проповедует крестовый поход, а духовенство во владениях Венеции всегда говорит только то, что угодно правительству.

Памфлеты, коварные воззвания, анонимные письма печатаются по городам, и брожение начинает возникать везде. А ведь в государстве, где не разрешена свобода печати, где правительство внушает страх и в то же время тайную ненависть населению, типографии печатают, а авторы пишут только то, чего хочет Сенат.

Все как будто обещало успех коварному проекту правительства: всюду течет французская кровь; на всех дорогах перехватываются обозы, курьеры и все, что принадлежит армии.

В Падуе убиты один батальонный командир и еще два француза. В Кастильоне-де-Мори солдаты разоружены и перебиты. На больших дорогах из Мантуи в Леньяго, из Кассано в Верону убито больше 200 французов.

Два батальона, желая присоединиться к армии, встретили в

Киари венецианскую дивизию, попытавшуюся помешать их движению. Завязался упорный бой, и наши храбрые солдаты прошли по трупам своих врагов.

В Валеджио произошел другой бой. В Дезенцано тоже пришлось драться. Французы повсюду были в меньшинстве, но они не привыкли считать своих противников.

На второй день Пасхи в Вероне под звон колокола происходит резня всех французов. Не щадят ни больных в госпиталях, ни выздоравливающих, которые прогуливаются по улицам. Пронзенных тысячами ударов кинжала, их сбрасывают в Адидже. Таким образом убито больше 400 солдат.

В течение восьми дней венецианская армия осаждает три веронских замка. Пушки, выставленные ею на позиции, отнимаются у нее штыковым ударом. Город поджигается; обсервационный корпус, прибывший в этот момент, обращает в бегство этих трусов и захватывает 3000 пленных, в том числе несколько генералов.

Дом французского консула на острове Занте сожжен. В Далмации венецианский военный корабль принимает под свою защиту австрийский конвой и дает несколько выстрелов по корвету «Ла-Брюн».

«Освободитель Италии», корабль республики, вооруженный только тремя или четырьмя небольшими пушками, пущен ко дну в венецианском порту по приказанию Сената. Молодой и многообещающий Ложье, лейтенант флота, командир этого корабля, заметив, что его обстреливают с форта и с адмиральской галеры, находящейся на расстоянии пистолетного выстрела, тотчас же приказывает своему экипажу спуститься в трюм; оставшись один, он поднимается на капитанский мостик среди града пуль и, обратившись к убийцам, пытается умерить их исступление, но тут же падает замертво.

Его экипаж бросается вплавь, и за ним гонятся шесть шлюпок с войсками, состоящими на жалованье у Венецианской республики. Они рубят топорами матросов, пытающихся спастись в море. Одному боцману, раненному несколькими ударами, ослабевшему, истекающему кровью, удается благополучно добраться до берега и ухватиться за деревянный выступ в стене портового замка, но сам комендант отрубает ему кисть руки.

Вследствие вышеизложенных претензий и на основании раздела XII статьи 328 конституции республики[73] и вследствие необходимости принятия неотложных мер главнокомандующий:

– предписывает французскому посланнику при республике Венеции выехать из названного города;

– приказывает представителям Венецианской республики в

Ломбардии и материковой Венеции выехать оттуда в 24 часа;

– приказывает всем дивизионным генералам поступать с войсками Венецианской республики, как с врагами, и распорядиться о снятии во всех материковых городах изображения льва Святого Марка.

Завтра в приказе будут даны особые распоряжения о дальнейших боевых действиях».

После прочтения этого манифеста оружие выпало из рук олигархов, которые не думали больше об обороне. Большой совет аристократии сложил с себя обязанности и передал народу верховную власть. Последняя была вручена муниципалитету.

Таким образом, эти столь гордые фамилии, с которыми так долго считались, которым столь чистосердечно предлагали союз, пали, не оказав никакого сопротивления. Тщетно в охватившем их унынии просили они помощи у Венского двора. Этот двор остался глух ко всем их представлениям: у него были свои виды.

IX

16 мая Бараге-д'Илье вступил в Венецию, приглашенный жителями, которым угрожали словенцы. Он занял форты батареи и водрузил трехцветное знамя на площади Святого Марка. Партия свободы тотчас же созвала общее народное собрание. Власть аристократии была навсегда уничтожена. Провозгласили вновь демократическую конституцию 1200 года.[74]

Дандоло, человек энергичный, горячий энтузиаст свободы, очень честный, один из самых выдающихся адвокатов, стал во главе всех дел города.

Лев Святого Марка и Коринфские кони были перевезены в Париж. Венецианский военно-морской флот состоял из двенадцати 64-пушечных кораблей и стольких же фрегатов и корветов; их снарядили и отправили в Тулон.

Корфу являлся одним из важнейших владений республики. Генерал Жантийи, тот самый, который отвоевал Корсику, отправился к Корфу с четырьмя батальонами и несколькими артиллерийскими ротами на борту эскадры, составленной из венецианских кораблей. Он завладел этим островом, подлинным ключом Адриатики, так же как и остальными Ионическими островами: Занте, Цериго, Кефаллиния, Сент-Мор (древняя Итака) [75] и др.

Пезаро возбудил всеобщее негодование. Он погубил свое отечество, а сам бежал в Вену. Батталья искренне сокрушался о гибели своего отечества. Давно осуждая путь, которому следовал

Сенат, он заранее предвидел эту катастрофу. Он умер через некоторое время, оплакиваемый всеми честными людьми. Если бы его послушали, Венеция была бы спасена. Дож Манини, присягая на верность Австрии, упал замертво на руки стоявшему подле Морозини, который стал комиссаром императора.

X

С получением приказа об объявлении войны Венеции ее материковые владения восстали против столицы. Каждый город провозгласил свою независимость и установил свое собственное правительство. Бергамо, Брешиа, Падуя, Виченца, Бассано, Удине организовались в отдельные республики. Таким же образом возникли республики Циспаданская и Транспаданская.

Ими были приняты принципы французской революции. Монастыри они упразднили, но не коснулись религии и сохранили собственность белого духовенства, учредили национальные поместья и отменили феодальные привилегии. Лучшие представители дворянства и крупных собственников вступили в гусарские и конноегерские эскадроны, названные «Почетной гвардией». Из низших классов образовались батальоны национальной гвардии. Национальные цвета этих новых республик были общеитальянские.

Несмотря на чрезвычайную бдительность Наполеона по отношению к злоупотреблениям и хищениям, их в данный момент происходило больше, чем в какую-либо другую пору этой войны. Страна была разделена на две крайне возбужденные партии; страсти разгорались все сильнее, люди становились все более отчаянными.

Во время сдачи Вероны был разграблен ломбард этого города, в котором хранилось ценностей примерно на сумму около 7–8 миллионов. Интендантский чиновник Буке и гусарский полковник Ландрие были обвинены в этом грабеже, тем более возмутительном, что ему предшествовали и за ним последовали другие преступления в целях его сокрытия. Все, что оказалось в домах подсудимых, было возвращено городу, но ущерб оставался тем не менее очень значительным.

Генерал Бернадотт был отправлен в Париж со знаменами, захваченными у венецианских войск, и с теми, которые были взяты при Риволи и в Германии у армии эрцгерцога Карла. Он вручил эти знамена Директории за несколько дней до 18 фрюктидора[76].

Глава XVI. Переговоры в 1797 г.

I. Главная квартира в Момбелло. – II. Переговоры с Генуэзской республикой. – III. С сардинским королем. – IV. С папой. – V. С Неаполем. – VI. Республики Циспаданская и Транспаданская. Эти республики сливаются в Цизальпинскую республику. – VII. Переговоры с Граубюнденом и Вальтелиной.

I

Момбелло – замок, расположенный в нескольких лье от Милана, на холме, господствующем над всей равниной Ломбардии. Французская главная квартира находилась здесь в течение мая и июня. Знатнейшие дамы Милана являлись туда ежедневно, чтобы выразить почтение Жозефине[77].

Там находились австрийский посланник и папский представитель, а также посланники королей неаполитанского и сардинского, республик Генуэзской и Венецианской, герцога Пармского, швейцарских кантонов и нескольких германских государей. Присутствие там всех генералов, а также властей Цизальпинской республики и депутатов от городов, множество курьеров из Парижа, Рима, Неаполя, Вены, Флоренции, Турина, Генуи, которые прибывали и отъезжали ежечасно, весь образ жизни этого огромного замка побудили итальянцев назвать главную квартиру Момбелльским двором.

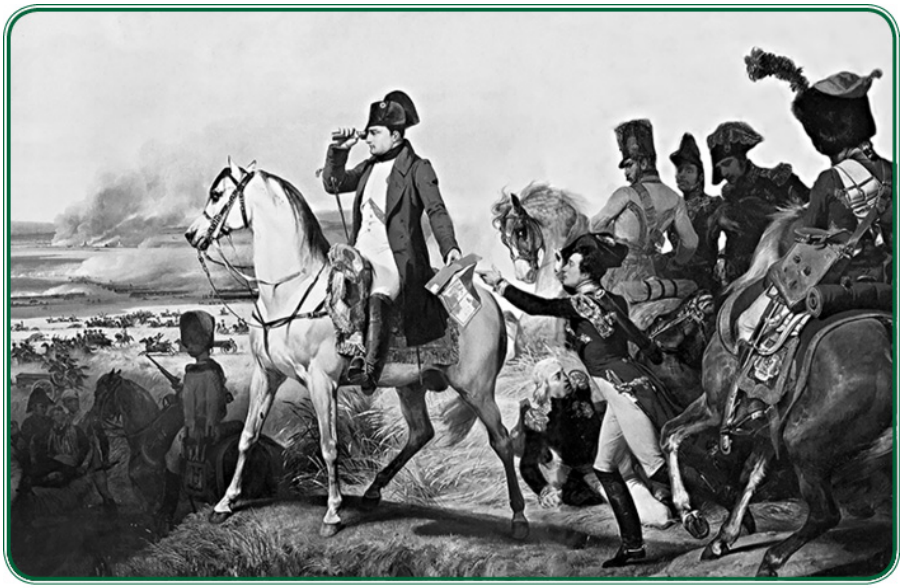
Действительно, это был блестящий двор. Переговоры о мире с императором, политические дела Германии, судьбы сардинского короля, Швейцарии, Венеции, Генуи решались там. Момбелльский двор совершил несколько поездок на озеро Лаго-Маджиоре, на Борромейские острова, на озеро Комо. Он останавливался там в различных дачных постройках, расположенных вокруг этих озер. Каждый город, каждый поселок хотели проявить себя и оказать внимание и уважение освободителю Италии.

Дипломатический корпус был поражен всем, что видел. Генерал Серюрье отвез Директории последние знамена, взятые у эрцгерцога Карла. «Этот генерал, – писал Наполеон, – выказал в двух последних кампаниях столь же много воинского таланта, сколь и гражданской доблести. Его дивизия одержала победу у

Мондови, сильно способствовала победе при Кастильоне и взяла Мантую. Она отличилась при переправах через Тальяменто и через Изонцо и особенно при взятии Градиски.

Генерал Серюрье строг к самому себе и тогда так же строг к другим. Непреклонный ревнитель дисциплины, порядка и добродетелей, наиболее необходимых для поддержания общества, он презирает интриги. Это создает ему врагов среди людей, которые всегда обвиняют в отсутствии гражданского чувства тех, кто хочет, чтобы соблюдались законы. Я полагаю, что он очень пригоден для командования войсками Цизальпинской республики. Прошу возможно скорее вернуть его на вверенный ему пост».

Серюрье был отлично принят в Париже. Прямота его характера там всем понравилась. Он совершил поездку в департамент Эн, на свою родину. Он придерживался всегда очень умеренных взглядов в отношении принципов революции, но по возвращении из Франции Серюрье стал упорно и горячо ратовать за республику – настолько возмутили его распущенные нравы, которые ему пришлось наблюдать в Париже.



Гораций Верне. Наполеон в Ваграмской битве

Ваграмская битва — важнейшее сражение в ходе австро-французской войны 1809 г., произошедшее 5—6 июля 1809 г. вблизи села Ваграм на Дунае, в 10 километрах на северо-восток от Вены. В этом сражении войска французов разбили меньшую по численности армию эрцгерцога Карла и этим поставили точку в существовании Пятой коалиции.

В момент прибытия французской армии в Венецию из этого города скрылся граф д'Антрег. Он был задержан в Бренте войсками дивизии Бернадотта и отослан в главную квартиру в Милан. Граф д'Антрег происходил из Виваре. Депутат от дворянства в Учредительном собрании, он был горячим патриотом в 1788 и 1789 годах, но с открытием собрания изменил своей партии, эмигрировал, был одним из главных агентов заграницы и превратился в заправского интригана.

В Венеции он находился около двух лет под видом атташе английской миссии, но на самом деле был посланником контрреволюции и стоял во главе всех шпионских и мятежных заговоров против французской армии. Подозревали, что он играл важную роль в веронской резне. Генералы Бертье и Кларк провели проверку всего найденного у него в портфеле, составили опись

документов, сделали на них пометки и отослали все в Париж.

В ответ французское правительство приказало, чтобы д'Антрег был доставлен в Военную комиссию для суда над ним по законам республики. Но тем временем он заинтересовал Наполеона, который виделся с ним несколько раз. Сознавая всю опасность своего положения, он постарался понравиться тому, от кого зависела его судьба, говорил с ним без утайки, раскрыл все тогдашние интриги и нанес своей партии даже больший ущерб, чем было необходимо.

Он достиг своего и добился разрешения проживать в городе под честное слово, без охраны. Через некоторое время ему дали бежать в Швейцарию. На него так мало обращали внимания, что лишь через шесть-семь дней после его отъезда из Милана заметили, что он нарушил свое слово. Вскоре появилось нечто вроде памфлета, который им распространялся по всей Германии и Италии против своего благодетеля.

Он описывал в нем ужасную камеру, в которую он будто бы был заключен, пытки, которым был подвергнут, отвагу, какую проявил, и опасности, каким подвергался, освобождаясь из заточения. В Милане он возбудил всеобщее негодование; там видели его везде в обществе на прогулках, на спектаклях, пользующимся полной свободой. Несколько членов дипломатического корпуса разделили общественное негодование и опубликовали по этому поводу свои заявления.

II

Генуэзская республика участвовала в трех войнах за испанское, пармское и австрийское наследство. Ее маленькие армии шествовали рядом с армиями и французских, и испанских королей. В 1747 году генуэзцы прогнали из своего города австрийский гарнизон под командованием маркиза Ботта и затем выдержали долгую и упорную осаду армий Марии Терезии.

В продолжение всего XVIII столетия эта республика вела кровопролитную войну с корсиканцами. Национальная ненависть между жителями Ривьеры и пьемонтцами приводила к постоянным стычкам. У населения Генуэзской республики – столь слабой как по количеству населения, так и по размеру своей территории – такое стечение обстоятельств поддерживало запас энергии, который придавал ей совершенно иную устойчивость, чем Венецианской республике.

Поэтому генуэзская аристократия устояла перед грозой; она оставалась свободной и независимой и не подчинилась ни государствам коалиции, ни Франции, ни народной партии. Она сохраняла во всей чистоте конституцию, данную ей Андреа Дориа в XVI веке.

Но провозглашение независимости республик Транспаданской и Циспаданской, отречение от власти венецианской аристократии и установление народного правительства во всех венецианских владениях, энтузиазм, внушаемый победами французов, настолько усилили преобладание народной партии, что изменение конституции стало неизбежным. Франция полагала, что нельзя иметь никакого доверия к аристократии.

Но было бы желательно, чтобы эта революция произошла без ее открытого вмешательства, в результате развития и усиления общественного мнения. Посланник Франции в Генуе Фейпу был человеком просвещенным, умеренных взглядов, но слабохарактерным. При существовавшем положении вещей это, впрочем, шло на пользу, поскольку он, скорее, сдерживал, чем подстрекал революционную партию. Наблюдатели событий ожидали, что дело решится в августе. Они не думали, что сопротивление аристократии сможет продолжаться дольше этого времени.

Но три государственных инквизитора, или верховных цензора, лидеры олигархии и яростные враги Франции, смотрели с горечью на такое положение вещей. Будучи сами убеждены, что

аристократия просуществует только несколько месяцев, если предоставить события их естественному ходу и не пытаться возобладать над ними, они нашли в фанатизме помощника, который отдал в их руки низшие цехи.

Если бы им удалось привлечь на свою сторону угольщиков и носильщиков, то этого было бы достаточно, чтобы держать в страхе все остальные слои населения. С этой целью использовали исповедальни, амвоны, проповеди на улицах и перекрестках, чудеса, святое причастие и даже сорокачасовые молебствия, чтобы умолить Бога отвратить от республики угрожающую ей бурю. Такое неосторожное поведение лишь навлекало удар молнии, которого хотели избежать.

У аптекаря Моранди несколько сот горячих людей, противников аристократии, создали клуб. Там вербовались сторонники революции, произносились речи, печатались воззвания, народ призывался восстать против дворянства и духовенства и высказывалось негодование против инквизиторов, обрабатывающих чернь. Эти люди называли себя патриотами и считали, что не следует больше медлить.

21 мая депутация от этого клуба отправилась к дожу для представления петиции от имени генуэзского народа с требованием свержения власти аристократии и провозглашения свободы. Одновременно патриоты вооружались для предупреждения мероприятий аристократии. В 10 часов утра они овладели главными воротами и в частности воротами Сан-Пьер д'Арена и портом.

Встревоженные инквизиторы дали условный сигнал. Угольщики и носильщики под предводительством своих старост с криками «Viva Maria!»[78] двинулись к складам оружия и объявили себя сторонниками аристократии. В течение нескольких часов 25 000 человек оказались вооруженными и организованными для защиты дожа.

Французский посланник, напуганный их проклятиями по адресу якобинцев и французов, отправился во дворец и пытался примирить эти крайние партии. При виде приготовлений олигархии и большого числа ее защитников патриоты почувствовали свою слабость. Они рассчитывали на помощь буржуазии, которая могла склонить чашу весов в их сторону.

Но буржуазия, напуганная неистовством угольщиков, не посмела шевельнуться и заперлась в своих домах. Патриоты, обманувшиеся, таким образом, в своих надеждах, не нашли другого средства спасения, кроме как надеть на себя французские кокарды, надеясь, что это внушит уважение олигархии, и тем едва не навлекли беду на жившие в Генуе французские семьи.

Повсюду взялись за оружие. Патриоты были разбиты и отброшены, однако в ночь с 23-го на 24-е они удерживали еще ворота Сан-Пьер д'Арена, которые были ими потеряны на рассвете 24-го. Торжествующая олигархия приказала, чтобы все надели генуэзскую кокарду, и смотрела сквозь пальцы на разграбление домов французов.

Несколько французов погибло, многие были брошены в тюрьмы. Если французскому посланнику Фейпу не было нанесено оскорблений, то только потому, что дож послал ему почетную охрану в 200 человек. Флотского интенданта Менара, человека сдержанного и совершенно не причастного к смутам, за волосы поволокли в форт Лантерн. Дом консула Лашеза был разграблен. Всем французам пришлось скрываться от оскорблений и кинжалов. Буржуазия была возмущена, но не осмеливалась ничего предпринимать из страха перед победителями.

Французский посланник Фейпу представил с 23 по 30 мая ряд нот по поводу этих событий, из которых ни одна не была принята во внимание дожем. При появлении адмирала Брюи с двумя кораблями и двумя фрегатами, возвращавшимися с Корсики, дож потребовал, чтобы эта эскадра не входила в порт, под предлогом, что ее присутствие раздражит чернь, которая прибегнет к эксцессам против французских семей.

Фейпу имел слабость согласиться на это требование и послал Брюи приказ следовать в Тулон. Когда умеренные люди доказывали в Сенате, насколько подобное поведение неблагоразумно, олигархи отвечали, что французы, занятые переговорами с Австрией, не осмелятся двинуть войска на Геную, а господствующее в Париже настроение противоположно демократическим идеям. Известно, что даже сам Наполеон не одобряет принципов клуба Моранди и дважды подумает, прежде чем подвергнется неодобрению правительства и партии Клиши, господствующей в Законодательном корпусе.

Но все эти ложные надежды рухнули. Как только Наполеон узнал о происшедшем, о том, что пролита французская кровь, что французские торговые дома охвачены унынием и притесняются, он отправил своего адъютанта Ла-Валетта к дожу и потребовал от него, чтобы все арестованные французы были немедленно переданы в распоряжение французского посланника, угольщики и носильщики обезоружены, а инквизиторы, руководившие убийствами французов, арестованы.

В то же время он заявил, что «головы патрициев являются залогом за головы французов, а сама республика всеми своими складами и всем своим имуществом отвечает за их имущество». Одновременно он отправил приказ посланнику Фейпу, чтобы в

случае невыполнения этих требований в течение 24 часов он покинул Геную и выехал в Тортону со всеми французами, которые пожелают следовать за ним.

Адъютант Ла-Валетт прибыл в Геную 29 мая, в 4 часа дня; в 6 часов он был введен в Сенат, который, выслушав его речь и ознакомившись с письмом к дожу, обещал ответить в тот же вечер. Действительно, французы были тотчас же выпущены на свободу и доставлены в особняк посольства, среди большого скопления народа, выражавшего им свое сочувствие. Буржуазия и подлинный народ города, ободренные демаршем Наполеона, который заверил их в своем покровительстве, пробудились и громкими криками потребовали разоружения угольщиков и носильщиков.

В тот же вечер было возвращено в арсенал более 4000 ружей, полученных при разоружении этих цехов, но в их руках оставалось еще 20 000 ружей. В Сенате возникли страстные прения, но олигархия оказалась в меньшинстве. Дивизия французских войск находилась уже в Тортоне, и Генуя, осажденная с моря и суши, была бы быстро приведена к повиновению. Возможно даже, что было бы достаточно одного вида нескольких французских войсковых частей, чтобы побудить буржуазию и массы третьего сословия сбросить иго олигархии. Однако ответ Сената был неудовлетворителен.

Он был mezzo termine[79]. Фейпу решил выехать. Ла-Валлет должен был остаться в Генуе, чтобы обеспечить безопасность находящихся там французов. Но когда от посланника поступило требование на выдачу паспортов, дож собрал Сенат, который один только имел право их выдавать. После непродолжительной дискуссии было решено подчиниться требованиям главнокомандующего и постановлено: 1) отправить в Момбелло депутацию в составе господ Камбиазо, Серра и Карбонари; 2) арестовать трех инквизиторов; 3) угольщиков и носильщиков разоружить.

Это постановление побудило посланника Фейпу остаться на своем посту, что успокоило встревоженный народ. Угольщики и носильщики, действовавшие лишь по приказанию дожа и в действительности не имевшие никакой личной заинтересованности в этом деле, стали очень послушными, как только дож искренно решил подчиниться. 5 июня делегаты Сената подписали в Момбелло конвенцию, которая положила конец конституции Дориа и установила демократический строй. [80] Народ отпраздновал победу с живостью, свойственной духу партий и природе жителей Юга.

Он предался эксцессам: сжег Золотую книгу и разбил статую

Дориа. Такое надругательство над памятью великого человека оскорбило Наполеона. Он потребовал от Временного правительства, чтобы эта статуя была восстановлена. Однако крайние элементы взяли верх, и конституция отразила это. Духовенство было раздражено, дворянство ожесточено; они были отстранены от всех должностей. Конституция должна была поступить на утверждение народа 14 сентября 1797 года. Ее отпечатали и расклеили во всех общинах. Многие из деревенских кантонов заявили, что она для них неприемлема; повсюду духовенство и дворянство подстрекали крестьян к восстанию, и оно разразилось в долинах Польчеверы и Бизаньо.

Мятежники овладели фортами Эперон, Теналья и бастионом Лантерн, господствующим над портом. От генерала Дюфо, посланного в Геную для организации войск республики, численность которых возросла до 6000 человек, Временное правительство потребовало выступить на его защиту. Он прогнал мятежников и вновь овладел крепостной оградой и фортами. 7 сентября спокойствие было восстановлено в обеих долинах и крестьяне разоружены.

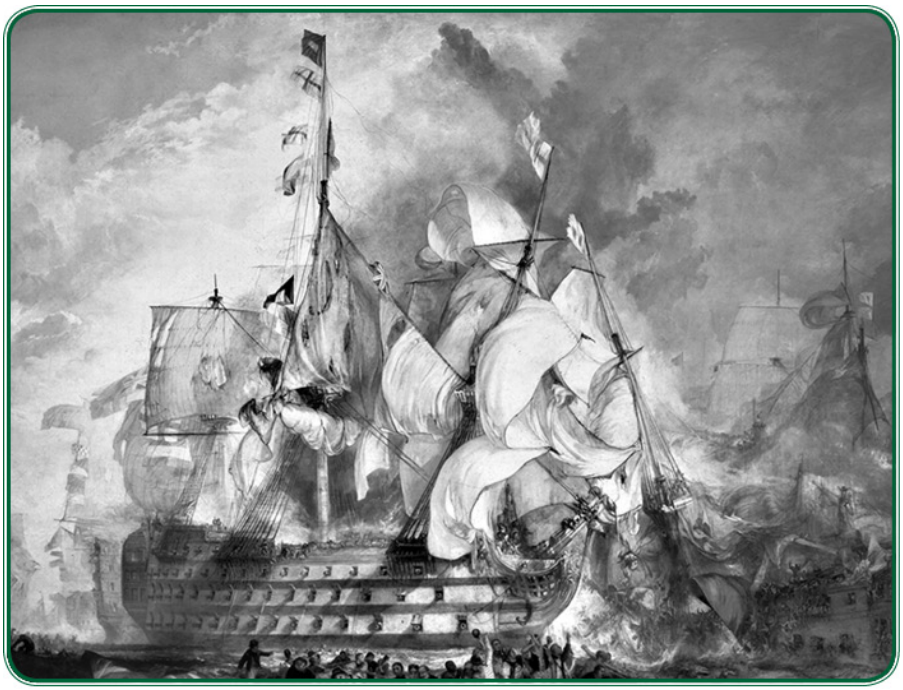
Эти известия вызвали недовольство Наполеона. Он был тогда поглощен переговорами с Австрией и не мог уделять особого внимания генуэзским делам, но советовал щадить дворянство и удовлетворить духовенство. Он отложил обнародование[81] конституции, сделал в ней все изменения, которых просило духовенство и дворянство, и, очищенная таким образом от демагогического налета, конституция была введена в действие с общего одобрения.

Наполеон любил Геную. Он хотел сам отправиться туда для умиротворения и объединения партий, но события, столь быстро следовавшие одно за другим, помешали этому. После Кампоформио, в момент отъезда из Италии, он написал из Милана 11 ноября 1797 года генуэзскому правительству следующее письмо:

«Спешу ответить, граждане, на проявление доверия ко мне с вашей стороны… Вам нужно сократить административные расходы, дабы не пришлось переобременять налогами население… Недостаточно ничего не делать против религии, нужно еще не давать никакого повода для беспокойства самым щепетильным из верующих и не предоставлять никакого оружия людям злонамеренным.

Отстранение всех дворян от общественных должностей было бы возмутительной несправедливостью, вы сделали бы то же, что делали они… Вопрос о порто-франко[82] является яблоком раздора, брошенным в вашу среду… Город Генуя должен держать

свой порт открытым в зависимости от воли Законодательного корпуса…



И. М. В. Тернер. Трафальгарская битва.
1822—1824 гг.

Трафальгарская битва — историческое морское сражение между английскими и франко-испанскими флотами, произошедшее 21 октября 1805 г. у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании, около города Кадис; символ военно-морской мощи Великобритании и главное морское противостояние XIX в. В этом сражении Франция и Испания потеряли около двадцати кораблей, а Великобритания — ни одного, но все же и она понесла невосполнимую утрату: в битве погиб вице-адмирал Горацио Нельсон.

Почему лигурийский народ так быстро изменился? Его первые порывы к братству и восторженность сменились опасениями и страхом. Духовенство первое сплотилось вокруг

дерева свободы. Оно первое сказало вам, что мораль Евангелия является демократической. Но люди, подкупленные вашими врагами, и непосредственные помощники тирании во всех революциях воспользовались промахами, пусть даже преступлениями некоторых из духовных лиц, чтобы писать против религии, и духовенство удалилось! Начались массовые репрессии, и число ваших врагов возросло!..

Когда в государстве, особенно в небольшом государстве, усваивают привычку осуждать, не выслушивая оправданий, приветствовать речи рукоплесканиями, потому что они произнесены со страстью, когда называют добродетелью преувеличение и исступление, преступлениями – умеренность и справедливость, тогда такое государств близко к гибели… Поверьте, что во всех местах, куда призовут меня долг и служба родине, для меня будут в числе самых дорогих те минуты, когда я смогу быть полезен вашей республике… Я с удовлетворением узнаю, что генуэзский народ единодушен и счастлив».

В Париже, в Совете пятисот, обсуждалось тогда предложение Сийеса об изгнании из Франции всех дворян с возмещением стоимости их владений промышленными товарами. Советы, данные Наполеоном Генуэзской республике, казались адресованными Французской республике, которая ими воспользовалась; во всяком случае, экстремистский и ужасный проект, который повсюду вносил тревогу и беспорядок, был отклонен. Больше о нем не было и речи.

Ни один из французских батальонов не перешел за Тортону. Генуэзская революция восторжествовала благодаря влиянию одного третьего сословия.

Если бы не проделки инквизиторов и клуба Моранди, она была бы проведена без нарушения порядка, без потрясений и без всякого, даже косвенного, вмешательства Франции.

III

Сардинский король находился в ложном положении. Болонский договор одновременно и существовал и не существовал.[83] Директория не высказывалась ясно, но было очевидно, что она не хотела его ратифицировать. Наполеон же продолжал считать, что эта ратификация необходима. В Италии и так уже было достаточно поводов для раздора. Он считал ратификацию этого договора нужной для того, чтобы оказать давление на Австрию и ускорить переговоры.

В случае их неудачи и войны он придавал большую важность

присоединению к его армии прекрасной дивизии старых пьемонтских войск, цену которым он знал. Считая себя лично связанным статьями этого договора, он употреблял все средства, чтобы гарантировать внутреннее спокойствие во владениях короля. Но такое поведение подверглось сильной критике. Недовольных пьемонтцев с каждым днем становилось все больше и больше.

Они прибегли к оружию, но революционеры были разгромлены. Подобное крайне щекотливое положение вызывало недовольство всех якобинцев Франции и Италии, и, когда королевская партия восторжествовала, аресты и притеснения, к которым она прибегла, явились постоянным поводом для жалоб в главную квартиру. Когда Директория в конце сентября подписала свой ультиматум по поводу переговоров в Кампоформио, она уведомила Наполеона, что настаивает на своем решении не ратифицировать договор о союзе с Сардинией.

Министр иностранных дел, сообщая Наполеону о намерениях Директории, посоветовал ему переманить сардинских солдат при помощи итальянских вербовщиков и таким образом получить поддержку 10 000 человек пьемонтского контингента, без всяких обязательств перед Туринским двором. Но кадровых солдат, составляющих всю силу войска, нельзя было переманить, притом подобная операция потребовала бы длительного времени, а речь шла о немедленном выступлении в поход.

Подобное поведение Директории было одной из причин, побудивших Наполеона подписать мир в Кампоформио, не принимая во внимание ультиматум Французского правительства от 29 сентября, включение которого в протокол привело бы, по его мнению, к разрыву. Однако Директория поняла наконец, сколь важно усилить Итальянскую армию 10 000 человек пьемонтского контингента, она решила ратифицировать Туринский договор и 21 октября направила его в Законодательный корпус.

Но было уже поздно: 17-го в Кампоформио был подписан мирный договор с Австрией. Таким образом, после кампаний Наполеона в Италии сардинский король сохранил свой трон, но могущество его было ослаблено потерей Савойи и графства Ницца, а также крепостей, часть которых была разрушена, а другие отданы французам, державшим в них свои гарнизоны.

Но зато он приобрел огромное преимущество в союзе с республикой, гарантировавшей неприкосновенность его владений. Однако этот государь был свободен от каких-либо иллюзий относительно своего положения. Он знал, что обязан сохранением своего трона одному Наполеону, знал, как мало

было искренности в дружбе к нему Директории, и не забывал, из-за каких политических соображении был принят этот союз.

Он предчувствовал свое падение. Окруженный со всех сторон демократиями – французской, лигурийской и цизальпинской, – он должен был еще бороться с мнением своего народа. Пьемонтцы громкими криками призывали революцию, и двор рассматривал уже Сардинию как вероятное убежище.

IV

Сначала Римский двор точно соблюдал условия Толентинского договора, но, подпав потом под влияние кардиналов Буска и Альбани, стал снова набирать армию и имел неблагоразумие открыто бросить вызов Франции, призвав в главнокомандующие генерала Провера. В то же время он отказался признать Цизальпинскую республику. Победы республики, угрозы французского посланника быстро заставили его прекратить эти тщетные проявления независимости.

Провера прожил в Риме всего несколько дней и должен был возвратиться в Австрию. Цизальпинская республика, пользуясь счастливым случаем овладеть некоторыми провинциями святейшего престола, объявила войну Ватикану. Увидев, какая гроза собирается над ними, расслабленные и безрассудные старцы Римского двора пали на колени и дали Цизальпинской директории все, чего она потребовала.

Если в подобном поведении нельзя найти и следа той древней политики, которая так прославила Ватикан за последние столетия, то это объясняется тем, что римский режим обветшал. Светская власть папы не могла больше держаться; она шла к своему концу так же, как суверенитет князей церкви в империи[84].

V

Неаполитанский двор находился под руководством королевы, женщины умной, но понятия которой были столь же беспорядочны, сколь и страсти, владевшие ее сердцем. Договор, подписанный в Париже в октябре 1796 года, не изменил настроений этого правительства, не переставшего вооружаться и причинять беспокойство в течение всего 1797 года. Между тем никакой договор не мог быть для него более благоприятным.[85]

Когда Наполеон находился в Комарке, угрожая Риму, князь

Пиньятелли-Бельмонте, неаполитанский посланник, следовавший за главной квартирой, передал ему при свидании с глазу на глаз письмо королевы с заявлением, что она готова двинуть 30 000 человек для защиты Рима. «Благодарю вас за это откровенное признание, – отвечал ему главнокомандующий, – и могу вам ответить подобной же откровенностью».

Он позвонил своему секретарю, распорядился принести досье Неаполя и вынул из него депешу, которая была им послана Директории в ноябре 1796 года, до взятия Мантуи. В депеше говорилось: «Затруднения, которые я испытываю с приближением Альвинци, не мешают отправке 6000 ломбардцев и болонцев для наказания Римского двора; но необходимо предвидеть, что неаполитанский король может двинуть 30 000 человек для защиты святейшего престола.

Следовательно, я пойду на Рим только тогда, когда Мантуя сдастся и прибудут подкрепления, которые вы мне обещали, чтобы в случае если Неаполитанский двор нарушит Парижский договор, я мог располагать 25 000 человек для овладения Неаполем и принуждения двора искать убежища в Сицилии». Специальный курьер, которого этот посланник отправил в ту же ночь, без сомнения, имел назначение уведомить королеву, каким образом был встречен ее намек.

Со времени Парижского мира неаполитанские послы при иностранных дворах стали вести себя более враждебно и нагло по отношению к французам, чем это было во время войны. Нередко эти послы позволяли себе говорить вслух, что мир будет непродолжителен и т. д.

Такое безумное поведение не мешало Неаполитанскому кабинету строить воздушные замки. Во время совещаний в Момбелло, в Удине и в Пассарьяно уполномоченный королевы пытался заполучить острова Корфу, Занте, Кефаллинию, Сент-Мор, округа Мачерета, Феррара, Анкона и герцогство Урбино; он зашел настолько далеко, что выразил желание обогатиться за счет наследства папы и Венецианской республики; все эти приобретения королева хотела сделать при содействии Франции, а особенно многого ждала она от вмешательства Наполеона.

Эти претензии были только забавны. Они являлись доказательством безрассудства и развращенности лиц, управлявших самым капризным и самым непоследовательным в Европе кабинетом, в то время как неаполитанская армия была самой худшей из армий Италии. Неаполитанский трон пережил Кампоформийский мир и мог бы существовать спокойно и счастливо среди бурь, потрясавших Европу и Италию, если бы он руководствовался более здравой политикой.

Пришлось уступить мольбам ломбардцев и установить для них республику под названием Транспаданская.

В нее входила вся Ломбардия, то есть вся местность, расположенная на левом берегу По, от Минчио до Тичино.

Циспаданская республика протянулась по правому берегу По – от пармских владений, которые не вошли в ее состав, до Адриатического моря. Ее конституция была установлена декретом Конгресса депутатов, избранных нацией, и передана на всенародное утверждение.

Она собрала громадное большинство голосов и в конце апреля была введена в действие. Дворянство и духовенство сумели добиться избрания своих представителей на все должности. Буржуазия обвиняла их в отсутствии приверженности к новому порядку вещей. Недовольство было всеобщим. Наполеон почувствовал необходимость дать обеим республикам окончательное устройство.

Как только Момбелльская конвенция, содержавшая основы окончательного мира и подписанная маркизом Галло, была отвергнута Венским кабинетом, Наполеон создал Цизальпинскую республику. Он решил образовать ее из двух республик – Циспаданской и Транспаданской. Это объединило бы под единой властью 3 или 4 миллиона жителей и придало бы государству большую силу, способную влиять на дальнейшие события.

Переговоры с властями этих обеих республик, с целью побудить их к добровольному объединению, и подробности устройства Цизальпинской республики составляли часть его работы во время пребывания в Момбелло. Власти Циспаданской республики упорно отказывались от объединения, противоречащего их областническим предубеждениям. Власти Реджио, Модены, Болоньи и Феррары с трудом подчинились необходимости объединения, во главе с единым правительством.

Дух партикуляризма повсюду препятствовал объединению населения обоих берегов По. Вероятно, это не удалось бы произвести с их полного согласия, не возбудив надежды на то, что такое слияние – лишь прелюдия к объединению всех народов полуострова под властью одного правительства. Тайная склонность всех итальянцев к образованию единой великой нации взяла верх над мелкими страстями местных властей.

К этой общей причине присоединились еще два частных обстоятельства: Романья, уступленная папой по Толентинскому договору, объявила себя независимой под названием Эмилия и не пожелала присоединиться к Циспаданской республике из-за

антипатии к Болонье. Однако народ Романьи воспринял с энтузиазмом мысль о вхождении в состав Цизальпинской республики и в многочисленных петициях просил о ее образовании.

В то же время Венеция и материковые области, обеспокоенные тайной переговоров о предварительном мире, голосовали в народных собраниях за образование Итальянской республики. Этими двумя обстоятельствами устранялись все препятствия; дух партикуляризма склонился перед государственным разумом и частные интересы стушевались перед общими. Общее соглашение об объединении было достигнуто.

Новая республика была названа Цизальпинской республикой. Милан объявлен ее столицей. Этим были недовольны в Париже, где хотели назвать ее Трансальпийской, но, поскольку мечты итальянцев постоянно стремились к Риму и к объединению всего полуострова в одно государство, слово «Цизальпинская» льстило этим стремлениям, и итальянцы хотели его держаться, не осмеливаясь принять наименование «Итальянская республика».

По Кампоформийскому договору часть венецианских областей, расположенная на правом берегу Адидже, была присоединена к Цизальпинской республике, а после вхождения в ее состав еще и Вальтелины население ее достигло 3 600 000 душ. Эти провинции – самые прекрасные и богатые в Европе – составили 10 департаментов. Они простирались от Швейцарских гор до Тосканских и Римских Апеннин и от Тичино до Адриатического моря.

Наполеону хотелось дать этой новой республике конституцию, отличную от французской. Он просил, чтобы в Милан прислали для этого выдающихся французских публицистов, вроде Сийеса; но эта мысль не понравилась Директории, которая потребовала, чтобы конституция Цизальпинской республики была составлена по образцу конституции Франции 1795 года Первыми директорами сделались Сербеллони, Парадизи, Москати, Алессандри, Фенароли.

Это были вожди французской партии в Италии. Первый из них являлся одним из самых знатных вельмож Ломбардии. 30 июня они были водворены в Миланском дворце. Тогда же были провозглашены независимость Цизальпинской республики и отказ от права завоевания.[86] В миланском госпитале состоялось общее собрание национальной гвардии и представителей властей новой республики. 14 июля 30 000 национальных гвардейцев и депутатов от различных департаментов приняли присягу на верность братству между ними, поклялись приложить все усилия

к возрождению свободы и итальянского отечества.

Цизальпинская директория назначила министров и должностных лиц, установила размер вооруженных сил и управляла республикой как независимым государством. Ключи от Милана и других крепостей были возвращены французскими офицерами цизальпинским. С этого момента нравы итальянцев начали изменяться; через несколько лет они превратились в совсем другую нацию. Ряса, бывшая в моде у молодых людей, была заменена военным мундиром.

Вместо того чтобы проводить жизнь у ног женщин, молодые итальянцы стали часто посещать манежи, стрелковые тиры, учебные плацы. Дети не играли больше в богослужение, у них появились полки оловянных солдатиков, и они в своих играх подражали военным действиям.

В прежних театральных комедиях и в уличных фарсах итальянца всегда представляли как большого труса, хотя и остроумного, а рядом с ним всегда был некий грузный вояка, иногда француз, а всего чаще немец, очень сильный, очень смелый, очень грубый, заканчивающий сцену нанесением нескольких палочных ударов итальянцу под громкие аплодисменты зрителей.

Народ больше не выносил подобных зрелищ; теперь авторы показывали на сцене, к радости зрителей, смелых итальянцев, которые, поддерживая свою честь и права, обращали в бегство иностранцев. Национальное сознание сложилось. В Италии появились свои песни, одновременно и патриотические, и воинственные. Женщины с презрением отвергали ухаживания мужчин, напускавших на себя, чтобы понравиться им, изнеженную томность.

VII

Вальтелина состоит из трех долин: собственно Вальтелина, Бормио и Киавенна. Ее население составляет 160 000 человек. Жители исповедуют римско-католическую религию и говорят по-итальянски. Географически она принадлежит Италии. Она тянется по берегу Адды, до впадения ее в озеро Комо, и отделена от Германии главным хребтом Альп.

Ее протяжение в длину 18 лье, в ширину 6 лье. Киавенна, ее главный город, расположена в двух лье от озеро Комо и в 14 – от Койре, от которого Бормио находится в 17 лье. В древности она составляла часть Миланской области. Барнабе Висконти, архиепископ и герцог Миланский, отдал в 1404 году эти три

долины Койрской церкви.

В 1512 году граубюнденские[87] общины получили от Сфорцы верховную власть над Вальтелиной на основании договорных статей, гарантом которых должны были сделаться герцоги Миланские. Таким образом, вальтелинцы оказались подданными граубюнденских общин, жители которых говорят преимущественно по-немецки, протестанты и отделены от них главным хребтом Альп.

Нет состояния более ужасного, чем подчинение одного народа другому. Подобным образом Нижний Валлис был подчинен Верхнему Валлису и область Во была в подданстве Берна. Долгое время несчастные вальтелинцы жаловались на притеснения, которым они подвергались, и на унизительное иго, которому они подчинены.

Граубюнденцы, бедные и невежественные, наживались на них, более богатых и более цивилизованных. Последний крестьянин граубюнденских общин считал, что между ним и самым богатым жителем Вальтелины такое же расстояние, как между государем и его подданным. И конечно, если бывает положение, которое делает законным восстание и требует перемен, то это относится как раз к положению страждущей Вальтелины.

В мае 1797 года население трех долин подняло восстание, взялось за оружие, изгнало своих самозваных властителей, водрузило трехцветное итальянское знамя, назначило Временное правительство и обратилось с воззванием ко всем державам, уведомляя их о своих обидах и о принятом ими решении отвоевать права, которых ни один народ не может быть лишен. Они послали делегатами в Момбелло Гюиччиарди, Планта и Парибелли, людей достойных, с требованием восстановления договорных статей, нарушенных по всем пунктам граубюнденцами.

Наполеон не хотел вмешиваться в вопросы, касающиеся Швейцарии и с этой точки зрения способные приобрести общее значение. Однако когда ему представили документы из миланских архивов, относящиеся к этому делу, он увидел, что Миланскому правительству предоставлено право гаранта; так как со своей стороны граубюнденские общины просили его покровительства, чтобы призвать вальтелинцев, их подданных, к порядку и заставить их вновь подчиниться, он принял на себя посредничество и предложил обеим сторонам явиться к нему в июле на суд для защиты своих прав.

В течение этого времени граубюнденские общины просили о вмешательстве и Гельветский[88] союз. Бартелеми, французский

посланник в Берне, энергично поддерживал их ходатайство. Наконец, после многочисленных происков обеих сторон, Наполеон, прежде чем принять окончательное решение, порекомендовал им сговориться полюбовно и предложил им, чтобы в порядке примирения Вальтелина образовала четвертую Граубюнденскую лигу, во всем равную с тремя первоначальными.

Это предложение глубоко оскорбило самолюбие граубюнденских крестьян. Как допустить, чтобы крестьянин, пьющий воду из Адды, был равен крестьянину, пьющему воду из Рейна? Они возмутились этим предложением еще и потому, что крестьяне-католики, говорящие по-итальянски, богатые и образованные, должны были сравняться с ними, крестьянами-протестантами, говорящими по-немецки, бедными и невежественными.

Вожаки граубюнденцев не разделяли этих предубеждений, но были ослеплены своими интересами: Вальтелина была для них источником очень значительного дохода и больших богатств, с которыми они никак не могли решиться расстаться. Они интриговали в Париже, в Вене, в Берне. Им надавали обещаний, советовали выиграть время. Их упрекали за то, что они накликали на себя и приняли посредничество. Они отклонили путь примирения и не выслали делегатов к назначенному времени для обсуждения перед посредником вопроса о выполнении договорных статей и дискуссии с делегатами Вальтелины.

Наполеон вынес заочно решение против граубюнденских общин. Как арбитр, избранный обеими сторонами, а равно как представитель миланского властителя – гаранта договорных статей Вальтелины, он вынес 19 вандемьера VI года (10 октября 1797 года) свое постановление, составленное в следующих выражениях:

«Народы Вальтелины, Киавенны и Бормио восстали против законов граубюнденских общин и объявили себя независимыми в минувшем прериале. Правительство республики Граубюнден, после применения всех средств для приведения к повиновению своих подданных, прибегло к посредничеству Французской республики, в лице генерала Бонапарта, и направило к нему Гауденцио Планта в качестве делегата.

Так как народы Вальтелины со своей стороны также просили посредничества, то главнокомандующий собрал делегации обеих сторон в Момбелло 4 мессидора (22 июня) и после довольно продолжительного совещания принял на себя от имени Французской республики просимое посредничество. Он написал Граубюндену и Вальтелине, чтобы они выслали к нему поскорее делегатов.

Народы Вальтелины, Киавенны и Бормио пунктуально выслали требуемых делегатов.

Прошло несколько месяцев, а граубюнденское правительство все еще не прислало своих делегатов, несмотря на повторные настояния гражданина Комейраса, резидента республики в Койре.

6 фрюктидора (23 августа) главнокомандующий, видя анархию, в которую оказалась погруженной Вальтелина, распорядился написать Граубюнденскому правительству уведомление о присылке делегации до 24 фрюктидора (10 сентября).

Наступило 19 вандемьера (10 октября), но граубюнденские делегаты не прибыли.

Они не только не прибыли, но не остается никаких сомнений в том, что, вопреки принятому ими посредничеству Французской республики, граубюнденские общины предрешили вопрос и что отказ от посылки делегатов является следствием интриг.

Вследствие этого главнокомандующий от имени Французской республики и приняв во внимание:

1) что прямодушие, лояльное поведение и доверие народов Вальтелины, Киавенны и Бормио в отношении Французской республики должны вызвать в этой республике чувство взаимности и готовность помочь им;

2) что Французская республика вследствие просьбы заявленной граубюнденцами, стала посредником и как бы арбитром судьбы этих народов;

3) что нарушение граубюнденцами договорных статей, которые они должны были соблюдать относительно народов Вальтелины, Киавенны и Бормио, не подвергается сомнению и что последние, следовательно, вновь приобрели естественные права, данные природой всем народам;

4) что народ не может быть подданным другого народа без нарушения общественного и естественного права;

5) что жители Вальтелины, Киавенны и Бормио ясно высказались за присоединение к Цизальпинской республике;

6) что общность религии, языков, природных особенностей, путей сообщения и торговых интересов также допускает такое присоединение Вальтелины, Киавенны и Бормио к Цизальпинской республике, из состава которой эти три страны к тому же некогда были вырваны;

7) что после декрета общин, составляющих три лиги Граубюнденского союза, решение, которое принял посредник о преобразовании Вальтелины в четвертую лигу, оказывается отвергнутым, и вследствие этого у Вальтелины не остается другого средства избавиться от тирании, как присоединение к

Цизальпинской республике;

8) в силу полномочий, предоставленных Французской республике согласно просьбе Граубюндена и вальтелинцев о посредничестве, – главнокомандующий постановил что народы Вальтелины, Киавенны и Бормио имеют право присоединиться к Цизальпинской республике».

Вопрос оказался разрешенным. Радость и восторг охватили несчастных обитателей Вальтелины. Злоба и оскорбленное самолюбие заставили содрогнуться Граубюнден. Тотчас же после этого арбитражного решения Вальтелина и Цизальпинская республика вступили в переговоры и объединились. Граубюнденцы тогда поняли свою ошибку.

Они написали Наполеону, что высылают делегатов для защиты своих прав перед ним, притворившись, таким образом, будто они не знают того, что произошло. Он им ответил, что они опоздали, что его решение было уже вынесено, 10 октября Вальтелина уже объединилась с Цизальпинской республикой, и этот вопрос разрешен раз навсегда.

Справедливость, оказанная этому маленькому народу, тронула и изумила все благородные сердца. Принципы, на которых было основано решение Наполеона, прогремели по всей Европе и нанесли смертельный удар узурпаторским действиям швейцарских кантонов, имевшим другие народы в качестве подданных.

Казалось бы, этот пример должен был просветить бернскую аристократию и заставить ее почувствовать, что наступил момент для некоторых уступок духу времени, французскому влиянию и справедливости. Но предрассудки и самомнение никогда не прислушиваются к голосу разума, природы и религии. Олигархия уступает только силе. И поэтому лишь много лет спустя обитатели Верхнего Валлиса согласились смотреть на обитателей Нижнего Валлиса как на равных себе и крестьяне области Во и Аргови принудили бернскую олигархию признать их права и независимость.

Глава XVII. Мир в Кампоформио

I. Обмен ратификационными грамотами Лёобенских предварительных условий мира (24 мая 1797 года). – II. Конференция в Момбелло. – III. Конференция в Удине до 18 фрюктидора. – IV. Конференция в Пассарьяно. – V.

Французское правительство после 18 фрюктидора не хочет больше мира. – VI. Интересы Наполеона и его политика. – VII. Чрезмерные притязания императорских уполномоченных, угрозы; передвижения армии. – VIII. Подписание Кампоформийского мирного договора (17 октября). – IX. Генералы Дезе и Гош. – X. Наполеон покидает Италию и отправляется в Париж через Раштадт.

I

Обмен ратификационными грамотами Лёобенских предварительных условий мира произошел 24 мая в Момбелло между Наполеоном и маркизом Галло. В первый раз возник вопрос этикета. Германские императоры не признавали за французскими королями права альтерната[89].

Венский кабинет опасался, что республика не захочет признавать этого обычая и что по ее примеру другие державы Европы также откажутся считаться с этим признаком гегемонии, которой пользовалась Священная Римская империя со времени Карла Великого. В первый момент упоения, испытанного австрийским уполномоченным в результате подчинения Франции обычному этикету, он отказался от мысли о конгрессе в Берне, согласился на сепаратные переговоры и открытие конгресса в Раштадте для установления мира в империи лишь в июле месяце.

Через несколько дней переговоры привели к соглашению об окончательном договоре на следующих основаниях: 1) граница по Рейну для Франции; 2) Венеция и граница по Адидже для императора; 3) Мантуя и граница по Адидже для Цизальпинской республики. Маркиз Галло заявил, что с последним прибывшим курьером он получил полномочия для подписания мира на этих основаниях. С 6 мая Наполеон и генерал Кларк также были облечены необходимыми полномочиями.

Эти условия являлись более благоприятными для Франции, чем смела надеяться Директория. Можно было, следовательно, считать мир обеспеченным.

Кларк был в момент революции капитаном Орлеанского драгунского полка. С 1789 года он примкнул к орлеанистской партии. В 1795 году был призван в Комитет общественного спасения для руководства топографическим бюро. Особенно покровительствуемый Карно, он был избран Директорией в 1796 году для предложения мира императору и отправился для этого в Милан. Действительной целью его миссии было отнюдь не

открытие переговоров, а исполнение в главной квартире функций тайного агента Директории по наблюдению за главнокомандующим, победы которого начали тревожить Директорию.

Кларк отсылал в Париж сведения о главных начальствующих лицах армии. Это возбудило ропот и навлекло на него неприятности. Наполеон, понимавший, что правительства нуждаются в осведомлении, предпочел, чтобы такое секретное поручение было доверено человеку известному, а не всяким второстепенным агентам, собирающим по кабакам и передним самые нелепые сведения.

Он взял Кларка под свое покровительство и даже использовал его в различных переговорах с Сардинией и итальянскими государями. После 18 фрюктидора он горячо его защищал не только потому, что Кларк заслужил его уважение при выполнении им своей столь щекотливой миссии, но также и потому, что, по его мнению, собственное достоинство обязывало его оказывать покровительство каждому человеку, имевшему с ним ежедневные сношения и на которого он не имел определенного повода жаловаться.

У Кларка совсем не было военных способностей. Это был человек кабинетный, аккуратный и надежный работник, большой враг всяких жуликов. Он происходил из одной из ирландских фамилий, сопровождавших Стюартов в изгнании. Чрезмерно возгордившись своим происхождением, он в эпоху империи навлек на себя насмешки за свои генеалогические изыскания, совсем не вязавшиеся с убеждениями, им исповедуемыми, с карьерой, какую он избрал, и с духом времени.

Это был его недостаток. Но последний не помешал императору вверить Кларку портфель военного министра как хорошему администратору, который должен был быть привязан к Наполеону за то, что тот осыпал его благами. В эпоху империи он оказал важные услуги благодаря своей безукоризненной честности, и, вспоминая о нем, приходится пожалеть, что в конце своей карьеры он принимал участие в правительстве, которое Франция будет вечно упрекать за то, что оно заставило ее пройти через Кавдинское ущелье[90], распустило армию, составлявшую ее славу в течение 25 лет, и сдало удивленным противникам наши крепости, остававшиеся еще непобежденными.

Если бы в 1814 и 1815 годах доверие короля не было отдано людям, дух которых был сломлен тяжелыми обстоятельствами, предателями своего отечества, которые видели спасение и славу трона своего господина только в подчинении игу Священного союза; если бы в управление государством вступили такие люди,

как герцог Ришелье, стремлением которого было освободить свою родину от присутствия чужеземных штыков, или как Шатобриан, только что оказавший в Генте выдающиеся услуги, Франция вышла бы из этих двух национальных кризисов могущественной и грозной.

Шатобриан получил от природы священный огонь, об этом свидетельствуют его сочинения. Его стиль – это не стиль Расина, а стиль пророка. Он был единственным, кто мог сказать безнаказанно с трибуны палаты пэров, что «серый сюртук и шляпа Наполеона, выставленные на шесте на Брестском побережье, заставили бы Европу стать в ружье». Если Шатобриан когда-либо придет к власти, возможно, что и он собьется с пути, как и многие другие, нашедшие в ней свою погибель; но верно одно: все великое и национальное созвучно его гению, и он с негодованием отверг бы постыдные поступки тогдашней администрации.

II

Граф Мервельдт, новый австрийский уполномоченный, прибыл в Момбелло 19 июня. Венский кабинет дезавуировал маркиза Галло и настаивал на том, чтобы условия мира обсуждались только на Бернском конгрессе и в присутствии союзников Вены. Видимо, он изменил линию поведения.

Вступил ли он в новую коалицию? Действовал ли он в расчете на русские войска? Было ли это одним из последствий заговора Пишегрю? Не питал ли он надежды на то, что гражданская война, раздирающая восточные департаменты, распространится по всей Франции и власть попадет в руки заговорщиков?

Австрийские уполномоченные ничего не могли ответить, когда Наполеон им указывал, что Англия и Россия никогда не согласятся на то, чтобы император возместил свои потери за счет древней Венеции, что требовать вести переговоры только вместе с этими государствами – значит стремиться еще раз попытать счастья на войне. Министр Тугут прислал новые инструкции.

Он отказался от Бернского конгресса и согласился на сепаратные переговоры. Конференция открылась в Удине 1 июля. Генерал Кларк один представлял там Францию. Наполеон заявил, что он станет присутствовать там только тогда, когда из протоколов будет видно, что австрийские представители искренно желают мира и имеют полномочие его подписать. Несколько дней спустя он покинул Момбелло и отправился в Милан.

Там он пробыл июль и август. Австрийцы выжидали исхода кризиса, потрясавшего Францию: эти два месяца прошли в бесплодных переговорах. День 18 фрюктидора расстроил надежды Австрии. Граф Кобенцль спешно прибыл в Удине с полномочиями императора, полным доверием которого он пользовался. Маркиз Галло, граф Мервельдт и барон Дегельманн принимали участие в совещаниях, но, по сути дела, только лишь для проформы.

III

Наполеон отправился в Пассарьяно. Кларк был отозван, и Наполеон оказался единственным уполномоченным со стороны Франции. 27 сентября начались переговоры с графом Кобенцлем. Совещания проходили попеременно то в Удине, то в Пассарьяно. Четыре австрийских уполномоченных размещались с одной стороны прямоугольного стола.

Секретари конференции сидели по бокам его, а с другой стороны стола находился французский уполномоченный. Когда совещания происходили в Пассарьяно, обедали у Наполеона. Когда они велись в Удине, обедали у графа Кобенцля. Пассарьяно – прелестная дача, расположенная на левом берегу Тальяменто, в четырех лье от Удине и в трех лье от развалин Аквилеи.

На первом же заседании граф Кобенцль отказался от всего, о чем говорили его коллеги в течение четырех месяцев. Он выдвинул сумасбродные притязания. Приходилось начинать снова круг болтовни, которая велась уже с мая. Система, которой приходилось придерживаться с таким уполномоченным, была указана им самим: нужно было делать столько же шагов в сторону от золотой середины, сколько делал он сам.

Граф Кобенцль был родом из Брюсселя, был очень любезным в обществе, изысканно вежливым, но в делах человеком жестким и тяжелым. Его аргументации недоставало определенности и точности; чувствуя этот недостаток, он думал восполнить его повышением голоса и повелительными жестами.

Маркиз Галло, неаполитанский посланник в Вене, был в одинаковой милости у неаполитанской королевы и императрицы. Он был по характеру вкрадчивым и гибким, но прямодушным.

Граф Мервельдт, полковник уланского полка, был выдвинут министром Тугутом и пользовался его доверием.

Барон Дегельманн был кабинетным работником, прямодушным и благожелательным.

IV

С прибытием графа Кобенцля ход переговоров не позволял больше сомневаться в действительных намерениях Венского двора: он хотел мира. Он не заключил никаких новых соглашений ни с Россией, ни с Англией, и, коль скоро австрийские представители убедились бы, что они могут заключить договор на основаниях, установленных в Момбелло, мир был бы подписан, если бы Директория не изменила своей политики. После 18 фрюктидора она стала переоценивать свои силы.

Она считала возможным безнаказанно требовать от нации новых жертв. Она намекнула Наполеону, чтобы он прервал переговоры и начал военные действия, а в то же время вела с ним официальную переписку в духе инструкций 6 мая. Было ясно, что Директория желала войны, но всю ответственность за разрыв хотела возложить на человека, ведущего переговоры.

Когда она почувствовала, что этот ход не удается, и особенно когда сочла свою власть укрепившейся, ею был послан ультиматум в депеше от 29 сентября. Наполеон получил его 6 октября в Пассарьяно. Франция не хотела больше уступать императору ни Венеции, ни линии Адидже. Это было равносильно объявлению войны.

У Наполеона были установившиеся взгляды на степень повиновения, которое он должен был оказывать своему правительству в отношении военных действий. Он считал себя обязанным исполнять его приказания лишь постольку, поскольку они признавались им разумными и насколько успех казался возможным. Он полагал преступным приводить в исполнение вредный план и в подобном случае считал себя обязанным подать в отставку.

Именно так он поступил в 1796 году, когда Директория захотела отправить часть его армии в Неаполитанское королевство. У него не было столь же определенных взглядов в отношении степени повиновения, которое он должен был проявить в качестве уполномоченного.

Мог ли он отказаться от своей миссии в самый разгар переговоров или обречь их на неудачу исполнением инструкций, с которыми он был не согласен и которые равнялись объявлению войны? Но прежде всего он был в Пассарьяно главнокомандующим. Ему казалось нелепостью в качестве уполномоченного объявлять войну и в то же самое время подавать в отставку с поста главнокомандующего, чтобы не возобновлять военных действий во исполнение плана кампании, противоречащего его взглядам.

Министр иностранных дел вывел его из затруднения. В одной из своих депеш он сообщил ему, что Директория, посылая свой ультиматум, считала, что главнокомандующий будет иметь возможность заставить принять его силой оружия. Он долго размышлял над этим сообщением. Оно доказало ему, что в его руках судьба Франции: от решения, которое он изберет, зависело, быть войне или миру.

Он решил придерживаться инструкций от 6 мая и подписать мир на основах, выработанных в Момбелло, которые одобрены правительством до 18 фрюктидора.

А. де Мольтцхайм. Французская пешая артиллерия и артиллерийский обоз в 1806—1812 гг.

V

Причинами, побудившими его к этому, были: 1) общий план

кампании был порочен; 2) так как ультиматум был получен только 6 октября, то военные действия могли начаться лишь 15 ноября, когда французским войскам было бы трудно вступить в Германию, между тем как это время года было благоприятно для австрийцев в отношении сосредоточения значительных сил на равнинах Италии; 3) командование армией в Германии было вверено Ожеро, политические воззрения которого после событий 18 фрюктидора сделались экстремистскими; его штаб состоял большей частью из распропагандированных людей, опьяненных принципами 1793 года, и это являлось непреодолимым препятствием, делавшим невозможным достижение согласия, необходимого при операциях двух армий.

Наполеону хотелось, чтобы командование Рейнской армией, за отсутствием Моро, было вверено Дезе; 4) он требовал подкреплений в 12 000 человек пехоты и 4000 кавалерии, в которых ему отказали; у него же было только 50 000 бойцов, а он находился на 20 переходов ближе к Вене, чем Рейнские армии, имея перед собой три четверти австрийских сил, прикрывавших Вену со стороны Италии, тогда как армиям Самбро-Маасской и Рейнской противостоял только простой обсервационный корпус; 5) Директория в своем ослеплении заявляла депешей от 29 сентября, что она отказывается ратифицировать договор от 5 апреля о наступательном и оборонительном союзе с сардинским королем.

По этому договору король обязывался присоединить к Итальянской армии контингент в 8000 человек пехоты, 2000 кавалерии и 40 пушек. Отказ Директории поверг Турин в отчаяние; двор не мог более обманываться относительно задних мыслей французского правительства; ему нечего было больше заискивать перед ним, выходило так, что Итальянской армии придется ослабить себя на 10 000 человек для усиления гарнизонов Пьемонта и Ломбардии.

21 октября Директория сообщила, что, по представлению главнокомандующего Итальянской армией, она решила усилить его войска на 6000 человек, взятых из Германской армии, изменить план кампании согласно его желанию и ратифицировать договор о наступательном и оборонительном союзе с сардинским королем, передав его в Законодательный корпус в тот же день, 21 октября. Но Кампоформийский договор был подписан на три дня раньше составления этой депеши, а прибыла она в Пассарьяно только через 12 дней после подписания мира.

Может быть, если бы Директория приняла это решение 29 сентября, в момент отсылки ею своего последнего ультиматума,

Наполеон и решился бы на войну в надежде освободить всю Италию до Изонцо, чего он желал больше, чем кто бы то ни было.

VI

В интересах Наполеона было заключить мир. Республиканцы громко выражали свою зависть. «Столько славы, – говорили они, – несовместимо со свободой». Если бы он возобновил военные действия и французские армии заняли Вену, то Директория, упорно придерживаясь направления, взятого ею с 18 фрюктидора, захотела бы произвести революцию в империи, а это, несомненно, привело бы к новой войне с Пруссией, с Россией и с Германским союзом.

Между тем республика управлялась плохо. Администрация была развращена; она не внушала никакого доверия и не пользовалась никаким уважением. Если бы переговоры были прерваны, ответственность за будущее легла бы на Наполеона. Если же он, напротив, дал бы своей стране мир, к его славе победителя и миротворца присоединилась бы слава основателя двух больших республик, потому что Бельгия, Рейнские департаменты, Савойя, графство Ницца могли законно перейти к Франции лишь по мирному договору с императором и только этот договор мог реально обеспечить существование Цизальпинской республики.

Увенчанный лаврами, с оливковой ветвью мира в руках, он вернулся бы спокойно в частную жизнь, достигнув славы, равной славе великих людей Древнего мира. Первый акт его общественной жизни был бы завершен. Обстановка и интересы отечества определили бы дальнейшую его карьеру. Слава, любовь и уважение французского народа были средством для достижения всего. Франция хотела мира. Борьба королей против республики была борьбой принципов.

Гибеллины боролись против гвельфов.[91] Олигархи, господствовавшие в Лондоне, в Вене и в Санкт Петербурге, боролись против парижских республиканцев. Наполеон решил изменить такое положение вещей, всегда оставлявшее Францию в одиночестве, и бросить яблоко раздора в среду коалиции, изменить постановку вопроса, создать другие побуждения и другие интересы.

Венецианская республика была целиком аристократической. В ней были в высшей степени заинтересованы Сент-Джемский и Санкт-Петербургский кабинеты. Захватив ее, Австрийский дом вызвал бы с их стороны величайшее недовольство и зависть.

Венецианский Сенат вел себя очень плохо в отношении Франции, но очень хорошо в отношении Австрии.

Какое мнение составят себе другие народы о порядочности Венского кабинета, когда увидят, что он захватил без всякого повода владения своего союзника – самое древнее государство современной Европы, государство, основанное на принципах, совершенно противоположных демократии и французским идеям!

Какой урок для Баварии и второразрядных государств! Император был бы вынужден отдать Франции крепость Майнц, он захватил бы земли германских государей, покровителем которых являлся, государей, чьи солдаты сражались в рядах его армии. Это значило разыграть на глазах всей Европы сатиру на самодержавные правительства и европейские олигархии. Какое доказательство дряхлости европейских правительств, их вырождения и незаконности могло быть более убедительным?

Австрия была бы довольна, уступив Бельгию и Ломбардию, она получала за это эквивалент если не по доходу и населению, то по крайней мере в отношении торговых и географических удобств. Венеция граничила со Штирией, Каринтией и Венгрией. Союз европейской олигархии оказался бы расстроенным. Франция воспользовалась бы этим, чтобы схватиться с Англией один на один в Ирландии, в Канаде, в Индии.

Партии, раздиравшие Венецию, перестали бы бороться между собой. Аристократия и демократия соединились бы против ига чужеземной нации. Можно было быть уверенным, что народ столь мягкого нрава никогда не будет иметь привязанности к германскому правительству; и чего было бояться, что большой торговый город, морская держава, с вековой историей, искренне привяжется к монархии, чуждой морю и не имеющей колоний.

Если же когда-либо настанет время для создания итальянской нации, то это не будет служить препятствием: годы, которые венецианцы проведут под игом Австрийского дома, заставят их с энтузиазмом приветствовать национальное правительство, каким бы оно ни было, в большей или в меньшей степени аристократическим, со столицей в Венеции или в другом месте.

Венецианцы, ломбардцы, пьемонтцы, генуэзцы, пармезанцы, болонцы, бергамасцы, феррарцы, тосканцы, романцы, неаполитанцы для того чтобы сделаться итальянцами, должны были предварительно разложиться на составные элементы. Им необходимо было переплавиться. В самом деле, 15 лет спустя, в 1812 году, австрийские владения в Италии, королевский трон Сардинии, герцогские троны Пармы, Модены и Тосканы и даже королевский престол Неаполя, олигархии Генуи и Венеции

исчезли.

Светская власть папы, все время бывшая причиной расчленения Италии, перестала служить препятствием. «Мне нужно, – говорил Наполеон в 1805 году на Лионском совещании, – двадцать лет, чтобы создать итальянскую нацию». Оказалось достаточным пятнадцати. Все было готово. Он ожидал только рождения сына, чтобы ввести его в Рим, короновать королем итальянцев, передать регентство принцу Евгению и провозгласить независимость полуострова от Альп до Ионического моря и от Средиземного до Адриатического.

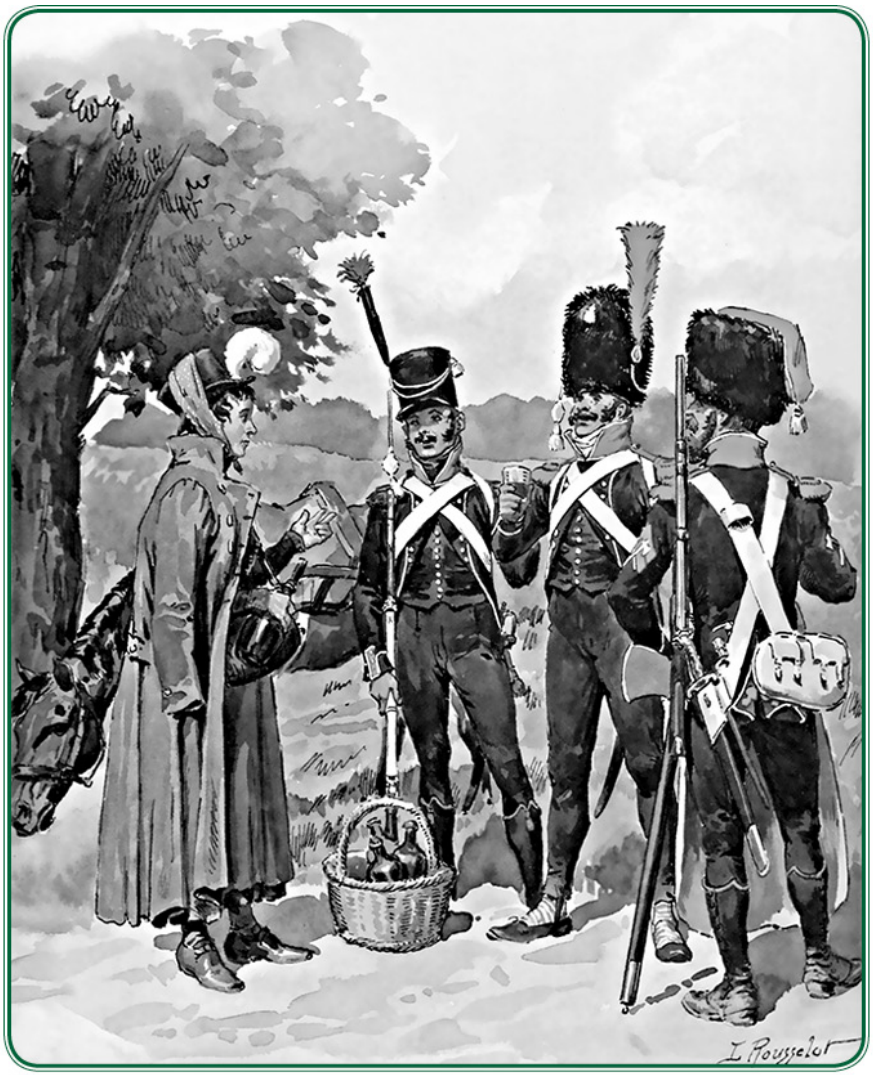
VII

Венский двор, утомленный кровопролитной борьбой, которую он вел в течение многих лет, не придавал никакого значения Бельгии, которую не мог оборонять. Он был счастлив после стольких поражений добиться возмещении за давно уже понесенные потери и установить с Французской республикой связи, которые обеспечили бы ему преимущества при урегулировании германских дел.

Если, однако, и были согласованы основы договора, то далеко еще не было достигнуто соглашения о способах его осуществления. Граф Кобенцль хотел, по его словам, «границы по Адде – или ничего». Он опирался на статистические данные. «Вы хотите восстановить систему 1756 года[92]: нужно, следовательно, дать нам выгодный мир, независимо от событий войны.

У обоих государств были дни славных побед. Обе наши армии должны уважать друг друга. Мир, невыгодный для одного из государств, всегда бывает лишь перемирием. Как же, соглашаясь с этим принципом, вы отказываете нам в полном и безусловном возмещении? Что является основами могущества? Население и доход. Что теряет император, мой повелитель? Бельгию и Ломбардию, две самые населенные, самые богатые провинции в мире.

Бельгия имеет для вас двойную ценность, потому что с ней к вам переходит и Голландия и вы получаете возможность блокировать Англию от Балтийского моря до Гибралтарского пролива. Мы соглашаемся к тому же и на присоединение к республике Майнца, четырех рейнских департаментов, Савойи и графства Ницца. Чего мы требуем за уступку столь обширных территорий? Четырех миллионов итальянцев, плохих солдат, обитающих, правда, в довольно плодородной стране. Отсюда следует, что мы имеем право требовать границы по Адде».



Л. Руссело. Маркитантка и солдаты французской легкой пехоты в 1806 г.: шассер, карабинер, сапер

Французский уполномоченный отвечал: «Избавить австрийскую монархию от Бельгии – благодеяние для нее. Это владение было для нее невыгодным. Только Англия была заинтересована в том, чтобы Австрия обладала Бельгией. Если вы подсчитаете, во что обходилась вам эта провинция, то убедитесь, что она всегда приносила убыток вашей казне.

Но, во всяком случае, она не представляет для вас никакой

ценности, с тех пор как она проникласъ идеями, изменившими строй Франции. Ваше желание добиться на границах Штирии, Каринтии и Венгрии возмещения, равного по доходу и населенности отторгнутой от вас Бельгии, является чрезмерным притязанием. К тому же, переступив через Адидже, вы себя ослабите, и ни у вас, ни у Цизальпинской республики не будет естественных границ».

Эти доказательства не совсем убедили австрийских уполномоченных. Они, однако, ограничили свои притязания линией Минчио. «Но, – сказал граф Кобенцль, – это наше последнее слово, наш ультиматум, потому что, если император, мой повелитель, согласится передать вам ключи от Майнца, самой сильной крепости в мире, он опозорит, если не обменяет их на ключи от Мантуи».

Так как все средства официальных переговоров, включая протокол ноты и ответные ноты, были исчерпаны, не приведя к удовлетворительному результату, прибегли к доверительным совещаниям. Но в конце концов ни та, ни другая сторона не уступили ни в чем. Армии двинулись в поход.

Французские войска, стоявшие по квартирам в Вероне, Падуе и Тревизо, переправились через Пьяве и расположились на правом берегу Изонцо. Австрийская армия стала на Драве и в Карниоле. По пути из Удине в Пассарьяно австрийские уполномоченные были вынуждены проехать через лагерь французских войск, оказывавших им все воинские почести. Совещания шли под барабанный бой. Граф Кобенцль оставался, однако, непреклонным, его экипаж был заложен, и он объявил о своем отъезде.

VIII

16 октября совещание состоялось в Удине у графа Кобенцля. Наполеон кратко перечислил, в форме декларации для занесения в протокол, действия своего правительства со дня подписания Лёобенских предварительных условий мира и в то же время повторил свой ультиматум.

Австрийский уполномоченный пространно возражал, доказывая, что возмещения, которые предлагает Франция императору, не достигают и четверти его потерь; что австрийское государство будет значительно ослаблено, в то время как французское государство настолько усилится, что независимость всей Европы окажется под угрозой; что, имея в своем обладании Мантую и линию Адидже, Франция фактически присоединит к

себе всю Италию; что император исполнен незыблемой решимости скорее подвергнуться всем опасностям войны и даже бежать, если потребуется, из своей столицы, чем согласиться на такой невыгодный мир; что Россия предлагает ему свои армии, они готовы спешно двинуться к нему на помощь, и французы увидят, каковы русские войска; что Наполеон явно подчиняет интересы уполномоченного интересам главнокомандующего и не хочет мира.

Он добавил, что уезжает ночью и вся кровь, которая прольется в этой новой борьбе, падет на французского уполномоченного. Французский уполномоченный, сохраняя хладнокровие, но сильно задетый этим выпадом, встал и схватил с круглого столика поднос с маленьким чайным фарфоровым прибором, который граф Кобенцль особенно любил, как подарок императрицы Екатерины. «Хорошо, – сказал Наполеон, – перемирие, следовательно, прекращается, и объявляется война!

Но помните, что до конца осени я разобью вашу монархию так, как разбиваю этот фарфор!» Произнеся эти слова, он с размаху бросил прибор на пол. Осколки его покрыли паркет. Он поклонился собравшимся и вышел. Австрийские уполномоченные были этим озадачены. Несколько секунд спустя они узнали, что, садясь в карету, Наполеон отправил к эрцгерцогу Карлу офицера с предупреждением, что переговоры прерваны и военные действия начнутся через 24 часа.

Граф Кобенцль в испуге послал маркиза Галло в Пассарьяно с подписанным им заявлением, что он принимает ультиматум Франции.

На другой день, в 5 часов вечера, мир был заключен. Договор пометили как подписанный в Кампоформио, небольшой деревне между Пассарьяно и Удине, нейтрализованной для этой цели секретарями делегаций. Сочли, однако, бесполезным выезжать туда, так как там не было ни одного подходящего дома для размещения уполномоченных.

По этому договору император признавал границами республики ее естественные пределы: Рейн, Альпы, Средиземное море, Пиренеи, океан. Он соглашался, чтобы Цизальпинская республика была образована из Ломбардии, герцогств Реджио, Модена, Мирандола, из трех легатств – Болонского, Феррарского и Романского, из Вальтелины и части венецианских владений на правом берегу Адидже – Бергамо, Брешиа, Кремоны и Полезины. И он уступил Брисгау.

Этим его наследственные земли удалялись от французских границ. Было условлено, чтобы важный плацдарм Майнц был передан французским войскам по военной конвенции, которая

будет подписана в Раштадте, где встретятся французский уполномоченный и граф Кобенцль. Все государи, лишившиеся владений на левом берегу Рейна, должны были получить возмещение на правом берегу из земель, отбираемых путем секуляризации[93] у владетельных князей церкви.

Договор о европейском мире должен был обсуждаться в Раштадте. Люксембургский и Венский кабинеты будут действовать там заодно. Решение судеб прусских владений на левом берегу пока откладывалось; император соглашался, что они будут уступлены республике по Раштадтскому договору, с предоставлением Австрии[94] равноценного возмещения в Германии. Корфу, Занте, Кефаллиния, Сент-Мор, Чериго были уступлены Франции, которая, со своей стороны, согласилась на то, чтобы император получил венецианские области на левом берегу Адидже. Этим население его империи увеличивалось более чем на 2 миллиона человек.

По одной из статей договора поместья, которыми владел в Бельгии эрцгерцог Карл, как наследник эрцгерцогини Христины, были за ним сохранены. Именно в силу этой статьи император Наполеон впоследствии заплатил миллион за Лекенский замок, расположенный близ Брюсселя и составлявший до революции часть поместий эрцгерцогини. Другие поместья эрцгерцога в Нидерландах были приобретены герцогом Саксен-Тешенским. Подобное постановление было свидетельством уважения французского уполномоченного к полководцу, с которым он только что сражался и с которым у него были отношения, почетные для обоих.

IX

Во время пассарьянских совещаний генерал Дезе прибыл из Рейнской армии для осмотра полей сражения, которые были прославлены Итальянской армией. Наполеон принял его в своей главной квартире и, рассчитывая поразить его, сообщил ему о том, какой свет портфель д'Антрега бросает на поведение Пишегрю.

«Мы знали уже давно, – сказал, улыбаясь, Дезе, – что Пишегрю изменил. Моро нашел доказательство этому в бумагах Клинглина, так же как все подробности его подкупа и заранее условленные мотивы, направлявшие его боевые действия. Моро, Ренье и я только и знали эту тайну. Я хотел, чтобы Моро немедленно донес о ней правительству, но он этого не пожелал. Пишегрю является, может быть, единственным примером

генерала, – добавил он, – умышленно допустившего себя разбить».

Он намекал на маневр Пишегрю, нарочно направившего свои главные силы на Верхний Рейн, чтобы провалить операции перед Майнцем. Дезе посетил все лагерные стоянки. На всех он был встречен с большим уважением. Именно в эту пору зародилась его симпатия к Наполеону. Дезе любил славу, Францию же превыше всего. Он был прямодушным, энергией внушал доверие, вникал во все, имел обширные познания; никто лучше его не изучил театра войны на Верхнем Рейне, в Швабии и Баварии. Его смерть вызвала слезы победителя при Маренго.

Генерал Гош, командующий Самбро-Маасской армией, неожиданно скончался в это время в Майнце. Многие думали, что он был отравлен. Это мнение необоснованно. Этот молодой генерал отличился на Виссембургских линиях в 1794 году. Он проявил талант в Вандее в 1795 и 1796 годах и приобрел славу, мгновенно усмирив восстание. Человек пламенного патриотизма, пылкого характера, выдающейся храбрости, деятельного, ненасытного честолюбия, он неосторожно сам подставлял себя под удары.

В день 18 фрюктидора, двинув свои войска на Париж, он нарушил конституцию и едва не сделался жертвой своего дерзания. Законодательные палаты возбудили против него следствие. Он предпринял попытку экспедиции в Ирландию. Никто не был более его способен осуществить ее удачно. При всяком случае он свидетельствовал свою привязанность к Наполеону. Его смерть и опала Моро оставили Самбро-Маасскую и Рейнскую армии без командующих. Правительство свело обе эти армии в одну и отдало их под командование Ожеро.

X

Наполеон поочередно посылал своих главных генералов в Париж для доставки знамен. Это одновременно давало возможность правительству познакомиться с ними и привязать их к себе наградами. Кампоформийский договор он поручил доставить Бертье и, желая проявить уважение и внимание к науке, присоединил к нему Монжа, члена научной и художественной комиссии в Италии. Монж принадлежал к членам старой Академии наук.

Главнокомандующему доставляли удовольствие чрезвычайно интересные беседы с этим великим геометром, первоклассным физиком и пламенным патриотом, искренним и правдивым. Любя

Францию и народ, как свою семью, демократию и равенство, как выводы из геометрических построений, он был очень горяч, но что бы ни говорили о нем его враги, это был подлинно хороший человек.

Во время нашествия пруссаков в 1792 году он предложил выдать обеих своих дочерей замуж за первых добровольцев, которые лишатся руки или ноги при обороне родной земли. Это предложение было сделано искренне. Он последовал за Наполеоном в Египет. Впоследствии он был сенатором и всегда оставался верен Наполеону. Наука обязана ему превосходным трудом по начертательной геометрии.

Кампоформийский договор захватил врасплох Директорию, совсем его не ожидавшую. Он вызвал ее неудовольствие. Уверяют даже, что Директория думала некоторое время не ратифицировать его. Общественное мнение, однако, было за него, а выгоды, которые обеспечивались Франции этим миром, были слишком очевидны.

Тотчас же после подписания договора Наполеон возвратился в Милан, чтобы дать последние указания по организации Цизальпинской республики и сделать дополнительные административные распоряжения по армии. Ему предстояло отправиться в Раштадт, чтобы закончить там огромную работу по восстановлению мира на континенте. Он простился с итальянским народом в таких выражениях:

«Граждане, начиная с 1 фримера ваша конституция вступает в действие. Ваша директория, законодательный корпус, кассационный трибунал, все остальные подчиненные им учреждения к тому времени тоже будут организованы.

Вы являете в истории первый пример народа, делающегося свободным без партийной борьбы, без переворотов, без междоусобицы. Мы вам дали свободу. Сумейте ее сохранить.

Вы после Франции являетесь самой многолюдной, самой богатой республикой. Ваше положение призывает вас играть большую роль в делах Европы. Чтобы быть достойными своего предназначения, устанавливайте законы только разумные и умеренные. Приводите их в исполнение с силой и энергией. Покровительствуйте распространению просвещения и уважайте религию. Составляйте ваши воинские части не из беспринципных людей, а из граждан, придерживающихся принципов республики и непосредственно заинтересованных в ее процветании.

Вы должны в целом проникнуться чувством своей силы и достоинства, присущего свободному человеку. Отделенные друг от друга и подавляемые тиранией в течение веков, вы сами не завоевали бы себе свободы. Но через несколько лет, даже

предоставленные самим себе, вы станете такими, что ни у одного государства в мире не хватит сил отнять ее у вас. А до тех пор великая нация предохранит вас от нападения соседей. Ее политическая система объединится с вашей.

Если бы римский народ использовал свою силу так же, как французы, то римские орлы красовались бы еще на Капитолии и восемнадцать веков рабства и тирании не обесчестили бы род человеческий.

Я проделал для укрепления вашей свободы и с единственной целью обеспечить ваше счастье такую работу, какая до сих пор выполнялась только из честолюбия и властолюбия.

Я назначил много людей на служебные должности. Я мог порой забыть честного человека, отдав предпочтение интригану. Но предоставить вам самим произвести эти первые назначения было бы связано с большими неудобствами; вы еще не были организованы.

Я вас покидаю через несколько дней. Только приказы моего правительства или опасность, непосредственно угрожающая Цизальпинской республике, вернут меня к вам. Но куда бы ни призвала меня служба моему отечеству, я всегда буду проявлять горячую заботу о счастье и славе вашей республики.

Главная квартира. Милан. 22 брюмера VI года (12 ноября 1797 года)».

Приказ по войскам в день его отъезда гласил:

«Солдаты, я завтра уезжаю и отправляюсь в Раштадт. Вдали от армии я буду тосковать о минуте, когда снова окажусь среди вас, отважно преодолевающих новые опасности. К какому бы делу ни были призваны правительством солдаты Итальянской армии, они всегда с достоинством будут поддерживать свободу и славу французского имени.

Солдаты, говоря о государях, которых вы победили, о народах, которые вы освободили, о битвах, которые вы выиграли в двух кампаниях, повторяйте себе: в двух кампаниях мы могли сделать еще больше!»

Наполеон отправился в Турин и остановился у французского посланника Женгеле (17 ноября). Сардинский король пожелал его видеть и засвидетельствовать ему лично свою признательность. Обстоятельства, однако, были уже таковы, что он не счел возможным участвовать в придворных церемониях и продолжал свой путь в Раштад, перевалив через Мон-Сенис. В Женеве он был принят, как будто во французском городе, с энтузиазмом, свойственным женевцам.

При его прибытии в область Во приветствовать его во главе жителей вышли три группы молодых и красивых девушек. Одна

группа была одета в белое, другая – в красное, третья – в синее. Эти девушки поднесли ему венок, на котором была лента с надписью из знаменитого арбитражного решения, провозглашавшего свободу Вальтелины: «Ни один народ не может быть подданным другого народа».

Направляясь к Раштадту, он проехал через несколько швейцарских городов, в том числе через Берн, и переправился через Рейн в Базеле.

Прибыв в Раштадт, он нашел приготовленными для себя обширные апартаменты дворца. Трейяр и Боннье, которых Директория прикомандировала к нему для переговоров о мире с Германским союзом, прибыли на несколько дней раньше его. Старый граф Меттерних представлял на этом конгрессе императора как главу Германской конфедерации.

Граф Кобенцль представлял его же как главу Австрийского дома. Образовалось, таким образом, две делегации, противоположные как по своим интересам, так и по данным им инструкциям. Граф Лербах представлял на заседаниях собственно Австрийские земли. Граф Меттерних играл чисто парадную роль. Кобенцль вершил делами.

После обмена ратификационными грамотами Кампоформийского договора уполномоченные подписали, во исполнение этого договора, конвенцию о передаче Майнца: 1) австрийские войска выходят из Майнца, и там остаются только войска курфюрста; в тот же час в него входят французские войска и вступают во владение им; 2) французы покидают Венецию и Пальманову, оставив там лишь венецианские войска, и австрийцы занимают эти города, так же как и всю страну.

Представитель Майнца Альбили энергично протестовал. Все германские государи подняли крик: Майнц, говорили они, не принадлежит Австрии. Они обвинили императора в том, что он предал Германию ради своих интересов в Италии. Графу Лербаху, как делегату собственно Австрийских земель, было поручено ответить на все эти протесты, что он и сделал с присущей ему силою, агрессивностью и иронией.

Швеция пожелала присутствовать в Раштадте как посредница и как один из гарантов Вестфальского договора. Россия со времени Тешенского договора предъявляла такие же притязания, но она находилась в данный момент в войне с Францией. Со времени Вестфальского мира положение Европы сильно изменилось: Швеция в то время оказывала большое влияние на Германию, она стояла во главе протестантской партии и пребывала во всем блеске побед великого Густава; Россия еще не была европейской державой, а Пруссия едва существовала.

Развитие этих двух держав низвело с тех пор Швецию в разряд третьестепенного государства; ее притязания, следовательно, были совсем не ко времени. Этот двор имел к тому же безрассудство сделать своим представителем в Раштадте барона Ферзена. Милости, которыми он пользовался при Версальском дворе, его интриги во времена Учредительного собрания и ненависть, которую он не переставал выражать к Франции по всякому поводу, делали его настолько малопригодным для подобного назначения, что его выбор мог быть истолкован только как оскорбление республики.

Когда он по этикету пожаловал с визитом к французскому уполномоченному, то представился как посол Швеции и посредник на конгрессе. Наполеон заявил ему, что он не признает никаких посредников, и притом прежние воззрения Ферзена не позволяют ему быть посредником между республикой и императором Германии, и что он не сможет больше принимать его. Барон Ферзен был так этим смущен, а оказанный ему прием наделал столько шума, что на другой же день Ферзен оставил Раштадт.

Немедленно после передачи Майнца французским войскам Наполеон вызвал на совещание Трейяра и Боннье и, доказав им, что инструкции Директории оказались недостаточными, заявил о своем нежелании оставаться далее на конгрессе и о своем отъезде. Дела в Раштадте оказались более сложными, чем в Кампоформио. Следовало разрубить узел, чтобы покончить с ним.

Директория не знала, что предпринять. Кроме Трейяра и Боннье, она назначила еще новых уполномоченных. Наполеон, давно уже недовольный внешней политикой правительства, решил не вмешиваться более в переговоры, которые неизбежно должны были плохо кончиться.

Внутреннее состояние Франции предвещало к тому же близкое торжество демагогов, а мотивы, которые побудили его уклониться от приема при Сардинском дворе, заставили его теперь избегать проявлений восхищения, которое расточали ему германские государи. Он счел полезным окончить первый акт своей политической жизни миром в Кампоформио, отправиться в Париж и жить там как частное лицо до тех пор, пока обстоятельства это позволят.

Во время своего короткого пребывания в Раштадте он старался окружить французских уполномоченных, на которых до того времени почти не обращали внимания, уважением и почетом, на которые представители великого народа имели право со стороны иностранных уполномоченных и толпы мелких германских владетелей, осаждавших конгресс. Он добился от

правительства отпуска значительных сумм в распоряжение уполномоченных, чтобы они были в состоянии поддерживать достоинство своего сана. Содержание, назначенное им, было недостаточно, и это дурно отражалось на престиже республики.

Очерки военных событий, происшедших в течение второй половины 1799 г.

I. План осенней кампании. – II. Действия Гельветской и Нижнерейнской армий; Цюрихское сражение (24 сентября 1799 года). – III. Англо-русская экспедиция в Голландию; сражение у Бергена (19 сентября); сражение у Эгмонта (2 октября); сражение у Кастрикума (8 октября); капитуляция англо-русской армии (18 октября). – IV. Действия Итальянской и Альпийской армий; сражение у Нови (15 августа); сражение у Женолы (4 ноября). – V. Замечания.

I

Блестящие успехи Суворова вызвали еще большее озлобление императора Павла против республики. Он двинул в поход несколько корпусов: 30 000 человек под командованием генерала Корсакова отправились в Швейцарию; 18 000 человек под командованием генерала Гартмана погрузились в Ревеле на английскую эскадру; 11 000 человек были отправлены в Италию на пополнение к Суворову; это доводило силы русских, участвовавшие в этой кампании, до 90 000 человек.

Ломбардская жара была непереносима для русских. Смешение различных наций в одной и той же армии вызывало одни только неудобства. Австрийские генералы были мало удовлетворены тактикой генерала Суворова, дикие замашки которого их раздражали. Коалиционные кабинеты пришли к соглашению о том, чтобы одновременно действовали четыре армии: одна в Италии, составленная из австрийцев, под командованием Меласа; одна в Швейцарии, составленная из русских, французских эмигрантов и швейцарцев, под командованием Суворова; одна на Нижнем Рейне, составленная из австрийцев и войск империи, под командованием эрцгерцога; наконец, одна в Голландии, составленная из англичан, русских и оранжистов[95], под командованием герцога Йоркского.

Эта последняя армия, после взятия Амстердама и восстановления власти штатгальтера, должна была вступить в Бельгию и соединиться с Нижнерейнской армией. Французское правительство, со своей стороны, не падая духом от поражений, сделало все, чтобы пополнить свои армии. Гельветская армия

была самой сильной. Массена посылали приказ за приказом, чтобы он упредил русских и овладел Цюрихом.

Нижнерейнской армии придали подвижные части и вверили ее генералу Мюллеру. Командующим Итальянской армией назначили генерала Жубера, который, по мнению солдат, был способен исправить положение и возродить прекрасные дни 1796 года. Наконец, была создана новая армия на границе Дофине; ее отдали под командование генералу Шампионе, который прославился победами в Риме и Неаполе.

Адольф Шарлемань. Торжественная встреча А. В. Суворова в Милане 18 апреля 1799 г.

II

Гельветская армия. Массена воспользовался нетерпением, с которым Париж ожидал начала его операций, чтобы добиться получения новых войск. 12 августа он двинул вперед свой правый фланг – 25 000 человек под командованием Лекурба; левый фланг австрийской армии, ему противостоявший, имел только 20 000. Поэтому Лекурб скоро отбросил его из Швица, Глариса, Сен-

Готарда к Рейнтальским теснинам, захватив несколько тысяч пленных, знамена и пушки. Эти упорные бои, разыгравшиеся в наиболее высоко расположенных пунктах материка, привлекли к Лекурбу взоры всей Европы.

Массена со своим центром двинулся на Цюрих, который и атаковал 14-го, но был остановлен у валов этого города. 17-го эрцгерцог, в свою очередь, безуспешно попытался навести мосты через реку Аар с целью обойти левый фланг французской армии и вытеснить ее с сильной позиции, которую она занимала на горе Альбис. Тем временем авангард русской армии Корсакова 19-го прибыл в Цюрих. В то же самое время французская армия Нижнего Рейна перешла в наступление.

Генерал Мюллер покинул свою мангеймскую главную квартиру и направился 25 августа в Гейдельберг с 20 000 человек, обложил 2 сентября Филиппсбург, бомбардировал его пять дней и пять ночей и рушил в нем все дома. Эрцгерцог, видя, что восьми батальонов, которые он выделил в Шаффгаузене для подкрепления генерала Старая, недостаточно для прикрытия Германии и что, согласно с принятым кабинетами планом, союзники уже высадились в Голландии, покинул Гельветскую армию и отправился на Нижний Рейн.

4 сентября он прибыл в Донауэшинген, 12-го – к Филиппсбургу. Это вынудило генерала Мюллера снять осаду и переправиться обратно через Рейн, оставив генералу Ларошу в Мангейме 6000 человек. Эрцгерцог 17-го атаковал эту крепость, штурмом овладел ею и взял 1500 пленных. Со своей стороны, Суворов покинул пост командующего Итальянской армией. 14 сентября он прибыл в Беллинцону с 23 000 русских, уцелевшими из 51 000 человек, последовательно прибывавших на полуостров[96].

31 000 человек были убиты, попали в плен или лежали в госпиталях. В Беллинцоне он принял командование Гельветской армией. У подножия Альп им было потеряно десять дней, и только 24 сентября он занял Сен-Готард, вступил в Швейцарию и соединился с корпусами Розенберга и Ауффенберга, после чего у него на данном участке оказалось 35 000 человек. С австрийским корпусом генерала Готце (25 000 человек) и русским корпусом Корсакова (30 000 человек) общие силы его армии достигали 90 000 человек, не считая эмигрантов и швейцарских повстанцев.

Массена почувствовал наконец, что наступил решительный момент и ему больше нельзя терять ни одного дня, так как, если он даст время Суворову прибыть в Цюрих, его положение сделается опасным. Его главная квартира была в Ленцбурге. Генерал Менар командовал левым флангом, от устья Аара до

Бадена; генерал Лорж стоял в Диетиконе, на берегу Лиммата; генерал Мортье – в Адлишвиле, на реке Зиль, наблюдая за Цюрихом; генерал Клейн с резервом – в Бремгартене, на реке Рейсс; генерал Сульт – в Гларисе, занимая своей дивизией левый берег Линта, до истоков, и часть левого берега Цюрихского озера, держа связь с Мортье. Генерал Лекурб с тремя дивизиями занимал на крайнем правом фланге Вазен и Сен-Готард. Генерал Шабран командовал базельским лагерем. Общая численность достигала 90 000 человек.

Обе армии были, таким образом, приблизительно равны, но главные силы Суворова находились еще далеко от его центра. Главная квартира Корсакова расположилась в Цюрихе; его правый фланг, состоявший из одной австрийской дивизии, примыкал к Рейну у устья Аара.

Русские дивизии занимали берега Лиммата, от Клингнау до Цюриха, и правый берег озера до Раппершвиля. Генерал Готце с остальными частями австрийской армии занимал правый берег Линта, Уцнах, Шеннис и Везен. Его главная квартира была в Кальтенбруннене. Река Линт, Цюрихское озеро, река Лиммат и от устья этой реки до реки Аар, наконец, Рейн до Базеля – разделяли армии.

Французы могли воспользоваться удалением эрцгерцога Карла и Суворова и овладеть Цюрихом, только перенеся войну на правый берег озера и реки Лиммат. Эта река была значительным препятствием. Участок в 5 лье от Цюриха до ее впадения в Аар охранялся всей русской армией. Но у селения Диетикон, в двух лье ниже Цюриха, Лиммат протекает среди равнины и образует удобную излучину, которая делает невозможным для армии, расположенной на правом берегу, оборонять переправу.

В ночь с 23 на 24 сентября Массена выставил батарею из 20 пушек на обеих оконечностях этой излучины, около Диетикона. В то же время подошли повозки с понтонным парком, и через несколько часов саперы навели мост. Заслышав шум, русская пехота открыла сильный ружейный огонь, но батареи принудили ее отойти. Генерал Газан переправился через реку, генералы Удино и Клейн последовали за ним. Днем 25-го они атаковали высоты Хенг и Цюрихберг.

Генерал Мортье шел по левому берегу озера, направляясь к селению Воллисгофен, и вступил в бой с русской дивизией, стоявшей на позиции около Цюрихского моста вниз по течению от ворот этого города. Русские, атакованные на обоих берегах, повсюду стойко оборонялись. Они удерживали город Цюрих часть ночи с 25 на 26-е, но наконец французы выломали ворота. Корсаков собрал на правом берегу Рейна только половину своего

корпуса. В сражении им было потеряно 15 000 человек, госпитали, склады и обозы.

Сульт на рассвете 25-го переправился через реку Линт, наведя мост в селении Шеннис, овладел Гринау и атаковал австрийский корпус Готце. Одной из первых пуль французских стрелков этот генерал был убит. По происхождению швейцарец, он пользовался полным доверием австрийской армии. Потеря его в такую минуту была для нее гибельна.

Русская бригада, находившаяся в селении Раппершвиль, образуя левый фланг корсаковского корпуса, двинулась на поддержку австрийцев. Ее опрокинули и разбили. Австрийцы были вынуждены переправиться обратно через реку Тур. Их преследовали до селения Лихтенштейн, и они оказались отрезанными и отброшенными далеко от поля сражения.

В тот же самый день, 25 сентября, Суворов, полный самых радужных надежд, прошел через Сен-Готардский перевал, громко заявляя о своем намерении не только охватить правый фланг линий рек Линт и Рейсс, но и, пренебрегая обычными переходами, двинуться прямо на Люцерн и Берн и отбросить в течение нескольких дней французскую армию к Юре.

Он прошел через Альторф, Бруннен, Швиц[97] и наконец вступил 29 сентября в Гларис. Лекурб, не имея достаточных сил, чтобы его задержать, уклонился от боя. Прибыв в Гларис, Суворов узнал о поражении у Цюриха и о движении, которое предпринял Массена с 18 000 человек для поддержки своего правого фланга. Это заставило его подчиниться необходимости и очистить Швейцарию, бросив отставших, больных, раненых и оставив много пленных в руках победителя.

8 октября он прибыл в Койре с остатками своей армии, весьма подавленный столь печальным концом кампании, начатой при таких счастливых предзнаменованиях. Корсаков, соединившись с австрийским корпусом, переправился обратно на левый берег Рейна и продвинулся вперед к реке Тур, делая вид, что идет на Цюрих выручать Суворова. Массена направился против него, разбил и отбросил его на правый берег Рейна и 7 октября взял Констанц. Корпус Конде, находившийся там, понес большие потери.

Жак-Луи Давид.
Наполеон на перевале Сен-Бернар

Нижнерейнская армия. Генерал Лекурб, приобревший авторитет и выказавший предприимчивость и отвагу в этой кампании, был назначен правительством командовать Нижнерейнской армией и 10 октября прибыл в Страсбург, горя желанием отличиться и оправдать оказанное ему доверие.

Он поспешно собрал 20 000 человек, из которых сформировал четыре дивизии, под командованием генералов Лаборда, Нея, Леграна и Бараге-д'Илье, и перенес свою главную квартиру в Вислох. Он атаковал и разбил генерала Гёргера, заменившего князя Шварценберга на посту командира австрийского

обсервационного корпуса, между Майном и Неккаром.

Этот генерал после прибытия кавалерийских подкреплений расположился в Рейлингене в одном переходе от Филиппсбурга, на полпути между Рейном и Неккаром, поддерживая через Хайльбронн и Штутгарт связь с главной квартирой эрцгерцога в Донауэшингене на Дунае. Он был вынужден оставить свои позиции. Французская армия обложила Филиппсбург.

Дивизия Лаборда блокировала его. Три остальные дивизии заняли всю местность между Неккаром и Рейном. Австрийский генерал Мервельдт с одной дивизией главной армии наблюдал за Кельским выходом и охранял выходы из гор Шварцвальда. Цюрихское поражение вынудило эрцгерцога покинуть Нижний Рейн и двинуться со своей армией на Верхний Дунай.

Лекурб этим воспользовался и направился к Гейльбронну, чтобы атаковать центр корпуса Старая, но был отражен и принужден переправиться обратно за Неккар. 7 ноября он снял блокаду с Филиппсбурга и занял позицию перед Гейдельбергом, имея справа Рейн, слева Неккар и прикрывая Мангейм, где имелся мост.

Немного спустя, получив кое-какие подкрепления из рейнских крепостей и доведя численность своей армии до 30 000 человек, он снова двинулся вперед. Генерал Лаборд, командуя правым флангом, обложил в третий раз Филиппсбург. Бараге-д'Илье с левым флангом маневрировал по правому берегу Неккара. Ней и Декан шли с центром через Зинсгейм к Эппингену.

Лекурб у Брухзаля разбил князя Лотарингского, пытавшегося помешать его движению, и отбросил его на реку Энц. Эрцгерцог послал генерала Старая с кавалерией и пехотой принять командование над этим обсервационным корпусом и положить предел наступательным действиям, которые беспокоили Германию. 22 ноября Старай атаковал центр французской армии и овладел Эппингеном и Штеттеном.

2 декабря жаркий бой возобновился у Зинсгейма и у Вейлера. Лекурб был снова вынужден отступить; он снял блокаду Филиппсбурга, перенес свою главную квартиру сначала в Вислох, затем в Шветцинген, примкнул правым флангом к Рейну выше Мангейма, а левым – к Неккару выше Зеккенгейма, заняв таким образом опасную позицию, с которой было трудно отступить.

5 декабря он заключил с генералом Стараем перемирие, по которому устанавливалось, что французы останутся зимовать на правом берегу Рейна. Была сделана особая оговорка о ратификации перемирия эрцгерцогом, который 11 декабря отказался его утвердить. Однако Лекурб отчасти достиг своей

цели: он воспользовался шестью днями перемирия, чтобы спокойно эвакуировать правый берег Рейна, и занял зимние квартиры между Майнцем и Ландау на левом берегу.

III

Галло-батавская [98] **армия.** Англия вела подготовку к значительной экспедиции. В Ревеле сосредоточивались русские войска. Сент-джемский кабинет не скрывал своих намерений относительно Голландии, потому ли, что хотел отвлечь внимание французского правительства от Италии и Швейцарии, или потому, что хотел предупредить оранжистов.

Английская эскадра силою в 55 военных кораблей всех классов под начальством адмирала Дункана и транспортный флот из 180 судов с погруженной на них дивизией Эберкромби в 12 000 человек отплыли из Англии. 19 августа их увидели с берегов Голландии. 21-го Батавская директория дала знать генералу Брюну, главнокомандующему галло-батавской армией, что английский адмирал предложил голландскому флоту, стоявшему на якоре в Текселе, и губернатору Гельдера поднять оранжистские флаги.

У Брюна было в строю 30 000 человек, а именно: 20 000 голландцев и 10 000 французов. 20 000 голландцев составляли две дивизии. Первая, под командованием генерала Дендельса, стояла по квартирам от Гааги до Текселя; вторая, под командованием генерала Дюмонсо, находилась во Фрисландии, с главной квартирой в Гронингене. 10 000 французов были разделены на три дивизии: одной было поручено оборонять Зеландию; две другие были расположены вдоль Рейна и Мааса от Нимвегена.

Главнокомандующий, не знавший точно намерений противника, не решился снимать войска с какого-либо пункта границы. Его могли, говорил он, атаковать на Шельде, Маасе, во Фрисландии и в Гельдере. Он ограничился тем, что приказал генералу Дендельсу сосредоточить свою дивизию у Гельдера, самого важного пункта его участка. Такой образ действий сначала, казалось, оправдывался обстоятельствами. Неприятельская эскадра ушла на несколько дней от Гельдера, но это было вызвано дурной погодой.

26 августа она снова вернулась и стала вблизи берега, в двух лье к югу от Тексельского пролива, поставив на шпринг несколько фрегатов. 27 августа на рассвете она высадила дивизию Эберкромби против дюн, нагроможденных на месте старой дамбы

под названием Зейпе-Дайк. Эти дюны высотою 9—10 туазов образовывали гласис протяжением в 100 туазов вдоль затопляемого приливом взморья. Генерал Дендельс не счел нужным занять их вершины. Он сделал распоряжение об атаке противника во фланг тотчас же, как только тот высадится.

Английские легкие части, поддерживаемые несколькими гренадерскими батальонами, высадились под прикрытием стоявших на шпринге кораблей. У них хватило времени построиться и подготовиться к бою, прежде чем они были атакованы. С левого фланга они были атакованы вяло и небольшими силами, но подверглись сильной и упорной атаке на правом фланге, где был сам Дендельс.

Однако атака была ими отражена, и после нескольких часов боя они заставили Дендельса отступить с потерею 1000 человек. Их потери достигли около 500 человек. Поскольку высадка уже совершилась, Дендельс счел невозможным удерживаться на линиях Гельдера. Ночью он очистил эту позицию и стал на Зейпе. Противником на следующий день был занят Гельдер, и там был водружен оранжистский флаг. 30-го голландская эскадра, состоявшая из девяти боевых кораблей, сдалась английскому адмиралу и подняла оранжистский флаг. На ней взбунтовались экипажи, арестовавшие адмирала Стори и всех офицеров, поведение которых делало им честь.

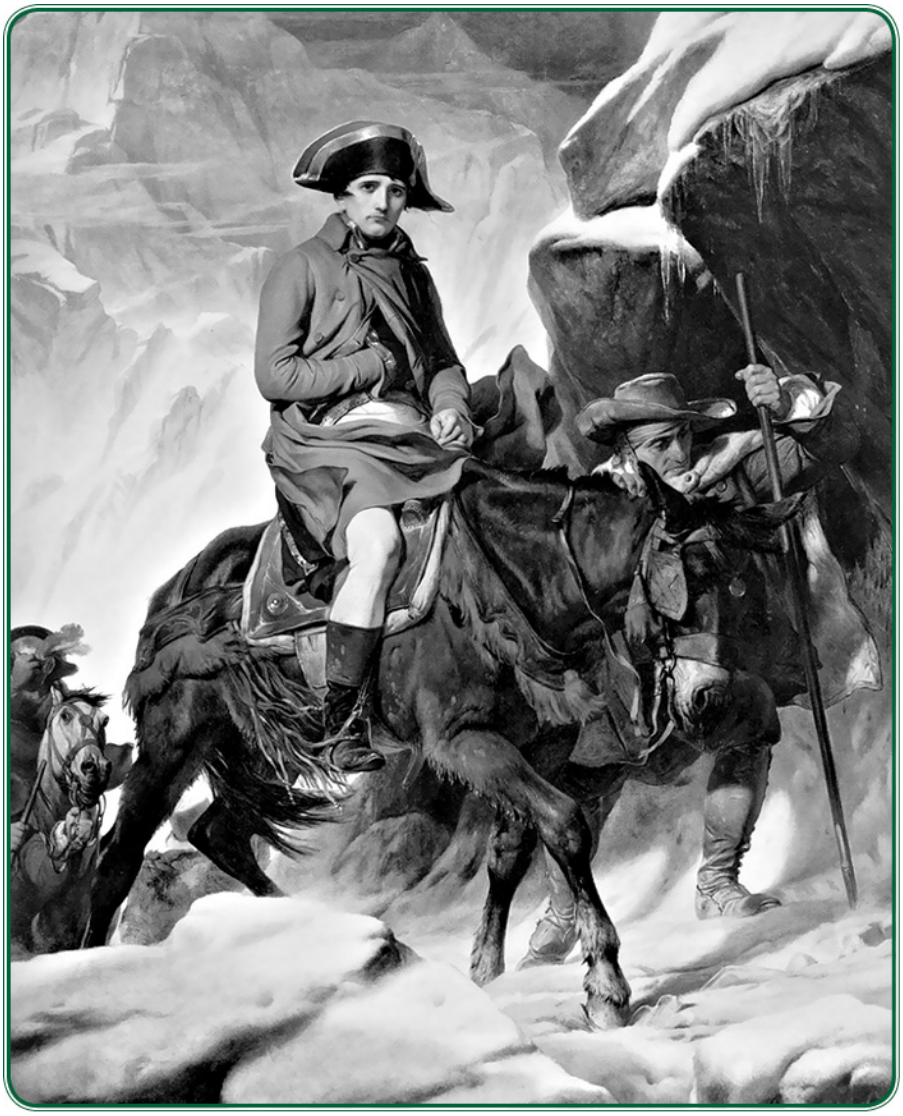
Эта измена дала сигнал к национальному движению в Амстердаме. Население этого большого города выказало сильнейшее возмущение столь подлым поведением. В провинциях стали формироваться и стягиваться к Гаарлему гренадерские и егерские батальоны. Батавская директория заявила во всеуслышание о воле нации защищать свою территорию до последней крайности, даже до потери столицы, если это окажется необходимым.

1 сентября Дендельс, обеспокоенный тем, что к нему не подходит помощь и он находится под угрозой атаки, хотел в целях обороны открыть шлюзы и затопить местность. Он отступил своим левым флангом на Алькмаар и правым на Пёрмерэнд, прикрывая Амстердам. Но Брюн, проникший наконец в намерения противника, разослал приказы выступать для сосредоточения всей армии.

Он перенес свою главную квартиру в Алькмаар, бригаду генерала Гувиона расположил на дюнах – правым флангом у канала Алькмаар, левым у затопляемого взморья. Французские батальоны, прибывавшие из Бельгии, постепенно подходили туда: из них образовалась дивизия Вандама. Дивизия Дендельса составила центр: она опиралась правым флангом на Авенгорн.

Дивизия Дюмонсо покинула Фрисландию, 6 сентября прошла через Амстердам и 8-го прибыла на позиции.

У генерала Брюна тогда оказалось под ружьем и в строю 25 000 человек. Он занял линию протяжением в 3 лье и выдвинул фланкеров до Гоорна, на Зюйдерзее. Вандам образовал его левый фланг и занимал фронт протяжением в полтора лье, до Алькмаарского канала. Дюмонсо, в центре, стоял у моста через канал Шоорльдам. Правый фланг, под командованием Дендельса, был на Удкарспельской позиции. Обе эти дивизии растянулись, таким образом, на 4000 туазов. Главная квартира и резервный парк находились в Алькмааре.



Наполеон во время перехода через Альпы

Английский главнокомандующий занял позицию на Зейпе, имея правый фланг у моря, позади Петтена, прикрываемый фланкирующим огнем с фрегатов и канонерок; центр – на уровне селения Краббендам, которое было им укреплено; левый фланг – против селений Эснигенбург и Сен-Маартен. Зейпе служила позицией для его артиллерии.

Эта позиция имела протяжение в 3 лье. Зейпе является большой дамбой, тянущейся на протяжении 1 1/4 лье вверх по правому берегу Алькмаарского канала, от его устья до селения

Краббендам. Там она делает поворот, идет параллельно морю в направлении к Текселю на протяжении 4 лье и оканчивается у Зюйдерзее.

В первые дни после высадки положение английского генерала было критическим, но с присоединением бригады в 500 человек у него оказалось 18 000 человек, включая флотский отряд. Таким образом, его армия была в течение нескольких дней наполовину меньше, чем французская, и все еще оставалась на одну треть слабее французской после прибытия второго конвоя. Это побудило генерала Брюна перейти в наступление.

10 сентября на рассвете он начал наступать шестью колоннами: две колонны правого фланга, под командованием Дендельса, – на Сен-Маартен и Эснигенбург; две центральные, под командованием Дюмонсо, – на Эснигенбург и Краббендам; две колонны левого фланга, состоявшие из французов, под командованием Вандама, направились: правая – по дамбе левого берега Алькмаарского канала, левая – по дюнам, возвышавшимся над затопляемым взморьем.

По прибытии на исходный рубеж армия растянулась на три лье. Вандам был задержан Алькмаарским каналом, идущим вдоль дамбы. Он попал одновременно под огонь с кораблей и с батарей, стоявших на Зейпе. У него не было ни понтонного парка, ни резервной батареи, и он был вынужден отойти после промера глубины канала, в котором несколько солдат утонуло. Дюмонсо и Дендельс овладели селениями, но были отражены при атаке дамбы и принуждены к отступлению. Армия вернулась обратно на свою позицию, ее не преследовали. Потери ее ранеными и убитыми достигали 1200 человек, у англичан – 500 человек.

Главнокомандующий после этой неудачи отказался от попытки форсировать неприятельскую позицию. Он с жаром принялся за работы по возведению укреплений и стал ждать подкреплений, которые ему были обещаны. 14, 15, 16 и 17 сентября высадился герцог Йоркский со второй английской дивизией и с русским корпусом под командованием генерала Германа. Он принял командование англо-русской армией, достигшей тогда численности в 40 000 человек.

Галло-батавская армия, со своей стороны, получила с 10 по 19 сентября 6000 человек из Франции и 3000 человек из Голландии; это возместило потери, которые она понесла в боях 27 августа и 10 сентября, и довело ее численность до 28 000 человек, из них 14 000 французов. Следовательно, все указывало герцогу Йоркскому, что времени терять нельзя.

Действительно, 18-го вечером он перешел в наступление. Генерал Эберкромби с 12 000 человек направился к Гоорну, чтобы

обойти правый фланг французской армии. Он вошел туда 19-го утром и взял в плен 250 батавских фланкеров, находившихся там для наблюдения. В тот же день герцог Йоркский перешел в наступление с остальной армией – шестью колоннами. Две правые, под командованием генерала Германа, были составлены из двенадцати русских и четырех английских батальонов.

Они шли между морем и Алькмаарским каналом. Две центральные колонны, под командованием генерала Дундаса, были сформированы каждая из восьми английских и трех русских батальонов. Они вышли через селение Краббендам и двинулись на позицию Дюмонсо. Обе левые колонны, под командованием генерала Пальтни, двинулись на генерала Дендельса и на Удкарспельскую позицию. Помощник генерала Ростоллан, командовавший авангардом французской дивизии, сдерживал генерала Германа в течение нескольких часов на уровне Шоорльдамского моста и отошел в полном порядке на бригаду Гувиона, занимавшую Берген.

Генерал Герман атаковал эту деревню и овладел ею, ударив в штыки. Генерал Дундас, форсировавший позиции Дюмонсо у селения Варменгюйзен, был задержан редутами, построенными у Шоорльдамского моста. Он оказался далеко позади русской колонны. Вандам воспользовался этим, чтобы окружить Берген.

Он ударил на русских в штыки, захватил у них артиллерию, знамена и взял в плен генерала Германа. Несколько других русских генералов было убито и ранено. Генерал Дендельс, который отражал до тех пор все атаки против своих укреплений, одушевленный победными криками, которые доносились до него из центра и с левого фланга, вышел из своих редутов и двинулся на генерала Пальтни.

Он был, однако, отражен со значительным уроном, потерял свою укрепленную позицию и был вынужден отступить через Лангедейкское дефиле. Герцог Йоркский, удрученный поражением дивизии Германа, отступил в свой лагерь позади Зейпе. В этот день он потерял одну пятую часть своей армии, семь знамен и 26 пушек. Потери галло-батавской армии составляли 3200 человек убитыми и ранеными.

Генерал Эберкромби тотчас же по получении известия о поражении очистил Гоорн и вернулся в свой лагерь. Эта победа подняла дух и возбудила надежды голландцев. Амстердам, угрожаемый со стороны Зюйдерзее, оборонялся национальной гвардией и 60 французскими канонерками, прибывшими между тем из Дюнкерка. Генерал Брюн, несмотря на одержанную победу, разумно продолжал укрепляться на своей позиции.

Русская резервная бригада силой в 3000 человек подкрепила

союзную армию, которая была настолько ослаблена потерями в Бергенском бою и болезнями, производившими большие опустошения, что в первых числах октября насчитывала в строю только 30 000 человек. Галло-батавская армия через несколько дней после своей победы получила 7000 французов и 3000 голландцев. В ней было 30 000 человек, и она ожидала новых подкреплений.

Герцогу Йоркскому поэтому приходилось или отказаться от своего предприятия, или снова рискнуть на сражение. 2 октября он выступил четырьмя колоннами: правая под командованием генерала Эберкромби, центральная под командованием генерала Эссена, левая под командованием генерала Дундаса, четвертая под командованием генерала Пальтни. Они были равны по силе, каждая из 12 батальонов; но обе первые состояли из войск, не бывших еще в деле или, по крайней мере, не понесших чувствительных потерь.

Эберкромби и Эссен маневрировали между Алькмаарским каналом и морем. Дундас двинулся на Шоорльдамский мост. Намерением герцога Йоркского было овладеть Эгмонтом и обойти Алькмаар по дороге в Кокиль. Это ему не удалось. Все его атаки на Берген были отражены генералом Гувионом. Русской колонне опять был причинен большой урон.

Исход этого боя, названного сражением у Алькмаара, был неопределенным; обе армии заночевали на поле сражения. Однако 3-го на рассвете Брюн приказал отступать; отступление произошло в порядке, на глазах у союзников, которые занимали Берген, Эгмонт и Алькмаар, по мере того как Брюн их очищал. 3-го вечером галло-батавская армия стала на позицию у Бевервейка, наименее растянутую и лучшую из всех. Там она была усилена шестью французскими батальонами, прибывшими из Франции.

4 и 5-го обе армии оставались одна против другой. Каждый день бездействия шел на пользу французам, получавшим все время новые подкрепления. Герцог Йоркский решился атаковать. У генерала Гувиона левый фланг был примкнут к берегу моря у Вейк-аан-Зее. Дивизия Буде находилась в центре. Дивизия Дюмонсо составляла правый фланг. Дендельс был выдвинут вперед за Пермеренд для прикрытия Амстердама.

Целый день шел жаркий бой. Позиции Баккум, Лиммен и Кастрикум несколько раз переходили из рук в руки. Победа клонилась то на одну, то на другую сторону до тех пор, пока генерал Брюн не добился ее кавалерийской атакой, чем внес расстройство в ряды противника, который смог собраться только около Эгмонта, понеся большие потери пленными и оставив шесть пушек и все свои позиции.

Тем временем дивизия Пальтни затеяла переговоры с генералом Дендельсом, поддавшимся на удочку и не принявшим никакого участия в бою. Исход этого дня, названного сражением у Кастрикума, побудил 7 октября герцога Йоркского отступить на позицию Зейпе. Его армия уменьшилась до 24 000 бойцов; французская армия, более сильная, с каждым днем увеличивалась еще больше; экспедиция не удалась.

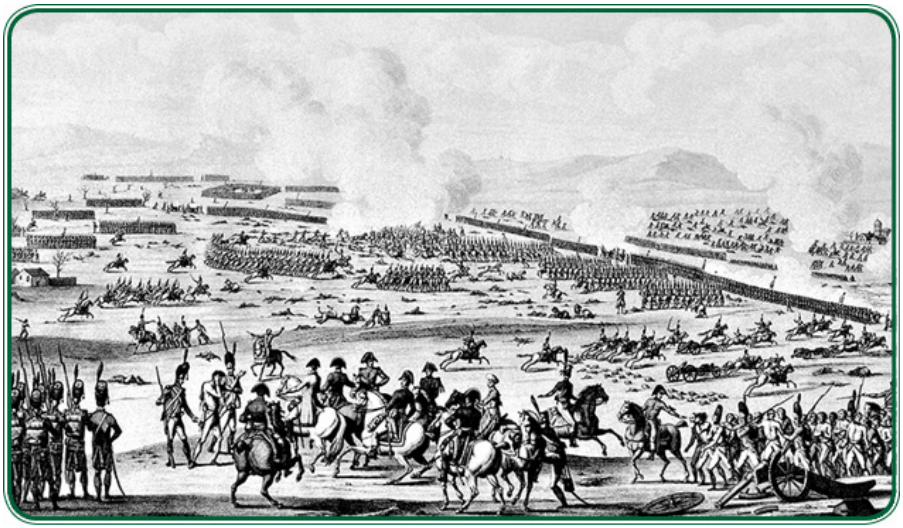
15 октября Брюн двинулся вперед. Он занял позицию левым флангом у Кампа на берегу моря, а правым перед Винкелем, на Зюйдерзее, взяв в кольцо укрепленный лагерь Зейпе, который намеревался атаковать. Но герцог Йоркский предложил капитуляцию и послал с этой целью в главную квартиру генерала Нокса, подписавшего 18 октября Алькмаарскую капитуляцию, по которой герцог обязывался в самый короткий срок эвакуировать Голландию, оставить батареи на Гельдере в полной исправности и освободить 8000 французских пленных.

Голландия обоснованно потребовала возвращения своей эскадры, но этого не добилась.

Условия конвенции были выполнены со скрупулезной точностью. 19 ноября последний эшелон англо-русской армии покинул Голландию. Эта армия из 45 000 человек прекрасных войск потерпела неудачу в столкновении с армией, слабейшей по численности и по качеству.

В течение месяца между обеими армиями произошли один бой и три сражения: 1) атака Зейпе, где галло-батавцы были многочисленнее, но англичане располагали укреплениями; это была, собственно говоря, только разведка боем, при которой все выгоды были на стороне англичан; 2) Бергенское сражение, решившее участь Голландии; англо-русская армия имела превосходство в численности на поле сражения, хотя и была ослаблена выделением Эберкромби; 3) Алькмаарское сражение, в котором обе армии имели равные силы; 4) Кастрикумское сражение, где галло-батавская армия, хотя и сильнейшая на театре военных действий, была лишь равной противнику на поле боя, потому что Дендельс был выделен для прикрытия Амстердама.

Англичане и русские – очень хорошие солдаты. Голландцы посредственны, многие из них дезертируют, но в такой стране, как Голландия, где на каждом шагу имеются выгодные и даже непреодолимые позиции, потому что повсюду можно прикрыть себя непроходимыми вброд каналами, болотами и наводнениями, оборона может успешно поддерживаться войсками, качественно уступающими противнику.



Ж. Дюплесси-Берто. Аустерлицкое сражение (2 декабря 1805 г.)

Аустерлицкое сражение стало решающим в борьбе французской армии против третьей антинаполеоновской коалиции. Совершив обходной маневр, Наполеон сумел заманить союзную армию в ловушку, заставив ее растянуть фронт и ослабить центр, создавая видимость возможности быстрого окружения своей армии. В наступление на Праценские высоты со строны французских войск было брошено более 50 тысяч человек, которым противостояли 3,5-тысячный отряд русской гвардии, оказавший героическое сопротивление. Однако в конце концов русские отступили, и, заняв Праценские высоты, Наполеон направил удар главных сил на левое крыло союзников, охватив его с фронта и тыла. Правое крыло союзной армии под командованием Багратиона оказало жестокое сопротивление, но вынуждено было отступить. Императоры Александр и Франц бежали с поля боя задолго до окончания сражения. Раненый Кутузов едва спасся от плена.

IV

Итальянская армия. После сражения на реке Треббия австро-русская армия разделилась. Дивизия Фрелиха была

послана в Рим. Дивизия Кленау заняла Тоскану и Специю, выдвинув авангард к Сестри, чтобы угрожать Генуе с востока. Две дивизии блокировали и осадили Алессандрию и Тортону. Одна дивизия обложила Кони. Четыре дивизии были выделены в итальянские округа у подножия Сен-Готарда и Симплона, в долину Аосты у подножия Сен-Бернара, в долину Суза у подножия Мон-Сениса. Шесть дивизий стояли в обсервационном лагере Поццоло-Формигаро, напротив Нови, прикрывая осаду Тортоны и Алессандрии.

9 июля капитулировал форт Урбино. 22-го Алессандрия барабанным боем подала сигнал о сдаче. Гарнизон в 2700 человек сдался в плен. Это была крепкая цитадель. Осада едва начиналась, но так как один фас одного из бастионов обрушился в результате попадания нескольких ядер в верхний край эскарпа, а также были повреждены рвы и равелины, то совет обороны заключил, что проделана брешь, и счел себя вправе капитулировать.

Эта крепость могла продержаться еще несколько недель. 30 июля Мантуя также открыла свои ворота всего лишь через семь дней после заложения траншей. Это позволило войскам Края выступить в лагерь Поццоло-Формигаро для усиления находившихся там войск. Известие о сдаче Мантуи вызвало во Франции негодование. После того как капитуляция была подписана, осаждающая армия, гарнизон и жители объединенными усилиями стали восстанавливать размытые водой дамбы, обеспечивавшие оборону крепости.

Эти три неожиданных события улучшили положение австро-русской армии.

Соединение Неаполитанской армии с Итальянской и прибытие подкреплений из Франции довели численность армии Жубера до 60 000 человек. Одновременно генерал Шампионе принял в Гренобле командование Альпийской армией численностью 30 000 человек. Обе эти армии вместе могли выставить 70 000—80 000 человек.

13 августа Жубер перенес свою главную квартиру из Кампо-Мароне в долину Бормиды. Его армия состояла из четырех дивизий, по три бригады в каждой. Он ее разделил на два корпуса: дивизии Ватрена и Лабуасьера, под командованием Сен-Сира, выступили из корнильянского лагеря, перевалили через Бокетту и построились в боевой порядок правее Нови на последних отрогах Апеннин, господствующих над всей равниной. Дивизии Лемуана и Груши, под командованием генерала Периньона, образовали левое крыло; они вышли к Акви, повели сильную атаку на корпус Бельгарда и оттеснили его. 14-го ими

была занята позиция, примыкавшая левым флангом к селению Пастурана; правый фланг был расположен в направлении на Нови.

Главная квартира оставалась в Капри. Главнокомандующий вечером отправился в Нови, где собрал военный совет. Суворов, предупрежденный движением Периньона, успел собрать свою армию, которую расположил левым флангом у реки Скривия, правым – в Боско, с главной квартирой в Поццоло-Формигаро. Жубер узнал о взятии Мантуи и о прибытии Края.

Сражение казалось ему бесцельным, и все генералы единодушно сочли, что давать его не следует. В армии недоставало кавалерии, чтобы спуститься на равнину и использовать успехи, каких могла добиться пехота. Он отложил окончательное решение до следующего дня, но противник упредил его и атаковал.

Правый фланг Суворова под командованием Края и левый фланг под командованием Меласа состояли из австрийцев, центр – из русских. Эта армия была на одну пятую сильнее пехотой, чем французская, и в три раза превосходила ее численностью кавалерии. 15 августа на рассвете Край атаковал левый французский фланг у Пастураны. Жубер спешно направился туда. Его армия была расположена неудобно для принятия сражения: она вытянулась в одну линию на расстоянии больше чем 6000 туазов, от селения Пастурана до реки Скривия.

Он стал во главе одной бригады на левом фланге и двинулся на противника с целью остановить его. Одна из первых пуль поразила, однако, Жубера в сердце. Он упал мертвым. Моро, находившийся еще при армии, принял командование над ней и в течение всего дня отражал натиск Суворова. Три раза русские наступали на Нови, чтобы овладеть этим городком, и три раза были отражены. При третьей атаке генерал Ватрен покинул свою позицию, спустился на равнину, охватил их левый фланг, опрокинул его и преследовал на протяжении трех четвертей лье.

Мелас воспользовался движением вперед дивизии Ватрена и спешно двинулся на позиции, с которых тот сошел. Генерал Люзиньян с авангардом выдвинулся вперед на шоссе из Нови в Геную и закрыл его для французской армии. Сен-Сир тотчас же бросился туда, атаковал и разбил Люзиньяна, захватив его самого в плен. Мелас, однако, не пал духом. Ватрен не смог вновь занять позицию. Было 5 часов вечера.

Моро распорядился начать отступление и повел его, удлинив боевую линию влево и по дороге из Пастураны в Гави. Генерал Периньон с дивизией Груши прикрывал отступление. Ночью он находился еще перед Пастураной, сдерживая натиск противника,

но, наконец, окруженный со всех сторон и раненый, был взят в плен, так же как Груши и Колли. Половина парков и обозов попала в руки победителя. Армия собралась у Гави и заняла свои прежние позиции. Потери австро-русской армии были огромны. До момента отступления они вдвое превосходили потери французов.

Шампионе начал свое движение 13 августа. Дивизия Кампана перевалила через Малый Сен-Бернар, штурмом овладела тирольским лагерем и заняла долину Аосты. Другая дивизия спустилась с Мон-Сениса и стала у Сузы. Третья дивизия спустилась в долину Аосты; четвертая прошла через Аржентьерский перевал и овладела Баррикадами.

Но эти передвижения запоздали. Когда Суворов узнал о них, сражение у Нови уже решило судьбу кампании. 16 августа Суворов перенес свою главную квартиру в Асти. Край остался командующим войсками лагеря Поццоло. Мелас направился на Бра, наблюдая за блокадой Кони. После этого русская армия двинулась в Швейцарию согласно общему плану войны, принятому коалицией.

Из всех крепостей, которыми французы владели в Италии, у них оставались только Тортона и Кони. Все остальные сдались. Тортона объявила о сдаче 1 сентября. Сошлись на том, что она откроет свои ворота 11-го, если до этого числа не прибудет выручка. Моро, временно командовавший Итальянской армией, решил спасти эту крепость: 9 сентября с 30 000 человек он направился к Серравале и Нови.

Край тотчас же атаковал его обсервационной армией и оттеснил. Моро, потерпев неудачу, занял свои прежние позиции, и 11 сентября Тортона открыла свои ворота. Ключи были вручены Суворову, который непосредственно за тем отправился на почтовых для присоединения к своей армии, уже подошедшей к подножию Сен-Готарда. Мелас принял командование армией.

Шампионе перешел в наступление своими четырьмя дивизиями, чтобы помочь операциям Моро. Дюгем из Аосты направился на Шатильон. Он был остановлен фортом Барда. Только легкие войска прошли через перевал и приблизились к Иврее. Сузская дивизия подошла на несколько лье к Турину, но там была задержана.

Шампионе перенес свою главную квартиру в Пиньероль, вступил на равнину и с 8000–9000 человек прошел вперед к Фоссано на реке Стура. Это заставило Меласа снять блокаду Кони. Край, разбив Моро, тотчас же поспешил на помощь Меласу. Соединившись, они двинулись на Фоссано, 18 сентября разбили Шампионе и отбросили его за Альпы. После этого Край

возвратился в Поццоло, а Мелас – в свою главную квартиру в Триниту, в трех лье от Кони, причем он снова обложил эту крепость. Директория объединила наконец Альпийскую и Итальянскую армии, вверив командование Шампионе, прибывшему в Геную 20 сентября.

Он разделил свои войска на три корпуса: Сен-Сир командовал правым флангом, силой в 15 000—16 000 человек, и ему было поручено оборонять Бокетту, Геную и ущелья Бормиды; Дюгем с левым флангом, составленным из всех частей, имевшихся в наличии в Альпийской армии, то есть с 12 000– 15 000 человек, расположился в Бриансоне. С центром, образованным из дивизий Лемуана, Виктора, Мюллера и Гренье, силой около 25 000 человек, Шампионе двинулся вперед за Кони, чтобы помешать Меласу вести осаду этой крепости – единственной оставшейся у французов в Италии; сохранение этой крепости было для них очень важно. Намерением Шампионе было также зазимовать на равнинах Пьемонта, чтобы можно было с началом весны возобновить наступление, не переходя Альпы.

Мелас упорно продолжал осаду Кони, но ему пришлось в этом раскаяться: его линии между Стурой и Пезио были форсированы. Он был разбит у Виллановы, у Мондови и у Карру, был вынужден очистить весь правый берег Стуры и покинуть свою главную квартиру в Трините. Свою армию он собрал на левом берегу Стуры.

Со своей стороны, Дюгем спустился с горы Женевр, овладел Пиньеролем и Салуццо. Шампионе, чтобы облегчить соединение с ним, выступил из Кони, двинулся 3 ноября на Савильяно с дивизиями Гренье и Мюллера, оставив дивизию Лемуана в Карру на правом берегу Стуры, и приказал Виктору двинуться из района Мондови на Фоссано, чтобы переправиться там через Стуру и присоединиться к армии. Фоссано было ограждено от захвата врасплох.

Мелас собрал все свои силы между этим городом и Маренном. 4 ноября на рассвете он двинулся тремя колоннами на Савильяно. Дивизия Гренье, атакованная дивизиями Отта и Митровского, не могла сопротивляться. Она была отброшена на Кони. Виктор по прибытии к Фоссано был атакован дивизиями Эльсница и Готтесгейма. Дюгейм прибыл к Савильяно только через четыре часа после того как был отброшен Гренье. Он оказался в тылу у противника.

После двух часов колебаний он отступил сначала на Салуццо. Атакованный на этой позиции генералом Каймом, он продолжал свое отступление на Пиньероль и перевалил обратно через гору Женевр. Шампионе собрал дивизию Гренье в Труччи, дивизию

Виктора – в Мороццо. Дивизия же Лемуана оказалась отрезанной от Кони. Некоторые из ее полков были вынуждены сложить оружие. 6 ноября Эльсниц взял лагерь Мадонна-дель-Ольмо у подножия Тендского перевала.

Гренье укрылся в лименском лагере, где был атакован. 12-го он очистил Ормеа и Понте-ди-Наву. 16-го генерал Соммарива занял Аржентьерский перевал. 15-го Провера вступил в графство Ницца. Несчастный бой 4-го числа, названный сражением у Женола, обошелся французам в 8000–9000 убитыми и ранеными и всех привел в уныние. Армия, отброшенная за Альпы и Апеннины, оказалась разделенной на три части.

Шампионе последовательно перенес свою главную квартиру в Пьетру и в Соспело. Мелас осадил Кони, держа обсервационные корпуса на Тендском перевале и у Мондови, и расположил свою главную квартиру в Борго-Сан-Далмаццо. 5 декабря Кони открыл свои ворота. Гарнизон численностью в 2600 человек сдался в плен.

Передвижения Сен-Сира в направлении Генуи были приостановлены Краем, а все атаки, какие Кленау, выйдя из Специи, пытался вести против Генуи, были отражены Сен-Сиром. 15 октября Кленау двинулся на Рекко, в 4 лье от Генуи, увязав свою операцию с Нельсоном, имевшим на своих кораблях десантные войска.

Генерал Миоллис овладел позициями у Рекко, разбил Кленау и отбросил противника за реку Магра, захватив несколько тысяч пленных. Освободившись таким образом от Кленау, Сен-Сир перешел через Бокеттский перевал, двинулся на Нови и отбросил от Ривальты дивизию Карачая, но 2 ноября спешно прибыл Край и двинулся на Акви, чтобы помочь действиям Меласа. 3, 4 и 5 ноября он отбросил Сен-Сира от Ривальты и вытеснил его из Нови, который тот занимал. 6-го Кленау двинулся снова вперед. Он был отброшен за Магру генералом Арно.

В декабре Край возымел надежду изгнать французов из Генуи, но, остановленный бокеттской заставой, он приказал Кленау двинуться вперед и атаковать правый фланг этой позиции. 21 декабря этот генерал атаковал и оттеснил Арно и овладел Торрильей. Положение Сен-Сира сделалось критическим. 14-го он сам атаковал противника, отогнал его за Магру и взял несколько тысяч пленных.

В это время им были получены значительные подкрепления: часть войск, дравшихся у Женолы, а также войск Альпийской армии, которые в это время года были не нужны для охраны высоких гор, прибыли в Геную. Мелас тогда же понял, что ему нельзя выполнить свое намерение, не начав новой кампании. Он

решил уйти на зимние квартиры и дать отдых войскам, предполагая открыть военные действия в первых числах февраля. Обе армии расположились на зиму.

Французы на Генуэзской Ривьере занимали ЛаБокетту, Апеннинский хребет до Альп и Альпийский хребет до Большого Сен-Бернара; австрийцы занимали Пьемонт, долину Аосты, Сузу, Пиньероль и т. д. и позиции со стороны Италии ниже главного хребта. Французы испытывали лишения на Генуэзской Ривьере из-за недостатка перевозочных средств и фуража. В госпиталях началась эпидемия; наступил полнейший упадок духа. Некоторые полки бросали свои позиции и уходили за реку Вар.

Только воззвания первого консула, его имя, помощь всякого рода, которую он присылал, смогли приостановить разложение. Армия реорганизовалась. Вместо того чтобы открыть кампанию в феврале, Мелас начал ее только в апреле, как это будет видно при изложении кампании 1800 г., настолько же славной для Франции, насколько кампания 1799 г. была для нее пагубной.

Шампионе умер от горя и тревог в начале февраля. Уроженец Баланса в Дофине, он отличился в Самбро-Маасской армии, где его дивизия была одной из главных. Там он проникся ложными принципами ведения войны, которые лежали в основе планов Журдана. Он был храбрым, усердным, предприимчивым, преданным родине. Он был хорошим дивизионным генералом, но посредственным главнокомандующим.

10 февраля Массена прибыл в Геную, чтобы принять там командование армией.

V

Первое замечание. План кампании коалиции.

1. План, состоявший в том, чтобы действовать четырьмя армиями в Италии, в Швейцарии, на Рейне и в Голландии, объединяя по возможности в каждой армии войска одной и той же национальности, сам по себе был хорош. Но к его исполнению следовало приступить либо в начале, либо в конце кампании. Во время пребывания на зимних квартирах передвижения проводятся без затруднений, у штабов есть время изучить местность, знать которую очень важно.

Ж. Жирбаль. Бой мамелюков и конных егерей Императорской гвардии с кавалергардами в ходе Аустерлицкого сражения

2. Русских следовало послать на нижний Рейн, поручив австрийцам Швейцарию и Италию. Русские не приспособлены для действий в Италии.

3. Вторжение в Голландию с 45 000 человек удалось бы, если бы войска действовали вместе и, высадившись в один и тот же день, без промедления двинулись на Амстердам. Герцог Йоркский вошел бы в эту столицу на той же неделе. Но так как 15 000 человек из армии высадились на 21 день раньше, чем 30 000 других, то не было возможности надеяться на что-либо хорошее от такой ошибочной комбинации, и одного этого было почти достаточно, чтобы экспедиция не удалась. Сент-джемскому кабинету не повезло, когда он принял такую комбинацию.

4. Движение эрцгерцога к нижнему Рейну было преждевременным. И не опасности, которым могли подвергнуться Филиппсбург и Германия, повлияли на его решение, а желание не опоздать и вовремя поддержать действия армии герцога Йоркского. Потеря Швейцарии и поражение Корсакова были следствием ошибочного маневра эрцгерцога. Эти события должны быть, следовательно, отнесены на счет англичан. Таким образом, в 1799 г., как и в 1800 г., вмешательство их армии погубило коалицию.

5. Альпийскую и Итальянскую армии надлежало бы объединить под командованием одного и того же начальника. Отсутствие взаимодействия между этими двумя армиями оказалось гибельным. Планы, принимаемые в Париже, противоречили всем правилам военного искусства.

Так как военное искусство является искусством исполнения, то все сложные комбинации должны быть отброшены. Простота есть первое условие хорошего маневра. Лучше сделать тремя или четырьмя переходами больше и собрать свои колонны позади и дальше от противника, чем производить их сосредоточение у него на глазах.

Второе замечание. Массена; Лекурб.

1. После ухода Бельгарда в Италию Гельветская армия французов все время была более сильной, чем австрийская. Массена следовало воспользоваться большими успехами своего правого фланга 14, 15 и 16 августа. Победа Массена была бы обеспечена, если бы он приказал Лекурбу маневрировать на правом берегу Линта и Цюрихского озера, остальную же свою армию сосредоточил на Лиммате и переправился с нею через эту реку. Он разбил себе нос о цюрихские укрепления; очевидно, что для разгрома австрийцев до прихода русских следовало бы переправиться через Лиммат.

2. В Нижнерейнской армии Лекурб перешел Рейн с 20 000 человек. Он обложил Филиппсбург. Чего он хотел? – Взять Филиппсбург! Но, во-первых, у него не было осадного парка; во-вторых, эта осада продолжалась бы 30–40 дней, а наступила уже поздняя осень; в-третьих, он не мог надеяться на захват такой важной крепости с помощью столь недостаточных сил, в четырех переходах от всей армии эрцгерцога.

Следовало предварительно прогнать последнего не только из Донауэшингена, но даже из Ульма и отбросить за Лех. Для того чтобы взять эту крепость, нужно было по старому обычаю прикрыться контрвалационными линиями. Этого он не сделал. Эрцгерцога можно было отбросить за Лех только во взаимодействии с Гельветской армией, а в этом случае было бы лучше, чтобы Нижнерейнская армия, вместо операций на крайнем правом фланге эрцгерцога Карла, в 50 лье от Гельветской армии, действовала, не отрываясь от главной армии.

3. С 10 октября по 15 ноября, в течение 35 дней, Массена бездействовал, а тем временем Лекурб, хотя и потерпевший неудачу, которая вынудила его снять осаду Филиппсбурга, начал действовать вовсю и стал драться ради драки с противником, обладавшим двойным превосходством в силах. Он легкомысленно рисковал быть сброшенным в Рейн или в Неккар. Все ему

подсказывало оставаться спокойно на левом берегу Рейна, чтобы увеличить свою армию, переформировать и дисциплинировать ее.

Если ему хотелось во что бы то ни стало произвести диверсию, то для этого не нужно было блокировать Филиппсбург или вторгаться в Германию с малыми силами. Он добился бы своего, основательно укрепившись на одном из пунктов правого берега, перед Келем или перед Мангеймом, соорудив здесь укрепленный лагерь сначала на 20 000, а затем на 30 000—40 000 человек. Это обеспокоило бы эрцгерцога Карла, облегчило бы операции Гельветской армии и держало бы всю Германию в тревоге.

Подобный род диверсии сходен с методом ведения войны Массена, который после Цюрихского сражения перешел к обороне. Когда главные силы неподвижны, отдельный и второстепенный отряд должен производить диверсию путем активных действий или вторжения. Он должен согласовать свой образ действий с главными силами и оказывать воздействие на театр военных действий своим поведением в обороне, заняв позицию, которая сама по себе была бы угрожающей.

Хорошо организованная армия может нарыть в течение трех дней столько земли, накопать таких хороших рвов, окружить себя столькими палисадами, частоколами, рогатками и т. д., столько свести в батареи артиллерийских орудий, что сделает свой лагерь неприступным. Армия в 20 000 человек может без помощи крестьян в три дня вырыть 30 000– 40 000 кубических туазов земли. Первый профиль Вобана требует только 2 1/2 кубических туазов земли на 1 линейный туаз. Около Рейна генерал Лекурб мог бы с успехом использовать воду и лесной материал.

Третье замечание. Голландия; герцог Йоркский.

1. Генерал Эберкромби около 20 дней занимал позицию Зейпе, сначала с 12 000 человек, затем с 17 000. Его целью было: 1) прикрыть проход тексельского рейда, где должны были высаживаться остальные дивизии армии; 2) открыть английским эскадрам и флотилиям вход в Зюйдерзее и распространить панику до самого Амстердама. Но для достижения этой цели ему не было необходимости выдвигаться на Зейпе. 10 сентября он был атакован галло-батавской армией силою в 25 000 человек.

Если бы его разбили, ему трудно было бы добраться до Гельдера, и все планы Лондонского и С.-Петербургского кабинетов были бы опрокинуты. Этот генерал своим образом действий еще больше усугубил недостатки плана кампании. Тотчас же после своей высадки он должен был занять позицию на линиях Гельдера, построить редуты на дюнах Морлана и прикрыть себя затопляемой местностью и канонерскими лодками.

Тогда его нельзя было бы одолеть. На этой позиции, под защитой огня своей эскадры, он держал бы в своей власти вход в Зюйдерзее. Под его прикрытием смог бы высадиться герцог Йоркский. Только тогда, собрав свою 40-тысячную армию, ему следовало двигаться вперед.

2. Галло-батавской армии 10 сентября не удались атаки на Зейпе. Если и случается иногда, что 17 000 человек разбивают 25 000, то это не оправдывает безрассудства тех, кто без оснований вступает в такой бой. Когда армия ожидает подкреплений, долженствующих утроить ее силы, она не должна ничем рисковать, чтобы не поставить под угрозу успех, которого обязательно достигнет после сосредоточения всех дивизий.

Однако если бы генерал Брюн энергично атаковал Зейпе, он добился бы своего. Всякая отступающая армия может быть атакована только тогда, когда ее положение хорошо разведано. Галло-батавская армия, следовательно, должна была 10 сентября занять позицию на расстоянии пушечного выстрела от Зейпе. Это движение закончилось бы к полудню.

Ее главнокомандующий должен был употребить остаток дня и следующий день на разведку, на обдумывание и разработку своего плана атаки, на инструктирование генералов и командиров колонн, на заготовку фашин, настилочных досок, мостов, инструмента. В таком случае он узнал бы, что правый фланг противника, между морем и селением Краббендам, на протяжении более 3000 туазов является самой сильной частью позиции, так как у подножья дамбы Зейпе протекает широкий и глубокий канал Алькмаар; что этот город[99] можно было обстреливать с фрегатов и канонерок фланкирующим огнем; что от селения Краббендам до селения Сен-Маартен 13 1/2 лье и, наконец, от Сен-Маартена до больших затопляемых полей Зюйдерзее – 2 лье.

Угрожая правому флангу, нужно было атаковать на самом деле только около Сен-Маартена тремя линиями, в 200–300 туазах одна от другой. Противник, захваченный врасплох на рассвете таким сосредоточением сил, не мог бы оказать никакого серьезного сопротивления. Видя, что его крайний левый фланг прорван и обойден, угрожаемый с тыла, противник со всей поспешностью отступил бы на Гельдер, вынужденный вести бой на марше.

Начальник артиллерии галло-батавской армии должен был выставить для этой операции восемь или десять 12-фунтовых и гаубичных батарей помимо обычного артиллерийского вооружения армии, чтобы атаке предшествовала сильная канонада и были приведены к молчанию полевые орудия

противника.

Начальник инженерной части должен был доставить: 1) значительное число судов и других средств для наводки ряда мостов через каналы в течение нескольких часов; 2) инструменты и мешки, необходимые для быстрого устройства ложементов на дамбе и для всяких других работ, какие потребуются в зависимости от обстоятельств. Если бы генерал Эберкромби занял позиции на Гельдере, он избежал бы тех трудностей, с которыми ему пришлось встретиться

3. Герцог Йоркский проиграл Бергенское сражение, которое он должен был выиграть, потому что накануне, с целью обхода галло-батавской армии, он выделил Эберкромби к Гоорну с 15 000 человек, то есть третьей частью своей армии. 19-го во время сражения Эберкромби находился в 7 лье от линии огня, у Гоорна.

Все правила войны осуждают подобное выделение частей из состава армии и особенно в таких странах, как Голландия, где одна разрушенная дамба представляет непреодолимую преграду между выделенным отрядом и армией. В результате получилось, что, имея 40 000 человек, герцог Йоркский дал сражение только с 25 000 человек, то есть силами, равными или даже меньшими, чем те, которыми располагала галло-батавская армия. Если бы он поставил Эберкромби на правом, а не на левом фланге, во второй линии позади Германа, он ночевал бы через несколько дней в Амстердаме и водрузил бы там оранжистский флаг.

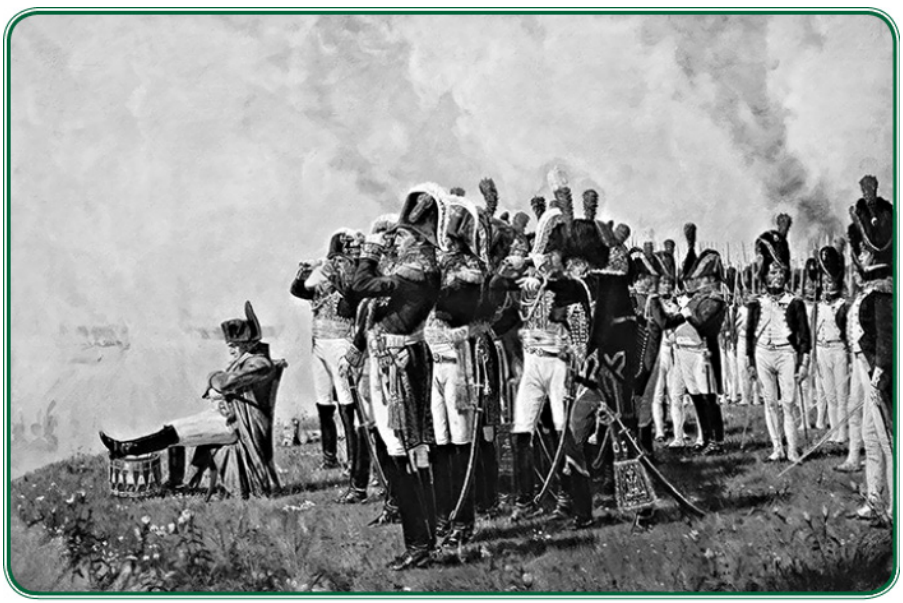
4. Во время сражения три атакующие колонны – Германа, Дундаса и Пальтни – были отделены одна от другой естественными преградами, и по мере того как русский генерал Герман продвигался вперед, его положение становилось все более тяжелым, так как Алькмаарский канал, отделявший его от остальной армии, постепенно удаляется от моря. В конце концов у этого генерала оба фланга оказались открытыми, и он не мог 16 батальонами прикрыть 3 лье пространства между морем и Алькмааром.

Центр и левая колонна армии не могли выдвинуться вровень с ним вследствие наличия каналов и других местных препятствий, благоприятствовавших сопротивлению галло-батавцев. Вместо следования этой ошибочной диспозиции герцогу Йоркскому надо было маневрировать тремя дивизиями, эшелонировав их, имея: дивизию Германа впереди, примыкающей к морю; дивизию Дундаса в центре, позади; дивизию Пальтни еще более сзади, примыкающей левым флангом к каналу.

С подходом Германа на уровень Бергена левый эшелон прибыл бы на уровень селения Шоорльдам. Герман вошел бы в Алькмаар до 9 часов утра, захватив главную квартиру

французской армии и ее парки и перехватив пути сообщения. Ужас и беспорядок распространились бы в центре и на левом фланге, где командовали Дюмонсо и Дендельс, которые поспешно бросились бы отступать по пересеченной местности, тогда как ружейный и пушечный огонь Германа велся бы уже в двух лье на их тылах.

5. Эгмонтское и Кастрикумское сражения были бесполезны: участь кампании решилась Бергенским сражением, французская армия получила много подкреплений, большое число батальонов находилось в пути. Массена 24 сентября разбил у Цюриха главную армию союзников, и это вынудило эрцгерцога покинуть Нижний Рейн и отступить на Дунай. Между тем без австрийской армии на Нижнем Рейне англо-русская армия не могла бы удержаться в Амстердаме; она оказалась бы там под ударом. В Эгмонтском сражении герцог Йоркский лучше управлял войсками, но было уже слишком поздно.



В. В. Верещагин. Наполеон на Бородинских высотах. *1897 г.*

После разгрома русских войск в битве под Фридландом в июне 1807 г. император Александр I заключил с Наполеоном Тильзитский мир, который обязывал Россию присоединиться к континентальной блокаде Англии. С этого времени французские войка придвинулись вплотную к границам Российской империи.

Однако отношения между Наполеоном и Александром I оставались напряженными. В начале 1812 г. Наполеон заключил союзные договоры с Пруссией и Австрией, которые обязались выставить против России войска. Обе стороны самым серьезным образом готовились к войне. 22 июня Наполеон написал воззвание к войскам, в котором обвинил Россию в нарушении Тильзитского соглашения и выдвинул одним из лозунгов освобождение Польши.

В 2 часа ночи 24 июня 1812 г. Наполеон приказал начать переправу на русский берег Немана. Так началась русская кампания, ставшая началом конца французской империи. Несколько месяцев французская армия продвигалась вглубь России без решительного сражения. Русская армия отступала, давая лишь арьергардные бои.

29 августа 1812 г. армия перешла под единоличное командование Кутузова. Наполеон в это время был уже в Вязьме. Кутузову необходимо было дать сражение, хотя оно требовалось не с военной, а с политической точки зрения. И сражение было дано. 7 сентября (26 августа по старому стилю) у деревни Бородино, в 124 км западнее Москвы, произошло крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 г. — Бородинская битва.

Четвертое замечание. Голландия; Брюн.

1. Генерал Брюн потерял десять последних дней августа в досадных колебаниях. Чтобы принять решение, он выжидал более надежных сведений о намерениях противника. Он считал, что лучше действовать медленно, чем действовать плохо и наобум. Такая осмотрительность была тут неуместна: не могло быть никакого сомнения относительно пункта, где будет иметь место атака англичан. Им хотелось захватить Голландию; они могли это сделать, лишь овладев Зюйдерзее, а для этого им нужен был

Гельдер.

В самом деле, Голландия – открытая равнина, имеющая форму ромба, в четырех углах которого лежат Флиссинген, Тексель, Дельфзейль и Нимвеген. Сторона Тексель – Флиссинген имеет 45 лье; Флиссинген – Нимвеген – 35; это дает 1575 кв. лье пространства, из которого 400–500 кв. лье приходится на внутреннее море, именуемое Зюйдерзее. Голландия лежит при слиянии Шельды, Мааса и Рейна.

Воды этих трех больших рек смешиваются благодаря наличию широких рукавов, и сообщение между ними ведется по большому числу каналов. Пресные воды отделяются от океана системой тщательно устроенных шлюзов, которые во время отлива позволяют этим водам стекать в море, а во время прилива задерживают морские волны и не дают им затоплять страну, ибо большая часть Голландии находится ниже уровня морских приливов, и если бы она не была защищена дамбами и шлюзами, то покрывалась бы морской водой два раза в сутки.

Батавия составляла часть Галлии; географически она является частью Франции. Шельда отделяет ее от Нидерландов, Эмс – от Германии. Это естественное складочное место на пути с севера на юг Европы по большим артериям: Рейну, Маасу, Шельде и Эмсу, через порты Флиссинген, Роттердам и Амстердам. Последний город долгое время был столицей торгового мира.

Бельгийское зерно и уголь, плоты и леса с Рейна и его притоков были главными источниками богатства Голландии и образовали естественные и составляющие ее особенность отрасли торговли. Маас и Рейн, ее границы с Францией превращены инженерным искусством в грозные преграды. Наиболее удобной военной дорогой для входа в Голландию французских армий является дорога на Нимвеген и Утрехт.

Со стороны моря Голландия может быть атакована по Шельде, Маасу и Зюйдерзее. Армия, высаживающаяся на Шельде, задерживается сначала Флиссингеном, фортом Бат и Бероп-Зоомом. При этом нужно преодолевать рукава Восточной Шельды и Мааса. Если высадка произойдет на Маасе, то армия будет остановлена крепостями Гельветс-Люис, Бриелль и несколькими рукавами Мааса.

От Мааса до Гельдера берег низкий, окаймленный дюнами, без всяких признаков рейда, бухты или порта. Для овладения Голландией нужно овладеть Амстердамом, и всякая армия, имеющая подобное намерение и прибывающая морем, не имеет иного выбора и должна отправиться на Гельдер. Овладев этим местом, она овладеет Тексельским проходом и всем Зюйдерзее.

Зюйдерзее представляет собой внутреннее море с

многочисленными портами, в которые выходят каналы, сообщающиеся со всеми пунктами Голландии. Оно омывает стены Амстердама. Суда, сидящие глубже 16 футов, плавают на нем с трудом. Это обстоятельство побудило голландских инженеров-конструкторов придавать своим кораблям и фрегатам округлые формы с осадкой только на 16–18 футов. Это самое большое из всех неудобств; оно лишает их быстроходности.

Корабли голландской конструкции не способны больше бороться против кораблей французской и английской постройки. С амстердамских верфей, где строятся боевые корабли, приходится переправлять остовы судов в порты Медемблик или Ниве-Дип и там завершать их оснащение. В то время, когда Голландия входила в империю, на амстердамских верфях закладывались 74– и 80-пушечные корабли французского образца с осадкой на 23–24 фута.

Их также переправляли в Ниве-Дип и Гельдер на понтонах. Ниве-Дип рассматривался императором как ключ к Голландии, который надо обеспечить прочной крепостью, прикрыв ею арсенал и верфи и закрыв кораблям неприятеля Тексельский проход, вход в Зюйдерзее и рейд. По другим проходам малые суда свободно проходили в Зюйдерзее, но фрегаты и 74-пушечные корабли могли туда проникнуть только по Гельдерскому проходу, идя вдоль суши.

Со времени завоевания Голландии в 1793 г. было осознано значение Гельдера, но французские и голландские инженеры последовали ошибочной системе. Они возвели в этом пункте укрепления такого огромного протяжения, что для их обороны потребовалась бы целая армия. Такая армия, выставленная против неприятеля, владеющего морем, произведшего высадку и захватившего Тексель, была бы окружена и вскоре вынуждена капитулировать.

В 1811 г. император распорядился соорудить небольшой шестиугольный форт Ласалль, прикрытый рвами, наполненными водой, и затопляемой местностью; он обошелся в 1–2 миллиона. Форт защищал со стороны суши многочисленные береговые батареи, расположенные на крайней оконечности Гельдера для защиты прохода на рейд и эскадры.

В 1814 г. отличный адмирал Верюель с 700–800 французами заперся в этом форту и продержался там несколько месяцев, господствуя над проходом и рейдом, хотя внутренние восстания привели к отпадению Амстердама и остальной Голландии. Будь этот форт возведен на 20 лет раньше, две голландские эскадры, взятые англичанами или сдавшиеся им, были бы спасены.

В 1799 г. этого форта, однако, не существовало. Линии

Гельдера не значили ничего в случае высадки с юга, дававшей возможность обойти их. Следовательно, именно около Гельдера должна была высадиться английская армия, чтобы овладеть сначала линиями и батареями, защищавшими проходы, так как вследствие этого она с первых же минут приобрела бы господство над Текселем и стоявшей в Зюйдерзее голландской эскадрой.

Голландский адмирал не имел возможности укрыться в Амстердамском порту, потому что для этого ему пришлось бы разоружить свои корабли и поставить их на понтоны. Следовательно, галло-батавский главнокомандующий, как только Голландская директория прислала ему извещение, что английский флот с десантными исками показался у Гельдера, должен был немедленно перенести свою главную квартиру к Гельдеру и быстро направить туда дивизии Дендельса, Дюмонсо и Вандама. Они могли прибыть туда 27-го и сбросить в море авангард Эберкромби в момент его высадки. Таким образом были бы спасены Гельдер и эскадра, а результаты экспедиции свелись бы к нулю.

2. Генерал Дендельс прибыл 25-го в Гельдер со своей дивизией силой в 10 000 человек. У него имелось 48 часов для подготовки местности, где хотел произвести высадку английский адмирал. Он мог со своими 10 000 человек вынуть за 48 часов 7–8 тысяч туазов земли и выставить 40–50 орудий.

Он должен был, во-первых, соорудить на верхних гребнях дюн восемь или десять редутов, поставив на каждые четыре-пять орудий, в том числе два 24-фунтовых или 36-фунтовых и два полевых, и выделив 2500 человек для их обороны; во-вторых, разделить остальную часть своей дивизии на три бригады по 2500 человек: одну резервную, для поддержки редутов; две другие, каждая с девятью пушками, предназначенные для движения на противника справа и слева, лишь только он вступит на сушу и суда, стоящие на якоре, будут вынуждены прекратить огонь.

Можно думать, что подобный способ действий увенчался бы успехом. Эти 50 орудий можно было взять в Гельдере, где их имелось большое количество. Отряды голландской эскадры могли помочь и орудиями и даже обслуживанием их (батарея в двадцать 24-фунтовых и 36-фунтовых орудий и десяток больших мортир могла с большим успехом действовать против линии стоящих на якоре канонерок), а картечь 68 пушек, включая и орудия с упряжками, уничтожила бы высаживающиеся на берег войска.

3. В Бергенском сражении генерал Брюн должен был на своем левом фланге, между морем и каналом, расположить не только дивизию Вандама, но также и дивизию Дюмонсо. Дивизии Дендельса было бы достаточно для обороны участка,

расположенного на правой стороне Алькмаарского канала.

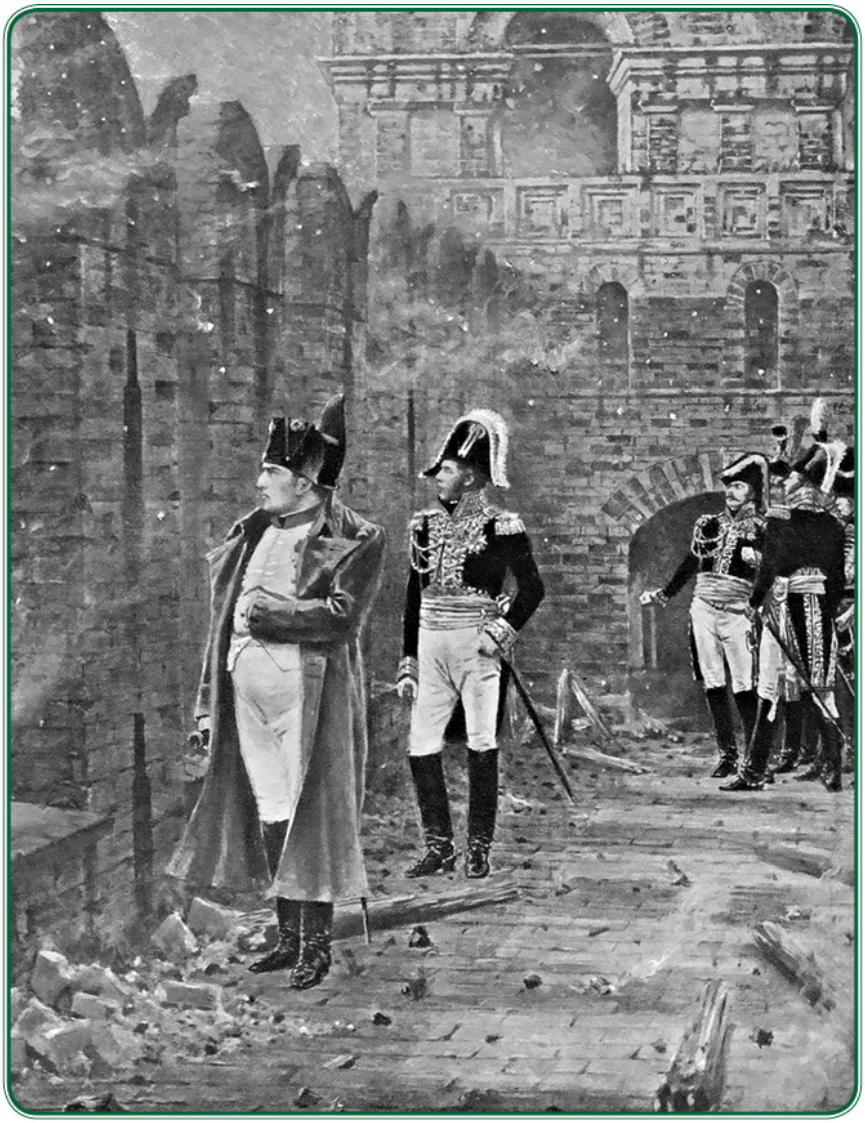
4. Восемь дней, с 11 по 19 февраля, галло-батавская армия напряженно трудилась над возведением укреплений, но укрепления возводились бессистемно. Инженерные офицеры дивизии построили редуты на дамбах и забаррикадировали селения, сделав то, что казалось им наилучшим.

Начальник инженерной части армии и главнокомандующий не позаботились о создании какой-либо центральной системы укреплений и опорного пункта, где вся армия могла бы собраться и произвести впечатление на противника своей позицией и готовностью сражаться. Английская армия являлась значительно более сильной, чем галло-батавская, и нельзя было серьезно рассчитывать помешать ее продвижению между каналом и морем на протяжении 2–3 лье, потому что любой редут, возводимый на песке, уже, чем всякие другие и без того слабые полевые сооружения.

Не то было на правом берегу канала, где можно повсюду прикрыться рвами, наполненными водой, и затопляемыми участками, что дает несравненно лучшую защиту. Там можно было расположиться, будучи почти гарантированным от непосредственной атаки.

Следовало соорудить по обеим сторонам канала достаточно большой укрепленный лагерь, чтобы вместить армию, прикрыть его затопляемыми участками и укрепить всеми средствами инженерного искусства. Три моста на этом канале позволили бы маневрировать на обоих берегах и двигаться на тылы или на фланги противника, если бы он о них не позаботился. После борьбы за все подходы к лагерю на том и другом берегу войска, сосредоточенные в этом лагере, сдерживали бы всю неприятельскую армию.

5. На следующий день после Эгмонтского сражения генерал Брюн поступил сообразно с правилами войны, очистив свою позицию и заняв Бевервейкскую позицию.



В. В. Верещагин.
В Кремле — пожар!

После почти двухдневной Бородинской битвы Кутузов 8 сентября 1812 г. приказал отступить на Можайск. В 4 часа дня 13 сентября в деревне Фили было собрано совещание высшего командования. Большинство генералов высказались за новое генеральное сражение с Наполеоном. Тогда Кутузов оборвал заседание и заявил, что приказывает отступать.

14 сентября русская армия прошла через Москву и вышла на Рязанскую дорогу. Когда вечером того же дня в опустевшую Москву вступил Наполеон, там уже пылали пожары.

6. После Бергенского, Эгмонтского и Кастрикумского сражений, с подходом к батавской армии новых подкреплений, которые уже прибыли или находились еще на марше, наконец, после цюрихской победы Алькмаарская конвенция должна рассматриваться как ошибка. Она была подписана в середине октября. Море в этих местах было уже очень бурным. Герцог Йоркский имел в строю только 25 000 солдат; 16 000 человек вышло из строя в сражениях и от болезней.

Зейпе – хорошая позиция, но она не такова, чтобы предохранить разбитую и уступающую в численности армию от хорошо продуманных, неоднократных и поддержанных многочисленной артиллерией атак. Брюн имел в своем распоряжении в гельдерском арсенале 300–400 двенадцатифунтовых пушек, гаубиц и мортир Кегорна. В Амстердаме и посредством реквизиции можно было достать упряжки; впрочем, для подвоза боевого снаряжения хватало бы и каналов.

Кроме полевого артиллерийского вооружения армии имелось в крепостях 40 голландских канонирских рот и 100–150 орудий всех калибров. При этих средствах Зейпе был бы для англо-русской армии слабой защитой. Она была бы опрокинута и в беспорядке отброшена на Гельдер. Когда среди отступающих войск начинает распространяться замешательство, последствия его бывают неисчислимы – для английской армии еще больше, чем для всякой другой.

Брюн предпочел последовать поговорке: «Стройте противнику золотой мост». Он провел кампанию умно. Его армия постоянно была слабейшей и по численности, и по качеству, кроме как в сражении у Кастрикума. У англичан и русских были отборные войска. Голландские войска, наоборот, были в большинстве

плохие. Много немцев дезертировало.

Пятое замечание. Италия; Жубер.

1. Генерал Жубер усугубил недостатки плана кампании, перейдя в наступление Итальянской армией на шесть-семь дней раньше, чем Шампионе начал свои действия и произвел диверсию, вынудившую Суворова выделить против него отряд из своего лагеря в Поццоло.

2. Желая дать сражение перед Нови, Жубер должен был предварительно вновь захватить небольшой форт Серравале, сдавшийся 7 августа. Этот пункт принадлежал к системе его обороны; противника нельзя было туда допускать. Заняв форт, неприятель пересек одну из дорог от Нови к Генуе, выдвинул сторожевую заставу на тылы французов и захватил точку опоры их правого фланга, который вследствие этого оказался открытым.

3. Левый фланг французской армии не должен был выходить через Бормиду и соединяться со своим правым флангом у Нови, на равнине, перед лицом противника. Он должен был бы сделать это за Ла-Бокеттой, а соединившись с правым флангом, выйти к Нови. Это основывается на не допускающем исключений принципе, что всякое соединение частей армии должно производиться в тылу и вдали от противника.

Правый и левый фланги могли быть атакованы и разбиты поодиночке, когда они находились еще далеко один от другого. Было важно скрыть от противника наступательное движение армии. Если бы левый фланг вышел через Ла-Бокетту, он прибыл бы 14-го вечером в Нови. Атакованный 15-го, Суворов был бы застигнут врасплох, и у него не хватило бы времени сосредоточить свои силы. Французская армия заняла бы позицию, имея Нови в центре и став перпендикулярно пути отступления из Нови в Геную.

Фронт в 1 лье был бы для нее достаточен, а именно: 1200 туазов между Нови и Скривией для ее правого фланга и 1200 туазов для левого фланга. Тогда ее боевой порядок расположился бы в три линии. По своим силам армия могла занять пространство 5000 туазов; значит, первая линия могла иметь 2200 туазов, вторая – 1800 туазов и третья – 1000 туазов.

4. Армия, построенная таким образом, была бы в состоянии вести наступление и оборону, и ее главнокомандующий, занимая такую сильную позицию, ни в коем случае не оказался бы вынужден принимать сражение. Движение влево через Акви вынудило его защищать в качестве операционной линии шоссе из Каприаты в Пастурану и оставить 3000 человек на различных пунктах для обеспечения этой линии.

Между тем занятие селения Пастурана, удаленного на 4500

туазов от Нови, слишком растягивало линию, которая достигала 5700–6000 туазов, то есть почти вдвое больше чем следовало, судя по числу войск на крайнем левом фланге. Шоссе из Нови в Геную оказалось под ударом, так как 1200 туазов от Нови до Скривии оборонялись только дивизией Ватрена, способной прикрывать лишь 1000 туазов.

5. Движение Ватрена, когда он бросил свою позицию, чтобы, спустившись на равнину, ударить во фланг русских, атакующих Нови, было бы очень хорошим, если бы он произвел его с первой линией и оставил вторую линию с резервом на позиции. Оно было неблагоразумно при существовавшем боевом порядке армии.

6. Выдвижение Меласа между Скривией и Нови не должно было вынудить к отступлению. Было всего 5 часов вечера, и французский главнокомандующий мог атаковать Меласа. Впрочем, вино было откупорено; нужно было выждать ночи. Отступление армии на Пастурану явилось для нее гибельным, – оно и не могло быть иным.

Следовательно, нужно было оставаться у Нови и здесь драться. Было сделано самое худшее из того, что можно было сделать. Если бы Жубер остался жив, он не отдал бы приказа об отступлении и поле сражения осталось бы за французами. На войне никогда не нужно делать добровольно того, что является наихудшим из могущего произойти.

Шестое замечание. Альпийская армия; Шампионе.

1. Чтобы произвести условленную диверсию, Шампионе разделил свои 25 000 человек на четыре дивизии. Первая вступила в долину Аосты, вторая перешла через Мон-Сенис и прибыла в Сузу, третья перевалила через гору Женевр, четвертая – через Аржентьерский перевал и овладела Баррикадами. Столь слабыми атаками нельзя было произвести впечатление на противника. Но если бы эти четыре дивизии были собраны на Мон-Сенисе комбинированными движениями позади гор, затем спустились в Новалезе, направляясь на Турин, то 25 000 человек легко сошли бы за 40 000, и в этой столице поднялась бы сильная тревога.

Шампионе должен был бы тогда стать на позицию у Риволи, опираясь на предгорья, и заняться тотчас же укреплением своего расположения, объединив две другие позиции между Риволи и Сузой, более узкие и более сильные. Спустившись с Мон-Сениса 8 августа, он прибыл бы к Риволи 10-го. Австрийская дивизия, назначенная для обороны Турина, внесла бы тревогу в главную квартиру Суворова, который в ночь с 11 на 12-е, самое позднее 13-го, отдал бы распоряжение остановить продвижение армии,

несущей с собой такую угрозу. Можно пренебречь действиями 5000–6000 человек, но нельзя оставаться безразличным к операциям 30 000—40 000 человек, появившихся в ваших тылах. 14-го вечером, во время выхода Жубера к Нови, отряд Суворова, посланный к Турину, был бы уже на марше.

2. Шампионе должен был расположиться со всеми своими силами на позиции протяжением 1200–1500 туазов, с флангами, опирающимися на фортификационные сооружения, хорошо приспособленные к местности и прикрытые палисадами, а по фронту – редутами. Производя в равнине фуражировки для снабжения своего лагеря всякого рода припасами, он таким образом повсюду внес бы тревогу. В подобном положении ему нечего было бояться.

Потребовалась бы вся армия Суворова, чтобы его вытеснить, и даже в таком случае у него хватило бы времени подготовиться к бою с противником, развернуться и построить свою армию в боевой порядок. Если бы Жубер оказался победителем, у Шампионе явилась бы возможность присоединиться к нему в два перехода. Если бы Жубер был побежден, у него осталось бы время спокойно перейти обратно за горы, не подставляя себя под удары и не дожидаясь сосредоточения всей армии противника.

Такой способ производства диверсии – единственный, от которого можно ожидать хороших последствий. Без сомнения, было бы лучше, чтобы эти 25 000 человек подоспели к Нови комбинированными маршами позади гор. Но это был единственный способ исправить недостатки плана, принятого правительством.

3. Марш на Ла-Бокетту для снятия осады с Тортоны достоин порицания. Многочисленная армия Края состояла из старых солдат, окрыленных победой. Будь Моро победителем, он, без сомнения, дошел бы до Тортоны, но не смог бы продержаться в ней больше 48 часов, потому что Мелас подоспел бы из Кони на поддержку к Краю. Это вынудило бы французскую армию вновь уйти в горы и предоставить Тортону ее собственной судьбе.

Правда, слово, данное ранее командиром этой крепости, перестало бы его обязывать, но продовольственные припасы, которые можно было ввезти туда в течение 48 часов, пополнили бы его склады только на несколько дней. Город все равно сдался бы. Это было приобретением противника в результате сражения у Нови: отнять у него это было невозможно.

4. Шампионе для содействия движению Итальянской армии к Тортоне повторил то, что он сделал в августе. Дивизия, находившаяся в Аосте, двинулась к форту Бар, находившаяся в Сузу – к Турину, сам он – к Пиньеролю. Все эти разрозненные

передвижения без плана, без цели привели его к неудаче. Вместо того чтобы начать эти передвижения на три дня раньше выступления Моро, он их произвел на несколько дней позже, так что Край, отбросив 9 сентября Итальянскую армию за Ла-Бокетту и заняв 11-го позицию у Тортоны, успел двинуться на Кераско и Фоссано.

Комбинируя свои передвижения с Меласом, он соединился с ним для окружения Альпийской армии и нанес ей чувствительные потери, сбросив ее в долины у подножья гор. Те же самые батальоны, которые отбросили Моро 9 сентября при атаке на Серравале и Нови, 18-го разбили Шампионе у Фоссано.

Если бы его армия была сконцентрирована в руках сколько-нибудь искусного генерала, она смогла бы нанести очень сильные удары. Бои, осенние болезни, уход Суворова значительно ослабили австрийцев. Один Мелас не смог бы бороться с армией Шампионе, и, улучив благоприятный момент, она сумела бы помешать Краю, скованному действиями Моро, оказывать помощь Меласу. Оба эти генерала могли собрать только 30 000 человек. Шампионе, сосредоточив свои дивизии, имел бы равные силы, но по своей неспособности он противопоставил им у Фоссано только 7000–8000 человек.

Седьмое замечание. Альпийская и Итальянская армии; Шампионе.

1. В октябре Мелас не имел иной цели, как взять Кони, чтоб завладеть всей Италией и вынудить французов к зимовке за Альпами. Шампионе, наоборот, хотелось сохранить этот ключ Италии, чтобы занять зимние квартиры на плодородных равнинах Пьемонта. Он правильно рассуждал, что наиболее действенным способом срыва планов противника являлось бы перенесение главной квартиры французов к Кони и сосредоточение целой армии в лагере, впереди этой крепости. Но после того как таким маневром он вынудил бы Меласа снять блокаду с Кони и оттянуть свою армию на левый берег Стуры, оставив ему весь правый берег; после того как не только была бы снята блокада с Кони, но и восстановлено свободное сообщение с Савоной, Кару и Мондови, Аржентьерским и Тендским перевалами, он достиг бы полного успеха и ему ничего больше не оставалось бы делать. Ему следовало упорно осуществлять свой план, укреплять свой лагерь, увеличивать свою армию, вернуть Дюгема и его 15 000 человек. Австрийский генерал был бы вынужден или отказаться от своего плана, или атаковать неприступный лагерь французов, чтобы принудить их освободить Кони, а этого он не мог предпринять, не уверившись заранее в своем поражении. Но Шампионе, далекий от таких мыслей, наоборот, вышел из лагеря до своего

соединения с Дюгемом. Он маневрировал по обоим берегам Стуры. Из своих четырех дивизий он расположил три на правом берегу между Мондови и Кони, оставив четвертую на разгром Меласу. Эта ошибка имела весьма гибельные последствия. Роковое сражение при Женоле причинило французам потери в 8000 человек, вызвало падение Кони и повело к раздроблению армии, которая, отброшенная с равнины, гибла от лишений на биваках в горах Генуэзской Ривьеры.

2. Если, наконец, Шампионе во что бы то ни стало хотел дать сражение, он должен был двинуться по одному из берегов Стуры и держать свои 25 000 человек постоянно у себя под рукой. Присоединение же Дюгема к лагерю у Кони надо было провести в тылу, а не перед лицом противника. В течение трех месяцев своего командования Альпийской армией Шампионе маневрированием, построенным на ошибочных принципах, три раза губил свою армию (даже не принимая в расчет военное счастье). Между тем у него были силы большие, чем у противника, не на поле сражения, где он ухитрялся всегда быть один против трех, а на театре военных действий в целом. Его маневрирование и его передвижения должны рассматриваться как сплошной ряд ошибок. Он не совершил ни одного движения, которое не противоречило бы военному искусству. Когда армия потерпела поражение, сбор отделившихся от нее частей и подкреплений, как и переход в наступление, являются самой трудной военной операцией, больше всего требующей от главнокомандующего глубокого знания принципов военного искусства. Именно в таких случаях нарушение их влечет за собой поражение и приводит к катастрофе.

Главы из описания кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.)

Глава II. Описание Египта[100]

I. Египет. – II. Пустыни Египта. – III. Население древнее и современное; человеческие расы: копты, арабы, мамлюки, османы, сирийцы, греки и др. – IV. Распределение собственности, финансы. – V. Чем стал бы Египет под властью Франции. – VI. Поход на Индию.

I

Египет составляет часть Африки. Расположенный в центре Старого Света, между Средиземным морем и Индийским океаном, он является естественным складочным местом для торговли с Индией. Это обширный оазис, окруженный со всех сторон пустыней и морем. Занимая пространство между 24° и 32° северной широты и 26° и 32° восточной долготы (от Парижа), он окаймлен с севера Средиземным морем, с запада – Ливийской пустыней, с юга – Нубийской, с востока – Красным морем и Суэцким перешейком, отделяющим его от Сирии.

Для защиты своих границ Египет не нуждается в крепостях. Их заменяют ему пустыни. На него можно напасть только с моря или через Суэцкий перешеек. В Египте редко идет дождь – на побережье все же чаще, чем в Каире, а в Каире – чаще, чем в Верхнем Египте. В 1798 г. в Каире однажды шел дождь в течение получаса. Роса выпадает очень обильная. Зимой температура опускается в Нижнем Египте до плюс двух градусов по Реомюру, а в Верхнем – повышается до плюс десяти градусов.

Летом она достигает 26–28 градусов в Нижнем Египте и 35–36 градусов в Верхнем. Стоячие воды, болота не испускают никаких нездоровых испарений, не порождают никаких болезней, что объясняется исключительной сухостью воздуха. Мясо, выставленное на солнце, скорее высушивается, чем загнивает. На протяжении июня, июля и августа дуют постоянные ветры с севера и северо-запада.

В эти месяцы суда затрачивают от десяти до двенадцати дней на переход из Марселя в Александрию, 60–70 на переход от Суэца в Индию. В январе, феврале и марте господствуют юго-восточные

ветры. Это время возвращения из Индии и переходов из Александрии в Европу. Хамсин – восточный или южный ветер. Это местный сирокко.

Повсюду он неприятен и утомителен; в некоторых частях пустыни он опасен, он вредит урожаю и продуктам земледелия. Египет – одна из самых прекрасных и плодородных, а также наиболее интересных стран мира. Это колыбель наук и искусств. Там встречаешь самые большие и самые древние памятники, созданные руками человека.

Если бы у нас был ключ к иероглифам, которыми они покрыты, то мы узнали бы неизвестные сейчас вещи относительно первого периода развития общества. Египет состоит: 1) из Нильской долины; 2) из трех оазисов; 3) из шести пустынь. Нильская долина – единственная его часть, представляющая ценность. Если бы Нил был отведен в Красное море или в Ливию до Сиенского порога, Египет стал бы всего лишь необитаемой пустыней, ибо эта река заменяет ему дождь и снег. Нил – бог этих мест, их добрый дух и регулятор всех отраслей производственной деятельности; это – Озирис, подобно тому, как Тифон – это пустыня…

II

Египетские арабы – это земледельцы, бедуины или марабуты[101]. Земледелец живет в предоставленных ему или купленных им деревнях; но и здесь он длительное время остается диким. В этих деревнях не видно мечетей, порядочных домов, они состоят из одинаковых хижин, без деревьев.

Все там напоминает о пустыне и свирепом характере бедуина. Мужчины – воинственны. Они разводят лошадей. Они непокорны, неохотно переносят иго власти, нелегко выплачивают дань, иногда дерутся с арабами-бедуинами. Они считают себя представителями высшей породы по сравнению с другими феллахами[102], которых они нередко обижают. Впрочем, они предприимчивы и трудолюбивы. Мамлюки никогда не живут среди них.

По мнению арабов, будь то земледельцев или бедуинов, феллахи являются их подданными, а мамлюки и турки – узурпаторами. Арабы-марабуты не вооружены, не имеют лошадей, обязаны принимать у себя бедуинов и заботиться об их нуждах. Кочевые племена, или бедуины, почти все в той или иной мере занимаются земледелием; но они всегда живут в палатках, никогда не располагаются в домах или хижинах, часто меняют

свое местонахождение и кочуют из конца в конец принадлежащей им пустыни, чтобы обеспечить стойбищем своих верблюдов и пользоваться водою из колодцев.

Арабы-бедуины – самая большая язва Египта. Из этого не следует, что их надо уничтожить; напротив, они необходимы. Без них эта прекрасная страна не смогла бы поддерживать никаких связей с Сирией, Аравией, оазисами, королевствами: Сеннар, Дарфур, Абиссиния, Триполи, а также Феццан. Без них перевозка грузов с Нила к Красному морю, из Кены в Косейр, из Каира в Суэц стала бы невозможной. Убыток, который понесла бы страна от их уничтожения, был бы весьма значителен.

Бедуины держат большое количество верблюдов, лошадей, ослов, баранов, быков и т. д., которые составляют часть богатств Египта. Натуральная сода, египетская кассия, камедь, тростник, камыш, для добывания которых надо углубиться в пустыню на несколько дневных переходов, были бы потеряны. Уничтожить их[103] было бы возможно; но из внутренней части Африки и из Аравии явились бы многочисленные племена с целью захватить их страну, являющуюся предметом вожделений всех этих кочевых племен.

Бедуин. *Гравюра по фотографии XIX в.*

Когда Нил вздымается и происходят сильные наводнения, как, например, в 1800 г., весть об этом передается из уст в уста, достигает Центральной Африки, и многочисленные племена проходят по 500 лье, чтобы стать лагерем в затопленной таким необычным наводнением части пустыни, произвести посев и жить там. Племена египетских арабов противятся тому, чтобы иностранцы приходили жить в их владениях. Нередко им приходится драться.

Это сопротивление сдерживает племена Великой пустыни. Уничтожить бедуинов было бы все равно, что островитянам уничтожить все корабли, потому что большое число этих последних используется пиратами. Когда Египтом управляли с твердостью и справедливостью, арабы были усмирены; каждое племя отвечало за свою часть пустыни и прилегающей к ней части границы. Это царство справедливости положило конец злоупотреблениям, и племена, подобно мелким вассалам, обеспечивали спокойствие в стране, а не нарушали его.

Подчинение арабов имеет большое значение для процветания Египта. Это предварительное условие всякого прогресса. Чтобы подчинить арабов, необходимо: 1) занять оазисы и колодцы; 2) организовать полки верблюжьей кавалерии, приучить их к пребыванию в пустыне в течение целых месяцев, без возвращения в долину; 3) создать большую администрацию и суд для рассмотрения дел, наказания и наблюдения за кочевыми племенами. Основы подобной организации были заложены в 1799 г. Сначала были приняты два образца башен.

Первый – высотою в 24 фута, в два этажа, с двумя пушками на платформе, кордегардией на 40 человек гарнизона, рвом, контрэскарпом, контрэскарповой галереей, плацдармами и наружным рвом, с оградой, снабженной бойницами, каждая сторона которой должна была иметь протяжение в 200 туазов, причем заключенное в этой ограде пространство простреливалось картечью с башни. В ограде находился продовольственный склад, способный питать гарнизон в течение ста дней, и резервный склад для полка верблюжьей кавалерии с десятидневным запасом.

На одном из плацдармов были предусмотрены колодцы, тщательно выложенные камнем и содержащиеся в превосходном состоянии, а также цистерна для дождевой воды. Башня второго образца имела 15 футов в высоту, один этаж, две пушки на платформе, 15 человек гарнизона, склад с продовольствием, необходимым этим 15 человекам в течение 100 дней, резервный склад для роты верблюжьей кавалерии с десятидневным запасом, один или несколько колодцев, цистерну и наружный ров, каждая сторона которого равнялась 100 туазам.

В 1800–1801 гг. должно было быть построено 20 башен первого образца и 40 второго, а именно: 8 – в пустыне Бахейра, 8 – в пустыне Малого оазиса, у пирамид и Файюма; 2 – в самом этом оазисе; 10 – в пустыне Большого оазиса; 5 – в самом этом оазисе; 5 – у колодцев на дорогах в Иену и Асьют; 8 башен – в четвертой и пятой пустынях, на пяти дорогах в Косейр; 12 – в Суэцкой пустыне, независимо от фортов Суэца, Аль-Ариша и Тины. Эти башни господствовали бы над двенадцатью важнейшими источниками воды: Катия, Мансура, Зави, Рафия, оазис Тумилат, Бир-Саба и т. д.

Гарнизон этих башен должен был состоять из: сержанта артиллерии и 9 канониров, всего по десяти человек на одну малую башню; сержанта артиллерии, капрала и 13 канониров – всего по 15 человек на одну башню первого образца; итого: 760 канониров. Полки верблюжьей кавалерии должны были выделить по 5 человек на каждую малую башню и по 25 на каждую

большую. Эти башни должны были служить опорными пунктами и защитою для такого же числа деревень, которые, находясь в сфере обстрела и за оградою, были бы гарантированы от нападений бедуинов.

Крестьяне, пользующиеся такой защитой, смогли бы заниматься земледелием, пасти скот, обеспечивать продовольствием проходящие караваны и вести с ними торговлю. Было решено создать шесть полков верблюжьей кавалерии, по одному на каждую пустыню, возложив снабжение их продовольствием и выплату жалованья на прилегающие к ним области. Каждый полк должен был состоять из 900 человек, 750 дромадеров[104] и 250 лошадей, переносящих запас продовольствия на 50 дней. Один дромадер переносит 4 квинтала.

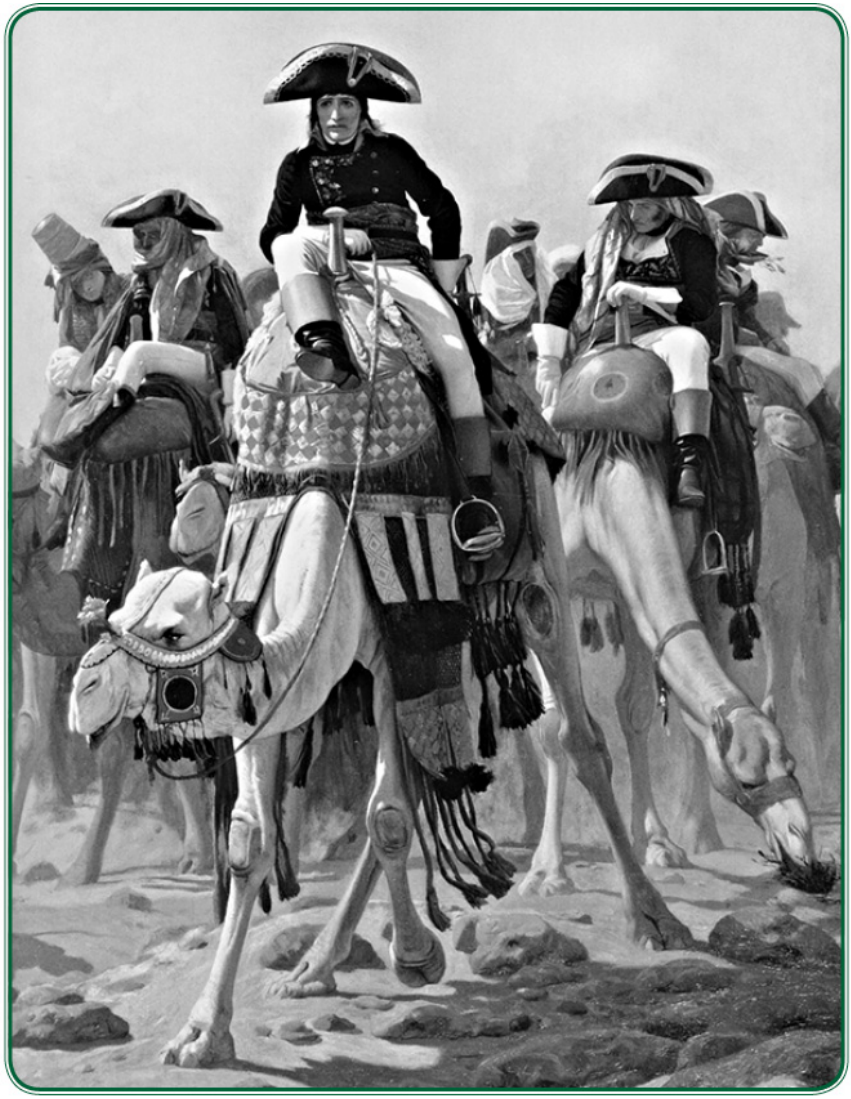
Каждый солдат был вооружен копьем, ружьем со штыком, имел патронташ, 100 патронов, мешок. Каждым полком должен был командовать бей – полковник, под начальством которого находились: кахья – майор, два адъютанта, четыре киашифа – капитана, четыре лейтенанта и младших лейтенанта; таким образом, на роту приходилось по три офицера и еще барабанщик, два трубача и 225 человек.

Каждому полку придавалось по две пушки, которые тащили шесть верблюдов. Следовательно, для сдерживания пустыни требовалось 5400 человек, то есть расход в 4 миллиона. Это не составляет и десятой части убытков, которые причиняют стране бесчинства бедуинов. Шестью полками должны были командовать великий шейх пустыни (дивизионный генерал), два кахьи (бригадные генералы), шесть беев (полковников), двадцать четыре киашифа (подполковника), один киашиф артиллерии и один инженерных войск.

При великом шейхе пустыни должен был состоять диван[105] в составе одного кахья, четырех улемов[106] и писаря, которому надлежало разбирать спорные дела, возникающие между арабами и феллахами, а также между племенами. Была создана бригада французских солдат, посаженных на 1500 дромадеров. Было сказано: 1) Племена, кочующие по шести пустыням Египта, должны будут – через посредство их шейха и шести знатных лиц – принести присягу на верность великому шейху пустыни.

2) Племена получат фирман инвеституры[107], в котором будет указана территория принадлежащей им части пустыни и определено количество всадников и верблюдов, которые они должны предоставить султану Египта. Общая численность этих контингентов была установлена в 5000 всадников на лошадях и 2000 на дромадерах, а также в 700 верблюдов, по одному

ездовому на трех верблюдов.



Жан-Леон Жером. Наполеон в Египте

3) По смерти шейха его сан принимает наследник, который в течение трех месяцев обязан явиться к великому шейху для принесения присяги и получения фирмана; при этом ему выдается почетный ментик.

4) Один из десяти старейшин племени будет находиться вместе со своей семьей в Каире, в качестве ответственного лица и для сношений с диваном по делам пустынь. Шестеро детей в возрасте от 10 до 18 лет будут обучаться при мечети Аль-Азхар

основам Корана, а также арабскому и французскому письму и счету.

5) Великий шейх пустыни придет на помощь племенам, на территорию которых вторгнутся племена Великих пустынь. Всякий спор между двумя племенами будет рассматриваться диваном, а решение последнего – передаваться представителю племени, который перешлет его своему вождю, бею пустыни, для исполнения.

6) Всякий спор между племенами и феллахами рассматривается диваном. Виновниками всякого оскорбления, нанесенного в пустыне египтянам, считаются арабы соответствующего племени; всякое оскорбление, нанесенное на границе каким-либо арабом, считается нанесенным членом данного племени.

7) Сопровождение караванов путешественников в пределах каждой пустыни и предоставление верблюдов являются обязанностью племени. Возникающие в связи с этим затруднения рассматриваются диваном.

8) После рассмотрения дела диваном великий шейх присуждает племя к уплате лошадьми, верблюдами, быками, баранами штрафа, соответствующего тарифу, установленному за убийство или нанесение раны. Убытки феллахов возмещаются племенем, которое кроме того приговаривается к штрафу в порядке наказания и взыскания издержек.

9) В случае убийства или ранения улема, мультазима[108], имама[109], шейх-аль-беледа[110] или европейца племя обязано выдать дивану преступника либо вместо него – одного из 50 старейшин племени, который доставляется в диван и приговаривается к смерти, наказанию палками или тюрьме, в зависимости от тяжести проступка, совершенного членом племени.

10) Когда племя проявляет непослушание, оно объявляется на подозрении. Заявление об этом делается представителю племени, который доводит о нем до сведения своего вождя, и месяц спустя племя обязано выдать в качестве заложников 12 старейшин. Если оно объявляется мятежным, этот приговор направляется всем беям и на все башни; ему закрывается доступ к воде и пастбищам; колоны дромадеров преследуют его и уничтожают. Его часть пустыни передается другому племени.

11) Арабам воспрещается иметь пушки, ружья со штыками, крепостные ружья, возводить какие бы то ни было укрепления, проделывать бойницы в стенах помещений духовных братств и домов.

12) Каждый год великий шейх будет лично объезжать

различные пустыни, либо поручать это своим кахья. Великий шейх и беи пустыни будут заботиться о снабжении башен и других фортов, регулярно направляя туда караваны, сопровождаемые отрядами верблюжьей кавалерии. Караваны паломников, а также торговые с момента вступления в пустыни Египта будут сопровождаться отрядами полка верблюжьей кавалерии, платя за эскорт по установленному тарифу.

III

Поверхность Египта составляет 45 000 квадратных лье, из них менее 4000 приходится на долину Нила, 400 на три оазиса и 40 000 – на пустыни. Долина Нила имеет население в три миллиона жителей; население пустынь и оазисов – от 160 000 до 200 000. Историк Иосиф[111] определил население Египта в 7 500 000, Амру[112] – в 26 000 000, живущих в 26 000 городах и деревнях. Шесть веков спустя арабские географы определяли его в 5 000 000, живущих в 4900 городах или деревнях.

Могут ли 4000 квадратных лье предоставить возможность существования и прокормить население в 20 000 000, то есть 5000 человек на квадратный лье? Во Фландрии на квадратный лье приходится 2400 человек, значит, эта цифра вдвое больше фландрской.

Но следует помнить, что эти квадратные лье покрываются во время паводка водами Нила; что там нет ни пустошей, поросших вереском, ни гор, ни ландов[113], которые нужно вычесть из общей цифры, что вся земля там пригодная для обработки; что нильский ил устраняет надобность в паровых полях и позволяет снимать три урожая в год и что, наконец, сама почва более плодородна, а южные народы отличаются большей трезвенностью.

Следовательно, население могло достигать 5000 на квадратный лье. Эфиопы и короли кочевых народов, царствовавшие в Египте, смешали кровь народов Центральной Африки и пустынной Аравии с кровью египтян.

За 500 лет до Рождества Христова персы, а 200 лет спустя – греки принесли в Египет кровь Мидии, Ирака и Греции; еще через 300 лет Египет стал римской провинцией; там поселилось много жителей Италии. К моменту арабского вторжения в VII в. египтяне были католиками. Прошло немного лет, и большинство коренных жителей стали мусульманами. В настоящее время невозможно отличить мусульман, происходящих от семей, которые поселились в Египте в период арабского вторжения и после него, от потомков древних жителей – христиан, принявших

ислам, за исключением, впрочем, знатных родов, имеющих подобно шейхам Аль-Бекри и Сада исторические генеалогии.

Копты, остающиеся еще христианами, – коренные жители страны. Их насчитывается 80 000–100 000 душ. Они не воины. Это – деловые люди, сборщики податей, банкиры, писцы. Они имеют своих епископов, церкви и монастыри; они не признают Папу. Мамлюки обосновались в Египте в X в. У них были свои султаны, Саладин Великий являлся мамлюком. Они царствовали в Египте и Сирии до XVI в. Селим, император османов, покончил с их господством и присоединил Сирию и Египет к своей империи.

Он оставил 40 000 человек для охраны своих завоеваний и разделил их на семь отрядов ополчения: шесть, состоящих из османов, и один – из мамлюков. С этой целью он собрал все, что пережило поражение последних. Он поручил управление страной паше, 24 беям, корпорации эфенди[114] и двум диванам. Из этих 24 беев один был кахьей или заместителем паши; трое являлись комендантами крепостей Александрия, Дамиетта и Суэц; они получали приказы непосредственно из Константинополя; пятый был казначеем; шестой – эмир-хаджи[115]; на седьмого была возложена доставка дани султану[116]; четверо командовали войсками в пограничных областях.

Остальные 12 беев оставались в распоряжении паши. Большой диван состоял из бея-кахьи, казначея, первого эфенди, четырех муфтиев[117], четырех великих шейхов и семи представителей семи отрядов ополчения. Ага[118] янычар был старшим из генералов. Седьмой отряд – мамлюкский, состоявший из самых красивых и храбрых воинов, – сделался и самым многочисленным.

Первые шесть отрядов ослабели, вскоре в них осталось только 7000 человек, в то время как одних мамлюков было больше 6000. В 1646 г. произошел полный переворот. Турки были удалены из крепостей, и мамлюки завладели всем.

Их начальник принял титул шейх-аль-беледа Каира. Паша лишился всего. В 1767 г. шейх-аль-белед Али-бей объявил себя независимым, стал чеканить собственную монету, захватил Мекку, начал войну в Сирии, вступил в союз с русскими. Беями стали тогда и остаются поныне одни мамлюки. В 1798 г. каждый из двадцати четырех беев имел более или менее многочисленную дружину. Наиболее слабые имели по 200 мамлюков. Отряд Мурад-бея достигал 1200. Эти 24 бея составляли сообщество, подчинявшееся наиболее влиятельным из них. Они делили между собой все владения и должности.

Мамлюки рождаются христианами, покупаются в возрасте 7–8 лет в Грузии, в Мингрелии, на Кавказе, доставляются

константинопольскими торговцами в Каир и продаются беям. Они – белые и являются красивыми мужчинами. Начиная с самого низшего положения при дворе бея, они постепенно возвышались, становясь мультазимами в деревнях, киашифами или губернаторами провинций и, наконец, беями. В Египте их род не продолжался.

Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на Кавказе. Количество мамлюков – мужчин, женщин и детей – исчислялось в 1798 г. 50 тысячами.

Они могли выставить 12 000 всадников. Оттоманская раса, турки или османы, состоит из потомков родов, которые завоевали страну в XVI в. или же обосновались там позднее, прибыв из Турции в качестве эфенди, кади[119], эмиров, или для занятия должностей в шести отрядах ополчения, либо, наконец, по торговым делам.

Эта раса, включая женщин, детей и стариков, насчитывала в 1798 г. 40 000 человек; все они жили в Каире, Александрии, Дамиетте и Розетте. Магрибинцы происходят из Марокко, Туниса, Алжира и Триполи. Это потомки паломников, направлявшихся в Мекку и вступивших по пути туда в брак с негритянками или женщинами из Абиссинии, Сеннара, Барбара или дочерьми сирийцев, греков, армян, евреев, французов. В 1798 г. их насчитывалось 100 000 душ.

Феллахская деревня близ Гизы в Нижнем Египте.
Гравюра по фотографии XIX в.

IV

Мультазимы – сеньоры и владельцы деревень. Они назначают на все общественные должности, ведают сбором податей, осуществляют полицейские и административные функции.

Каждая деревня имеет: 1) шейх-аль-беледа – это староста – и несколько шейхов, служащих ему помощниками; должности эти, по существу, наследственные, и сын становится преемником отца; 2) шахеба, или делегата; он избирается феллахами, это их человек, он ведет кадастр всех затопляемых земель, налагаемых на них податей и взносов, делаемых феллахами в течение года; 3) мешеда – своего рода судьи-кудесника; 4) саррафа – копта, присылаемого управляющим мультазима для пребывания в течение года в общине и руководства составлением списков и взимания платежей; это сборщик; 5) хаули, или землемера; это один из феллахов деревни, который производит обмер ежегодно затопляемых земель; 6) гафиров; это сельские стражники, которые охраняют урожай, водные источники и дамбы и, завидев бедуинов, дают сигнал тревоги; 7) имама; это священник; 8)

брадобрея и столяра, которые оплачиваются общиной и содержатся за ее счет.

Мультазим имеет право продавать, отчуждать и закладывать свою деревню, которая после его смерти переходит к его наследнику – по закону или по завещанию. Последний получает от губернатора фирман инвеституры и уплачивает ему единовременный налог, равный трехлетнему доходу с земли.

Феллах является пролетарием или собственником. Если он пролетарий, то живет тем, что заработает за день, занимается каким-нибудь ремеслом или держит лавочку. Он может владеть двумя видами собственности: 1) домом, обстановкой, скотом, деньгами; 2) собственностью типа атар, то есть неотъемлемым правом на обработку поля. Это право он может отчуждать, закладывать и передавать его своему наследнику. Он обрабатывает свое поле как считает нужным, никому в этом не отчитываясь, коль скоро вносит оброк мультазиму.

Если мультазим умирает, не оставив наследника, вся его собственность переходит к правительству. Если феллах умирает, не оставив наследника, его собственность первого рода отходит к правительству; но его атар, или второй род собственности, переходит к мультазиму, который обязан перепродать его другому феллаху.

Имеются земли, обработкой которых занимается сам мультазим, другие он сдает в аренду на один год или несколько лет, третьи он заставляет обрабатывать феллахов в порядке барщины. Такие земли называются васиями[120]. Площадь земель васий относится к площади земель атар, как 10:10 000. В Верхнем Египте имеются только земли атар, а васии вовсе отсутствуют. Феллах выплачивает мультазиму маль-аль-хур, то есть оброк.

Последний обязан вносить подати государю и местным властям. Размер маль-аль-хура зависит от характера паводка, культуры, которой было засеяно поле, и числа снятых урожаев. Существует тариф, предусматривающий размер оброка с каждого феддана[121] земли при любых из упомянутых условий. Феддан, с которого получают индиго, сахар, лен, рис и т. д., облагается выше, чем засеянный рожью. Тариф маль-аль-хура был установлен императором Селимом в XVI в.; но происшедшие с тех пор изменения в монетной системе и произвол мультазимов, более сильных, чем бедные феллахи, привели к его удвоению – либо посредством введения дополнительных сборов, именуемых «новыми киашифскими сборами», либо с помощью повышения старинных сборов.

Совокупность всех этих сборов составляла маль-аль-хур 1798 г., который превышал старинный более чем вдвое.

Мультазим выплачивает из собраного маль-аль-хура: 1) мири, или подать государю, размер которой не изменялся со времени установления его императором Селимом в 1520 г.; 2) сборы на киашифов; избыток, который называется «фаиз», составляет доход мультазима. Имеется несоответствие между этим доходом и тем, что выплачивает мультазим в форме мири и сбора на киашифов. По подсчетам коптов, в обычные годы маль-аль-хур дает 30 миллионов франков.

Сбор на киашифов составляет 20 %, или одну пятую, – 6 миллионов. Мири составляет 6 400 000 франков, то есть немного более одной пятой. Следовательно, фаиз, или доход мультазимов, составляет 17 600 000 франков – около трех пятых. Кроме того, феллах уплачивает местные сборы, размер которых меняется; эти сборы не входят в маль-аль-хур. Их определяют в шесть миллионов. Таким образом, общая сумма поземельных налогов в Египте составляет 36 миллионов франков, не считая продукцию васий и ризков[122] и владений мечетей, госпиталей, священных городов Мекка и Медина, с которых никаких налогов не взимается.

Вакфы представляют собой владения благотворительных учреждений, также освобожденные от всяких налогов. Они состоят из садов, зданий и ренты с мультазимов, идущей на те же цели. Часть маль-аль-хура в провинциях Верхнего Египта (то есть Сайда) – Асьют и Миния и половине провинции Бени-Суэйф вносится рожью и ячменем.

Эти провинции сдают в качестве маль-аль-хура 1 800 000 ардебов ржи, пшеницы и ячменя, и, значит, площадь обрабатываемых земель составляет в них 900 000 федданов. Всего же в этих провинциях 1 700 000 федданов земли. Это составляет одну треть всего Египта, причем площадь затопляемых земель достигает почти 1700 квадратных лье (из расчета 25 лье на градус).

В 1798 г. персональное обложение давало 2 миллиона франков; сборы с должностных лиц, христиан и таможен – 6 миллионов; мелкие сборы давали в совокупности 2 миллиона; итого – 10 миллионов. Из этих 10 миллионов один заносился на счет государя в качестве мири. Таким образом, в целом налоги и сборы с Египта составляли 46 миллионов франков, включая 16 миллионов фаиза мультазимов; мири, шедший государю, равнялся в целом 7 400 000 франков.

Взимание маль-аль-хура поручается исключительно коптам. Они действуют в качестве управляющих мультазимов, сборщиков на службе у губернаторов и различного рода саррафов. Они образуют секретное сообщество и делят между собой барыши,

которые весьма значительны; 1) они устанавливают размер натуральных сборов с феллахов; 2) они наживаются на местных расходах; 3) пользуясь разницей в монете, они принимают патак[123], достоинством 90 медин, за 82–83 медины, причем феллах теряет 8–9 %; 4) наконец, они получают незаконные доходы, предоставляя льготы феллахам при составлении податных списков и земельных кадастров, а также применяя тариф, установленный для менее выгодных культур.

Хорошо осведомленные лица оценивают незаконные доходы коптов от составления кадастров в 8 миллионов франков. Шейх-аль-беледы также получают большие доходы. Зная об этом, мультазимы, до урегулирования счетов, заставляют их вносить ежегодную ренту или взимают с них иные поборы. Незаконные доходы шейх-аль-беледов определяются в 6 миллионов франков. В-третьих, мамлюкские губернаторы провинций и окружные начальники также взимают поборы лошадьми, верблюдами, продуктами, деньгами. Эти поборы оцениваются в 4 миллиона франков.

Наконец, арабы требуют уплаты за покровительство или произвольно налагают контрибуции. Это оценивается в 9 миллионов. В конечном счете за все должен платить феллах. Названные четыре больших язвы обременяют земли на сумму в 27 миллионов. Если бы все это шло в казну, доход ее возрос бы до 73 миллионов франков, а за вычетом 17 миллионов фаиза составлял бы 56 миллионов.

Один миллион в Египте равен 3 миллионам во Франции, поскольку рожь продается по 3 франка за квинтал, дневной труд мужчины оплачивается 8 су, а прокорм лошади обходится в 6 су, стоимость различных продуктов, домашней птицы и т. д. составляет одну пятую цены, по которой они продаются во Франции. 50 миллионов в Египте соответствуют 150 миллионам во Франции.

При Птолемеях подати давали 168 миллионов. После завоевания Амру в VII в. они давали 144 миллиона. В течение 40 месяцев французского управления стране пришлось выдержать: 1) завоевательную войну 1798 г.; 2) войну и вторжение великого везира в 1800 г.; 3) вторжение англичан в 1801 г. Тем не менее за эти 40 месяцев французская казна извлекла из нее 80 миллионов.

Мамлюки облагали Египет со своей стороны, армия великого везира – со своей, английская армия тоже дорого обошлась стране. Арабы полностью использовали этот период кризиса. Доходы Египта в нынешнем его состоянии можно определить в 50 миллионов. Господин Эстев, ведавший финансами, исчислял доходы за 1801 г. 48 миллионами франков, причем страна была

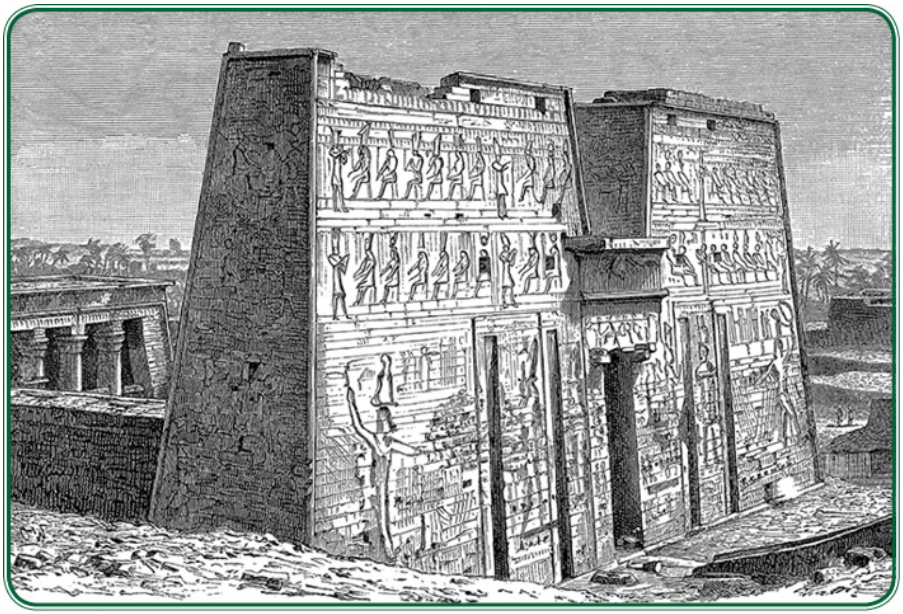
охвачена войной, а торговле на Средиземном море препятствовали крейсировавшие в нем вражеские корабли.

V

Египет может уже сейчас (1799 г.) обеспечить содержание армии в 50 000 человек и эскадры в 15 линейных кораблей, частью на Средиземном море, частью на Красном, а также многочисленной флотилии на Ниле и на озерах. Его территория может предоставить все необходимое, кроме леса и железа, которые он будет получать из Албании и Сирии и из Европы в обмен на свои произведения. Его доходы составляют 50–60 миллионов.

Но какого процветания смогла бы достигнуть эта прекрасная страна, если бы ей выпало счастье пользоваться в течение десяти лет мира благами французского управления? В этот промежуток времени укрепление Александрии было бы завершено; этот город стал бы одной из сильнейших крепостей Европы[124]; ее население было бы весьма значительным; строительство верфи было бы закончено; через канал Рахмания Нил постоянно вливался бы в старый порт, что обеспечило бы проход самых крупных джерм[125]; вся торговля Розетты и почти вся торговля Дамиетты сосредоточились бы в этом порту, равно как и военные и военно-морские учреждения.

Александрия сама по себе стала бы богатым городом; воды Нила, разлившись вокруг нее, сделали бы плодородными большое количество пригородных земель, и проживание на этих землях явилось бы одновременно приятным, полезным для здоровья и безопасным; открылось бы сообщение между двумя морями[126]; в Суэце были бы созданы верфи; город и порт были бы прикрыты фортификационными сооружениями; оросительные каналы, отходящие от магистрального, и обширные цистерны давали бы воду окрестностям города; в порту Миос-Ормос, который стал бы служить базой Красноморской эскадре, были бы построены новые поселения и фортификационные сооружения; озера Мадия, Буруллус и Манзала были бы осушены полностью или в значительной мере, что вернуло бы сельскому хозяйству чрезвычайно ценные земли; растения, дающие колониальные товары, а именно: сахар, хлопок, рис, индиго, – покрыли бы весь Верхний Египет, заменив произведения Сан-Доминго; несколько шлюзов и нагнетательных насосов позволили бы регулировать систему затопления и орошения.



Пилоны Эдфу. *Гравюра XIX в.*

Но чем станет эта прекрасная страна после 50 лет процветания и хорошего управления? Воображению предстает волшебная картина! Тысяча шлюзов обуздает и будет распределять воды паводка по всем частям страны; 8 или 10 миллиардов кубических туазов воды, которые пропадают каждый год в море, распределялись бы между всеми низменными районами пустыни, озером Мерис, озером Мареотис и Безводной рекою, до оазисов и значительно дальше на запад, а в восточном направлении поступали бы в Горькие озера и во все низменные районы Суэцкого перешейка и пустынь между Красным морем и Нилом; большое количество нагнетательных насосов и ветряных мельниц поднимали бы воду в водохранилища, оттуда ее можно было бы брать для орошения; многочисленные эмигранты из внутренней части Африки, Аравии, Сирии, Греции, Франции, Италии, Польши, Германии учетверили бы население; торговля с Индией вернулась бы на свой древний путь благодаря необоримой силе естественных условий; к тому же, господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане.

Но я уже слышу, как говорят, что столь могущественная колония не замедлила бы провозгласить свою независимость. Это, без сомнения, так. Как во времена Сезостриса и Птолемеев, великая нация заселила бы эти ныне столь пустынные земли; своей правой рукой она опиралась бы на Индию, а левой – на Европу. Если бы только местные условия определяли

благосостояние и величину городов, то Александрия, в большей степени нежели Рим, Константинополь, Париж, Лондон, Амстердам, была бы призвана играть роль столицы мира.

VI

От Каира до Инда так же далеко, как от Байонны до Москвы. Армия в 60 000 человек, посаженных на 50 000 верблюдов и 10 000 лошадей, имея с собой запас продовольствия на 50 дней и воды на 6 дней, достигла бы за 40 дней Евфрата и через 4 месяца оказалась бы на берегу Инда, среди сикхов, маратхов и народов Индостана, с нетерпением ждущих своего часа, чтобы сбросить гнетущее их ярмо!!!

После 50 лет владения Египтом цивилизация распространилась бы во внутренней части Африки через Сеннар, Абиссинию, Дарфур, Феццан; несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны прийти свет и счастье!!!

Глава IV. Нильское морское сражение

I. Передвижение английских эскадр в Средиземном море на протяжении мая, июня и июля 1798 г. – II. Французская эскадра получает приказ войти в старый порт; она может это сделать; она этого не делает. – III. Адмирал становится на шпринг на Абукирском рейде; неудовольствие главнокомандующего. – IV. Морское сражение (1 августа). – V. Влияние морского сражения на народ Египта. – VI. Влияние гибели эскадры на европейскую политику.

I

В феврале 1798 г. английское министерство узнало о том, что в Бресте, Рошфоре, Тулоне, Генуе, Ферроле и Кадиксе ведется усиленная подготовка к военным действиям; что на побережье Нормандии и Фландрии стоят 150 000 человек; что Наполеон – главнокомандующий Английской армией – в сопровождении

нескольких наиболее выдающихся офицеров старого флота объезжает океанские порты.

Министерство решило, что Франция намерена воспользоваться миром, недавно заключенным ею со странами материка, чтобы закончить свой конфликт с Англией схваткой один на один, и что объединенные эскадры Бреста и Кадикса переправят армии в Англию и Ирландию. Однако 12 мая оно узнало, что Наполеон выехал 4-го в Тулон. Тотчас же оно отдало адмиралу Роджеру приказ направиться с десятью линейными кораблями к Тулону, чтобы усилить крейсировавшую перед этим портом эскадру адмирала Сен-Винцента.

Этот адмирал отплыл 16 мая от берегов Англии и 24-го прибыл к Кадиксу. Лорд Сен-Винцент без промедления отослал десять линейных кораблей для усиления крейсировавшего в Средиземном море легкого отряда Нельсона, который имел три линейных корабля. 12 июня Нельсон с тринадцатью линейными кораблями и двумя фрегатами появился перед Тулоном.

Там он узнал, что флот вышел оттуда уже очень давно. Он последовательно побывал перед Таламонским рейдом, на побережье Тосканы, и перед Неаполем, куда прибыл 18 июня. Лорд Сен-Винцент остался с двадцатью линейными кораблями перед Кадиксом, полагая возможным, что французская эскадра явится туда для соединения с испанской.

Он отдал Нельсону приказ не считаться с нейтралитетом никакой державы, и направится ли французская эскадра к Константинополю, в Черное море или в Бразилию, – атаковать ее повсюду, где он решит, что это можно сделать с выгодой для себя. В этих инструкциях, которые были напечатаны, ничего не говорится о Египте. Нельсон узнал в Неаполе, что французская армия осаждает Мальту.

Он взял курс на Мессину. Узнав, что французская эскадра овладела Мальтой, а затем покинула ее и направляется, видимо, к Кандии, он 22 июня прошел Мессинский пролив и направился к Александрии, куда прибыл 28-го – в то самое время, когда с французской эскадры был замечен мыс Арас – в 30 лье западнее и на ветре.

Не получив в Александрии никаких сведений о ней, он отправился к Александретте, обследовал Дарданеллы и вход в Адриатическое море, а 18 июля бросил якорь в Сиракузах (Сицилия), чтобы набрать воды, полагая, что французская эскадра ушла в океан. Все же он направился 24 июля в Корону (Морея).

Он опросил греческое судно, шедшее из Александрии, и узнал, что через три дня после появления перед этим портом английской эскадры туда прибыла французская, высадившая

многочисленную армию, которая овладела городом, а затем двинулась на Каир; что этот флот стоит на якоре в старом порту. Он взял курс на берега Египта, куда прибыл 1 августа.

II

Мы уже говорили, что адмирал Брюэйс хотел стать на якорь в Абукире, чтобы ускорить выгрузку армейских грузов, в то время как капитан Баррэ[127] производил обследование старого порта. Этот осмотр был закончен 12 июля. Капитан Баррэ доложил о нем в следующих выражениях:

«Александрия… (без даты) VI года (…1798 г.)

Генералу Бонапарту

Мне было поручено Вами и Брюэйсом снять план старого порта и провести промеры глубин. 19 мессидора (7 июля) я вошел на рейд этого порта и приступил к своим операциям, которые продолжались до 24-го названного месяца (12 июля), когда я направил отчет о своей деятельности адмиралу Брюэйсу и командиру отряда Дюмануару, который, одобрив меры, принятые мною для ввода эскадры, официально известил об этом адмирала, каковой ответил мне 2 термидора (20 июля). Прилагаю копию его письма к моему рапорту.

Подписано: Баррэ»[128].

Таким образом, ничего не должно было мешать в дальнейшем выполнению точного приказа, отданного Наполеоном адмиралу Брюэйсу: ввести эскадру в старый порт Александрии. Однако, чтобы уклониться от ответственности, ибо приказ Наполеона являлся совершенно определенным и был повторен несколько раз, он сделал вид, что не придает веры рапорту адмирала Баррэ, и послал ему следующее письмо: «Письмо адмирала Брюэйса гражданину Баррэ – командиру «Альсеста», от 2 термидора VI года (20 июля 1798 г.)

Я получил, гражданин, Ваше письмо от 30 мессидора и могу отозваться только с похвалой о Ваших заботах и трудах, направленных к обнаружению фарватера среди подводных рифов, преграждающих доступ в старый порт, что должно было обеспечить линейным кораблям совершенно безопасную стоянку в данном порту.

То, что Вы сообщаете, не представляется мне достаточно удовлетворительным, поскольку в порт нужно входить, пользуясь фарватером глубиною в 25 футов, а наши 74-пушечные корабли имеют осадку не менее 22-х; следовательно, чтобы отважиться на

проход по этому фарватеру, не подвергаясь самому серьезному риску потери одного корабля, понадобится ветер «по заказу» и спокойное море, тем более, что фарватер узок, а действие руля замедляется, когда под килем мало воды.

Быть может, Ваши поиски помогут Вам обнаружить что-либо более подходящее, и я поручаю Вам не отказываться от продолжения их, пока Вы не убедитесь, что в пространстве, заключенном между башней Марабут и восточным берегом, нет ничего лучшего, чем тот участок, где Вами поставлены сейчас бакены.

Будьте уверены, что я сумею оценить должным образом новое доказательство усердия, которое Вы этим дадите; что, в соединении с выдающимися услугами, которые Вы уже оказали, явится для Вас надежной гарантией похвал и наград, которые Вы получите от правительства.

Когда Ваша работа будет завершена, Вам нужно будет отчитаться в ней перед главнокомандующим, и, направив ему точный план произведенных Вами промеров, Вы одновременно изложите ему свои взгляды относительно типов кораблей, которые можно себе позволить ввести в старый порт, будучи уверенным, что они не подвергнутся риску.

Подписано: Брюэйс».

Антуан-Жан Гро. Бонапарт перед битвой у пирамид

III

Битва у пирамид, подчинение Каира и прокламации улемов успокоили весь Нижний Египет. Коммуникации с Розеттой и Александрией были восстановлены. 30 июля главная квартира получила оттуда известия в первый раз с того времени, как отбыла из Даманхура, то есть в первый раз за 20 дней. Из трех писем адмирала одно было от 10 июля; в нем говорилось, что комиссия, созданная для проверки работ капитана Баррэ, занята промером глубин в новом фарватере, который, кажется, следует предпочесть обычному.

Вторым письмом, датированным 15-м числом, он сообщал о различных схватках, имевших место у абукирского колодца между матросами и арабами; несколько матросов было убито; сухопутные коммуникации с Александрией и Розеттой были прерваны. В третьем письме, от 20 июля, он передавал вести о Нельсоне, эскадру которого видели экипажи греческих судов, пришедших в Александрию; он писал: английская эскадра, как видно, крейсирует между Корфу и Сицилией; уступая в силе французской эскадре, она не решается к ней приблизиться; тем не менее, в порядке усиления мер предосторожности, он проверил

свою стоянку и нашел, что занимает неприступную позицию; слева он прикрыт островом Аль-Бекейр, находящимся в 600 туазах впереди порта; остров этот он занял 50 солдатами пехоты с двумя 12-фунтовыми полевыми орудиями, ибо счел полезным обезопасить его от покушений врага; два его самых плохих линейных корабля – «Герье» и «Конкеран» – поставлены на шпринг крайними слева в линии; будучи прикрыты островом, они гарантированы от любых посягательств; в центре он поставил «Франклина», «Ориана» и «Тоннана» – один 120-пушечный корабль и два 80-пушечных; 74-пушечные корабли не смогут безнаказанно стать в сфере огня этой грозной батареи; правда, правый фланг ее висит в воздухе и находится очень далеко от суши, но противник не сможет обогнуть его, не упустив ветер, который в это время года постоянно дует с северо-запада; в подобном случае он[129] выведет в море корабли левого крыла и центра и атакует противника под парусами.

Главнокомандующий, чрезвычайно недовольный и раздосадованный этой диспозицией, принятой адмиралом, тут же направил своего адъютанта капитана Жюльена с приказанием явиться на борт «Ориана» и не покидать этот корабль, пока он не увидит всю эскадру на якоре в старом порту; он написал адмиралу, что за 20 дней у того было время установить, может ли его эскадра войти в старый порт или не может; почему же тогда он не вошел туда?

Или же почему он, в соответствии с данным ему приказом, не отплыл на Корфу или в Тулон? Он повторяет свой приказ не оставаться на этой плохой позиции и немедленно поднять якоря; Абукир – открытый рейд, поскольку правое крыло не прикрывается там сушей; его[130] аргументация была бы убедительной, если бы ему угрожало нападение эскадры равной с ним силы; но маневры английского адмирала за последний месяц достаточно ясно показывают, что он ожидает подкреплений из-под Кадикса и что, как только подкрепление присоединится к нему, он появится перед Абукиром с 18, 20 или 25 линейными кораблями; нужно избегать всякого боя на море и возлагать надежды только на старый порт Александрии.

У Аль-Кама на капитана Жюльена напал отряд арабов; судно, на котором он находился, было ограблено, а сам этот бравый офицер – зарезан, защищая свои депеши. Впрочем, он мог бы прибыть на место только на следующий день после катастрофы, которую был призван предупредить. Все донесения из Александрии содержали жалобы на эскадру; в ней не было дисциплины, матросов отпускали на берег и на пляж, порты Александрии и Розетты были загромождены корабельными

шлюпками; на судах прекратились учения, никогда не объявлялась тревога; в море не был выслан легкий отряд или даже хоть один фрегат; каждый день на горизонте появлялись подозрительные суда, причем за ними не посылалось погони; служба была поставлена таким образом, что каждую минуту эскадру могли захватить врасплох.

Главнокомандующий послал адмиралу письмо, в котором выразил свое недовольство такими упущениями; он не мог себе представить, почему тот не воспользуется защитою от нападения, которую предоставлял старый порт Александрии; остров, к которому примыкала слева линия судов, поставленных на шпринг, был бесполезен, коль скоро на нем не установили штук тридцать орудий; следовало поставить там двенадцать 36-фунтовых железных пушек, четыре 16-фунтовых или 18-фунтовых бронзовых, с решеткою для каления ядер, и семь или восемь мортир системы

Лагомер – только тогда левое крыло оказалось бы действительно в безопасности; для него[131] остаются непонятными причины, побудившие адмирала оставить в Александрийском порту два 64-пушечных корабля; эти два корабля – новые, прекрасно построены, имеют значительно менее глубокую осадку, чем 74-пушечные, их можно было, с выгодою для себя, поставить между крайним левым кораблем линии и островом; эти корабли следовало предпочесть «Конкерану» – старому судну, давно предназначенному на слом, который в Тулоне вооружили только 18-фунтовыми пушками; линию судов, стоявших на шпринге, можно было также усилить в целом одним фрегатом на каждый линейный корабль (у адмирала было всего одиннадцать)[132]; вецианские фрегаты были очень хороши и своими размерами и шириной превосходили французские 44-пушечные фрегаты; они были способны нести 24-фунтовые орудия, имели меньшую осадку, что было неудобством в смысле замедления хода, но зато являлось преимуществом, когда корабли стояли линией на шпринге; наконец, в конвое имелись шесть бомбард, десять канонерских лодок.

Почему было не использовать их для усиления линии справа? В Александрийском порту на судах конвоя находилось 1500 матросов, адмирал мог усилить ими экипажи кораблей, доведя их до 100 человек сверх комплекта. Все эти размышления наводили на весьма грустные мысли и мучили главнокомандующего. Но вечером 2 августа он был совершенно успокоен прибывшей депешей от 30 июля.

Адмирал писал ему: он только что получил официальное уведомление о битве у пирамид и взятии Каира, которое

повлияло на арабов, немедленно подчинившихся; им найден фарватер для ввода кораблей в старый порт, на котором устанавливаются бакены, и через несколько дней его эскадра будет в безопасности, причем он просит разрешения сразу же после этого прибыть в Каир; он велел обследовать батареи, защищающие старый порт, и считает достойными самых высоких похвал офицеров артиллерии и инженерных войск, ибо все пункты идеально прикрыты; после же того как эскадра станет на якорь в старом порту, можно будет спать спокойно.

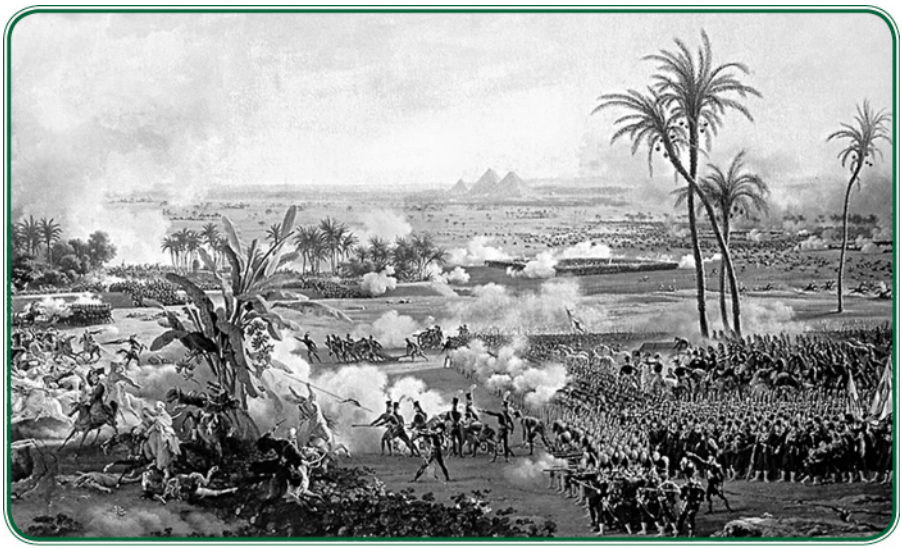
IV

1 августа, в два с половиной часа пополудни, английская эскадра, шедшая под всеми парусами, появилась на горизонте Александрии. Дул сильный северо-западный ветер. Адмирал находился за столом со своими офицерами. Часть экипажей и шлюпок были в Александрии, Розетте или на берегу – на абукирском пляже. Его первым сигналом было объявление боевой тревоги; вторым явился приказ шлюпкам, находившимся в Александрии, Розетте и на берегу, вернуться на свои корабли; третьим – приказ экипажам транспортных судов, находившихся в Александрии, явиться на линейные корабли по суше для усиления их экипажей; четвертым – приказ находиться в боевой готовности; пятым – приказ подготовиться к выходу в море; шестым – в 5 часов 10 минут – приказ открыть огонь.

Английская эскадра приближалась с величайшей быстротой, но в ее составе можно было заметить только одиннадцать 74-пушечных кораблей, один 50-пушечный и еще маленький корвет. Было 5 часов пополудни, казалось невозможным, чтобы с настолько незначительными силами английский адмирал захотел атаковать линию. Но два других линейных корабля находились к западу от Александрии, вне пределов видимости.

Они явились к месту сражения только к 8 часам вечера. Состав линии стоявших на шпринге французских кораблей был следующим: слева – «Герье», «Конкеран», «Спартиат» и «Аквилон», все четыре – 74-пушечные, позади «Герье» находился 36-пушечный фрегат «Серьез»; в центре – «Пепль-Суверен» (74-пушечный), «Франклин» (80-пушечный), «Ориан» (120-пушечный), «Тоннан» (80-пушечный), «Артемиз» (40-пушечный фрегат), за флагманским кораблем стояли два маленьких корвета; справа – «Эре» (74-пушечный), «Тимолеон» (74-пушечный), «Вильгельм Телль» (80-пушечный), на котором находился адмирал Вильнев, «Меркюр» (74-пушечный), «Женерё» (74-пушечный); за «Женерё»

стояли фрегаты «Диана» и «Жюстис» (оба 44-пушечные) – лучшие на флоте. Английская эскадра двигалась в следующем порядке: 1) «Каллоден» (в голове), 2) «Голиаф», 3) «Зеле», 4) «Ориан», 5) «Одасье», 6) «Тезей», 7) «Вангард» – флагманский корабль, 8) «Минотавр», 9) «Беллерофон»; 10) «Дефанс», 11) «Мажестье» (все 74-пушечные); 12) «Леандр» (50-пушечный) и «Мютин» – 14-пушечный корвет; 13) «Александр»; 14) «Суифтшюр» (последние два корабля находились за пределами видимости, к западу от Александрии)[133].



Франсуа Лежен. Сражение у пирамид 21 июня 1798 г.

Общее мнение, царившее во французской эскадре, заключалось в том, что бой будет отложен на завтрашний день, если только в течение ночи противник не усилится другими кораблями, ибо казалось невозможным, чтобы Нельсон отважился на битву с теми лишь кораблями, которые он держал на виду. Приказ о боевой тревоге был выполнен очень плохо. На «Ориане» оставили палубные надстройки, сооруженные для размещения пассажиров.

«Герье» и «Конкеран» высвободили только по одной батарее и загромоздили батарею, находившуюся со стороны суши. Брюэйс, видимо, собирался выйти в море, но дожидался матросов из Александрии, которые явились только в 9 часов вечера. Между тем вражеские силы находились на расстоянии пушечного выстрела, и, к большому удивлению обоих флотов, французский адмирал не давал сигнала открыть огонь.

Приказ Нельсона состоял в том, чтобы, бросив якорь,

атаковать французские корабли один на один, с тем чтобы каждый английский корабль резал нос французскому. «Каллоден», который должен был атаковать «Герье» – крайний слева корабль французской линии, – при попытке пройти между «Герье» и островом Аль-Бекейр сел на мель. Если бы на этом острове были поставлены тяжелые орудия, ему пришлось бы спустить флаг; во всяком случае он оставался бесполезен на всем протяжении битвы.

Следовавший за ним «Голиаф» прошел между ним и французской линией. Он хотел бросить якорь и резать нос «Герье», но, будучи увлечен течением и ветром, обошел этот корабль, который не смог использовать батарею правого борта, так как она была загромождена. Капитан «Голиафа» был поражен тем, что ни «Герье», ни «Конкеран» не дали по нему ни единого залпа, хотя на них развевался французский флаг; впоследствии он с удивлением узнал причину этого противоречия.

Если бы «Герье» стоял на четырех якорях поближе к острову, обойти его было бы невозможно. «Зеле» повторил маневр «Голиафа», за ним последовал «Ориан», но был атакован французским фрегатом «Серьез». Эта отважная атака замедлила его движение, он бросил якорь между «Франклином» и «Пепль-Сувереном». Английский флагманский корабль «Вангард» бросил якорь, чтобы резать нос «Спартиату» – третьему кораблю французской линии. «Дефанс», «Беллерофон», «Мажестье», «Минотавр» последовали его примеру, и все левое крыло и центр французской линии – до восьмого корабля «Тоннан» – оказались вовлеченными в сражение.

Пять же правых кораблей не приняли в нем никакого участия. Французский флагманский корабль и двое его «матросов»[134], значительно превосходившие вражеские корабли, совершали чудеса. Английский корабль «Беллерофон», потеряв снасти и мачты, был вынужден спустить флаг. Два других 74-пушечных корабля, потеряв мачты, были вынуждены удалиться; и, если бы в этот момент контр-адмирал Вильнев вышел в море с кораблями правого крыла и атаковал английскую линию находившимися под его командой пятью линейными кораблями и двумя фрегатами, победа досталась бы французам.

Английский линейный корабль «Каллоден» сел на мель, «Леандр» был занят тем, что старался помочь ему сняться с нее; правда, в пределах видимости появились «Александр» и «Суифтшюр», но они находились еще далеко от места сражения, «Беллерофон» же спустил флаг. «Леандр», видя, в каком опасном положении оказался английский флот, оставил «Каллодена» и ринулся в бой. Наконец прибыли «Александр» и «Суифтшюр»,

которые атаковали «Франклина» и «Ориана».

Исход сражения еще совершенно не определился, и оно продолжалось с примерно равными шансами для обеих сторон. С французской стороны «Герье» и «Конкеран» более не стреляли, но это были самые плохие корабли; со стороны англичан тоже были выведены из строя «Каллоден» и «Беллерофон». Английские корабли пострадали больше французских вследствие превосходящей силы огня «Ориана», «Франклина» и «Тоннана».

Казалось вероятным, что огонь будет продолжаться таким образом всю ночь и что адмирал Вильнев наконец примет участие в сражении. Но около 9 часов вечера на «Ориане» возник пожар. В 10 часов он взорвался, что и решило исход боя в пользу англичан. Взрыв его был ужасающим; сражение было прервано на полчаса. Затем французская линия возобновила огонь. «Спартиат», «Аквилон», «Пепль-Суверен», «Франклин», «Тоннан» поддержали честь своего флага. До трех часов утра огонь оставался ожесточенным, с трех до пяти он ослабел с обеих сторон, а в 5 часов вновь усилился, став таким же бешеным, как прежде. Что произошло бы, если б «Ориан» принимал в этом участие?

К полудню 2 августа исход сражения определился. Только тогда адмирал Вильнев словно впервые заметил, что на протяжении 18 часов идет бой. Он обрезал канаты и вышел в море с 80-пушечным «Вильгельмом Теллем», «Женерё» и фрегатами «Диана» и «Жюстис». Остальные корабли, составлявшие правое крыло, выбросились на берег, почти не приняв участия в бою.

Потери английской эскадры и возникший на ней беспорядок были таковы, что через 24 часа после начала сражения на «Тоннане» развевался еще французский флаг, но ни один из кораблей Нельсона не был в состоянии атаковать его – настолько пострадала английская эскадра. Он[135] с удовольствием увидел, что «Вильгельм Телль» и «Женерё» спасаются бегством. Его не соблазняла мысль о преследовании их. Своей победой он был обязан тупости и небрежности капитанов «Герье» и «Конкерана», несчастному случаю с «Орианом» и дурному поведению адмирала Вильнева. Брюэйс выказал величайшее мужество.

Несколько раз раненный, он отказался спуститься на перевязочный пункт. Он умер на своем мостике и с последним вздохом отдал боевой приказ. Командир «Ориана» Каза-Бьянка, выдающиеся офицеры Тевенар, Дюпти-Туар погибли со славой. С Каза-Бьянка находился его сын. Увидев, что пламя охватывает корабль, он пытался спасти ребенка и привязал его к плавающей в море стеньге; но этот красивый мальчик был поглощен волнами при взрыве.

Сам Каза-Бьянка погиб при том же взрыве вместе с «Орианом», держа в руке национальное знамя. Мнение моряков обеих эскадр едино: Вильнев мог обеспечить победу французов; он мог сделать это в 8 часов вечера, он мог сделать это в полночь после гибели «Ориана», он мог сделать это еще и на рассвете. Этот адмирал заявил в свое оправдание, что ожидал сигнала адмирала[136], но в клубах дыма этот сигнал не удалось прочесть.

Нужен ли сигнал, чтобы прийти на помощь товарищам и принять участие в битве? К тому же «Ориан» взорвался в 10 часов вечера, сражение закончилось на следующий день, около 12 часов. Следовательно, Вильнев командовал эскадрой в течение 14 часов. Этот офицер в генеральском чине не был лишен морского опыта, но был лишен решимости и энергии. Он обладал достоинствами капитана порта, но не имел качеств солдата. На высоте Кандии «Вильгельм Телль» и «Женерё» разделились.

«Вильгельм Телль» отправился на Мальту с двумя фрегатами; «Женерё» под командой отважного Лежуаля вошел в Адриатическое море и погнался за посланным с поручением «Леандром» – 50-пушечным кораблем, участвовавшим в Абукирском сражении; он захватил его после четырехчасового боя и привел на Корфу.

Англичане потеряли в этом[137] сражении 800 человек убитыми и ранеными. Они захватили семь линейных кораблей; два линейных корабля и один фрегат сели на мель и попали в их руки; один линейный корабль и один фрегат сели на мель и были сожжены у берега их экипажами; один линейный корабль взорвался; два линейных корабля и два фрегата спаслись. Число пленных и убитых достигало почти 3000 человек. 3500 человек прибыли в Александрию, в том числе 900 раненых, возвращенных англичанами. Командиры кораблей «Герье» и «Конкеран», «Эре», «Меркюр», «Тимолеон» покрыли себя стыдом. Капитаны фрегата «Серьез», кораблей «Спартиат», «Аквилон», «Пепль-Суверен», «Франклин» «Тоннан» заслужили величайшую похвалу[138].

V

Тысяча солдат морской пехоты или матросов, спасшихся с эскадры, были включены в состав артиллерийских и пехотных частей армии; полторы тысячи составили морской легион из трех батальонов; еще одна тысяча была использована для пополнения экипажей двух 64-пушечных линейных кораблей, семи фрегатов и бригов, корветов и посылочных судов, которые находились в Александрии.

Начальник военно-строительных работ флота Лерой энергично занялся спасательными работами. Ему удалось спасти несколько пушек, ядра, мачты, куски дерева. Капитан 1-го ранга Гантом – начальник штаба эскадры, бросившийся в воду, когда «Ориан» был охвачен пламенем, и достигший берега, был произведен в контр-адмиралы и взял на себя командование военно-морскими силами армии.

Жак-Франсуа де Мену де Бюсси
(1750—1810)

Генерал Мену после убийства Клебера стал главнокомандующим Египетской армией, но довольно быстро показал незначительную способность к командованию.

21 марта 1801 г. 16 тысяч англичан под командованием Эберкромби высадились на берег возле Александрии. Мену выступил против них, но был разбит и капитулировал, после чего оставил Египет с остатками французской армии.

Адмирал Брюэйс своим хладнокровием и неустрашимостью исправил, насколько это от него зависело, допущенные им ошибки, а именно: 1) то, что он не выполнил приказ своего начальника и не вошел в старый порт Александрии; он мог сделать это, начиная с 8 июля; 2) то, что он оставался на якоре у Абукира, не принимая при этом должных мер предосторожности.

Если бы он держал в море легкую эскадру, то уже на рассвете был бы предупрежден о приближении противника и не был бы захвачен врасплох; если бы он вооружил остров Аль-Бекейр и воспользовался двумя 64-пушечными линейными кораблями, семью фрегатами, бомбардами, канонерками, которые стояли в порту Александрии, а также матросами, находившимися в его распоряжении, то обеспечил бы себе большие шансы на победу; если бы он поддерживал хорошую дисциплину, ежедневно объявлял бы тревогу, два раза в день проводил учебные стрельбы и по крайней мере два раза в неделю лично осматривал свои корабли, то батареи правого борта на «Герье» и «Конкеране» не были бы загромождены.

Тем не менее, несмотря на все его ошибки, если бы «Ориан» не взорвался, а адмирал Вильнев пожелал бы принять участие в бою, вместо того чтобы оставаться праздным наблюдателем, французы смогли бы еще рассчитывать на победу. Образ действий Нельсона был отчаянным и не может быть рекомендован как образец, но сам он и английские экипажи проявили такую энергию и искусство, какие только было возможно проявить, в то время как половина французской эскадры выказала столько же неспособности, сколько и малодушия.

Через несколько дней после сражения Нельсон покинул воды, омывающие Египет, и направился к Неаполю. Он оставил крейсировать перед Александрией три линейных корабля. Командиры сорока неаполитанских судов, входивших в состав конвоя, пожелали вернуться в Неаполь. Они вступили в переговоры с английской эскадрой.

Им разрешили выйти из порта, но в момент выхода они были захвачены, выведены в море и сожжены; их экипажи были взяты в плен. Это событие имело наилучшие последствия для армии. Оно вызвало величайшее негодование генуэзцев и других матросов с берегов Италии, находившихся на судах конвоя; с этого времени они стали действовать заодно с армией и служили ей со всем усердием, на какое были способны. После боя у Салихии главнокомандующий вступил в переговоры с Ибрагим-беем.

Этот бей прекрасно понял, почему именно положение его было плачевным. Он находился в распоряжении Джеззар-паши,

пользуясь репутацией владельца больших сокровищ. Со всех сторон ему грозила опасность. Ему было предложено сохранить за ним и всеми его мамлюками право собственности на все их деревни, а также на их дома, платить им жалованье за счет республики – беям, как генералам, киашифам, как полковникам, а его лично возвести в сан государя с соответствующими почестями.

К этому предложению прислушались. Один из доверенных киашифов явился в Каир. Но через неделю после прибытия туда он получил отзывавшее его письмо Ибрагим-бея. Ибрагим писал ему: уничтожение эскадры изменило положение вещей; не имея более возможности получать подкрепления, будучи со всех сторон окруженными врагами, французы закончат тем, что будут побеждены. Через несколько дней после битвы у пирамид главнокомандующий написал Мурад-бею письмо и послал к нему негоцианта Розетти – ловкого человека, друга мамлюков и консула Венеции.

Он[139] сделал ему те же предложения, что и Ибрагим-бею. К этому он присовокупил пост губернатора одной из провинций Верхнего Египта – до того времени, когда удастся облечь его суверенной властью в Сирии. Мурад-бей, чрезвычайно высоко ставивший французскую армию, принял это предложение и заявил, что полагается во всем на великодушие французского полководца, нацию которого он знает и уважает; что сам он удалится в Иену и будет управлять долиной, от «двух гор» до Сиены[140] с титулом эмира; что он считает себя подданным французской нации и предоставит в распоряжение главнокомандующего для использования по его усмотрению отряд в 800 мамлюков; что за ним и его мамлюками будет закреплено владение всеми принадлежащими им деревнями и прочим имуществом и что он примет предложение относительно предоставления ему территории в Сирии, если главнокомандующий распространит на нее свою власть, но хочет лично договориться по этому вопросу с главнокомандующим, которого горячо желает видеть.

Розетти уехал с этой депешей. Он надолго задержался в Бени-Суэйфе и перед отъездом из этого города получил от Мурад-бея новое письмо, в котором говорилось, что, будучи уведомлен командующим английской крейсерской эскадрой о гибели французского флота в Абукире, он не может принять на себя никаких обязательств; что если бы он подписал таковые, то стал бы их придерживаться; но, оставаясь еще свободным, он решил сам попытать счастья.

Кораим – этот комендант Александрии, который первым

подчинился французскому оружию и оказал важные услуги, – вступил в переписку с командующим английской крейсерской эскадрой. Он предстал перед военно-судной миссией и был приговорен к расстрелу. Несколько дней главнокомандующий колебался; но ввиду критического положения вещей, требовавшего наказания в пример другим, он пожертвовал своими симпатиями к этому человеку.

В Газе высадились английские агенты, которые вошли в сношение с Ибрагим-беем, Джеззар-пашой и арабами Суэцкой пустыни. Другие высадились поблизости от башни Арабов, взбунтовали племена Бахейры, пустыни, Большого и Малого оазисов, завязали переписку с Мурад-беем, снабдили арабов деньгами, боеприпасами и оружием. В ноябре полк французской кавалерии был очень удивлен, очутившись среди арабов, вооруженных английскими ружьями со штыками.

Дурное влияние Абукирского сражения ощущалось даже в самом Каире. Друзья англичан распространяли там преувеличенное представление о последствиях их победы. Но после того как эскадра Нельсона удалилась от берегов Египта, удалось убедить шейхов в том, что ее преследовала другая французская эскадра. К тому же армия усиливалась на глазах. Кавалерия энергично пополнялась прекрасными конями. Отдохнувшая пехота привыкала к стране.

Вскоре, когда жаркий сезон миновал, она сделалась совсем иной. Лошади для артиллерийских упряжек доставлялись в том количестве, какое требовалось. Передвижения всех родов войск, частые смотры и учения с каждым днем укрепляли в умах арабов мнение о могуществе французской армии, и несколько недель спустя от ощущений, вызванных абукирской катастрофой, не осталось и следа.

VI

Нельсон прибыл в порт Неаполь, где его приняли, как триумфатора. Король и особенно королева открыто выказали свою ненависть к французской нации. Следствием этого явилась война. В ноябре 1798 г. неаполитанский король вступил в Рим во главе 60-тысячной армии; но он был разбит, отброшен, изгнан из Неаполя и вынужден искать убежища на Сицилии. Россия и Австрия присоединились к Англии и в марте 1799 г. возобновили войну второй коалиции.

Как только Порта узнала о вторжении в Египет, она выразила неудовольствие, однако умеренное. Джеззар-паше, посылавшему

гонца за гонцом с просьбами о помощи и полномочиях, был в ответ дан приказ: обороняться в Сирии, если он будет там атакован, но не начинать никаких военных действий и сохранять хладнокровие; султан ожидает объяснений из Парижа и не забыл, что французы – старейшие союзники империи. Англия, Австрия, Россия и Неаполь предприняли совместные демарши, чтобы втянуть Порту в войну с республикой. Император[141] Селим постоянно отвечал отказом.

Он заявил, что ожидает объяснений; но на самом деле совсем не хотел ввязываться в войну с Францией, врагом его природных врагов – России и Австрии. Он прекрасно понимал, что, коль скоро его армии окажутся скованными в пустынях Аравии, Константинополь станет жертвой ненависти и честолюбия русских. Один придворный, пользовавшийся особенным доверием Селима, прибыл в Каир через Дерну с караваном паломников. Он посетил главнокомандующего.

Он сообщил ему истинные намерения Порты. Он требовал – и это тут же было ему обещано – подтверждения права собственности города Мекки на все его владения, назначения османа эмир-агой и формирования отряда из мусульманских войск для охраны меккского каравана; наконец – объяснений главнокомандующего относительно его планов (при этом он заверил его в том, что Порта исполнена решимости ничего не делать поспешно и не дать увлечь себя никаким страстям).

Этот придворный провел в главной квартире более сорока дней. Он имел основание быть довольным тем, что сообщили ему каирские шейхи о настроениях султана Кебира и французов; он отплыл из порта на Красном море, под предлогом поездки в Мекку, и в декабре прибыл в Константинополь. Но к этому времени Порта была уже увлечена потоком событий; уничтожение Абукирской эскадры поставило ее в полную зависимость от английской и русской эскадр.

Письма французских офицеров, перехваченные крейсерской эскадрой и пересланные Порте английскими министрами, также оказали влияние на ее настроение. Эти офицеры проявили такое недовольство, описывали положение армии как такое критическое, что диван решил, что союзникам будет нетрудно вновь овладеть Египтом, в то же время он опасался, что если англичане станут хозяевами Египта, то они оставят его за собой, как грозились сделать. Это соображение – более, чем какое-либо другое, – побудило его объявить войну республике.

Глава V. Религиозные дела[142]

I. Улемы мечети Аль-Азхар. – II. Фетфа. – III. Праздник Нила и Пророка. – IV. Имам Мекки. – V. Нравы.

I

…Политические деятели, изучавшие внимательнее других дух народов Египта, рассматривали религию как главное препятствие на пути к установлению французского господства. Чтобы утвердиться в Египте, говорил Вольней в 1788 г., придется выдержать три войны: первую – против Англии, вторую – против Порты, а третью – наиболее трудную из всех – против мусульман, составляющих население этой страны.

Последняя потребует таких жертв, что ее, быть может, следует рассматривать как непреодолимое препятствие. Хотя французы стали хозяевами Александрии и Каира и победили в сражениях у Шубрахита и пирамид, положение их было непрочным. Их только терпели правоверные, которые, ошеломленные стремительностью событий, уступили силе, но уже оплакивали открыто торжество идолопоклонников, присутствие которых оскверняло священные воды.

Они стенали от позора, который это присутствие навлекало «на первый ключ» к священной Каабе[143]; имамы напыщенно декламировали те стихи Корана, которые наиболее враждебны неверным. Необходимо было приостановить распространение этих религиозных идей; в противном случае армия, несмотря на одержанные ею победы, оказалась бы под угрозой. Она была слишком слаба и утомлена, чтобы вести религиозную войну.

В XI и XII веках крестоносцы царствовали в Антиохии, Иерусалиме, Эдессе, Птолемаиде, но они были столь же фанатичны, как и мусульмане. В анналах всемирной истории нельзя найти примера усилия, подобного тому, которое предприняла тогда Европа. Несколько миллионов европейцев нашли смерть на полях Сирии, и все же после нескольких призрачных успехов крест был низвергнут, мусульмане одержали победу.

Предсказание Вольнея начинало осуществляться; нужно было либо вернуться на суда, либо примирить с собою религиозное мышление, избежать анафем Пророка, не допустить зачисления нас в ряды противников ислама; нужно было убедить, завоевать доверие муфтиев, улемов, шерифов, имамов, чтобы они истолковали Коран в пользу армии. Школа, или университет,

мечети Аль-Азхар – самая знаменитая на Востоке. Она была основана Саладином.

Шестьдесят докторов богословия, или улемов, обсуждают там вопросы веры, толкуют Священное Писание. Она была единственной, способной подать пример, увлечь за собой общественное мнение Востока и определяющих его четырех сект. Эти четыре секты – шафеиты, малекиты, ханбалиты и ханафиты – расходятся между собой только по вопросам обрядности; каждая из них имела в Каире своего главу – муфти.

Наполеон не упустил ничего из того, что могло привлечь их на его сторону, польстить им. Это были старцы, почтенные по своим нравам, образованию, богатству и даже по рождению. Ежедневно, после восхода солнца, они и улемы мечети Аль-Азхар стали, до наступления часа молитвы, являться во дворец. Эта процессия заполняла всю площадь Эзбекия. Они прибывали верхом на мулах с богатой упряжью, в окружении своих слуг и большого числа паломников. Французская стража брала на караул и оказывала им самые большие почести. Когда они входили в залы, адъютанты и переводчики также встречали их с почетом, угощали их шербетом и кофе.

Через несколько минут входил главнокомандующий, усаживался на диване рядом с ними и старался внушить им доверие обсуждением Корана, приглашая их разъяснить ему наиболее важные места и высказывая большое восхищение Пророком. По выходе из дворца они отправлялись в мечети, где собирался народ. Там они говорили ему о всех своих надеждах, успокаивали это многочисленное население с его недоверием и дурными намерениями. Они оказывали армии подлинные услуги.

Французская администрация не только не посягнула на владения мечетей и религиозных организаций, но и охраняла их с пристрастием, которое могло быть результатом только искренней склонности главнокомандующего к мусульманской религии. Основным принципом политики турок и мамлюков было отстранение шейхов[144] от отправления правосудия и от дел управления: они боялись, как бы те не стали слишком могущественными.

Для этих почтенных старцев явилось приятным сюрпризом, когда в их ведение было передано уголовное и гражданское судопроизводство, а также спорные административные вопросы. Это быстро подняло их авторитет в народе. Не прошло и месяца со времени вступления французской армии в Каир, как настроение шейхов изменилось. Они искренне привязались к султану Кебиру. Они были поражены тем, что победа неверных, которой они так боялись, обеспечила их торжество; это для них

французы одержали победу у пирамид! Французы относились внимательно и деликатно ко всем их деревням и всей их личной собственности.

Никогда еще эти люди, стоявшие одновременно во главе религиозных организаций, знати и судов, не пользовались большим уважением; никогда еще их покровительства не добивались так не только мусульмане, но даже и христиане – копты, греки, армяне, жившие в этой стране.

Последние воспользовались приходом армии для того, чтобы сбросить иго обычаев, не страшась мусульман. Как только главнокомандующий узнал об этом, он их обуздал. Все вошло в свою колею. Древние обычаи были полностью восстановлены, что наполнило радостью сердца мусульман и внушило им полное доверие.

М. Оранж. Бонапарт в Египте
(позади Наполеона генералы Дезе и Клебер)

Со времени революции французская армия не исполняла обрядов какой-либо религии. Она вовсе не бывала в церквах в Италии и не стала чаще бывать в них в Египте. Это обстоятельство было замечено проницательным оком улемов, столь ревностно и тревожно относившихся ко всему, что имело отношение к их культу. Оно оказало на них самое благоприятное влияние. Если французы не были мусульманами, то по крайней

мере было доказано, что они и не идолопоклонники; султан Кебир, несомненно, находился под покровительством Пророка.

Из тщеславия, свойственного всем людям, шейхи с удовольствием рассказывали о ласковом приеме, который он им оказывал, о почестях, которыми их осыпали, обо всем, что они говорили или воображали, что сказали. Их пристрастие к Наполеону было очевидным, и одним из догматов веры стало: «Французы никогда не победили бы правоверных, если бы их вождь не пользовался особым покровительством Пророка. Армия мамлюков была непобедимой, самой храброй на Востоке; если она не оказала никакого сопротивления, то это потому, что была греховной, неправедной. Этот великий переворот предсказан в Коране в нескольких местах».

Затем султан Кебир затронул струнку арабского патриотизма: «Почему арабская нация подчинена туркам? Почему в плодородном Египте, священной Аравии господствуют выходцы с Кавказа? Если Магомет спустился бы сегодня с небес на землю, то куда бы он направился? В Мекку? Но тогда он оказался бы не в центре мусульманской империи. В Константинополь?

Но это светский город, где неверных больше, чем верующих, там он очутился бы среди врагов его; нет, он предпочел бы священные воды Нила, поселился бы в мечети Аль-Азхар, этом «первом ключе» к священной Каабе». Когда эти почтенные старцы слышали такие речи, лица их расплывались в улыбке, они наклонялись вперед и, скрестив руки, восклицали: «Тайиб! Тайиб!» – о, это истинно так!

Когда Мурад-бей был отброшен в Фиваиду, Наполеон сказал им: «Я хочу восстановить Аравию, кто помешает мне? Я уничтожил мамлюков – самое храброе войско Востока. Когда мы достигнем полного согласия между собой и народы Египта узнают, сколько добра я хочу им сделать, они искренне привяжутся ко мне. Я хочу возродить времена славы Фатимидов»[145]. Эти речи стали предметом обсуждения всей каирской знати. То, что она увидела у пирамид, заставило ее поверить во всемогущество французской армии.

Она окружила главнокомандующего своим вниманием, видя в нем человека, избранного провидением. Шейх Аль-Мохди – самый красноречивый, образованный и молодой из всех в Аль-Азхаре – являлся в то же время тем, кто пользовался наибольшим доверием Наполеона. Он переводил обращения арабскими стихами. Отдельные строфы заучивались наизусть и поныне повторяются в пустынях Африки и Аравии.

С тех пор как улемы образовали диван, ведавший делами управления, они получали отчеты из всех провинций и знали о

смутах, порождаемых недоразумениями и самым именем неверных. Султан Кебир в своих беседах с ними стал все более горько жаловаться на неблагонамеренные проповеди, с которыми имамы выступали по пятницам в мечетях; но выговоры и увещания, с которыми шейхи обращались к этим беспокойным имамам, оказались недостаточными.

Наконец, когда он счел момент благоприятным, он сказал десяти из главных шейхов, наиболее ему преданным: «Нужно положить конец этим беспорядкам; мне нужна фетфа Аль-Азхары, приказывающая народу принести присягу на верность». Это предложение заставило их побледнеть; душевное волнение отразилось на их лицах; выражение последних стало печальным и унылым. Шейх Аль-Шаркун – глава улемов Аль-Азхары – взял слово и сказал после продолжительного раздумья: «Вы хотите пользоваться покровительством Пророка, он любит вас; вы хотите, чтоб арабы-мусульмане поспешили встать под ваши знамена, вы хотите возродить славу Аравии, вы не идолопоклонник, сделайтесь мусульманином; 100 000 египтян и 100 000 арабов из Аравии, Медины, Мекки сомкнутся вокруг вас.

Под вашим водительством и дисциплинированные на ваш манер, они завоюют Восток, и вы восстановите родину Пророка во всей ее славе». В то же мгновение старческие лица осветила улыбка. Все пали ниц, призывая покровительство небес. Со своей стороны, главнокомандующий был удивлен. Его неизменным мнением было, что всякий человек должен умереть, не изменив своей религии. Но он быстро сообразил, что всякие разговоры и дискуссии по этим вопросам окажут хорошее влияние.

Он ответил им: «Есть две большие трудности, препятствующие тому, чтобы я и моя армия сделались мусульманами; первая – это обрезание, вторая – вино; мои солдаты приучены к вину с детства, я никогда не смогу убедить их отказаться от него». Шейх Аль-Мохди предложил поручить шестидесяти шейхам Аль-Азхара открыто поставить этот вопрос и обсудить его.

Вскоре во всех мечетях распространился слух о том, что великие шейхи денно и нощно поучают султана Кебира и главнейших генералов догматам веры и даже обсуждают содержание фетфы, которая облегчила бы, насколько возможно, это великое событие[146]. Самолюбие всех мусульман было польщено, радость была всеобщей! Это самолюбие повторяло им, что французы восхищены Магометом, что их вождь знает Коран наизусть и признает, что в этой премудрой книге заключены прошлое, настоящее и будущее; но что его останавливает обрезание и запрещение Пророком пить вино.

Имамы и муэдзины всех мечетей в течение сорока дней находились в величайшем возбуждении. Но это возбуждение было полностью в пользу французов. Последние не считались более неверными. Все, сказанное Пророком, не могло более относиться к победителям, которые повергли свои лавры к подножью столпа ислама. В народе ходили тысячи слухов. Одни говорили, что сам Магомет явился султану Кебиру, сказав ему: «Мамлюки правили, следуя только своим капризам; я выдал их тебе. Ты предоставил власть шейхам, улемам; поэтому все тебе удается.

Но нужно завершить то, что ты начал. Признай догматы моей веры и следуй им; это вера самого Бога. Арабы ждут только этого сигнала; я дам тебе завоевать всю Азию». Эти речи и ответы, приписываемые султану Кебиру, распространялись в тысячах различных вариантов. Он воспользовался этим, чтобы распустить слух о том, что испросил годичный срок для подготовки своей армии и Магомет ему этот срок предоставил; что обещал построить большую мечеть; что вся армия станет мусульманской и что великие шейхи Ас-Сада и Аль-Бакри рассматривают его как мусульманина.

II

Четыре муфти наконец представили составленную и подписанную ими фетфу. В ней было сказано: что обрезание представляет собой дополнение[147], что оно не было введено Пророком, а лишь рекомендовалось им, что можно поэтому быть мусульманином, не будучи обрезанным; что же касается второго вопроса, то можно пить вино и быть мусульманином, но это значит жить во грехе без надежды на награду, обещанную избранным.

Наполеон выразил свое удовлетворение решением первого вопроса, радость его казалась искренней. Все эти старые шейхи разделяли ее. Но он выразил большое огорчение по поводу второй части фетфы. Как убедить его солдат принять новую религию, когда это означает самим признать себя грешниками, взбунтовавшимися против велений неба? Шейхи признали, что это трудно, и заявили, что со времени постановки этих вопросов они в своих молитвах неустанно просят помощи у бога Измаила.

После продолжительной беседы, в которой не все шейхи проявили себя одинаково твердыми в своих убеждениях, причем одни не видели никакого выхода, а другие полагали, напротив, что в фетфу можно внести некоторые изменения, шейх Аль-Мохди предложил: оставить в фетфе только первую часть, что окажет

благоприятное действие на страну и просветит тех людей, чьи мнения расходятся с ее содержанием; вторую же часть сделать предметом новой дискуссии; быть может, удастся получить консультацию у шейхов и шерифов Мекки, которые такого высокого мнения о своей эрудиции и влиянии на Восток.

Это предложение было принято. Фетфа была обнародована во всех мечетях; в пятницу, после молебна, когда имамы имеют обыкновение произносить проповедь, они разъяснили фетфу и единодушно и энергично высказались в пользу французской армии. Вторая фетфа явилась предметом горячей и длительной дискуссии и переписки с Меккой.

Наконец, будучи бессильны подавить сопротивление всех несогласных, равно как привести ее в полное соответствие с точным текстом Корана и заветов Пророка, муфти выработали фетфу, в которой говорилось: что новообращенные смогут пить вино и быть при этом мусульманами, если искупят свой грех добрыми делами и благотворительностью; что Коран предписывает раздавать в качестве милостыни или обращать на благотворительность не менее одной десятой своего дохода; те же, кто, став мусульманами, будут продолжать пить вино, должны будут довести средства, раздаваемые в качестве милостыни, до одной пятой своего дохода.

Эта фетфа была принята и казалась способной примирить между собой все точки зрения. Совершенно успокоившись, шейхи полностью посвятили себя служению султану Кебиру и поняли, что ему понадобится по крайней мере год, чтобы просветить умы и преодолеть сопротивление. Он приказал представить ему чертежи, планы и сметы для подготовки строительства мечети, достаточно большой, чтобы вместить всю армию в день, когда она признает закон Магомета.

Между тем генерал Мену публично перешел в ислам. Став мусульманином, он посещал мечеть в Розетте. Он не просил никаких послаблений. Весть об этом наполнила радостью сердца всех жителей Египта и не оставила сомнений в искренности намерений французов. Повсюду шейхи проповедовали, что Наполеон, не будучи неверным, любя Коран, выполняя миссию Пророка, является истинным служителем священной Каабы.

Этот переворот в умах сопровождался переворотом в управлении. Все, что было трудно, стало легко; все, что прежде удавалось приобрести с оружием в руках, теперь стало поступать по доброй воле, без усилий. С этого времени паломники, даже самые фанатичные, неизменно оказывали султану Кебиру такие же почести, как мусульманскому государю; примерно с того же времени при появлении главнокомандующего в городе

правоверные стали падать ниц; они вели себя по отношению к нему так, как имели обыкновение вести себя по отношению к султану.

Мурад-бей. *Изображение из «Описания Египта». 1809 г.*

Мурад-бей (1750—1801) — египетский вождь мамлюков, правил Египтом совместно с Ибрагим-беем.

После поражения от армий Наполеона в сражении у пирамид, сбежал в Верхний Египет, где организовал партизанскую кампанию. В 1800 г. заключил мир с Клебером и согласился на командование гарнизоном в Каире, но умер от бубонной чумы на подъезде к нему.

В день 18 августа, когда ниломер[148] на острове Руда показал 14 локтей, диван и кади[149] приказали прорвать дамбу канала Повелителя Правоверных. Это – церемония, в которой жители Каира принимают наибольшее участие. Еще до восхода солнца 200 000 зрителей усеяли оба берега Нила в Старом Каире и у острова Руда.

Несколько тысяч малых и больших барок, украшенных флагами и знаменами, дожидались момента, когда можно будет войти в Нил. Часть французской армии в парадной форме была выстроена тут же. Султан Кебир, окруженный своим французским штабом, четырьмя муфти, улемами, великими шейхами, шерифами, членами дивана, имея справа от себя Аль-Бакри, потомка Пророка, а слева – Ас-Саду, потомка Хасана, выехал из своего дворца, проследовал через весь город и прибыл в павильон у устья канала.

Он был принят кади и шейхами ниломера. Был оглашен протокол, констатирующий уровень, достигнутый Нилом, доставлены и проверены на глазах у публики использованные меры. Было объявлено, что маль-аль-хур подлежит уплате. Оглашение этого акта, подписанного и объявленного во всеуслышание, сопровождалось артиллерийским залпом и радостными кликами этой огромной толпы зрителей. Кади прорвал дамбу со всеми обычными церемониями.

Потребовался час, чтобы река унесла ее. Нил устремился в канал с высоты 18 футов. Вскоре после этого маленькая барка, на которой находился шейх ниломера, вошла в реку первой, а за ней последовали другие, покрывшие собою Нил. Они дефилировали целый день. Генеральный казначей Эстев разбросал значительную сумму в мелкой монете. В павильоне был сервирован роскошный обед. Султан Кебир искренне подчинился всем формальностям, которых требовал обычай от правителя страны.

Нил предвещал паводок более сильный, чем за последние перед тем несколько лет. В городе была устроена иллюминация, и празднество продолжалось всю эту ночь и следующие восемь ночей. Вскоре площади Каира сделались озерами, некоторые улицы – каналами, сады – затопленными лугами, над которыми высились деревья.

В течение сентября весь Египет являл зрелище моря, если смотреть на него с вершины пирамид, горы Мукаттам или дворца Саладина. Это было восхитительное зрелище. Минареты и вершины мавзолеев как бы плавали в воздухе над поверхностью вод, которые бороздили во всех направлениях тысячи больших и малых парусников, занятых перевозками, обеспечением коммуникаций и обслуживанием нужд населения. Солдаты

больше не жаловались, что Нил не оправдал своей репутации.

Они больше не говорили, что это ручей, несущий грязную, мутную воду. В рукавах Нила высота воды достигала 27–28 футов, в большинстве каналов – 8, 10 и 12 футов, а на поверхности земли – 4, 5 и 6 футов. В декабре Нил вернулся в свое русло или в каналы. Постепенно показалась вновь земля. Тысячи земледельцев занялись вспашкой и обработкой ее. Они сеяли всякого рода злаки и овощи; наконец, несколько недель спустя, был снят первый урожай.

Эти цветущие равнины, покрытые густыми всходами, имели очаровательный вид. Солдату показалось, что он вернулся в прекрасную Италию. Какой контраст с суровым видом этих иссушенных и выжженных равнин в июне и июле, то есть всего шесть месяцев назад! В конце августа в этом году (1798 г.) отмечался праздник Пророка. Армия разделяла радость и удовлетворение жителей. Город был иллюминован цветными плошками.

Каждая мечеть, каждый дворец, каждый базар, каждое здание отличались своими украшениями. Устраивались фейерверки. Армия в парадной форме произвела ряд эволюций под окнами дворца Бакри. Главнокомандующий и весь состав штаба нанесли ему визит. При этом присутствовали все улемы и муфти. Усевшись на земле на подушках, они распевали магометанские литании. Эти почтенные старцы целый час декламировали арабские стихи во славу Магомета.

Все они с силою раскачивались сверху вниз. В момент, указанный молитвой, залп ста пушек, установленных в цитадели Гизы, на судах флотилии, а также всех полевых батарей приветствовал стих, который возвещал о прибытии Пророка в Медину – начало хиджры[150]. Шейх дал обед на пятидесяти столиках – по пяти приборов на столик. В середине стоял столик султана Кебира и Бакри. Полковые оркестры один за другим исполняли серенады, отражая всеобщую радость.

Все площади города были заполнены бесчисленными толпами народа, разделившимися на круги в 60—100 человек, которые стояли, прижавшись друг к другу, и все время раскачивались либо сверху вниз, либо вперед и назад с такой силой, что некоторые теряли сознание. Члены духовных братств, рассеянные по всем этим кругам, возбуждали сильнейшее любопытство и пользовались почтением народа.

Непринужденность и веселье, с которыми мусульмане предавались всем этим церемониям, искренность, радость и братство, которые характеризовали их отношения с солдатами, позволяли судить о развитии общественного мнения и о том,

сколь велико было достигнутое сближение.

1 вандемьера, в день праздника республики, мусульмане, в благодарность за участие армии в празднике Нила и Пророка, предались радости с полной непринужденностью. На площади Эзбекия была сооружена пирамида. На балюстраде, окружавшей пьедестал, расположились муфти, кади, улемы, великие шейхи. Выслушав обращение главнокомандующего и проделав ряд эволюций, армия прошла церемониальным маршем.

Предоставление почетного места на этом празднестве знатным людям страны было с величайшим удовлетворением отмечено народом. Главнокомандующий дал обед на сто персон, со всей роскошью, какую можно было продемонстрировать в Париже. Вечером состоялись бега и всякого рода игры, развлечения для народа и солдат. Новым зрелищем, от которого французы ожидали большого результата, явился пуск воздушного шара, осуществленный Конте.

Шар поднялся и исчез в великой Ливийской пустыне. Место, где он опустился, осталось неизвестным, на нем[151] никого не было, но находились стихи на турецком, арабском и французском языках. Он, впрочем, не вызвал любопытства у мусульман. Но если он не произвел эффекта, на который рассчитывали, то породил различного рода слухи. Правоверные говорили, что он служит средством связи султана Кебира с Магометом. Шейх Аль-Мохди много смеялся над этим слухом, ходившим в народе. Он сочинил на эту тему прекрасные арабские стихи, которые распространились по всему Востоку.

IV

В Мекке царствовал шериф Халеб. Каирские улемы написали ему о прибытии французской армии и о покровительстве, оказываемом ею исламу. Он ответил как человек, стремящийся предохранить большие интересы, которые были у него в Египте. Он царствовал над бедной местностью, для которой Египет был почти единственным источником средств существования – ржи, ячменя, овощей. Мекка, пришедшая в сильный упадок, все же сохраняла некоторые остатки прежнего процветания благодаря караванам с Запада и Востока.

Караваны с Востока собирались в Дамаске и оттуда же отправлялись в путь, западные – отправлялись из Каира. Шериф написал султану Кебиру и присвоил ему звание служителя священной Каабы, что стало известно и распространилось по стране через посредство мечетей, возымев хорошее действие.

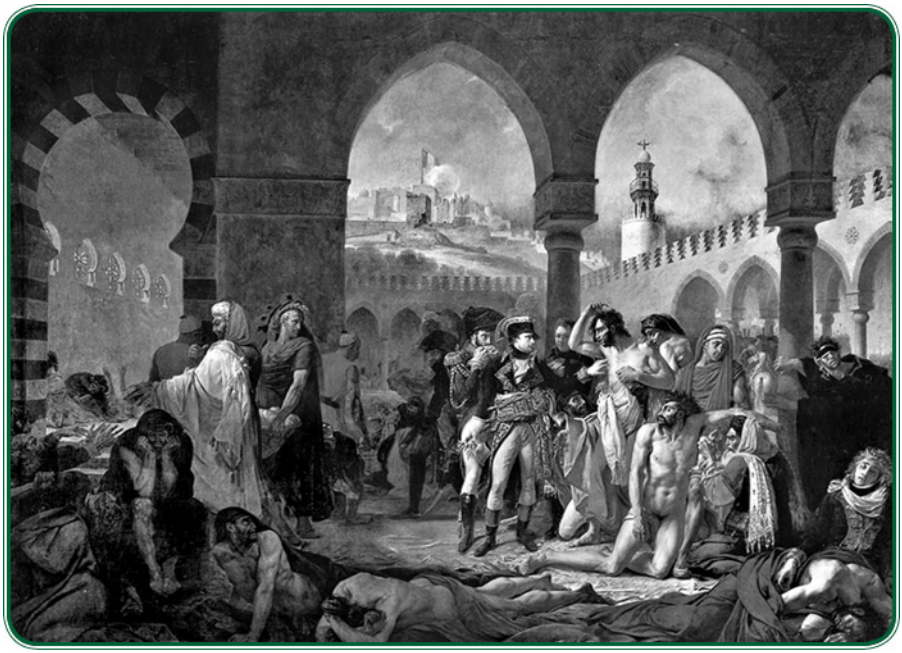
Шериф Мекки – суверенный правитель, имеет свои войска; но Джидда, порт Мекки, принадлежит султану, который держит там гарнизон. Он посылает туда пашу, который позволяет себе вмешиваться в управление самим городом[152].

Политика Константинополя состоит в том, чтобы уменьшить, как только возможно, религиозное влияние шерифа Мекки. Султаны являются халифами[153]; по существу, им удалось свести это влияние к нулю. Французский главнокомандующий вел прямо противоположную политику.

Он был заинтересован в том, чтобы возвысить авторитет этого мелкого владетеля в религиозных делах, поскольку тот нуждался в Египте для удовлетворения своих нужд. С ростом этого влияния соответственно уменьшалось влияние муфти Константинополя. Он[154] не только допускал, но и способствовал всеми средствами сношениям улемов с шерифом, который не замедлил осознать, сколь выгодна была такая политика для его интересов, для повышения его авторитета.

Шериф стал желать укрепления французской власти над Египтом и, насколько от него зависело, всемерно этому способствовал. Кахья паши был назначен эмир-агой. Этот выбор удивил; но он был вызван влиянием Порты. Она выразила пожелание, чтобы этот важный для религии пост был занят османом. Эмир-аге было передано все имущество и все права, связанные с отправлением этой должности. Он набрал отряд в 600 человек для сопровождения каравана[155].

Вскоре он стал пользоваться большим авторитетом и реальным влиянием. Ковер, который ежегодно посылает Каир для священной Каабы с караваном паломников, сделан из шелка, богато вышитого золотом; он изготовляется в мечети Султан-Калаун. Был отдан приказ сделать этот дар богаче обычного и вышить на нем большее количество изречений.



Антуан-Жан Гро. Посещение Наполеоном жертв чумы в Яффе 11 марта 1799 г. *1804 г.*

Офицеры инженерных войск, занятые фортификационными работами, повредили несколько могил. Весть об этом распространилась и вызвала величайшее недовольство. Около 6 часов вечера народный поток заполнил площадь Эзбекия и поднял шум под окнами султана Кебира. Охрана закрыла шлагбаумы, встала в ружье.

Главнокомандующий был за обедом. Он подошел к окну со своим переводчиком, гражданином Вантюром, который объяснил ему, что это признак доверия, освященный обычаем способ представлять петиции государю. Вантюр спустился вниз, приказал открыть шлагбаумы, успокоил охрану, велел выбрать депутацию из двадцати человек. Эти люди поднялись в апартаменты главнокомандующего и были приняты с величайшим уважением.

С ними обращались, как с великими шейхами. Им подали кофе и шербет. Затем их ввели к главнокомандующему; они изложили свои жалобы. Ряд могил осквернен, французы ведут себя, как неверные или идолопоклонники. Лица, входившие в состав депутации, были большей частью улемами или муэдзинами, то есть людьми, которые обычно крайне фанатичны. Они говорили с жаром, но их жалоба была принята. Об офицерах

французских инженерных войск отозвались с осуждением.

Был послан приказ немедленно прекратить работы, и муфти выполнили все необходимые формальности, предписываемые в подобных случаях ритуалом. Делегаты были чрезвычайно польщены; они выразили свое удовлетворение собравшемуся народу; поднявшись на подобие помоста, они отчитались в сделанном депутацией. Отчет был встречен возгласами радости. Затем они отправились к осквернённым могилам.

Работы были уже прекращены. Гордые своей победой, успокоив свою совесть, они прошли через весь город, распевая стихи Корана. Наконец они вошли в мечеть Аль-Азхар, где служил один имам; он помолился за султана Кебира и за то, чтобы Пророк всегда поддерживал в нем настроения, благоприятные исламу.

Мечети получали доход с большого количества земель и вкладов; но эти доходы нередко растрачивались администрацией мечетей. Султан Кебир, желая продемонстрировать свой интерес ко всему, что интересовало религию, подтвердил действительность всех вкладов, которыми пользовались мечети, мавзолеи, другие религиозные учреждения.

Узнав, что мечеть Хасана очень плохо управляема, он однажды отправился туда в час молитвы. Все молящиеся вышли и окружили его, удивленные столь необычным зрелищем. Он велел позвать имамов, ведавших содержанием мечети. «Почему, – сказал он им, – этот храм божий так плохо содержится? Что сделали вы с доходами мечети?

Разве для вас и ваших семей верующие дарили ренты и земли, или же они подарили их для содержания мечети и религиозных нужд?» Он тут же велел выбрать шестерых старейшин квартала и приказал отчитаться перед ними в использовании доходов мечети. Это встретило живейшее одобрение общественного мнения. Из отчетности стало ясно, что администрация должна мечети значительные суммы. Эти суммы были возвращены дебиторами и употреблены на украшение мечети.

Наполеон повторил ту же сцену во всех мечетях, где имелись злоупотребления. Путешествуя по стране, он проявлял о них такую же заботу. Повсюду он заставлял возвращать растраченные суммы, в результате чего в храмах повсеместно развернулись ремонтные и другие работы. Жалобы на тех, кто присваивал доходы мечетей, посылались анонимно или за подписью жалобщика, и он внимательно следил за отчетностью и возвращением присвоенных сумм, что необыкновенно радовало народ – и по причине его религиозности, и в силу того, что

видеть, как заставляют раскошеливаться людей, ведающих общественными фондами, – для него всегда счастье.

V

Жены беев или киашифов иногда испрашивали аудиенции у султана Кебира. Они являлись, окруженные многочисленной свитой. Лица их были закрыты в соответствии с обычаем страны. Невозможно было судить о том, насколько они красивы; но маленькие ручки, тонкая талия, более или менее мелодичный голос, манеры, являющиеся следствием благосостояния и хорошего воспитания, раскрывали их сан и положение в свете.

Они целовали руку султана Кебира, подносили ее к своему лбу и сердцу, усаживались на дорогих шелковых подушках и заводили разговор, в котором проявляли столько же ловкости и кокетства, сколько могли бы проявить наши европейские жещины, получившие наилучшее воспитание, чтобы добиться того, за чем пришли. Будучи рабынями своих мужей, они имеют, тем не менее, права, защищаемые общественным мнением; например, право ходить в бани, где завязываются интриги и устраивается большая часть браков.

Ага янычар Каира, выполнявший функции начальника полиции и оказывавший большие услуги армии, однажды, в качестве вознаграждения, просил султана Кебира руки одной вдовы; эта вдова была красива и богата. «Но откуда вы знаете, что она красива, вы ее видели?» – «Нет». – «Почему вы просите ее руки у меня, согласится ли она на это?» – «Без сомнения, если вы ей прикажете». Действительно, как только эта вдова была поставлена в известность о намерении главнокомандующего, она подчинилась.

Между тем эти двое супругов никогда не виделись и не знали друг друга. В дальнейшем большое количество браков совершалось таким образом. Когда женщины едут в Мекку, они лежат в своего рода закрытых паланкинах из ивовых прутьев с занавесками, которые ставят поперек верблюда. Иногда эти корзины подвешиваются с обеих сторон седла, причем поддерживается равновесие; в подобном случае один верблюд несет двух женщин.

Жена генерала Мену продолжала после своей свадьбы посещать бани в Розетте[156]. Там перед ней заискивали все женщины, которым было очень любопытно узнать, как она живет. Она рассказывала им о деликатности и заботливости ее мужа, о том, что за столом ей подают первой и ей же достаются лучшие

куски, что для перехода из одного помещения в другое ей подают руку, что муж неустанно ухаживает за ней, старается исполнить все ее желания, удовлетворить все нужды.

Эти речи возымели такое действие, что вскружили голову всем женщинам Розетты, и они направили в Каир султану Кебиру петицию с просьбой приказать египтянам во всем Египте обходиться с ними по обычаю французов.

Привлек к себе внимание народа институт. Библиотека, все математические и физические приборы, камни, растения и другие предметы, относящиеся к естественной истории и добытые учеными в этой стране, были собраны в его дворце или в саду. Местным жителям потребовалось много времени, чтобы понять, что представляет собой это сборище серьезных и пытливых людей; они не управляли, не занимались административными делами, религия не была их целью; жители решили, что они фабрикуют золото.

В конце концов жители, однако, получили правильное представление о деятельности института, и ученых стали уважать не только богословы и знатные люди, но и низшее сословие, ибо они часто имели дело с рабочими и, руководя ими, сообщали нужные сведения из области механики или химии. Это завоевало им глубокое уважение народа.

Шейх Аль-Мохди, присутствуя на заседании института, получал через переводчика разъяснения о том, что там говорилось. Обсуждался доклад Жоффруа о рыбах Нила. Он попросил слова и сказал, что, как заявил Пророк, Бог сотворил 30 тысяч видов живых существ: 10 тысяч на суше и в воздухе и 20 тысяч в водах. Кстати говоря, это был самый ученый и образованный из всех шейхов, большой книжник.

Однажды, когда великие шейхи находились у главнокомандующего, офицер, прибывший из Кельюба, доложил ему, что арабы племени биллис совершили налет на бедную деревню и убили одного феллаха. Наполеон выказал большое негодование и приказал одному из офицеров штаба отправиться туда с 300 всадниками и наказать разбойников.

Поскольку он говорил с большим жаром, один из шейхов сказал ему: «Почему ты сердишься? Разве убитый феллах брат твой?» – «Да, – ответил султан Кебир, – все, кто послушен мне, – мои дети». – «Тайиб, тайиб[157],– сказал шейх Аль-Шаркауи, – то, что ты сказал, – справедливо, ты говоришь, как Пророк!!!» Полчаса спустя он не преминул рассказать об этом в большой мечети, заполненной огромной толпой, что очень обрадовало народ, вскричавший: «Бог велик, Бог – справедлив, все идет от Бога, все возвращается к Нему, все мы – Божьи».

Глава XII. Возвращение Наполеона на Запад

Покидая Францию, главнокомандующий был облечен военной властью. Ему была предоставлена от правительства свобода действий как в отношении мальтийских дел, так и в отношении египетских и сирийских, равно как и константинопольских и индийских. Он имел право назначать на любые должности и даже избрать себе преемника, а самому вернуться во Францию тогда и так, как он пожелает.

Он был снабжен необходимыми полномочиями (с соблюдением всех форм и приложением государственной печати) для заключения договоров с Портой, Россией, различными индийскими государствами и африканскими владетелями. В дальнейшем его присутствие являлось столь же бесполезным на Востоке, сколь оно было необходимо на Западе; все говорило ему, что момент, назначенный судьбой, настал!!!

Он посвятил в свое решение совершить переход в Европу контр-адмирала Гантома и приказал ему приготовить два фрегата – «Мюирон» и «Карэр» и две маленькие шебеки – «Реванж» и «Фортюн». Оба фрегата были венецианской постройки, и тоннаж их несколько превышал тоннаж французских 44-пушечных фрегатов. Этот небольшой отряд был снабжен трехмесячным запасом воды и четырехмесячным запасом продовольствия для экипажей и 400 пассажиров.

Пока в александрийском арсенале шли эти приготовления, главная квартира достигла Каира. Везир Мустафа прибыл туда несколькими днями раньше. При виде трофеев Абукирского сражения население Каира почувствовало удовлетворение. Наполеон чрезвычайно энергично заботился о всех нуждах армии. Он приказал закупить все имевшиеся каркассонские и ландресийские сукна любого цвета, ибо найти синие не представлялось возможным, и сам определил новые цвета мундиров каждого полка. Он внес в управление страной некоторые изменения, подсказанные опытом.

Однако в ряде важных вопросов разбирались еще слишком плохо, чтобы можно было осуществить более значительные перемены. Трудности языкового характера и нежелание коптов давать разъяснения намного замедлили познание финансовых дел. Праздник пророка был отпразднован с торжеством, которое вызвало самую горячую признательность везира Мустафы и

офицеров, плененных будь то в Абукире или в Сирии. На следующий день после этого праздника главнокомандующий отправил нескольких лучше всего настроенных из числа этих офицеров в Константинополь и Мекку. Их рассказы вызвали сенсацию, благоприятную для французов.

Дэвид Робертс. Вид города Яффы.
Литография XIX в.

Комиссия наук и искусств ожидала подчинения Верхнего Египта, чтобы совершить туда путешествие. Господин Денон, сопровождавший главную квартиру Дезэ, вернулся. Зарисовки и заметки, находившиеся в его портфеле, возбудили дух соревнования в других ученых и художниках. Члены комиссии разместились на трех джермах, хорошо меблированных и вооруженных; они осмотрели, зарисовали и описали памятники Верхнего Египта. Они провели несколько месяцев в этом интересном путешествии, которого Европа дожидалась уже столько веков.

Подпись Наполеона в разные годы

Контр-адмирал Гантом прислал донесение, датированное 13 августа, в котором говорилось, что все четыре судна будут готовы выйти в море 20-го; но что, однако, не следует надеяться на возможность сделать это с какими-либо шансами на успех до ноября месяца; тогда ветры станут дуть с юга, а длинные ночи будут благоприятствовать переходу.

Но 19 августа, в 5 часов утра, в Каир прибыл дромадер с курьером генерала и доставил депешу, в которой говорилось, что, по счастливой случайности, английские корабли, крейсировавшие перед портом, неожиданно исчезли, оставив для наблюдения за ним только маленький бриг; что в результате

этого 24-го в полдень его отряд станет на якорь вне фарватеров; что необходимо прибыть на побережье 24-го, до полудня, чтобы он смог выйти в море, и, воспользовавшись ветрами с суши, удалиться от берега.

Это известие оставило главнокомандующему лишь столько времени, сколько нужно было, чтобы продиктовать свои последние инструкции и указать лиц, которые должны были сопровождать его; нельзя было терять ни минуты, чтобы воспользоваться этим счастливым стечением обстоятельств.

Генерал Дезэ был офицером, наиболее способным командовать Восточной армией, но он мог принести больше пользы во Франции. На втором месте стоял Клебер, на третьем – Ренье. Наполеону пришла было мысль увезти во Францию всех троих, поручив командование армией генералу Ланюссу; но, учитывая опасности, связанные с переходом, он понял, что будет правильнее предоставить командование Восточной армией способному полководцу; выбор его пал на генерала Клебера.

Одновременно он продиктовал три памятные записки о положении дел и своих планах. Первая заключала в себе принципы, которые руководили им при управлении Египтом. В этой записке говорилось:

Внутреннее управление. Араб – враг турок и мамлюков. Последние правили им только силой, власть их была только военной; турецкий язык столь же чужд туземцам, сколь и французский. Арабы считают себя от природы выше османов. Улемы, великие шейхи являются вождями арабской нации; они пользуются доверием и симпатией всех жителей Египта, и именно это во все времена возбуждало такую зависть турок и мамлюков и побудило последних держать их вдали от общественных дел.

Я не счел нужным подражать этой политике. Мы не можем претендовать на то, чтобы оказывать непосредственное влияние на народы, которым мы столь чужды; мы должны дать им вождей, не то они выберут их сами. Я предпочел улемов и докторов богословия – во-первых, потому, что они являются естественными вождями народа; во-вторых, потому, что они являются толкователями Корана, и что самые большие препятствия, с которыми мы столкнулись и еще столкнемся, порождены религиозными идеями; в-третьих, потому, что улемы – люди мягкие, любящие справедливость, богатые и придерживающиеся высоких моральных принципов.

Это, бесспорно, самые честные люди страны. Они не умеют ездить верхом, не приучены ни к каким военным маневрам и мало пригодны к тому, чтобы возглавить вооруженное движение. Я заинтересовал их в моей системе управления. Я воспользовался

ими, чтобы обращаться к народу, я образовал из них диваны правосудия; они явились тем средством, которым я воспользовался для управления страной.

Я увеличил их богатства; я при всех обстоятельствах выказывал им величайшее почтение. Однако тщетно было бы заботиться таким образом о них, не проявляя самого глубокого уважения к религии ислама и допустив эмансипацию коптов – христиан, православных и католиков, которая изменила бы существующие отношения. Я желал, чтобы они проявляли еще больше покорности и уважения к учреждениям и лицам, связанным с исламом, чем это было в прошлом.

Жан Ланн, герцог де Монтенбло
(1769—1809)

Жан Ланн начал свою военную службу в батальоне волонтеров в 1792 г., а к 1795 г. уже командовал бригадой, но был разжалован по политическим соображениям. Вновь начал военную службу рядовым в итальянскую кампанию 1796—1797 гг. под командованием генерала Бонапарта, где дважды спас ему жизнь. Способности Ланна были оценены по достоинству, и уже очень скоро Ланн достиг полковничьего чина. Он отличился в битве у Пьяченцы, в сражении при Лоди увлек солдат, чем добыл Наполеону победу. В египетском походе Бонапарта командовал дивизией. Ему удалось осуществить успешный штурм Яффы 7 марта 1799 г., но участие в штурме крепости Акра 8 мая 1799 г. не принесло удачи. Некоторые исследователи называют Ланна лучшим другом Наполеона, который говорил: «У Ланна мужество было сильнее разума; но разум просыпался каждый день, чтобы восстановить равновесие; я нашел его пигмеем, а потерял гигантом».

Порта обладала правом назначения всех кади. Я встретился с немалыми трудностями, когда решил изменить этот обычай и побудить улемов воспользоваться вновь прерогативой, которую они потеряли. Важно сохранить то, что мною сделано. Каир – второй ключ к священной Каабе; Мекка – центр магометанства.

Политика константинопольских султанов состояла в дискредитации шерифа Мекки, ограничении и прекращении сношений улемов с Меккой. Мои интересы, естественно, толкали меня к ведению противоположной политики. Я оживил древние обычаи, приобрел дружбу шерифа и сделал все возможное для расширения и укрепления связей между мечетями и священным городом. Нужно не жалеть никаких усилий, чтобы убедить мусульман в том, что мы любим коран и уважаем пророка.

Одно плохо обдуманное слово или действие могут уничтожить все, достигнутое за несколько лет. Я никогда не разрешал представителям администрации непосредственно воздействовать на персонал мечетей или принимать какие-либо меры в отношении их имущества. В таких случаях я всегда обращался к улемам и предоставлял действовать им. Во всех спорных вопросах французская власть должна быть на стороне мечетей и религиозных учреждений.

Лучше потерять некоторые выгоды, но не давать повода для клеветы на секретные решения администрации по столь деликатным вопросам. Это средство было наиболее сильным из

всех и всего более способствовало популярности установленного мною режима. Шестимиллионная контрибуция, которую мне пришлось наложить при моем прибытии на город, вызвала меньше ропота и была выплачена легче, чем это могло бы быть, потому что для распределения и взыскания ее я использовал только шейхов, и жители с удовлетворением отметили отсутствие притеснений и всякого рода актов произвола, которые бесчестили управление турок и мамлюков.

Копты ведают финансовыми делами и сбором податей; следует оставить за ними эти функции и следить за тем, чтобы турки не вмешивались в эту важную область управления, которую надо будет со временем передать в руки европейцев. Мамлюки не существуют более как самостоятельная сила, они могут пригодиться в качестве подчиненного ополчения; это прирожденные враги арабов и шейхов; они могут оказать услуги во многих случаях.

* * *

Депеша адмирала Гантома, назначавшая днем посадки 24 августа, была совершенно неожиданной. Она противоречила планам главнокомандующего, который хотел бы отложить посадку на две недели, ибо ему нужно было еще многое устроить. Тем не менее колебаться не приходилось.

19 августа днем генерал Бертье разослал генералам Дезэ, Клеберу, Мену, Мюрату, Мармону, Бессьеру, членам Института – Монжу, Бертолле, Денону, Парсевалю и отряду гидов – приказ в самом срочном порядке явиться в Александрию. Главная квартира вечером погрузилась на суда на Ниле, остановилась в Менуфе, где командовал генерал Ланюсс, а 23-го прибыла в Рахманию, где высадилась на берег; лошади уже находились там; 24-го в 4 часа пополудни стали биваком в Римском лагере, близ Александрии, на берегу моря.

Дезэ и Клебер не явились к месту сбора; первый командовал войсками в Верхнем Египте; второй находился в Дамиетте и явился только на следующий день. Между тем адмирал Гантом торопил с посадкой. Он тяжело пережил то, что ее отложили до вечера; его подгонял английский бриг, который в 3 часа пополудни подошел достаточно близко, чтобы увидеть фрегаты, стоявшие на якоре, и заметить, что они готовы к отплытию.

Этот бриг немедленно взял курс на Кипр, вероятно, для того, чтобы уведомить об этом английскую крейсерскую эскадру. Вскоре после того поднялся юго-восточный бриз, это было чудом

в августе месяце, то есть в то время, когда еще дули северо-западные ветры, обычные для этого времени года. Адмирал пришел к выводу, что этот бриз способен унести отряд кораблей на 30–40 лье от сферы действия крейсерской эскадры, наблюдавшей за Александрией.

Наполеон передал генералу Мену инструкции для генерала Клебера и приказ генералу Дезэ – вернуться во Францию, воспользовавшись зимней непогодой. Ему очень хотелось увезти его с собой. Генерал Мену был чрезвычайно огорчен; но он питал исключительное доверие к главнокомандующему и знал, насколько важно, чтобы Наполеон прибыл в Европу.

Тут-то, прогуливаясь перед своей палаткой по пляжу, увлажняемому морскими волнами, главнокомандующий сказал ему: «Я приеду в Париж, разгоню это сборище адвокатов, которые издеваются над нами и неспособны управлять республикой; я стану во главе правительства, я сплочу все партии; я восстановлю Итальянскую республику и я упрочу обладание этой прекрасной колонией».

Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон,
герцог Рагузский (1774—1852)

Маршал (1809 г.) и пэр Франции (1814 г.) Огюст де Мармон познакомился с Наполеоном при осаде Тулона, в 1796 г. стал его адъютантом, а в 1798 г. — бригадным генералом, сопровождал Бонапарта в Египет и Сирию, активно участвовал в перевороте 18 брюмера и почти во всех наполеоновских войнах.

5 апреля 1814 г. Мармон, вместе с маршалом Мортье, подписал договор о сдаче Парижа союзникам и отошел со своими войсками в Нормандию, за что был обвинен в измене. Действия Мармона и Мортье вынудили Наполеона подписать акт об отречении.

Когда вслед за этим Мармон перешел на сторону Бурбонов, во французском языке появился глагол «raguser», означающий «подло предавать».

После этого разговора Наполеон вошел в свою палатку на берегу моря и продиктовал своему секретарю господину Бурьенц письмо, адресованное генералу Клеберу, на основании которого последний счел себя вправе договариваться с противником и капитулировать.

Его последний приказ гласил:

«Солдаты! Известия, полученные из Европы, побудили меня уехать во Францию. Я оставляю командующим армией генерала Клебера. Вы скоро получите вести обо мне. Мне горько покидать солдат, которых я люблю, но это отсутствие будет только временным. Начальник, которого я оставляю вам, пользуется доверием правительства и моим».

Посадка состоялась в 7 часов вечера; генералы Ланн, Мюрат, Мармон, господа Персеваль и Денон с половиной охраны отплыли на «Каррэре»; этим кораблем командовал капитан Дюмануар. Главнокомандующий, Бертье, Монж, Бертолле, Буррьен и вторая половина охраны отплыли на «Мюироне». Этот фрегат был назван в честь носившего такую фамилию адъютанта, который был убит при Арколе, прикрывая собственным телом главнокомандующего: Каррэр – фамилия артиллерийского генерала, убитого у Неймарка (Каринтия) в кампанию 1797 года.

Эти два фрегата были красивы, велики, хорошо вооружены и способны выдержать бой; но поскольку они имели осадку на два фута меньше, чем у французских фрегатов, хотя корпуса их были длиннее и шире, то они плохо забирали ветер; при преследовании превосходящими силами они не могли уйти от погони. Две

маленькие шебеки имели подводные части, обшитые медью. Они были быстроходны; ими предполагалось воспользоваться в случае преследования превосходящими силами с тем, что фрегаты отвлекут на себя внимание вражеских судов.

Этот маленький отряд вышел в 9 часов вечера и в 6 часов утра находился в 30 лье к западу от Александрии, за мысом Арас. Но вскоре после восхода солнца бриз совершенно стих и обычный северо-западный ветер снова стал дуть в полную силу; так продолжалось 15–20 дней.

Иногда за сутки удавалось продвинуться на 2–3 лье в нужном направлении, но нередко суда оказывались отнесенными назад; они уклонялись под ветер, относимые течениями, которые в этом море дают себя чувствовать в направлении с запада на восток. Армейские офицеры принимались дразнить морских и с иронией спрашивали, когда же они бросят якорь в александрийском порту. Обиженный адмирал решил взять курс на Кандию.

Но когда он обратился с этим предложением к главнокомандующему, последний его отклонил и приказал адмиралу держаться возможно ближе к берегу и даже войти в залив Сидра, чтобы лучше спрятаться; он добавил, что скоро равноденствие, и тогда суда пойдут вперед; что дни, потерянные в этих неизведанных водах, – выигранные дни; что нужно стать выше насмешек невежд. Адмирал тем охотнее подчинился этому приказу, что он согласовался с приобретенным им опытом и всем, что ему было известно об этих морях. Наконец подул ветер равноденствия.

В 3–4 дня отряд обогнул мыс Бон, делая по 13 узлов; обогнув берег Африки, он пошел вдоль побережья Сардинии, затем вышел в открытое море, чтобы подойти к берегу в проливе Бонифачо, и следовал вдоль берега Корсики до мыса Кровавого – в заливе Аяччо. Не имея уверенности в том, что этот остров все еще за Францией, шебека «Фортюн» проникла в залив, снеслась с рыбаками и дала сигнал входа. Отряд бросил якорь 30 сентября в 2 часа пополудни.

Пассажиры высадились на берег; непогода задержала их там на 7 дней. Подробности событий, происшедших в 1799 г. и в особенности на протяжении июля, августа и сентября, показали, какие опасности угрожают родине. Жубер был убит на поле сражения у Нови. При вести о прибытии Наполеона главы общин острова поспешили в Аяччо. Главнокомандующий употребил свое влияние, чтобы примирить враждующие партии и успокоить разгоревшиеся страсти.

7 октября, когда отряд находился на полпути между Корсикой и Провансом, на него налетел сильнейший шквал

(ветер Либеччо). Потом он стих. Восьмого вечером корабли находились в 8 лье от Тулона и быстро продвигались вперед, однако в густом тумане. Было установлено, что они находятся посреди эскадры – притом в непосредственной близости от кораблей ее, судя по пушечным выстрелам с них. Еще на Корсике стало известно, что эскадра Брюи вернулась в океан.

Следовательно, теперь корабли находились посреди вражеской эскадры. В 7 часов произошло прояснение, длившееся не более минуты, но позволившее установить, что отряд находился всего лишь на расстоянии выстрела от 74-пушечных линейных кораблей; трудно было решить, как поступить. Адмирал, отличавшийся большой впечатлительностью, приказал повернуть на другой галс, чтобы вернуться к Корсике. «Что вы делаете? – сказал ему главнокомандующий. – Уходя, вы себя выдаете; идите, напротив, на врага».

Это удалось, не возникло никаких подозрений. Несколько минут спустя завеса тумана снова приподнялась. Адмирал поступил мудро, захватив в Аяччо две фелуки – быстроходные суда с экипажами, состоявшими из матросов – местных уроженцев, хороших пловцов. Он хотел, чтобы пассажиры пересели на эти фелуки и отправились в Порто-Крое, куда они обязательно прибыли бы к ночи. Фрегаты же вернутся на Корсику. Однако это не встретило одобрения главнокомандующего, который приказал взять курс на Антиб. Несколько часов спустя стало ясно, что был найден правильный выход.

Предупредительные пушечные выстрелы отдалились; вражеская эскадра, видимо, направлялась к Корсике. 9-го на рассвете отряд бросил якорь напротив Сан-Рафаэля, в заливе Фрежюс. После 45-дневного плавания он прибыл во Францию. Было замечено, что на протяжении всего плавания Наполеон всецело полагался на адмирала и никогда не выказывал беспокойства. Он ни в чем не имел своей воли. Он отдал только два приказания, которые дважды спасли его.

Он отплыл из Тулона 19 мая 1798 г. Следовательно, он находился вне Европы 16 месяцев и 20 дней. За этот короткий срок он овладел Мальтой, завоевал Нижний и Верхний Египет; уничтожил две турецкие армии; захватил их командующего, обоз, полевую артиллерию; опустошил Палестину и Галилею и заложил прочный фундамент великолепнейшей колонии. Он привел науки и искусства к их колыбели.

Наполеон

Воззвания, письма, речи, беседы

Наполеон. ВОЗЗВАНИЯ, ПИСЬМА, РЕЧИ, БЕСЕДЫ

Обращение к египетскому народу

«Бонапарт, член Национальной академии, главнокомандующий французской армии.

С довольно давних пор беи, управляющие Египтом, наносят обиды французской нации и притесняют французских негоциантов; пришел час их наказания.

С давних пор эта стая невольников, купленных на Кавказе и в Грузии, властвует над прекраснейшей страной в мире; но Бог, от которого зависит все, повелел, чтобы их владычеству положен был конец.

Народы Египта! Вам скажут, что я пришел разорить вашу религию; не верьте! Отвечайте клеветникам, что я пришел затем, чтобы возвратить вам ваши права, наказать похитителей, и что я, более чем мамелюки, чту Бога, Его пророка и ал-Коран. Скажите им, что перед Богом все люди равны; одни только добродетели, да премудрость и таланты полагают между ними различие. А какие же добродетели, какая премудрость, какие таланты отличают мамелюков и дают им право пользоваться исключительно всеми сладостями жизни?

Если Господь Бог отдал Египет им во владение, то пусть они покажут заключенное условие. Но Господь Бог милосерден и справедлив к народу.

Каждый египтянин признается способным занимать места по службе; умнейшие, просвещеннейшие, добродетельнейшие станут управлять страной, и народ будет счастлив.

Было время, что вы имели большие города, большие каналы, большую торговлю; отчего же все это исчезло, как не от скупости, несправедливости и тиранства мамелюков?

Кадии, шейхи, имамы, шорбаджи, скажите народу, что мы друзья истинных мусульман. Не мы ли искони были друзьями султана (да исполнит Господь все его желания!) и недругами его неприятелей? А мамелюки, напротив, разве не вышли из повиновения султану, которому не покоряются и доныне?

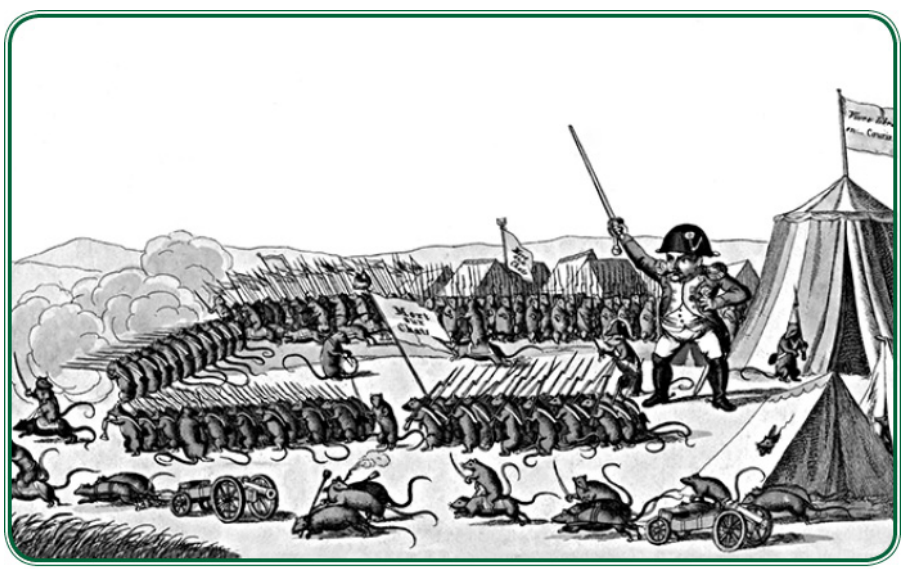
Трижды блаженны те, которые будут заодно с нами! Они пойдут в чины, и богатство их приумножится. Блаженны те, которые не примут ничьей стороны! Они будут иметь время узнать нас, и узнав, возьмут нашу сторону. Но горе, трижды горе тем, которые пристанут к мамелюкам и поднимут оружие против нас! Для них не будет надежды: они все погибнут».

Палестинская прокламация

«Прокламация к Еврейской нации. Штаб-квартира. Иерусалим, 1 флореаля (20 апреля 1789 года) VII года Французской республики.

От Бонапарта, главнокомандующего армиями Французской республики в Африке и Азии, – законным наследникам Палестины:

Израильтяне – уникальный народ, на протяжении тысячелетий лишенный земли своих предков, отнятой завоевателями и тиранами, но не утративший ни своего имени, ни национального существования! Внимательные и беспристрастные наблюдатели судеб народов, даже если они не обладают провидческим даром Израиля и Иоиля, убедились в справедливости предсказаний великих пророков, возвестивших накануне разрушения Сиона, что дети Господа вернутся на родину с радостным восклицанием и «они найдут радость и веселие, а печаль и воздыхание удалятся» (книга пророка Исайи, 35, 10).



Немецкая карикатура, изображающая Наполеона командующим армией крыс на острове Святой Елены. *1815 г.*

Восстаньте в радости, изгнанные! Эта беспримерная в истории война начата во имя самозащиты народом, чьи

наследственные земли рассматривались его врагами в качестве добычи, которую лишь надо разодрать.

Теперь этот народ мстит за два тысячелетия бесчестия. Хотя эпоха и обстоятельства кажутся малоблогоприятными для утверждения или хотя бы выражения ваших требований, эта война, против всяких ожиданий, предлагает вам достояние Израилево.

Провидение направило меня сюда во главе молодой армии, ведомой справедливостью и несущей победы. Моя штаб-квартира развернута в Иерусалиме, а через несколько дней я буду в Дамаске, близость которого не будет более угрозой для города Давида.

Законные наследники Палестины!

Великая нация, не торгующая людьми и странами подобно тем, кто продал ваших предков всем народам, не призывает вас отвоевать ваше достояние. Нет, она предлагает вам просто взять то, что она уже отвоевала, с ее помощью и с ее разрешения оставаться хозяевами этой земли и хранить ее наперекор всем врагам.

Поднимайтесь! Покажите, что вся мощь ваших угнетателей не смогла убить мужество в наследниках героев, которые сделали бы честь Спарте и Риму.

Покажите, что два тысячелетия рабства не смогли удушить это мужество.

Поспешите! Настал час! Пришел момент, который не повторится, может быть, еще тысячу лет, – потребовать восстановления ваших гражданских прав, вашего места среди народов мира.

У вас будет право на политическое существование – как нации в ряду других наций. У вас будет право свободно славить имя Господа Бога вашего, как того требует ваша религия (книга пророка Иоиля, 4, 20)».

Декрет об учреждении национальных премий

Наполеон, император французов, и проч.

Имея намерение поощрять науки, словесность и художества, которые так много способствуют знаменитости и славе народов; желая, чтобы Франция как можно более отличилась на этом поприще и чтобы наставший век был для нее еще славнее прошедшего; желая также знать людей, которые наиболее будут способствовать процветанию наук, словесности и художеств; повелели и повелеваем следующее:

I. Через каждые десять лет, в день 18 брюмера, будут раздаваться собственной моей рукой большие премии; место церемонии и самый обряд ее совершения будут каждый раз предварительно назначены.

II. Все произведения по всем отраслям наук, словесности и художеств, все полезные новоизобретения, все заведения, клонящиеся к усовершенствованию земледелия и народной промышленности, все, совершенное в течение десятилетия за один год до раздачи премий, будет допущено к состязанию на их получение.

III. Первая раздача премий имеет быть 18 брюмера XVIII года, и, согласно с предыдущей статьей, все произведения, новоизобретения и заведения, начиная от 18 брюмера VII года до 18 брюмера XVII года, могут вступить в состязание.

IV. Эти большие премии будут одни в десять тысяч, другие – в пять тысяч франков.

V. Число больших премий в десять тысяч франков будет девять, и они назначаются:

1. Авторам двух лучших ученых сочинений, одного – по части наук физических, другого – по части наук математических;

2. Автору лучшей истории или исторического отрывка, как новых, так и древних времен;

3. Изобретателю машины, принесшей самую большую пользу художествам и мануфактурам;

4. Основателю заведения, наиболее полезного для земледелия и народной промышленности;

5. Автору лучшей из театральных пьес, комедии или трагедии, представляемых во французских театрах;

6. Двум артистам, которые произведут один – лучшую картину, другой – изваяние, взяв для своей работы сюжет из французской истории;

7. Композитору лучшей оперы из принятых на театр Императорской академии музыки.

VI. Число больших премий в пять тысяч франков будет тринадцать, и они назначаются:

1. Переводчикам десяти манускриптов из императорской или других библиотек, находящихся в Париже, писанных на древних или восточных языках, переводы которых будут признаны более полезными или для наук, или для истории, или для словесности, или для художеств;

2. Трем авторам небольших поэм на достопамятные события из отечественной истории или на случаи, делающие честь французскому народу.

VII. Премии эти будут назначаемы на основании донесений комиссии присяжных, составляемой из четырех непременных секретарей четырех отделений Академии наук и четырех президентов, занимавших эти места в год, предшествовавший раздаче премий.

Обращение к испанскому народу

Испанцы! Вы были вовлечены в заблуждение людьми коварными; эти люди вовлекли вас в борьбу безумную… В несколько месяцев вы успели уже испытать все бедствия влияния духа народных партий. Поражение ваших армий было делом немногих дней. Вот я в Мадриде: права войны дают мне право показать пример и омыть в крови оскорбления, нанесенные мне и моему народу; но я внял одному гласу милосердия… Я говорил вам, в моей прокламации от 2 июня, что желаю быть орудием вашего возрождения.

Вы захотели, чтобы я к правам, предоставленным мне принцами вашей последней династии, присоединил еще и право победы. Да будет так! Но это нисколько не изменяет моих начальных намерений. Я даже готов похвалить то, что было благородного в ваших усилиях, я готов допустить, что от вас скрывали ваши настоящие выгоды… Испанцы! Ваша судьба в собственных ваших руках. Не внимайте словам англичан… Я истребил все, что мешало вашему благу и величию; я дал вам конституцию. От вас зависит воспользоваться ею…

Но если все мои усилия будут тщетны; если вы не ответите мне доверием, то мне останется поступить с Испанией как с завоеванной областью, и возвести моего брата на трон другого народа. Тогда я возложу корону Испании на свою голову и сумею заставить уважать ее, потому что Бог дал мне и силу, и волю, нужные для преодоления всяких препятствий».

Однако же испанцы не сдались на слова императора французов и так же мало смотрели на его угрозы, как и на обещания.

Мадридский коррехидор во главе депутации от города явился принести победителю изъявление чувств, которых не было в душах народонаселения столицы; но занятие ее войсками Наполеона делало этот поступок необходимым. На речь коррехидора Наполеон отвечал:

«Жалею о вреде, нанесенном Мадриду, и считаю за особенное счастье, что мог его спасти от больших бедствий.

Я поспешил принять меры для успокоения всех сословий граждан, потому что знаю, как неизвестность будущности тягостна каждому народу и каждому человеку.

Я сохранил монашествующие ордена, но убавил число монашествующих лиц. Избытки упраздненных обителей я повелел обратить в доходы, получаемые сельскими священниками,

Я уничтожил также и инквизицию. Духовенству не

принадлежит и неприлична светская власть над гражданами.

Я прекратил действие феодальных прав; теперь каждое частное лицо может заниматься всяким полезным промыслом.

Нет такого препятствия, которого я бы не был в состоянии преодолеть.

Нынешнее поколение, может статься, будет непостоянно в образе своих мыслей, потому что им руководствуют страсти; но ваши дети и дети детей ваших благословят мое имя как имя человека, возродившего их нацию; они внесут в список дней достопамятных дни моего между вами пребывания.

Прокламация к французскому народу

Французы! Я возведен на престол вашим выбором; все, что совершено без вас, противозаконно.

В изгнании услышал я ваши жалобы и желания; вы хотите избранного вами правления; вы обвиняли мое успокоение; вы упрекали, что я ради своего покоя жертвую благом отечества!

Я переплыл моря, невзирая на опасности; хочу вступить снова в права мои, основанные на ваших. Все сказанное, написанное или сделанное со взятия Парижа останется мне навсегда неизвестным и не будет иметь влияния на важные услуги, мне оказанные.

Фрагмент писем из заключения. август 1794 г.

…Вы отрешили меня от должности, арестовали и объявили человеком подозрительным.

Вы обесчестили меня без суда, или осудили, не выслушав.

В государстве во время революций бывает только два разряда людей: подозрительные и патриоты…

К которому разряду хотят причислить меня?

Не с самых ли первых дней революции я придерживался ее начал?

Не меня ли видели во всегдашней борьбе то с врагами внутренними, то, по званию воина, с врагами внешними?

Для республики оставил я мою родину, утратил достояние, потерял все.

Потом я не без отличия действовал под Тулоном и заслужил в бытность при итальянской армии часть лавров, пожатых ею при Саорджио, Онелья и Танаро…

При открытии Робеспьерова заговора я вел себя как человек, поступающий в духе правил.

Следовательно, нет возможности оспаривать у меня название патриота.

Что ж, не выслушав, объявляют меня подозрительным?

Патриот, невинный, оклеветанный, я все-таки не ропщу на меры, принятые против меня комитетом.

Если бы три человека объявили, что я сделал какое-нибудь преступление, я бы не мог роптать на приговор присяжных, осудивших меня.

Неужели же представители должны ставить правительство в необходимость поступать и несправедливо, и не согласно с видами политики?

Выслушайте меня; отстраните прижимки; возвратите мне уважение патриотов.

И тогда, через час, если злым людям нужна моя жизнь… пожалуй… я так мало дорожу ею, я так часто ею пренебрегал… Да! одна только мысль, что жизнь эта может еще быть полезна отечеству, дает мне твердость переносить ее.

* * *

Разве я с начала революции не держался ваших убеждений?

Разве меня не видели в борьбе с внутренним врагом? Разве я не был солдатом, дерущимся с чужеземцами? Я пожертвовал пребыванием в моем департаменте, покинул мое добро и владения, все потерял ради республики. И меня вышвырнуть вместе с врагами отечества?

Патриоты безрассудно лишатся генерала, который был не бесполезен республике?.. Послушайте, снимите угнетающее меня бремя, возвратите мне уважение патриотов: и тогда я готов через час охотно отдать мою жизнь, если ее потребуют злые люди. Я так мало ценю ее и довольно часто пренебрегал ею. Только мысль, что я могу еще раз быть полезным отечеству, внушает мне мужество нести ее бремя.

Из писем Жозефине

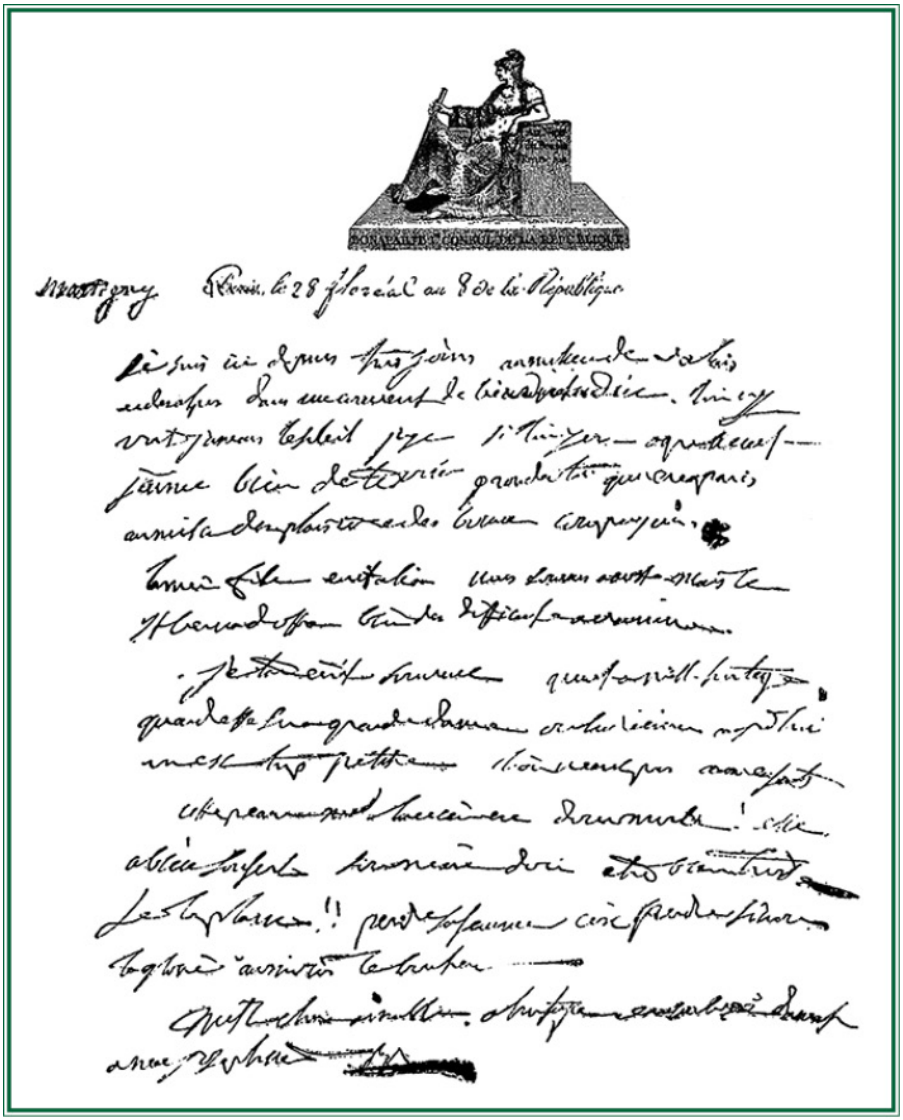
Интересуют почести лишь потому, что ты ими интересуешься; стремлюсь к победе потому, что это тебя обрадует: иначе я покинул бы все, чтобы самому броситься к твоим ногам. Милый друг, будьте уверены и смело уверяйте других, что я люблю Вас превыше всякого воображения.

Знайте, что каждое мое мгновение посвящено Вам, что не бывает часа, когда бы я не думал о Вас; что мне никогда не случалось думать о другой женщине; что все они кажутся мне некрасивыми, неграциозными, лишенными остроумия. Вы, Вы одна, такая, какой вижу Вас мысленно, можете мне нравиться и поглотить все способности моей души, пучины которой Вы измерили. В моем сердце не осталось заглаженных складок, который не были бы раскрыты перед Вами.

Все мои мысли подчинены Вам; в Вас вся моя умственная и физическая энергия. Моя душа так связана с Вами, что тот день, когда Вы перестанете меня любить или когда жизнь Ваша прекратится, будет также днем моей смерти. Природа и вся земля облачены, в моих глазах, прелестью единственно лишь потому, что Вы здесь живете… Между любящими сердцами устанавливается как бы магнетическая связь.

Вам известно, что я не могу вынести даже и мысли о том, чтобы у Вас завелся любовник… Я верю в Вашу любовь и горжусь ею. Несчастья являются ведь только испытаниями, еще более увеличивающими силу взаимной нашей привязанности. Младенец, столь же милый, как и его мать, увидит свет в ваших объятиях!

Подумаешь, до чего доходит моя слабохарактерность! Я пожертвовал бы, кажется, всем за возможность увидеться с тобой хоть на один день! Тысячу раз целую Ваши глазки и губки. Восхитительная женщина! Каким могуществом ты обладаешь! Зная, что тебе нездоровится, я положительно чувствую себя больным. Впрочем, у меня действительно лихорадочный жар. Не задерживай у себя курьера больше 6 часов: отправь его тотчас же ко мне с драгоценным письмом от царицы моего сердца.



Автограф письма Наполеона к Жозефине
от 28 флореаля VI года Республики

* * *

Ни одного дня не проходит, чтобы я не любил тебя. Ни одной ночи не проходит без того, чтобы я не сжимал тебя в своих объятиях. Я не выпил ни одной чашки чая без того, чтобы не проклясть славу и тщеславие, которые удерживают меня вдали от самой души моей жизни. Занимаюсь ли я делами, веду ли войска,

объезжаю ли бивуаки, моя обожаемая Жозефина целиком заполняет мое сердце, мой разум, мою мысль. И если я удаляюсь от тебя с быстротой течения Роны, то это для того, чтобы как можно скорее вновь увидеть тебя. Если посреди ночи я поднимаюсь, чтобы сесть за работу, то только для того, чтобы на несколько дней приблизить встречу с любимой.

* * *

Люби меня, как свои глаза. Нет, этого мало. Как саму себя. Больше, чем саму себя, чем свою мысль, свой дух, свою жизнь, свое все… Я ложусь без тебя. Я буду спать без тебя. Прошу тебя, дай мне уснуть. Вот уже несколько дней я сжимаю тебя в своих объятиях.

Из письма вдове адмирала Брюэйса

Ваш муж был убит попаданием ядра, сражаясь на борту своего корабля. Он умер без страданий, самой щадящей и самой желаемой всеми военными смертью. Я остро чувствую Ваше горе. Мгновение, разделяющее нас с предметом нашей любви, ужасно; оно отрывает нас от земли; оно насылает на наше тело конвульсии агонии. Свойства души разрушаются: она остается связанной с внешним миром лишь через ощущение искажающего реальность кошмара.

В такой ситуации чувствуешь, что гораздо лучше было бы умереть, если ничто не заставляет жить. Но когда, поддавшись было этой первой мысли, прижмешь к сердцу детей, со слезами и нежностью возрождается естество… Да, мадам, Вы будете плакать вместе с ними, Вы будете воспитывать их в детстве, обучать в юности; Вы будете рассказывать им об их отце, о Вашем горе, о потере, которую они понесли, о потере, которую понесла Республика.

И после того, как с помощью сыновней и материнской любви Вы вновь восстановите связь между Вашей душой и окружающим миром, не побрезгуйте дружбой и живым интересом, какой я всегда буду испытывать к родным моего погибшего друга. Поверьте, есть люди, хотя их и немного, способные внушать надежду в горе, ибо они горячо ощущают страдания души.

Из письма королю Великобритании

Призванный на престол Промыслом и желаниями сената, народа и войска, я ставлю себе целью стремиться к заключению мира. Франция и Англия истрачивают свое благоденствие и могут продолжать войну целые века. Но правительства этих государств стремятся ли к достижению священнейшей цели? И бесполезное излияние такого множества крови не лежит ли укором на собственной их совести?

Я не вижу никакого бесчестия в том, что первый делаю шаг к примирению; я, кажется, довольно доказал перед лицом всего света, что не боюсь никаких случайностей войны; да и притом мое положение таково, что мне нечего и опасаться их. Мир составляет искреннее желание моего сердца, но и счастье войны никогда не было против меня…

Клятва, произнесенная на церемонии коронации 2 декабря 1804 г.

Я клянусь сохранять в неприкосновенности территориальную целостность Республики, соблюдать и следить за соблюдением статей Конкордата и закона о свободе вероисповедания, соблюдать и следить за соблюдением принципов равноправия, политических и гражданских свобод, неотменяемости распродажи национального имущества, не повышать налогов и не вводить не предусмотренных законом пошлин, способствовать деятельности ордена Почетного легиона, править исключительно во имя интересов, счастья и славы французского народа.

Тронная речь

Я восхожу на трон, на который призван единодушным желанием Сената, народа и воинов, с сердцем, исполненным предчувствия о великих судьбах французской нации, которую я первый назвал великою.

С самого моего детства все мои мысли были посвящены ей; и я должен сказать, что все теперешние мои радости или печали зависят от счастья и несчастья моего народа.

Потомки мои сохранят этот трон, первый в целом свете.

В военных станах они явятся первыми солдатами армии и не будут щадить своей жизни для блага отечества.

На поприще гражданской службы они никогда не забудут, что презрение к законам и потрясение общественных учреждений есть не что иное, как проявление слабости и недомыслия правительственных лиц.

Вы, сенаторы, в которых я всегда и постоянно находил и советников, и опору в самых затруднительных обстоятельствах, вы передадите свой дух вашим преемникам; будьте всегда первыми советниками и опорою этого трона, столь необходимого для счастья нашей пространной империи.

Из обращения к народу

Законодательный корпус стоит на страже общественного достояния. Его задача – принятие законов. Если ему вдруг заблагорассудится воспрепятствовать принятию второстепенных законов, я не стану ему противиться. Но если в его среде образуется оппозиция, готовая помешать деятельности правительства, я обращусь к Сенату, воспользовавшись всеми своими правами, а в случае необходимости прибегну к поддержке народа, возвышающегося над этой пирамидой власти.

Из выступления в Государственном Совете о правах детей и об усыновлении

Захотите ли вы, чтобы отец имел право выгнать из дому свою пятнадцатилетнюю дочь? Или отец, получающий шестьдесят тысяч франков годового дохода, имел бы, значит, право сказать своему сыну: ты здоров и силен, ступай пахать! Богатый или состоятельный отец всегда обязан дать кусок хлеба своим детям. Уничтожьте это право – и вы заставите детей поднять руку на своих отцов.

Что касается усыновления, вы смотрите на это, как законодатели, а не как государственные люди. Это отнюдь не гражданский договор и не юридический акт. Анализ (юриста) дает самые плачевные результаты. Направлять человека можно, только действуя на его воображение. Без воображения, это – животное.

Разумеется, не из-за пяти копеек в сутки и не ради каких-то несчастных отличий люди идут на смерть; только обращаясь к душе человека, можно его наэлектризовывать. И уже, конечно, не нотариус добьется этого результата, а те двенадцать франков, которые он получит в вознаграждение. Нужен совершенно иной путь; здесь необходим акт законодательный. Что такое усыновление?

Подражание, которым общество хочет подделать саму природу. Это – своего рода таинство. Дети одной плоти и крови волею общества приобщаются к другой плоти и крови. Это величайший акт, какой только способно создать воображение. Он дарит и сыновние и ответные отцовские чувства тем, кто был их лишен. Откуда же должен исходить такой акт? С высот, как молния.

Из выступления в Законодательном собрании

История показала мне меры, которые я должен был принять в отношении к Риму. Папы, сделавшись властителями части Италии, постоянно показывали себя неприязненными каждой власти, сильнейшей, чем их власть, на пространстве итальянского полуострова, и употребляли к ее вреду свое духовное влияние.

Из этого я удостоверился, что духовное влияние постороннего человека на мои владения противно независимости Франции, не согласно с достоинством и безопасностью моего престола. Признавая, однако же, необходимость духовного влияния преемников первого из пастырей, я не мог согласовать этих важных вопросов иначе, как уничтожением прав и светской власти, предоставленных им французскими императорами, *моими предшественниками,* и потому присоединил к Франции Римскую область.

Речь в тронном зале в связи с разводом с Жозефиной

Я призвал вас, чтобы объявить о намерении, на которое я и Императрица, любезнейшая моя супруга, решились. Польза и благо моих народов требуют, чтобы я оставил по себе детей, наследников престола, на который возвело меня Провидение. Уже несколько лет тому, как потерял я надежду иметь их от супружества с Жозефиною.

Нахожусь принужденным пожертвовать нежнейшею склонностью моего сердца и пожелать уничтожения брака. При сем случае я обязан объявить, что не имею ни малейшей причины к неудовольствию, напротив, весьма благодарен за привязанность моей супруги; она украшала пятнадцать лет жизни моей; воспоминание об этом навсегда запечатлеется в моем сердце; она была коронована мною. И потому хочу, чтобы она сохраняла достоинство и титул Императрицы.

Из беседы с Франческо Мельци

Не думаете ли вы, что я ради возвышения адвокатов Директории, разных Карно и Баррасов, хлопочу и одерживаю победы в Италии! Или, может быть, для того, чтобы основать республику? Что за мысль! Республика с тридцатью миллионами населения! С нашими-то нравами, с нашими пороками! Да разве это возможно? Это одна из тех фантазий, которыми захлебываются французы и которая испарится так же быстро, как и остальные.

Им нужна слава, удовлетворение тщеславия, а в свободе они ровно ничего не смыслят. Наши последние победы, наши успехи уже показали, что такое французский солдат. Я для него все. Пусть Директория попробует лишить меня командования, – она увидит, кто здесь хозяин. Народу нужен вождь, и вождь прославленный, а не государственные теории, фразы и разглагольствования идеологов, в которых французы ничего не смыслят…

Что касается вашей страны, то в ней еще меньше республиканского элемента и церемониться с ней нужно меньше, чем где бы то ни было… Впрочем, я отнюдь не намерен так скоро покончить с Австрией. Мир вовсе не в моих интересах. Вы сами видите, что я такое в Италии и чем могу еще быть.

Если мир будет заключен, если я не буду стоять во главе этой армии, с которой так тесно связан, я должен буду отказаться от власти, от того высокого положения, которого добился; отказаться для того, чтобы отправиться в Люксембург и увиваться там вокруг адвокатов! Если бы я и оставил Италию, то для того только, чтобы играть во Франции такую же роль, как и здесь, но момент еще не пришел; плод не созрел.

Есть одна партия, которая подымается за Бурбонов. Я не имею ни малейшего желания содействовать ее успеху. В будущем я собираюсь непременно ослабить республиканскую партию, но я сделаю это в свою пользу, а не ради старой династии. А пока что приходится идти с республиканцами.

* * *

Одно только может отвратить контрреволюцию. Покуда я жив, бояться нечего; но после моей смерти всякий, кого бы ни избрал народ, будет не в состоянии держать бразды правления… Франция многим обязана своим двадцати дивизионным

генералам; но ни один из них не может быть главнокомандующим армией, а и того менее – стать во главе правительства.

* * *

Утверждение за моим родом права престолонаследия я предоставляю на рассмотрение французского народа. Надеюсь, что Франция никогда не будет раскаиваться в том, что осыплет мое семейство почестями. Во всяком случае, пусть знают, что мой дух перестанет почивать на моих потомках, как скоро они перестанут заслуживать любовь и доверенность французского народа.

* * *

Французская империя станет матерью всех остальных государств. Я хочу заставить всех европейских государей построить для себя в Париже по грандиозному дворцу; ко дню коронации французского императора все государи переселятся туда; своим присутствием и выражением почтительных чувств они украсят эту торжественную церемонию.

Беседы с мадам де Ремюза

Все имеют свои воспоминания, видели другие времена. Я же я считаю с того времени, когда начал становиться чем-то. Что такое герцог Энгиенский для меня? Эмигрант более важный, чем другие, вот все, и этого достаточно для того, чтобы нанести более решительный удар. Разве эти сумасшедшие роялисты не распространили слуха, будто я хочу восстановить Бурбонов на троне.

Якобинцы испугались, Фуше явился однажды спросить от их имени, каковы были мои намерения. Власть так естественно сосредоточивалась в течение двух лет в моих руках, что иногда могли сомневаться в том, не желаю ли я ее принять официально. В свою очередь, я думал, что моя задача состояла в том, чтобы воспользоваться ею для законного завершения революции. Вот почему я предпочел империю диктатуре, потому что ставишь себя на законную почву, когда эта почва знакома.

Я начал с того, что хотел примирить обе партии, которые находились в борьбе при моем вступлении в консульство. Мне казалось, что, утверждая порядок постоянными учреждениями, я отвращу их от фантазии производить всякие предприятия. Но партии не теряют надежды до тех пор, пока их боятся, а кажется, что их боятся до тех пор, пока стараются их примирить. Притом можно победить известные чувства, но никогда – мнения.

Я понял, что я не мог устроить союза между ними, но мог устроить союз с ними сам для себя. Конкордат, возвращения сблизили меня с эмигрантами, а теперь это совершится окончательно, так как вы увидите, как их увлечет жизнь двора. Языком, напоминающим старые привычки, можно привлечь дворянство; но с якобинцами нужны поступки. Это не такие люди, которых можно взять словами. Моя необходимая строгость удовлетворила их.

Со времени 3-го нивоза, в момент, кстати, вполне роялистического заговора, я сослал довольно большое число якобинцев; они имели бы право жаловаться, если бы я на этот раз не покарал так же сильно. Все вы подумали, что я сделаюсь жестоким, кровожадным, но вы ошиблись. У меня нет ненависти, я не способен ничего сделать из мести; я устраняю то, что мешает, и вы можете завтра увидеть, что, если нужно, я прощу самого Жоржа, который явился действительно, чтобы меня любить.

Когда увидят, что успокоение последует за этим событием, мне больше не поставят его в вину, а через год эту смерть будут

находить великим политическим актом. Но правда то, что она заставила сократить кризис; то, что я совершил, не входило в мои планы еще два года тому назад.

Я рассчитывал сохранить консульство, хотя при этой форме правления слова не гармонировали с сущностью вещей, и те подписи, которые я ставил под всеми актами, зависящими от моей власти, были настоящими росчерками постоянной лжи. Однако мы, Франция и я, еще долго шли бы этим путем, потому что Франция стала доверять мне и хотела всего того, чего хотел я, но этот заговор имел целью поднять Европу; надо было поэтому разубедить Европу и роялистов.

Я должен быть выбрать между частичными преследованиями или одним ударом; не могло быть сомнения в моем выборе. Я предписал молчание и роялистами и якобинцам. Остаются республиканцы, эти мечтатели, которые думают, что можно создать республику из старой монархии, и что Европа спокойно предоставит установить федеративное управление из 20 миллионов человек. Этих последних я не могу победить, но их немного, и они не влиятельны.

Вы, остальные французы, любите монархию. Это единственное правительство, которое вам нравится. Держу пари, что все в сто раз себя приятнее чувствуют с тех пор как называют меня *ваше величество,* и я называю каждого *господин*. Мне кажется, что я очень плохо бы повиновался. Я вспоминаю, что во время трактата Кампоформио мы собрались, Кобенцль и я, чтобы заключить его окончательно в зале, где по австрийскому обычаю воздвигли балдахин и стоял трон императора австрийского.

Когда я вошел в *эту* комнату, я спросил, что это значит, а потом сказал австрийскому министру: «Послушайте, раньше чем начинать, велите сиять это кресло, так как я никогда не могу спокойно видеть кресла более высокого, чем остальные, чтобы у меня не явилось желания сесть на него». Вы видите, что у меня уже был инстинкт того, что должно было со мной впоследствии случиться.

В настоящее время я достиг большого умения управлять Францией; это потому, что ни я, ни она не обманываемся. Талейран хотел, чтоб я сделался королем; это слово из его словаря. Ему казалось, что он тотчас же сделался бы знатным вельможей при короле; но я желаю только таких знатных вельмож, каких сделаю сам.

Кроме того, титул короля изношен; он несет в себе готовую идею; он сделал бы из меня нечто в роде наследника; я не желаю быть ничьим наследником. Титул, который я ношу, более велик. Он еще несколько неопределенен, он служит воображению.

Теперь революция закончена, и притом тихо, и я горжусь этим. И знаете ли почему? Она не переместила ничьих интересов, но пробудила многие. Всегда нужно держать ваше тщеславие в напряжении; строгость республиканского правительства надоела бы вам до смерти.

Что создало революцию? – Тщеславие. Что завершит ее? Опять тщеславие. Свобода только предлог. Равенство – вот ваша страсть, и вот народ доволен иметь королем человека, изъятого из рядов солдат. Люди вроде аббата Сийеса, могли бы закричать: это деспотизм! Но моя власть останется всегда популярной. Теперь народ и армия за меня; был бы очень глуп тот, кто бы не сумел с этим править.

О Шарле Пишегрю, Жане Моро и герцоге Энгиенском

В этот период моей столь богатой событиями жизни мне удалось снова водворить порядок и спокойствие в государстве, залитом кровью и потрясенном борьбой партий до самого основания. Волею великого народа я стал во главе его. Заметьте, я достиг трона не так, как ваш Кромвель или Ричард III.

Ничего похожего: я нашел корону в сточной канаве, вытер грязь, которою она была покрыта, и надел ее себе на голову. Моя жизнь была необходима для сохранения столь недавно восстановленного порядка, который я – те, кто во Франции возглавлял общественное мнение, это признали, – столь успешно укрепил. В эту пору мне каждый вечер представляли доклады, в которых сообщалось, что против меня замышляется заговор, что в Париже в частных домах происходят совещания.

И, однако, никак не удавалось добыть достаточные тому доказательства. Все старания неутомимой полиции ни к чему не приводили. Мои министры так далеко зашли, что стали подозревать генерала Моро. Они неоднократно убеждали меня подписать приказ об его аресте; но этот генерал в то времена пользовался во Франции такой славой, что, казалось мне, участие в заговоре против меня могло лишить его всего и ничего не могло ему дать.

Я отказался подписать приказ о его аресте; я сказал министру полиции: «Вы назвали мне Пишегрю, Жоржа и Моро; представьте мне доказательства, что первый из них находится в Париже – и я немедленно велю арестовать третьего». Заговор был раскрыт благодаря одному необыкновенному обстоятельству. Однажды ночью я испытывал какую-то тревогу и не мог заснуть; я встал с постели и начал просматривать список заговорщиков.

Случаю который, в конечном итоге управляет миром, угодно было, чтобы мой взгляд остановился на имени одного полкового лекаря, совсем недавно вернувшегося из Англии, где он содержался в заключении. Возраст этого человека, его воспитание, жизненный опыт, которым он обладал, – все это навело меня на мысль, что его поведение объясняется причинами, ничего общего не имеющими с юношеским преклонением перед Бурбонами.

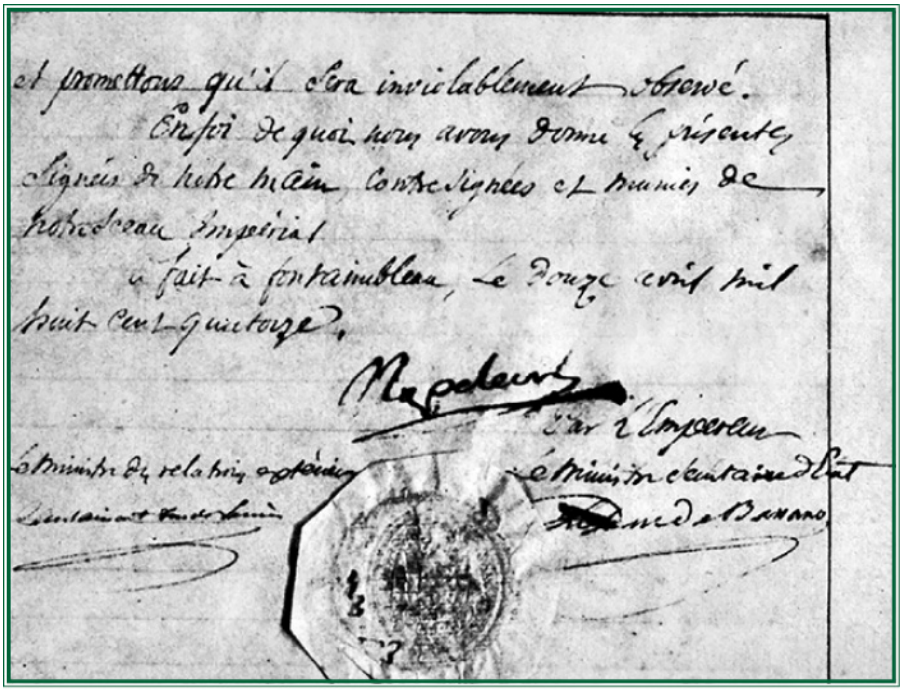
Насколько обстоятельства позволяли мне судить о нем, целью его действий должны были быть деньги. Этого человека арестовали. Он был предан суду, где заседали переодетые

судьями полицейские агенты; они приговорили его к смертной казни, и ему было объявлено, что приговор будет приведен в исполнение через шесть часов. Эта хитрость имела успех: он сознался.

Было известно, что у Пишегрю в Париже есть брат, старик-монах, живущий весьма уединенно. Монах этот был арестован. В ту минуту, когда жандармы его уводили, у него вырвалась жалоба, наконец открывшая мне то, что мне так важно было узнать: «Вот как со мной обращаются из-за того, что я дал приют родному брату!»

Первое донесение о том, что Пишегрю прибыл в Париж, исходило от полицейского шпиона, который сообщил подслушанную им любопытную беседу, происходившую в частном доме, расположенном на одном из бульваров, между Моро, Пишегрю и Жоржем Кадудалем. Во время этой беседы было решено, что Жорж покончит с Бонапартом, Моро будет первым консулом, а Пишегрю – вторым.

Жорж настаивал на том, чтобы третьим консулом назначили его, на что оба других возразили, что, поскольку он известен как роялист, всякая попытка включить его в состав правительства погубит их всех в общественном мнении. Тогда вспыльчивый Жорж вскричал: «Уж если стараться не ради себя, так я за Бурбонов! А если не ради них и не ради себя, а для того, чтобы заменить одних синих другими, так уж пусть будет лучше Бонапарт, чем вы!» Когда Моро был арестован и подвергнут допросу, он вначале отвечал свысока; но когда ему представили запись этой беседы, он упал в обморок.



Первый акт отречения от престола, 12 апреля 1814 г.

Целью заговора, – продолжал Наполеон, – была моя гибель и если б его не раскрыли, он удался бы. Этот заговор исходил из столицы вашего государства. Во главе его стоял граф Ангумуа. Он послал на Запад герцога Бургундского, а на Восток – герцога Энгиенского. Ваши корабли перебрасывали на берега Франции менее видных участников заговора. Момент мог оказаться для меня роковым; я почувствовал, что мой трон зашатался. Я решил удар, который Бармакиды предназначали мне, обратить против них, будь это даже в самой метрополии Британской империи.

Министры настаивали на том, чтобы я приказал арестовать герцога Энгиенского, хотя он и проживал на нейтральной территории. Я все же колебался. Князь Беневентский дважды подносил мне приказ и со всей энергией, на какую он способен, уговаривал меня подписать его. Я был окружен убийцами, которых не мог обнаружить. Я уступил только тогда, когда убедился, что это необходимо.

Я легко мог уладить это дело с герцогом Баденским. Чего ради должен я был терпеть, чтобы лицо, проживающее на границе моей империи, могло беспрепятственно совершить преступление, которое, на одну милю ближе ко мне, привело бы его на эшафот? Разве не применил я в этом деле тот самый принцип, который осуществляло ваше правительство, когда оно приказало захватить

датский флот? Мне все уши прожужжали уверениями, что новая династия не сможет упрочиться, пока останется хоть один Бурбон. Талейран неизменно придерживался этого принципа, который являлся основой, краеугольным камнем его политических убеждений.

Я внимательнейшим образом обдумал этот вопрос, и в результате моих размышлений полностью присоединился к мнению Талейрана. Мое законное право на самозащиту, справедливая забота о спокойствии общества заставили меня принять решительные меры против герцога Энгиенского. Я приказал его арестовать и назначить над ним суд. Он был приговорен к смертной казни – и расстрелян; совершенно так же с ним поступили бы, даже если б он был самим Людовиком IX. Из Лондона ко мне подослали убийц во главе с графом Ангумуа. Разве не все средства против убийства являются законными?

(Запись Уордена, английского врача на острове Святой Елены)

Устное распоряжение Наполеона Бонапарта, сделанное своему врачу за шесть дней до смерти

После моей смерти, ждать которой осталось недолго, я хочу, чтобы вы произвели вскрытие моего тела… Я хочу также, чтобы вы вынули мое сердце, поместили его в бокал с винным спиртом и отвезли в Парму моей дорогой Марии Луизе… Особенно рекомендую вам внимательно исследовать мой желудок и изложить результаты в точном и подробном отчете, который вы вручите моему сыну… Я прошу, я обязываю вас со всей тщательностью провести такое исследование… Я оставляю в наследство всем царствующим домам ужас и позор последних дней моей жизни.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЯ

Наполеон в воспоминаниях современников

Князь К. Л. В. Меттерних. Наполеон

Среди лиц, поставленных в положение, независимое от этого необыкновенного человека, найдется немного таких, кто, как я, имел бы столько точек соприкосновения и столько непосредственных сношений с ним.

Мнение мое о Наполеоне не изменялось в различные периоды этих отношений. Я видел его и изучал в моменты наибольшего блеска его; я видел его и наблюдал в моменты упадка; и если он и пытался ввести меня в заблуждение, в чем он порою был очень сильно заинтересован, то это ему никогда не удавалось.

Я могу поэтому надеяться, что я схватил самые существенные черты его характера и составил о нем беспристрастное мнение, тогда как большинство современников до сих пор видело лишь сквозь призму как блестящие, так и мрачные, отрицательные стороны этого человека, которого сила вещей в соединении с выдающимися личными качествами вознесла на вершину могущества, беспримерного в новейшей истории.

Проявлявший редкую прозорливость и неутомимую настойчивость в использовании того, что полвека событий, казалось, подготовляли для него, руководимый духом власти действенным и дальновидным в равной мере; ловко улавливавший в обстоятельствах момента все, что могло служить его честолюбию; умевший с замечательной ловкостью извлекать для себя выгоды из ошибок и слабостей других, Бонапарт остался один на поле брани, которое в течение десяти лет оспаривали друг у друга слепые страсти и партии, охваченные кровожадною ненавистью и исступлением.

С тех пор как он в конце концов конфисковал в свою пользу всю Революцию, он стал казаться лишь тем единственным пунктом, на котором должны сосредоточиться все взоры наблюдателя, и мое назначение на пост посланника во Францию поставило меня в этом отношении в исключительно выгодные условия, которыми я и не преминул воспользоваться.

Замок Фонтенбло.
Гравюра Уильяма Миллера. 1836 г.

Городок Фонтенбло был резиденцией французских королей с 1137 по 1870 г. По легенде, это был дар небес королю Хлодвигу. Но замок, который Наполеон назвал «Домом веков», появился здесь лишь в XVI в. Каждый последующий король пристраивал к нему новую галерею или зал.

Наше мнение о человеке часто складывается под влиянием первого впечатления. Я ни разу не видел Наполеона до аудиенции, которая дана была мне в Сен-Клу для вручения моих верительных грамот. Он принял меня, стоя посреди одной из зал в обществе министра иностранных дел и еще шести лиц его двора.

Он был в пехотном гвардейском мундире и в шляпе. Это

последнее обстоятельство, неуместное во всех отношениях, ибо аудиенция не была публичной, неприятно поразило меня: в этом видны были чрезмерные претензии и чувствовался выскочка; я даже колебался некоторое время, не надеть ли и мне шляпу. Я начал, однако, небольшую речь, точный и сжатый текст которой резко отличал ее от речей, ставших обычными при новом французском дворе.

Его манера держать себя, казалось, обнаруживала неловкость и даже смущение. Его приземистая и квадратная фигура, небрежный вид и в то же время заметное старание придать себе внушительность, окончательно убили во мне ощущение величия, которое естественно соединялось с представлением о человеке, заставлявшем трепетать весь мир.

Это впечатление никогда не изгладилось вполне из моего ума; оно сопутствовало самым важным свиданиям, какие я имел с Наполеоном в различные эпохи его жизни. Возможно, что оно помогло мне разглядеть этого человека таким, каким он был, сквозь все маски, в которые он умел рядиться. В его вспышках, в его приступах гнева, неожиданных репликах я приучился видеть заранее приготовленные сцены, разученные и рассчитанные на эффект, который он желал произвести на собеседника.

Что больше всего поразило меня в моих сношениях с Наполеоном – сношениях, которые я с самого начала постарался сделать более частыми и конфиденциальными, – так это необыкновенная проницательность ума и великая простота в ходе его мысли. В разговоре с ним я всегда находил очарование, трудно поддающееся определению.

Подходя к предмету, он схватывал в нем самое существенное, отбрасывал ненужные мелочи, развивал и отделывал свою мысль до тех пор, пока она не становилась совершенно ясной и убедительной, всегда находил подходящее слово или изобретал его там, где еще его не создал язык; благодаря этому беседы с ним всегда глубоко интересны.

Он не беседовал, но говорил; благодаря богатству идей и легкости в их выражении он умел ловко овладевать разговором, и один из обычных оборотов речи был следующий: «Я вижу, – говорил он вам, – чего вы хотите; вы желаете прийти к такой-то цели; итак, приступим прямо к вопросу».

Он выслушивал, однако, замечания и возражения, которые ему делали; он их принимал, обсуждал или отвергал, никогда не нарушая тона и характера чисто делового разговора, а я никогда не испытывал ни малейшего смущения, говоря ему то, что считал истиной, даже тогда, когда последняя не могла ему понравиться.

Подобно тому, как в представлениях его все было ясно и

точно, точно так же не знал он ни трудностей, ни колебаний, когда приходилось действовать. Усвоенные правила его нисколько ни смущали.

В действии, как и в рассуждениях, он шел прямо к цели, не останавливаясь на соображениях, которые считал второстепенными и которыми он, быть может, слишком часто пренебрегал. Прямая линия, ведущая к задуманной цели, была той, которую он выбирал по преимуществу и которой шел до конца, если что-либо не заставляло его сойти с нее; но точно так же, не будучи рабом своих планов, он умел отказываться от них или видоизменять их в тот момент, как изменялась его цель, или когда новые комбинации представляли возможность достигнуть ее другими, более верными путями.

Он не обладал большими научными познаниями. Его приверженцы особенно усердно поддерживали мнение, что он был глубоким математиком. Но то, что он знал в области математических наук, не возвышало его над уровнем любого офицера, получившего, как он, подготовку к артиллерийской службе; но его природные дарования восполняли недостаток знания.

Он стал администратором и законодателем, как и великим полководцем, в силу одного лишь инстинкта. Склад его ума всегда толкал его к положительному; он отвергал идеи неопределенные; грезы мечтателей и отвлеченные схемы идеологов в одинаковой мере отталкивали его, и он смотрел, как на пустую болтовню, на все то, что не приводило к ясным выводам и осязательным результатам.

Он, в сущности, признавал научную ценность лишь за теми знаниями, которые можно контролировать и проверять на практике путем чувств, которые основаны на опыте и наблюдениях. Он выказывал глубокое презрение к ложной философии и ложной филантропии восемнадцатого века. Из корифеев этих учений в особенности Вольтер был предметом его ненависти, и в этой ненависти он доходил до того, что оспаривал даже по всякому поводу общепризнанный взгляд на литературные заслуги Вольтера.

Наполеон не был нерелигиозным в обычном смысле этого слова. Он не допускал, чтобы мог существовать искренний и убежденный атеист; он осуждал деизм как плод необоснованного умозрения. Христианин и католик, он лишь за положительной религией признавал право управлять человеческими обществами.

В христианстве он видел основу всякой истинной цивилизации, в католицизме – культ наиболее благоприятный для поддержания устоев нравственности, в протестантизме –

источник смуты и раздоров. Не соблюдая церковных обрядов в отношении к себе самому, он, однако, слишком уважал последние, чтобы позволить себе насмешки над теми, кто придерживался их. Возможно, что его отношение к религии являлось не делом чувства, а результатом дальновидной политики, но это – тайна его души, которой он никогда не выдавал. Что касается его мнения о людях, то они сводились к идее, которая, к несчастью для него, приобрела в его уме значение аксиомы.

Он был убежден, что ни один человек, призванный действовать на арене общественной жизни или просто преследующий какие-нибудь цели в практической жизни, не руководствуется и не может руководствоваться какими-либо мотивами, кроме личного интереса. Он не отрицал ни доблести, ни чести, но он утверждал, что ни первое, ни второе чувство ни в ком не служат главной движущей силой, за исключением лишь тех, кого он называл мечтателями и кого в качестве таковых считал совершенно неспособными к успешной работе в общественных делах.

Я много и часто спорил с ним по поводу этого правила его, против которого восставало мое внутреннее убеждение, и ложность которого – по крайней мере в том объеме, в каком он его применял, – я пытался ему доказать. Мне ни разу не удалось поколебать его на этом пункте.

Жан-Луи-Эрнест Месонье. Наполеон в 1814 г.
1862 г.

Он обладал особенно тонким чутьем в распознавании людей, которые могли быть ему полезны. Он быстро открывал в них ту сторону, с которой нужно было подойти, чтобы извлечь наибольшую выгоду. В то же время он старался связать их со своей личной судьбой, компрометируя их настолько, что для них невозможно уже было отойти от него и создать себе другое положение: таким образом, в личном расчете он видел залог преданности ему.

Лучше всего он изучил национальный характер французов, и история его жизни показала, что он хорошо понял этот характер. В частности, на парижан он смотрел как на детей, и он часто сравнивал Париж с большой оперой. Когда однажды я упрекнул его в явных измышлениях, которыми изобиловали его бюллетени, он ответил мне смеясь: «Ведь не для вас я их писал; парижане

всему верят, и я мог бы рассказать им еще много другого, во что они не отказались бы поверить».

Ему нередко случалось во время разговора пускаться в рассуждения на исторические темы. Эти рассуждения обнаруживали в нем недостаточное знание фактов, но необычайную прозорливость в оценке причин и в предвидении последствий. Он таким образом больше угадывал, чем знал, и хотя события и людей он окрашивал в свой собственный цвет, он находил для них остроумные объяснения.

Так как он всегда возвращался к одним и тем же цитатам, то надо думать, что он почерпал из очень небольшого числа работ, и преимущественно из сокращенных изложений, наиболее яркие факты из древней истории и истории Франции. В своей памяти, однако, он хранил запас имен и событий, достаточно богатый для того чтобы импонировать тем, чьи познания в истории были еще менее солидны, чем его собственные.

Героями его были Александр, Цезарь и прежде всего Карл Великий. Он претендовал на место преемника этого последнего, преемника не только в силу факта, но и по праву, и эта мысль особенно занимала его. В разговорах со мною он пускался в бесконечные рассуждения, чтобы поддерживать этот странный парадокс самыми слабыми аргументами. Очевидно, мое положение австрийского посланника вызывало эту неустойчивость его в разговоре со мною.

Одним из постоянных и живейших его огорчений было то, что он не мог сослаться на принцип легитимности как на основу своей власти. Не много людей более глубоко чувствовало, насколько власть, лишенная этого основания, преходяща и хрупка, как открыта она для нападения. Тем не менее он никогда не упускал случая, чтобы заявить в моем присутствии живейший протест против тех, кто мог воображать, что он занял трон в качестве узурпатора.

«Французский престол, – говорил он мне не раз, – был вакантным. Людовик XVI не сумел удержаться в нем. Будь я на его месте, Революция никогда не стала бы совершившимся фактом, несмотря на огромные успехи, которые она сделала в умах в предшествовавшие царствования. После падения короля территорией Франции завладела Республика, ее-то я и сменил. Старый трон остался погребенным под развалинами, я должен был основать новый. Бурбоны не смогли бы царствовать в этом вновь созданном государстве; моя сила заключена в моей счастливой судьбе; я – нов, как нова империя; таким образом, между мною и империей полное слияние».

Я часто думал, однако, что, выражаясь таким образом,

Наполеон хотел лишь усыпить или сбить с толку общественное мнение, и предложение, с которым он обращался непосредственно к Людовику XVIII в 1804 году, по-видимому, подтверждает это подозрение. Говоря однажды со мною об этом предложении, он сказал: «Ответ его высочества был благороден, он был насквозь пропитан традициями. В этих законных наследниках есть нечто, что считается не с одним только рассудком. Если бы его высочество следовал советам рассудка, он столковался бы со мною, и я бы создал для него великолепное положение».

Его также сильно занимала идея связать с Божеством происхождение верховной власти. Однажды в Компиене, вскоре после брака его с эрцгерцогиней, он мне сказал: «Я вижу, что императрица в письмах к отцу, в адресе пишет: «Его Священному Императорскому Величеству. Употребляется ли у вас этот титул?» Я ответил ему, что так ведется по традиции от прежней Германской империи, которая называлась Священной империей, и что титул «священный» связан также и с апостольским королевским венцом Венгрии.

Тогда Наполеон ответил мне торжественным тоном: «Обычай прекрасный и понятный. Власть от Бога исходит, и только в силу этого она может быть поставлена выше людских покушений. Через некоторое время я приму такой же титул». Он придавал большое значение благородству своего происхождения и древности своего рода. Неоднократно старался он мне показать, что лишь зависть и клевета могли набросить тень на благородство его происхождения.

«Я поставлен в исключительное положение, – сказал он мне. – Я нахожу историков моей родословной, которые хотят довести мой род до времен потопа, и есть мнения, которые утверждают, что я не дворянин по рождению. Истина между двумя этими крайностями. Буонапарте – хорошие корсиканские дворяне, мало известные, потому что мы никогда не выходили за пределы нашего острова, но они во много раз лучше тех пустозвонов, которые хотели бы нас унизить».

Наполеон смотрел на себя как на совершенно особое, единственное существо в мире, призванное управлять и руководить умами по своему усмотрению. На людей он смотрел так, как хозяин мастерской на своих рабочих[158].

Одним из тех, к кому он, по-видимому, был наиболее привязан, был Дюрок. «Он любит меня, как собака – своего хозяина», – вот фраза, которую он употребил, говоря со мною о Дюроке. Чувство, которое питал к нему Бертье, он сравнивал с чувством доброго ребенка. Эти сравнения не только не

расходились с его теорией относительно двигателей человеческих действий, наоборот, они естественно вытекали из нее; там, где он встречал чувства, которые он не мог объяснить чисто личным расчетом, он искал для них источник в своего рода инстинкте.

Очень много говорилось о суеверии Наполеона и почти столько же о недостатке личной храбрости. Оба эти обвинения основаны или на ложных сведениях, или на наблюдениях, плохо истолкованных. Наполеон верил в судьбу, и кто же больше, чем он, испытывал ее? Он любил хвастать своей звездой; он был очень доволен, что толпа не прочь видеть в нем привилегированное существо; но сам он не обманывался на свой собственный счет и, что важнее, вовсе не стремился приписывать судьбе большую роль в своем возвышении.

Я часто слыхал, как он говорил: «Меня называют счастливым потому, что я ловок; люди слабые обыкновенно обвиняют в счастии людей сильных».

Я приведу здесь один случай, который показывает, до какой степени он рассчитывал на энергию своей души и считал себя выше случайностей жизни. Среди прочих парадоксов, которые он высказывал в вопросах медицины и физиологии (темы, которых он касался с особой любовью), он утверждал, что смерть часто бывает лишь следствием недостатка волевой энергии в личности.

Однажды в Сен-Клу он упал с опасностью для жизни (он был выброшен на каменную тумбу, которая чуть не продавила ему живот)[159]; на другой день, когда я спросил его о здоровье, он мне ответил самым серьезным образом: «Вчера я пополнил опытным путем свои познания относительно силы воли; когда я получил удар в живот, я почувствовал, что жизнь уходит; у меня оставалось лишь время сказать себе, что я не хочу умирать, и вот я жив! Всякий другой на моем месте был бы мертв». Если угодно называть это суеверием, то нужно, по крайней мере, согласиться, что оно очень отличается от того суеверия, которое ему приписывалось.

Точно так же обстоит дело и с его храбростью. Он крепко держался за жизнь, но так как с его судьбой было связано бесконечное количество судеб, то ему было позволительно, конечно, видеть в своей жизни нечто иное, чем жалкое существование одного лица. Таким образом, он не считал себя призванным показывать «Цезаря и его судьбу» исключительно для доказательства своей храбрости.

Другие великие полководцы думали и поступали так же, как и он. Если у него не было той жилки, которая заставляет бросаться в опасность сломя голову, то это, конечно, не основание, чтобы обвинять его в трусости, как это делали без

всяких колебаний иные его враги. История его походов достаточно показала, что он был всегда на месте – опасном или нет, – но на том, какое подобало вождю великой армии.

В частной жизни, никогда не отличаясь любезностью в обращении, он был покладист и часто доводил снисходительность до слабости. Добрый сын и хороший родственник, с тем оттенком, который встречается особенно часто в буржуазных итальянских семьях, он терпел выходки некоторых членов своей родни, не проявляя силы воли, достаточной для того, чтобы сдержать их в границах даже тогда, когда он должен был сделать это явно в своем интересе. В частности, его сестры умели добиваться от него всего того, чего хотели.

Ни первая, ни вторая из супруг Наполеона не могли пожаловаться на его обращение. Хотя этот факт достаточно установлен, но слова эрцгерцогини Марии Луизы бросают на него новый свет. «Я уверена, – сказала она мне вскоре после замужества, – что в Вене много занимаются мною и что, по общему мнению, я терплю ежедневные муки. Вот как неправдоподобна часто бывает истина. Я не боюсь Наполеона, но я начинаю думать, что он боится меня».

Гораций Верне. Оборона заставы Клиши
(эпизод битвы за Париж 30 марта 1814 г.) *1820 г.*

В первых числах 1814 г. русские, австрийские, прусские и немецкие корпуса вторглись во Францию с целью свержения Наполеона. Так началась французская кампания. На территории Франции Наполеон чаще одерживал победы, но ни одна из них не стала решающей из-за значительного численного превосходства противников.

В 20-х числах марта 1814 г. Наполеон, уверенный в медлительности союзников, предпринял обходной маневр, надеясь пополнить свою армию за счет пограничных гарнизонов и принудить союзников покинуть пределы Франции, угрожая их тыловым коммуникациям. Но вопреки расчетам Наполеона 24 марта союзники одобрили план наступления на Париж и 29 марта подошли к передовой линии обороны города. Наполеон узнал о наступлении союзников 27 марта, но было уже слишком поздно.

Простой и часто даже обходительный в частной жизни, он производил невыгодное для себя впечатление в большом свете. Трудно вообразить большую неловкость в манере держать себя, чем та, которую обнаруживал Наполеон в салоне. Усилия, которые он делал, чтобы исправить свои природные недостатки и недостатки воспитания, в результате лишь резче подчеркивали то, чего ему не хватало.

Я убежден, что он многое принес бы в жертву, лишь бы сделать выше свой рост и придать благородство фигуре, которая становилась все вульгарнее по мере того, как увеличивалась его полнота. Он ходил, обыкновенно приподнимаясь на носках; он усвоил себе телодвижения, скопированные у Бурбонов. Его костюмы были рассчитаны на то, чтобы производить впечатление контраста с костюмами, обычными в его кругу, благодаря необычайной простоте или чрезмерному великолепию. Известно, что он призывал Тальму, чтобы изучать позы.

Он очень покровительствовал этому актеру, и его расположение объяснялось в значительной степени сходством, которое в действительности существовало между ними. Ему было приятно видеть Тальму на сцене; можно было бы сказать, что он находил себя в нем. Никогда из его уст в разговоре с женщинами не выходило не только изысканной, но даже просто уместной

фразы, хотя усилия найти ее часто выражались на его лице и в тоне голоса.

Он говорил с дамами только об их туалетах, выказывая себя придирчивым и строгим судьей, или же о количестве их детей; и одним из его обычных вопросов было – кормят ли они сами, причем этот вопрос он предлагал обыкновенно в выражениях, совершенно не принятых в хорошем обществе.

Иной раз он их подвергал своего рода допросу относительно интимных связей в обществе, что придавало его беседам скорее характер поучений неуместных и бестактных, чем характер вежливого салонного разговора. Этот недостаток хорошего тона часто вызывал против него отпор, на который он не находил удачного ответа. Его нелюбовь к женщинам, принимающим участие в политических и общественных делах, доходила до ненависти[160].

Чтобы судить об этом необыкновенном человеке, нужно следить за ним на той великой сцене, для которой он был рожден. Судьба, без сомнения, очень много сделала для Наполеона, но силою своего характера, действенностью и ясностью своего ума, гениальностью великих комбинаций в военном искусстве он поднялся на уровень того места, которое судьба ему предназначила. Имея лишь одну страсть – страсть к власти, – он никогда не терял ни времени, ни средств на дела, которые могли бы отвлечь его от его цели.

Властелин самого себя, он скоро стал властелином людей и событий. В какое бы время он ни явился, он играл бы выдающуюся роль. Но эпоха, в которую он делал первые шаги по своему жизненному пути, была исключительно благоприятной для его возвышения. Окруженный личностями, которые среди разрушающегося мира шли наудачу без определенного направления всюду, куда их вели всякого рода честолюбие и алчность, он один сумел составить план, прочно его держаться и довести до конца.

Во время второго итальянского похода он и составил тот план, которому суждено было привести его на вершину власти. «Юношей, – говорил он мне, – я был революционером по неведению и из честолюбия. В годы разума я последовал за его советами и за своим собственным инстинктом и раздавил революцию».

Он до такой степени привык считать себя необходимым для поддержания системы, им созданной, что под конец уже не понимал, каким образом мир может идти помимо него. Я нисколько не сомневаюсь, что из глубины души шли и глубоким убеждением были проникнуты эти слова его, которые он мне

сказал во время нашего свидания в Дрездене в 1813 году: «Я погибну, быть может, но в своем падении я увлеку с собою троны и все общество».

Сказочные успехи, которыми была наполнена его жизнь, в конце концов, бесспорно, ослепили его; но до войны 1812 года, когда он впервые пал под тяжестью иллюзий, он никогда не терял из виду глубоко продуманных расчетов, с помощью которых он столько раз торжествовал. Даже после московского разгрома мы видели, с каким хладнокровием и энергией защищал он свое существование; и его кампания 1813 года была, бесспорно, той, в которой он при очень уменьшенных силах проявил максимум военного таланта.

Я никогда не принадлежал к числу тех, – а их было много, – которые думали, что после событий 14-го и 15-го годов он попытается создать себе новую карьеру, сойдя на роль искателя приключений и пустившись в романтическое прожектерство. Его ум и склад его души заставляли его презирать все маленькое. Как крупному игроку, успехи мелкой игры не только не доставили бы ему удовольствие, а внушали бы отвращение.

Часто возбуждался вопрос: был ли Наполеон в основе добр или зол. Мне всегда казалось, что эти эпитеты в том смысле, в каком их обычно употребляют, совершенно неприменимы к такому характеру, как его. Постоянно занятый одною задачей, день и ночь поглощенный заботою управления империей, которая в своем постепенном росте в конце концов охватила интересы огромной части Европы, он никогда не отступал перед страхом неудовольствий, которые он мог вызвать, ни даже перед безмерным количеством индивидуальных страданий, неизбежных при осуществлении его планов.

Подобно тому, как несущаяся колесница дивит все, что попадается ей на пути, Наполеон думал лишь о том, чтобы стремиться вперед. Он совершенно не принимал в расчет тех, которые не умели беречься; он даже склонен был порою обвинять их в глупости. Бесстрастный ко всему, что находилось на пути его следования, он им не занимался ни в добре, ни в зле. Он мог сострадать несчастиям частной жизни, но он был равнодушен к бедствиям государственным.

Точно так же было и в отношении его к тем, кем он пользовался как орудием. Бескорыстное великодушие было не в его натуре; он расточал свои милости и благодеяния лишь соразмерно с тою пользою, которую надеялся извлечь из благодетельствуемых. К другим он относился так, как, по его мнению, они относились к нему. Он принимал все услуги, не интересуясь ни мотивами, ни взглядами, ни прежними

поступками тех, кто предлагал эти услуги, за исключением лишь тех случаев, когда рассчитывал извлечь из этого новую выгоду.

У Наполеона было два лица. В качестве частного человека он был доступен и обходителен, не будучи ни добрым, ни злым. В качестве государственного деятеля он не допускал никакого чувства, не руководствовался в своих решениях ни симпатией, ни ненавистью. Он давил или сталкивал с пути своих врагов, руководствуясь лишь необходимостью или интересом избавиться от них. Раз эта цель была достигнута – он о них забывал и не преследовал их.

Было сделано много бесполезных попыток и бесплодно потрачено много эрудиции из желания сравнивать Наполеона с тем или иным из его предшественников по пути завоеваний и политических переворотов. Страсть к параллелям приносит существенный вред истории; она проливает ложный свет на наиболее выдающиеся характеры, и она часто совершенно извращает ту точку зрения, с которой следовало бы рассматривать.

Невозможно судить о человеке, отделяя его от тех рамок, в которые он был помещен, и от совокупности обстоятельств, которые на него воздействовали. Если бы даже природе угодно было создать двух индивидов, безусловно похожих, то их дальнейшее развитие в условиях времени и места, не допускающих никакой аналогии, неизбежно стерло бы их первоначальное сходство и смутило бы неопытного художника, который захотел бы воспроизвести это сходство своей кистью.

Настоящий историк – тот, который умеет принимать в расчет до бесконечности разнообразные моменты, призванные войти в композицию картин; такой историк, повторяю, охотно откажется от тщетной затеи сравнивать Наполеона будь то с героями древности, будь то с варварскими завоевателями средних веков, будь то с великим королем минувшего века (за исключением военного таланта), будь то с узурпатором складки Кромвеля. Ни одно из этих случайных сближений ничего не разъяснит потомству, но все они неизбежно извратят историческую правду.

К тому же система завоеваний Наполеона была совершенно особого характера. Всемирное господство, к которому он стремился, не имело целью сконцентрировать в его руках непосредственное управление огромной массой стран, но установить в центре верховную власть над европейскими государствами по образцу, извращенному и преувеличенному, империи Карла Великого.

Если соображения момента заставляли его отступать от этой системы, если они увлекали его к захвату и к присоединению к

французской территории стран, на которые он при правильном понимании своего же интереса не должен был бы посягать, то эти действия, существенно повредившие укреплению его власти, не только не содействовали развитию великого плана, лежавшего в основе его мысли, но лишь повели к его крушению и гибели.

Этот план должен был бы распространиться также и на церковь. Он хотел основать в Париже престол католицизма и оторвать папу от всяких светских интересов, обеспечив ему власть духовную под эгидой французской империи.

В своих политических и военных комбинациях Наполеон отводил немало места слабостям и ошибкам тех, с кем ему предстояло бороться. Нужно признать, что долгий опыт давал ему достаточно оснований следовать этому принципу. Но верно также и то, что он им злоупотреблял и что привычка пренебрегать силами и средствами противников была одной из главных причин его падения. Союз 1813 года его убил, потому что он никогда не хотел убедиться в том, что коалиция может поддерживать дух единства в своих членах и упорствовать в достижении своих целей.

Жак-Луи Давид. Император Наполеон
в своем кабинете в Тюильри. *1812 г.*

Во мнениях людей до сих пор существовало разногласие – и, возможно, будет существовать всегда – по вопросу, заслуживает ли Наполеон в действительности имя великого человека. Невозможно отрицать черты величия в том, кто, выйдя из неизвестности, смог в течение немногих лет стать самым сильным и самым могущественным из современников.

Но сила, могущество, превосходство – понятия более или менее относительные. Чтобы точно оценить степень гениальности

человека, которая потребовалась ему, чтобы покорить свой век, надо знать меру этого века. Такова исходная точка, из которой вытекает основное разногласие в мнениях о Наполеоне.

Если эра французской революции была, как думают ее поклонники, наиболее блестящей победой, наиболее славной эпохой современной истории, то Наполеон, который сумел занять в ней первое место и сохранить его в течение пятнадцати лет, был, вне всякого сомнения, одним из самых великих людей, которые когда-либо являлись.

Если же, напротив, ему предстояло лишь, подобно метеору, подняться над туманами всеобщего распада, если он находил вокруг себя лишь развалины общества, подточенного крайностями ложной цивилизации, если ему предстояло лишь сломить сопротивление, расслабленное всеобщей усталостью, бессильное соперничество, низкие страсти; если перед ним стояли как внутри страны, так и вне ее враги, разъединенные и парализованные раздорами, то несомненно, что блеск его успехов уменьшается соразмерно с той легкостью, с какою он их достиг.

И так как мы придерживаемся именно последнего взгляда на положение вещей, то, всецело признавая все, что было необыкновенного и поражающего в карьере Наполеона, мы далеки от риска преувеличивать идею его величия.

Обширное здание, построенное им, было исключительно делом его рук, и сам он был в нем краеугольным камнем. Но эта гигантская постройка, в сущности, лишена была основания; материал, пошедший на нее, был составлен из обломков других зданий, из которых одни уже подгнили, другие же с самого начала не отличались прочностью. Краеугольный камень был вынут, и все здание обратилось в развалины от вершины до основания.

Такова в немногих словах история французской истории. Задуманная и созданная Наполеоном, она лишь в нем существовала; вместе с ним она должна была погибнуть.

Арман де Коленкур

Император не был от природы резким. Никто не владел собою лучше, чем он, когда он этого хотел. Доказательство – в том, что за очень редкими исключениями, и даже в тех случаях, когда обстоятельства вывели бы всякого другого человека из себя, он обычно сохранял в разговоре с каждым спокойный тон, хотя бы

у него и много было оснований для упреков.

В таких случаях его тон был, конечно, очень сухим, но не невежливым, не оскорбительным. Если порою мне приходилось слышать из его уст выражения, которые можно назвать грубыми, то я не могу назвать больше пяти-шести таких примеров, и всякий раз это было с лицами, которые так вели себя, что с ними действительно не стоило стесняться. Что касается этих выражений, то он не придавал им такого значения и не был так чувствителен к ним, как другие.

Быть может, ему недоставало городского лоска, той изысканной деликатности и особенно той снисходительности в мелочах, которая заменяет доброту у высокопоставленных людей.

Все приближенные императора напрасно жаловались на его манеры, на его обращение и его тон с ними в повседневном обиходе. Отчасти по своему характеру, а отчасти из сознательного расчета, он редко показывал свою благосклонность, а если давал заметить, что он доволен, то можно было подумать, что он делает это против своего желания.

– Французы, – говорил он, – легкомысленны, фамильярны и склонны к бесцеремонности. Чтобы не оказаться в необходимости ставить их на место, надо держать себя с ними серьезно, в соответствии со своим положением. Царствовать– значит играть роль. Государи всегда должны быть на сцене.

И действительно, он всегда сохранял серьезность, даже когда хотел проявить благосклонность и, как он говорил, обласкать человека.

Если император хотел выразить кому-нибудь свое недовольство, то чаще всего он делал это через какое-либо третье лицо. Если по отношению к какому-нибудь видному лицу он брал эту задачу на самого себя и если дело было серьезным, то он все же частично скрывал свое недовольство; остаток должен был дойти до адресата через третьих лиц, перед которыми он любил изливать свое недовольство.

Он относился со вниманием ко всякому человеку, с которым говорил, так как, по его собственному откровенному выражению, он никогда не хотел лишить себя возможности пользоваться людьми, не хотел, чтобы кто бы то ни было считал его дверь наглухо закрытой для себя.

* * *

Император не баловал ни офицеров, ни солдат, а в то же время он не поддерживал дисциплины и закрывал глаза на

беспорядки. Он даже не любил, чтобы ему говорили о них, если они не выходили за пределы продовольственных вопросов. Он сам соглашался, что его система ведения войны не допускает строгой дисциплины потому, что люди живут без пайков.

* * *

Император больше всякого другого осуждал преступления революции и самую революцию. В связи с этим он более или менее отрицательно относился к представителям старого двора, принимавшим участие в ней. Он часто говорил мне о них, не очень стесняясь в выражениях. Он хотел учредить институт пэров и превратить прекрасное здание церкви Магдалины, которое должно было служить «храмом славы», в великий искупительный памятник, очищающий от деяний революции; таковы были две идеи, которые он постоянно выдвигал и которыми был очень занят. Он собирался воздвигнуть там памятники Людовику XVI, королеве и всем жертвам, погибшим во время революции.

* * *

Император не прощал людям, пользовавшимся своей должностью, чтобы составить состояние и выжимать соки из страны, в которой они занимали командные или административные посты, а еще менее он прощал тем, кто торговал своим мнимым влиянием. Он с презрением говорил о маршале Брюне и никогда не упоминал имени Бурьена, не сопроводив его эпитетом «этот плут». Они не были единственными, о которых он так говорил…

* * *

Мало было людей, о которых император не разговаривал бы со мною; он говорил со мною обо всех, начиная от его жены и европейских государей и вплоть до самых скромных частных лиц. И я часто мог заметить, что от него ничего не ускользало. В частной жизни он проявлял не больше благодушия, чем в политических делах. Все истолковывалось им против ближнего.

Держась всегда, словно он на сцене в роли императора, он думал, что и другие разыгрывают с ним заученные ими роли. Поэтому его первым чувством всегда было недоверие – правда,

только на мгновение. Потом он менял отношение, но всегда надо было быть готовым к тому, что его первое представление о вас будет мало приятным, а может быть, даже и оскорбительным для вас.

Всегда подозревая, что под вашими замечаниями или предложениями скрывается какой-нибудь личный или тайный интерес, независимо от того, друг вы или враг, он путал сначала друзей с врагами. Я часто испытывал это и могу говорить об этом с полным знанием дела. Император думал и по всякому поводу говорил, что честолюбие и интерес – движущие мотивы всех поступков.

Он редко поэтому допускал, чтобы хороший поступок был совершен из чувства долга или из щепетильности. Он, однако, замечал людей, которыми, по-видимому, руководили щепетильность или сознание своего долга. В глубине души он учитывал это, но не показывал этого. Он часто заставлял меня усомниться в том, что государи верят в возможность иметь близких людей.

– Я сам свой министр, – часто говорил он. – Я сам веду свои дела, а следовательно, я достаточно силен, чтобы извлекать пользу из посредственных людей. Честность, отсутствие болтливости и работоспособность – вот все, чего я требую.

* * *

В своем домашнем быту император был чрезвычайно добродушен. С императрицей он обращался как нежный и любящий супруг. Он довольно долго был очень влюблен в императрицу Жозефину, уже когда женился на ней, и навсегда сохранил привязанность к ней. Он любил превозносить ее изящество и доброту даже после того, как уже давно перестал с ней встречаться. Ни одна женщина не оставила в нем такого глубокого впечатления. По словам императора, она была воплощенной грацией.

* * *

Напрасно думают, что у него было много фавориток. Конечно, порою кто-нибудь кружил ему голову, но любовь редко была для него потребностью и, пожалуй, даже редко была для него удовольствием. Он жил слишком на виду у всех, чтобы предаваться удовольствиям, которые, в сущности, мало

развлекали его, а к тому же длились не больше мгновения.

Впрочем, он был по-настоящему влюблен в течение нескольких дней в м-м Дюшатель. В промежутке между разводом и прибытием эрцгерцогини, чтобы отвлечься от императрицы Жозефины, он для препровождения времени развлекался с м-м Гадзани и м-м Матис. В последние годы жизни с императрицей Жозефиной он заводил связи с м-ль Жорж и несколькими другими женщинами отчасти из любопытства, а отчасти, чтобы отомстить за сцены ревности, вызванные его изменами.

В Варшаве ему понравилась м-ль Валевская. Он имел от нее ребенка и сохранил к ней больше привязанности, чем к какой-либо другой женщине. Но все эти преходящие увлечения никогда не занимали его настолько, чтобы хотя бы на один момент отвлечь от государственных дел.

Он всегда так спешил рассказать о своих успехах, что можно было подумать, будто он гнался за ними только для того, чтобы их разгласить. О своих похождениях он прежде всего рассказывал императрице. Горе красавице, которая уступила ему, не будучи при этом сложена, как Венера Медицейская, ибо его критика не щадила ни одной детали ее фигуры, и он с удовольствием занимался этой критикой в беседах с теми лицами, перед которыми любил хвастать своими успехами. Императрица Жозефина в тот же вечер знала все подробности его победы над м-м ***. А на следующий день после первого свидания император рассказывал все подробности мне, не упуская ничего, что могло польстить красавице или задеть ее самолюбие.

* * *

Император нуждался в продолжительном сне, но спал только когда хотел, и притом безразлично – днем или ночью. Предстоявшая назавтра битва никогда не нарушала его сон, и даже во время сражения, если он считал, что оно не может решиться раньше чем через час или два, он укладывался на своей медвежьей шкуре прямо на земле и спал крепким сном, пока его не будили. Я был свидетелем такого сна во время битвы под Бауценом: он спал тогда от 11 1/2 до 1 часа дня. Объехав все позиции он сказал:

– Надо предоставить делу идти своим ходом. Я смогу нанести решающие удары лишь часа через два.

И он спал больше часа. На войне его будили по всякому поводу. Князь Невшательский, который принимал получаемые донесения, тоже не жалел его, хотя знал всегда его планы.

Император вставал всегда в 11 часов вечера или, самое позднее, в полночь, то есть в час, когда прибывали первые донесения армейских корпусов.

Он работал 2–3 часа, а часто и больше, сопоставлял донесения, изучал по картам передвижения войск и отдавал приказания. Он диктовал все приказания начальнику штаба или секретарю, а князь Невшательский отправлял их по назначению. Иногда, если дело шло об особенно важных вопросах, он сам писал командирам армейских корпусов, чтобы обратить их внимание на данный вопрос, но официальная часть переписки шла своим чередом через штаб главного командования.

* * *

Император входил в мельчайшие подробности. Он хотел на все наложить печать своего гения. Он вызывал меня, чтобы отдать распоряжения по ставке или относительно офицеров для поручений и офицеров штаба главного командования, по поводу корреспонденции, эстафет, почтовых сообщений и т. д. Гвардейские командиры, армейский интендант, главный хирург – славный Ларрей, – все получали вызов к нему по крайней мере один раз в день.

Ничто не ускользало от его попечений, ни одна деталь не казалась ему недостойной его внимания. Все, что могло способствовать успеху дела или благополучию солдата, заслуживало, с его точки зрения, ежедневного пристального внимания. Никогда нельзя было сказать об императоре, что он почивает на лаврах, ибо величайшие успехи заставали его в тот момент, когда он подготовлял все меры предосторожности, которые были бы приняты им, если бы вместо успеха его постигла неудача.

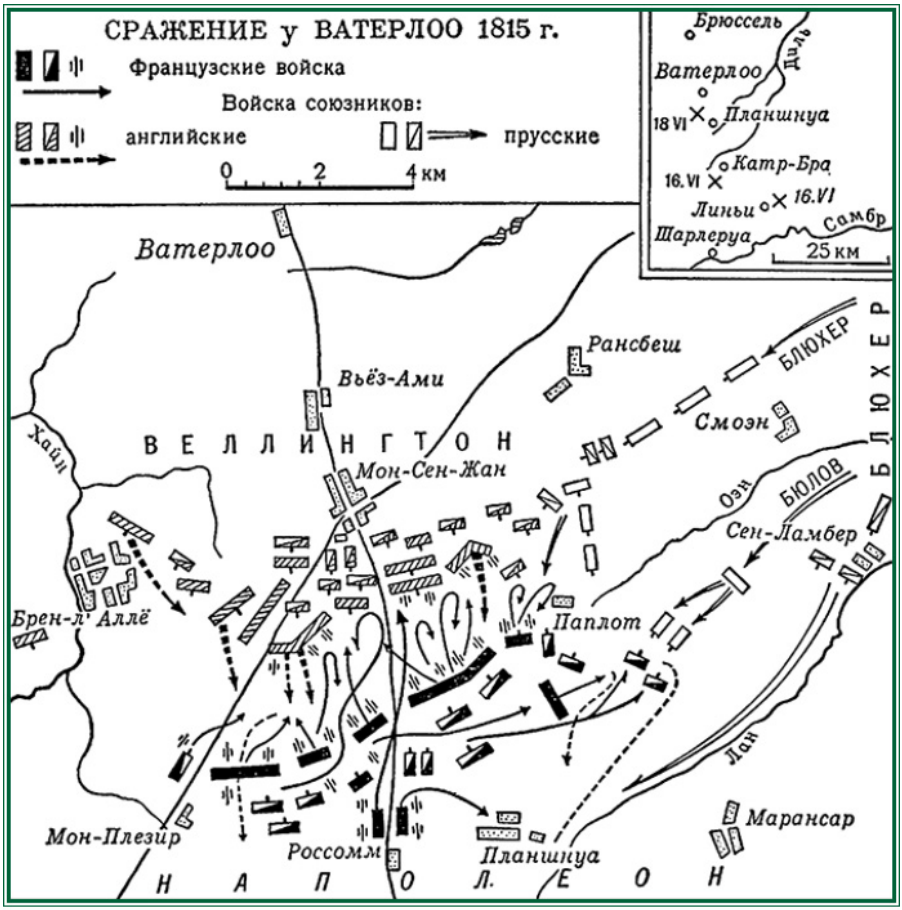


Схема сражения у Ватерлоо 18 июня 1815 г.

* * *

Как бы ни был утомлен император, он всегда – даже в разгаре самого ожесточенного преследования неприятеля и самых выдающихся успехов – производил рекогносцировку тех мест, которые могли бы послужить подходящей позицией в случае неудачи.

В этом отношении у императора была изумительная память на всякие местности. Топография страны, казалось, была рельефно отпечатана у него в голове. Никогда человек не сочетал такой памяти с таким творческим гением. Он извлек бы людей, лошадей и пушки из самых недр земли.

Он держал в голове в изумительном порядке номера своих кадровых частей, своих полков, своих обозных команд и батальонов. У него хватало памяти на все. Он знал обо всех, где

кто находится, когда выступит, когда прибудет. Его память часто ставила в тупик штабы и командиров частей, но этот дух порядка, стремящийся поставить все на службу своей цели, все создать, организовать и заставить прибыть в назначенный пункт, не шел дальше этого.

Императору нужно было, чтобы все вопросы кампании разрешались выигрышем нескольких сражений. Он в такой мере владел своей шахматной доской, что наверняка мог их выиграть. Но этот творческий гений не умел сохранять сотворенное. Всегда импровизируя, он быстротою своих переходов в короткое время расходовал, исчерпывал и дезорганизовывал все то, что его гений только что создал.

Если кампания в 30 дней не давала ему результатов целого года, то большая часть его расчетов нарушалась теми потерями, причиной которых был он сам, ибо все делалось так быстро и так непредвиденно, а у его командиров было так мало опыта и предусмотрительности, да к тому же они были так избалованы прежними успехами, что все оказывалось дезорганизованным, рассеянным, раскиданным повсюду.

* * *

Гений императора всегда творил такие чудеса, что каждый возлагал на него все заботы об успехе. Казалось, что прибыть на место ко дню битвы – это все. Все были уверены, что потом у них будет время отдохнуть и реорганизовать свою часть, а потому все мало беспокоились о тех потерях, которые они несли, и обо всем брошенном по дороге, так как император редко требовал в этом отчета. Быстрые результаты итальянской и германской кампаний и ресурсы, которые имелись в этих странах, избаловали всех начальников, даже низших.

Эта привычка к успеху дорого обошлась нам в России, а потом при наших неудачах. Славная привычка всегда идти вперед превратила нас в неопытных школьников, когда дело дошло до отступления. Привычка всегда иметь свои войска под рукой и постоянное стремление императора продолжать наступление приводили к тому, что дороги загромождались, и колонны скоплялись вместе. Таким путем изнуряли и людей и лошадей.

Талейран

Молодой генерал Бонапарт, в течение уже двух лет с таким блеском действовавший на мировой арене, не хотел теряться в толпе прочих генералов; он желал сохранить за собой славу и привлекать к себе взоры. Кроме того, он опасался оказаться беззащитным против опасностей, которые могли вырасти из самой его славы. Достаточно честолюбивый, чтобы стремиться к высшим степеням, он не был достаточно слеп, чтобы верить в возможность достижения их во Франции без особого стечения обстоятельств, которое нельзя было считать ни близким, ни даже вероятным.

* * *

[О первой встрече с Наполеоном]

На первый взгляд его внешность показалась мне привлекательной; двадцать выигранных сражений так идут к молодости, к прекрасному взору, к бледности, к несколько утомленному лицу.

* * *

Наполеон достиг верховной власти при содействии всех сил, объединившихся против анархии; он был избран благодаря блеску его побед, в которых заключались все его права на власть; поражения уничтожили их, в то время как славный мир узаконил бы эти права и укрепил их. Но введенный в заблуждение собственным воображением, преобладавшим у него над рассудком, он говорил в напыщенном тоне, что вокруг Франции должен быть возведен оплот из тронов, занятых членами его семьи, чтобы заменить линию крепостей, созданную некогда Людовиком XIV.

* * *

Успехи ослепили его до такой степени, что он не заметил, как вовне и внутри страны он довел до крайностей ту политическую систему, с которой он себя так безумно связал; он утомил как Францию, так и другие народы и заставлял их искать помимо него гарантии, которые обеспечили бы всем общий мир, а французам еще, сверх того, пользование их гражданскими правами.

* * *

Побежденный Наполеон должен был исчезнуть с мировой сцены; такова судьба узурпаторов, потерпевших поражение. Но сколько опасностей должно было возникнуть для Франции после ее поражения! Какими средствами можно было бы отвратить угрожавшие ей страдания? Какую форму правления следовало бы ей принять, чтобы противостоять этой ужасной катастрофе? Все это составляло важный предмет размышления для каждого доброго француза.

* * *

Обеспечив подлинное равновесие, Наполеон мог бы дать европейским народам такую организацию, которая соответствовала бы истинным нравственным законам. Действительное равновесие сделало бы войну почти невозможной, а правильная организация возвела бы просвещение у всех народов на высшую достижимую для них ступень.

Наполеон мог бы все это совершить, но не совершил. Сделай он это, признательные народы возвели бы ему памятники и оплакивали бы его смерть. Вместо этого он подготовил тот порядок вещей, который мы сейчас наблюдаем, и вызвал ту опасность, которая угрожает Европе на востоке. По этим результатам и должны будут его судить. Потомство скажет о нем: этот человек был наделен очень сильным рассудком, но он не понял, в чем заключается истинная слава.

Его моральная сила была очень мала или даже ничтожна. Он не умел проявить умеренности в моменты успеха и с достоинством перенести превратности судьбы; у него не хватало моральной силы, почему он и составил несчастье Европы и свое собственное.

* * *

Я любил Наполеона, даже чувствовал привязанность к его личности, несмотря на его недостатки; в начале его возвышения я чувствовал себя привлеченным к нему той непреодолимой обаятельностью, которой великий гений обладает; его благодеяния вызывали во мне искреннюю признательность. Зачем бояться признания?.. Я пользовался его славой и ее отблесками, падавшими на тех, кто ему помогал в его благородном деле.

Я могу также засвидетельствовать, что служил ему с преданностью и, поскольку это зависело от меня, с просвещенной преданностью. В ту эпоху, когда он умел выслушивать правду, я ему ее лояльно высказывал. Я говорил ему правду даже позже, когда надо было прибегать к особым мерам, чтобы она до него дошла; немилость, которой я заплатил за свою откровенность, дает мне оправдание перед собственной совестью в том, что я отстранился сначала от его политики, а затем, когда он уже стал представлять опасность для судеб моего отечества, то и от него лично.

Стендаль

Эта мужественная душа обитала в невзрачном, худом, почти тщедушном теле. Энергия этого человека, стойкость, с какою он, при таком хилом сложении, переносил все тяготы, казались его солдатам чем-то выходящим за пределы возможного. Здесь кроется одна из причин неописуемого воодушевления, которое он возбуждал в войсках.

* * *

Наполеон, в молодые годы сильно нуждавшийся и поглощенный серьезными занятиями, был, тем не менее, весьма неравнодушен к женщинам. Его невзрачная наружность, маленький рост, бедность не могли внушить ему смелость и обеспечить ему успех. Здесь нужно было обладать храбростью в маленьких дозах. Я вполне допускаю, что он робел перед женщинами. Он страшился их насмешек; и этот человек, не знавший страха, в годы своего величия отомстил им тем, что постоянно и притом цинично выражал им свое презрение, которого он не проявлял бы, если бы испытывал его на самом деле.

Когда он еще не достиг могущества, он писал своему другу, полковому казначею Ре по поводу одного страстного увлечения своего брата Люсьена: «Женщины подобны палкам, облепленным грязью: если только прикоснешься к ним, непременно запачкаешься». Этим малоизящным сравнением он намекал на те неблаговидные поступки, которые женщины иной раз заставляют нас совершать. Слова эти оказались пророческими.

* * *

Почти все портреты Наполеона, которые мне довелось видеть, являются карикатурами. Многие художники придавали ему вдохновенный взор поэта. Этот взор не вяжется с той изумительной способностью сосредоточивать внимание, которая составляет отличительную черту его гениальной натуры.

Мне кажется, что в этом взоре выражено состояние человека, потерявшего нить своих мыслей, или же только что созерцавшего величественное зрелище. Лицо его было прекрасно; иной раз оно имело возвышенное выражение, и это происходило оттого, что оно было спокойно. Только глаза были очень подвижны и отличались большой живостью. Он часто улыбался, но никогда не смеялся.

* * *

Он любил власть, потому что хорошо умел пользоваться ею; а так как ему нравилось быстро проводить благие меры, то всякая задержка, вызванная обсуждением или рассмотрением, казалась ему злом.

По недостатку образования он никогда не вспоминал Карла Великого, тоже могущественнейшего человека, от деяний которого не осталось следа; он знал Карла Великого только по академическим пошлостям г-на де Фонтана.

Не зная даже истории минувшего века – истории Ришелье и Людовика XIV – он не видел, что до революции король правил Францией только благодаря тому, что мог опираться на дворянство и парламенты, а главное – благодаря стародавней привычке французов никогда не сомневаться в законности королевской власти.

Не имея возможности за несколько лет создать столь древнюю привычку, он не видел, что после революции 1789 года государь, не опирающийся на палату представителей, сохраняет власть только благодаря страху, внушаемому его армией, или преклонению перед его гением.

* * *

Это – человек, наделенный необычайными дарованиями и опаснейшим честолюбием, самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого

он, думается нам, превзошел. Он был скорее создан для того, чтобы стойко и величаво переносить несчастье, нежели для того, чтобы пребывать в благоденствии, не поддаваясь опьянению.

Доходя в своем гневе до бешенства, когда противились его страстям, он, однако, был более способен к дружбе, нежели к длительной ненависти; обладая некоторыми из тех пороков, которые необходимы завоевателю, он, однако, был не более склонен проливать кровь и быть безучастным к человечеству, нежели Цезари, Александры, Фридрихи – все те, с кем его поставят рядом и чья слава будет меркнуть с каждым днем.

Наполеон вел множество войн, в которых были пролиты потоки крови, но, за исключением испанской войны, он не был зачинщиком ни одной из них. Ему почти удалось превратить европейский континент в одну огромную монархию.

* * *

Однажды в летний день Наполеон, бывший в то время на вершине своего могущества, работал под сенью больших деревьев парка в Сен-Клу, закрытого для посторонних. Все министры съехались из Парижа в Сен-Клу; один за другим они подходили со своими портфелями к ломберному столику, который Наполеон велел поставить в самой тенистой части аллеи.

Он несколько раз справлялся о г-не де Талейране, которому было дано какое-то важное поручение. Наконец все министры были отпущены, а г-н де Талейран все еще не появлялся. Императору подали превосходные вишни, и он с нескрываемым раздражением стал их есть. После долгого ожидания в конце аллеи показывается, прихрамывая, г-н де Талейран. Наполеон смотрит на него с яростью. Князь отвешивает три поклона.

– Вы заставили меня ждать, сударь.

Г-н де Талейран снова кланяется, затем, подойдя вплотную к ломберному столику, берет вишню:

– У вашего величества самые чудесные вишни во всей Империи.

Дерзость этой выходки умаляется тем, что, вздумай император рассердиться, г-н де Талейран не почувствовал бы досады; он был не очень чувствителен к оскорблениям.

Граф де Сегюр

На какую высоту ни вознес бы Наполеон свой трон на западе и на юге Европы, он все же видел перед собой северный трон Александра, всегда готовый властвовать над ним благодаря своему вечно угрожающему положению. На этих обледенелых вершинах, откуда обрушивались на Европу в былые времена столько варварских нашествий, Наполеон замечал образование элементов для нового вторжения.

До этого времени Австрия и Пруссия являлись достаточной преградой, но он сам ее опрокинул или ослабил. Таким образом он остался один, и только он один являлся защитником цивилизации, богатства и владений народов юга против невежественной грубости, алчных вожделений неимущих народов севера и честолюбия их императора и его дворянства.

* * *

[О подготовке к походу в Россию]

Никакие подробности не были забыты. Деятельный и пылкий гений Наполеона был всецело поглощен тогда продовольственным вопросом – важной и наиболее трудной частью своей экспедиции. Он делал указания, отдавал приказы и даже не жалел денег. Его письма доказывают это. Целые дни диктовал он инструкции, касающиеся этого предмета, и даже вставал ночью, чтобы повторить их. Один генерал получил от него за день шесть подобных депеш!

В одной из них содержится такая фраза: «Если не будут приняты предосторожности, то для передвижения таких масс не хватит верховых животных ни в одной стране». В другой депеше он говорит: «Необходимо пустить в дело все фургоны и наполнить их мукой, хлебом, рисом, овощами и водкой, плюс все, что нужно для походных лазаретов. Результат всех моих движений должен соединить в одном пункте четыреста тысяч человек. Тогда уже нечего будет надеяться на страну, надо все иметь с собой».

* * *

[В Москве]

Победа, которой он все принес в жертву, гоняясь за ней как за призраком, и уже готовый схватить ее, исчезала на его глазах в вихрях дыма и пламени! Им овладело такое сильное волнение, словно его пожирал тот самый огонь, который окружал нас со всех сторон. Он не находил себе места, каждую минуту вскакивал

и опять садился Он быстрыми шагами бегал по комнатам, и во всех его жестах, в беспорядке его одежды выражалось сильное беспокойство. Из его стесненной груди по временам вырывались короткие, резкие восклицания:

– Какое ужасающее зрелище! Это они сами! Столько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди?! Это скифы!..

* * *

На другое утро, 17 сентября, Наполеон взглянул в сторону Москвы, надеясь, что пожар уже прекратился. Но он продолжал бушевать с прежнею силой. Весь город представлял сплошной огненный смерч, который поднимался к самому небу и окрашивал его цветом пламени. Наполеон долго смотрел на эту зловещую картину в угрюмом молчании и наконец воскликнул: «Это предвещает нам большие несчастья!»

Усилие, сделанное им, чтобы достигнуть Москвы, истощило все его военные средства. Москва была пределом всех его планов, целью всех его надежд, и теперь она исчезала на глазах! Что предпринять дальше? Всегда такой решительный, он начал колебаться.

Он, который в 1805 году, не задумываясь, мгновенно отказался от подготовленной с таким трудом и с такими расходами высадки и решил в Булонь-сюр-Мер захватить врасплох и уничтожить австрийскую армию, совершивший все походы Ульмской кампании вплоть до Мюнхена и диктовавший год спустя, с такою же безошибочностью, все движения своей армии вплоть до Берлина, – этот самый человек как раз в день вступления своего в Москву и назначения в ней губернатором того, кого он хотел, почувствовал нерешительность и остановился, пораженный!

Никогда даже самым близким людям и своим министрам не поверял он своих наиболее смелых планов, и они узнавали о них лишь из приказов, которые должны были выполнять! И вот он вынужден был теперь советоваться с ними, испытывать нравственные и физические силы тех, кто окружал его.

* * *

Наполеон вернулся в Москву среди всеобщего разгрома. Он покинул город, отдав его в жертву грабежу, потому что надеялся, что его армия, которая разбрелась по развалинам, не без пользы

будет обыскивать их. Но когда он узнал, что беспорядок все увеличивается и даже старая гвардия вовлечена в грабеж, что крестьяне, привозившие припасы, за которые он всегда приказывал щедро платить, чтобы привлечь еще других, были ограблены голодными солдатами, что различные отряды, движимые разными потребностями, готовы с ожесточением оспаривать друг у друга остатки Москвы, так что все еще остававшиеся в этом городе припасы гибли среди такого разгрома, узнав это, он отдал тотчас же строгие приказы и запретил гвардии отлучаться. Церкви, где наши кавалеристы устроили для себя приют, были немедленно очищены и возвращены духовенству.

Мадам де Сталь

В первый раз я увидела его после его возвращения во Францию по заключении Кампоформийского мира. Едва я успела оправиться от первого смущения и восторга, как на смену ему и явилось вполне определенное чувство страха. И однако в то время он еще не имел прочного положения, считали даже, что над ним висят угрозой какие-то смутные подозрения Директории; к нему относились скорей с симпатией и пристрастно, так что страх, который он внушал, вызывался исключительно странным действием его личности почти на всех, кто с ним сталкивался.

Мне приходилось встречаться с людьми, достойными всякого почтения, как и с самыми жестокими злодеями, но в том впечатлении, какое производил на меня Бонапарт, не было ничего напоминающего ни тех, ни других. Встречаясь с ним в Париже при самых разнообразных обстоятельствах, я скоро пришла к заключению, что его личность не поддается тем определениям, к которым мы привыкли; его нельзя было назвать ни добрым, ни злым, ни мягким, ни жестоким в том смысле, в каком это применимо к известной нам категории лиц.

Такой человек, единственный в своем роде, не мог ни испытывать сам, ни возбуждать в других обыкновенного чувства симпатии; он был чем-то или большим, или меньшим, чем человек; его манеры, его ум и речь носили на себе отпечаток чего-то чужеземного… Встречаясь с Бонапартом чаще, я не только не освоилась с ним, но с каждым днем робела и смущалась все больше. Я смутно чувствовала, что его не может затронуть никакое сердечное движение.

На человеческое существо он смотрит как на факт или вещь, а не как на нечто подобное себе. Он так же далек от любви, как и от ненависти: он не признает никого, кроме самого себя; все остальное существующее – для него только числа. Сила его воли заключается в непреклонном расчете и его эгоизме; он – искусный игрок, а человеческий род – противная партия, которой он готовится объявить шах и мат…

Каждый раз в его разговоре меня поражало ясно выраженное чувство превосходства; оно не имело ничего общего с превосходством людей просвещенных, утонченных наукой и общением, образцы которых нам дает Франция и Англия. В его речи сказывалось то чутье обстоятельств, какое обнаруживает охотник при выслеживании добычи… В его душе мне чувствовалось какое-то холодное и острое лезвие, леденящее и наносящее раны, в уме – такая глубокая беспощадная ирония, что от нее не могло скрыться ничто великое и прекрасное, даже его собственная слава; потому что он презирал ту нацию, одобрения и признания которой добивался…

Все было для него или средством, или целью, ничего непроизвольного ни в чем – ни в добре, ни в зле… Он не признавал для себя никаких законов, никаких идеальных, отвлеченных норм, он интересовался вещами только с точки зрения их непосредственной практической полезности, а всякий общий принцип отвергал как вздорный или как враждебный.

Мадам де Ремюза (фрейлина императрицы Жозефины)

Бонапарт небольшого роста, несоразмерного сложения: слишком длинное туловище поглощает остальное тело. Это – шатен, с редкими волосами и серовато-голубыми главами. Цвет лица, сначала желтый, стал, когда он пополнел, матово-бледным, без всякого оттенка. Очертания лба, оправка глаз, линия носа прелестны: это – античный медальон. Держится он немного подавшись вперед.

Его обыкновенно тусклый взгляд придает его лицу, когда он покоен, меланхолическое, задумчивое выражение; но когда он гневается, взор вдруг становится свирепым, грозным. К нему очень идет улыбка: она обезоруживает, молодит всю его особу; она так красит и изменяет его лицо, что трудно не подчиниться ей.

Одевался он всегда очень просто, в один из мундиров своей

гвардии. Все у него было до того порывисто, что платье никогда не могло сидеть на нем хорошо: в дни парадов лакеи сговаривались, как бы уловить момент, чтобы оправить его. Он не умел носить никаких украшений.

* * *

От этикета, взятого им у старого двора, он сохранил только дисциплину и торжественную пышность церемониала. Церемониал выполнялся точно под барабанный бой; все производилось как бы форсированным маршем. Эта постоянная гонка, постоянный страх, который он внушает, парализует вокруг него всякое чувство приятности и уюта, всякую возможность свободной беседы и непринужденного общения; ничего внутренне связующего, только приказание и повиновение.

Небольшой кружок людей, которых он отличает, Савари, Дюрок, Марэ, молчат и передают его приказания… Неизменно исполняя только то, что нам было приказано, мы казались и этим людям и самим себе настоящими машинами, очень похожими друг на друга, мало чем отличаясь от тех изящных золоченых кресел, которыми только что украсили дворцы Тюильри и Сен-Клу.

* * *

Мне кажется, что костюм первого консула в ту эпоху достоин описания. В обыкновенные дни он носил один из мундиров своей гвардии; но было установлено для него и для обоих его коллег, что во время больших церемоний они все трое наденут красные костюмы, вышитые золотом, зимой из бархата, летом из материи.

Оба консула, Камбасерес и Лебрен, пожилые, в париках, со строгими манерами, носили эти блестящие одежды с кружевами и со шпагой, как прежде носили обыкновенные костюмы. Бонапарт, которого стеснял этот наряд, старался возможно чаще избегать его. Волосы у него были остриженные, короткие, прямые и довольно плохо причесанные.

При этом костюме, малиновом с золотом, он сохранял черный галстук, кружевное жабо на рубашке, без рукавчиков; иногда белый жилет, вышитый серебром, чаще форменный жилет, форменную шпагу, а также панталоны, шелковые чулки и сапоги. Этот костюм и его маленький рост придавали ему очень странный вид, над которым, однако, никто не осмеливался смеяться.

Когда он сделался императором, ему сделали костюм для церемоний с маленькой мантией и шляпой с перьями, который ему прекрасно шел. Он присоединил к этому великолепную цепь ордена Почетного легиона, усыпанную бриллиантами. В обыкновенные дни он носил только серебряный крест.

Франческо Мельци,[161] герцог Лодийский

Язык, мысли, манеры – все в нем поражало, все было своеобразно. В разговоре, так же как и на войне, он был чрезвычайно находчив, изобретателен, быстро угадывал слабую сторону противника и сразу же направлял на нее свои удары. Обладая необычайно живым умом, он лишь очень немногими из своих мыслей был обязан чтению, и, за исключением математики, не обнаружил больших успехов в науках.

Из всех его способностей, самая выдающаяся – это поразительная легкость, с какою он по собственному желанию сосредоточивал свое внимание на том или ином предмете и по несколько часов подряд держал свою мысль как бы прикованною к нему, в беспрерывном напряжении, пока не находил решения, в данных обстоятельствах являвшегося наилучшим. Его замыслы были обширны, но необычайны, гениально задуманы, но иной раз неосуществимы; нередко он из-за мимолетного раздражения отказывался от них, или собственной своей поспешностью делал выполнение их невозможным.

От природы вспыльчивый, решительный, порывистый, резкий, он в совершенстве умел быть обворожительным и посредством искусно рассчитанной почтительности и лестной для людей фамильярности очаровывать тех, кого хотел привлечь к себе. Обычно замкнутый и сдержанный, он иной раз, во время вспышек гнева, побуждаемый к тому гордостью, раскрывал замыслы, которые ему особенно важно было бы хранить в тайне. По всей вероятности, ему никогда не случалось изливать свою душу под влиянием нежных чувств.

Денис Давыдов

Наполеон вышел из сеней на крыльцо рядом с государем и от

тесноты крыльца остановился так близко ко мне, что я принужден был попятиться, чтобы как-нибудь случайно не толкнуть его. Он рассказывал что-то государю весело и с жаром. Я ничего не слышал. Я весь был зрение. Я пожирал его глазами, стараясь запечатлеть в памяти моей все черты, все изменения физиономии, все ухватки его.

К счастью моему, он, как будто в угождение мне, заговорился более, чем обыкновенно говаривал на ходу к какому-нибудь предмету, и оттого пробыл возле меня, конечно, более двух минут. Я был доволен, но не совсем. Мне непременно хотелось видеть явственнее цвет глаз и взгляд его, и он в эту минуту, как бы нарочно, обратил голову на мою сторону и прямо взглянул мне в глаза.

Взгляд его был таков, что во всяком другом случае я, конечно, опустил бы веки; но тут любопытство мое все превозмогло. Взор мой столкнулся с его взором и остановился на нем твердо и непоколебимо. Тогда он снова обратился к государю с ответом на какой-то вопрос его величества, сошел со ступеней крыльца, надел шляпу, сел на лошадь, толкнул ее шпорами и поскакал, как приехал: почти во все поводья.

Все это было сделано одно за другим, без антрактов. В ту же секунду все впереди его, все вокруг него, все позади его стоявшие всадники различных чинов и званий разом двинулись с места, также во все поводья, и все великолепное зрелище, как блестящий и громозвучный метеор, мгновенно исчезло из виду.

Я уже сказал, сколько поражен был сходством стана Наполеона со всеми печатными и тогда везде продаваемыми изображениями его. Не могу того же сказать о чертах его лица. Все виденные мною до того времени портреты его не имели ни малейшего с ним сходства. Веря им, я полагал Наполеона с довольно большим и горбатым носом, с черными глазами и волосами, словом, истинным типом итальянской физиономии. Ничего этого не было.

Я увидел человека малого роста, ровно двух аршин шести вершков, довольно тучного, хотя ему было тогда только тридцать семь лет от роду и хотя образ жизни, который он вел, не должен бы, казалось, допускать его до этой тучности. Я увидел человека, державшегося прямо без малейшего напряжения, что, впрочем, есть принадлежность всех почти людей малого роста. Но вот что было его собственностью: это какая-то сановитость благородно-воинственная и, без сомнения, происходившая от привычки господствовать над людьми и чувства морального над ними превосходства.

Не менее замечателен он был непринужденностью и

свободою в обращении, так и безыскусственною и натуральною ловкостью в самых пылких и быстрых приемах и ухватках своих, на ходу и стоя на месте. Я увидел человека лица чистого, слегка смугловатого, с чертами весьма регулярными. Нос его был небольшой и прямой, на переносице которого едва приметна была весьма легкая горбинка.

Волосы на голове его были не черные, но темно-русые, брови же и ресницы ближе к черному, чем к цвету головных волос, и глаза голубые, – что, от его почти черных ресниц, придавало взору его чрезвычайную приятность. Наконец, сколько раз ни случалось мне видеть его, я ни разу не приметил тех нахмуренных бровей, коими одаряли его тогдашние портретчики-памфлетисты.

В этот день и, впрочем, во все последовавшие дни мундир на нем был конноегерский, темно-зеленый, с красною выпушкою и с отворотами наискось, срезанными так, чтобы виден был белый казимировый камзол с маленькими мундирными пуговицами. Эполеты на нем были золотые полковничьи, подобные нынешним нашим эполетам полных генералов, без звездочек. На мундире его была звезда и крестик Почетного легиона. Нижнее платье белое казимировое, ботфорты выше колена, из мягкой кожи, весьма глянцевитые и с легкими золотыми шпорами. Шпага на бедре и шляпа в руке, пока не подходил он к лошади.

Принц де Линь

Наконец я видел этого делателя и разделывателя королей. Узнав, что после побед своих, свиданий своих и заключения мира он возвращается в Париж и будет проездом в Дрездене, я из Теплица приехал туда 17/5 июля. Мы с герцогом Веймарским втерлись в толпу народа, стоявшего у дворцовой лестницы.

Император с королем всходили на нее так медленно, от многочисленности и неловкости саксонских низкопоклонников, что я без труда мог осмотреть первого из них с ног до головы. Мне понравилось положение головы его и осанка его, благородно-воинственная. Эта осанка – не великих господ по дипломам, обыкновенно пышущая презрением или наглостью, которые принимаются за благородство.

Взгляд его был тверд, тих и величествен. Казалось, что он мыслил о многих важных предметах, что давало величавое спокойствие физиономии, и она была в истинном и естественном

положении своем. Но физиономия эта не понравилась мне на другой день от принужденной улыбки ложного добродушия, чувствительности и покровительства, – улыбки, которою он, во время посещения своего картинной галереи, угощал народную сволочь и меня вместе с нею.

* * *

Я не отставал от него и всегда находился на одной высоте с ним, позади толпы, между которой он шел. Я был похож на влюбленного человека, который, чтобы не опустить с глаз милую свою, танцующую экосез, следует за ней вниз и вверх рядов экосеза. Так я не терял ни единого взгляда, ни единого звука голоса его.

Звук этот показался мне немного простонароден. Он бросил несколько вопросов и замечаний отрывисто и, что меня удивило, на манер Бурбонов, с коими он также сходствует и некоторым качаньем с боку на бок, на ходу и стоя на месте. Что производит это: престол французский или умышленность?

Все замечательно в человеке, который не говорит и не делает ничего даром и без цели. Так, например, я приметил, что он удостаивал легким вниманием Магдалину Корреджиеву, картины Тициановы, трех граций, прелестный эскиз Рубенса и прочие, и останавливался пред обыкновенными картинами, представляющими сражения или какие-нибудь важные исторические события. Опять спрошу: как это случилось – само собою или с намерением? Нет сомнения, что это было сделано для зрителей.

* * *

Наполеон купался, давал аудиенции в ванне, просыпался и вставал в пять часов, навещал в госпиталях раненых под Иеной, осматривал укрепления города и кадетский корпус, где экзаменовал кадетов, держа каждого экзаменующегося за ухо.

Странная эта привычка или ухватка! Он то же делал с князем Иоанном Лихтенштейном при мирных переговорах в Брюне. Случилось, что, не соглашаясь на некоторые статьи, на которые прежде был согласен, он вздумал по-прежнему взять за ухо уполномоченного генерала. Лихтенштейн, отстраняясь, сказал ему: «Если герой нашего века не то говорит во вторник, что говорил он в понедельник – он вероломствует и мрачит свою

славу: военному человеку не пристойно иметь с ним дело; я пришлю к нему министра». Это победило Наполеона.

* * *

Вот другое обстоятельство, которое отвлекло меня от представления ему и в Вене, и в Дрездене; он обошелся бы со мною или очень ласково, или очень грубо. В первом случае я потерял бы уважение к себе и между своими; во втором – он смутил бы меня упреками за мои шутки на его счет (ибо ему все известно). Что бы я отвечал ему, если бы он сказал мне: «То вы, сударь, называете меня Сатаною 1-м, то землетрясением, то чертом-человеком, то Магометом Калиостро».

Он, может быть, не знает всего удивления, всего восторга, питаемого мною к нему, чудеснейшему существу, которому подобного не было еще в этом мире!

(Перевод Дениса Давыдова)

Франсуа де Шатобриан[162]

Гигант не совершенно связывал свою судьбу с судьбой современников; гением своим он принадлежал к новому поколению, а честолюбием – к векам минувшим.

Этьен-Дени Паскье[163]

Я вижу еще и сейчас черты его фигуры, неизменно спокойной и серьезной, напоминающей старые камеи с изображением римских императоров. Он был невелик ростом, и вместе с тем весь его облик в этой торжественной церемонии полностью соответствует той роли, которую он призван был играть. Привычка к командованию и сознание своей силы его возвышали.

Иоган Вольфганг Гете

Для того чтобы составить эпоху в истории, необходимы, как известно, два условия: первое – иметь недюжинный ум, и второе – получить великое наследство. Наполеон унаследовал Французскую революцию, Фридрих Великий – Силезскую войну, Лютер – поповское мракобесие.

* * *

Если бы Наполеон не был солдатом, никогда бы ему не достигнуть высшей власти.

* * *

Величие Наполеона заключалось еще и в том, что всегда и везде он оставался таким, как был. Перед боем, во время боя, после победы и после поражения он был одинаков, твердо стоял на ногах, непоколебимо уверенный и знающий, что теперь следует делать. Он всегда был в своей стихии; такого, что могло бы поставить его в тупик, просто не существовало.

* * *

Пример Наполеона пробудил эгоизм во французской молодежи, подраставшей под эгидой этого героя.

* * *

Мы, люди новейшего времени, скорее склонны повторять вслед за Наполеоном: политика и есть рок.

* * *

О Наполеоне говорили, что он человек из гранита, и это прежде всего относилось к его телу. Чего только он не вынес, чего не способен был вынести! От раскаленных песков Сирийской пустыни до заснеженных полей Москвы, а между тем и этим – какое великое множество маршей, битв и ночных биваков!

Сколько тягот и жестоких лишений выпало ему на долю! Ночи почти без сна, скудная пища, и при этом непрерывная работа ума… Если подумать о том, что он проделал и перенес, то

к сорока годам на нем, вероятно, уже живого места не оставалось, и тем не менее в эти годы он был и выглядел еще героем с головы до пят.

* * *

«Таланту – широкая дорога!» Девиз Наполеона, который обладал исключительным чутьем в выборе людей и каждому умел отвести место, где тот пребывал в своей сфере. Наверно, потому всю жизнь, во всех своих грандиозных начинаниях он, как никто другой, был окружен умными и верными исполнителями его воли.

* * *

Житие Наполеона, как Откровение святого Иоанна: все чувствуют, что там скрывается что-то еще, но никто не знает, что именно.

Клаузевиц[164]

Бонапарт опьянен победой, то есть он находится в приподнятом состоянии надежды, смелости, самоуверенности, благодаря чему его дух поднимается над обычными расчетами рассудка. Он видит, как его противник, пораженный ужасом, в страхе и в смятении бежит, и в это мгновение для него нет ничего невозможного! Это не дерзкое самомнение, заслуживающее порицания, это не легкомыслие и необдуманность, а это чувство, рожденное насыщением и удовлетворением духа, которое он черпает из того, что он создал собственной деятельностью.

Когда человек видит, как разительно действуют принятые им меры, как неожиданно его идеи объективно оправдываются, в нем возникает естественный энтузиазм к собственной деятельности, к собственному созданию. Такое воодушевление испытывает поэт и художник при удаче своего творения, то же испытывает и полководец, а чем меньше последний при этом поддается самообману, тем сильнее и напряженнее действует на него это воодушевление.

Жюль Мишле[165]

Бонапарт находится в выгоднейшем положении, когда обращается к внимающей ему Европе со скалы Святой Елены, пользуясь авторитетом страдальца. Он прославлял себя и клеветал на весь свет, не имея возражений. Даже враги поверили ему и английские историки без возражений вторили его лжи.

* * *

Биографы Наполеона, комментаторы его писем тщательно скрывают от нас его жизнь в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет. О детстве его говорят мало, и вовсе не говорят о юношестве. Они считают возможным обойти молчанием этот самый свободный и откровенный из возрастов человеческих, когда порыв страстей удерживает даже самого скрытого от лжи и обмана. Немногое мы узнали, в совокупности отдельных известных фактов можно предположить, что он был порядочным молодым человеком, то есть в молодости он был разумен, подвижен, терпим и не упорствовал в своих принципах.

Вальтер Скотт

Взоры Европы были теперь устремлены на Бонапарта как на владыку судеб просвещенного мира, которому он мог по своему произволению даровать всеобщий мир или вновь погрузить его в бедствия ужасной войны. Высокие качества Наполеона подавали надежду, что он употребит их к своей собственной чести и ко благу народов, над которыми он приобрел такую беспредельную власть. Что же касается пятен его характера, то они затмевались блеском побед его или были извиняемы обстоятельствами.

* * *

Необъятная власть, которой Бонапарт уже пользовался, казалось, только потому была ценной в его глазах, что она могла

дать ему возможность обрести еще большую власть, и подобно азартному отчаянному игроку, он продолжал удваивать свою ставку до тех пор, пока фортуна, столь долго ему благоприятствовавшая, наконец восстала против него и обрекла на окончательную погибель.

* * *

Назначение его пожизненным консулом считалось смертельным ударом, нанесенным Республике, к которой многие из главнейших военачальников армии, обязанные Революции своим возвышением, питали еще благодарную привязанность. Неудовольствие этих военных людей было тем естественнее, что некоторые из них могли видеть в Наполеоне только удачливого проходимца, который, возвысившись над своими товарищами, требовал от них покорности.

Максимы и мысли узника Святой Елены

(рукопись, найденная в бумагах Лас Каза)

Предисловие английского издателя

Известно, что после жестокого обращения, коему подвергся господин де Лас Каз со стороны британского министерства и губернатора острова Святой Елены, значительная часть бумаг Лас Каза была захвачена в Лонгвуде перед его отправлением на мыс Доброй Надежды. Часть из тех, что избегла просмотра и привезена была им в Европу, оказалась незаконно задержанной чиновниками, причем господину де Лас Казу не удалось осмотреть свои бумаги или составить опись оным. После же того, как были бумаги упакованы, их отослали к лорду Сидмуту, а Лас Каз был выслан из Англии в Голландию.

Мы имеем серьезное основание полагать, что рукопись, каковую ныне мы публикуем, нам удалось получить благодаря тому, что один из чиновников министерства оказался нечистым на руку. По нашим предположениям, из сего драгоценного собрания Лас Каза было похищено несколько документов и среди них рукопись, которую мы публикуем. Быть может, у вора они, в свою очередь, похищены были другим мошенником, что вполне вероятно, ибо мы получили рукопись от особы, пожелавшей остаться неизвестной и коей мы за нее хорошо заплатили.

Почерк сего манускрипта весьма неудобочитаем, бумага нечистая и потрепанная: нам пришлось немало потрудиться, разбирая ее содержание из-за помарок и многочисленных сокращений, коими буквально пестрит вся рукопись. Скорее всего, перед нами записная книжка, в которую на протяжении восемнадцати месяцев господин де Лас Каз без какой-либо системы и указания дат вносил разного рода сентенции, меткие замечания и высказывания из ежедневных своих разговоров с пленником, записывая их в точности как слышал во время близкого с ним общения на острове Святой Елены. Впоследствии мы имели случай удостовериться, что рукопись действительно принадлежала перу этого преданного слуги.

Мы публикуем рукопись в том виде, в каком оная оказалась у нас и в каком пред сим попала в руки английских властей, без каких-либо примечаний, поелику несет в себе порою столько силы, мощи, точности, что не нуждается в комментировании. Что

же касается стиля, характера, тона высказываний, содержащихся в этой рукописи, то оные по самой природе своей таковы, что способны и самых недоверчивых убедить в том, что рукопись подлинна.

I

Когда народ в государстве развращен, законы почти бесполезны, ежели не управляется оно деспотически.

II

Пускаясь во всякого рода преувеличения, меня восхваляли как и прочих монархов, коим дано было свершить нечто необыкновенное: но то, в чем истинная моя заслуга, известно лишь мне одному.

III

Монархи Европы создали собственные армии по образцу моей, но надобно же еще уметь командовать ими.

IV

Меня мало задевают пересуды обо мне парижан: они сродни надоедливым мухам, которые только и делают, что жужжат: мнения их подобны тому, как ежели бы обезьяна взялась судить о метафизике.

V

Я не буду писать до тех пор, пока лондонские чиновники не перестанут вскрывать мои письма.

VI

С того времени, как я стал во главе государства, я советовался только с самим собой, и это меня вполне устраивало: совершать ошибки я начал только тогда, когда стал

прислушиваться к тому, что говорят советники.

VII

Говорили, будто я оскорбил королеву Пруссии, вовсе нет. Я только сказал ей: «Женщина, возвращайся к своей прялке и хозяйству». Мне не в чем себя упрекнуть. Она сама признала свою ошибку. Я велел освободить ее фаворита Хатцфельда.

VIII

Приходится согласиться с тем, что фортуна, играющая счастием людей, забавляется, устраивая дела мира сего.

IX

Людовик XIV взял Франш-Конте зимой, но он никогда не дал бы сражения под Москвой в ноябре.

X

Я все еще внушаю союзникам панический страх! Пусть же они не посягают на мое величие, ибо сие может им еще дорого стоить.

XI

Я нашел в Потсдаме шпагу великого Фридриха и его орденскую ленту: трофеи сии значили для меня куда больше, нежели те сто миллионов, которые Пруссия выплатила мне.

XII

Подчиненные по-настоящему помогают тогда только, когда чувствуют, что вы непреклонны.

XIII

Мне известны забавные истории обо всех европейских дворах,

которые весьма поразвлекли бы современников, но мне чужда всякая сатира.

XIV

Я перечитываю Макиавелли всякий раз, когда позволяют мои болезни и занятия, и все более убеждаюсь, что он – профан.

XV

Мой план десанта в Англию был грандиозным: надобно было построить порты и корабли. В этом предприятии Брюи оказался достойным помощником: в тщедушном теле он носил пламенную душу.

XVI

Европейские газеты сравнивают довольно некстати два террора – 1793 и 1815 гг.; я не вижу тут ни малейшей аналогии: с одной стороны, все поражает воображение, внушает ужас и возвышенные чувства, с другой – все мелочно, жестокосердно и пошло. В 1793 г. головы составителей проскрипционных списков довольно часто падали во след за головами жертв; в 1815 г. трусы и подлецы, которые пили кровь из одного лишь удовольствия, убивали побежденных, не подвергаясь при этом опасности. Режим 1793 г. пожирал своих предводителей, режим 1815 г. своим собственным оставлял жизнь. Не могу понять, чего добиваются подобным сравнением.

XVII

Для правительства нерешительность государей то же, что и паралич в членах тела.

XVIII

Если бы «Илиада» была написана со– временником, никто не оценил бы ее.

XIX

Не солдаты меня покинули, но я покинул моих солдат.

XX

Те, кто ищет счастия в роскоши и расточительстве, подобны предпочитающим блеск свечей сиянию солнца.

XXI

Я уже довольно сделал для того, чтобы жить в потомках: я завещаю мою славу сыну и мои памятники Европе.

XXII

Заурядный человек домогается общества вельмож не ради них самих, но ради их власти, а те принимают его из тщеславия или по мере надобности.

XXIII

Аббат де Прадт писал назидания, планы кампаний и исторические сочинения, это – превосходный сочинитель и странный архиепископ.

XXIV

Муниципальное правление имеет свои хорошие стороны. Его недостаток – в том, что оно не является монархическим. Подданные слишком удалены от власти: это было хорошо для древних галлов. Цезарь, завоевав их, нашел такой образ правления совсем неплохим.

XXV

Справедливость есть образ Бога на земле.

XXVI

Слабость происходит от лени или по недоверию к самому себе: несчастны те, которые слабы по сим двум причинам разом: если речь идет о частном лице, то это – ничтожный человек, если же о монархе, то он ничтожен вдвойне.

XXVII

Тот день в Сен-Клу был всего лишь балаганом: накипь времен революции и борьбы партий не могла бороться против меня и против Франции. Были там и люди, которых сильно стесняло их положение, а тот, кто разыгрывал из себя Брута, был признателен мне за то, что через двадцать четыре часа его выбросили вон.

XXVIII

Дурак имеет великое преимущество перед человеком образованным: он всегда доволен собой.

XXIX

Вы хотите узнать, надежны ли ваши друзья? Для сего надобно оказаться в несчастии.

XXX

До Ватерлоо я думал, что Веллингтон обладает дарованием полководца. Сведущие в военном деле бывалые военные были повергнуты в изумление, когда заметили, что он завладел Мон-Сен-Жаном: после этой глупой ошибки от меня не ускользнул бы ни один англичанин. Своим успехом Веллингтон обязан прежде всего собственному своему счастию, а затем – пруссакам.

XXXI

В Древней Греции жило семь мудрецов; в Европе же сейчас не видно ни одного.

XXXII

От ума до здравого смысла дальше, чем думают.

XXXIII

В Европе списывают мои законы, подражают моим учреждениям, завершают мои начинания, следуют моей политике и так далее вплоть до того тона, который задавал мой двор: значит, мое правление было не так уж плохо и нелепо, как о том говорят?

XXXIV

Храбрость – это условная разменная монета: тот, кто дерзко ищет смерти в неприятельских рядах, трепещет перед мечом палача. Так же как и фальшивые жетоны, имеют хождение и ненастоящие храбрецы. Сказать по правде, храбрость – врожденное качество: она не приобретается.

XXXV

Старые, подновленные штукатуркой, монархии существуют, доколе народ не почувствует в себе силы: в подобных сооружениях порча всегда идет от самого основания.

XXXVI

Те, кто добивается почестей, подобны влюбленным: ведь обладание ими снижает их цену.

XXXVII

За свою жизнь я сделал немало ошибок; самая непростительная заключается в том, что я отдал себя в руки англичан: я слишком верил в их приверженность законам.

XXXVIII

Франция – неисчерпаема: я нашел тому доказательство после войны в России и в 1815 г. Ударьте по земле, и из нее появятся и деньги, и армии. Францию никогда не постигнет судьба порабощенной и разделенной страны.

XXXIX

Самое верное средство остаться бедным – быть честным человеком.

XL

Десяток говорунов производит больше шума, нежели десять тысяч, которые молчат: в этом заключается средство к достижению успеха тех, кто лает с трибун.

XLI

Короли и обманутые мужья всегда последними догадываются о том, что над ними смеются.

XLII

Будучи смелым, можно решиться на что угодно, но невозможно все довести до конца.

XLIII

Я победил королей во имя державной власти; короли же победили меня, заявляя во всеуслышание, что действуют во благо народов: они совершили большую ошибку, лишив меня трона. Подождем развязки.

XLIV

Я предпочитаю силу вывода красоте стиля: деяния стоят всегда больше, нежели слова.

XLV

В революциях мы сталкиваемся с людьми двух сортов: теми, кто их совершает и с использующими оные в своих целях.

XLVI

Я люблю величественное в искусстве. Для меня или возвышенное, или ничтожное: третьего не дано.

XLVII

Месть скверному человеку есть воздаяние добродетели.

XLVIII

Сэр Гудзон Лоу – не что иное, как неучтивый тюремщик: такова его должность. Говорили, и не однажды, что обращается он со мною так потому, что чувствует мое превосходство.

XLIX

Человек в слепом подражании всякий раз устремляется за первым встречным. Что до правительства, то здесь всегда потребны ловкие пройдохи, без которых ничто не может быть доведено до конца.

L

Сильные духом избегают наслаждений, как мореплаватели подводных камней.

LI

Привычка приводит нас ко многим безрассудствам; самое непростительное из них – сделаться ее рабом.

LII

Если бы Корнель дожил до моего времени, я сделал бы его министром.

LIII

Роспуск моей армии история поставит в ряд самых опрометчивых политических ошибок королевского правления.

LIV

Просвещенной нацией не управляют полумерами: здесь нужна сила, последовательность и единство во всех деяниях.

LV

Тот, кто предпочитает богатство славе – расточитель, который берет у ростовщика и разоряется на процентах.

LVI

В моей жизни было три прекрасных дня: Маренго, Аустерлиц и Иена, если не считать еще и четвертого, когда я дал австрийскому императору аудиенцию во рву на поле сражения.

LVII

Победу одерживают не числом. Александр победил триста тысяч персов во главе двадцати тысяч македонян. Дерзкие предприятия и мне особенно удавались.

LVIII

Палата представителей, которую я создал, закончила свое поприще вместе со мною. Она могла спасти Францию от нашествия, дав мне неограниченную власть. Два десятка мятежников повредили себе сами: они сделали глупость, когда завели разговор о конституции в то время, когда Блюхер расположился лагерем в Севре. Мне показалось, что в их лице я вижу греков поздней Империи, кои узрели пред собою Магомета.

LIX

После моего отречения в 1815 г. неприятель еще мог быть разбит. Я предлагал дать мне командование и не имел при этом никаких личных видов.

LX

Для религии служители культа – то же, что чиновники для власти. Человек заурядный измеряет кредит куртизана числом его лакеев; чернь судит о всесилии Бога по количеству священников.

LXI

Я никогда не мог одолеть больше одной страницы Тацита, это – невероятный болтун; Полибий же, напротив, – не какой-нибудь декламатор: он доставляет удовольствие и просвещает.

LXII

Мое правление было либеральным, поелику оставалось твердым и строгим. Исполнителей я приглашал отовсюду: меня мало заботили убеждения, лишь бы следовали моим правилам. Мне было легко, ибо я строил заново.

LXIII

Я осыпал золотом моих сподвижников; но мне надобно было понимать, что, разбогатев, человек уже не хочет подвергать себя смертельной опасности.

LXIV

Храбрость укрепляет престол: трусость, бесчестие колеблют его, и тогда лучше всего отречься.

LXV

Я всегда восхищался Митридатом, замышлявшим завоевать Рим в то время, когда был он уже побежден и вынужден к бегству.

LXVI

Когда в бытность мою монархом случалось мне пользоваться правом помилования, впоследствии я всегда и неизменно раскаивался.

LXVII

Трагедия вовсе не основана на точном подражании природе вещей. Я предпочитаю группу Лаокоона той развязке, которой заканчивается трагедия «Родогуна».

LXVIII

Конституционные государства лишены движущей силы: деятельность правительства излишне стеснена; это то, что придает таким государствам пагубную слабость, когда им приходится бороться с могущественными и деспотическими соседями. Авторитарная власть могла бы их поддержать, но оная, как известно, сродни тарану, которому все равно, способны ли ему противостоять ворота столицы, кои он собирается разбить.

LXIX

Дворянство, духовенство и эмигранты, потерявшие свое имущество и привилегии в результате революции, рассчитывали вернуть утраченное с возвращением прежней династии. Они помышляли об этом еще в Кобленце: они всегда плохо понимали происходящее. Им не было нужды знать о том, чего они и знать не желали, деньги – вот что им было нужно.

LXX

Старики, которые сохраняют вкусы юного возраста, столь же смешны, сколь мало уважаемы.

LXXI

Дурак скучен, ну а педант просто невыносим. Я так и не смог понять, о чем это все толкует Б(она]ль.

LXXII

Если вы стремитесь к более глубокому пониманию политики и войны, то надобно искать истины, постигая нравственные устои общества, основы же материального порядка в сравнении с оными всегда имеют пределы.

LXXIII

Две партии, существующие во Франции, как бы не были они ожесточены друг против друга, соединяются вместе, но не против конституционной королевской власти, которая их вовсе не интересует, но против всех порядочных людей, безмолвие коих действует на них угнетающе.

LXXIV

Когда я вышел на политическую сцену, там было лишь два сорта людей: конституционные общества, требовавшие аграрных реформ в духе Гракха Бабефа, и фруктидорианцы, которые хотели управиться при помощи военных советов, ссылок и отставок.

LXXV

Нынешние вожди партий во Франции – это карлики на ходулях. Слишком мало талантливых людей, слишком много болтунов.

LXXVI

Много кричали против того, что называют моим деспотизмом: однако я всегда говорил, что нации не являются собственностью тех, кто ими управляет; ныне же монархи, ставшие конституционными, как раз об этом стараются забыть.

LXXVII

Если уж адвокат Гойе, отступник Сайес, прокурор Ревбель и старьевщик Мулэн корчили из себя королей, то я вполне мог сделать себя консулом. Ведь я получил на то патенты при Монтенотте, Лоди, Арколе, Шебрейсе и при Абукире.

LXXVIII

Бедствия, постигшие Францию с 1814 года, явились причиной того, что у высокоумных идеологов появилась возможность войти в правительство. Люди эти обожают хаос, ибо он составляет их суть. Они служат и Богу, и дьяволу.

LXXIX

Мое будущее наступит тогда, когда меня не будет. Клевета может вредить мне только при жизни.

LXXX

Случай – вот единственный законный повелитель во всей вселенной.

LXXXI

Польза, которая толкает людей из одной крайности в другую, – сродни языку, который они учат, не заботясь о грамматике.

LXXXII

Самый надежный рычаг всякого могущества – военная сила, которая предписывает закон и которую употребляет гений. Таковым рычагом был рекрутский набор. Достаточно убедиться в этой силе, и противоречия отступают, а власть укрепляется.

LXXXII

Так ли уж важны, в сущности говоря, все эти доводы софистов, когда звучат военные команды? Те, кто готов повиноваться, не должны выходить за линию строя. В конце концов они свыкаются с принуждением: ведь в противном случае со строптивыми не церемонятся.

LXXXIII

Упадок нравов – это погибель государства как политического целого.

LXXXIV

Каждый прав по-своему. Правота Диагора состояла в том, чтобы отрицать Бога; Ньютон же был убежден в том, что его следует признавать; в каждом явлении заключена его противоположность: скажем, во время революции можно попеременно быть то героем, то злодеем, подниматься или на эшафот, или на вершину славы.

LXXXV

Гоббс был своего рода Ньютоном в политике: его учение стоит в этом отношении многого.

LXXXVI

Когда я привел к завершению революцию и тем показал революционерам, на что я способен, то поверг их в неописуемое изумление.

LXXXVII

На свете есть великое множество людей, воображающих, что они наделены талантом править единственно по той причине, что они стоят у кормила власти.

LXXXVIII

В истории бывало, когда короли поступались своими прерогативами ради того чтобы снискать народную любовь, но всякий раз они и предвидеть не могли, к чему сие может привести.

LXXXIX

После моего падения судьба повелевала мне умереть, но честь приказывала жить.

XC

В хорошо управляемой стране нужна главенствующая религия и зависимые от государства священники. Церковь должна быть подчинена государству, а не государство церкви.

XCI

Если бы христианская религия могла заменить людям все, как того добиваются ее горячие приверженцы, это явилось бы для них наилучшим подарком небес.

XCII

Человек высшего порядка бесстрастен по своей натуре: его хвалят, его порицают – мало что имеет для него значение, он прислушивается только к голосу своей совести.

XCIII

Одни оказывают нам любезности, в то время как другие наносят оскорбления. И в первом и во втором случае с людьми надобно соблюдать сугубую осторожность, ибо непременно следует знать, что кроется за этими любезностями.

XCIV

Честолюбие столь же естественно для человека, как воздух природе: лишите его дух первого, а физику второго, и всякое

движение прекратится.

XCV

Пороки общества так же необходимы, как грозы в атмосфере. Если же равновесие между благом и злом нарушается, гармония исчезает, и происходит революция.

XCVI

Тот, кто действует добродетельно только в надежде произвести впечатление, близок к пороку.

XCVII

Красивая женщина радует глаз, добрая – услада сердца: первая – безделушка, вторая – сокровище.

XCVILL

Между теми, кто ищет смерти, мало тех, кто находит ее в то самое время, когда оная была бы им на пользу.

XCIX

Монарх обязан тщательно следить за тем, чтобы раздел материальных благ не совершался слишком уж неравномерно, ибо в этом случае он не сможет ни удержать бедных, ни защитить богатых.

C

Я был самым богатым монархом Европы. Богатство состоит не в обладании сокровищами, но в том употреблении, которое умеют им дать.

CI

Когда государь пятнает себя хоть одним преступлением, ему приписывают все остальные: нагромождаются ложь, наветы, распространители уток пользуются этим, литературные вороны набрасываются на труп, злорадно пожирая его; распространяемые при жизни и подбираемые потомками скандальные и невероятные обвинения повторяются на все лады. Клеветы Дона Базилио, они исходят от самого дьявола.

CII

Понаписано более чем достаточно: я хотел бы поменьше книг и побольше здравого смысла.

CIII

Надобно, чтобы государь и его первый министр были честолюбивы. Кое-кто говорит, что в том нет необходимости: и судят при этом как лиса, у которой отрезали хвост.

CIV

При высадке в Египте меня удивило, что от былого величия у египтян я нашел только пирамиды и печи для приготовления жареных цыплят.

CV

Льстецам нет числа, но средь них мало тех, кто умел бы хвалить достойно и прилично.

CVI

Наступит день, и история скажет, чем была Франция, когда я взошел на престол, и чем стала она, когда я предписал законы Европе.

CVII

Всякая сделка с преступником пятнает преступлением трон.

CVIII

Меня всегда удивляло, когда мне приписывали убийство Пишегрю: он ничем не выделялся среди других заговорщиков. У меня был суд, чтобы его осудить, и солдаты, чтобы его расстрелять. Никогда в своей жизни я ничего не делал по пустякам.

CIX

Падение предрассудков обнаружило пред всеми источник власти: короли не могут более не прилагать усилий, дабы выглядеть способными править.

CX

Учреждая Почетный легион, я объединил единым интересом все сословия нации. Установление сие, наделенное жизненной силой, надолго переживет мою систему.

CXI

В управлении не должно быть полуответственности: она с неизбежностью ведет к утайке растрат и неисполнению законов.

CXII

Французы любят величие во всем, в том числе и во внешнем облике.

CXIII

Первое преимущество, которое я извлек из Континентальной блокады, заключалось в том, что она помогла отличить друзей от врагов.

CXIV

Участь Нея и Мюрата меня не удивила. Они умерли геройски, как и жили. Такие люди не нуждаются в надгробных речах.

CXV

Я дал новый импульс духу предприимчивости, чтобы оживить французскую промышленность. За десять лет она пережила удивительный подъем. Франция пришла в упадок, когда вновь вернулась к прежнему плану колонизации и к практике займов.

CXVI

Я совершил ошибку, вступив в Испанию, поелику не был осведомлен о духе нации. Меня призвали гранды, но чернь отвергла. Страна сия оказалась недостойной государя из моей династии.

CXVII

В тот день, когда лишенные тронов монархи вновь возвращались в свои дворцы, благоразумие было оставлено ими за порогом.

CXVIII

После изобретения книгопечатания все только и делают, что призывают на царство Просвещение, но царствуют, однако ж, для того, чтобы надеть на него узду.

CXIX

Если бы атеисты революции не вознамерились решительно все поставить под сомнение, их утопия была бы не такой уж плохой.

CXX

Девятнадцать из двадцати тех, кто управляет, не верит в мораль, но они заинтересованы в том, чтобы люди поверили, что

они пользуются своей властью не во зло: вот что делает из них порядочных людей.

CXXI

Нивозские заговорщики в отличие от врагов Филиппа отнюдь не писали на своих стрелах: Я мечу в левый глаз царя Македонского.

CXXII

Добившись роспуска старой армии, коалиция одержала большую победу. Ей нечего бояться новичков: ведь те еще ничем себя не проявили.

CXXIII

Когда я отказался подписать мир в Шатильоне, союзники увидели в том лишь мою неосторожность и использовали благоприятный момент, чтобы противопоставить мне Бурбонов. Я же не захотел быть обязанным за трон милости, исходившей из-за границы. Таким образом слава моя осталась незапятнанной.

CXXIV

Вместо того, чтобы отречься в Фонтенбло, я мог сражаться: армия оставалась мне верна, но я не захотел проливать кровь французов из своих личных интересов.

CXXV

Перед высадкой в Каннах ни заговора, ни плана не существовало. Я покинул место ссылки, прочитав парижские газеты. Предприятие сие, которое по прошествии времени кому-то покажется безрассудным, на деле было лишь следствием твердого расчета. Мои ворчуны не были добродетельны, но в них бились неустрашимые сердца.

CXXVI

Европе брошен вызов: если второстепенные и третьестепенные государства не найдут покровительства у держав господствующих, они погибнут.

CXXVII

Говорят, что великий критик Февье щадит меня меньше, нежели известный натурфилософ (недавно умерший Делиль де Саль). Чем больше он будет поносить мой деспотизм, тем более французы будут почитать меня. Он был посредственнейший из ста двадцати префектов моей Империи. Мне не известна его «Административная переписка».

CXXVIII

Умозаключения теологические стоят куда больше, нежели умозаключения философские.

CXXIX

Я люблю Ривароля больше за его эпиграммы, нежели за ум.

CXXX

Мораль есть искусство гадательное, как наука о цветах. Но именно она является выражением высшего разума.

CXXXI

Можно извращать и величайшие произведения, придавая им оттенок смешного. Если бы «Энеиду» поручили перевести Скаррону, то получился бы шутовской Вергилий.

CXXXII

При ближайшем рассмотрении признанная всеми политическая свобода оказывается выдумкой правителей, предназначенной того ради, чтобы усыпить бдительность управляемых.

CXXXIII

Для того чтобы народ обрел истинную свободу, надобно, чтобы управляемые были мудрецами, а управляющие – богами.

CXXXIV

Сенат, который я назвал Охранительным, подписал свое отречение от власти вместе со мной.

CXXXV

Я свел все военное искусство к стратегическим маневрам, что дало мне преимущество перед моими противниками. Кончилось все тем, что они стали перенимать мою методу. Все в конце концов изнашивается.

CXXXVI

В литературе ничего нового уже сказать нельзя; но в геометрии, физике, астрономии еще есть широкое поле для деятельности.

CXXXVII

Потрескавшаяся со всех сторон общественная система в ближайшем будущем угрожает падением.

CXXXVIII

Победа всегда достойна похвалы, независимо от того, что ведет к ней – удача или талант военачальника.

CXXXIX

Моя система образования была общей для всех французов: ведь не законы созданы для людей, но люди – для законов.

CXL

Меня сравнивали со многими знаменитыми людьми, древними и новыми, но дело в том, что я не похожу ни на одного из них.

CXLI

Я никогда не слышал музыки, которая доставляла бы мне столько удовольствия, как татарский марш Мегюля.

CXLII

Мой план десанта в Англию был серьезным предприятием. Только континентальные дела помешали моей попытке осуществить его.

CXLIII

Говорят, будто мое падение обеспечило спокойствие Европы, но при этом забывают, что именно мне она обязана своим покоем. Я направил корабль революции к его конечной цели. Нынешние же правители пускаются в плавание без компаса.

CXLIV

Английское министерство покрыло себя позором, завладев мною. Я был крайне удивлен, прочитав в газетах, что стал пленником. На самом же деле я добровольно ступил на борт «Беллерофона».

CXLV

Когда я писал принцу-регенту, прося его о гостеприимстве, он упустил прекрасный случай снискать себе доброе имя.

CXLVI

Все в этой жизни есть предмет расчета: нужно держаться середины между добром и злом.

CXLVII

Легче создавать законы, чем следовать им.

CXLVIII

В единстве интересов заключена законная сила правительства: невозможно противиться им и не наносить при этом себе же гибельный вред.

CXLIX

Союзники доказали, что не я был им нужен, но мои трофеи и слава Франции: вот почему они наложили на нее контрибуцию в семьсот миллионов.

CL

Конгресс – это выдумка, используемая дипломатами в своих целях. Это – перо Макиавелли в соединении с саблею Магомета.

CLI

Меня огорчает слава M[оро], который нашел смерть в рядах неприятеля. Если бы он умер за родину, я завидовал бы такой судьбе. Мне ставили в вину его изгнание; так или иначе – ведь нас же было двое, тогда как нужен был только один.

CLII

Я дал французам Кодекс, который сохранит свое значение дольше, нежели прочие памятники моего могущества.

CLIII

Плохо, ежели молодые люди постигают военное искусство по книгам: это – верное средство воспитать плохих генералов.

CLIV

Смелые, но неопытные солдаты – это наилучшая предпосылка для победы. Добавьте им по чарке водки пред тем, как отправить в бой, и вы можете быть уверены в успехе.

CLV

Люди делают хорошо лишь то, что делают сами: я наблюдал это не раз в последние годы своего царствования.

CLVI

Итальянская армия была ни на что не годным сбродом, когда Директория назначила меня командующим: у нее не было ни хлеба, ни одежды: я показал ей миланские долины, приказал выступить в поход, и Италия была завоевана.

CLVII

После побед в Италии я не мог вернуть Франции ее королевское величие, но принес ей блеск завоеваний и язык, которым говорят подлинные государи.

CLVIII

Пруссия могущественна лишь на географической карте, политически же и нравственно это – самая слабая из четырех великих держав, кои диктуют ныне законы всей Европе.

CLIX

Всякое значение Испания уже потеряла: у нее не осталось более ничего, кроме инквизиции да прогнивших кораблей.

CLX

Иго англичан не по вкусу ни одной нации. Народы всегда страдают под властью этих англичан.

CLXI

Приготавливаясь к экспедиции в Египет, я не собирался лишать престола Великого султана. По пути туда я уничтожил дворянство Мальты, хотя до этого ему удавалось сопротивляться силам Оттоманской империи.

CLXII

Я никогда не видел такого одушевления, какое обнаружил французский народ при моей высадке во Фрежюсе. Все говорили мне, что сама судьба привела меня во Францию, и в конце концов я сам тому поверил.

CLXIII

Если бы я хотел быть только вождем революции, то моя роль скоро оказалась бы сыгранной. Но, благодаря шпаге, я стал ее повелителем.

CLXIV

Я побился бы об заклад, что ни император России, ни император Австрии, ни король Пруссии не пожелали бы стать конституционными монархами, но они поощряют к тому мелких государей, ибо хотят, чтобы те оставались ни на что не годными. Цезарю легко удавалось покорить галлов только потому, что последние всегда были разобщены под властию представительного правления.

CLXV

Самое важное в политике – следовать своей цели: средства ничего не значат.

CLXVI

Нидерланды – всего лишь российская колония, где действует британское исключительное право.

CLXVII

Политическая система Европы внушает жалость: чем больше ее изучаешь, тем более опасаешься гибельных последствий, к которым она приводит.

CLXVIII

В Европе мое последнее отречение так никто и не понял, ибо действительные его причины оставались неизвестными.

CLXIX

У меня никогда не было сомнений в том, что Т[алейран] не поколебался бы приказать повесить Ф[уше], но, кто знает, может быть, они пожелали бы идти на виселицу вместе. Епископ хитер как лиса, его же собрат – кровожаден как тигр.

CLXX

Самоубийство – величайшее из преступлений. Какое мужество может иметь тот, кто трепещет перед превратностями фортуны? Истинный героизм состоит в том, чтобы быть выше злосчастий жизни.

CLXXI

В Рошфоре мне предлагали патриотическую Вандею: ведь в моем распоряжении были еще солдаты по ту сторону Луары; но я всегда питал отвращение к гражданской войне.

CLXXII

Если офицеру не подчиняются, то он не должен более командовать.

CLXXIII

Мне кажется, способность мыслить есть принадлежность души: чем больше разум приобретает совершенства, тем более совершенна душа и тем более человек нравственно ответственен за свои деяния.

CLXXIV

Государи заурядные никогда не могут безнаказанно ни править деспотически, ни пользоваться народным расположением.

CLXXV

Союзники ценят своего Макиавелли: они внимательнейшим образом и подолгу изучали его «Государя», но времена-то сейчас иные, не шестнадцатое столетие.

CLXXVI

Есть акт насилия, который никогда не изгладить из памяти поколений, это – мое изгнание на остров Святой Елены.

CLXXVII

Я никогда не обсуждал свой проект десанта в Англию: за неимением лучшего, как мне потом уже приписывали, я собрал на берегах Булони 200 000 солдат и израсходовал восемьдесят миллионов, чтобы позабавить парижских бездельников; на самом же деле проект был делом серьезным, десант – возможным, но флот Вильнёва все расстроил. Кроме того, в это время английский кабинет поторопился раздуть пожар континентальной войны.

CLXXVIII

У французов чувство национальной чести всегда тлеет под пеплом. Достаточно лишь искры, чтобы разжечь его.

CLXXIX

Из всех моих генералов Монтебелло оказал мне наибольшее содействие, и я ставил его выше всех.

CLXXX

Дезе обладал всеми качествами великого полководца: умирая, он связал свое имя с блестящей победой.

CLXXXI

Самые беспримерные капитуляции в летописях войн – капитуляции при Маренго и Ульме.

CLXXII

Правительства, в которых высказываются противоположные мнения, годятся, пока царит мир.

CLXXXIII

Принципы Французской революции порождены третьим сословием Европы: речь идет лишь о том, чтобы уметь внести в оные должный порядок. У меня были на то и власть, и сила.

CLXXXIV

Ней был человеком храбрым. Его смерть столь же необыкновенна, как и его жизнь. Держу пари, что те, кто осудил его, не осмеливались смотреть ему в лицо.

CLXXXV

Английский народ – народ купеческий, только и всего: но

именно в торговле и состоит его могущество.

CLXXXVI

О смерти герцога Энгиенского и капитана Райта много понаписали гнусностей: смерть первого из них не была делом моих рук, ко второй же я совершенно не причастен, ибо не мог помешать англичанину в припадке сплина перерезать себе горло. (Герцог Энгиенский писал Наполеону, который был расположен отменить смертный приговор, но *** переслал ему письмо герцога лишь после исполнения приговора: такова доподлинная правда. *Прим. автора*)

CLXXXVII

Пятнадцать лет мой сон охраняла моя шпага.

CLXXXVIII

Я укрепил самое устройство Империи. Чиновники неукоснительно исполняли законы. Я не терпел произвола, а посему машина работала исправно.

CLXXXIX

В делах финансовых наилучший способ добиться кредита – не пользоваться им: налоговая система укрепляет его, система же займов ведет к потерям.

CXC

Случай правит миром.

CXCI

Во времена моего могущества я мог добиться выдачи мне принцев дома Бурбонов, ежели бы хотел этого: но я уважал их несчастие.

CXCII

Я приказал расстрелять 500 турок в Яффе: солдаты гарнизона убили моего парламентера; эти турки были моими пленниками еще при Эль-Арише и обещали более не сражаться против меня. Я был суров по праву войны, что было продиктовано тогдашним моим положением.

CXCIII

Полковник Вильсон, который много писал о моей египетской кампании, уверяет, будто я приказал отравить раненых собственной моей армии. У генерала, отдавшего подобный приказ – человека, лишившегося рассудка – уже не осталось бы солдат, которые захотели бы сражаться.

Вслед за господином Вильсоном эту нелепость повторяли по всей Европе. Но вот что произошло на самом деле: у меня было сто человек, безнадежно больных чумой; ежели бы я их оставил, то их всех перерезали бы турки, и я спросил у врача Деженетта, нельзя ли дать им опиум для облегчения страданий; он возразил, что его долг только лечить, и раненые были оставлены. Как я и предполагал, через несколько часов все они были перерезаны.

CXCIV

Врачи нередко ошибаются: они делают порою слишком много, в других же случаях – далеко не все. Однажды Корвизар получил от меня в подарок шестьдесят тысяч франков: это – способный человек и единственный непогрешимый врач, которого я знал.

CXCV

При Ватерлоо в моих линейных войсках числилось 71 000 человек: у союзников же таковых было около 100 000, но я едва не разбил их.

CXCVI

Я увез де Прадта с собою в Испанию, чтобы вести войну

против монахов; но он ловко выкрутился из этого дела, что не так уж плохо для архиепископа.

CXCVII

Я создал мой век сам для себя, так же как и я был создан для него.

CXCVIII

От правосудия зависит общественный порядок. Поэтому по праву место судей – в первом ряду общественной иерархии. Поэтому никакие почести и знаки уважения не могут почитаться для них чрезмерными.

CXCIX

При Иене пруссаки не смогли продержаться и двух часов, а свои крепости, которые могли защищать не один месяц, сдавали после суточной осады.

CC

Моя ошибка состоит в том, что я не стер Пруссию с лица земли.

CCI

Моя континентальная блокада должна была сокрушить английскую торговлю и принести мир Европе. Моя единственная ошибка – в том, что я не мог по-настоящему строго осуществлять ее: мало кто понимал существо этой системы.

CCII

Полиция – сродни дипломатии, но, по долгу службы, ей часто приходится рядиться в лохмотья.

CCIII

Совершаемые другими глупости отнюдь не помогают нам стать умнее.

CCIV

Все то, чем мы любуемся у Расина, было заимствовано им у греков: но он сделал из всего этого столь прекрасное употребление, что и не знаешь кому быть обязанным, таланту ли сочинителя, либо переводчику с греческого на французский.

CCV

Мир – это великая комедия, где на одного Мольера приходится с десяток Тартюфов.

CCVI

Проповедуйте добродетель, показывая ее противоположности: зло возьмите фоном, благо пустите на второстепенные детали, и пусть порок борется с добродетелью. Сомневаюсь, чтобы написанная картина в итоге оказалась поучительной.

CCVII

При мне несколько фанатичных иереев пожелали возобновить скандальные сцены «доброго старого времени»: я навел порядок, а говорили, будто я совершал насилие над Папой.

CCVIII

Аугсбургскую лигу, а с нею и Тридцатилетнюю войну породила алчность нескольких монахов.

CCIX

Сражение при Маренго доказало, что на самом деле случай вносит большей частию истинный порядок в ход событий. Тогда австрийцы одерживали верх: последний их натиск был остановлен, и они уже согласны были на капитуляцию, хотя могли противопоставить мне превосходящие силы. Мелас просто потерял голову.

CCX

Есть короли, которые разыгрывают из себя пекущихся о благе народа ради того, чтоб лучше его обманывать, совсем как тот волк из басни, который преображался в пастуха, дабы ловчее истреблять баранов.

CCXI

Я повелел выслать изобретателей адской машины: они были из числа тех, кто долгое время принимал участие в заговоре, от которого давно пора было очистить Францию. С тех пор я уже ни о чем не беспокоился. Все честные люди были мне за это благодарны.

CCXII

Военный и чиновник редко наследуют то, что называется состоянием, поэтому надобно их вознаградить уважением и вниманием. Уважение, которое им оказывают, поддерживает чувство чести, какое есть истинная сила нации.

CCXIII

Все, что не покоится на физически и математически точных основах, долженствует быть отвергнуто разумом.

CCXIV

Если бы английское правительство считало, что его корабли могли гарантировать Англию от вторжения с моря, оно не укрепляло бы свои берега с таковым тщанием, когда я был в Булонском лагере. Мой план заключался в том, чтобы после

высадки двигаться далее на Чатам, Портсмут и захватить главные морские крепости страны. Одно или два выигранные сражения доставили бы мне обладание остальной частью острова: в 1804 г. нравственный дух англичан не был столь высок, как ныне.

CCXV

В сущности говоря, и название, и форма правления не играют никакой роли. Государство будет хорошо управляться, ежели удастся достигнуть того, чтобы справедливость чувствовали на себе все граждане как в отношении защиты личности, так и в смысле налогов, разного рода пожертвований и при возмещении утраченного.

CCXVI

Неравное распределение собственности подрывает всякое общество и пагубно для порядка в стране, оно убивает предприимчивость и соревнование, крупная владетельная аристократия была хороша лишь при феодальной системе.

CCXVII

Ежели бы успех не сопутствовал Августу, потомки поместили бы его имя рядом с именами великих злодеев.

CCXVIII

Участники коалиции заплатили дорогую цену за свой успех в 1814 г.: три месяца я вел войну в долинах Шампани с остатками прежних моих войск. Если бы Париж продержался еще 24 часа, дело было бы сделано: ни один немец не перешел бы обратно за Рейн.

CCXIX

Почти никогда не давал я подробных наставлений моим генералам: я просто приказывал им победить.

CCXX

Государь не должен пасть ниже того несчастия, которое уготовано ему судьбой.

CCXXI

Несмотря на все интриги, в которые пускался Т[алейран], Людовик XVIII мог сделать из него только лишь первого своего слугу, несколько скрасив тем для него сие вынужденное рабство.

CCXXII

Партия, которая может найти опору только на иностранных штыках, обречена на поражение.

CCXXIII

После сражения при Ватерлоо от французов требовали выдать меня врагам, но французы уважали меня в моем несчастии.

CCXXIV

Быть может, в 1815 г. я вновь должен был начать революцию, тогда мне потребны были те средства, кои предоставляют революции к достижению цели, и все то, что нужно было тогда ради этого.

CCXXV

Можно останавливаться лишь при подъеме в гору, но при спуске – никогда.

CCXXVI

Первый порыв людей драгоценен: всегда нужно уметь им воспользоваться.

CCXXVII

Замысел изгнать меня на остров Святой Елены возник давно: я знал о нем еще на острове Эльба, но доверял лояльности Александра.

CCXXVIII

Из всех уступок, которых я добился от союзников в 1814 г., особенно любезным моему сердцу было разрешение взять с собою в изгнание тех из старых моих солдат, с коими суждено мне было преодолеть столько превратностей. Средь них нашел я людей, которых несчастие не повергло в отчаяние.

CCXXIX

Партии хороши только тогда, когда их пускают в ход: но нет нужды в том, чтобы глава государства становился во главе какой-либо партии.

CCXXX

Европейский общественный договор был нарушен вторжением в Польшу. Когда я вышел на политическую арену, практика разделов была не внове. Политическое равновесие – мечта, о которой ныне надобно забыть. Александр сохранит за собой Польшу, как я в свое время сохранил Италию, по праву сильнейшего: вот и весь секрет.

CCXXXI

Лесть всегда восхваляла правительства слабые духом как осторожные, также как бунтовщики именуют мощь деспотизмом.

CCXXXII

В отречении монарха есть своего рода ирония: он отрекается тогда, когда с властью его уже не считаются.

CCXXXIII

В Москве весь мир уже готовился признать мое превосходство: стихии разрешили этот вопрос.

CCXXXIV

Республика во Франции невозможна: благоверные республиканцы – идиоты, все остальные – интриганы.

CCXXXV

Империя создана была лишь вчерне: в дальнейшем, ежели бы мне удалось заключить мир на континенте, я непременно расширил бы основу моих установлений.

CCXXXVI

Ни одна корона со времен Карла Великого не возлагалась с таковою торжественностью, как та, что получил я от французского народа.

CCXXXVII

Я питаю отвращение к иллюзиям: вот почему я принимаю мир таким, каков он есть.

CCXXXVIII

Евреи поставляли съестные припасы моей армии в Польше: у меня к тому времени уже явилась мысль даровать им существование политическое как нации и как гражданам; но встретил в них готовность лишь к тому, чтобы продать свои старые одежды. Я вынужден был оставить в силе законы против ростовщичества: эльзасские крестьяне были признательны мне за это.

CCXXXIX

Я нашел превосходство русской армии только в том, что касается регулярной кавалерии: казаков же легко рассеять. Пруссаки – плохие солдаты; напротив того, английская пехота изумительным образом проявила себя при Ватерлоо.

CCXL

В довершение тех великих событий, причиною коих был я, всего удивительнее было видеть Фуше, цареубийцу и закоренелого революционера, министром Людовика XVIII и депутатом Бесподобной палаты.

CCXLI

Я всегда придерживался того мнения, что для европейских держав постыдно терпеть существование варварийских государств. Еще при Консульстве я сносился по этому поводу с английским правительством и предлагал свои войска, ежели б оно захотело дать корабли и припасы.

CCXLII

Фердинанд VII царствовал не благодаря собственному мужеству или милостью Божией, но лишь по чистой случайности.

CCXLIII

Шпионами в моих кампаниях я пользовался редко: я делал все по вдохновению, точно все предугадывал, продвигался с быстротою молнии – остальное было делом удачи.

CCXLIV

Я знал немало людей, которые находили мои приказы неосуществимыми; впоследствии я иногда объяснял им, какие средства служили мне к достижению цели, и они соглашались с тем, что и впрямь не было ничего легче.

CCXLV

Ныне в Европе существует только два сословия: требующее привилегий и отклоняющее эти требования.

CCXLVI

Если бы я разбил коалицию, Россия осталась бы столь же чуждой Европе, как, к примеру, Тибетское царство. Благодаря этому я обезопасил бы мир от казаков.

CCXLVII

Ничто так численно не умножает батальоны, как успех.

CCXLVIII

В тех, кто себя обесславил, напрасно искать людей неустрашимых.

CCXLIX

Не однажды в течение моей кампании 1814 г. я задумывался о том, что для моих солдат нет ничего невозможного: они снискали себе бессмертное имя. В превратностях же судьбы меня повсюду сопровождала слава.

CCL

Меня свергли не роялисты или недовольные, а иностранные штыки.

CCLI

История моего царствования прославит когда-нибудь имя какого-нибудь нового Фукидида.

CCLII

Человеческий дух не созрел еще для того, чтобы

управляющие делали то, что должны делать, а управляемые – то, что хотят.

CCLIII

Когда целый свет устраивается посредством штыков, это – вполне логично! Здравый смысл тогда не в справедливости, а в силе.

CCLIV

Придет время, и общественное мнение опровергнет софизмы моих клеветников.

CCLV

Я сделал Бенжамена Констана членом Трибуната, я удалил его, когда он пустился в болтовню: это называлось устранить – удачно найденное слово. Ум Бенжамена сродни уму геометров со всеми их теоремами и королляриями, а сам он так и остался великим делателем брошюр.

CCLVI

В Париже, после 13 вандемьера, республиканские убеждения, кои я исповедовал, оставались в ходу всего лишь двадцать четыре часа: говорю это в назидание братьям из сообщества Бабефа и миссионерам, исповедующим религию фрюктидора.

CCLVII

Талейран и де Прадт похвалялись, что это они – восстановители дома Бурбонов; пустое бахвальство: сие восстановление престола явилось неизбежным следствием стечения обстоятельств.

CCLVIII

Я – не более как сторонний наблюдатель, но мне лучше,

нежели кому бы то ни было другому известно, в чьи руки попала ныне Европа.

CCLIX

Ныне кроме камней, заложенных в основание Франции, я не вижу ничего другого.

CCLX

Груши хотел оправдаться за мой счет: то, что он говорил, столь же верно, как если бы я приказал ему привезти мне герцога Ангулемского в Париж, и он бы выполнил это повеление. Несмотря ни на что я уважаю Груши и именно поэтому называю его добродетельным врагом.

CCLXI

Неисправимая чернь повсюду обнаруживает все тот же дух безрассудства.

CCLXII

Среди людей, которые не любят, чтобы их притесняли, есть немало таких, кому нравится самим делать это.

CCLXIII

Если общественное мнение столь настойчиво высказывалось против предложенной в 1814 г. Сенатом хартии, то лишь потому, что все воочию узрели среди сенаторов одних только выскочек, кои заботились только о собственных своих выгодах.

CCLXIV

Правда, что я переступил границы острова Эльба, но союзники сами не выполнили условий моего там пребывания.

CCLXV

В Европе более нет и речи о правах человека, а коли так, то людям только и остается, что убивать друг друга как бешеных собак.

CCLXVI

Я вижу, что во Франции свобода заключается в хартии, а рабство – в законе.

CCLXVII

Авторы «Цензора» сродни тем мечтателям, коих надобно помещать в Шарантон, поелику оные, говоря по совести, сеют недоверие и ненависть. Они – из числа тех напускных фразеров, которых нужно держать под надзором и время от времени одергивать.

CCLXVIII

Государь всегда должен обещать только то, что он намеревается исполнить.

CCLXIX

Наилучшее разделение властей таково: избирательная, законодательная, исполнительная, судебная. Я строго следовал сему принципу в иерархии моей Империи.

CCLXX

Герцог Фельтрский выказал себя реакционером и притеснителем, поелику пригоден он только для этого. Ему весьма хотелось бы попасть в анналы нашей истории, но он отнюдь не преуспел в этом. Мне не надобна была еще одна светлая голова, чтобы вести войну – у меня своя была на плечах: вот почему я и выбрал его.

CCLXXI

Когда я объявил войну кортесам, то ожидал всего, но никак не предвидел, что Фердинанд станет трактовать их как бунтовщиков.

CCLXXII

Теология для религии все равно, что отрава в еде.

CCLXXIII

Я сделал Париж более благоустроенным, более чистым и здоровым, прекраснее, нежели он был до меня, И все это посреди войн, которые я принужден был вести; парижане принимали все эти благодеяния и восхваляли меня: в сущности они суть не что иное как исправные поставщики канатных плясунов, кондитеров и моды на всю Европу.

CCLXXIV

Когда столетия сменяют друг друга, то, равно как и в походе, всегда можно встретить отставших.

CCLXXV

Гражданская война, когда дело государя служит ей предлогом, может продолжаться долго: но в конце концов народ одерживает верх.

CCLXXVI

Общественный порядок любой нации покоится на выборе людей, предназначенных к тому, чтобы поддерживать его.

CCLXXVII

Народ имеет собственное суждение, покуда не введен в

заблуждение демагогами.

CCLXXVIII

Мой Государственный Совет состоял из людей честных и заслуженных, исключая нескольких хамелеонов, которые туда проскользнули, как то, впрочем, случается повсюду.

CCLXXIX

Мое правительство вознесено было слишком высоко, чтобы заметить пороки пружин, приводящих его в движение: со всем тем я пятнадцать лет управлял сорока двумя миллионами людей в интересах большинства и без каких-либо серьезных потрясений.

CCLXXX

За все мое царствование меня по-настоящему и более всего поразило, пожалуй, только то, что Папу на границах моей Империи встречали изменивший вере отцов Абдалах Мену, а в Париже – трое священников-отступников, и вдобавок еще и женатых, каковы суть – Т[алейра]н, Ф[уш]е и О[тери]в.

CCLXXXI

Морское право касается всех народов без исключения. Море не может возделываться как земля или находиться в чьем бы то ни было владении: оно – единственная дорога, которая на деле является всеобщей, и всякая исключительная претензия со стороны одной нации на морское господство равносильна объявлению войны другим народам.

CCLXXXII

Ежели бы отречение короля Карла IV не было вынуждено силою, я признал бы королем Испании Фердинанда. События в Аранхуэсе не могли быть для меня безразличными, ибо мои войска заняли полуостров: как монарх и как сосед я не должен был терпеть подобного насилия.

CCLXXXIII

Конституционалисты – всего-навсего простаки: во Франции нарушены все соглашения, и что бы ни делали ликурги, они и далее будут нарушаться. Хартия – всего лишь клочок бумаги.

CCLXXXIV

Нации, народу, армии, всем французам не следует забывать о своем прошлом: ведь оное составляет их славу.

CCLXXXV

Легче учредить республику без анархии, нежели монархию без деспотизма.

CCLXXXVI

Люди, кои являются хозяевами у себя дома, никогда и никого не преследуют, вот почему короля, с которым соглашаются, почитают добрым королем.

CCLXXXVII

Реформаторы по большей части ведут себя как люди больные, которые сердятся, что другие чувствуют себя хорошо: и вот они уже запрещают всем есть то, в чем отказывают себе.

CCLXXXVIII

Я не люблю, когда притворяются, что презирают смерть: уметь переносить то, что неизбежно – в этом заключается важнейший человеческий закон.

CCLXXXIX

Трусливый бежит от того, кто злее его; слабого побеждает сильнейший – таково происхождение политического права.

CCXC

Я вижу в спартанцах народ воистину бесстрашный и неукротимый: такой народ ведет свое происхождение из славных веков Лакедемона; подобное сему мы видим и в Средние века, когда кого ни взять из капуцинов, все умирали святою смертию.

CCXCI

Сенат обнаружил признаки деятельности лишь тогда, когда я оказался побежденным, но если бы я вышел победителем, то несомненно получил бы с его стороны полное одобрение своих действий.

CCXCII

Реньо обладал способностью говорить легко и складно: вот почему я не раз посылал его выступать с пространными речами в Палате и в Сенате. Подобные люди – не что иное, как бездарные болтуны.

CCXCIII

О[жеро] предал меня: правда, я всегда считал его негодяем.

CCXCIV

Реаль много делал для моей полиции. Когда мне хотелось посмеяться, я напоминал ему то место из его революционной газеты, где он приглашал добрых патриотов собраться 21 января, чтобы поужинать головою свиньи. При мне он уже так не поступал, но скопил себе весьма приличное состояние.

CCXCV

Людовик XVIII обошелся с цареубийцами благоразумно: помилование было его правом, поскольку дело касалось только его семьи; но измена, растрата общественных денег, преступления по отношению к правительству – прерогатива

Верховного суда: я никогда не помиловал бы за таковые преступления.

CCXCVI

В несчастии обыкновенно не уважают того, в ком прежде почитали величие.

CCXCVII

Блюхер говорил, что сражался каждый день со времени перехода через Рейн в январе 1814 г. до самого вступления в Париж. Союзники признают, что за три месяца потеряли 140 000 человек: думаю, что их потери были намного серьезнее. Я атаковал их каждое утро на линии в 150 лье. Именно при Ла-Ротьере Блюхер выказал себя лучше всего: подо мною в тот день была убита лошадь. Сей прусский генерал был всего, лишь хорошим солдатом: в тот день он так и не сумел воспользоваться достигнутым преимуществом. Моя же гвардия совершала чудеса доблести.

CCXCVIII

Сенат обвинил меня в том, что я изменял его указы, то есть в изготовлении фальшивок. Всем же на самом деле известно, что у меня не было необходимости в таковом ухищрении: одно движение моей руки уже означало приказ. Сам Сенат делал всегда больше, нежели от него требовалось. Если я и презирал людей, как меня в том упрекают, то деятельность сенатского корпуса доказывает, что это не было так уж безосновательно.

CCXCIX

Мне никогда не упрекнуть себя в том, что я ставил честь свою выше счастия Франции.

CCC

Я сказал как-то, что Франция заключалась во мне, а не в парижской публике. Мне же приписывали высказывание

«Франция – это я», что было бы бессмыслицей.

CCCI

В глазах большинства людей узурпатор – это лишенный трона государь; законный король – тот, кто раздает милости и должности; совсем как Амфитрион в глазах Созия – это тот, у кого можно пообедать.

CCCII

Бывают люди добродетельные лишь потому, что у них не было случая предаваться порокам.

CCCIII

Чернь воображает себе Бога королем, который тоже держит Совет у себя при дворе.

CCCIV

Мысли Паскаля это – какая-то галиматья: о нем можно сказать то же, что чернь говорит о шарлатанах: «Должно быть, он не лишен разума, поелику мы его не понимаем».

CCCV

Стремление властвовать над умами себе подобных – одна из самых сильных страстей человеческих.

CCCVI

Я не верю, что Бурбоны лучше, нежели я, поняли, в чем состоят интересы монархии. Касательно же интересов их династии, лишь впоследствии сие дано будет увидеть: они придерживаются политики, по видимости, весьма возвышенного свойства.

CCCVII

Среди революционеров, деяния коих исполнены были величия и благородства, можно отметить Ланж[юине], Лафайета, Карно и некоторых других: эти люди пережили самих себя; ныне их роль сыграна, жизненное поприще завершилось, их влияние ничтожно. Они – весьма удобные орудия, коими надобно уметь пользоваться.

CCCVIII

Я не верил бы ухищрениям этого интригана Деказа. Но во всяком случае надобно подождать, чем все это кончится.

CCCIX

Я заставил собственных своих врагов служить моей славе или умереть вместе со мною – вот что является особливой чертой моего правления.

CCCX

Сдается мне, что в событиях последнего времени тяжкие бедствия были выше сил человеческих.

CCCXI

Г-н де Шатобриан почтил меня красноречивой, но не вполне справедливой филиппикой. Он много сделал для торжества королевского дела. Воистину это – гениальный человек.

CCCXII

Договор 20 ноября был ничем не лучше капитуляции Парижа: так и не знаешь, кто здесь виноват, иностранцы или же само французское правительство.

CCCXIII

Кто осмелился бы сказать мне на поле сражения под Фридландом или на неманском плоту, что русские будут расхаживать в Париже как господа и что пруссаки расположатся лагерем на Монмартре?

CCCXIV

Когда пруссаки потребовали от меня вывести свои войска из Германии в течение трех недель, в моем распоряжении было шестьсот тысяч солдат. Я думал, что все в их кабинете посходили с ума: успех оправдывает все, но безумие пруссаков было чистым бахвальством.

CCCXV

Самая невыносимая из тираний – это тирания подчиненных.

CCCXVI

В результате термидорианской реакции правительство отстранило меня от командования. Но Обри посадил меня в тюрьму. Слуги, как известно, всегда ведут себя хуже господ.

CCCXVII

После своего падения я оставил Франции огромный долг, это – правда, но остались и мои чрезвычайные доходы: что же, в конце концов, сделали с ними?

CCCXVIII

Человек, которому развлечения помогают забыть о причиненных неприятностях, недолго помнит о них: это – верное средство против мелких неурядиц.

CCCXIX

Я никогда ни в чем не отказывал императрице Жозефине, будучи уверенным в ее искренности и преданности мне.

CCCXX

Я стараюсь умалчивать о глупых поступках некоторых из европейских монархов подобно тому, как не принято говорить о благосклонности прежних своих любовниц.

CCCXXI

Переход Груши от Намюра до Парижа – один из самых блистательных подвигов войны 1815 г. Я уже думал, что Груши с его сорока тысячами солдат потерян для меня и я не смогу вновь присоединить их к моей армии за Валансьеном и Бушеном, опираясь на северные крепости. Я мог организовать там систему обороны и отстаивать каждую пядь земли.

CCCXXII

Ней и Лабедуайер как малые дети позволили себя расстрелять: к несчастию, им не дано было понять, что еще совсем недавно, во времена революции, те, кто выигрывали время, в конце концов оказывались правы.

CCCXXIII

И четырех справедливых страниц не сыщется во всем том, что понапечатано за последние четыре года о моем царствовании и о деяниях моих современников. Среди сочинителей немало пасквилянтов, но нет ни одного Фукидида.

CCCXXIV

Я всегда считал преступлением призвание монархом иностранцев того ради, чтобы укрепить свою власть в собственной стране.

CCCXXV

Я отлично понимаю, что это Фуше составил проскрипционные списки; но имена лиц, коих я там нахожу,

ничего мне не говорят.

CCCXXVI

Испанцы не нашли ничего лучшего, как одобрить конституцию, которую я предлагал в Байонне: к несчастию, не все тогда готовы были принять ее (я имею здесь в виду народ).

CCCXXVII

Идея объединить в четырех отделениях Института внушающее почтение сообщество различных талантов была прекрасна. Надобно же было совершенно не понимать суть дела, чтобы искалечить сей памятник национальной славы.

CCCXXVIII

Человеческий разум сделал возможным три важнейшие завоевания: суд присяжных, равенство налогообложения и свободу совести; если только монархи не лишатся рассудка, они уже не станут нападать на эти три основы общественного договора.

CCCXXIX

Часто мне приходит на ум при чтении «Цензора», что он составляется Талейраном или Поццо ди Борго. Эта книга – насквозь антифранцузская, ее сочинители – идеологи пустых мечтаний: они делаются смешными, когда хотят управлять королями.

CCCXXX

Когда народы перестают жаловаться, они перестают мыслить.

CCCXXXI

Я вел переговоры в Фонтенбло не ради себя: я действовал во имя нации и армии; если я сохранил за собой титул Императора

и прерогативы монарха, то это потому, что, отдавая себя на поношение врагам, я не хотел заставить краснеть храбрецов, кои служили мне.

CCCXXXII

Существует род воров, которых законы не преследуют и которые крадут у людей то, что есть у них самого драгоценного, а именно – время.

CCCXXXIII

Во Франции есть люди, которые вспоминают о Хартии, когда их охватывает страх, совсем как тот игрок, который возвращается к своей любовнице, когда проигрался.

CCCXXXIV

Мадам де Сталь написала о страстях как женщина, которая вполне освоилась с предметом, о котором пишет. Она часто принимает сущую галиматью за нечто возвышенное и более всего пуста в тех случаях, когда претендует на глубокомысленность.

CCCXXXV

Время республик прошло: скоро в Европе не останется ни одной из них.

CCCXXXVI

Если в механике знаешь три величины, всегда найдешь и четвертую (конечно, если хорошо владеешь математикой).

CCCXXXVII

В массе своей испанский народ дик, невежествен и жесток: в то время как я приказывал обращаться с пленниками в лагерях Лиможа, Перигюе и Мулэна по-человечески, моих солдат убивали, обрекали на пытки и мученическую смерть. Условия

капитуляции генерала Дюпона в Байлене были столь постыдно нарушены, что едва ли тому отыщется подобный пример в истории.

CCCXXVIII

Прощая тех, кто меня поносит, я всегда могу поставить себя выше них.

CCCXXIX

Всякое партийное сборище состоит из глупцов и негодяев.

CCCXL

После моей высадки в Каннах парижские газеты запестрели заголовками: Мятеж Бонапарта; через пять дней: генерал Бонапарт вступил в Гренобль; одиннадцать дней спустя: Наполеон вступил в Лион; двадцать дней спустя: Император прибыл в Тюильри; ищите после этого в газетах общественное мнение!

CCCXLI

После того как в моем распоряжении были, казалось, все сокровища Европы, я покинул ее, имея в кармане только двести тысяч франков. Но англичане не усомнились, что это соответствует моему достоинству: купец, который сжег пачку долговых обязательств Карла Пятого на пятьдесят тысяч дукатов, выказал себя душевно более щедрым, нежели сей Император.

CCCXLII

Ни в арифметике, ни в геометрии нет никаких тайн. Из всех наук эти две более всего служат к изощрению ума.

CCCXLIII

После моего падения фразёры, которые ранее были у меня на

жаловании, не переставали называть меня узурпатором: им не дано понять, что еще сегодня я мог стоять во главе всех остальных монархов Европы. Во Франции способны сочинять одну лишь романическую чепуху.

CCCXLIV

Макиавелли учит, как успешно вести войны. Мне же известно лишь одно средство для сего – быть сильнейшим. Этот флорентийский секретарь – не более как профан в политике.

CCCXLV

Государь утрачивает расположение народа как из-за ошибки, не стоящей внимания, так и вследствие государственного переворота. Когда же вполне осваиваются с искусством править, то рисковать своей репутацией следует с большой осторожностью.

CCCXLVI

Я не брал на себя труд вести переговоры с государями Германии: напротив, я увлек их за собою после победы при Аустерлице, и они сделали на меня ставку, поскольку я был победителем. Александр также сможет сделать это, когда разобьет пруссаков и австрийцев.

CCCXLVII

Истинный монарх, желая войны, не избегает ее: когда же его вынуждают к ней, он должен, отнюдь не медля, первым обнажить шпагу, быстро и энергично осуществить вторжение, иначе все преимущества будут у нападающей стороны.

CCCXLVIII

Локк – великий объяснитель и плохой логик.

CCCXLIX

Ежели бы в империи Тиберия были якобинцы и роялисты, то уж он не терял бы времени попусту, проводя оное в оргиях.

CCCL

Общие места богословских споров вышли из моды, их заменили общие места в политике.

CCCLI

Я восстановил отличия таковыми, как я их понимаю, то есть основанными на титулах и трофеях; мое дворянство не было феодальным старьем: в бароны я жаловал из капралов.

CCCLII

Я – не из тех слабоумных государей, которые позволяют все делать другим и не делают ничего сами, иначе я мог бы выговорить себе что-то вроде королевства, например, за Луарой.

CCCLIII

Я не думаю, что Франция когда-либо знала лучший порядок, нежели тот, каковой был при мне.

CCCLIV

Государь, совершенный во всех отношениях, должен был бы поступать как Цезарь, нравами походить на Юлиана, а добродетелями – на Марка Аврелия.

CCCLV

Надобно править людьми, пользуясь упряжью, которая надета на них сейчас, а не той, что была в прежние времена.

CCCLVI

Спрашивать, до каких пор религия необходима политической власти, все равно, что спрашивать, до каких пор можно делать прокол больному водянкой: все зависит от благоразумия врача.

CCCLVII

Высокопарный Тацит говорит, что опасно оставлять жизнь тем, у кого отняли все: я убедился в справедливости этого!

CCCLVIII

После московской катастрофы меня уже сочли было политическим трупом: но все еще оставались я сам и мое имя, и вот уже через три месяца я вновь явился во главе двухсот тысяч моих солдат.

CCCLIX

Мое восемнадцатое брюмера было значительным по своим последствиям: ведь именно с этого момента началось восстановление общественного порядка во Франции.

CCCLX

Когда полными пригоршнями разбрасывают почести, многие недостойные люди тоже набрасываются на оные, а имеющие несомненные заслуги отступают в сторону. Кто же будет искать эполеты на поле сражения, когда их можно заполучить и в чьей-нибудь прихожей.

CCCLXI

Революционеры и эмигранты в равной степени были ненасытными по части богатств и отличий. Они соперничали в низости друг с другом. Я же хотел возвеличить новых людей, но поелику не имел в том успеха, то брал их сколько возможно в рядах моих солдат.

CCCLXII

Во время моих итальянских кампаний Директория только и делала, что тявкала; она пробовала мне указывать: в ответ я посылал ей мадонн из чистого серебра, она умолкала, и моя армия продолжала идти вперед.

CCCLXIII

Со времен Карла Великого пехота всегда была плоха. В моей же армии не было французского солдата, который не считал бы себя способным противостоять врагу и победить.

CCCLXIV

Закон должен быть ясным, точным и единообразным: толковать его – значит допускать искажения.

CCCLXV

Больше всего лиц держит в своей памяти тот, у кого больше воображения.

CCCLXVI

Ежели бы флибустьеры способны были вести политику, достойную их храбрости, они основали бы великую империю в Америке еще в шестнадцатом столетии.

CCCLXVII

Странно, но в этот век Просвещения монархи видят надвигающуюся грозу лишь тогда, когда она уже разразилась.

CCCLXVIII

Слово *либеральный*, которое в нынешние времена столь чарует уши идеологов, это слово – моего изобретения. Так что если уж я узурпатор, то они – плагиаторы.

CCCLXIX

Государя начинают презирать, когда он слаб и нерешителен: это – гораздо хуже, нежели когда им управляет министр неспособный и лишенный уважения.

CCCLXX

Перед тем как появился мой Гражданский кодекс, во Франции отнюдь не было настоящих законов, но существовало от пяти до шести тысяч томов различных постановлений, что приводило к тому, что судьи едва ли могли по совести разбирать дела и выносить приговоры.

CCCLXXI

Марк Аврелий жил и умер в великом почете, поелику он безмятежно и при благоприятных обстоятельствах унаследовал империю. Это счастие могло быть уготовано моему сыну.

CCCLXXII

Я мог бы привести Итальянскую армию в Париж 18 фрюктидора и сыграть роль, каковую сыграл в свое время император Север, но плод тогда еще не созрел.

CCCLXXIII

Когда я высадился во Фрежюсе на пути из Египта, Б[аррас] и С[ийес] обсуждали тогдашнее положение вещей в стране: один хотел восстановить короля, другой же – призвать герцога Брауншвейгского; я привел обоих к единому мнению.

CCCLXXIV

Гоббс – безрадостный философ, а Монтескье – светлая голова.

CCCLXXV

Мораль республиканцев отличается большой распущенностью: они без колебаний позволяют себе все, что полезно им и их партии; равным образом то, что было бы добродетелью в республике, становится преступлением при монархии.

CCCLXXVI

Рабле подражал первому Бруту, который прикидывался умалишенным, чтобы обмануть подозрительность Тарквиниев.

CCCLXXVII

Ни золота, ни серебра мне не хватало так, как сахара и кофе: поэтому добродетельные женщины так и не простили мне Континентальной блокады.

CCCLXXVIII

Подлинное богатство всякой страны состоит в числе жителей оной, их труде и предприимчивости.

CCCLXXIX

«Дух законов» – малоосновательное творение едва ли упорядоченной постройки, в которой можно найти прекрасно убранные покои, но заметить кое-где и наспех отделанные дощатые стены с позолотой.

CCCLXXX

Клубные политики, которые выступают против постоянных армий, – сумасброды. Стоит государю распустить свои войска, позволить разрушить свои крепости и проводить время за чтением Горация, как он не процарствует и полугода.

CCCLXXXI

Самые удивительные изобретения не суть те, коими мог бы

похвастаться ум человеческий: большинство открытий суть следствие механического инстинкта и случая, а отнюдь не философии.

CCCLXXXII

Понаписали великие глупости о душе, а ведь надобно стараться знать не то, что люди сказали об этом, но то, что собственный наш разум может нам открыть независимо от чужих мнений.

CCCLXXXIII

Что касается системы, то всегда надобно оставлять за собою право на следующий день посмеяться над теми своими мыслями, кои появились накануне.

CCCLXXXIV

Я не знаю, что понимают под божественным правом: наверное это – изобретение какого-нибудь тупого теолога из Лувена. Ведь сам Папа имеет не более божественного права, чем я – на наследственное место в Палате лордов британского парламента.

CCCLXXXV

То, что называется естественным законом – всего лишь закон выгоды и разума.

CCCLXXXVI

Всякий глава партии должен уметь пользоваться воодушевлением сторонников, ибо нет партии, которая не имела бы своих горячих приверженцев. И величайший военачальник во главе своих солдат, лишенных боевого духа, оказывается полной бездарностью.

CCCLXXXVII

Почему Гомеру предпочтение отдали все народы Азии? Потому что он описывал приснопамятную войну первейшего народа Европы против самого процветающего народа. Его поэма – едва ли не единственный памятник той далекой эпохи.

CCCLXXXVIII

Когда я видел Клебера на лошади, перед глазами моими всегда вставали герои Гомера. Ничего не было прекраснее его в день сражения.

CCCLXXXIX

Генерал Мак теоретически весьма учен, ведь он много изучал большую войну по книгам, но я не доверил бы ему командовать даже батальоном, поелику он неудачлив и ему недостает решительности. Меня весьма удивила его капитуляция при Ульме, я полагал, что он просто перешагнет через меня, чтобы вновь занять позицию у Инна.

CCCXC

Бог положил себе за труд быть стражем добродетели.

CCCXCI

Дабы погубить отечество, достаточно даже одного негодяя: тому в истории было немало примеров.

CCCXCII

Я люблю стихи Оссиана, там много мысли, исполненной силы, энергии, глубины. Это – северный Гомер, он – поэт в полном смысле слова, поелику потрясает душу и трогает ее.

CCCXCIII

Так и не появилось ни одного достойного описания моей кампании 1814 г. Она представляет собою череду событий той

достопамятной войны и стечения обстоятельств столь необычайных, что лишь я один мог бы их описать, потому что мне вполне известно все, что имело место тогда.

CCCXCIV

В театре на меня производит впечатление величие страсти, но я всегда страдаю, когда они выходят за рамки вероятного.

CCCXCV

Друо – это настоящий Катон; я не знал никого, кто бы столь разительно походил на Аристида. Храбрый человек!

CCCXCVI

Капитуляция Сен-Сира в Дрездене – ошибка школьника: она во многом подобна капитуляции Мака при Ульме. На месте Сен-Сира Рапп, Карно и Даву показали бы, как надо защищать крепости.

CCCXCVII

Бедные жители Лотарингии во многом оказывали мне содействие: как я хотел бы восстановить их разрушенные хижины!

CCCXCVIII

Мне нравится грубый здравый смысл, который обитает на улицах.

CCCXCIX

Солон был прав: можно судить о заслугах человека только после его смерти.

CCCC

Сама ли нация отделилась от меня в 1814 г. или сам я покинул мой народ, не в этом дело, а в том, что тогда только я один мог изгнать иноземцев за пределы Франции, но это стало бы для всех очевидным лишь после победы; в остальном же бесспорно одно – грязное белье всегда следует стирать только у себя дома.

CCCCI

Если задуматься над тем, что такое слава, то приходишь к заключению, что оная сводится к немногому. Что бы ни говорили невежды, превозносили глупцы, одобряла или поносила толпа, здесь нет того, что составляло бы предмет особливой гордости.

CCCCII

Фридрих взял на себя труд опровергать Макиавелли еще до того, как стал королем: полагаю, было бы лучше, если б после восшествия на престол он написал о нем так, как есть. Ведь этот Макиавелли писал свои сочинения разве что для мелодраматических тиранов.

CCCCIII

Сенека как-то сказал: тот, кто мало дорожит своей жизнью, может распоряжаться по своему усмотрению жизнью других людей.

CCCCIV

Говорят, будто генерал Сарразэн сошел с ума: он и так не был вполне в здравом рассудке, когда покинул Булонь. Хороший начальник генерального штаба, но дурная голова и интриган.

CCCCV

Веллингтон сделал большую ошибку в сражении при Тулузе: английской армии угрожал бы плен, если бы Сульт сумел воспользоваться ею, или ежели б он лучше знал позицию противника.

CCCCVI

История, которая донесла до нас имя Фемистокла, не удостоила тем же имена его завистников.

CCCCVII

Приняв правление из рук республиканцев, я как бы вымыл, очистил и подправил старую картину Рафаэля, которую лак пачкунов довел до полной неузнаваемости.

CCCCVIII

Беньо думал, что станет играть роль при Бурбонах, но он ошибался, как и многие другие. У него есть талант и твердость. Я сделал его государственным советником, потому что он, будучи префектом, осмеливался говорить мне правду. Но он растрачивает свои силы попусту.

CCCCIX

Я сужу о гении по тому, как он выражает свою мысль.

CCCCX

Надобно часто менять не только гарнизоны, но людей, стоящих у власти, это – безусловно. В интересах государства, чтобы должностные лица постоянно сменялись: ежели этот принцип не соблюдается, то неизбежно появляются удельные владения и сеньориальное правосудие.

CCCCXI

С тех пор, как сами народы выступили на полях сражений, стало уже невозможно иметь наемную армию.

CCCCXII

Государь, который думает о людях и строит собственное счастие на их благополучии – в каком романе можно найти сие?

CCCCXIII

Что бы ни говорил Макиавелли, крепости не стоят народного попечения и забот.

CCCCXIV

Чернь не отличается здравомыслием, она, по обыкновению, любит повторять все те пересуды, кои говорятся по адресу человека незаурядного.

CCCCXV

Оказывается, что из ста бывших в прошлом королевских фаворитов по крайней мере девяносто пять были повешены.

CCCCXVI

Деказ раньше служил у моей матери: я замечал его порою в толпе придворных. Эта должность не требовала большого таланта. И он, и подобные ему министры походят на людей, карабкающихся на призовой столб.

CCCCXVII

В 1805 г. у меня имелось восемьдесят линейных кораблей, не считая фрегатов, но не было ни настоящих матросов, ни офицеров; мои адмиралы играли в прятки с англичанами, и это само по себе уже было немало. Линуа показал себя вполне достойно. Вильнёв был добрый офицер, но, несмотря на это, делал одни только глупости. Он покинул Кадикс, а смерть Нельсона не стоила потери моего флота. Вильнёв покончил с собой на постоялом дворе в Ренне, и, как всегда, в этом обвинили меня. На самом же деле признаки сумасшествия наблюдались у него еще во время морской кампании.

CCCCXVIII

Ах! Свобода печати, свобода печати! Снимите же намордники с ваших парижских журналистов, и вы увидите настоящую грызню! Все эти Вадью постоянно будут вмешиваться в управление, а Каритиде станут подавать мнения. К дьяволу весь этот галдеж!

CCCCXIX

Я восстановил дома лионцев, разрушенные во время революции, они были признательны за это, итак, мы – в расчете.

CCCCXX

Государи, которые пользуются услугами исповедников, нарушают тем самым основы королевской власти.

CCCCXXI

Слишком мало найдется людей достаточно твердого закала, чтобы судить обо мне беспристрастно и без предосуждений.

CCCCXXII

После моих побед в Италии в мою дверь стучались представители самых различных партий. На стук я предпочитал не отзываться, поелику не в моих правилах быть орудием в чьих-либо руках.

CCCCXXIII

Битва при Эйлау стоила дорого обеим сторонам и отнюдь не имела решающего исхода. Это было одним из тех неопределенных сражений, когда отстаивают каждую пядь земли: войска схватились врукопашную, действуя большей частию по собственной инициативе; что касается меня, то я не стал бы выбирать такое место для сражения.

CCCCXXIV

Великие политики первого апреля хотели лишь сохранить свои замки, вот почему они так легко отступали перед натиском союзников.

CCCCXXV

Посреди всех этих смотров, пушек и штыков я порою оставался философом: среди тех, кто меня поносит, есть немало таких, кои никогда не делали ничего подобного.

CCCCXXVI

Здравый смысл создает одаренных людей; самолюбие же – лишь ветер, который надувает паруса и ведет их корабль прямо к пристани.

CCCCXXVII

Катон совершил великую глупость, покончив жизнь самоубийством из одного страха встретиться с Цезарем.

CCCCXXVIII

Если бы Ганнибал узнал о переходе моей армии через Большой Сен-Бернар, он посчитал бы свое альпийское путешествие сущей безделицей.

CCCCXXIX

Быть может, мне надобно было подражать Генриху VIII, сделавшись единственным первосвященником и религиозным вождем моей Империи; рано или поздно монархи придут к этому.

CCCCXXX

Пушечное ядро, поразившее Моро при Дрездене, было одним

из последних вестников моей удачи в этом сражении.

CCCCXXXI

После сражения при Лейпциге я мог бы опустошить страну, лежащую между мною и неприятелем, как то сделал Веллингтон в Португалии или как в былые времена еще Людовик XIV повелел в Палатинате: право войны позволяло мне это, но я не хотел подобным образом обеспечивать свою безопасность. Мои солдаты, раздавив баварцев при Ганау, показали, что я могу полагаться на их доблесть.

CCCCXXXII

Ничего необыкновенного в побеге Мале не было, другое дело – арест Ровиго или бегство Паскье. Все потеряли голову, начиная с самих заговорщиков.

CCCCXXXIII

Много критиковали мою статую на Вандомской площади и велеречивые надписи о моем царствовании. Однако ж надобно, чтобы короли позволяли делать все по причуде художников: ведь Людовик XIV отнюдь не приказывал, чтобы поместили рабов у ног его статуи, и не требовал, чтобы Ла Фёйлад начертал на пьедестале «бессмертному человеку». И когда увидят где-нибудь надпись «Наполеон Великий», то поймут, что не я сочинил эту надпись, а лишь не запрещал говорить об этом другим.

CCCCXXXIV

Я советовался с аббатом Грегуаром касательно конкордата 1801 г., его мнения показались мне весьма здравыми, однако ж я лишь принял их к сведению и в пререканиях со священниками уступил только в нескольких пунктах. Но именно в этом я и был не прав.

CCCCXXXV

Тот, кто не стремится снискать уважение современников, не

достоин его.

CCCCXXXVI

Карл Пятый годам к пятидесяти начал молоть всякий вздор: в отличие от него многие короли всю свою жизнь только и делают, что болтают всякую чепуху.

CCCCXXXVII

Говорят, что Этьенн занимается политикой, в мое же время он сочинял комедии: это был весьма необходимый государству человек.

CCCCXXXVIII

Я отнюдь не повлиял на возвышение Бернадотта в Швеции, а ведь я мог тому воспротивиться; Россия, помню, поначалу весьма была недовольна, ибо воображала, что это входит в мои планы.

CCCCXXXIX

Хоть я и хотел возродить достопамятные времена древности, но это никогда не простиралось столь далеко, чтобы восстановить афинскую демократию. Правление черни никогда не привлекало меня.

CCCCXL

Говорят, что священники и философы Франции имеют миссионеров, кои разъезжают по провинциям. Это, должно быть, напоминает бывшие некогда диспуты августинцев с кордельерами. Похоже, что правительство уже более не существует?

CCCCXLI

Лондонские газетчики прохаживаются насчет моего здоровья и здешнего образа жизни. Воображение у них, мягко выражаясь,

сильно отдает поэзией. Но всем же надобно добывать себе пропитание, даже насекомым.

CCCCXLII

У королей нет недостатка в людях, которые находят случай возразить. Я никогда не допускал этого. Врач нужен для того, чтобы лечить лихорадку, а не писать на нее сатиру. У вас есть лекарства? Так дайте их: если нет, помолчите.

CCCCXLIII

Надобно следовать за фортуной со всеми ее капризами поправляя ее, насколько это возможно.

CCCCXLIV

Дух независимости и национальности, который я пробудил в Италии, переживет революции сего века. Мне довелось свершить в этой стране более, нежели дому Медичи.

CCCCXLV

Всякий человек делает ошибки, делают их и государи. О мертвых судят частию, пожалуй, справедливо, не то что о живых. При жизни Людовика XIV современники осудили войну за Испанское наследство, ныне же ему воздают должное; беспристрастный судия должен признать, что было бы подлостью с моей стороны не согласиться на отречение Карла IV от испанского престола.

CCCCXLVI

Если хочешь сохранить за собою хоть какое-то превосходство, нужно менять военную тактику каждые десять лет.

CCCCXLVII

Люди прошлого для меня отнюдь не предпочтительнее людей

нынешних, но прежде пустой и никчемной болтовни было много меньше, нежели в теперешние времена.

CCCCXLVIII

Надобно, чтобы природа поставила гения таким образом, чтобы он мог сделать из этого должное употребление, но часто он не находит себе надлежащего места и, как засушенное семя, остается бесплоден.

CCCCXLIX

Можно с избытком жаловать ленты куртизанам, но сие отнюдь не делает из оных людей.

CCCCL

Эта французская Минерва порою весьма неповоротлива, и ее оружие прямо-таки изъедено ржавчиной. И немудрено, ведь ныне Европа ничем не обнаруживает себя, и кажется, что она просто отдыхает.

CCCCLI

Место военных действий – это шахматная доска генерала, именно его выбор обнаруживает способности или невежество военачальника.

CCCCLII

Я присоединяюсь к Эпиктету, сказавшему: «Когда говорят о тебе плохо, и это – правда, исправься, если же это – ложь, посмейся над этим». Я научен ничему не удивляться: остановившись на отдых, я не обращаю внимания на разных шавок, которые лают по дороге.

CCCCLIII

Истинный герой играет во время сражения шахматную

партию независимо от ее исхода.

CCCCLIV

В деле предрассудки и страсти – вредны; единственная допустимая из последних – стремление к общему благу.

CCCCLV

В 1806 г., после Пресбургского мира, поведение пруссаков давало мне право вернуться во Францию через Берлин, но вместо этого я предпочел переговоры и теперь раскаиваюсь в этом.

CCCCLVI

Большинство наших академиков суть сочинители, коими восхищаются, но при этом зевают от скуки.

CCCCLVII

В Европе оказывают мне честь уже тем, что все еще говорят обо мне. У делателей брошюр, должно быть, не хватает корма, вот они и пользуются моим именем, чтобы заполнять свои листки.

CCCCLVIII

Я был уверен, что одержу победу под Парижем, если бы мне не отказали в командовании армией. Пруссаки наткнулись бы на мою шпагу при переходе через Сену. Я призываю в том к свидетельству военных.

CCCCLIX

Моя финансовая система предусматривала уменьшение прямых налогов, кои ложатся тяжким бременем, и замену их косвенными, направленными только против роскоши и невоздержанности.

CCCCLX

Я никогда не говорил, что герцог Рагузский изменил мне, а лишь то, что его капитуляция при Эссоне просто смехотворна, а между тем оказалась гибельной для меня.

CCCCLXI

На следующий день после сражения при Иене прусские генералы просили у меня перемирия на три дня, чтобы, как они говорили, похоронить раненных, я же велел ответить им: «Думайте о живых и предоставьте нам заботу о мертвых: только ради этого отнюдь не надобно никакого перемирия».

CCCCLXII

Меня упрекали в несправедливости к адмиралу Трюге. Этот моряк, как и Карно, был республиканцем: и ни тот, ни другой не нуждались в моих милостях. Я не мог и не хотел отнять у них принадлежащую им славу.

CCCCLXIII

Английское правительство и приставленный им тюремщик нашли верное средство сократить мое жизненное поприще. Мне нужно не просто жить, но действовать. Надобно, чтобы мое тело и мой дух следовали за изгибами судьбы, испытания которой послужат лишь к моей славе.

CCCCLXIV

Я отстраивал деревни, осушал болота, углублял порты, перестраивал города, заводил мануфактуры, соединил два моря каналом, строил дороги, сооружал памятники – а меня сравнивали с вождем гуннов Аттилой! Справедливый приговор, нечего сказать!

CCCCLXV

Воистину необычайной оказалась бы книга, в которой не нашлось бы места для вымысла.

CCCCLXVI

Откупщики французского короля поступают весьма оригинально: не ограничивая ни расходов, ни роскоши, они непомерным образом взвинчивают налоги, и каждый год вместо того, чтобы сказать: у меня такой-то доход, и я могу расходовать столько-то; говорят: нам надобно столько-то, найдите источник для подобных расходов.

CCCCLXVII

При моем правлении я изобретал новые, не бывшие ранее в ходу меры, таковы, например, премии, присуждавшиеся каждые десять лет. Надобно же было достойно вознаградить усилия того, кто достиг совершенства в своем ремесле.

CCCCLXVIII

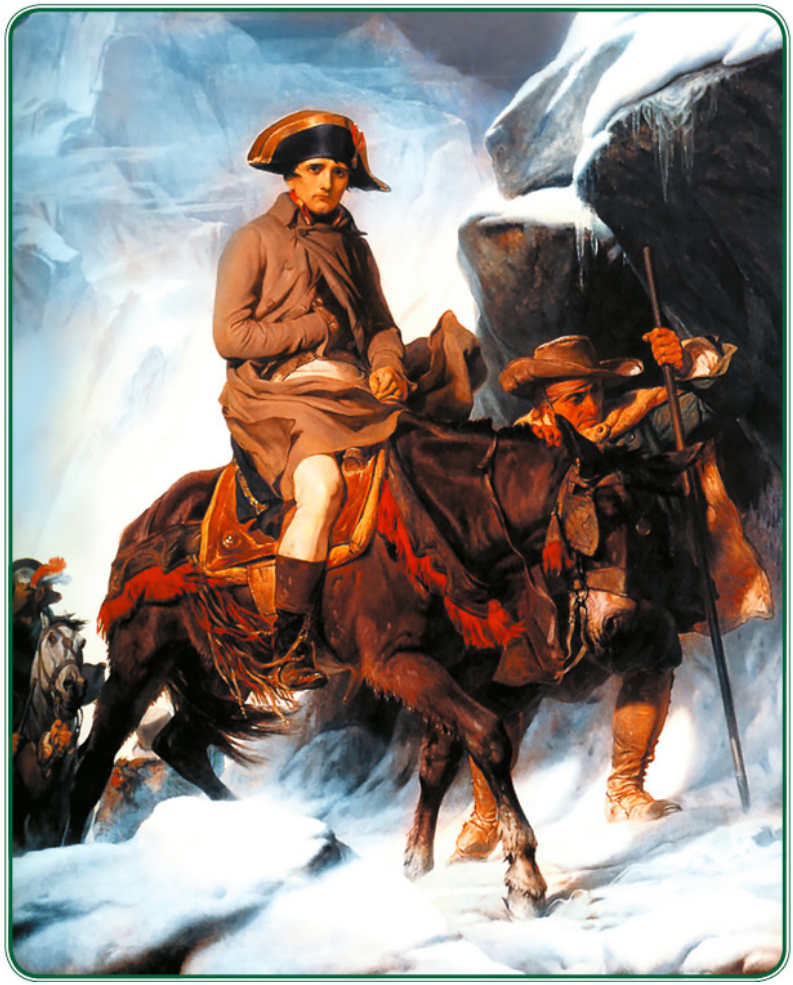
Я мог дважды ниспровергнуть императорский трон Австрии, но вместо этого укреплял его основы. Надобно поставить сие в ряд допущенных мною ошибок: но на что спрашивается я мог употребить Австрию? Согласен, но в те времена я обладал достаточным могуществом, чтобы принимать на веру все ее торжественные заверения и клятвы.

CCCCLXIX

Полагаю вероятным, что Австрия войдет однажды в соглашение о владениях с папской курией. Поелику я не назначаю срока, когда сие свершится, никто не сможет опровергнуть меня.

Медальон Наполеона

Хронологический указатель



ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1769 г.

15 августа – на острове Корсика, в Аяччо, в семье адвоката Карло Буонапарте и Летиции Рамолино родился второй сын, названный Наполеоне.

1779 г.

15 мая – Наполеон поступает на учебу за казенный счет в Военную академию в Бриенне.

1783 г.

Поступает в военную школу в Париже.

1785 г.

1 сентября – произведен в лейтенанты 4-го артиллерийского полка

Октябрь – ноябрь – покидает военную школу и вступает в гарнизон Валанса.

1789 г.

23 августа – Наполеон присягает на верность «Нации, закону и королю».

1789–1791 гг.

Совершает поездку на Корсику и принимает участие в политической борьбе.

1791 г.

Получает звание лейтенанта.

Февраль – возвращается во Францию.

1792 г.

6 февраля – становится капитаном.

10 августа – присутствует при взятии Тюильри.

1793 г.

Февраль – участвует в экспедиции на Сардинию.

11 июня – после конфликта с Паоли Наполеон со всей семьей Бонапартов покидает Корсику.

19 октября – становится командиром батальона.

Декабрь – принимает участие в ссаде Тулона, восставшего против Революции.

22 декабря – получает за осаду Тулона звание бригадного генерала, становится полковником штаба, командующим бригадой.

1794 г.

27 июля (9 термидора II г.) – падение Робеспьера приводит к тому, что Наполеон остается без должности. Он томится в Париже и добивается разрешения уехать на Восток.

Февраль – назначается командующим артиллерией

Итальянской армии.

6 февраля – Дюгомье назначает Наполеона бригадным генералом в Тулоне.

13 июня (25 прериаля II г.) – Наполеон назначается генералом Западной армии.

Июль – отправляется с миссией в Геную по приказу Робеспьера-младшего.

Август – после переворота 9 термидора подвергнут аресту за связь с Робеспьером, через 14 дней освобожден. Следует год опалы и крайней бедности.

1795 г.

4 октября (12 вандемьера IV г.) – активно участвует в разгроме роялистского мятежа в Париже.

5 октября (13 вандемьера IV г.) – командует войсками Конвента, по приказу которого разгоняет путч роялистов. Состоит помощником Барраса, командующего Внутренней армией.

16 октября (24 вандемьера IV г.) – становится дивизионным генералом

26 октября (4 брюмера IV г.) – становится главнокомандующим Внутренней армией.

Август – зачислен в качестве генерала артиллерии в топографическое отделение Комитета общественного спасения.

1796 г.

2 марта (12 вантоза IV г.) – назначен главнокомандующим Итальянской армией.

9 марта (19 вантоза IV г.) – женится на Жозефине Богарне.

11 марта (21 вантоза IV г.) – отбывает в Итальянскую армию.

12 апреля (23 жерминаля IV г.) – победа при Монтенотте.

10 мая (21 флореаля IV г.) – победа при Лоди.

15 мая (26 флореаля IV г.) – Наполеон вступает в Милан.

5 августа (18 термидора IV г.) – победа при Кастильоне.

8 сентября (22 фрюктидора IV г.) – победа при Бассано.

17 ноября (27 брюмера V г.) – победа при Арколе.

1797 г.

14 января (25 нивоза V г.) – победа при Риволи.

18 апреля (29 жерминаля V г.) – окончание Итальянской кампании – заключение прелиминарного мирного договора в Лёобене после разгрома австрийских войск и захвата большой части территории Италии.

4 сентября (18 фрюктидора IV г.) – антироялистский переворот в Париже.

17 октября (26 вандемьера VI г.) – мир в Кампоформио.

28 ноября (8 фримера VI г.) – открытие Раштаттского конгресса.

5 декабря (15 фримера VI г.) – Наполеон возвращается в Париж и через 20 дней избирается членом Академии.

9 декабря (19 фримера VI г.) – назначен главнокомандующим армией, действующей против Англии.

1798 г.

Апрель – назначен главнокомандующим армией, предназначенной действовать на Востоке.

19 мая (30 флореаля VI г.) – начало Египетской экспедиции. Наполеон отплывает из Тулона в Египет.

11 июня (23 прериаля VI г.) – взятие Мальты.

2 июля (14 мессидора VI г.) – взятие Александрии.

21 июля (3 термидора VI г.) – победа у пирамид.

1 августа (14 термидора VI г.) – поражение французского флота при Абукире.

21 октября (30 вандемьера VII г.) – восстание в Каире против французов.

1799 г.

7 марта (17 вантоза VII г.) – взятие Яффы.

19 марта – 10 мая (29 вантоза – 21 флореаля VII г.) – неудача под Сен-Жак-д'Акр; после восьмой попытки Наполеон снимает осаду.

20 мая (1 прериаля VII г.) – отступление из Сирии.

23 августа (6 фрюктидора VII г.) – Наполеон покидает Египет.

13 декабря (22 фримера VIII г.) – становится первым консулом.

15 декабря (24 фримера VIII г.) – Конституция VIII года.

16 октября (24 вандемьера VIII г.) – прибытие в Париж.

9 ноября (18 брюмера VIII г.) – организация военного переворота, в результате которого Наполеон получает звание консула и входит в состав захватившего власть консульского Триумвирата, а затем назначается первым консулом вместе с Сийесом и Роже-Дюко.

1800 г.

9 февраля (20 плювиоза IX г.) – Люневилльский мир.

13 февраля (24 плювиоза VIII г.) – открытие Французского банка.

19 февраля (30 плювиоза VIII г.) – Наполеон переезжает в Тюильри.

14 мая (24 флореаля VIII г.) – битва при Маренго.

20 мая (30 флореаля VIII г.) – переход через Сен-Бернар.

14 июня (25 прериаля VIII г.) – разгром австрийских войск при Маренго (Северная Италия).

2 октября (11 вандемьера IX г.) – договор в Мортефонтене с США.

3 декабря (12 фримера IX г.) – победа Моро у Гогенлиндена.

24 декабря (3 нивоза IX г.) – покушение на Наполеона на улице Никез (взрыв «адской машины»).

1801 г.

15 июля (26 мессидора IX г.) – подписание конкордата с папой.

1802 г.

25 марта (4 жерминаля X г.) – подписание Амьенского мира.

18 апреля (28 жерминаля X г.) – обнародование конкордата, заключенного с папой 15 января 1802 г. (25 нивоза X г.).

19 мая (29 флореаля X г.) – учреждение ордена Почетного легиона.

2 августа (14 термидора X г.) – назначен пожизненным консулом.

4 августа (16 термидора X г.) – Конституция X года.

1803 г.

3 мая (13 флореаля XI г.) – продажа Луизианы США.

16 мая (25 флореаля XI г.) – нарушение мира с Англией.

20 мая (30 флореаля XI г.) – опубликование Гражданского кодекса.

1804 г.

Заговор Моро, Пишегрю и Жоржа.

21 марта (30 вантоза XII г.) – казнь герцога Энгиенского.

16 мая (25 флореаля XII г.) – Наполеон провозглашен французским императором.

18 мая (28 флореаля XII г.) – провозглашение Франции империей.

2 декабря (2 фримера XIII г.) – торжественное помазание Наполеона на императорский престол римским папой Пием VII.

1805 г.

17 марта (26 вантоза XIII г.) – Наполеон объявляет себя королем Италии.

19 октября (27 вандемьера XIV г.) – разгром австрийской армии при Ульме (Бавария).

21 октября (29 вандемьера XIV г.) – поражение франко-испанского флота при Трафальгаре.

13 ноября (22 брюмера XIV г.) – Наполеон вступает в Вену.

2 декабря (11 фримера XIV г.) – битва и победа при Аустерлице (120 км к северу от Вены) над русско-австрийской армией.

26 декабря (5 нивоза XIV г.) – заключение Пресбургского мира.

31 декабря – отмена Республиканского календаря.

1806 г.

14 февраля – Массена вступает в Неаполь.

30 марта – Жозеф Бонапарт – король Неаполя.

5 июня – Луи Бонапарт – король Голландии.

14 октября – разгром прусской армии при Иене и Ауэрштедте.

27 октября – Наполеон вступает в Берлин.

1807 г.

1 января – провозглашение Континентальной блокады.

Январь – встреча Наполеона с Марией Валевской.

8 февраля – сражение между французской и русской армиями при Эйлау.

14 июня – победа французской армии над русской при Фридланде (Восточная Пруссия).

7 июля – заключение Тильзитского мира с Россией.

22 июля – провозглашение Великого герцогства Варшавского.

9 августа – Талейран отстраняется от внешней политики.

16 августа – Жером Бонапарт – король Вестфалии.

27 октября – франко-испанский договор в Фонтенбло.

30 ноября – Жюно вступает в Лиссабон.

1808 г.

1 марта – декрет о дворянстве Империи.

2 мая – восстание в Мадриде против французского присутствия.

4 июня – Жозеф Бонапарт – король Испании.

15 июня – Мюрат – король Неаполя.

22 июня – капитуляция французских войск в Байлене.

30 августа – капитуляция Жюно в Синтре.

27 сентября – Эрфуртское свидание Наполеона I и Александра I.

20 декабря – Талейран и Фуше тайно объединяются против Наполеона.

1809 г.

21 февраля – взятие Ланном Сарагосы.

22 апреля – победа при Экмюле.

22 мая – битва при Эсслинге.

6 июля – разгром австрийских войск под Ваграмом (Австрия). Арест Пия VII.

14 октября – Венский мир.

15 декабря – Наполеон оформляет развод с Жозефиной.

1810 г.

2 апреля – бракосочетание Наполеона с австрийской эрцгерцогиней Марией Луизой.

3 июня – отставка Фуше.

9 июля – Голландия объединяется с Францией.

1811 г.

20 марта – у Наполеона от второго брака рождается сын, Франсуа Шарль Жозеф Бонапарт, провозглашенный королем Римским.

1812 г.

8 апреля – Александр отправляет ультиматум Наполеону.

18 мая – конференция в Дрездене.

24 июня – французская армия форсирует Неман – начинается война с Россией.

7 сентября – Бородинское сражение, не принесшее ни одной из сторон явной победы.

14 сентября – Наполеон вступает в Москву.

15 сентября – въезд Наполеона в Кремль.

18 октября – Наполеон решает покинуть Москву.

19 октября – начало отступления армии Наполеона из Москвы по Старой Калужской дороге.

23 октября – заговор генерала Мале в Париже.

26—27 ноября – переправа французской армии через Березину.

6 декабря – Наполеон тайно покидает армию.

18 декабря – Наполеон прибывает в Париж.

1813 г.

25 января – конкордат в Фонтенбло.

17 марта – Пруссия объявляет войну Франции.

2 мая – победа Наполеона при Лютцене.

20 мая – победа Наполеона при Бауцене.

4 июня – Плейсвицкое перемирие.

21 июня – победа Веллингтона у Виттории. Потеря Испании.

29 июля – Конгресс в Праге.

12 августа – Австрия объявляет войну Франции.

16—19 октября – поражение под Лейпцигом в «Битве народов». Распад наполеоновской Германии.

16 ноября – отпадение Голландии.

4 декабря – Франкфуртская декларация.

1814 г.

17 января – отпадение Мюрата. Потеря Италии.

29 января – победа Наполеона у Бриенна.

18 февраля – победа при Монтеро.

13 марта – победа при Реймсе.

30—31 марта – поражение под Парижем и сдача города.

4—6 апреля – первое отречение Наполеона в Фонтенбло.

5 мая – прибытие на место ссылки – о. Эльба в Средиземном море.

30 июня – Парижский трактат.

1 ноября – открытие Венского конгресса.

1815 г.

26 февраля – Наполеон покидает Эльбу.

1 марта – высадка Наполеона во Франции.

20 марта – вступление Наполеона в Париж, начало «Ста дней» правления.

22 апреля – провозглашение «Дополнительного акта».

9 июня – заключительный акт Венского конгресса.

18 июня – поражение в битве с войсками антинаполеоновской коалиции при Ватерлоо (Бельгия).

22 июня – второе отречение Наполеона.

15 июля – сдача Наполеона в плен англичанам в Рошфоре. Наполеон на борту «Беллерофона».

13 октября – Мюрат расстрелян в Пиццо.

16 октября – прибытие Наполеона на о. Святой Елены на юге Атлантического океана.

20 ноября – второй Парижский трактат.

7 декабря – расстрел Нея.

5 мая – смерть бывшего императора Франции Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены.

1840 г.

15 декабря – церемония возвращения праха Наполеона в Париж.

notes

Примечания

1

Этот раздел печатается в сокращенном виде. Опущено изложение событий гражданской войны во Франции, в ходе которой контрреволюционеры сдали интервентам важную военно-морскую базу Тулон.

2

Карто – полковник (впоследствии генерал) революционных войск.

3

Конвентом.

То есть контрреволюционеров.

5

Туаз – около 2 м.

6

Лье – старинная французская мера длины, имевшая различные значения: 4444,4 м; 5555,5 м; 6172,78 м – равные, соответственно, длине дуги земного меридиана в 1/25°; 1/20°; 1/18°.

То есть довести начатую атаку до конца.

8

Горжа (франц. *gorge* – шея, горло) – тыльная сторона укрепления или тыльный вход в него.

9

Гласис (лат. *glatia* – покатость, гладкая длинная отлогость) – пологая земляная насыпь, возводившаяся перед наружным рвом крепости, которая улучшала условия обстрела местности впереди главного вала и маскировку.

10

В подлиннике здесь и в дальнейшем вместо итальянского Сан-Джиакомо употребляется французское Сен-Жак.

11

«Италия! Италия!» (лат.).

То есть консервативных кругов.

13

Опущено географическое описание Италии.

14

В подлиннике – орден Святого Иоанна Иерусалимского.

15

В подлиннике вместо итальянского Сан-Джиованни ди Муриальто стоит французское Сен-Жан де Мюриальто.

16

В подлиннике вместо итальянского Сан-Микеле стоит французское Сен-Мишель.

17

Победители Тарквиния – древнеримские республиканцы.

18

Полковник Лас Косте – начальник штаба пьемонтской армии.

19

«Италия! Италия!» (лат.).

20

В действительности, дон Карлос уступил эти владения Австрийскому дому в 1735 году, а в 1748 году глава этого дома, императрица Мария Терезия, передала их испанскому инфанту Филиппу.

21

В «Дневнике острова Святой Елены» графа де Лас Каза говорится так: «Вандемьер и даже Монтенотте, – сказал император, – не побуждали еще меня смотреть на себя как на необыкновенного человека. Только после Лоди у меня появилась мысль, что я мог бы сделаться, пожалуй, решающим лицом на нашей политической арене. Первая искра честолюбия появилась тогда». Об этом же говорится в «Рассказах о плене императора Наполеона на острове Святой Елены» генерала Монтолона: «Именно вечером у Лоди я уверовал в себя как в необыкновенного человека и проникся честолюбием для свершения великих дел, которые до тех пор рисовались мне фантазией».

22

Намек на поведение карфагенских войск Ганнибала, которые, разбив римскую армию, не довершили разгрома противника и долгое время находились в бездействии в Капуе.

23

Далее опущено изложение истории Милана в Средние века.

24

Далее опущены некоторые факты из биографии отца Бертье.

25

В подлиннике – «князя».

26

Далее опущено изложение истории Павии в Средние века.

27

Проведиторы – должностные лица в Венецианской республике.

28

Итальянское название – Сан-Джорджио.

29

Верк (нем. *Werk* – сооружение, укрепление) – отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону.

30

Во Франции.

31

Заметка, написанная рукой Наполеона: «Австрийские генералы: *Правый фланг* 1. Кважданович. 2. Очкай. 3. Отт. 4. Князь Рейсс. *Центр* 1. Вурмзер. 2. Мелас. 3. Себоттендорф. 4. Липтай. 5. Баялич. *Левый фланг* 1. Давидович. 2. Мессарош. 3. Митровский».

32

На современных картах это место значится под названием Сант-Езебио.

33

Монте-Меделано, в 3800 м юго-западнее Сольферино.

«Грешен!» (итал.).

35

Далее опущен ряд фактов из биографии кардинала.

36

Равелин (лат. *ravelere* – отделять) – фортификационное сооружение треугольной формы, располагающееся в промежутках между бастионами и служащее для перекрестного обстрела подступов к крепости.

37

В подлиннике неразборчиво.

Французская.

39

В Германии.

Французская.

41

В подлиннике вместо немецкого названия Цвейбрюккен употребляется французское Депон.

42

Флешь – полевое (иногда долговременное) укрепление.

43

В донесениях об осаде Келя этот остров назван Лесной остров (Busch Inzel); ныне он не существует.

44

Люнет (франц. *lunnette*) – открытое с тыла полевое или долговременное укрепление.

45

Рено – офранцуженное имя Ринальдо, героя поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим».

46

Контрапроши – оборонительные сооружения, возводившиеся осажденными для противодействия продвижению атакующего противника.

47

Автор допускает здесь ошибку: Генуя была республикой, и, следовательно, речь могла идти о защите правительства, а не «владетеля».

То есть папе.

49

Герцог Пармский был инфантом, то есть членом Испанского царствующего дома.

50

Договор в Сент-Ильдефонсе, подписанный 13 августа 1796 года и ратифицированный Директорией 29 августа.

51

В рукописи в этом месте сделан пропуск, вследствие чего приводится текст из «Memoires pour servir a l’histoire de France sous le regne de Napoleon», издание 1830 года.

Буквально: «без чего не» (лат.), то есть непременное условие.

То есть Неаполитанского королевства.

54

13 января 1797 года.

То есть Британское правительство.

56

Буквально: «положение, которое» (лат.), то есть существующее положение.

57

1 декабря 1796 года.

58

Люксембургский дворец – резиденция Директории.

59

Штатгальтер – глава исполнительной власти в Нидерландах.

60

Гвельфы – партия в средневековой Италии, антигерманской ориентации.

61

Здесь в рукописи короткий пропуск.

62

Река, на которой стоит Рим.

63

Дефиле (франц.) – узкий проход между возвышенностями или водными преградами.

64

Остерия – постоялый двор.

В рукописи в этом месте пропуск.

То есть пиратам из Северной Африки.

67

Подеста (итал. *podesta*, лат. *potestas* – власть) – глава администрации (подестата) в средневековых итальянских городах-государствах.

68

Это не тот, который был проведитором в Брешиа. (*Прим. автора*)

69

Командир брига «Освободитель Италии».

70

Карл VIII – король Франции, вторгшийся в Италию в 1494 году. Итальянские государи, поддержанные императором, вынудили его покинуть страну.

Пасхальной.

72

Сицилийская вечерня (1262 год) – восстание населения Сицилии против французов, завладевших этим островом и Южной Италией. При этом были вырезаны почти все находившиеся в Сицилии оккупанты.

73

328 статья конституции III года гласит: «В случае неизбежных и начавшихся враждебных действий, угрозы войны или ее подготовки против Французской республики Исполнительная Директория обязана употребить для защиты государства все средства, находящиеся в ее распоряжении, с тем чтобы немедленно уведомить об этом Законодательный корпус».

Автор себе противоречит: выше конституция 1200 года рассматривалась как антидемократическая.

75

Авторская ошибка: Сент-Мор – французское название острова Левкас, а не острова Итака.

18 фрюктидора V года (по республиканскому календарю), то есть 4 сентября 1797 года – день государственного переворота в Париже, осуществленного большинством Директории в целях подавления заговора генерала Пишегрю и других лиц, связанных с эмигрантами и враждебными Франции державами.

77

Жозефина Богарне – первая жена Наполеона.

«Да здравствует [Святая] Мария!» (итал.).

79

Половинчатым (итал.).

80

Текст конвенции опущен.

81

В подлиннике описка: проект конституции уже был обнародован, и речь могла идти лишь о том, чтобы отложить ее принятие.

82

Порто-франко (итал. *porto franko* – свободный порт) – порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

83

Текст договора опущен.

Священной Римской империи германской нации.

85

Текст договора опущен.

Текст изданной по этому поводу декларации опущен.

87

Граубюнден – один из кантонов Швейцарии.

Швейцарский.

89

Альтернат (лат. *alter* – один из двух) – право главы правительства или его уполномоченных первыми ставить свою подпись на международных договорах.

90

В Кавдинском ущелье в 321 году до н. э. римская армия была разбита самнитами, которые заставили побежденных пройти под ярмом.

91

Гибеллины и гвельфы – партии в средневековой Италии.

То есть систему, действовавшую в годы Семилетней войны (1756–1763), которую Австрия вела в союзе с Францией.

93

Секуляризация (лат. *saecularis* – мирской, светский) – изъятие государством у церкви ее земельной и иной собственности.

Здесь в подлиннике, видимо, описка. Вместо «Австрии» следует читать «Пруссии».

Сторонников старого режима.

96

В Италию.

Суворов, не доходя до Швица, из Муттена повернул на Гларис.

То есть франко-голландская.

99

Здесь в подлиннике, видимо, описка, так как речь идет о возможности обстрела не города, а селения.

100

В этой главе опущен ряд разделов, касающихся истории, географии и этнографии Египта и прилегающих к нему стран, которые в настоящее время не представляют интереса.

101

Марабуты – мусульманская религиозная община.

Феллахи – египетские крестьяне.

103

Бедуинов.

104

Дромадер – одногорбый верблюд.

105

Диван – здесь: совет.

106

Улемы – знатоки мусульманского права.

107

Фирман инвеституры – здесь: грамота на ввод во владение.

108

Мультазим – помещик-откупщик.

109

Имам – духовное лицо.

110

Шейх-аль-белед – староста деревни.

111

Иосиф Флавий (ок. 35 – ок. 95 г. н. э.).

112

Офранцуженное имя арабского завоевателя Египта – Амр-ибн-аль-Аса.

113

Ланды – название равнинных песчаных местностей во Франции.

То есть образованных людей.

115

Эмир-хаджи – начальник охраны каравана паломников в Мекку.

Восьмого недостает. Зачастую число беев не достигало двадцати четырех и их положение не всегда было определено.

117

Муфтий – богослов-правовед высокого ранга.

Ага – здесь: начальник.

119

Кади – судья.

Васия – вотчина (тур.).

121

Феддан – единица земельной площади.

122

Васии и ризки – земли, розданные участникам завоевания Египта.

123

Патак – мелкая монета.

124

Здесь у автора допущена описка: Александрия находится в Африке.

125

Речь идет о речных судах.

126

Французские инженеры, прибывшие с Наполеоном в Египет, разработали проект сооружения канала для соединения Нила с Красным морем.

127

Автор именует Баррэ то капитаном, то адмиралом.

128

В подлиннике следует далее полный текст рапорта Баррэ, из которого явствует, что глубина акватории старого порта была достаточна для эскадры, а вход в него можно было обеспечить путем взрыва некоторых рифов, преграждавших путь кораблям.

То есть Брюэйс.

То есть Брюэйса.

То есть Наполеона.

132

В битве участвовали четыре фрегата; остальные, числом семь, в том числе два, вооруженные для боя, и пять, используемые как транспорты, остались в порту Александрии, равно как и два только что упомянутых 64-пушечных линейных корабля. См. рапорт контр-адмирала Вильнева от 11 фрюктидора VI года (28 августа 1798 г.).

133

Названия английских кораблей №№ 3, 5, 10, 11 и 12 («Мютин») приведены Наполеоном по-французски.

То есть два корабля, стоявшие по обе стороны от него.

То есть Нельсон.

Командующего эскадрой.

То есть Абукирском.

«Серьез» – капитан Мартен. «Спартиат» – командир Эмерио, начальник дивизиона, ранен. «Аквилон» – командир Тевенар, начальник дивизиона, убит. «Пепль-Суверен» – командир Ракор, капитан 1-го ранга, ранен. «Франклин» – контр-адмирал Бланке Дюшайла и Жиле – капитан 1-го ранга, оба ранены. «Тоннан» – командир Дюпти-Туар, начальник дивизиона, убит.

139

То есть Наполеон.

140

Ныне Асуан.

141

То есть султан.

142

В этой главе опущены некоторые разделы, в которых автор характеризует различные религии, а также обычаи мусульман и культуру Арабского халифата.

143

Кааба – мусульманская святыня в Мекке.

144

Шейхи – здесь: руководители мусульманских общин, сект, школ.

145

Фатимиды – арабская династия, правившая Египтом в X–XII вв.

146

Переход в мусульманство французской армии.

147

К учению Мухаммеда.

148

Ниломер – измеритель уровня вод Нила.

149

Кади – судья, должностное лицо.

150

Хиджра – начало мусульманского летосчисления.

151

То есть на воздушном шаре.

Меккой.

153

Халиф – религиозный глава мусульман.

То есть Наполеон.

155

В Мекку.

156

Госпожа Мену была египтянкой, дочерью владельца бани

«Превосходно, превосходно» (араб.).

158

Маршал Ланн был смертельно ранен в битве при Асперне. Бюллетени французской армии передавали слова, которые он якобы произнес. Вот что сказал мне по этому поводу сам Наполеон: «Вы читали фразу, которую я вложил в уста Ланна, – он об этом и не думал. Когда маршал произнес мое имя, мне сообщили, и я сейчас же объявил его умершим. Ланн ненавидел меня от всего сердца. Он назвал мое имя, как атеисты называют Бога, когда они подходят к моменту смерти. Когда Ланн меня назвал, я должен был считать его окончательно погибшим». (*Прим. автора*)

159

Я не прочь предположить, что этот случай мог содействовать развитию той болезни, жертвою которой стал Наполеон на острове Святой Елены. Я удивляюсь, что это предположение никогда не делалось. Хотя, с другой стороны, верно и то, что он неоднократно говорил мне об этой болезни как о наследственной в его роду. (*Прим. автора*)

160

В 1810 году ко мне обратилась г-жа Сталь с целью добиться у Наполеона через мое посредство разрешения жить в Париже. Всем известно, какое огромное значение придавала она этой милости, и мне незачем говорить здесь о мотивах, которыми она руководствовалась. У меня не было оснований принимать особое участие в ходатайстве г-жи Сталь, я знал к тому же, что моя протекция немногим ей поможет. Однако представился случай, когда я мог занять внимание Наполеона просьбой этой знаменитой женщины. «Я не хочу г-жи Сталь в Париже, – ответил Наполеон, – и имею для этого достаточные основания». Я ему ответил, что если бы это было и так, то не подлежит также сомнению, что, принимая подобные меры по отношению к женщине, он придает ей значение, которого она без этого, пожалуй, не имела бы. «Если бы г-жа Сталь, – ответил мне Наполеон, – стремилась быть или была бы роялисткой или республиканкой, я ничего не имел бы против нее, но она пружина, которая приводит в движение салоны. Только во Франции подобная женщина представляет опасность, и я этого не хочу». (*Прим. автора*)

161

Франческо Мельци, герцог Лодийский (1753–1816), – крупный помещик и политический деятель Италии конца XVIII в.

162

Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) – французский писатель и политический деятель.

163

Этьен-Дени Паскье (1767–1862) – французский политический деятель как времен империи, так и после реставрации.

164

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780–1831) – известный военный писатель, служивший в русской и прусской армиях.

165

Жюль Мишле (1798–1874) – французский историк и публицист.